

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

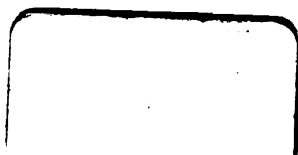
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919759 0

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

4375

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

1857.

14

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
655183 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1938 L

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

ИНСТИТУТЪ СТОЯ ВЪ ІЕНЪ.

Іена, 10-го августа.

Въ моемъ предыдущемъ письмѣ я коснулся положенія германской философіи въ наше время. Я упомянулъ о многихъ неутѣшительныхъ симптомахъ: о равнодушіи, о недобѣри большинства, о легкомысленной самонадѣянности, съ какою выступаютъ на сцену творцы новыхъ системъ, поборники безсмысленныхъ ученій, о трудностяхъ, съ которыми сопряжено оживленіе философскаго духа въ молодомъ поколѣніи. Но я коснулся этого предмета только съ одной стороны. Дѣйствительно, если судить по вавилонскому смѣшенію, господствующему на кафедрахъ и въ философской литературѣ, можно бояться за будущее развитіе мысли. Но совсѣмъ иначе представится намъ дѣло, если мы обратимъ вниманіе на другія области науки и жизни. Тутъ напрасно будемъ мы искать значительныхъ и прочныхъ слѣдовъ тѣхъ новыхъ ученій, которыя еще недавно такъ увлекали, такъ волновали умы. Иныя изъ нихъ совершенно исчезли съ политическими и соціальными стремленіями, придавшими имъ минутный блескъ своимъ сродствомъ; другія спокойно процвѣтаютъ въ умахъ своихъ творцовъ и немногихъ посвященныхъ, и тѣмъ ограничиваются. Но зато во всемъ, что имѣетъ жизнь и силу въ духовной жизни Германіи, вѣетъ живительный духъ той философіи, которая вошла въ плоть и кровь поколѣнія, родившагося въ началѣ нашего столѣтія. Если, по вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, художественная дѣятельность, проснувшаяся съ такою дивною силою въ Германіи наканунѣ блестящаго развитія философіи, уступила ей мѣсто и видимо ослабла, то никогда можетъ-быть не было такой дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ науки, никогда такого живаго участія массъ въ ея результатахъ. Законы природы, исторіи, искусства, перестали быть исключительною областію немногихъ мыслителей. Сродство всѣхъ явленій въ жизни природы и въ жизни человѣчества съ процессами нашего духа, хотя и не ясно, представляется всѣмъ умамъ и понуждаетъ ихъ къ знанію, къ расширенію горизонта, къ развитію. Этимъ потребностямъ соответствуетъ неслыханная доселѣ дѣятельность въ научной и критической литературѣ. Препрады между наукою и жизнью, между жизнью и искусствомъ пали навсегда. Сомнѣваться ли намъ, что такія стремленія, такая дѣятельность служатъ намъ залогомъ гармоническаго развитія общественныхъ и политическихъ отношеній въ будущемъ?

Но нигдѣ можетъ-быть стремленія и идеалы какого-либо общества не выражаются такъ полно и ярко, какъ въ его взглядахъ на воспита-

ніе. Со времянь Платона, каждый шагъ въ развитіи мысли быстро отзывался и въ идеяхъ о воспитаніи. Естественное желаніе отца осуществить въ сынѣ то, чего не могъ онъ осуществить въ собственной жизни, это желаніе существуетъ во всякомъ мыслящемъ поколѣніи относительно слѣдующаго, и находитъ выраженіе въ дѣятельности страстныхъ спеціалистовъ по части педагогики. Эта дѣятельность всегда интересный, многозначительный симптомъ. Такъ и теперь въ Германіи. Поэтому я считаю неизлишнимъ поговорить съ вами объ одномъ такомъ спеціалистѣ, посвятившемъ себя съ рѣдкою любовью и энергіей дѣлу воспитанія. Тѣ идеи и убѣжденія, которыя выражаются въ устройствѣ его заведенія и въ его методѣ воспитанія, придаютъ особенный интересъ его трудамъ. Не менѣе интересны тѣ средства къ осуществленію его педагогическихъ убѣжденій, которыя внушило ему его рѣдкое практическое знаніе, его неусыпное исканіе истиннаго пути.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ нравственными и умственными требованіями нашего времени, согласится, что вопросъ о воспитаніи въ наше время требуетъ рѣшенія болѣе сложнаго, болѣе многосторонняго, чѣмъ когда-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, теперь нѣтъ болѣе рѣчи о возстановленіи отвлеченнаго, идеальнаго человѣка, о которомъ мечталъ Руссо; мы знаемъ, что его Эмиль могъ бы быть гражданиномъ небывалаго общества, основаннаго на договорѣ, но не на исторической дѣйствительности. Съ другой же стороны, каждому ясно, что воспитаніе, разсчитанное исключительно на узкую сферу мѣстныхъ и временныхъ потребностей, заглушаетъ врожденную человѣку способность развитія, погружаетъ его въ самодовольную косность. Гдѣ же средній путь между этими крайностями? До какой степени воспитаніе должно быть національно и современно, до какой степени долженъ быть развитъ въ немъ элементъ общечеловѣческой, вѣчный? Не менѣе затруднительна другая, капитальная задача воспитанія. Никто въ наше время не сомнѣвается, что всякая индивидуальность имѣетъ полное право на самобытное развитіе, что подведеніе всѣхъ личностей подъ неизмѣнный уровень — нестерпимое насиліе. Но кто не ужасался при видѣ страшнаго развитія, до котораго дошелъ въ наше время индивидуализмъ! Гдѣ же истинная, законная граница этому стремленію, гдѣ средства удержать его развитіе въ должныхъ предѣлахъ, не насилуя природы ребенка?

Теоретическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ легко. Единственное спасеніе отъ ложнаго идеализма, не уживающагося съ исторически-необходимыми формами дѣйствительности, и ищущаго простора въ небываломъ, отвлеченномъ порядкѣ вещей, есть изученіе дѣйствительности, ея историческихъ условий, познаніе разумной необходимости, господствующей въ ней. Единственное спасеніе отъ

тупаго квіетизма есть столь же глубокое познаніе необходимости прогресса, всестороннее развитіе духа, возбужденіе той вѣры въ божественное назначеніе человѣчества, того энтузіазма, который даетъ силу превозмогать трудности пути въ надеждѣ на цѣль, который не боится великихъ жертвъ для малаго шага впередъ, потому что онъ знаетъ, что изъ такихъ малыхъ шаговъ, купленныхъ огромными трудами, состоитъ все развитіе человѣчества. Нѣтъ спасенія безъ признанія правъ современной и національной дѣйствительности, нѣтъ спасенія безъ сознанія, что она только путь, хотя и необходимый, къ высшему единому развитію, что ея противорѣчій нельзя обойти, но нужно разрѣшить ихъ въ потѣ лица своего.

Съ другой стороны ясно, что каждое внѣшнее, искусственное ограниченіе личнаго развитія, какъ бы это ограниченіе ни было нужно, даже необходимо по постороннимъ соображеніямъ, не можетъ принести дѣйствительной пользы въ воспитаніи, что единственный нравственный и плодотворный способъ ограниченія личности есть *самоограниченіе*, что самоограниченію надобно учить дѣтей для ихъ блага и блага общества.

Но какъ рѣшить эти вопросы практически? Какъ создать, на основаніи этихъ началъ, систему воспитанія, вполне ихъ осуществляющую? Педагогическій институтъ Стоя есть опытъ такого рѣшенія, и опытъ во многихъ отношеніяхъ удачный. Позвольте мнѣ поговорить съ вами подробно объ этомъ заведеніи.

Стой съ 1843 года профессоромъ при Іенскомъ университетѣ, и читаетъ попеременно педагогику, психологію и логику. Въ 1844 году онъ принялъ на себя управленіе частнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое съ тѣхъ поръ быстро растетъ и развивается. Въ 1853 году выстроены большой, удобный и изящный домъ для помѣщенія института, и въ немъ теперь считается 80 пансіонеровъ и столько же приходящихъ воспитанниковъ.

Чтобы дать вамъ понятіе объ организаціи школы, я сперва разкажу вамъ объ ея внутренней администраціи и о средствахъ нравственнаго воспитанія; потомъ перейду къ системѣ ученія.

Семья—такъ Стой называетъ свою школу, и, какъ вы увидите, это не фраза—состоитъ изъ самого директора, его жены, восьми учителей, которые всѣ живутъ въ домѣ и восьмидесяти пансіонеровъ. Каждый изъ учителей (въ томъ числѣ и директоръ) имѣетъ подъ своимъ спеціальнымъ надзоромъ *комнату*, то—есть группу изъ восьми до десяти учениковъ. Причисленіе вновь поступающаго ученика къ извѣстной комнатѣ происходитъ слѣдующимъ образомъ: Новый ученикъ первыя шесть недѣль, или болѣе, проводитъ въ качествѣ гостя въ комнатѣ директора, и потомъ, по его благоусмотрѣнію, остается въ ней или переводится въ другую. При этомъ принимаются въ расчетъ личныя симпатіи ребенка, его возрастъ и характеръ, его на-

клонность къ тому или другому роду занятія. Каждая комната имѣетъ свое отдѣленіе въ дортуарѣ, обѣдаетъ за однимъ столомъ, гуляетъ отдѣльно, имѣетъ свой общій капиталецъ, свой общій участокъ въ виноградникѣ профессора Стоя, и виноградникъ этотъ обрабатывается по усмотрѣнію маленькаго общества. Каждое утро, передъ началомъ учебнаго дня, всѣ учителя собираются въ кабинетѣ директора, и каждый долженъ отдать краткій отчетъ въ поведеніи каждаго изъ вѣренныхъ ему учениковъ. Въ концѣ каждой недѣли происходитъ длинная конференція о томъ же предметѣ; тутъ подробно обсуживаются тѣ мѣры, которыхъ требуетъ характеръ и предварительное развитіе каждаго ученика. Кроме того, въ теченіе каждаго полугодія, учителя обязаны представить письменно подробную характеристику каждаго изъ своихъ спеціальныхъ воспитанниковъ, и эти документы хранятся для справокъ и для сравненія. Чтобъ еще болѣе ознакомиться съ индивидуальностію каждаго изъ учениковъ, самъ директоръ даетъ уроки во всѣхъ классахъ. Благодаря этимъ средствамъ, директоръ и каждый изъ учителей близко знакомы съ личностію каждаго ребенка, и между воспитателями и воспитанниками завязываются тѣ дружескія, человѣческія отношенія, которыя составляютъ первое условіе успѣшнаго воспитанія. Стой обратилъ особенное вниманіе на этотъ важный пунктъ. Его собственный примѣръ, строгій выборъ учителей между людьми, дѣйствительно проникнутыми любовью къ дѣлу воспитанія, вся организація школы способствуетъ сближенію учителей съ учениками.

Въ высшей степени важны въ этомъ отношеніи средства для сохраненія порядка въ школѣ, мѣры предупредительныя и исправительныя. На первыя, разумѣется, обращено особенное вниманіе. Главная и самая дѣйствительная изъ нихъ—многостороннія средства къ занятію дѣтей въ свободные часы. Обширныя мастерскія, наполненныя токарными станками и всѣми приборами для различныхъ рукодѣлій, химическая лабораторія, коллекціи по части естественныхъ наукъ, музыкальныя упражненія, устроенныя въ большихъ размѣрахъ, все это при своей доступности и при постоянномъ поощреніи и участіи со стороны учителей, совершенно поглощаетъ дѣятельность большей части учениковъ, и не даетъ имъ времени думать о шалостяхъ. Другая предупредительная мѣра, не менѣе важная, есть большая свобода во всемъ, что не заключаетъ въ себѣ положительнаго зла, отсутствіе всякаго формализма, раздражающаго подвижную натуру ребенка и заставляющаго его смотрѣть на всѣ распоряженія старшихъ какъ на произвольное стѣсненіе его дѣятельности. Происходящая отъ этого рѣдкость наказаній придаетъ имъ важность и дѣйствительность, о которой нельзя себѣ составить понятія, если судить по школамъ, гдѣ весь порядокъ держится на побудительныхъ мѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, натура ребенка такъ нѣжна и воспримчива, что она

становится равнодушна къ наказаніямъ только вслѣдствіе притупленія безсмысленно насильственными средствами. Самымъ лучшимъ примѣромъ тому служить описываемый мною институтъ, гдѣ, вслѣдствіе многолѣтнихъ усилій директора, удалось исключить почти всѣ наказанія, — я говорю: почти, потому что при всѣхъ стараніяхъ нельзя избѣгнуть ихъ въ исключительныхъ случаяхъ, необходимо представляющихся въ школѣ, составленной изъ дѣтей самаго разнообразнаго домашняго воспитанія. Но обо всѣхъ тѣхъ исправительныхъ средствахъ, которыя приняты въ обыкновенныхъ школахъ, какъ постоянныя гигиеническія мѣры, тутъ нѣтъ и помину. Такъ, напримѣръ, сидѣніе въ классѣ послѣ урока, въ случаѣ неисполненія заданной работы, совершенно отмѣнено. Опытъ доказалъ, что отъ такой мѣры страдаетъ здоровье ребенка, и не выигрываетъ его прилежаніе. Вмѣсто того употребляется самое простое средство: ребенокъ призывается послѣ урока, и у него спрашиваютъ, къ какому сроку онъ можетъ приготовить упущенное? Ребенокъ самъ назначаетъ срокъ, къ которому онъ обѣщаетъ поправить упущеніе, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не исполняетъ своего обѣщанія. Благодаря этой системѣ и рациональному методу ученія, о которомъ послѣ, исправительныя мѣры за лѣность неизвѣстны въ институтѣ. Что касается до почти-тельности и послушанія къ старшимъ, то тутъ лучшая гарантія — дружескія отношенія между воспитанниками и учителями. Труднѣе найти такой регулятивъ для отношеній дѣтей между собою. Тутъ природная страстность ребенка, присутствіе цѣлой толпы, которой легко сообщаются всѣ душевныя движенія отдѣльной личности, часто могутъ вести къ борьбѣ, къ несправедливости. Но и тутъ найдено средство, самое лучшее, потому что оно самое естественное. По моему мнѣнію, полный успѣхъ этого средства въ институтѣ Стоя есть важный шагъ въ педагогической практикѣ. Состоитъ оно въ слѣдующемъ: вездѣ, гдѣ дѣти сходятся толпою, при гимнастическихъ упражненіяхъ, при общественныхъ играхъ, при работахъ въ саду, они подвержены извѣстнымъ правиламъ, охраняющимъ права личности и определяющимъ ея общественныя обязанности. Но не надзиратели смотрятъ за исполненіемъ этихъ правилъ. Для этого дѣти выбираютъ изъ своей среды особыхъ начальниковъ, и, въ случаѣ надобности, цѣлый судъ для разсмотрѣнія спорныхъ казусовъ. Рѣшенія этого суда пользуются безграничнымъ уваженіемъ. Разумѣется, за его дѣятельностію наблюдаютъ надзиратели, въ избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій, которыя впрочемъ почти никогда не случаются. Опытъ доказалъ, что имъ обыкновенно приходится только смягчать наказанія, назначаемыя этимъ неумолимымъ трибуналомъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ шумномъ народѣ не только сохраняется порядокъ, но и развивается то уваженіе къ законной власти, которое часто навсегда утрачивается въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ эта власть является ребенку въ видѣ грубаго произвола.

Эта организація придаетъ институту Стоя особенный характеръ. Посѣтитель сперва пораженъ шумомъ и движеніемъ, происходящимъ вокругъ него: никакой правильности, никакого вышшняго порядка. Но когда онъ всмотрится въ этотъ маленькій міръ, кипящій жизнью и дѣятельностію, его еще болѣе поражаетъ прочность внутренняго порядка, кроющагося подъ видимымъ произволомъ, простота и дружелюбность въ отношеніяхъ дѣтей между собою и къ своимъ надзирателямъ, свобода и жаръ, съ которыми производятся всѣ работы. Недавно одинъ папенька, осматривая институтъ съ намѣреніемъ помѣстить туда своихъ дѣтей, съ ужасомъ увидѣлъ свободное обращеніе воспитанниковъ съ учителями, громкіе разговоры и даже споры между ними, и спросилъ у Стоя: «Что же вы дѣлаете, когда кто-нибудь изъ учениковъ нагрубить учителю?»—Этого никогда не бываетъ, отвѣчалъ профессоръ, и онъ имѣлъ право такъ отвѣчать.

Перехожу къ разсмотрѣнію учебнаго метода въ институтѣ Стоя, къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыми онъ старается рѣшить, сообразно рациональному взгляду на образованіе, эту вторую, запутанную половину вопроса о воспитаніи.

Задача образованія распадается на два важные вопроса: чему учить дѣтей, и какъ ихъ учить? Только разрѣшивъ первый вопросъ, можно оцѣнить всю трудность послѣдняго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время вопросъ о томъ, чему нужно учить дѣтей? при добросовѣстномъ разсмотрѣніи, не можетъ допускать разныхъ рѣшеній. Превосходство реалистическаго или гуманистическаго образованія можно защищать въ виду мѣстныхъ и временныхъ выгодъ, но не въ отношеніи къ духовному развитію ученика. Нѣтъ сомнѣнія, что только тотъ на пути къ истинному развитію, кому равно доступно пониманіе законовъ природы и законовъ человѣческаго духа, кому открыта возможность постичь единство того и другаго. Какой добросовѣтный педагогъ захочетъ обречь своего ученика на вѣчную односторонность, на вѣчное непониманіе окружающаго его міра, умышленно и исключительно обращая все его вниманіе на одну только половину этого міра, посредствомъ исключительно гуманистическаго или реалистическаго образованія? Какія вышнія соображенія и расчеты могутъ служить перевѣсомъ такой внутренней необходимости полнаго образованія? Итакъ нѣтъ спора, что для рациональнаго образованія въ равной степени необходимы, съ одной стороны изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, съ другой—естественныхъ наукъ въ обширномъ смыслѣ слова, и наконецъ исторіи, этой живой связи всѣхъ наукъ для начинающихъ, этой совокупности всего знанія для знающихъ. Поэтому всегдашнимъ стараніемъ Стоя было уменьшеніе вынужденнаго вышними обстоятельствами расщепленія его института въ верхнихъ классахъ на реальную школу и гимназію. Ему удалось исполнить это отчасти, такъ что въ

его заведенія ребенокъ не прежде пятнадцатаго года избираетъ одну изъ этихъ двухъ дорогъ, да и тутъ большая часть занятій остаются общими для обоихъ отдѣленій школы. Но упомянутыми изми отраслями знанія еще не исчерпаны всѣ области дѣятельности человѣческаго духа; ихъ преподаваніемъ не исчерпаны всѣ обязанности школы относительно ребенка. Неужели ему будетъ закрытъ міръ искусства, міръ, созданный человѣческимъ духомъ? Неужели дать въ немъ заглухнуть самой законной, самой высокой потребности человѣческой природы? И наконецъ, не лежитъ ли на школѣ обязанность развить и направить въ ребенкѣ самую глубокую способность человѣческаго духа, способность любви, вѣры и энтузіазма? Не лежитъ ли на ней трудная и святая обязанность дать ему религіозное образование?

Но, увы! программа уроковъ, составленная сообразно изложеннымъ требованіямъ, принимаетъ огромные размѣры. Занимать дѣтей уроками часовъ по девяти, по десяти въ день, варварство непростительное, потому что оно ни къ чему не ведетъ. Здоровье ребенка слабѣетъ, его умственныя способности притупляются или изощряются только на запоминаніе словъ и вѣшнихъ знаковъ. Опытъ доказалъ, что въ заведеніяхъ, гдѣ учатъ ребенка всему, онъ обыкновенно ничему не выучивается, между тѣмъ какъ изъ реальныхъ школъ и гимназій выходятъ по крайней мѣрѣ молодые люди, выучившіеся математикѣ и латинскому языку. Такъ неужели довольствоваться этими неполными результатами и предоставлять дополненіе образованія случайностямъ жизни? Неужели вѣтъ средства развить ребенка сообразно требованіямъ разума, не напрягая его умственныхъ способностей сверхъ силъ, не подвергая опасности его здоровья?

Такое средство конечно существуетъ. Никто не вздумаетъ утверждать, что невозможно развить ребенка сообразно потребностямъ, лежащимъ въ основаніи человѣческой природы. Но задача безконечно трудна, не только потому, что трудно исполнить выработать рациональный методъ ученія, а также и потому, что приложеніе такого метода не такое дѣло, которому можно удѣлить опредѣленный часъ дня, въ остальное же время оставлять въ сторонѣ, а такое, которому добросовѣстный воспитатель долженъ посвятить всю жизнь, да и того мало.

Посмотримъ, каково понятіе Стоя о такомъ методѣ, и какъ онъ прилагаетъ его къ дѣлу воспитанія.

Главныя основы рациональнаго ученія, по мнѣнію Стоя, во первыхъ основательная постепенность, вовторыхъ постоянная, живая связь между различными дисциплинами.

Каждый, кто имѣлъ случай наблюдать за дѣтьми и помнить собственное дѣтство, пойметъ важность перваго пункта. Сколько времени теряется, сколько свѣжихъ умственныхъ силъ притупляется

отъ несчастной легкости, съ которою дѣти запоминаютъ имена и формулы, не связывая съ ними никакого яснаго представленія! Какъ легко учителя удовлетворяются бойко-заученнымъ урокомъ, насколько не заботясь о томъ, соединяется ли въ умѣ ребенка хоть какое-нибудь понятіе съ затверженными словами, или онъ ихъ запоминаетъ только по тому, на которой страницѣ книги или тетради они находятся! И все далѣе ведетъ учитель свое ученіе на основаніи того, что будто бы извѣстно ребенку, и все болѣе привыкаетъ ребенокъ къ мнемонической гимнастикѣ и умственной лѣнн. Когда же въ немъ проснется потребность самостоятельнаго знанія, онъ принужденъ за все приняться сначала, а между тѣмъ приближается конецъ его учебнаго времени, ему некогда, и онъ выходитъ въ жизнь съ отрывочными свѣдѣніями, которыхъ связь ему темна, которыхъ развитіе ему невозможно.

Что касается до втораго пункта, то его значеніе не менѣе бросается въ глаза. Какъ не внести въ дѣло образованія того единаго свѣта, которымъ озарились въ наше время всѣ разнообразныя отрасли науки? Недаромъ исторія научила насъ логикѣ, недаромъ наблюденіе ежедневно доказываетъ намъ безконечное могущество математическаго мышленія. Вотъ силы, которыя нужно развивать въ ребенкѣ, чтобъ онъ совладалъ съ массою необходимыхъ знаній; вотъ органы, которыми онъ охватитъ и сгруппируетъ въ своемъ умѣ тѣ разнообразныя факты, которые безъ того только отяготили бы его память.

Обратимся теперь къ практикѣ, введенной въ занимающемъ насъ институтѣ для осуществленія такого учебнаго метода.

Между воспитанниками профессора Стоя есть дѣти не старше пяти лѣтъ, не умѣющія еще читать, и находящіяся подъ надзоромъ его жены. Какъ всѣ добросовѣстные педагоги, профессоръ Стоя убѣдился на практикѣ въ совершенной бесполезности слишкомъ ранняго ученія дѣтей, въ непрочности школьныхъ свѣдѣній, привитыхъ къ неразвившемуся уму. Но съ другой стороны, онъ обратилъ особенное вниманіе на умственную дѣятельность дѣтей именно въ этотъ ранній періодъ, гдѣ она такъ изумительно-жива и такъ часто принимаетъ совершенно-превратное направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, пробуждающіяся силы человѣческаго сознанія такъ жадно требуютъ пищи и занятія, что оно не можетъ оставаться пустымъ и празднымъ. Тутъ — то необходимо давать ему разнообразную, но здоровую пищу. Умственные процессы въ ребенкѣ такъ быстры, что если не дать имъ болѣе обширнаго поля, они способны создать цѣлый міръ изъ незначущихъ предметовъ, окружающихъ его, изъ случайно-сказанныхъ при немъ словъ, изъ узоровъ на стѣнѣ комнаты, изъ звуковъ, которые онъ слышитъ по ночамъ. Кто не имѣлъ случая наблюдать, въ нашемъ неестественномъ город-

скомъ быту, при воспитаніи, предоставленномъ нянькамъ и служанкамъ, такія болѣзненно-одностороннія развитія, такую изумительную работу дѣтскихъ головокъ надъ скуднымъ матеріаломъ, доступнымъ ихъ созерцанію? Кто, читая романы Диккенса, не содрогался при мастерскихъ описаніяхъ такихъ душевныхъ состояній? Трижды счастливы дѣти, выросшія въ деревенскомъ просторѣ, а не въ душной дѣтской, въ обществѣ разумныхъ родителей, а не безсознательныхъ слугъ! Каждое изъ первыхъ, свѣжихъ впечатлѣній дѣтства служить къ обогащенію, къ укрѣпленію ихъ развивающагося разума, между тѣмъ какъ въ тѣснотѣ искусственнаго быта оно только еще болѣе запутываетъ хаотическую вереницу грезъ и мечтаній, смѣняющихся въ подвижномъ воображеніи ребенка.

Поэтому-то это малолѣтнее отдѣленіе института находится, когда это только возможно, въ саду заведенія или выходитъ изъ него на прогулку за городъ. Но и тутъ маленькіе перипатетики, какъ ихъ въ шутку прозвалъ Стой, не предоставлены сами себѣ. На всякое явленіе въ природѣ, легко врѣзывающееся въ память, обращаютъ ихъ вниманіе: на мѣсто, гдѣ заходятъ и всходятъ солнце и луна, на движеніе облаковъ, на прилетъ и отлетъ птицъ, на цвѣтеніе замѣчательныхъ растений. Обо всемъ этомъ, и вообще обо всемъ, что доступно ихъ наблюденію и привлекаетъ ихъ вниманіе, говорятъ съ дѣтьми и еще болѣе заставляютъ ихъ самихъ говорить, чтобы узнать, какъ укладывается въ ихъ умѣ все видѣнное, и въ случаѣ надобности навести ихъ на болѣе ясное пониманіе. Первый урокъ маленькимъ воспитанникамъ—изустные разказы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, съ помощію картинокъ, строго выбранныхъ въ отношеніи къ понятности и правильности рисунка. Этотъ послѣдній пунктъ, какъ мнѣ кажется, важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Дѣтямъ даютъ въ руки кой-какія картинки, кой-какія игрушки, не думая о томъ, что для ребенка каждая игрушка, каждая картинка—событіе, глубоко-врѣзывающееся въ память, возбуждающее въ его умѣ цѣлый міръ представлений. Въ этомъ отношеніи нельзя не похвалить всего внутренняго устройства заведенія: строгіе и простые орнаменты въ готическомъ стилѣ, гравюры съ классическихъ картинъ и гипсовые слѣпки съ хорошихъ барельефовъ, вотъ все, что дѣти видятъ на стѣнахъ общихъ залъ и дортуаровъ.

Я упомянулъ объ игрушкахъ. И на нихъ, какъ и на игры вообще, обратилъ вниманіе профессоръ. Роскошныя и сложныя игрушки, не побуждающія ребенка къ другому труду, какъ только къ тому, чтобы разбить ихъ, и дѣлающія его взыскательнымъ къ игрушкамъ вообще, вовсе не допускаются въ институтъ. Болѣе всего въ ходу игрушки, дающія только матеріалъ для дѣятельности ребенка, мячики и волчки, кирпичики и деревяшки. Эта послѣдняя игрушка, по справедливости, можетъ быть названа классическою. Куча деревяшекъ различной

величины, имѣющихъ между собою опредѣленные геометрическія отношенія, представляетъ ребенку безконечное поле дѣятельности; онъ пріобрѣтаетъ глазомеръ и ясное пониманіе геометрическихъ формъ, даже имѣетъ случай развивать изобрѣтательность и вкусъ при сооруженіи своихъ шаткихъ построекъ. Наравнѣ съ играми, развивающими тѣлесную силу и ловкость ребенка, поощряются въ институтѣ всѣ общественныя игры, въ которыхъ дѣти имѣютъ случай дѣйствовать дружно, по общему плану.

Но проходитъ время перваго дѣтства. Ребенокъ научается читать; ему пора приняться за изученіе ариметики, исторіи, географіи, языковъ. Въ преподаваніи всѣхъ этихъ наукъ слѣдуютъ общему методу, характеризованному выше, то-есть идутъ медленно, шагъ за шагомъ, постоянно удостовѣряясь въ томъ, что ребенку совершенно ясно все предыдущее, постоянно возбуждая его къ самобытной дѣятельности, не къ буквальному запоминанію результатовъ. Объемъ письма не позволяетъ мнѣ входить въ подробное разсмотрѣніе частныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при преподаваніи каждой науки, но вы мнѣ позволите разказать вамъ для примѣра, какъ приступаютъ къ преподаванію географіи.

Прежде всего даютъ ученикамъ въ руки подробный планъ города Іены, и стираются, чтобы они составили себѣ ясное понятіе о соотношеніи плана съ дѣйствительностію. Послѣ того дѣти, подъ руководствомъ старшаго товарища, сами принимаются рисовать такой планъ, сами измѣряютъ длину улицъ, углы, и т. д. Потомъ переходятъ къ изученію подробной карты окрестностей Іены, при чемъ производятся безпрестанныя экскурсіи по изученнымъ мѣстностямъ. Характеръ этихъ мѣстностей, необыкновенное разнообразіе горныхъ уступовъ и развѣтвленій, богатство рудниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, соединяющихся между собою и съ Заалою, придаютъ этому изученію особенный интересъ. Такимъ образомъ дѣти съ самаго начала пріобрѣтаютъ совершенно ясное понятіе обо всѣхъ картографическихъ знакахъ, и изучаютъ рѣчной бассейнъ, который при своемъ маломъ объемѣ и характеристическомъ развитіи даетъ ясное понятіе объ образованіи рѣкъ, объ ихъ отношеніи къ горнымъ массамъ, даже о группированіи человѣческихъ жилищъ въ деревни, мѣстечки и города, сообразно характеру мѣстности.

Облегченное такими прочными основаніями, ученіе идетъ далѣе и осложняется. Къ латинскому и французскому языку присоединяются англійскій и греческій; изученіе исторіи и географіи съ одной стороны, съ другой занятія математикою, физикою, химіею и прочими естественными науками, наконецъ изученіе религіи принимаютъ все болѣе серіозный характеръ.

Тутъ-то именно, при постоянномъ осложненіи предметовъ занятія, является необходимость ясно выставить передъ учениками

живую связь всѣхъ отраслей званія между собою, единство законовъ, управляющихъ міромъ физическимъ и духовнымъ. Тутъ приходится давать преподаванію ту цѣлость и единство, которое всякій мыслящій человекъ видитъ въ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Тутъ нѣтъ спасенія безъ дружной, взаимно-дополняющейся дѣятельности всѣхъ преподавателей. Тутъ изученіе исторіи начинается опираться на географію и естественныя науки, облегчаться и оживляться знакомствомъ съ различными языками и литературами, съ развитіемъ искусствъ и промышленности, и каждое изъ этихъ отдѣльныхъ ученій развивается въ стройномъ, исторически-логическомъ порядкѣ. Тутъ передъ глазами ученика начинается связь всѣхъ явленій неодушевленного міра, неумолимая логика управляющихъ ими математическихъ законовъ. Наконецъ, въ изученіи развитія въ природѣ, будь это развитіе всякаго отдѣльнаго существа, или развитіе всего земнаго міра въ продолженіи геологическихъ эпохъ, передъ нимъ является та же законная связь, которая выяснилась для него въ исторіи человѣчества, въ исторіи всякаго развитія.

Не менѣе важенъ въ отношеніи ко всестороннему образованію способъ употребленія вакаціоннаго времени. Осеннія вакаціи продолжаются шесть недѣль. Въ это время, вся школа раздѣляется на четыре группы по возрастамъ, и каждая группа съ тремя учителями отправляется путешествовать. Младшая группа отправляется въ Тюрингеръ-Вальдъ; слѣдующая, на Гарцъ; третья, въ Фихтельгебирге или въ Ризенгебирге; старшая, съ самимъ профессоромъ, въ Тироль и Швейцарію. Въ продолженіе лѣта, каждое отдѣленіе спеціально изучаетъ географію назначенной ему мѣстности, рисуетъ ея карту, знакомится съ ея исторіею, съ ея геологическимъ характеромъ, съ ея флорою и фауною. Учителямъ вѣняется въ обязанность впередъ серьезно изучить все, что должно встрѣтиться на пути. Одинъ долженъ заняться естественною исторіею избранной полосы, другой принимается за изученіе интересныхъ памятниковъ, мѣстныхъ преданій, и т. д. Такимъ образомъ приготовленное, каждое общество пускается въ путь, гдѣ нужно, по желѣзнымъ дорогамъ, большею же частію пѣшкомъ. Нечего говорить, сколько живыхъ наслажденій эти путешествія доставляютъ молодымъ людямъ, сколько живаго знанія пріобрѣтаютъ они, подъ руководствомъ мыслящихъ людей, на этихъ походахъ среди роскошной природы, на богато-исторической почвѣ, гдѣ что шагъ, то воспоминаніе, связанное съ характеристическимъ памятникомъ. Такъ, и только такъ, можно дать почувствовать ученикамъ всю прелесть изученія природы и исторіи, пробудить въ ихъ душахъ тѣ созвучныя имъ струны, которыя, разъ проснувшись въ человѣкѣ, остаются чуткими навсегда, и служатъ залогомъ богатаго развитія.

Остается мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о важномъ и трудномъ пунктѣ, о религиозномъ воспитаніи. Не стану распространяться о способѣ преподаванія закона Божія, о характерѣ религиозныхъ поученій, которыя дѣти слышатъ въ доашней часовнѣ Стоя. При всей моей личной симпатіи къ этой части преподаванія въ институтѣ, я за недостаткомъ свѣдѣній по этому предмету вообще, не берусь о немъ говорить. Но не могу не упомянуть о томъ живомъ религиозномъ духѣ, который вѣетъ въ преподаваніи всѣхъ наукъ, и который, конечно, важнѣе всякаго догматическаго ученія. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, профессоръ Стой указываетъ на изученіе исторіи и языковъ какъ на первыя средства, чтобы сдѣлать изъ дѣтей истинныхъ христіанъ. Онъ убѣжденъ, что нельзя, углубившись въ изученіе исторіи, не вынести изъ него вѣры въ постепенное осуществленіе царства Божія на землѣ, что нельзя, знакомясь посредствомъ языковъ съ сущностію чуждыхъ народовъ, не узнать въ нихъ братьевъ и не полюбить ихъ. Понятно, что гдѣ преподаватели проникнуты такими религиозными воззрѣніями, преподаваніе каждой науки должно прививать ихъ и къ ученикамъ.

Я уже упомянулъ о вниманіи, которое Стой посвятилъ эстетическому образованію своихъ воспитанниковъ. Пѣніе и вообще занятія музыкою процвѣтаютъ въ институтѣ. Изъ учениковъ составилса очень порядочный оркестръ; поютъ всѣ безъ исключенія. Строгий выборъ піесъ (преимущественно исполняютъ музыку Баха, Гайдна, Моцарта, Мендельсона) рано развиваетъ вкусъ дѣтей, и оставляетъ имъ на всю жизнь драгоценную способность понимать произведенія великихъ мастеровъ и наслаждаться ими. Не менѣе тщательно преподается рисованіе. И тутъ стараются по возможности развивать природныя дарованія и вкусъ ребенка посредствомъ рисованія съ натуры и посильнаго знакомства, черезъ гравюры и слѣпки, съ классическими произведеніями искусства.

Можно было бы опасаться, что при такой обширной программѣ предметовъ ученія, дѣти будутъ слишкомъ обременены уроками въ ущербъ ихъ здоровью; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Впервыхъ, число ежедневныхъ уроковъ значительно уменьшается отъ рациональнаго метода ученія; вторыхъ, обращено особенное вниманіе на гигиеническое воспитаніе учениковъ. Ежедневныя гимнастическія упражненія въ продолженіе всего года и ежедневное купанье лѣтомъ, работы въ саду и прогулки поддерживаютъ въ воспитанникахъ института замѣчательную бодрость и здоровье, поражающія при первомъ взглядѣ.

Не хочу окончить своего письма, не упомянувъ о другомъ заведеніи, быстро развивающемся въ Іенѣ, также подъ руководствомъ профессора Стоя. Это — педагогическая семинарія, соединенная съ народною школой. Въ члены педагогической семинаріи принимается

каждый желающій изъ молодыхъ людей, окончившихъ университетскій курсъ и посвящающихъ себя духовному или учебному поприщу. Въ народной школѣ, посѣщаемой сотнею изъ бѣднѣйшихъ дѣтей въ городѣ, эти молодые люди находятъ самый лучший случай къ упражненію въ педагогической дѣятельности, подъ руководствомъ опытнаго директора. При школѣ находится обширный садъ, обрабатываемый дѣтьми въ ихъ собственную пользу. Молодые преподаватели служатъ вмѣстѣ съ надзирателями, какъ и въ институтѣ, и смотрятъ поочередно за работами и играми. Это заведеніе приноситъ большую пользу бѣднымъ дѣтямъ города, не имѣющимъ дома ни малѣйшихъ средствъ къ воспитанію. Тутъ они не только обучаются всѣмъ необходимымъ элементамъ наукъ, но и приходятъ въ ежедневное, соприкосновеніе съ людьми образованными, которые съ истинною любовью занимаются дѣломъ воспитанія. Но можетъ-быть еще болѣе пользы приноситъ заведеніе молодымъ преподавателямъ. Поучительныя трудности педагогической практики надъ толпою дѣтей, не получившихъ никакого предварительнаго образованія, въ заведеніи, гдѣ такъ твердо держатся началъ гуманнаго, по возможности семейнаго воспитанія, конечно, лучшее приготовленіе къ обширному педагогическому поприщу. Это заведеніе—предметъ особенной любви и попеченій профессора Стоя; въ нынѣшнемъ году онъ выстроилъ для него, на свой счетъ, новый обширный домъ. Благодаря его усиліямъ, оно принесло уже почтенные результаты. Болѣе трехсотъ молодыхъ людей разослало оно по всей Германіи, людей, вооруженныхъ знаніемъ и терпѣливостью, добытою опытомъ. Такимъ образомъ, дѣятельность профессора Стоя не ограничивается Іеною, а посредствомъ этого разсадника распространяетъ и вдалѣ благодѣянія рациональнаго, добросовѣстнаго метода воспитанія.

Ограничиваюсь на сей разъ этимъ, и оставляю до будущаго письма то, что я хотѣлъ сказать вамъ о Веймарѣ.

С. Рачинскій.

Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ Рижскомъ архивѣ К. Э. Напьерскимъ и изданы Археографическою Коммиссіей. Спб. 1857.

Въ первый еще разъ наши древніе памятники являются въ такомъ роскошномъ видѣ, какъ въ новомъ изданіи Археографической Коммиссіи, заглавіе котораго мы выписали. Прежнія изданія коммиссіи были чрезвычайно просты; лучшимъ изданіемъ актовъ до сихъ поръ было «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ»

графа Румянцева. Но въ румянцевскомъ изданіи были приложены только снимки съ печатей и подписей; а въ новомъ изданіи Археологической Комиссіи приложены снимки цѣлыхъ актовъ (8 литографированныхъ листовъ) съ тою вѣрностію и роскошью, какая только возможна для современнаго искусства. Такое изданіе имѣетъ цѣлью не только удовольствіе любителей, но и пользу для филологовъ и археологовъ. Для историковъ и юристовъ, которымъ важно содержаніе актовъ, а не начертаній древнихъ буквъ, такое изданіе не представляетъ большой важности; поэтому жаль что комиссія не напечатала этихъ актовъ въ такомъ видѣ, какъ печатала прежде, потому что настоящее роскошное изданіе девяти актовъ (всего нѣсколько страницъ обыкновенной печати) стоитъ столько же, сколько два огромныхъ тома «Историческихъ Актовъ». Предоставляемъ филологамъ оцѣнить важность новаго изданіи, для ихъ науки, съ своей же стороны представляемъ ихъ оцѣнку въ историко-юридическомъ отношеніи. Въ разбираемомъ нами изданіи помѣщено, какъ мы сказали, девять грамотъ: 1) Договоръ великаго князя Александра Невского и Новгородцевъ съ Нѣмцами (1257—59 г.) и прибавленіе къ нему—договоръ князя Ярослава Владиміровича (1195 г.); 2) Договоръ съ Ливонскимъ орденомъ полоцкаго князя Гердена (1264 г.) и прибавленіе къ нему—грамота полоцкаго князя Изяслава ливонскому гермейстеру и Рижанамъ о свободной торговлѣ (1265 г.); 3) Грамота рижскаго архіепископа къ великому князю Феодору Ростиславичу Смоленскому (1297 г.); 4) Правая грамота смоленскаго великаго князя по судному дѣлу о колоколѣ (1284 г.); 5) Грамота великаго князя Андрея Александровича къ мужамъ датскаго короля (1294—1304 г.); 6) Грамота полоцкаго епископа Іакова Рижанамъ (1300 г.); 7) торговый договоръ Полоцка съ Ригюю; 8) Грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича къ Рижанамъ (1300 г.); 9) Грамота великаго князя Андрея Александровича Рижанамъ (1301 г.).

Изъ этихъ актовъ нѣкоторые не представляютъ большого интереса; таковы № 3, грамота рижскаго архіепископа, въ которой онъ проситъ князя Феодора не вѣрить обвиненію, что Рижане убили русскаго купца, № 5 — извѣщеніе князя Андрея Александровича мужамъ датскаго короля въ Ревелѣ, что онъ, въ отвѣтъ на ихъ посольство, посыдалъ къ нимъ для заключенія договора, отъ себя и отъ всего Новгорода, сына своего Владиміра и бояръ Кузьму и Илью: «что имуть молвити послы великаго князя и новгородскіе тому вѣру имать, пословѣ нашими усты молвять къ вамъ». № 8 — привѣтъ смоленскаго князя Александра Рижанамъ, съ увѣдомленіемъ, что онъ желаетъ пребывать съ ними въ тѣхъ же дружескихъ отношеніяхъ, какъ и отецъ его. Зато другіе представляютъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, не только относительно нашего древняго между-

роднаго, но и внутренняго права. Последнее особенно для насъ важно по тому, что акты относятся къ эпохѣ средней между древнѣйшею (кѣвскою) Русью и Московскимъ государствомъ, эпохѣ, о которой мы имѣемъ самыя скудныя, юридическія данныя.

Главною цѣлью договоровъ было оградить безопасность и порядокъ взаимныхъ торговыхъ сношеній. Въ двухъ доселѣ извѣстныхъ договорахъ Новгорода и Смоленска съ Ригюю и Готландцами (1), эти отношенія опредѣлены довольно обстоятельно. Главныя постановленія этихъ договоровъ, относительно торговли, слѣдующія: Двина, во всемъ ея протяженіи, свободна для обоюднаго торговаго судоходства; торговля всякими товарами совершенно свободна и безошлпнная; въ опасныхъ мѣстахъ (около Волока) купцамъ даются проводники; нѣмецкіе гости составляютъ въ Новгородѣ и Смоленскѣ общину, которая судить всѣ ихъ распри, имѣть свои выборныя власти (тоже и Новгородцы и Смоляне въ Ригѣ); въ случаѣ ссоры между Нѣмцами и Русскими судить территоріальная власть, но купецъ не можетъ быть по слѣдствію посаженъ въ тюрьму или арестованъ, если его старшина беретъ его на поруку; купцы освобождаются отъ военной службы того государства, куда прѣехали; въ ссорахъ между собою купцы разбираются своими старѣйшинами; въ случаѣ торговой несостоятельности иноземный купецъ получаетъ долгъ прежде туземнаго; купцы пользуются и другими льготами при судопроизводствѣ: они могутъ отказываться отъ рѣшенія дѣла Божіимъ судомъ; дворъ гостиный — нѣмецкій пользуется почти экстерриторіальностью: только княжескій посолъ можетъ входить въ него, — онъ даетъ убѣжище преступникамъ и проч.

Таковы были начала международной торговли западныхъ русскихъ городовъ съ Ганзою; обѣ стороны сознавали всю выгоду мирной торговли и старались охранять ее отъ всякаго стѣсненія. Только при такихъ исключительныхъ правахъ могла существовать въ средніе вѣка безопасность торговли. Московскій самодержецъ Иванъ III убилъ эту торговлю однимъ самовластнымъ поступкомъ.

Такъ какъ Нѣмцы, за преступленія, совершенныя въ Россіи, судились русскимъ судомъ, то въ договорахъ означались болѣе частыя изъ тогдашнихъ преступленій и наказанія за нихъ; такимъ образомъ здѣсь высказывались неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ постановленія тогдашняго русскаго законодательства.

Любопытный въ этомъ отношеніи актъ есть мирный договоръ Ярослава Владиміровича 1195 году, № 1, в). Здѣсь опредѣлены наказанія за убійство и безчестіе. «Русская Правда» налагала за убійство, увѣче и бой денежную пеню (виру), количество которой

(1) Ист. Гое. Росс. Т. III, примѣч. 244 и 248.

соразмѣрвалось съ важною нанесеннаго вреда и съ рангомъ обиженнаго лица: за убійство свободнаго платилось дороже, нежели рабъ, — мужчины дороже, чѣмъ женщины, — княжескаго чиновника дороже, чѣмъ смерда; вышею пеней было 80 гривенъ серебра. Въ упомянутомъ договорѣ положена высшая вира въ 20 гривенъ серебра, за убійство посла, попа и тѣля (заложника); за купца десять гривенъ, тоже что и въ извѣстныхъ уже договорахъ, напечатанныхъ въ исторіи Карамзина (т. III, примѣчанія 243 и 248). Далѣе, «Русская Правда» не опредѣляетъ наказанія за нарушеніе женской чести (изнасилованіе и друг.). Это преступленіе у насъ относилось къ церковному суду, слѣдовательно по грубости тогдашнихъ нравовъ считалось только нравственнымъ, а не юридическимъ преступленіемъ. Но Нѣмцы, которые стояли выше насъ въ общественномъ развитіи, наказывали Русскихъ, жившихъ у нихъ, за это преступленіе; отсюда, по началу взаимности, и Русскіе етали наказывать Нѣмцевъ. Такъ въ договорѣ 1228 г. (Карамз. т. III, примѣч. 248, ст. 13) положена вира въ 10 гривенъ сереб. за изнасилованіе свободной женщины; а въ разбираемомъ нами договорѣ это постановленіе гораздо подробнѣе: 1) за изнасилованіе свободной дѣвушки или замужней женщины 40 гривенъ; 2) честь рабы также охраняется: «Оже кто робу повержетъ насиліемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна, паки ли соромитъ, собѣ свободна». Плата 40 гривенъ была «ветхими куннами, что конечно было несравненно меньше, чѣмъ гривнами серебра, ибо иначе изнасилованіе наказывалось бы вчетверо строже, чѣмъ убійство, что несогласно съ духомъ древняго права. Статья о безчестіи рабы весьма темна; какимъ образомъ она дѣлалась свободна? Вознаграждалъ ли изнасилователь ея господина? Ничего подобнаго не выражено. Наконецъ замѣтимъ еще любопытное постановленіе объ обидѣ женщины дѣйствіемъ. Извѣстно, что очень трудно опредѣлить, какія дѣйствія считать за обиду; это зависитъ отъ духа и нравовъ народа, и частнѣе—извѣстнаго класса, круга общества. Поэтому въ развитомъ государствѣ, гдѣ множество слоевъ общества, законодательству трудно опредѣлить факты обиды. Такъ на примѣръ наше уголовное законодательство вовсе не опредѣляетъ ихъ, предоставляя судьямъ и обществу отличать обидное дѣйствіе и слово отъ необиднаго. Въ разбираемомъ договорѣ опредѣлено наказаніе за дѣйствіе, которое и теперь считается въ нашемъ народѣ самымъ оскорбительнымъ для женщины. «Оже съгренетъ чюжеіе женѣ повои съ головы или дщери, явится *простоволоса*, 6 гривенъ за соромъ.»

Другой замѣчательный актъ — торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою 1330 года (№ VII). Сначала идетъ постановленіе о точности вѣсовъ, впрочемъ гораздо короче того, которое находится въ другомъ договорѣ Полоцка съ Ригою 1407 года, помѣщенномъ въ

Актахъ Арх. Эксп. т. I, № 16. Потомъ слѣдуетъ весьма важное торговое постановленіе: если купецъ привезетъ «нечистый» товаръ (напримѣръ въ воскъ будетъ подмѣшано сало), то можетъ ѣхать назадъ съ своимъ товаромъ, а за обманъ судить и наказываетъ его свой государь. Такимъ образомъ здѣсь сдѣлано было исключеніе изъ общаго правила (1) о подсудности, выраженнаго во всѣхъ другихъ случаяхъ, что виновный судится въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилъ преступленіе. Правая грамота (1284 г.), помѣщенная подъ № 4-мъ, вовсе не похожа на превосходныя московскія правыя грамоты, въ которыхъ рельефно изображается вся драма судопроизводства: это собственно только текстъ приговора. Смоленскій князь Феодоръ судилъ дѣло Нѣмца Биреля съ Армановичемъ о колоколѣ, обвинилъ Армановича и выдалъ его съ его дворомъ истцу. Замѣтимъ, въ числѣ бывшихъ на судѣ съ княземъ, «окольниковъ» Луку. Это—древнѣйшее извѣстіе объ окольниковѣхъ; притомъ здѣсь окольниковъ не имѣетъ того полицейскаго характера, какъ въ Судебникѣ, а есть членъ княжеской думы на ряду съ боярами. Далѣе, въ этой правой грамотѣ, мы видимъ приложение начала объ общемъ судѣ: на судѣ былъ князь и четыре боярина, а со стороны Нѣмцевъ также четыре купца. Въ грамотѣ полоцкаго князя Изяслава 1265 года (№ 2, в) встрѣчается въ первый разъ постановленіе: «поручники и должники и холопы выдати», постановленіе, составившее въ послѣдствіи существенную часть договоровъ между сѣверными князьями.

А. Лохвицкій.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исторія славянскихъ законодательствъ. Сочиненіе Вячеслава Александра Мацейовскаго (Historya Prawodawstw Słowiańskich przez Wacława Alexandra Maciejowskiego). Изданіе второе. Томъ I (заключающій въ себѣ введеніе, также очеркъ законодательства до-христіанскихъ временъ). Варшава, 1857. — 600 стр.

Это сочиненіе, безспорно, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ современной польской литературы. Авторъ назвалъ

(1) Такое правило выражено въ договорахъ XIII и XIV вѣковъ, но въ договорѣ начала XV вѣка Полоцка съ Рягою, напечатанномъ въ Акт. Археогр. Экспед. т. I, № 16, выражено совершенно противоположное начало: «Аже Полочянинъ, что проступитъ у Ризѣ, ино имъ (Рижанамъ) того до Полоцка послать, ино его тамъ Полочяне осудятъ по своему праву, также нѣмецкій купецъ что проступитъ у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ осудятъ по ризькому праву.»

его вторымъ изданіемъ, хотя оно совершенно новое, и развѣ только по мысли связано съ прежнимъ, которое вышло назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ. Г. Мацейовскій далъ ему новый видъ и гораздо обширнѣйшіе размѣры, воспользовавшись многими еще нетронутыми источниками. Изъ прежнихъ четырехъ небольшихъ томовъ теперь выйдетъ шесть огромныхъ. Цѣлый томъ будетъ заключать въ себѣ документы и матеріалы, то-есть памятники разныхъ славянскихъ законодательствъ, преимущественно польскіе. Для перваго изданія подобными документами служили «Древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства», изданные въ Варшавѣ, въ 1838 году, г. Кухарскимъ, по матеріаламъ, собраннымъ г. Мацейовскимъ. Печатаніе перваго тома настоящаго изданія продолжалось цѣлый годъ, и потому авторъ теперь печатаетъ свое сочиненіе въ двухъ типографіяхъ вмѣстѣ, такъ что въ будущемъ году выйдутъ еще два тома и томъ 6-й, который будетъ состоять изъ документовъ.

«Исторія законодательства славянскихъ народовъ» есть одно изъ самыхъ важныхъ сочиненій г. Мацейовскаго. Онъ посвятилъ ему всю свою жизнь. Всѣ прочіе, многочисленныя труды его, прежде изданныя, служатъ дополненіями и поправками его главнаго труда, и, такъ сказать, группируются около него. Его исторія обнимаетъ собою политическое право славянскихъ странъ (*ius publicum*). Касательно этого права, въ польской литературѣ, есть уже много важныхъ сочиненій, къ числу которыхъ въ особенности должно отнести, по обширности и обработанности, сочиненіе Ленгниха, перепечатанное въ польскомъ переводѣ въ Краковѣ 1836 г. Оно чрезвычайно богато фактами и примѣрами, хотя его и нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ исторіею. Сюда же должно отнести сочиненіе Ивана Викентія Бандтке, недавно изданное его сыномъ. Въ немъ видны только приготовленія къ исторіи. Г. Мацейовскій пошелъ совершенно по другому пути и отличается болѣе подробнымъ изложеніемъ предмета, нежели его предшественники. Онъ и принадлежитъ къ числу жаркихъ приверженцевъ *славянства*; но, несмотря на то, что нѣкоторые его взгляды на любимый имъ предметъ односторонни, онъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ глубокаго уваженія за свои важныя труды, дающіе ему право смѣло высказывать свои убѣжденія и стать гораздо выше всѣхъ возможныхъ славянофиловъ, которые ничѣмъ еще не доказали своихъ убѣжденій, позволяя себѣ ограничиваться кое-какими мыслями, отрывочно набросанными, да сравнительно-филологическими статейками, оскорбляющими достоинство науки.

Ограничиваясь предѣлами библиографической статьи, мы не будемъ подробно разсматривать сочиненія г. Мацейовскаго, тѣмъ болѣе, что теперь вышелъ еще только первый его томъ; но мы приведемъ его содержаніе, и замѣтимъ нѣкоторые особенности въ взглядѣ приѣмахъ почтеннаго автора, показавшіеся намъ не совсѣмъ справедливыми.

Въ дополненіи къ первому тому своей исторіи (на стр. 498) г. Мацейовскій раскрываетъ общій взглядъ на ея новое изданіе. «Всѣ изслѣдованія, говоритъ авторъ, какія только мнѣ удалось сдѣлать въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, я вознамѣрился изложить въ шести томахъ, размѣстивъ все сочиненіе въ двухъ отдѣлахъ. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ рядъ сочиненій, явившихся въ продолженіе четырехъ лѣтъ, по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Исторіи законодательства», до настоящаго времени (отъ 1839 до 1856 г.), отдѣльно или въ періодическихъ изданіяхъ. Они приведены мною въ третьемъ указателѣ къ этому тому. Второй отдѣлъ, какъ выше сказалъ я, собственно будетъ составлять сочиненіе въ шести томахъ, изъ которыхъ второй и третій будетъ служить дальнѣйшимъ развитіемъ перваго тома; четвертый же и пятый также будутъ заключать въ себѣ подробное изложеніе того, что послужило содержаніемъ предыдущихъ томовъ; наконецъ, въ шестой войдутъ памятники славянскаго и литовскаго права, до сихъ поръ или вовсе неизданные, или необработанные, какъ слѣдуетъ. Итакъ, второй отдѣлъ, или собственно исторія законодательства, займется первымъ, который служить ей какъ бы дополненіемъ.

«Такъ какъ, по моему понятію, заключаетъ г. Мацейовскій, исторія права не пишется отдѣльно отъ домашней и политической жизни народа, и такъ какъ литература есть отраженіе этой жизни, которая всего яснѣе обозначается въ правѣ, то для уразумѣнія духа права, необходимо было ознакомиться съ цивилизаціею и литературою славянскихъ народовъ и самому изслѣдовать ее тамъ, гдѣ она еще не достаточно изслѣдована. Не имѣя, однакожъ, возможности заняться въ этомъ отношеніи всѣмъ славянствомъ, я пока ограничился только Польшею, и только ее преимущественно изслѣдовалъ въ дополнительныхъ сочиненіяхъ, до самаго XVII вѣка.»

Первый отдѣлъ 1-го тома «Исторіи» г. Мацейовскаго заключаетъ въ себѣ общій взглядъ на цѣль и объемъ сочиненія, обзоръ источниковъ и ихъ критику, и т. п. Второй отдѣлъ имѣетъ заглавіе: *Земля и люди* (взглядъ на содержаніе исторіи, на землю, ея границы и народонаселеніе, политическое раздѣленіе страны, черты для изображенія характера Славянъ и Нѣмцевъ). Отдѣлъ третій: *Право, его источники, мѣсто происхожденія, духъ, языкъ, памятники*. (Право, рассматриваемое само по себѣ, и его тѣсная связь съ характеромъ народа; извѣстія о первоначальномъ существованіи права и законовъ въ туземныхъ источникахъ; извѣстія о славянскихъ законахъ въ чужестранныхъ источникахъ; чужестранные законы, вошедшіе въ силу у Славянъ; духъ, языкъ и техника права; взглядъ на статуты; статуты онѣмеченныхъ Славянъ и, въ особенности, жившихъ по Эльбѣ; Польша, Литва и страны, съ ними соединенныя, рассматриваемыя въ отношеніи къ памятникамъ законодательства; Чехи и страны, съ ними соединенныя, рассматриваемыя въ отношеніи къ

тѣмъ же памятникамъ; памятники законодательства русскаго и древне-русскаго; права и статуты Сербовъ, также народовъ, съ ними соединенныхъ). Отдѣлъ четвертый: *Наука о правѣ и знаменитые законодѣльцы*. (Объясненіе науки о правѣ по мѣрѣ распространенія цивилизаціи; два пути, ведущіе къ изученію права: путь судебной практики и ученый; польза, которую законодѣльцы оказали наукѣ и судебной практикѣ; какія слѣдствія произошли изъ этого для исторіи права и какъ ее понимали въ XVII и XVIII вѣкахъ; переходъ отъ XVIII вѣка къ XIX.) Отдѣлъ пятый: *Сходство и различіе первоначальнаго права у Славянъ и Нѣмцевъ*. (Свевы, Германцы; первые слѣды славянскихъ правъ, замѣчаемые въ литературѣ Грековъ и Римлянъ, также въ древнѣйшихъ памятникахъ германскаго законодательства; зародыши политической жизни у Славянъ, подъ вліяніемъ Скнеовъ, Норманновъ, и т. д.; развитіе той же жизни подъ вліяніемъ Саксонцевъ и Франковъ; цивилизація Славянъ и Нѣмцевъ.) Отдѣлъ шестой: *Окончаніе четвертаго отдѣла и взглядъ назадъ*. (Состояніе науки и исторіи права въ XIX в.; мысль автора о собраніи памятниковъ и объ исторіи законодательства.)

Дополнительный отдѣлъ перваго тома заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: I. Взглядъ на второе изданіе «Исторіи». II. Матеріалъ для землеописанія и статистики Польши XIII вѣка. III. О рукописяхъ Литовскаго статута и его польскихъ переводахъ. IV. Напечатанныя собранія правъ польскихъ сеймовъ. V. Народное имя Свевовъ и Германцевъ, политическое положеніе обоихъ и взаимное соотношеніе, какъ между Нѣмцами, такъ и Славянами. VI. Корень и значеніе словъ: *alod, odal* и *odel, adal*. VII. Объясненіе словъ: *Liti* и *Lazi*. VIII. *Minoflidi*. IX. Значеніе жупы. X. Марки въ отношеніи къ повѣтамъ и жупамъ. XI. Мнѣніе Лелевеля о значеніи Ляховъ. XII. Взглядъ на сочиненіе Тацита о Германіи и скрывающійся въ немъ источникъ исторіи славянскихъ законодательствъ.

Изъ этого краткаго перечня перваго тома уже можно замѣтить, что почтенный авторъ увлекается, можетъ-быть, слишкомъ далеко и, при всей своей многосторонней учености, не чуждъ нѣкоторыхъ фантастическихъ взглядовъ. Главная мысль его основывается на томъ, что у славянскихъ племенъ все должно было выйдти изъ одного начала, изъ одного источника, и потому, думаетъ онъ, всѣ славянскія законодательства должны быть непременно между собою сходны, напротивъ рѣзко отличаться отъ законодательства другихъ народовъ, напримѣръ германскихъ. Если, по его мнѣнію, что-нибудь измѣнилось въ этомъ общемъ порядкѣ, если что-нибудь нарушаетъ славянскую гармонию, то это должно быть отступленіемъ отъ начала, и на это отступленіе имѣли вліяніе какія-либо постороннія начала (1). Ав-

(1) Нѣкоторые польскіе критики вполне раздѣляютъ эту основную мысль г. Мацейовскаго. См. *Kronika Wiadom. Krajow. i Zagran.* 1857 г. № 160.

торъ вездѣ имѣеть въ виду славянскія племена, и потому недавно изданные г. Гельцелемъ: «Древніе памятники польскаго права» (о которыхъ мы скажемъ ниже) считаетъ неоконченными, потому что они касаются только польскаго права. Здѣсь я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ неизвѣстнаго мнѣ критика въ одной варшавской газетѣ (Kron. Wiad. Krajow. i Zagr. 1857, № 160), что сочиненіе Гельцеля, если авторъ дополнитъ его еще слѣдующимъ томомъ, будетъ оконченнымъ, подробнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ, относительно польскаго права. Въ то время, когда въ Польшѣ уже существовалъ Вислицкій статутъ, безъ сомнѣнія, она мало знала о законодательствѣ другихъ славянскихъ народовъ. Польская шляхта, можетъ-быть, и произошла отъ славянскаго корня, но совершенно преобразовала народъ, создала для него отдѣльную жизнь, иную исторію, не имѣющую сходства съ исторіею прочихъ славянскихъ народовъ. Поэтому исторія польскаго законодательства можетъ совершенно обойтись безъ знакомства съ славянскими странами, и сама собою, составляетъ цѣлое, ибо совершила свой кругъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы наука не объясняла того, что было чисто-славянскаго, въ томъ или другомъ краѣ; необходимо только, чтобы сходство было дѣйствительное и не натянутое.

Подождемъ выхода остальныхъ томовъ сочиненія г. Мацейовскаго, чтобы можно было вполне судить о его положеніяхъ, иногда очень смѣлыхъ. Изъ перваго тома уже можно замѣтить, что хотя почтенный авторъ нигдѣ не упускаетъ случая столкнуться съ Славянами, даже тамъ, гдѣ и духу ихъ нѣтъ; однакожь онъ не со всѣми равно знакомъ и не на всѣхъ смотритъ съ надлежащей точки зрѣнія. Замѣтимъ также, что его свѣдѣнія объ ученой дѣятельности въ Россіи неполны и невѣрны. Такъ напримѣръ, на стр. 492 — 493, сказавъ нѣсколько словъ о Татищевѣ, Болтинѣ, Карамзинѣ и Неволинѣ, относительно обработки исторіи русскаго права, онъ прибавляетъ: «Рядомъ съ этими писателями обращаютъ на себя вниманіе труды ученыхъ Нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи. Такъ какъ въ нихъ до сихъ поръ не отразился духъ русскаго права, по замѣчанію Морошкина въ предисловіи къ его переводу сочиненія Рейца, то русскіе ученые старательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы посредствомъ нѣмецкихъ сочиненій не распространились между читающею публикой ложныя мнѣнія объ исторіи русскаго права. Первое мѣсто въ числѣ этихъ мужей занимаетъ *Николай* (Михаилъ) Погодинъ. Его поддерживаютъ разные авторы статей о русскомъ правѣ.»

Не нужно, кажется, прибавлять, какъ это странно!

Г. Мацейовскій, очевидно, является жаркимъ противникомъ Нѣмцевъ, вслѣдствіе безпредѣльной преданности славянскому міру. Съ одной стороны, нельзя не уважить глубокаго убѣжденія въ та-

комъ знаменитомъ и даровитомъ ученомъ , какъ г. Мацейовскій , съ другой — нельзя не пожалѣть , если для ясности славянскихъ вопросовъ необходима темная сторона. Г. Мацейовскій , рассуждая , на стр. 32-й , о взаимномъ соотношеніи между собою правъ чужестранныхъ и славянскихъ , приходитъ къ тому заключенію , что нѣмецкое и славянское право составляютъ двѣ рѣзкія противоположности. «На сколько первое, говоритъ онъ, отличалось строгостію, жестокостію и даже нѣкоторою безчеловѣчностію, на столько другому было предназначено исправлять его погрѣшности, также передѣлывать все то, что первое изъ нихъ принесло вреднаго для человечества, или противоборствовать ему, хотя не разъ обстоятельства приводили его къ тому, что оно, исправляя, портилось само.» Вслѣдъ за этимъ, г. Мацейовскій сознается, что «часто невозможно опредѣлить категорически, что откуда взялось, и зачѣмъ возникло такимъ, а не инымъ образомъ? То или другое право происхожденія славянскаго или нѣмецкаго, и подъ какимъ вліяніемъ, славянскимъ или нѣмецкимъ, преобразовалось оно къ лучшему или худшему?» Но почтенный авторъ не затрудняется рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Онъ беретъ въ помощь то обстоятельство, что здѣсь, по его словамъ: «дѣло идетъ не о томъ, чтобы непременно доказать предметъ исторически, но о томъ, чтобы сдѣлать его правдоподобнымъ, такъ что еслибы кто-нибудь захотѣлъ ему противорѣчить, то долженъ бы былъ нарушить порядокъ нравственнаго міра, и очутился бы въ такомъ же положеніи, какъ тотъ, кто возстаетъ противъ системы Коперника, преимущественно основываясь на предположеніи.» Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 103) авторъ говоритъ, что, внимательно всматриваясь въ лицо Славянина и Нѣмца, онъ подмѣтилъ въ одномъ изъ нихъ выраженіе счастья, въ другомъ — горести. «Доискиваясь источника этихъ чувствъ, продолжаетъ онъ, казалось, я замѣтилъ, что духъ, оживляющій оба лица, шествуя въ противоположномъ направленіи, велъ насъ къ тому, чтобы мы (то-есть Славяне) *много не заботились о будущемъ*, и старались единственно о томъ, чтобы, храня въ сердцѣ Бога и любя человечество, развивали въ себѣ и умножали обѣ добродѣтели; напротивъ, Нѣмца, *который слишкомъ о себѣ заботился*, тотъ же духъ побуждалъ безпрестанно искать для себя основанія, на которомъ опиралось бы его будущее счастье.» Кстати укажемъ здѣсь еще на одно мѣсто (стр. 110 и 111), гдѣ авторъ, переходя отъ этнографическаго воззрѣнія на Славянъ, приступаетъ къ психологическому ихъ разсмотрѣнію. «При помощи исторіи, говоритъ г. Мацейовскій, заглянувши въ сердце обоихъ народовъ (то-есть Славянъ и Нѣмцевъ), психологъ нисколько не колебался бы сказать, что даже неразвитый славянскій характеръ имѣетъ преимущество передъ нѣ-

мецкимъ, хотя бы даже мы рассматривали его со стороны пользы. Никто до сихъ поръ добровольно не онѣмечился; напротивъ того, Литвинъ, Болгаринъ и т. д. ославились добровольно. Самый даже Нѣмецъ, отторгнувшись отъ Нѣмца, не хотѣлъ и не хочетъ возвратиться къ нему, въ чемъ даже скромный Шведъ явно сознается теперь (?); напротивъ, Славянинъ, отуреченный, богатый, сильно стремится къ тому (?), чтобы ему возможно было оставить выгодный исламизмъ, и возвратиться къ убожеству, къ народности, къ вѣрѣ предковъ, которой онъ измѣнилъ. Психологъ также сказалъ бы, что славянской характеръ, хотя дѣйствительно не имѣетъ ничего опредѣленнаго, однако имѣетъ преимущество передъ развитымъ характеромъ Нѣмцевъ, не только отдѣльно взятымъ, но и въ массѣ, чему доказательствомъ служитъ надъ-рейнскій Нѣмецъ, который хочетъ выдавать себя за Француза, между тѣмъ какъ ни одинъ славянской народецъ ни за что не захотѣлъ бы отречься отъ своей народности.»

Противъ послѣдняго доказательства г. Мацейовскаго можно бы было указать на нѣкоторые славянскіе народы, которые уже онѣмечились или еще до сихъ поръ онѣмечиваются. . . Да не самъ ли г. Мацейовскій, въ началѣ своего сочиненія, на стр. 11, сказалъ, что тѣ Славяне, «которые нѣкогда соединились съ Польшею и Чехами, уже онѣмечившись или еще онѣмечиваясь, умерли и умираютъ для славянской народности!»

Такія увлеченія со стороны уважаемаго нами автора, мы объясняемъ себя тѣмъ, что онъ пылко, можно даже сказать, юношески преданъ своему предмету. «Стоитъ, и очень стоитъ, говоритъ г. Мацейовскій на 41 и 42 стр., чтобы Славяне прилежно изслѣдовали пути, по которымъ шли до сихъ поръ, потому что, узнавъ ихъ, не возможно, чтобы они не согласились, что ихъ исторія сильнѣе говоритъ сердцу и сильнѣе трогаетъ его, нежели *помыслы поэтовъ о земль, небъ и адъ!*»

Не менѣе странны и натянуты у г. Мацейовскаго нѣкоторые его историко-филологическіе выводы, происшедшіе также вслѣдствіе односторонности взгляда и чрезмѣрнаго славянскаго воодушевленія. На стр. 49 онъ утверждаетъ, что *Варли*, неизвѣстно почему, сами себя называли Руссами, а Славяне называли ихъ *врагами*, то-есть, объясняетъ г. Мацейовскій «людьми, прибывшими къ нимъ съ неприязненнымъ намѣреніемъ (для грабежа).» На стр. 60 онъ прямо говоритъ, что названіе нынѣшнихъ жителей Шверина передѣлано изъ славянскаго языка, и что они въ древности назывались Полянами; то-есть, какъ доказываетъ г. Мацейовскій, отъ старославянск. *сл-вернъ* (у него *Sjewern*) происходитъ нѣмецкое *Шверинъ* но не отъ слова: *звѣрь*, какъ думаетъ Ганка въ *Jahrb. für slav. Lit.* II. 1., стр.

178. Г. Мацейовскій объясняетъ общину слѣдующимъ образомъ (стр. 387): «Племя не разъ находилось въ такомъ же положеніи, какъ и родъ, когда сталкивалось съ племенемъ сильнѣйшимъ. Въ такомъ случаѣ ему оставалось только войти въ сношенія съ племенемъ *именитымъ*, то-есть имѣющимъ *имя отъ имения*, соединить свое имя съ его именемъ, или *сдѣлать связь именъ*, и такъ образовать общину (по-польски *gmina*).» При словѣ *gmina* г. Мацейовскій дѣлаетъ выноски: «Принадлежать къ имени; *g* (вм. *ku*) *imenu*, откуда; *k'umina, gmina!*»

Подобныя мѣста не разъ встрѣчаются въ сочиненіи г. Мацейовскаго.

Древніе памятники польскаго права (Starodawne prawa polskiego pomniki), съ предварительнымъ историко-критическимъ изложеніемъ такъ-называемыхъ Вислицкихъ законовъ Казимира Великаго. Съ текстомъ возстановленнымъ по древнимъ рукописямъ, т. I. Краковъ, 1836. Въ 4 д. CCLVII и 428 стр. (1).

Я уже упоминалъ объ этомъ сочиненіи въ прошедшей статьѣ. Оно написано краковскимъ профессоромъ Ягеллоновскаго университета, по юридическому факультету, г. Гельцелемъ, и принесло бы честь каждой европейской литературѣ. Глубокая и всесторонняя ученость автора; его свѣтлый и оживленный взглядъ на предметъ, придають его сочиненію необыкновенную занимательность. Нѣтъ въ немъ ни сухости и запутанности изложенія, ни заранѣе очерченнаго круга отсталыхъ и пристрастныхъ мнѣній, обыкновенно приводимыхъ для доказательства ложныхъ теорій. Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, г. Гельцель слишкомъ двадцать лѣтъ трудится надъ исторіею польскаго права. Для того, чтобы написать сочиненіе, отвѣчающее заданной идѣ, онъ долженъ былъ отчасти заняться основательною разработкою источниковъ; отчасти тщательнымъ разборомъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ самыхъ запутанныхъ подробностей той же исторіи. При такихъ изслѣдованіяхъ возникло нѣсколько сочиненій разнаго содержанія и разнаго объема, которыя авторъ и намѣренъ издавать по порядку. Къ одному изъ такихъ сочиненій принадлежатъ нынѣ изданные *Древніе памятники польскаго права*, или критическое изданіе текста важнѣйшихъ источниковъ. Другое сочиненіе есть монографія о законодательствѣ Казимира Великаго, которую авторъ помѣстилъ въ началѣ 1-го тома этихъ «Памятниковъ», потому что она тѣсно связана съ критическимъ изданіемъ статутровъ этого короля. Авторъ намѣренъ, въ слѣдующихъ выпускахъ своего сочиненія, представить также источники нѣко-

(1) Изданіе варшавскаго книгопродавца Зенневальда. Оно напечатано только въ числѣ 590 экземпляровъ. Томъ I. самъ по себѣ составляющій особое цѣлое, продается по 9 р. сер.

торыхъ другихъ правъ, такимъ же образомъ обработанныхъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы тутъ же представить наиболѣе замѣчательные памятники городского права и самыя рѣдкія сочиненія польскихъ правовѣдовъ; также древнѣйшіе, неизвѣстные статуты епархіальныхъ синодовъ.

Изданный нынѣ I томъ «Памятниковъ» раздѣляется на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ историко-критическое изложеніе такъ-называемыхъ «Вислицкихъ законовъ» Казимира Великаго; вторая — тексты источниковъ.

Часть I, состоитъ изъ IX главъ:

Гл. I. Введение — о цѣли и основаніи сочиненія.

Гл. II. О древнихъ рукописныхъ памятникахъ старопольскихъ статутовъ. Подробное ученое описаніе 27 кодексовъ, съ замѣчаніями.

Гл. III. Мнѣнія, до сихъ поръ существовавшія о происхожденіи статутовъ Казимира Великаго.

Гл. IV. Критика изслѣдованій и мнѣній Лелевеля, изложенныхъ въ предыдущей главѣ.

Гл. V. Критика изслѣдованій и мнѣній безыменнаго автора статьи: «Матеріалъ для объясненія исторіи Вислицкаго статута».

Гл. VI. Новое критическое расположеніе обыкновеннаго текста статутовъ Казимира Великаго.

Гл. VII. Историческое опредѣленіе времени каждаго изъ четырехъ вновь расположенныхъ статутовъ.

Гл. VIII. О дѣйствіяхъ правительственныхъ и законодательныхъ Казимира Великаго.

Гл. IX. О позднѣйшихъ составленіяхъ и сводахъ статутовъ Казимира Великаго, также объ ученюмъ извлеченіи общаго вывода изъ ихъ содержанія.

Часть II, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы источниковъ:

I. Законы Казимира Великаго.

II. Судебное примѣненіе права въ концѣ XVI вѣка.

III. Статуты и постановленія Мазовецкіе.

IV. Вартскій статутъ Владислава Ягеллы.

V. Законодательство польской церкви.

Таковъ трудъ г. Гельцеля, занявшаго теперь почетное мѣсто между извѣстными польскими учеными и изслѣдователями исторіи. Чтобы нѣсколько познакомить читателей со взглядомъ автора на предметъ его изслѣдованій, мы приводимъ слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія:

«Нынѣшнее общество, желая дѣйствительно разумныхъ успѣховъ на пути цивилизаціи, раскрываетъ передъ собою великую книгу прошедшей исторіи просвѣщенія. Основую этихъ изслѣдованій чело-вѣчества, хотя и взятыхъ въ большемъ размѣрѣ христіанской, евро-

пейской цивилизаціи, всегда должны быть, однакожь, отдѣльные народы; ибо во всеобщей исторіи челоѣчества, всѣ они являются, какъ отдѣльные дѣятели, какъ особи. Каждый отдѣльный народъ, слѣдуя по пути усовершенствованія и своего призванія, приноситъ всему челоѣчеству поучительный опытъ, болѣе или менѣе важный; ибо давно уже извѣстно, что въ европейской цивилизаціи есть неразительное единство; что, несмотря на разнообразіе племенъ, времени и мѣста, она всегда зависитъ отъ одинаковыхъ началъ, проистекаетъ изъ одинаковыхъ источниковъ и ведетъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Поэтому—то не подлежитъ сомнѣнію, что и Польша не разъ имѣла значительное вліяніе, какъ на событія и сношенія великой европейской политики, такъ и на всеобщую цивилизацію, хотя не такъ блистательно, не такъ часто и не такъ постоянно, какъ западныя государства Франціи, Германіи и Англіи, которыя, въ разграниченной драмѣ исторіи христіанской Европы до сихъ поръ выполняли главныя роли, назначенныя имъ Провидѣніемъ.

«Польша часто была средоточіемъ исторической жизни всей восточной части цивилизаціи свѣта, занятой славянскими народами, и всегда была тѣмъ важнымъ мускуломъ совокупнаго политическаго тѣла всей Европы, который соединялъ христіанскій Востокъ съ Западомъ. Поэтому, и прошедшая исторія польскаго просвѣщенія можетъ—быть очень поучительна, не только для нашего, взятаго отдѣльно, общества, но и для всего челоѣчества, и заслуживаетъ болѣе прилежнаго изслѣдованія, нежели какъ до сихъ поръ думали, даже такіе, какъ Гизо, великіе изслѣдователи прошедшаго, которое разгадывается и объясняется для нынѣшнихъ и будущихъ поколѣній.

«Исторія права у каждаго народа, какъ исторія его нравственности, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ стихій исторіи его цивилизаціи. Итакъ, представить надлежащимъ образомъ исторію права и всѣхъ юридическихъ отношеній въ древней Польшѣ, значитъ представить изображеніе европейско—польской цивилизаціи, оконченное въ главнѣйшихъ, хотя и не во всѣхъ чертахъ. Такое изображеніе есть уже значительное пособіе для дополненія великой картины всеобщей, христіанской цивилизаціи, которой одна половина тщательно раскрашена, а другая до сихъ поръ едва обрисована въ слабыхъ и темныхъ контурахъ. Такъ какъ у насъ самихъ очень мало, и то только въ новѣйшее время, занимались изслѣдованіемъ именно этого рода исторіи, и потому нисколько не удивительно, что чужеземные историки не умѣли, какъ слѣдуетъ; цѣнить ея важности».

Взглядъ г. Гельцеля не чуждъ нѣкотораго народнаго пристрастія, но пристрастіе это не выходитъ изъ предѣловъ здраваго смысла и свободно отъ исключительности.

Варшавская Библиотека (Biblioteka Warszawska). 1857 г. Кн. V и VI.

Въ этихъ двухъ книжкахъ «Варшавской Библиотеки», «вообще очень хорошо составленныхъ, есть нѣкоторыя особенно любопытныя статьи, съ которыми мы и познакоимъ нашихъ читателей.

Въ 5 книгѣ, помѣщено историческое изслѣдованіе г. Шайнохи: «Начало шляхты и гербовъ въ Польшѣ». Оно отличается новыми и смѣлыми соображеніями, которыя, впрочемъ, не лишены основанія. Г. Шайноха допускаетъ, что шляхта и гербы въ Польшѣ происходятъ отъ Чеховъ, а къ Чехамъ перешли они отъ древнихъ Германцевъ, во время принятія ими христіанства отъ послѣднихъ, наконецъ отъ Чеховъ къ Полякамъ, также во время принятія ими христіанства. Г. Шайноха разбираетъ первоначальное значеніе слова: *шляхта*. Онъ утверждаетъ, что это древнее существительное имя, происходящее отъ нѣмецкаго *schlagen*, нѣкогда *slahan*, въ глубочайшей древности *slachan*, имѣющаго значеніе *ударить* и *родить*. Теперь еще говорится: *die Bäume schlagen aus*, деревья выпускаютъ листья; «*aus der Art schlagen*», выродиться; «*von gutem Schlag*», хорошаго рода. Существительное, составленное изъ этого слова, *Slahta*, иначе *Slachta*, въ древнемъ ниже-нѣмецкомъ нарѣчій *Schlachta*, въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ передѣланное въ *Geschlecht*, значить то же самое, что *родъ*, по-латыни *genus*, *familia*, или *cognatio*. Далѣе, г. Шайноха разбираетъ слово: *Adel*, *edel*, собственно *aedel*, въ которомъ также заключается понятіе *рода*, съ чѣмъ согласны всѣ нѣмецкіе изыскатели древностей. Такимъ образомъ слова: *slahta* и *adel*, имѣютъ одно и то же значеніе рода, семейства, поколѣнія, то-есть *родъ* вообще назывался *slahta*, а родъ особенный, исключительный, назывался *adel*. Г. Шайноха, подробно разбирая слова: *adel* и *slahta*, приходитъ къ тому заключенію, что польская *шляхта* (*szlachta*) или *шляхетство* (*szlachectwo*) одного происхожденія съ нѣмецкимъ. Приводимые г. Шайнохою примѣры употребленія слова *slahta*, большею частію встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣмецкой письменности (IX и X вѣка), а у Славянъ оно встрѣчается гораздо позднѣе, притомъ у тѣхъ, которые имѣли непосредственное сношеніе съ Нѣмцами; слѣдовательно, оно не славянскаго происхожденія.

Опредѣливъ такимъ образомъ филологическое значеніе слова: *шляхта*, авторъ потомъ разсматриваетъ на историческихъ данныхъ, отчего и какимъ образомъ это нѣмецкое слово приобрѣло въ Польшѣ такое большое значеніе? Въ слѣдующемъ затѣмъ параграфѣ, авторъ развиваетъ мысль, что *знатность рода* является здѣсь вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Нельзя въ сокращеніи передать всей статьи г. Шайнохи, потому что нужно бы было пропустить множество подробностей, безъ которыхъ непонятно это замѣчательное изслѣдованіе. Обратимъ вниманіе

только на одинъ изъ его параграфовъ, имѣющій заглавіе: «Пере-
мѣны времени».

«Нынешній вѣкъ, говоритъ г. Шайноха, иногда жалуется на
излишество народонаселенія. Польша, только-что принявшая креще-
ніе, жаловалась на слишкомъ ограниченное населеніе.

«Недостатокъ жителей есть недостатокъ солдатъ, недостатокъ по-
датей, недостатокъ богатства, торговли и промышленности, недо-
статокъ всякаго благосостоянія.

«Не напрасно же, въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ
вѣковъ, до временъ великаго организатора Казимира, черезъ четыре-
ста лѣтъ послѣ принятія крещенія, польскіе князья помышляли един-
ственно о привлеченіи поселенцевъ въ свой край.

«При недостаткѣ рукъ, при недостаткѣ простой обработки земли,
тѣмъ болѣе чувствовался недостатокъ способныхъ людей и образо-
ванія ума.

«Какъ времена малой населенности, естественно, были временами
малаго просвѣщенія, такъ точно приливъ заграничныхъ переселен-
цевъ былъ полезенъ и необходимъ уже по той причинѣ, что заносилъ
въ страну зародыши большаго просвѣщенія и болѣе мягкихъ
обычаевъ.

«Поэтому, кто бы ни былъ, странствующій ли священникъ съ
распятіемъ и книгою въ рукѣ, рыцарь ли, спѣшавшій на службу ко
двору Болеславовъ, хлѣбопашецъ ли, поселяющійся на землѣ, всѣ
они были чрезвычайно пріятными *гостями*; между тѣмъ занесенныя
ими заграничныя понятія, чужестранные обычаи, уставы болѣе зрѣ-
лаго, посторонняго общества, озаряли почетнымъ блескомъ короля
и государство.»

Далѣе г. Шайноха приводитъ историческія свидѣтельства о Боле-
славѣ Храбромъ, который окружалъ себя иностранцами, и наконецъ
говоритъ: «Тогдашнее значеніе чужестранцевъ, тогдашняя потреб-
ность заграничныхъ стихій, представляется еще разительнѣе въ
извѣстномъ духовномъ поученіи, которое современникъ и родствен-
никъ Мечислава I, венгерскій король Стефанъ Святой оставилъ сво-
ему сыну Эмерику.

«Между прочимъ мы читаемъ въ немъ: «О принятіи чужеземцевъ
и о радушіи въ отношеніи къ пришельцамъ.—Отъ *гостей* и пришель-
цевъ заграничныхъ происходитъ столь великая польза для госу-
дарствъ, что справедливость требуетъ приписать ей шестое мѣсто
между почестями королевскаго сана. Что же способствовало успѣху
Римскаго государства, что привело римскихъ царей къ такому вели-
чію и славѣ, если не приливъ множества достойныхъ и умныхъ людей
изъ разныхъ странъ свѣта? Римъ до сихъ поръ былъ бы *невольни-
комъ*, еслибы потомство Энея не сдѣлало его свободнымъ. По мѣрѣ
наращенія чужестранныхъ гостей изъ разныхъ заграничныхъ странъ,

распространяются вмѣстѣ съ ними разные языки и нравы, приносятся разные уставы, привилегіи и военные обычаи, и все это украшаетъ и прославляетъ королевскій дворъ, и обуздываетъ дерзость сосѣдей. Каждое же государство, въ которомъ господствуетъ только одинъ языкъ и одно право, бываетъ слабо и хило. Поэтому, я тебѣ завѣщаю, сынъ, чтобы ты радушно принималъ гостей, чтобы ты былъ щедръ для нихъ на ласки, и усердно заботился о томъ, чтобы они охотнѣе спѣшили къ тебѣ, нежели въ другое какое-либо мѣсто. Еслибы ты дерзнулъ разрушить то, что я построилъ, или расточить то, что я собралъ, то нанесъ бы чрезвычайный вредъ своему королевству (1).»

Я надѣюсь, со временемъ, ближе познакомить читателей съ трудами г. Шайнохи, безспорно, одного изъ даровитѣйшихъ и замѣчательныхъ историковъ Польши, въ новѣйшее время. Говорятъ, что онъ очень молодъ, и потому отъ него можно ожидать еще многого, если только излѣчится отъ болѣзни глазъ...

Другая замѣчательная статья въ 5-й кн. «Библиотеки» принадлежитъ г. Бартошевичу: «Константинъ Свидзинскій и его завѣщаніе». Эта статья продолжается еще въ 6-й кн. того же журнала, и пока заключаетъ въ себѣ подробную біографію Свидзинскаго и общій взглядъ на его бібліотеку. Въ «Варшавской Газетѣ» (*Gazeta Warszawska*), нынѣшняго 1857 г., въ № 138, 140, 143, 146, 148, 149, 151 и 153, также помѣщена обширная статья г. Лоскаго: «Библіотека и музей Свидзинскаго». Пользуясь обѣими статьями, мы познакомимъ читателей съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ и его богатою бібліотекою, которая и для насъ, Русскихъ, имѣетъ важность.

Константинъ Свидзинскій, владѣлецъ Сульгостова, въ Царствѣ Польскомъ (Радомской губерніи, Опочинскаго уѣзда), давно уже былъ извѣстенъ, какъ собиратель рѣдкихъ произведеній польской литературы. Передъ смертію (въ 1855 г.) онъ завѣщалъ все свое имѣніе, капиталы и обширныя помѣстья (составляющія около двухъ милліоновъ золотыхъ цѣнностей), на вѣчное содержаніе бібліотеки, которую, въ продолженіе всей своей жизни, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, собиралъ, приводилъ въ порядокъ и дополнялъ. Библіотека Свидзинскаго, по волѣ завѣщателя, должна быть перенесена въ Варшаву и открыта для всеобщаго пользованія ею. Это будетъ особое ученое учрежденіе, въ родѣ музея Оссолинскаго въ Львовѣ. Оно будетъ заниматься, въ обширномъ видѣ, изданіемъ историческихъ матеріаловъ, которому самъ Свидзинскій уже положилъ начало своимъ собраніемъ, содѣйствуя трудамъ Кіевской археографической комиссіи.

Свидзинскій происходитъ отъ старинной польской фамиліи. Онъ родился въ 1793 году; получилъ основательное воспитаніе и былъ

(1) Werboecz: *Corpus juris Hung.* II. 4. Катона: *Hist. crit.* I. 374.

ученымъ челоѣкомъ. Послѣ смерти отца своего (въ 1814 г.) получивъ огромное наслѣдство, онъ страстно занимался литературою и собираніемъ книгъ для своей Сульгостовской бібліотеки, которая уже была извѣстна всѣмъ тогдашнимъ ученымъ въ Польшѣ. Вместе съ этимъ, Свидзинскій не чуждался и публичной жизни. Онъ имѣлъ даръ краснорѣчія, и первую политическую рѣчь свою говорилъ въ честь Костюшки, въ Опочнѣ. Въ 1822 и 1826 г. молодой владѣлецъ Сульгостова былъ маршаломъ опочинскаго сейма; въ слѣдующихъ потомъ годахъ съ честью исполнялъ разныя публичныя должности. Послѣ 1831 года Свидзинскій уѣзжалъ за границу и большею частію проживалъ въ Краковѣ. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и неутомимому собиранію книгъ; путешествовалъ по всему польскому краю и вездѣ заводилъ бібліотеки, которыя со временемъ предполагалъ слить въ одну.

Въ 1833 г., получивъ позволеніе отъ нашего правительства возвратиться въ отечество, Свидзинскій, не останавливаясь въ Варшавѣ, отправился прямо въ Малороссію, куда призывали его дѣла по имѣнію. Онъ жилъ въ Мотыжинѣ, у родственника своего Шимановскаго, кievскаго предводителя дворянства. Тамъ онъ получилъ имѣніе, по матери, вслѣдствіе выиграннаго имъ процесса. Съ этихъ поръ Свидзинскій совершенно поселился въ Малороссіи, а въ послѣднее время жилъ въ деревнѣ Пашковкѣ, въ Кіевскомъ уѣздѣ, и оставался въ ней до конца жизни; одинъ только разъ, именно въ 1837 г., онъ посѣтилъ свой Сульгостовъ. Въ Пашковкѣ, гдѣ онъ прожилъ семь лѣтъ, у него было главное собраніе книгъ; отсюда онъ часто ѣздилъ въ Кіевъ. «Нашъ ученый бібліографъ, говоритъ г. Бартошевичъ, — привыкъ къ берегамъ Днѣпра, къ главамъ и колокольнямъ кievскихъ церквей. Сперва привлекали его сюда монастырскія бібліотеки, потомъ, сблизившись съ людьми и породнившись съ ними духомъ, мало-по-малу свыкъся и съ ними. Тамъ нашелъ онъ для себя другую земную отчизну, и ему уже не жаль было отчизны надъ Вислою.»

Свидзинскій записывалъ свои замѣтки о разныхъ книгахъ и брошюрахъ, которыя случалось ему приобрѣтать, и о разныхъ происшествіяхъ, которыхъ бывалъ свидѣтелемъ. Онъ оставилъ послѣ себя чрезвычайное множество бібліографическихъ замѣтокъ и матеріаловъ для своихъ домашнихъ мемуаровъ. Онъ тщательно отыскивалъ и покупалъ старыя рѣдкости: книги, монеты и картины. У него вездѣ была своя полиція для отысканія всего замѣчательнаго по части древностей. Впрочемъ, онъ былъ не только страстный бібліоманъ, но и вообще споспѣшествователь литературы и полезныхъ ученыхъ предпріятій. Свидзинскій былъ членомъ Кіевской археографической комиссіи, въ которую сообщилъ для изданія многіе историческіе матеріалы.

Свидзинскій умеръ въ Кіевѣ 11-го декабря 1855 г., на 62 году своей жизни. Сожалю, что предѣлы бібліографической статьи не

позволяютъ мнѣ передать всѣхъ подробностей о жизни и трудахъ этого челоуѣка, заслуживающаго глубокое уваженіе. Теперь нѣсколько познакоимъ читателей съ сокровищами музея Свидзинскаго, находящагося теперь въ Сульгостовѣ, въ Радомской губерніи.

Музей Свидзинскаго состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

1) *Собраніе книгъ*, къ которому относятся печатныя книги, географическія карты, музыкальныя ноты и т. п.

2) *Рукописи* заключаютъ въ себѣ книги, писанныя до изобрѣтенія книгопечатанія, подлинныя грамоты царствующихъ особъ, большею частію пергаменныя (числомъ нѣсколько сотъ), подлинники трактатовъ, дипломатическія ноты, привилегіи городовъ, древнія неизданныя хроники, акты городскіе и монастырскіе, діари, мемуары политическіе и домашніе, семейные архивы, неизданныя поэмы, собственноручныя письма знаменитыхъ лицъ, автографы королей и всѣхъ почти польскихъ знаменитостей, и т. п.

3) *Рисунки*, въ числѣ 14,000. Между ними особенно отличается почти полное собраніе гравированныхъ портретовъ знаменитыхъ Поляковъ.

4) *Собраніе картинъ*, заключающее въ себѣ слишкомъ двѣсти номеровъ, состоитъ большею частію изъ историческихъ польскихъ портретовъ. Между ними есть нѣсколько картинъ знаменитыхъ художниковъ.

5) *Нумизматика* заключаетъ въ себѣ монеты и медали всѣхъ странъ.

6) *Древности*, то-есть вещи, выкопанныя изъ земли, оружіе, старинная утварь, кубки и т. п.

Библиотека состоитъ изъ польскихъ и иностранныхъ книгъ; первая изъ нихъ составляютъ значительную часть ея, потому что Свидзинскій обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Въ числѣ ихъ находится много библиографическихъ рѣдкостей, какъ напримѣръ хроники: Меховиты (1521 г.), Бѣльскаго, Кромера (1558 г.); библия: Буднаго (1572 г.), радзивилловская, острожская, значительное число чрезвычайно рѣдкихъ арианскихъ изданій.

Историческій польскій отдѣлъ, котораго систематическій каталогъ уже составленъ, состоитъ изъ слѣдующихъ разрядовъ:

а) Хроники и исторія Польши, церковная польская исторія, діари и сеймовыя конституціи, описанія страны, монографіи, біографіи, гербовники и т. п.

б) Огромное, и безъ сомнѣнія единственное въ своемъ родѣ, собраніе брошюръ, касающихся большею частію публичныхъ событій; оно расположено хронологически и заключаетъ въ себѣ не менѣе 5,000 номеровъ. Сюда относятся также письма, универсалы, манифесты, сеймовыя рѣчи, школьныя публичные акты, старинныя газеты отъ 1730 г., и т. п.

с) Панегирики, которыми въ особенно сти изобилуетъ польская литература, составляютъ особый отдѣлъ. Сюда принадлежатъ: проповѣди, надгробныя и свадебныя рѣчи, похвальные стихи, элегіи, поздравленія и проч.

d) Полное собраніе нумизматическихъ польскихъ сочиненій.

e) Всеобщая исторія, то-есть всѣ сочиненія по этому предмету, написанныя Поляками.

f) Всеобщая церковная исторія, бібліи, житія святыхъ, соборныя уставы, синодики, и т. п.

g) Географія и путешествія, преимущественно Поляковъ.

Отдѣлъ гражданскаго и церковнаго права заключаетъ въ себѣ все, что только издано было, по предмету отечественнаго права, въ Польшѣ и за границею. Здѣсь находятся древнѣйшіе и чрезвычайно рѣдкіе статуты, кодексы, *Speculum Saxorum*, юридическія разсужденія, инвентаріи правъ, и т. п.

Отдѣлъ богословскій заключаетъ въ себѣ всю полемическую польскую литературу религіознаго содержанія.

Отдѣлъ изящной литературы, исторіи литературы, бібліографіи и періодическихъ изданій составленъ съ чрезвычайною полнотою. Въ немъ даже есть значительное число дуплетовъ старинныхъ и рѣдкихъ книгъ.

Собраніе книгъ старославянскихъ, русскихъ и чешскихъ, безъ сомнѣнія, одно изъ богатѣйшихъ во всей Польшѣ, потому что покойный Свидзинскій, долго живя въ Кіевской губерніи, имѣлъ случай приобрѣтать всякаго рода памятники русской письменности. Есть тутъ печатныя изданія острожскія, львовскія, стратинскія, дерманскія, еврейскія, почаевскія, кутенискія, и т. д. Между ними замѣчательныя: острожская біблія, апокрифическая книга Филарета (Бронскаго), Апостолъ Скорины, напечатанный въ Вильнѣ 1525 г., и т. д.

Отдѣлъ русскихъ и чешскихъ книгъ, по словамъ г. Лоскаго въ «Варшавской Газетѣ», заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, нѣкоторыя сочиненія начала XVI вѣка.

Отдѣлъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ турецкихъ и арабскихъ не столь значителенъ, какъ предыдущіе.

Какъ утверждаютъ польскіе журналы, число книгъ, оставшихся послѣ покойнаго Свидзинскаго, включая сюда также еще находящіяся за границею, простирается до 30,000 томовъ. Рукописей, большею частію фоліантовъ, переплетенныхъ въ книги, около 2,000; подлинныхъ грамотъ нѣсколько сотъ, мелкихъ сочиненій слишкомъ 20,000.

Самый важный и богатый отдѣлъ въ музеѣ Свидзинскаго составляютъ рукописи. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Старославянская біблія, Луки изъ Тарнополя, рукопись 1569 г.

Хроника Матвея Стрыйковскаго, на русскомъ языкѣ современная рукопись in folio, 606 стр.

Литовскій статутъ 1588 г., написанный готическими буквами, карминомъ и черными чернилами. Эта прекрасная рукопись, по догадкамъ, переписана для Льва Сапѣги.

Многочисленное собраніе оригинальныхъ сочиненій, касающихся казацкихъ войнъ; письма Хмѣльницкаго и другихъ предводителей Запорожскаго войска. Нѣкоторые изъ нихъ уже напечатаны въ «Запискахъ» Кіевской археографической комиссіи, куда сообщены Свидзинскимъ.

Подлинныя дипломатическія акты, касающіеся сношеній Польши съ Россіею, какъ напримѣръ письма Нащокина, одного изъ дипломатовъ, которые составляли трактатъ въ Андрусовѣ, въ 1668 году. Свидзинскій сообщилъ ихъ для напечатанія въ «Запискахъ» Кіевской археологической комиссіи.

Рукописи священника Ходыкевича, заключающія въ себѣ исторію доминиканцевъ русской провинціи. Здѣсь находится множество привидѣій и біографическихъ замѣтокъ о членахъ ордена доминиканцевъ, извѣстія о церковныхъ учрежденіяхъ, и т. п.

Число всѣхъ рукописей доходитъ до 2,000 томовъ.

Сверхъ того, бібліотека Свидзинскаго заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ рукописей, какъ-то большое собраніе писемъ и другихъ оригинальныхъ сочиненій знаменитыхъ Поляковъ. Къ такимъ принадлежатъ замѣтки Длугоша, письма Ивана Замойскаго, Ходкевича, Жолкевскаго и Чарнецкаго.

Въ особенности замѣчательна для насъ пергаменная рукопись: описаніе свадьбы царя Михаила Феодоровича. Въ этой небольшой книжкѣ, на одной сторонѣ, изображены въ миниатюрѣ разныя свадебныя сцены, а на другой—объяснительный текстъ. Какъ произведеніе искусства, картинны не имѣютъ никакого достоинства; но онѣ характеристичны и важны въ археологическомъ отношеніи.

Оканчивая этотъ бѣглый взглядъ на бібліотеку и рукописи покойнаго Свидзинскаго, прибавимъ, что послѣ него осталось еще множество его собственноручныхъ рукописей. Онъ имѣлъ обширныя, ученые свѣдѣнія и, совершенно живя въ прошедшемъ, оставилъ огромныя матеріалы для исторіи, бібліографіи, нумизматики. Собранныя до сихъ поръ его собственныя рукописи составляютъ уже до 10 огромныхъ фоліантовъ, отдѣльно отъ его трудовъ бібліографическихъ.

Перейдемъ теперь къ отдѣлу картинъ и рисунковъ.

Въ этомъ отдѣлѣ особенно важны гравюры, единственныя въ своемъ родѣ, особенно кіевской школы граверовъ XVIII вѣка, которую Свидзинскій, можно сказать, сохранилъ отъ забвенія. Къ числу этихъ рѣдкихъ и у насъ неизвѣстныхъ памятниковъ гравированія, въ особенности любопытна одна картина, оттиснутая на шелковой матеріи и посвященная Кіевскою академіею гетману Мазепѣ. Такъ

какъ единственный экземпляръ этой гравюры составляетъ важное доказательство, что граверное искусство процвѣтало въ Кіевѣ; въ началѣ прошедшаго вѣка, то авторъ статьи въ «Варшавской Газетѣ», видѣвшій эту гравюру, подробно описываетъ ее.

Въ самой срединѣ ея представленъ гетманъ Мазепа въ вооруженіи, опирающійся лѣвою рукой на щитъ, а правую на крестъ, вверху раздвоенный, въ видѣ буквы V. Такой крестъ, кажется, былъ семейнымъ гербомъ Мазепы. Съ правой стороны двѣ эмблематическія фигуры представляютъ религію, также города, изъявляющіе покорность и отдающіе себя подъ покровительство Мазепы; съ лѣвой стороны, его окружаютъ науки, искусства и промышленность, а надъ головой его возносится слава.

Въ противоположность срединной группѣ, изображающей какъ все процвѣтаетъ и возрастаетъ подъ попечительную властію казачкаго гетмана, вкругъ представлены чрезвычайный беспорядокъ и опустошеніе; здѣсь пылаютъ города, разрушаются башни и стѣны; тамъ вздымаются морскія волны и разбиваютъ о скалы корабли; наконецъ въ глубинѣ картины происходятъ страшныя битвы и убійства. Вверху надпись: «Si fractus illabatur orbis, impravidum ferient ruinae», а внизу картины посвященіе Мазепѣ. Подъ картиною есть надпись: «Daniel Galachowski sculpsit Kiioviae».

Эта гравюра, имѣющая слишкомъ два локтя длины и полтора локтя высоты, оттиснута на бѣлой шелковой матеріи. Г. Лоскій увѣряетъ, что эта гравюра замѣчательна по исправности рисунка и исполненія, и потомъ разказываетъ ея исторію и причину, отчего не сохранилось болѣе экземпляровъ, несмотря на то, что это произведение происходитъ не изъ отдаленныхъ временъ.

Когда гетманъ Мазепа перешелъ на сторону Карла XII, и послѣ проиграннаго сраженія подъ Полтавою, раздѣляя участь шведскаго монарха, которому помогалъ, принужденъ былъ вмѣстѣ съ нимъ искать убѣжища въ Бендерахъ; тогда во всей Малороссіи дано было строжайшее приказаніе истреблять все, что напоминало о немъ, какъ объ измѣнникѣ и преступникѣ; въ числѣ множества прочихъ вещей старательно были истреблены также вышеупомянутыя гравюры, сдѣланныя въ честь его, и доски ихъ. Гдѣ-то, близъ Кіева, говоритъ г. Лоскій, находилась церковь, построенная на счетъ Мазепы. Въ ея ризницѣ хранилась подобная гравюра, оттиснутая на шелковой матеріи. Мѣстный священникъ, какъ видно, цѣня ея, какъ дорогой памятникъ и, опасаясь попасть въ отвѣтственность, еслибъ ее замѣтили, наклеилъ сверху этой гравюры полотно и велѣлъ написать на немъ Иисуса Христа, лежащаго во гробѣ, для плащаницы.

Скрытое такимъ образомъ изображеніе Мазепы употреблялось при богослуженіи въ продолженіи слишкомъ 130 лѣтъ, и никто не зналъ объ этомъ. Наконецъ, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, когда ны-

нѣшній священникъ упомянутой церкви, по причинѣ ветхости плащаницы, сдѣлалъ новую, то замѣтивъ подѣ прежнюю еще новую матерію, отклеилъ ее и открылъ описанную здѣсь гравюру. Какъ только покойный Свидзинскій, посредствомъ многочисленныхъ своихъ агентовъ, узналъ объ этомъ открытіи, сейчасъ же предложилъ за гравюру довольно значительную сумму, и такимъ образомъ она попала въ его собраніе.

Въ числѣ картинъ, писанныхъ масляными красками, особенно замѣчательна слѣдующая:

«Папа Павелъ III, вручаетъ Игнатію Лойолѣ буллу, утверждающую основаніе ордена иезуитовъ.» По правую сторону представленъ папа Павелъ III, въ полномъ облаченіи, сидящій съ тиарою на головѣ. Онъ подаетъ преклоняющему колѣна на ступеняхъ трона, Игнатію Лойолѣ, бумагу, на которой можно прочесть только слѣдующія слова: «Paulus Epp. Servus servorum Dei». Подѣ Игнатія Лойолы стоятъ на колѣняхъ его сподвижники и первые члены ордена иезуитовъ. По правую руку отъ папы видны три кардинала, далѣе стоятъ римскіе сенаторы и прочіе сановники; на первомъ же планѣ и съ лѣвой стороны папскаго трона стоятъ послы трехъ иностранныхъ государствъ: Франціи, Испаніи и Польши. «Судя по кисти,—замѣчаетъ г. Лоскій, видѣвшій эту картину,—она должна быть произведеніемъ знаменитаго италіянскаго живописца и, какъ кажется, принадлежитъ началу XVII вѣка. Она имѣетъ въ длину 9 локтей, въ вышину $6\frac{1}{2}$; «фигуры натуральной величины.» Какъ утверждали покойный Свидзинскій и другіе знатоки, эта картина должна быть та самая, которую иезуиты поручали написать въ Римѣ, въ память основанія своего ордена Павломъ III, въ 1540 году, и которая въ продолженіи слишкомъ ста десяти лѣтъ находилась въ ихъ главной коллегіи въ Римѣ. Когда папа Климентъ XIV, въ 1773 году, уничтожилъ этотъ орденъ, и иезуиты только въ Бѣлоруссіи сохранили свое имущество, коллегію и права, вслѣдствіе покровительства императрицы Екатерины II, тогда они, имѣя свою главную коллегію въ Полоцкѣ, помѣстили въ ней вышеупомянутую картину, которую привезли съ собою изъ Рима. Когда въ 1820 г., вышелъ указъ императора Александра I, навсегда уничтожившій орденъ иезуитовъ во всей имперіи, тогда и картина, о которой здѣсь говорится, по выходѣ иезуитовъ, осталась въ Полоцкѣ, вмѣстѣ со многими другими драгоценными церковными утварями. По прошествіи слишкомъ десяти лѣтъ, она уже была собственностію частныхъ лицъ, у которыхъ покойный Свидзинскій купилъ ее за значительную сумму, для своего музея.

Нельзя не пожелать, чтобы скорѣе наступило время, когда въ Варшавѣ будетъ открытъ для публики богатый музей Свидзинскаго, который оставилъ по себѣ такую прекрасную и вѣчную память. Люди,

жаждущіе просвѣщенія, входя въ этотъ музей, съ благодарностію будутъ вспоминать имя его основателя...

Въ 6-й кн. «Варшавской Библіотеки» особенно замѣчательна слѣдующая статья: Земледѣльческое народонаселеніе въ Польшѣ отъ XV до XVI вѣка.» Она написана молодымъ и даровитымъ ученымъ княземъ Любомирскимъ, который общается для польской литературы замѣчательнаго дѣятеля. Онъ выступилъ на литературное поприще недавно, именно въ 1855 году, помѣстивъ въ «Варшавской Библіотекѣ» того же года превосходную статью: «Староство Ратенское.» Она есть извлеченіе изъ исторіи волошскихъ поселеній въ Польшѣ и, какъ говорятъ польскіе журналы, есть только часть болѣе обширнаго труда, который постепенно будетъ появляться отдѣльными частями; эти статьи составятъ цѣлое сочиненіе, которое будетъ заключать въ себѣ полную исторію поселенъ въ Польшѣ.—Кн. Любомирскій много лѣтъ посвятилъ на изученіе своего предмета и неутомимо трудился въ Коронномъ Архивѣ. Вышеупомянутая нами статья: «Земледѣльческое народонаселеніе въ Польшѣ отъ XV до XVI вѣка», есть начало обширнаго историческаго разсужденія, также входящаго въ составъ полной исторіи поселенъ въ Польшѣ. Авторъ, послѣ тщательной разработки историческихъ документовъ, представляетъ, какъ постепенно измѣнялась судьба польскихъ поселенъ, нѣкогда находившихся въ иномъ, лучшемъ положеніи, нежели то, до котораго въ послѣдствіи времени довела ихъ превозмогающая сила буйной шляхты. Изъ среды ихъ выходили ученые и достойные служители церкви и края, до тѣхъ поръ, пока не препятствовали имъ вступать въ училища и занимать высшія должности. Авторъ указываетъ, что земледѣльческое народонаселеніе раздѣлялось на свободное и не свободное: первое пользовалось земскимъ правомъ, другое частнымъ; къ первому принадлежали солтысы и крестьяне (kmięcie), къ другому крѣпостные (przywierdzeni) и рабы.—Мѣра свободы, начиная отъ солтысы до раба, постепенно уменьшалась, какъ видно изъ сочиненія князя Любомирскаго. Духовенство играетъ здѣсь прекрасную роль. Оно заслоняетъ независимость поселенъ отъ угнетенія шляхты, когда, въ XVI вѣкѣ, при распространеніи юридическихъ наукъ и новыхъ понятій, судебная власть перешла къ духовенству. Короли всегда были примирителями поселенъ съ другими сословіями; это продолжалось до тѣхъ поръ, какъ шляхта взяла совершенный перевѣсъ, и вся тягость податей пала на крестьянское сословіе,—когда у него отняли вольный бытъ и свободу переходить съ мѣста на мѣсто, когда на смерть отягощали его барщиною. «Народонаселеніе покрылось трауромъ; на груди каждаго изображались слова, приличныя всѣмъ угнетеннымъ: Tristis usque ad mortem.»

Такъ оканчиваетъ начало своей статьи князь Любомирскій. Въ слѣдующихъ книжкахъ «Библіотеки» будетъ ея продолженіе. Тогда мы подробнѣе ознакомимся съ нею.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы изложили довольно подробно нескончаемый вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи. Извѣстно, что по этому дѣлу созданы были датскимъ правительствомъ голштинскіе чины, которымъ представленъ на разсмотрѣніе новый проектъ частной конституціи для Голштинскаго герцогства, и что чины поручили предварительное обсужденіе проекта комиссіи. Последняя окончила возложенное на нее порученіе и представила голштинскому сейму прекрасный докладъ, занявшій нѣсколько номеровъ тѣхъ европейскихъ журналовъ, которые нашли нужнымъ сообщить его вполне. Въ докладѣ комиссія излагаетъ вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ исторически, сообщая свѣдѣнія, отчасти уже знакомыя нашимъ читателямъ. Самая оцѣнка новаго проекта сдѣлана кратко, и большая половина доклада посвящена обзору того порядка вещей, который существуетъ въ герцогствахъ съ 1848 года. Читатели помнятъ, что нѣмецкая партія болѣе всего недовольна *общею* конституціей 1855 года: оттого проектъ *частной* конституціи кажется ей дѣломъ, такъ сказать, второстепеннымъ, и оттого-то комиссія голштинскаго сейма сочла необходимымъ распространиться о недостаткахъ существующей нынѣ *общей* конституціи, не представленной на разсмотрѣніе голштинскихъ чиновъ. Мы приведемъ самія существенныя мѣста изъ этого доклада, чтобы вполне уяснить для читателей стремленія и жалобы, направленные противъ Даніи не только въ герцогствахъ, но и во всемъ Германскомъ Союзѣ.

«Рациональная цѣль всякой конституціи (сказано между прочимъ въ докладѣ комиссіи) заключается въ томъ, чтобы за націею было упрочено право выражать свою волю черезъ посредство своихъ представителей. Но, при нынѣшнемъ составѣ общаго сейма, право это существуетъ только на бумагѣ для голштинскаго населенія. Общанная общая конституція осталась для него общаніемъ и не сдѣлалась дѣйствительностію. Напротивъ, существующая общая конституція подвергла его большой опасности. Воля государя, отъ котораго, при высокомъ его положеніи, можно ожидать безпристрастнаго обсужденія всѣхъ интересовъ, уступила мѣсто влиянію большинства датскихъ депутатовъ, и самыя дорогіе интересы герцогства отданы въ распоряженіе этого большинства. Если датское правительство желаетъ связать *общею* конституціею страны и народы, подобныя тѣмъ, которые подвластны королю, то эти народы должны имѣть *инди-*

индивидуальное (особое) представительство въ общемъ учрежденіи. Только такимъ образомъ можно упредить равенство правъ и должное охраненіе интересовъ каждаго изъ нихъ. Представительство, соразмѣрное съ населеніемъ, можетъ быть удовлетворительно въ монархіи, составленной изъ провинцій, родственныхъ по населенію. Герцогство Голштинское не провинція Датскаго королевства; оно подвластно его величеству на одинаковыхъ правахъ съ другими частями монархіи, и составляетъ самостоятельную (*selbstständig und gleichberechtigt*) часть этой монархіи.»

Итакъ, основное требованіе комиссіи заключается въ томъ, что на общемъ сеймѣ, установленномъ общемо конституціей 1855 года, представители нѣмецкой партіи составляютъ меньшинство, безсильное противъ большинства, состоящаго изъ депутатовъ собственной Даніи, и слѣдовательно отстаивающаго выгоды этой части монархіи. Герцогства желали бы, чтобы выборы производились не по числу народонаселенія, ибо въ такомъ случаѣ нѣмецкая партія составляетъ меньшинство, и чтобы объ народности, датская и нѣмецкая, имѣли какъ бы два отдѣльные сейма, по крайней мѣрѣ равные по своему численному составу. Последнее желаніе выражено въ другомъ мѣстѣ доклада, которое считаемъ излишнимъ приводить здѣсь. Предоставляя читателю припомнить происхожденіе Датской монархіи въ нынѣшнемъ ея разноплеменномъ составѣ и вывести собственное заключеніе изъ сообщаемыхъ нами фактовъ, продолжаемъ извлеченіе изъ доклада комиссіи голштинскаго сейма.

Въ ряду жалобъ, высказанныхъ ею, одна изъ самыхъ главныхъ касается финансоваго вопроса. Въ послѣдніе годы, сказано въ докладѣ, установленъ одинъ новый налогъ; другой налогъ, существовавшій и прежде, усиленъ; доходы съ государственныхъ имуществъ, принадлежащихъ герцогству, тоже перешли въ общую казну, такъ что Голштинское герцогство въ настоящее время платитъ вчетверо больше поземельнаго налога (*Landsteuer*), чѣмъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, предшествовавшихъ 1848 году. «Напротивъ, продолжаетъ комиссія, Датское королевство облегчено отѣною одного налога и уменьшеніемъ другаго; поземельный налогъ не увеличился въ Даніи въ той степени, въ какой онъ увеличенъ въ Голштиніи.» Все это комиссія приписываетъ влиянію общей конституціи 1855 года. «Неоспоримо (сказано далѣе въ томъ же докладѣ), что нынѣшнее финансовое положеніе Голштинскаго герцогства чрезвычайно тяжело, и что будущность его опасна. Къ сожалѣнію, права, представляемая проектомъ частной конституціи голштинскому сейму, не даютъ послѣднему никакого средства поправить дѣло. Ему дозволено только заниматься раскладкою той суммы, которую, по назначенію общаго датскаго сейма, должно доставить герцогство, да и то лишь относительно тѣхъ денежныхъ сборовъ, которые расхо-

дуются исключительно въ пользу герцогства.» Докладъ оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: «герцогство Голштинское не получило той независимости, на которую имѣетъ право, и которая, при правительствѣ менѣе доступномъ для частныхъ вліяній, могла бы быть дарована въ равной степени всѣмъ частямъ монархіи.

«Напротивъ, стороннія вліянія во всѣхъ отношеніяхъ препятствовали самостоятельному преуспѣянію герцогства.

«Герцогство Голштинское не пользовалось тѣми же правами, какія предоставлены Датскому королевству, и напротивъ подчинено большинству общаго сейма; сверхъ того, оно поставлено въ положеніе чрезвычайно невыгодное и въ другихъ отношеніяхъ, но главнымъ образомъ относительно финансовъ.

«Такое положеніе дано герцогству неконституціоннымъ путемъ.»

Мы опускаемъ тѣ жалобы, возбужденныя новымъ проектомъ частной конституціи, о которыхъ уже было упомянуто въ нашемъ последнемъ обзорѣ. Впрочемъ коммиссія прямо говоритъ въ своемъ докладѣ, что проектъ частной конституціи и не можетъ быть удовлетворителенъ, пока не опредѣлены отношенія герцогства къ собственной Даніи. Заключая свой докладъ предложеніемъ отвергнуть представленный правительствомъ проектъ, коммиссія въ то же время объявляетъ, что «еслибы голштинскому сейму предложили проектъ общей конституціи, составленный въ примирительномъ смыслѣ и на основаніи равенства между частями Датской монархіи, то онъ былъ бы принятъ и оцененъ по достоинству; но этого не желали, голштинскій сеймъ даже не былъ приглашенъ выразить свое мнѣніе объ общей конституціи.»

Голштинскій сеймъ одобрилъ заключенія своей коммиссии въ за сѣданіи 9-го сентября, и вслѣдъ за тѣмъ былъ распущенъ, потому что датское правительство созывало его именно для отвѣта, положительнаго или отрицательнаго, на проектъ частной конституціи. По общему мнѣнію, господствующему въ Германіи, дѣло это вскорѣ поступитъ на разсмотрѣніе германскаго сейма. Извѣстно, что и прежде Пруссія и Австрія только потому не поднимали датско-нѣмецкаго вопроса на этомъ сеймѣ, что надѣялись на возможность соглашенія между герцогствами и датскимъ правительствомъ. Последнее, съ своей стороны, намѣрено обратиться къ общему сейму монархіи, который неожиданно созванъ въ Копенгагенѣ къ 30-му сентября.

Въ последнее время, въ Европѣ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидаютъ развязки по извѣстному разногласію между Испанією и Мексикой. Въ свое время мы сообщали, что при послѣднихъ смутахъ въ Мексикѣ нѣсколько Испанцевъ убиты разбойническимъ образомъ, и что убійцы не были преслѣдуемы законнымъ порядкомъ. Мадридскій дворъ потребовалъ удовлетворенія, и не получивъ его вопль, отправилъ на островъ Кубу сухопутныя и морскія военныя

силы, которыми, въ случаѣ надобности, будетъ командовать губернаторъ острова. Испанскій министръ иностранныхъ дѣлъ разослалъ къ дипломатическимъ агентамъ Испаніи при иностранныхъ дворахъ циркулярную депешу, въ которой излагаетъ все случившееся въ Мексикѣ, и объявляетъ о своемъ намѣреніи требовать наказанія виновныхъ и денежнаго вознагражденія въ пользу испанскихъ подданныхъ, которые были жертвами мексиканскихъ смутъ. Испанскій повѣренный въ дѣлахъ въ Мексикѣ, г. Сарела, прервалъ дипломатическія сношенія съ правительствомъ, при которомъ былъ аккредитованъ, такъ что въ настоящее время остались лишь два средства покончить дѣло: война или посредничество третьей державы. Роль посредника, повидимому, приняла на себя Франція, при содѣйствіи мексиканскаго посланника въ Парижѣ, г. Лафрага; но до сихъ поръ ходъ переговоровъ остается тайною какъ для публики, такъ и для журналовъ, въ которыхъ находимъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи дѣла. Опасаются, что въ случаѣ войны между Мексикой и Испаніей, Соединенные Штаты, особенно при теперешнемъ президентѣ, не останутся сторонними зрителями этой борьбы, и что Мексика, истощенная многолѣтними смутами, должна будетъ обратиться къ своимъ сильнымъ и богатымъ сосѣдямъ, которые еще недавно купили у нея значительную территорію. Какъ далеко зашли обѣ стороны относительно разрыва, видно изъ циркуляра, разосланнаго мексиканскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тераномъ, къ губернаторамъ еще 8-го іюля. Министръ объявляетъ, что г. Лафрага посланъ былъ изъ Парижа въ Мадридъ для переговоровъ, но не былъ принятъ тамъ въ качествѣ полномочнаго министра, и потому переговоры были невозможны. Онъ требуетъ, чтобы губернаторы доставили въ министерство свѣдѣнія о численной силѣ національной гвардіи въ провинціяхъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ не измѣнилось. Въ Мексикѣ правительство готовится къ оборонѣ, а на островѣ Кубѣ и въ Испаніи другое правительство готовится къ нападенію. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что посредничество Франціи увѣнчается успѣхомъ. Само по себѣ, разногласіе между Испанією и Мексикой было бы неважно; но по отношенію къ политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, оно, какъ замѣчено выше, возбуждаетъ безпокойство: понятно, что не только Франція, но и Англія употребятъ всѣ усилія, чтобъ уладить это дѣло.

Высочайшимъ повелѣніемъ 9-го августа предписано: по окончаніи врачебнаго курса воспитывающимися въ университетахъ и медико-хирургической академіи на счетъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ, причислять изъ таковыхъ воспитанниковъ къ больницъ для

чернорабочихъ въ С. Петербургѣ отъ 20 до 30 врачей, съ званіемъ ординаторовъ—практиковъ, со всѣми служебными правами и съ содержаніемъ по 300 р. сер. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они занимались при больницахъ патологическою анатоміей, судебною медициною, хирургіей и микроскопіей. Послѣ двухъ—годичныхъ занятій въ больницѣ, они должны быть назначаемы въ города и уѣзды, но не по принятому обычаю, на безсрочное время, а на два или три года. Въ теченіи этого время они обязаны оставаться въ ученыхъ сношеніяхъ съ медицинскимъ департаментомъ, по окончаніи года представить въ оный описаніе болѣзней, ими пользованныхъ, операций, ими сдѣланныхъ, и вообще ученыхъ наблюденій, а по истеченіи втораго года до конца третьаго, доставить медико—топографическое описаніе мѣстности, съ замѣчаніями своими о причинахъ появленія болѣзней и о мѣрахъ, могущихъ служить къ ихъ отвращенію. Медицинскій департаментъ обязанъ соразмѣрять повышеніе врачей съ удовлетворительностію этихъ работъ и слѣдить за ихъ учеными трудами, поставивъ такимъ образомъ весь успѣхъ служебной будущности врачей въ зависимость ученой дѣятельности, а не случайности и протекціи. Для ихъ руководства, при больницѣ чернорабочихъ велѣно опредѣлить профессоровъ—консультантовъ: одного для патологической анатоміи, судебной медицины и микроскопіи, одного для хирургіи и фармаціи, съ содержаніемъ: первымъ двумъ по 1,000, а послѣднему по 800 р. сер. въ годъ.

Обнародованъ отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за прошлый 1856 годъ. Особенно важную часть отчета составляетъ обзоръ общихъ распоряженій правительства. Въ теченіи прошедшаго года принято нѣсколько важныхъ мѣръ на пользу просвѣщенія. Къ числу ихъ относятся: 1) Высочайшее повелѣніе 5—го мая, въ которомъ Государь Императоръ изъявилъ желаніе, чтобъ учебныя засѣданія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ и попеченіемъ Его Величества. Съ этою цѣлію начертаны новыя правила для дѣйствій главнаго управленія училищъ. 2) Возстановленіе ученаго комитета, какъ отдѣльной части главнаго управленія училищъ и упраздненіе состоявшаго при министерствѣ комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. 3) Отмена преподаванія военныхъ наукъ въ университетахъ. 4) Предполагается открытіе школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ. 5) Разрѣшеніе посылать за границу молодыхъ людей изъ числа кончившихъ курсъ въ университетахъ, для усовершенствованія въ избранныхъ ими предметахъ и для полнаго приготовленія къ профессорскому званію.

Въ Англии извѣстія изъ Остъ—Индіи замедлились въ послѣднее время, и журналы наполнены однѣми подробностями о событіяхъ, уже извѣстныхъ публикѣ въ главныхъ чертахъ. Такъ невыгодное

для Англичанъ и кровопролитное сраженіе подъ Агрою, о которомъ въ послѣдній разъ мы могли сообщить только краткія извѣстія, теперь извѣстно во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Инсурденты, осадившіе Агрю, пришли туда изъ Нимоча (Neemuch) и Нассирабада. Они расположились въ 20 миляхъ отъ города, откуда начали тревожить его передовые окопы. Гарнизонъ Агры довольно незначителенъ. Онъ состоитъ изъ 3-го европейскаго бенгальскаго полка, артиллерійской батареи и отряда волонтеровъ въ 500 человекъ, набраннаго между христіанскимъ населеніемъ. Частыя нападенія принудили осажденныхъ удалиться въ крѣпость. 5-го іюля инсурденты приблизились къ окопамъ для грабежа; гарнизонъ воспользовался этимъ, чтобы напасть на нихъ. Такъ завязалось дѣло, въ которомъ Англичане потерпѣли пораженіе. Изъ числа 500 человекъ, которые находились въ сраженіи, убито 42 человека, а ранено 92. Мятежники заняли окопы и стѣснили гарнизонъ, заключившійся въ крѣпости. По счастью, успѣхъ инсурдентовъ на этотъ разъ обошелся безъ кровопролитія: европейское населеніе успѣло вовремя укрыться въ крѣпость, и лишь нѣсколько человекъ сдѣлались жертвами черни, немедленно приставшей къ инсурдентамъ. Но потеря Англичанъ не ограничилась только убитыми и ранеными: они лишились еще части военныхъ снарядовъ вслѣдствіе взрыва бочекъ съ порохомъ. Восстаніе распространяется. По новѣйшимъ извѣстіямъ оно вспыхнуло также въ Гайдерабадъ (въ Деканѣ), главномъ городѣ области Низамъ. Волненіе съ трудомъ было прекращено, однако Англичанамъ удалось удержать этотъ городъ въ своей власти.

Правительство дѣятельно занимается отправкою войскъ въ Остъ-Индію. Отправка началась тотчасъ послѣ перваго извѣстія о мятежѣ и продолжается до сихъ поръ. 27-го іюня была получена первая депеша, а 1-го іюля уже было отправлено 9,000 солдатъ. Въ августѣ отправлено 15,000, которые теперь уже должны быть на мѣстѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ войскомъ, которое уже находится въ Остъ-Индіи, и полками, ожидаемыми изъ Китая, остъ-индское правительство будетъ располагать значительными силами. Нѣкоторые изъ журналовъ вполне надѣются на быстрое прекращеніе мятежа вновь прибывшими войсками, которыя будутъ не малочисленнѣе возмущившихся сипаевъ. Въ этихъ надеждахъ, однако, есть много преувеличеннаго. Не надобно забывать, что число инсурдентовъ едва ли извѣстно въ точности, и къ тому оно ежеминутно можетъ увеличиться. Рассчитывать на непоколебимую вѣрность индійскихъ контингентовъ едва ли благоразумно. Между ними замѣтно большое колебаніе, и опытъ научилъ, какъ мало можно полагаться на нихъ. Правительство чувствуетъ это, и всѣми мѣрами старается увеличить свое войско, котораго, вѣроятно, и по водвореніи мира, потребуется въ Остъ-Индію довольно много. Замѣчательно однако, что и въ этихъ стѣснитель-

ныхъ обстоятельствахъ, оно не рѣшилось отступить отъ стараго обычая, и до сихъ поръ не прибѣгло къ набору, на который въ Англіи смотрятъ неблагопріятно. Солдаты попрежнему набираются изъ волонтеровъ, и новая мѣра состоитъ только въ томъ, что принимаются новобранцы ниже опредѣленнаго закономъ роста. Любопытно видѣть, до какой степени въ англійской арміи еще сохранились совершенно особенные обычаи. Недавно обнародованъ приказъ главнокомандующаго арміи, герцога Кембриджскаго. Въ этомъ приказѣ объявлено, что правительство будетъ давать чины всякому молодому человѣку, который наберетъ сто рекрутъ и выполнитъ слѣдующія условія: 1) дастъ знать заранее армейскому начальству о своемъ намѣреніи вербовать рекрутъ и получить отъ него разрѣшеніе; 2) будетъ имѣть отъ роду не менѣе 18 и не болѣе 24 лѣтъ, въ удостовѣреніе чего представить метрическое свидѣтельство; представить свидѣтельство отъ священника своего исповѣданія въ томъ, что получилъ религіозное образованіе; и 4) свидѣтельство въ хорошемъ поведеніи отъ того заведенія, въ которомъ получилъ воспитаніе.

Толки о характерѣ возстанія до сихъ поръ продолжаютъ какъ въ англійской, такъ въ иностранной журналистикѣ. Со времени первыхъ извѣстій о бунтѣ вышло нѣсколько большихъ сочиненій объ Остѣ-Индіи, съ цѣлю разъяснить спорный вопросъ. Парламентъ, съ своей стороны, издалъ цѣлую книгу официальныхъ актовъ, относящихся къ остѣ-индскому управленію. Мнѣнія раздѣлились на двѣ партіи; одни видятъ въ остѣ-индскихъ происшествіяхъ одинъ военный мятежъ, другіе, напротивъ, указываютъ на общее неудовольствіе Индусовъ противъ англійскаго владычества. Мы уже говорили объ этомъ въ послѣднемъ обзорѣ. Въ настоящее время едва ли можно что-либо объяснить вполне удовлетворительно, кромѣ исходнаго пункта возстанія. Однако изъ новыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, сообщенныхъ въ послѣднее время, можно, кажется, съ нѣкоторымъ основаніемъ заключить, что мятежъ имѣетъ, кромѣ военнаго, еще мусульманскій характеръ. Увѣряютъ, что въ магометанскихъ мечетяхъ уже сто лѣтъ, какъ ежедневно читаются молитвы объ изгнаніи Англичанъ изъ Индіи. Свобода книгопечатанія, которую Англичане всюду приносятъ съ собою, дала возможность образованнымъ мусульманамъ завести періодическія изданія и подогрѣвать естественное нерасположеніе къ чужеземцамъ. Въ какой степени они пользовались этою возможностью, видно изъ ожесточенныхъ протестовъ противъ низложенія въ прошломъ году аудскаго короля. Къ религіозной ненависти присоединилась и другая причина, усилившая вражду. Когда высшіе слои населенія приобрѣтали европейское просвѣщеніе, они узнали о малочисленности Англичанъ не только въ Остѣ-Индіи, но и въ Европѣ, и начали стыдиться своей зависимости отъ небольшого племени. Между образованными классами не-

расположеніе къ Англии есть общее чувство, раздѣляемое не только индусами и мусульманами, но даже парсами. Журналъ, издаваемый послѣдними въ Калькуттѣ (Parsee Reformer), также рѣзко говорилъ о присоединеніи Ауда, какъ говорили о томъ мусульмане. Разбирая прокламацію генералъ-губернатора, онъ прямо называлъ ложными всѣ ея доводы и сравнивалъ съ насиліемъ Англии великодушное поведеніе аудскаго короля. Недавно, по поводу мятежа, этотъ журналъ призывалъ мщеніе неба на голову Англичанъ, и радовался при видѣ «постыднаго бѣгства тѣхъ, которые еще недавно были повелителями Индіи.» — «Англичане! сказано въ заключеніе этой статьи: вы, конечно, не думали, что новый императоръ вступитъ на дельгійскій тронъ со всѣмъ блескомъ Надиръ-Шаха, Бабера или Тамерлана.» Подобныя выходки оправдываютъ послѣднюю ценсурную мѣру лорда Каннинга; но тѣмъ болѣе слѣдуетъ отдать справедливость чувству законности и либеральному духу, которые царствуютъ въ Англии: несмотря на грозныя обстоятельства и злоупотребленія остъ-индской журналистики, многіе были недовольны введеніемъ ценсуры, и нѣкоторые журналы громко высказываютъ свое негодованіе. Эта привязанность къ свободнымъ учрежденіямъ даетъ Англии ту нравственную силу, которая не разъ спасала ее въ затрудненіяхъ, и безъ сомнѣнія поможетъ ей и теперь.

Подробности о личности кроваваго Нана-Саиба, которая сдѣлалась извѣстны въ послѣднее время, чрезвычайно любопытны. Это человекъ, по наружности, вполне образованный. Онъ бѣгло говоритъ по-англійски и былъ всегдашнимъ товарищемъ европейскихъ офицеровъ во всѣхъ ихъ увеселеніяхъ. Онъ сталъ во главѣ инсургентовъ вслѣдствіе того, что послѣ смерти усыновившаго его пейшвы Наджи-Роа остъ-индское правительство не хотѣло платить ему пенсіи, которую оно давало низложенному владѣтелю. Нана-Саибъ жилъ въ Бигурѣ, недалеко отъ Каунпора. Послѣ смерти пейшвы, онъ заключилъ въ тюрьму его законныхъ наслѣдниковъ и пытался, но безъ успѣха, возстановить свои права судебнымъ порядкомъ.

Слухи о преобразованіи остъ-индской администраціи и совершенномъ упраздненіи компаніи все болѣе получаютъ вѣроятности. Говорятъ объ отставкѣ г. Вернонъ-Смита, начальника такъ-называемой канцеляріи остъ-индскихъ дѣлъ, на которой, между прочимъ, лежитъ обязанность надзора за правленіемъ директоровъ компаніи. Г. Вернонъ-Смитъ возбудилъ неудовольствіе самихъ директоровъ, однако его отставка почитается первымъ шагомъ къ преобразованіямъ. Многіе полагаютъ, что Маколей, недавно возведенный въ перы, будетъ призванъ въ новое учрежденіе, которое будетъ завѣдывать остъ-индскими дѣлами.

Новые перы, о которыхъ мы говорили, получили слѣдующіе титулы: лордъ Гровноръ (которому титулъ лорда давали изъ вѣжли-

вости, какъ это часто бываетъ съ младшими сыновьями англійской аристократіи), получилъ титулъ барона Эберн, а Маколей титулъ барона Маколей-Ротли. Знаменитому историку сохранено его прославленное имя. Другія назначенія не подтвердились.

Въ Бельгастѣ, въ Ирландіи, недавно произошли волненія. Поводъ къ нимъ подали проповѣди на чистомъ воздухѣ англиканскихъ и пресвитеріанскихъ священниковъ. Это возбудило ненависть католическаго населенія, которое оскорбило проповѣдниковъ. Произошла драка, не обошедшаяся безъ жертвъ, и мѣстное начальство должно было прибѣгнуть къ военной силѣ. Высшее духовенство двухъ протестантскихъ церквей задолго старалось умѣрить усердіе проповѣдниковъ, и совѣтовало имъ осторожнѣе пользоваться своимъ правомъ. Къ сожалѣнію, эти увѣщанія не произвели никакого дѣйствія, и лишняя ревность повела къ безконечнымъ раздорамъ.

Во Франціи, со времени закрытія засѣданій законодательнаго сословія, весь общественный интересъ сосредоточивается на совѣщаніяхъ департаментскихъ совѣтовъ, начавшихся въ концѣ прошедшаго мѣсяца. Извѣстно, что генеральные совѣты пользуются правомъ выражать правительству свои желанія (voeux) насчетъ мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать развитію мѣстныхъ интересовъ. Заключенія совѣтовъ, въ нынѣшнемъ году, очень замѣчательны. Большая часть департаментовъ, которые теперь представили правительству свои опредѣленія, выразили желаніе, чтобы правительство содѣйствовало извѣстному проекту г. Лессепса о прорытіи Суэзскаго перешейка. Уже теперь такихъ департаментовъ насчитывается тридцать пять. Относительно внутреннихъ мѣръ и предпріятій тоже было высказано много важнаго. Общій совѣтъ департамента Геро повторилъ свое ежегодное желаніе объ измѣненіи таможеннаго тарифа въ духѣ началъ свободной торговли. Нынѣшній разъ опредѣленіе совѣта подкрѣплено самымъ подробнымъ развитіемъ побудительныхъ причинъ, которыхъ изложеніе сдѣлано краснорѣчивымъ перомъ предсѣдателя совѣта, г. Мишеля Шевалье. Вопросъ о свободной торговлѣ находится на очереди въ цѣлой Европѣ и вездѣ находитъ и жаркихъ поборниковъ и жаркихъ противниковъ. Считаемо поэтому не лишнимъ передать читателямъ главные доводы героскаго совѣта. Генеральный совѣтъ находитъ, что высокій тарифъ не только вредитъ успѣхамъ земледѣлія, котораго продукты вслѣдствіе его не проникаютъ на европейскіе рынки, но и не соответствуетъ состоянію мануфактурной промышленности. Тарифъ препятствуетъ мануфактурной промышленности пріобрѣтать за дешевую цѣну сырые матеріалы и орудія производства, лишая ее въ то же время образцовъ иностранныхъ фабрикъ, которые могли бы дать поводъ къ новымъ усовершенствованіямъ. Безполезный при сильномъ развитіи внутренняго производства, высокій тарифъ составляетъ прямое противорѣчіе съ

тѣмъ стремленіемъ къ международному сближенію, которое составляетъ отличительный характеръ новаго времени. Сверхъ того французская промышленность сама признала себя достаточно зрѣлою для свободнаго соперничества, ибо мануфактуристы всё желали всемірной выставки въ Парижѣ. Пониженіе пошливъ, на нѣкоторые изъ предметовъ первой необходимости, каковы: хлѣбъ, нашітки и скоть, не только не нанесло никакого вреда національной промышленности, но, напротивъ того, содѣйствовало ея развитію. Существованіе такихъ фабрикъ, которыя производятъ съ большими издержками, чѣмъ заграничныя, особенно вредно въ эпохи кризиса, ибо когда французскій рынокъ не достаточенъ для сбыта всѣхъ находящихся на немъ произведеній, то послѣднія съ трудомъ находятъ сбытъ за границею; вслѣдствіе этого, работа на фабрикахъ прекращается, и общественныя бѣдствія увеличиваются. Эти общія соображенія генеральный совѣтъ подкрѣпляетъ примѣрами изъ промышленной исторіи Франціи. Доказательство, что сами работники бывають жертвами запретительной системы, имѣетъ особенную важность, потому что защитники высокихъ тарифовъ нерѣдко прикрываютъ свои корыстные виды мнимою выгодой рабочаго класса. Въ прошломъ году, когда пошлины на нѣкоторые предметы были понижены, и вслѣдъ за тѣмъ произошли волненія въ Руанѣ и Лиллѣ, многіе старались объяснить это страхомъ работниковъ потерять отъ измѣненія тарифа. Но еслибы даже эти волненія и произошли сами собою, безъ всякаго посторонняго вліянія, то они все-таки ничего не доказываютъ, кромѣ ошибочнаго взгляда работниковъ на собственные интересы. Мнѣніе Героскаго департамента раздѣляютъ многіе другіе совѣты; но экономическія свѣдѣнія еще не довольно распространены во Франціи, а потому нашлись и такіе совѣты, которые выразили желаніе, чтобы тарифъ не потерпѣлъ никакихъ измѣненій. По счастью, промышленность такъ развита во Франціи, ея настоящіе интересы такъ очевидно представляются не предубѣжденнымъ умамъ, что защитники покровительственной системы не находятъ сильныхъ доводовъ въ окружающей ихъ дѣйствительности. Органомъ протекціонистовъ былъ на этотъ разъ генеральный совѣтъ Сѣвернаго департамента. Его опредѣленію нельзя дать обыкновеннаго названія: *желаніе*; оно все состоитъ въ превознесеніи мудрости императора и въ изъявленіи твердой увѣренности, что эта мудрость заставитъ его остановиться въ дальнѣйшемъ преобразованіи тарифа. Остальныя желанія генеральныхъ совѣтовъ касаются важнѣйшихъ требованій мѣстной промышленности и сельскаго быта, указываютъ на необходимость провести желѣзныя дороги, преобразовать устройство сельской стражи, ускорить изданіе сельскаго устава и т. п. Одинъ департаментъ, именно Сены-и-Марны, въ краткихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ проекта правительства принять на себя застрахованіе сельской

промышленности, проекта, который недавно былъ представленъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Заговоръ противъ жизни императора, произведшій мало шума и во время своего открытія, былъ почти совершенно позабытъ потомъ. Между тѣмъ дѣло продолжалось въ ассизномъ судѣ Сенскаго департамента. Говоря нѣсколько недѣль тому назадъ объ осужденіи Тибальди, Гралли и Бартолотти, мы замѣтили, что въ обвинительномъ актѣ противъ нихъ не было упомянуто о Ледрю-Ролленѣ, и только показанія свидѣтелей о сношеніяхъ обвиненныхъ съ какимъ-то Французомъ въ Лондонѣ заставляли судей думать объ его участіи. Эти показанія побудили правительство начать заочный процессъ противъ Мадзини, Ледрю-Роллена, Массаренти и Кампанеллы. Кромѣ новаго допроса свидѣтелей, основаніемъ для суда послужило оправданіе, напечатанное Ледрю-Ролленомъ въ Лондонѣ. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ свою невинность тѣмъ, что убійство императора не принесло бы никакой пользы революціонной партіи. Судъ заключилъ, что человекъ, такъ хладнокровно разсуждающій о выгодахъ и невыгодахъ преступленія, долженъ быть виновенъ, и на этомъ основаніи приговорилъ заочно всѣхъ четверыхъ къ ссылкѣ.

Гораздо болѣе впечатлѣнія произвелъ другой процессъ, недавно оконченный въ Оранѣ. Читателямъ извѣстно, что часть Алжиріи находится подъ военнымъ управленіемъ, между тѣмъ какъ другая ея часть подчинена гражданской власти. Нынѣшнее правительство вообще предпочитаетъ первую систему. Въ послѣднее время журналы нѣсколько разъ старались выставить ея неудобство, насколько это возможно при нынѣ-дѣйствующихъ законахъ. Какъ будто въ подтвержденіе этому приговору, въ Алжиріи были недавно открыты важныя злоупотребленія со стороны одного мѣстнаго военнаго начальника, капитана Дуано и десяти племенныхъ начальниковъ и должностныхъ лицъ изъ Арабовъ. Капитанъ Дуано приговоренъ къ смертной казни, а его сообщники на каторжную работу, шестеро на двадцать лѣтъ и четверо на пять. Правительство старалось придать этому процессу большую гласность. Процессъ открылъ важныя злоупотребленія. Оказалось, что нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ въ Алжиріи не только были лихоимцами, но еще позволяли себѣ самыя произвольныя дѣйствія, приговаривая своихъ подчиненныхъ безъ всякаго суда къ смертной казни. Нѣкоторые увѣрили, что эти злоупотребленія существовали еще въ царствованіе Лудовика Филиппа; но генералъ Бедо, письмомъ къ редактору журнала *Indépendance Belge*, протестуетъ противъ этихъ обвиненій и доказываетъ, что въ то время Французы были въ Алжиріи представителями гуманнѣйшихъ началъ послѣ турецкаго варварства.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что во время послѣднихъ выборовъ въ законодательное собраніе журналъ *Assemblée Nationale* былъ

запрещенъ на три мѣсяца за рѣзкую статью, въ которой было выражено сомнѣніе въ томъ, будто бы по выборамъ можно было составить себѣ вѣрное понятіе о настоящемъ расположеніи умовъ во Франціи. Срокъ запрещенія окончился въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, и правительство снова разрѣшило изданіе, но съ условіемъ, чтобы названіе его было измѣнено. Прежнее названіе признано противнымъ конституціи. Журналъ появился поэтому подъ именемъ *le Spectateur*. Редакторы получили однако позволеніе напечатать въ заглавіи, что журналъ выходитъ прежде подъ именемъ *Assemblée Nationale*. Подобныхъ мѣръ давно уже не бывало во Франціи.

Императоръ занятъ маневрами въ Шалонскомъ лагерѣ, который онъ вскорѣ оставитъ для предполагаемаго путешествія въ Германію.

Объ Испаніи не было слышно нѣкоторое время, и казалось смуты въ кортесахъ точно также прекратились, какъ и недавнія волненія въ провинціяхъ; но послѣднія извѣстія опять заставляютъ опасаться за ея спокойствіе. Увѣряютъ, что въ такъ-называемой умѣренной или консервативной партіи разрывъ совершенно неизбеженъ. Къ сожалѣнію, причину разрыва почитаютъ патриотическій образъ дѣйствій нынѣшняго главы кабинета. Всѣ безъ сомнѣнія помнятъ, съ какимъ примирительнымъ духомъ, съ какимъ забвеніемъ личныхъ интересовъ, маршалъ Нарваесъ старался поселить единодушіе между различными партіями. По видимому, его благородныя усилія не только не увѣнчались успѣхомъ, но отдали отъ него собственную его партію. Эта партія надѣялась на монополію значительныхъ мѣстъ и вліянія на дѣла. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она перестала поддерживать перваго министра. Отсюда произошло ея враждебное расположеніе во время преній о свободѣ тисненія и о пересмотрѣ конституціи. Теперь ходятъ слухи, будто бы недавно всѣ министры подавали въ отставку. Королева не согласилась на ихъ просьбу, но по послѣднимъ извѣстіямъ это несогласіе только отсрочило паденіе кабинета. Причиной паденія маршала Нарваеса выставляютъ отставку генерала Кончи (Concha), генералъ-губернатора Кубы, на управленіе котораго въ послѣднее время было принесено много жалобъ. Маршалъ Нарваесъ настаивалъ на его увольненіи, также какъ и нѣкоторые изъ министровъ. Королева, подъ вліяніемъ оппозиціонныхъ партій не согласилась на требованіе своего кабинета, который вслѣдствіе этого выходитъ въ отставку. Составленіе новаго министерства будетъ, говорятъ, поручено адмиралу Армеро, при содѣйствіи такъ-называемыхъ викальваристовъ. Офіціальныя извѣстія объ этихъ происшествіяхъ еще не получены.

Королева Христина желаетъ возвратиться въ Испанію. Царствующая королева тоже желаетъ этого, и кабинетъ согласенъ; но въ журналахъ слухи о намѣреніи королевы-матери пробудили непріязненное расположеніе къ ней. Говорятъ, что Христина намѣрена издать манифестъ, съ цѣлю оправдать свои прежнія дѣйствія.

Между Испаніей и Римомъ идутъ переговоры о церковныхъ имуществѣхъ, отобранныхъ въ казну со времени революціи. Римскій дворъ долго не соглашался признать законность этой мѣры. Говорятъ, что теперь папа рѣшился дать свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобъ, въ замѣнъ имуществъ, государство приняло на себя безсрочный долгъ, и проценты съ него уплачивало церкви. Запрещеніе приобрѣтать вновь имущества будетъ отмѣнено; но въ этомъ случаѣ папское правительство только по наружности не дѣлаетъ уступки, потому что при современномъ положеніи долгъ приобрѣтенія едва ли возможенъ для испанской церкви. Въ связи съ этими переговорами идутъ другіе — объ уменьшеніи числа праздниковъ, при множествѣ которыхъ значительно сокращается число рабочихъ дней. Говорятъ, что римскій дворъ согласится и на это, и перенесетъ праздники на воскресные дни.

Въ Италіи путешествіе папы, хотя и не принесло тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали, но окончилось все-таки нѣкоторымъ облегченіемъ для областнаго населенія. Проѣзжая черезъ Анкону, папа уничтожилъ осадное положеніе, въ которомъ этотъ городъ и вся провинція находились съ 1849 года. Это не только политическая милость, но и финансовое облегченіе, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается налогъ на содержаніе гарнизона. Однако австрійскія войска не совсѣмъ оставляютъ городъ, только изъ каждыхъ двухъ баталіоновъ тамъ останется по одному.

Этотъ мѣроу и нѣсколькими частными благотвореніями ограничивается все, сдѣланное Пиемъ IX на пользу его подданныхъ, въ продолженіи его трехмѣсячнаго путешествія. Политическія отношенія внутри Италіи остаются прежнія. Холодность съ Пиемонтомъ продолжается, и на пути своемъ папа видѣлся только съ тѣми изъ государей, которые держатся австрійской политики. Одного изъ нихъ, великаго герцога тосканскаго, онъ посѣтилъ въ его собственной столицѣ. Церковные интересы всего болѣе занимали Пія IX во время осмотра легатствъ, и въ этомъ отношеніи онъ встрѣтилъ много сочувствія не только въ итальянскихъ государяхъ, но и въ городахъ. Не только Римъ, но и Піаченца воздвигаютъ статуи въ честь новаго догмата непорочнаго зачатія. Папа воротился въ свою столицу, гдѣ муниципальное начальство готовитъ ему торжественный приемъ. Уже около мѣсяца Римъ наполненъ триумфальными воротами и арками... Но между тѣмъ, какъ городскія власти спѣшатъ возблагодарить папу за его благодѣянія, населеніе Рима упорно ждетъ преобразованій. Недавно римскому муниципалитету представленъ адресъ, которымъ требуются административныя реформы. Въ адресѣ сказано, что просители желаютъ присоединить свой голосъ къ тѣмъ умѣреннымъ надеждамъ, которыя были выражены его святѣйшеству въ адресахъ посѣщенныхъ имъ городовъ. Состояніе Римской области давно уже нехорошо, но нельзя отвергать, что въ настоящее время оно хуже

чѣмъ когда-нибудь. Просители отказываются отъ политическихъ требованій, не почитая ихъ своевременными, но думаютъ, что папа не отвергнетъ необходимыхъ преобразованій въ управленіи. Муниципалитету слѣдуетъ указать ему на тѣ изъ нихъ, которыя всего нужнѣе. Затѣмъ въ адресѣ перечислены необходимыя мѣры. Эти мѣры слѣдующія. Муниципалитетъ долженъ требовать всепрощенія, которое бы успокоило многочисленныя семейства изгнанниковъ и политическихъ арестантовъ; освобожденія государства отъ занимающихъ его австрійскихъ и французскихъ войскъ, устройства арміи по образцу лучшихъ европейскихъ армій; изданія новаго кодекса законовъ; преобразованія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, по началамъ болѣе справедливымъ и менѣе обременительнымъ; уничтоженія исключительныхъ судовъ; болѣе справедливаго распредѣленія податей по имуществамъ и прекращенія нищенства. Для развитія земледѣлія, промышленности и торговли, слѣдуетъ уничтожить пошлину на сырые матеріалы, допустить свободный ввозъ хлѣба, уничтожить паспорта для переѣзда изъ провинціи въ провинцію, облегчить сообщенія, учредить кредитныя установленія, коммерческія школы и ввести французскую систему вѣсовъ и мѣръ. Подъ прошеніемъ стоятъ подписи многихъ банкировъ, лицъ высшаго сословія, адвокатовъ, инженеровъ, медиковъ, чиновниковъ и простолюдиновъ. Пока еще собирались эти подписи, полиція уже дѣлала домовыя обыски, чтобы захватить списки и лица, которыя ихъ подписали. Но коммиссія, собравшаяся для поднесенія адреса, тоже дѣйствовала поспѣшно. 1-го сентября адресъ былъ составленъ, а 3-го наскоро подписанъ, и четыре депутата отъ имени коммиссіи отправились въ Капитолій. Сенатора, главы муниципальнаго управленія, не было въ городѣ, и потому адресъ былъ поданъ секретарю его, г. Ваннутелли. Г. Ваннутелли принялъ депутацию очень вѣжливо, но не хотѣлъ взять листовъ съ подписями, отговариваясь тѣмъ, что если муниципалитетъ рѣшится принять адресъ, то самъ велитъ истребовать списки. Между тѣмъ обыски продолжались. Полиція обыскивала домъ профессора Берніо, подписавшаго адресъ. Послѣ бесполезныхъ поисковъ въ продолженіи трехъ часовъ, начали обыскивать жену его, сестру бывшаго министра Каландрелли, и его дочерей; наконецъ, не нашедши ничего, арестовали самого профессора. На улицахъ хватали и обыскивали подозрительныхъ людей. Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ, депутаты коммиссіи отправили къ каждому изъ членовъ городского управленія, а секретаря увѣдомили письмомъ, что не будутъ представлять списка лицъ, подписавшихъ адресъ, не желая никого компрометировать, но надѣются, что муниципалитетъ подастъ этотъ адресъ отъ себя (*motu proprio*). «Въ противномъ случаѣ, сказано въ письмѣ, намъ остается сожалѣть о томъ, что правительство слѣдуетъ непредусмотрительной политикѣ, а муниципалитетъ своимъ молчаніемъ и робостію содѣйствуетъ ему на этомъ пути.»

Будутъ или нѣтъ какія-нибудь реформы, до сихъ поръ не извѣстно; но сомнительно, чтобы папское правительство приступило къ нимъ по собственному побужденію. Многіе приписываютъ самое путешествіе папы желанію избѣгнуть послѣдствій парижскаго протокола 8-го августа 1856 года. Вотъ почему французское правительство смотрѣло неблагопріятно на его продолжительное отсутствіе. Носятся слухи, что смѣна графа Реневаля, который постоянно оправдывалъ римское управленіе, и назначеніе на его мѣсто герцога Грамона не останутся безъ послѣдствій. Говорятъ, что новый послѣдникъ будетъ настаивать на преобразованіяхъ, и что Англія намѣрена, съ своей стороны, поддерживать требованія Франціи. Нѣсколько времени тому назадъ увѣряли, что Австрія намѣрена въ этомъ случаѣ взять на себя роль посредницы; но эти слухи не подтвердились. Удерживая въ полномъ комплектѣ ломбардскую армію, и не снискомъ податливая на прощеніе политическихъ изгнанниковъ, Австрія держится той же политики и въ Римѣ: она полагаетъ, что административныя реформы дадутъ новую жизнь политическимъ надеждамъ.

Между тѣмъ положеніе папы становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ въ Италіи. Два факта особенно выяснились въ послѣднее время. Съ одной стороны, увеличиваются затрудненія римскаго правительства, поставленнаго между справедливыми ожиданіями населенія и реакціонными правительствами полуострова. Съ другой стороны, напротивъ, римскій первосвященникъ усиливаетъ свое вліяніе въ католическихъ странахъ Европы. Рядъ конкордатовъ, заключенныхъ въ послѣднее время даже въ Германіи, гдѣ борьба съ протестантизмомъ кладетъ преграды успѣхамъ католицизма, доказываетъ, на какую сильную партію опирается послѣдній. Еще недавно Австрія допустила вліяніе духовенства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ такомъ же духѣ составлены конкордаты Бадена и Виртемберга. Старинныя притязанія римской куріи воскресаютъ съ новою силой. Между тѣмъ какъ въ Піемонтѣ недавнее отлученіе отъ церкви всѣхъ министровъ, депутатовъ и сенаторовъ произвело такъ мало впечатлѣнія, что папа не рѣшился присоединить новою буллою самого короля къ числу отлученныхъ, — въ Германіи подобныя мѣры производятъ на нѣкоторыхъ сильное дѣйствіе. Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца, нѣмецкіе журналы обнародовали грамоту Пія IX на имя кельнскаго архіепископа, которою объявлено о произнесенномъ папою проклятій философскихъ сочиненій Гюнтера, и о воспрещеніи католикамъ читать ихъ. Надобно замѣтить, что философія Гюнтера процвѣтала католическимъ духомъ, и была принята многими преподавателями богословія. Гюнтеръ и его послѣдователи безропотно принесли папѣ свое покаяніе. Двойное положеніе папы отзывается и на составѣ его двора. Личный составъ римскаго управленія постоянно уменьшается: Италіянцы неохотно принимаютъ въ немъ участіе. Та-

кіе факты начинаютъ обращать на себя вниманіе. Недавно одинъ изъ редакторовъ *Journal des Débats*, г. Эрнестъ Ренанъ, предсказывалъ, что папѣ вскорѣ придется окружить себя иностранцами, и тогда ему трудно будетъ удержаться въ Италіи. Вспомнимъ также, что во время послѣдней войны, появился странный проектъ перенести пребываніе папы въ Іерусалимъ. Все это вмѣстѣ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что настоящее положеніе папства не представляется никому удовлетворительнымъ, и что въ судьбахъ его можетъ произойти перемѣна.

Въ Пьемонтѣ начались работы для прорытія горы Сениса. Извѣстно, что это предпріятіе имѣетъ цѣлю соединить сардинскія желѣзныя дороги съ французскими. Обломокъ, который вырванъ изъ горы нарочно-устроенною машиною, будетъ служить опоркою для Кюлозскаго моста черезъ Рону. На немъ будетъ сдѣлана латинская надпись въ память этого событія. Работы были начаты торжественною церемоніей. Послѣ молебствія, король самъ зажегъ мину, которая должна сдѣлать первое отверстіе въ горѣ. При церемоніи находились принцъ Наполеонъ и маршалъ Пелисье.

Парламентская жизнь Сардиніи приближается, повидимому, къ новой эпохѣ. До сихъ поръ кабинетъ графа Кавура пользовался рѣдкою популярностью. Это самое сильное министерство въ Европѣ. Палаты, наполненныя Итальянцами изъ другихъ государствъ полуострова, могли только находить его политику слишкомъ сардинскою. Но и въ этомъ случаѣ министерство, не скрывающее своихъ сочувствій къ обще-итальянскимъ вопросамъ, находить въ населеніи полное одобреніе своей умѣренности. Съ нѣкоторыхъ поръ оппозиція, не враждебная однако кабинету, хочетъ приобрѣсти независимое положеніе, чтобъ быть готовою къ противодѣйствию на тотъ случай, когда бы министерство отклонилось отъ теперешней своей дороги. Недостатокъ сардинской оппозиціи, по замѣчаніямъ мѣстныхъ журналовъ, состоитъ въ томъ, что она образуется въ самой палатѣ. Это мѣшаетъ ей сдѣлаться настоящею государственною силою. Послѣ общихъ разсужденій, журналъ *Independente* напечаталъ наконецъ будущую программу оппозиціи. Въ ней отзываются общепитальянскія стремленія. «Мы утверждаемъ, говоритъ программа, что министерство не должно быть ни революціоннымъ, ни реакціоннымъ, но остаться въ томъ положеніи, которое создали для него война 1848 года и парижскій конгрессъ.» Затѣмъ слѣдуетъ критика нѣкоторыхъ внутреннихъ мѣръ министерства.

Странное происшествіе волнуетъ теперь Швейцарію. Союзное правительство, рѣшеніемъ своимъ 23-го сентября прошлаго года, опредѣлило устроить желѣзную дорогу изъ Лозанны въ Оранъ. Начертаніе линіи во всей ея подробности было предоставлено государственному совѣту Ваадтскаго кантона (*canton de Vaud*); онъ же долженъ былъ назначить земли, подлежащія экспропріаціи. Но государ-

ственный совѣтъ ничего не сдѣлалъ въ продолженіи назначеннаго ему срока. Тогда союзное правительство взяло на себя исполненіе своего рѣшенія и начало работы. Совѣтъ Ваадтскаго кантона не признаетъ за нимъ этого права и выслалъ свое войско для воспрепятствованія работѣ, а между тѣмъ представилъ союзному правительству подробный отвѣтъ съ изъясненіемъ своихъ правъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончится это столкновеніе, которое начинаетъ волновать умы въ цѣлой Швейцаріи.

Борьба партій въ Нешателѣ продолжается, по поводу вопроса, кого слѣдуетъ почитать гражданиномъ кантона: всѣхъ ли живущихъ въ немъ, или только тѣхъ, которые находились тамъ въ эпоху присоединенія. Въ Бернѣ крайнія партіи стараются подготовить на слѣдующихъ выборахъ перемены въ личномъ составѣ союзаго правительства.

Мормоны дѣлаютъ успѣхи не въ одной Америкѣ. Недавно происходила въ Лондонѣ ихъ шестая годичная конференція. Изъ рѣчей, произнесенныхъ по этому случаю, видно, что общество процвѣтаетъ. а издержки переселенія въ Америку было собрано 50,000 франк. въ нынѣшнемъ году. Въ Швейцаріи долгое время мормоновъ почти не было. Теперь, число ихъ увеличилось. Въ концѣ августа, на Цюрихскомъ озерѣ, происходилъ торжественный обрядъ крещенія ихъ новообращенныхъ. Въ длинныхъ рубашкахъ, мужчины и женщины погужались въ озеро, при большомъ стеченіи народа. Полиція не мѣшала церемоніи, но со стороны толпы не обошлось безъ насмѣшекъ и побоевъ сектаторамъ.

Въ Австріи, слухи объ уменьшеніи войска не подтвердились. Путешествіе императора въ Венгрію ознаменовано нѣсколькими полезными мѣрами. Нѣкоторые изъ политическихъ изгнанниковъ получили прощеніе. Рескриптомъ на имя эрцгерцога Альбрехта, генералъ-губернатора Венгріи, императоръ благодаритъ венгерскую администрацію за содѣйствіе его видамъ. Самая замѣчательная сторона рескрипта состоитъ въ томъ, что онъ не льститъ ожиданіямъ мадьяризма. Императоръ выражаетъ твердое намѣреніе поддерживать равенство между народностями.

Статистическій конгрессъ, происходящій въ Вѣнѣ, не возбудилъ такого впечатлѣнія, какъ послѣдній въ Парижѣ и первый въ Брюсселѣ, хотя императоръ и его правительство очень старались о приданіи ему интереса, и стеченіе иностранцевъ было большое. Приготовительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ барона Чёрнига, былъ обращенъ въ комитетъ конгресса. Число членовъ конгресса простиралось до 500, изъ которыхъ три четверти были Австрійцы. На парижемскомъ конгрессѣ было всего полтора ста членовъ, а на брюссельскомъ шестьдесятъ пять. Число державъ, приславшихъ своихъ представителей, было тоже значительнѣе. На этотъ разъ и Россія прислала своего

представителя, въ лицѣ г. Вернадскаго. О планѣ работъ мы говорили уже прежде. Работы г. Чёрнига послужили ему основаніемъ. Одно изъ важнѣйшихъ опредѣленій конгресса состоитъ въ намѣреніи учредить международную комиссію изъ семи членовъ, для сравненія уголовныхъ законодательствъ Европы и ихъ дѣйствія.

Въ Пруссіи начались засѣданія Евангелическаго Союза. Король пригласилъ къ участию въ нихъ своего посланника въ Лондонѣ знаменитаго Бунзена, по мысли котораго образовался этотъ союзъ. Г. Бунзену были приготовлены комнаты въ дворцѣ. Крайняя протестантская партія, которая смотритъ неблагопріятно на дѣло союза, была въ затрудненіи касательно того положенія, которое ей слѣдуетъ принять въ это время. Послѣ долгихъ разсужденій, въ высшемъ церковномъ совѣтѣ было рѣшено, что никто изъ главныхъ членовъ духовенства не будетъ офиціально присутствовать при засѣданіяхъ, но частнымъ образомъ многіе тамъ будутъ находиться. Главы церковной партіи, гг. Шталъ и Генгстенбергъ, бывшіе самыми жаркими противниками союза, уѣхали на это время изъ Берлина. Засѣданія открыты 11-го сентября. Три особенные поѣзда перевезли болѣе тысячи человекъ изъ Берлина въ Потсдамъ. Между членами союза находятся представители разныхъ народностей: есть Англичане, Американцы, Голландцы, Французы, Бельгійцы, Шведы, Венгерцы, Армяне, Швейцарцы; есть португальскіе, испанскіе и итальянскіе священники. Короля президентъ союза привѣтствовалъ рѣчью, потомъ всѣ присутствующіе ему представлялись. Король отвѣчалъ по-нѣмецки, по-французски, и по-англійски. Въ заключеніе былъ пропѣтъ гимнъ: «Eine feste Burg ist unser Gott». (Господь есть наша крѣпость).

Мы говорили въ свое время о законѣ 8-го іюня, которымъ, въ случаѣ новаго брака граждански разведенныхъ супруговъ, духовенству предоставлялось вѣнчать ихъ или отказывать имъ въ церковномъ благословеніи, оставляя ихъ въ одномъ гражданскомъ бракѣ. Высній церковный совѣтъ рѣшительно запретилъ духовенству даже обращаться къ началству за позволеніемъ въ подобныхъ случаяхъ.

Затрудненія, созданныя для правительства Кобурга и Готы неудавшимся проектомъ соединенія герцогствъ, продолжаютъ до сихъ поръ. Извѣстно, что послѣ рѣшенія частныхъ сеймовъ, правительство вознамѣрилось составить смѣшанное министерство, на половину изъ жителей Кобурга и на половину изъ жителей Готы. Мѣстопробываніемъ министерства, по опредѣленію общаго сейма, должны быть Кобургъ и Гота по очереди. Подвергая этотъ вопросъ обсужденію общаго сейма, правительство основывалось на рѣшеніи любекскаго апелляціоннаго суда, который подобные вопросы призналъ обще-государственными. Теперь Кобургъ противится и этой мѣрѣ, требуя на свою долю исключительнаго пребыванія министерства.

Въ Веймарѣ происходилъ 3-го сентября праздникъ открытія статуи Шиллеру и Гёте. Этотъ праздникъ, въ которомъ принимала участіе вся ученая Германія, не прошелъ даромъ для науки. По предложенію профессора Бидерманна образовалось «общество историковъ общественнаго быта въ Германіи» (Verein deutscher Culturhistoriker).

Здоровье шведскаго короля Оскара, на возстановленіе котораго медики подають мало надежды, представило поводъ къ политическому вопросу первой важности. Извѣстно, что король былъ намѣренъ учредить лишь на время своей болѣзни смѣшанное регентство, пополамъ изъ Шведовъ и Норвежцевъ. Но теперь почти не подлежитъ сомнѣнію, что если король и останется живъ, то все-таки регентство должно будетъ обратиться въ постоянное правительство. Многие находятъ, что подобный составъ верховной власти не согласенъ съ монархическимъ началомъ, и желаютъ вмѣсто этого видѣть во главѣ правленія наследнаго принца Карла, герцога Скани и вице-короля Норвегии. Между политическими партіями идетъ сильная полемика по этому вопросу. Не сомнѣваясь въ патріотическихъ чувствахъ наследнаго принца, многіе опасаются, что онъ не будетъ отличаться тою умѣренностію, которая помогла королю Оскару утвердить благосостояніе Швеціи.

Въ видахъ тѣснѣйшаго соединенія обоихъ королевствъ, правительство намѣрено предложить законъ о томъ, чтобы судебные приговоры, гдѣ бы они ни были постановлены, вездѣ были равно обязательны.

Персія неожиданно сдѣлала важный шагъ къ сближенію съ Европою. 22-го іюля былъ разосланъ по провинціямъ указъ шаха о томъ, что всѣ Персіане, какого бы они вѣроисповѣданія ни были, будутъ отнынѣ пользоваться равными правами. Такимъ образомъ христіане, подданные шаха, могутъ теперь занимать высшія государственныя должности. Эта новая мѣра была отчасти заранѣе сообщена персидскимъ посланникомъ во Франціи, Ферукъ-ханомъ. Посѣщая мануфактурныя заведенія Нормандіи, Ферукъ-ханъ былъ принятъ блистательнымъ образомъ въ Руанѣ. Здѣсь на одномъ обѣдѣ, отвѣчая на тостъ за здоровье посланника, переводчикъ Мирза-бей сказалъ отъ его имени, что отнынѣ Персія будетъ стараться подражать Европѣ, и хотя издали, но неуклонно идти по пути прогресса.

Почти такой же шагъ, но не столь охотно былъ сдѣланъ въ Тунисѣ. Мы говорили о кровавыхъ событіяхъ, которыя недавно тамъ происходили. Франція не удовлетворилась распоряженіями тунисскаго бея и отправила эскадру подъ командою вице-адмирала Трегуара для оказанія покровительства христіанамъ и Евреямъ. Эскадра прибыла 5-го сентября. Результатомъ ея появленія было провозглашеніе равенства передъ закономъ всѣхъ жителей Туниса, какой бы вѣры они

ни были. Отнынѣ евреи и христіане будутъ, за уголовныя преступленія, подлежать обыкновенному суду, котораго приговоры будутъ пересматриваться самимъ беемъ. При судѣ надъ евреями будутъ присутствовать депутаты изъ ихъ единоземцевъ. Синагоги будутъ пользоваться полною свободой въ отправленіи своего богослуженія. Налоги для всѣхъ будутъ равныя. Право торговли принадлежитъ отнынѣ всѣмъ безъ исключенія, а само правительство отъ него отказывается. Иностранцамъ предоставлено право приобретать въ Тунисѣ собственность всякаго рода, движимую и недвижимую. Вмѣсто неправильнаго набора солдатъ, бей намѣренъ ввести опредѣленный способъ набора и опредѣлить число лѣтъ, которое обязанъ прослужить всякій рекрутъ.

Но между тѣмъ, какъ въ ближайшихъ странахъ Африки, по берегамъ ея, европейское просвѣщеніе сдерживаетъ варварство,—внутри Африки, къ несчастію, еще совершаются ужасы. Недавно извѣстный ученый, докторъ Фогель, сдѣлался жертвою своей любви къ наукѣ. Докторъ Фогель намѣренъ былъ проложить новый путь въ центральную Африку. Въ своемъ любопытномъ путешествіи онъ достигъ до Вары, столицы Вадайскаго царства, важной области центральной Африки. Повелитель этого государства, который носитъ титулъ султана, сначала обходился съ нимъ съ большою благоклонностію, потому что распространился слухъ о мнимыхъ сокровищахъ путешественника; но вскорѣ султанъ потребовалъ, чтобъ докторъ Фогель объявилъ, гдѣ скрыты его богатства, и за неудовлетворительный отвѣтъ грозилъ ему смертію. Напрасно несчастный Фогель увѣрялъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ коллекціи натуральной исторіи и необходимыхъ инструментовъ. Не получивъ ожидавнаго отвѣта, султанъ приказалъ на третій день, въ девять часовъ утра, отрубить ему голову. Послѣ казни, совершенной при большомъ стеченіи народа, султанъ присвоилъ себѣ все имущество доктора. Не довольствуясь этимъ похищеніемъ и не находя между вещами брилліанта изъ золотого кольца, которое Фогель носилъ на мизинцѣ, султанъ велѣлъ посадить на колъ семерыхъ сторожей, наблюдавшихъ за докторомъ въ его послѣднія минуты. Въ предсмертныхъ мукахъ воръ признался, и брилліантъ былъ возвращенъ. Извѣстіе о смерти Фогеля принесено въ Мурзукъ трипольскимъ слугою, который сопровождалъ его.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ переселеніе продолжается съ прежнею силой. Отъ января до 12 августа въ одну гавань Нью-Йорка прибыло 118,878 переселенцевъ, то-есть 35,882 чел. болѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ прошлаго года.

Политическіе вопросы стояли на второмъ планѣ въ послѣднее время. Общественное вниманіе было поглощено финансовымъ кризисомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ государственныя бумаги и акціи въ силь-

номъ упадкѣ на биржахъ. Причина такого явленія въ государствѣ, котораго финансы и торговля находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, еще несомнѣнъ объяснена.

Телеграфъ , который долженъ былъ соединить Лондонъ съ Вашингтономъ , порвался , и это предпріятіе надобно будетъ начинать сызнова .

Экспедиція въ Утагъ , противъ мормоновъ , задержанная происшествіями въ Канзасѣ , начмась теперь . Нельзя не пожелать , чтобъ эта безнравственная и вредная секта наконецъ унялась . Деспотизмъ , съ которымъ управляетъ обществомъ « святыхъ » президентъ ихъ Бригамъ Йонгъ , не имѣетъ предѣловъ . Онъ раздаетъ напримѣръ старикамъ молодыхъ дѣвушекъ , допускаетъ всякаго рода своевольство и со стороны своихъ подчиненныхъ . Убійствами нерѣдко заключаются митинги мормоновъ .

Въ Америкѣ очень желаютъ прекращенія остъ-индскаго возстанія . Остъ-Индія доставляетъ множество сырыхъ произведеній Соединеннымъ Штатамъ . Вотъ причина , почему возстаніе сипаевъ произвело тамъ неблагопріятное впечатлѣніе .

Новѣйшія извѣстія .

Ожидаемая со дня на день почта изъ Остъ-Индіи наконецъ получена . Вотъ происшествія , которыя теперь извѣстны . Генералъ Гельмокъ двинулся противъ Нана-Сайба , 29 іюля онъ пришелъ къ Биттуру (Bithoor) , главному мѣстопребыванію мараттскаго вождя , нашедъ городъ совершенно пустымъ и срылъ его до основанія . Оттуда онъ пошелъ черезъ Гангъ къ Лукно . На дорогѣ онъ два раза разбилъ инсургентовъ , въ томъ числѣ самого Нана-Сайба , который , какъ слышно , отчаявшись въ успѣхѣ , умертвилъ все свое семейство , и самъ предалъ себя смерти . По всей вѣроятности , оттуда генералъ пойдетъ на Агру , которая до сихъ поръ еще держится , хотя гарнизонъ , дошедъ до послѣдней крайности . Нимочскіе инсургенты присоединились къ дельгійскимъ , но сипаи , возмущившіеся въ Силькотѣ , разбиты бригадиромъ Никольсономъ . Въ Динапурѣ возмущились три пѣхотныхъ полка и одинъ кавалерійскій . 10-й европейскій полкъ одинъ разбилъ ихъ такъ , что они потеряли 800 человекъ . Изъ Дельги сдѣ-

ланы были инсургентами три вылазки, причемъ Англичане потеряли пятьсотъ человекъ. Подкрѣпленія съ острова Св. Маврікія прибыли. Сэръ-Колинъ Кампбелль пріѣхалъ.

Въ Бомбеѣ, гдѣ до сихъ поръ было спокойно, возмутился одинъ полкъ. Онъ былъ однако усмирень. Въ Мадрасѣ, открытъ мусульманскій заговоръ.

Съ нѣкоторыхъ поръ замѣтны безпокойства въ голландской Индіи.

Совѣтъ директоровъ остъ-индской компаніи счелъ за нужное обнародовать донесеніе генералъ-губернатора, въ которомъ онъ объясняетъ причины, побудившія его принять относительно журналовъ стѣснительныя мѣры.

Смуты въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, принимаютъ все болѣе серьезный характеръ. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ царствуетъ ужасъ и боятся нападенія на дома. Полиція принимаетъ всѣ мѣры предосторожности, но не въ силахъ прекратить безпорядки. Несмотря на все это, пресвитеріанское духовенство не намѣрено прекратить проповѣдей на улицахъ.

Получены частныя телеграфическія депеши о снятіи осады города Дельги и объ отступленіи англійской арміи по направленію къ Агрѣ, что, если окажется справедливымъ, должно произвести весьма неблагоприятное для Англичанъ впечатлѣніе на туземцевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

ЧТО ДУМАЕТЪ И ГАДАЕТЪ ИТАЛІЯ О СВОЕМЪ БУДУЩЕМЪ.

Delle eventualità italiane. Considerazioni politiche. Bastia, 1856.

L'Italia possibile. Considerazioni storico-politiche. Opera postuma di Livio Mariani. Torino, 1857.

Orazione in ricordanza de'morti toscani a Curtatone e Montanara, di F. D. Guerrazzi. Torino, 1857.

E pur si muove!

Тому уже около десяти лѣтъ, какъ началось большое итальянское движеніе, имѣвшее своею цѣлю возстановленіе національной независимости Италіи и внутреннее устройство страны на болѣе широкихъ основаніяхъ. Менѣе чѣмъ въ два года потомъ все дѣйствіе было кончено, и Италія, вынужденная силою обстоятельствъ, возвратилась къ прежнему наружному спокойствію. Стало — быть, для этого замѣчательнаго эпизода въ безконечной борьбѣ Италіи съ ея явными противниками и тайными недоброжелателями скоро наступитъ десятилѣтняя давность. Довольно времени, чтобы взволнованныя движеніемъ страсти могли нѣсколько утихнуть и явилась возможность довольно спокойнаго историческаго суда надъ совершившимися событіями. И въ самомъ дѣлѣ, тѣ ожесточенныя обвиненія, которыми сначала осыпали другъ друга бывшіе представители движенія, слагая одинъ на другаго вину общей неудачи, почти прекратились въ настоящее время, и итальянскіе патриоты разныхъ партій, вмѣсто того чтобъ обвиниваться горькими и бесполезными упреками за прошедшее, начинаютъ спокойно сознавать свои прежнія ошибки, и не дѣлая изъ нихъ личныхъ обвиненій, стараются обратить ихъ въ полезный урокъ для своего будущаго. Наконецъ всѣ поняли, что, кромѣ неизбѣжныхъ ошибокъ со стороны разныхъ дѣятелей, національная задача заключаетъ въ себѣ самой множество неодолимыхъ трудностей, и въ предвидѣніи неминуемаго возобновленія борьбы, многіе прибѣгаютъ къ помощи анализа или своего собственнаго опыта, чтобы заранѣе опредѣлить по разумному разсчету тотъ путь, которымъ должно слѣдовать будущее движеніе, и пытаются напередъ теоретически разрѣшить тѣ пункты проблемы, которые наиболѣе могли бы затруднить самое дѣйствіе. Итальянцамъ какъ будто впервые открылись глаза на запутанность вопроса, на невѣроятныя трудности положенія. Они не говорятъ, какъ прежде, что довольно доб-

рой воли и согласія всѣхъ участвующихъ для успѣха предпріятія: имъ стало ясно до очевидности, что прежде чѣмъ приниматься вновь за его исполненіе, надобно еще отыскать настоящее его мѣсто въ порядкѣ идей и отдать себѣ отчетъ въ подробностяхъ его стремленій, и что готовясь пробивать новый смѣлый путь въ область будущаго, необходимо свести всѣ счеты съ исторіею и найти нѣкоторые вѣрные признаки для распознаванія возможнаго отъ невозможнаго.

Тяжелые уроки видно никогда не проходятъ даромъ: они что называется заставляютъ братья за умъ даже тѣхъ, которые прежде дѣйствовали по внушенію одной страсти. Изъ многихъ опытовъ въ новѣйшей итальянской публицистикѣ согласить идеальныя стремленія страны съ ея историческими условіями и матеріальными средствами, мы избрали три, которыхъ заглавія привели въ началѣ нашей статьи. Два послѣдніе изъ нихъ написаны лицами, принимавшими дѣятельнѣйшее участіе въ событіяхъ 1848—49 годовъ. Маріани былъ членомъ временнаго правленія въ Римѣ, Гверраци — въ Тосканѣ. По своимъ мнѣніямъ оба они принадлежали къ самымъ передовымъ людямъ національнаго движенія, хотя и расходились между собою въ разныхъ подробностяхъ; оба они потомъ понесли на себѣ тяжелыя послѣдствія неблагопріятнаго для нихъ оборота событій, то-есть вынужденное удаленіе изъ отечества и скитальческую жизнь на чужой землѣ. Впрочемъ, при сходствѣ общаго положенія, въ судьбѣ этихъ двухъ дѣятелей есть и важное различіе. Маріани успѣлъ вовремя удалиться изъ Италіи и до конца сохранилъ свою личную свободу; но живя въ Греціи, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ политическихъ событіяхъ своего отечества не только дѣломъ, но даже и словомъ. Онъ умеръ потомъ въ Аѳинахъ (въ 1855 году), гдѣ жилъ со времени своего изгнанія, и сочиненіе его объ Италіи, изданное уже по смерти автора, можно считать за политическое его завѣщаніе. Роль Гверраци была не только гораздо виднѣе во время самаго переворота, но и не совершенно окончилась вмѣстѣ съ его изгнаніемъ. Реакція застала знаменитаго тосканскаго трибуна на самомъ мѣстѣ дѣйствія, и изгнаніе было уже для него въ нѣкоторомъ смыслѣ благодѣніемъ, потому что состоявшійся надъ нимъ приговоръ обрекалъ его на вѣчное заключеніе. Но даже и это испытаніе не заставило страстную природу Гверраци отказаться отъ дѣятельности. Принужденный удалиться изъ Тосканы, онъ однако не хотѣлъ покинуть вовсе итальянской почвы, и нашелъ себѣ безопасное убѣжище въ сардинскихъ владѣніяхъ, гдѣ до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать какъ публицистъ и литераторъ. Небольшая брошюра, посвященная имъ памяти тосканскихъ героевъ, павшихъ при Куртатоне и Монтанарѣ, заключаетъ въ себѣ послѣднюю по времени метаморфозу политической его мысли.

Третья изъ приведенныхъ нами брошюръ носитъ на себѣ самый

скромный видъ. Авторъ совершенно скрылъ свое имя, и изъ содержанія его книги никакъ не видно, чтобъ онъ самъ игралъ дѣятельную роль въ большомъ національномъ движеніи своей родины. Трудно даже сказать, какой части Италіи принадлежитъ онъ по своему происхожденію. Въ одаомъ мѣстѣ онъ оговаривается, чтобы не приняли его за Тосканца, въ другомъ, чтобы не считали его за Пиемонтца. Преобладающія симпатіи у него пиемонтскія, однако въ нихъ нѣтъ ничего исключительнаго. Но книга его о возможныхъ перемѣнахъ въ Италіи вовсе не лишена оригинальности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы даже предпочитаемъ ее двумъ другимъ, поставленнымъ нами рядомъ съ нею. Если авторъ этой брошюры и не принималъ лично дѣятельнаго участія въ событіяхъ, то навѣрное много размышлялъ о нихъ, и благодаря своему довольно отчетливому уму, многое въ нихъ успѣлъ привести для себя въ ясность. Это избавило его книгу отъ груза личныхъ, но не всегда интересныхъ и потому нерѣдко излишнихъ воспоминаній, и заставило его держаться въ тѣсныхъ предѣлахъ своей задачи. Не разглагольствуя много, онъ умѣлъ однако коснуться всѣхъ существенныхъ сторонъ вопроса и сказать о нихъ свое мнѣніе. Приятно имѣть дѣло съ авторомъ еще и потому, что умъ его, отъ природы точный и отчетливый, не зараженъ національными предрасудками и не отуманенъ страстію. Какъ самъ онъ чуждъ увлеченію, такъ не хочетъ увлекать и другихъ. Безъ притязаній на особенную глубину мысли, онъ нигдѣ не выдаетъ своихъ соображеній за непреложную истину: онъ хочетъ только дѣйствовать прямо на мысль своего читателя, не оставляя въ немъ никакихъ сомнѣній, и по нашему мнѣнію вполне достигаетъ своей цѣли посредствомъ весьма умѣреннаго и яснаго изложенія. Поэтому, чтобы не потеряться въ частностяхъ, мы предпочитаемъ держаться того порядка идей, который находимъ у автора первой брошюры, пополняя его, гдѣ окажется нужнымъ, замѣчаніями другихъ публицистовъ, которыхъ мнѣнія также отличаются независимостію.

Надобно однако оговориться напередъ, чтобы предотвратить всякое недоразумѣніе. Упомянувъ о томъ, что событія привели Италію къ необходимости теоретическаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые она надѣялась прежде рѣшить лишь посредствомъ меча, мы вовсе не хотѣли сказать, чтобы это разрѣшеніе было уже найдено, или чтобы соображенія, заключающіяся въ приведенныхъ нами брошюрахъ, давали лишь вѣрныя выводы. Сохрани насъ Богъ ввести русскаго читателя въ такое заблужденіе. Въ теоретическомъ способѣ рѣшенія великихъ народныхъ задачъ, ошибки столько же можетъ быть неизбѣжны, какъ и въ практическомъ; но въ первомъ случаѣ онѣ по крайней мѣрѣ менѣе вредны и легче исправимы. Для теоретической ошибки остается еще умственная повѣрка въ самомъ сознаніи читателя, тогда какъ практическая непосредственно за собою

влечетъ свои вредныя послѣдствія; умственные предположенія, хотя бы они и далеки были отъ истины; возбуждаютъ мысль къ новой дѣятельности, а практическіе промахи тотчасъ же парализуютъ и самое дѣйствіе. И въ томъ и другомъ случаѣ есть мѣсто полезному уроку; но первыя имѣютъ ту неоспоримую выгоду, что, давая пищу уму, оставляютъ ему полную свободу въ заключеніяхъ. Такъ поступимъ и мы, передавая нашимъ читателямъ идеи итальянскихъ публицистовъ, ищущихъ возможно-лучшаго теоретическаго рѣшенія своей національной задачи. Пусть, желая поправить промахи своихъ предшественниковъ, они сами впадаютъ въ неизбѣжныя ошибки; пусть, подъ видомъ логическихъ выводовъ, они даютъ намъ лишь свои собственныя мечты о будущемъ Италіи: мы однако не откажемъ въ нашемъ вниманіи этимъ первымъ опытамъ Италіи найти сначала умственное разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣшали исполненію ея обширной задачи на практикѣ.

«*Italiam quaeo patriam*»—ставитъ безыменный авторъ эпиграфомъ къ своему сочиненію. Италія, какъ общее отечество всѣхъ итальянцевъ, есть для него только искомое. До сихъ поръ значеніе цѣлаго принадлежитъ ей только въ географическомъ отношеніи; но кто захотѣлъ бы простираться далѣе и подъ географическимъ терминомъ сталъ бы искать живаго организма, проникнутаго идеей одной народности, тотъ нашелъ бы Неаполь, Римъ, Тоскану, Пиемонтъ, Ломбардію, но не какъ части одного органическаго цѣлаго, а какъ отдѣльныя политическія тѣла, заключенныя каждое въ своемъ тѣсномъ кругу, безъ общихъ интересовъ и почти безъ всякаго взаимодѣйствія. Изъ такихъ частей не слагается понятіе цѣлаго: оно еще только отыскивается въ будущемъ какъ возможное. Потому предметъ разсужденій Маріани составляетъ «возможная» Италія. Хуже всего то, что эти отдѣльныя части не только не прилаживаются одна къ другой, но еще, взятая въ своей отдѣльности, составляютъ почти столько же враждебныхъ силъ, противодѣйствующихъ всякому стремленію привести ихъ въ согласіе между собою. Всякій разъ, какъ только Италія хотѣла собраться сама съ собою, ей приходилось вступать въ борьбу съ тѣми частями, изъ которыхъ она составлена.

Итакъ нашъ авторъ правъ, когда, отыскивая идеальную Италію, прежде всего проходитъ одинъ за другимъ тѣ политическіе организмы, на которые разлагается понятіе о ней въ дѣйствительности: ибо дѣлать выводы, не имѣя никакихъ прочныхъ основаній въ существующемъ порядкѣ вещей, значило бы строить воздушныя замки, гонаться за химерою. Онъ беретъ точкою своего отправленія дѣйствительную Италію, и потому слѣдуетъ аналитическому методу. Такія положенія, какъ «необходимость возстановленія итальянской національности вообще», или «необходимость возстановленія ея въ

интересъ католицизма и въ интересъ общеевропейскомъ», которыя занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ изложеніи другаго публициста, для него ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить послѣдками: они могутъ представиться ему развѣ только въ концѣ анализа, какъ логическіе его выводы. Съ этой точки зрѣнія ему собственно все равно, начать ли свой анализъ съ сѣверной Италіи, или съ южной, потому что въ настоящемъ своемъ состояніи и та и другая заключаютъ въ себѣ не одно противорѣчіе основной идеѣ. Однако онъ предпочитаетъ начать съ южной, какъ съ той, которая наиболѣе удалена отъ прогресса.

Послѣдуюемъ и мы за нимъ въ этомъ обзорѣ. Неаполь съ Сициліею въ такомъ случаѣ будетъ первою нашею станціей. Неаполь — по-видимому довольно назвать это имя, чтобы заранѣе отказать отъ всякой надежды отыскать здѣсь хотя одно выгодное условіе для развитія идеи въ будущемъ. Кажется, только подходя къ границѣ его, читаешь уже страшныя слова: *Lasciate ogni speranza, voi che entrate...* Не то чтобы страна была бѣдна средствами: напротивъ, ихъ здѣсь больше, чѣмъ во всякой другой итальянской странѣ, и нигдѣ можетъ-быть не дано имъ болѣе крѣпкой организаци: но всѣ эти средства собраны и направлены прямо въ разрѣзъ съ стремленіями цѣлой Италіи. Неаполь на томъ стоитъ, чтобы понятіе объ Италіи не имѣло другаго смысла, кромѣ географическаго, и чтобы тянуть ее назадъ, когда она изъ всѣхъ силъ рвется впередъ. Италію съ Неаполемъ можно представлять себѣ въ видѣ крылатаго животнаго съ желѣзными гирями на ногахъ. Чего тутъ могутъ ожидать тѣ, которые мечтаютъ о возрожденіи итальянской національности?

Нашъ анонимъ также не имѣетъ для Неаполя другихъ красокъ, кромѣ очень мрачныхъ и приводящихъ въ уныніе. «Королевство Обѣихъ Сицилій, говоритъ онъ, есть самая населенная и обширная страна во всей Италіи. Оно имѣетъ свои собственные законы, которые собраны въ опредѣленные кодексы и, если угодно, расположены въ хорошемъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ очень недостаточны, а главное — не находятъ себѣ должнаго приложенія. Отсюда происходитъ, что государство управляется не столько законами, сколько полицейскими распоряженіями. Народъ, отъ природы добрый, общительный, смысленый и вообще очень счастливо одаренный, испорченъ невѣжествомъ, суевѣріемъ, административными злоупотребленіями и рабскими привычками. Государственные финансы находятся въ довольно исправномъ состояніи. Военный флотъ въ Неаполѣ есть конечно самый сильный на всемъ полуостровѣ, но кромѣ того здѣсь считается еще 80,000 моряковъ, занятыхъ частными морскими промыслами. Сухопутная армія состоитъ изъ 22 пѣхотныхъ полковъ съ соответствующимъ числомъ артиллеріи и кавалеріи. Четыре изъ этихъ полковъ набраны исклю-

чительно изъ Швейцарцевъ; всѣ они безспорно хорошіе солдаты, хотя, какъ наемники, въ нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствахъ едва ли могутъ служить надежною опорой, будучи лишены всякаго чувства привязанности къ странѣ и не пользуясь никакими симпатіями со стороны туземцевъ. Вообще о неаполитанскомъ солдатѣ существуетъ довольно хорошее понятіе: онъ много исправился сравнительно съ тѣмъ, что былъ прежде, то-есть лучше знаетъ свое дѣло гораздо болѣе приученъ къ дисциплинѣ: 10-й линейный полкъ, сражавшійся въ 1848 году въ Ломбардіи, далъ тому несомнѣнныя доказательства. Но понятіе о чести и чувство національной гордости остаются почти чуждыми этому войску, не потому конечно, чтобы оно отъ природы было не способно ни къ какимъ благороднымъ чувствованіямъ, но потому что господствующая система неумолимо старается подавить въ немъ всѣ лучшія сѣмена, такъ что, будучи столько послушнымъ орудіемъ для внутреннихъ притѣсненій, оно между тѣмъ вовсе лишено истиннаго воинскаго духа и даже не можетъ похвалиться исправными и опытными генералами, какъ это доказали ихъ дѣйствія въ 1849 году въ предѣлахъ Римской области.» (Стр. 23—24.)

Какъ мы сказали, много силъ и средствъ, но всѣ онѣ такъ направлены и умышленно такъ содержатся, что скорѣе должны служить ко вреду общаго дѣла Италіи, чѣмъ на пользу его. Однако нашъ авторъ не приходитъ оттого въ отчаяніе. Противорѣчіе настоящаго порядка вещей въ Неаполѣ съ идеальными стремленіями Италіи вовсе не кажется ему неразрѣшимымъ. Напротивъ, лучъ надежды свѣтитъ ему изъ этого повидимому столь темнаго угла. «Несмотря на всѣ означенные недостатки — такъ заключаетъ онъ свою безотрадную картину Неаполя—это неаполитанское войско, состоящее изъ 80,000 человекъ, есть одна изъ лучшихъ надеждъ Италіи. Неусыпныя старанія короля ввести въ него лучшее устройство, благодаря содѣйствію генераловъ Филанджери и Искителлы, не остались безуспѣшны. Стоить только самому правительству проникнуться болѣе италіанскимъ духомъ, онъ тотчасъ сообщится и арміи: ибо въ природѣ этого народа всегда были добрые задатки; умственные силы его не истощились, и какъ ни разбросаны въ немъ добрыя сѣмена, они однако пали не на бесплодную землю, какъ это доказали неустрашимые защитники Венеціи и между ними генералъ Уллоа въ особенн. (ibid.).»

Слова очень выразительныя, но нѣсколько загадочныя по своей краткости. Авторъ хотѣлъ больше намекнуть на свою мысль, нежели развить ее какъ слѣдуетъ. Впрочемъ мы находимся очень недалеко отъ настоящаго смысла его словъ: стоитъ только вникнуть въ нихъ нѣсколько пристальнѣе. Противорѣчіе, замѣчаемое въ настоящемъ положеніи Неаполя съ національными требованіями въ Италіи, въ

самомъ дѣлѣ не есть непобѣдимое. Оно не коренится въ самомъ духѣ мѣстныхъ учреждений, или въ инстинктахъ живущаго подъ ними общества: оно болѣе случайно нежели думаютъ, ибо заключается единственно въ волѣ и образѣ мыслей одного лица. Не тотъ ли самый законъ управлялъ до 1848 года и Пиемонтомъ, и не находился ли послѣдній долгое время почти въ такомъ же противорѣчьи къ общимъ стремленіямъ страны? Представимъ себѣ, что воля, управляющая Неаполемъ, измѣнила свое направленіе, или что перемѣна лица повлекла за собою и перемѣну системы. Что такое явленіе не принадлежитъ къ числу невозможностей, доказательствомъ можетъ служить тотъ же Пиемонтъ. Перемѣна же, идущая сверху, возможна въ Неаполѣ только въ одну сторону: это поворотъ въ пользу политическихъ и административныхъ реформъ, какой уже совершился въ свое время въ Сардиніи. Неаполь также можетъ имѣть свой *statuto*, давно уже составляющій предметъ горячихъ желаній народонаселенія. Допустивъ возможность этого перваго предположенія, нельзя уклониться и отъ другаго, которое составляетъ логическое его слѣдствіе. Государство, имѣющее одинаковое устройство съ Сардинскимъ, конечно не захочетъ болѣе искать себѣ опоры въ Австріи; оно необходимо должно будетъ примкнуть къ однородному, то-есть вступить въ тѣсный союзъ съ Пиемонтомъ. Спрашивается теперь: когда Пиемонтъ, вмѣсто того чтобъ опасаться извѣта и можетъ-быть даже прямо враждебныхъ дѣйствій съ юга, получить въ Неаполѣ надежную опору себѣ, какая борьба на италіанской почвѣ и за національное дѣло будетъ ему не по силамъ? Что остановитъ тогда воинственный порывъ его, который сдерживается только совершеннымъ одиночествомъ его между италіанскими правительствами? И куда наконецъ уйдетъ отъ необходимости реформъ упорный Римъ, поставленный между двумя туземными силами, дѣйствующими въ одномъ направленіи?

Мы не навязываемъ автору нашихъ собственныхъ мыслей: лишь намекнувъ на это предположеніе въ первой части своей книги, онъ самъ же потомъ, но гораздо ниже, раскрываетъ его во всей подробности (стр. 165 — 167). Въ томъ же смыслѣ говоритъ и авторъ «Возможной Италіи»... Пылкія головы, которыя смѣшиваютъ въ своей ненависти Пиемонтъ съ Неаполемъ и готовы принести обоихъ въ жертву воображаемому единству, не подумали конечно, что это два наши главные спорные пункта въ случаѣ борьбы за италіанскую независимость... Гдѣ же и живетъ въ Италіи воинскій духъ и военное искусство, какъ не въ арміяхъ пиемонтской и неаполитанской? и конечно только съ ними можно помышлять объ изгнаніи Австрійцевъ изъ предѣловъ полуострова. Тѣ, которые на существованіе этихъ двухъ армій смотрятъ какъ на первое препятствіе для успѣха національнаго дѣла, по моему мнѣнію, сами не знаютъ что говорятъ

(стр. 180—181). Мы передали мысль автора не точными его словами, но кажется вѣрно сохранили ихъ смыслъ, который состоитъ въ томъ, что въ борьбѣ за національную независимость неаполитанская армія можетъ имѣть такое же значеніе, какъ и піемонтская.

Но не будемъ гоняться за возможными слѣдствіями явленія, которое само принадлежитъ еще къ области мечты, хотя бы и сбыточной. Возвратимся къ итальянской дѣйствительности.

Авторъ, которому мы слѣдуемъ въ особенности, ведетъ насъ изъ Неаполя въ Римъ. Наконецъ Европа гласно уже сказала свое мнѣніе о современномъ намъ Римѣ съ особенностями его политическаго устройства и администраціи: это одна изъ тѣхъ несчастныхъ аномалій, которыхъ больше не вмѣщаетъ въ себя просвѣщенная мысль современнаго человѣка. Явленіе, ведущее свое начало изъ самой темной эпохи среднихъ вѣковъ, дотога отстало отъ всякаго развитія и разошлось съ новою мыслию, что они болѣе не узнаютъ другъ друга. Чѣмъ лучше становятся извѣстны подробности механизма, которымъ управляется Римская область съ принадлежащими къ ней легациями, тѣмъ менѣе дикимъ кажется тибетское внутреннее устройство. Римъ наконецъ не въ состояніи удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ управляемаго имъ общества, то-есть обезпечить внутреннюю его безопасность и спокойствіе. Одинъ классъ, одна господствующая каста живетъ на счетъ цѣлой страны, которой народонаселеніе, несмотря на свою дѣятельность, осуждено бѣдствовать. Не говоря уже о внутренней производительности и торговлѣ, которыя убиты, задавлены монополями, довольно указать на несообразное ни съ чѣмъ распредѣленіе поземельной собственности въ Римской области, представляющее такое разительное извращеніе всѣхъ понятій о народномъ хозяйствѣ, выработанныхъ наукою. Ко множеству извѣстныхъ фактовъ въ этомъ родѣ авторъ «Возможной Италіи» прибавляетъ отъ себя еще одинъ, хорошо знакомый ему по собственному опыту. Въ духовномъ или церковномъ отношеніи вся Римская область дѣлится на семьдесятъ слишкомъ діоцезовъ. Нашъ авторъ родился и провелъ большую часть своей жизни въ діоцезѣ Субіакскомъ, извѣстномъ собственно подъ именемъ «Субіакскаго аббатства» (abbazia di Subiaco). Къ этому аббатству, кромѣ самаго города, принадлежатъ еще 60 селеній, въ которыхъ считается до 30,000 жителей. Что же? эти десятки тысячъ людей едва владѣютъ четвертою частію всей поверхности земли въ діоцезѣ: остальные же три части принадлежатъ разнымъ духовнымъ учрежденіямъ, считающимъ всего не болѣе 135 членовъ! Авторъ, обстоятельно знающій дѣло, перечисляетъ всѣ эти учрежденія по именамъ: коллегія двадцати канониковъ, столовое управленіе одного кардинала (una mensa cardinalizia), два монастыря съ двадцатью бенедиктинскими монахами, и т. д. (р. 202).

Что удивительного, поэтому, если при одномъ словѣ Пія IX о реформахъ въ 1847 году все народонаселеніе Римской области пришло въ сильное движеніе? Для Римлянъ дѣло шло не о роскоши современной цивилизаціи, но о томъ, что можно сравнить въ ней съ насущнымъ хлѣбомъ, иначе сказать, объ удовлетвореніи самыхъ первыхъ и необходимыхъ потребностей человѣка, живущаго въ правильномъ обществѣ. Но именно отъ того, что долговременный застой и совершенная неподвижность всего быта накопили въ народѣ слишкомъ много требованій, движеніе скоро превратилось въ бурное и опасное волненіе массъ, угрожавшее ниспроверженіемъ всѣхъ дотолѣ существовавшихъ учреждений въ предѣлахъ Римской области. Этотъ неожиданный оборотъ, ускоренный бѣгствомъ самого виновника движенія изъ Рима, какъ извѣстно, послужилъ поводомъ къ европейскому вмѣшательству, которое кончилось взятіемъ Рима и низложеніемъ римской республики. Но давая свое согласіе на подавленіе римскаго возстанія, Европа не ограничивала тѣмъ своей политической задачи. Преслѣдуя революцію въ Римѣ, она вовсе не имѣла цѣли очистить мѣсто прежнему порядку вещей и еще болѣе утвердить его своимъ содѣйствіемъ. Знаменитое письмо къ полковнику Нею, писанное тотчасъ послѣ занятія Рима французскими войсками, показываетъ очень ясно, что стороннее вмѣшательство во внутреннія римскія дѣла не находило для себя лучшаго оправданія, какъ сознаніе необходимости правильныхъ реформъ въ области Св. Петра и желаніе возвратитъ право начатія ихъ тому, кто назадъ тому нѣсколько времени первый открылъ имъ дорогу въ Римскія владѣнія. Послѣ того прошло уже много лѣтъ, но убѣжденіе Европы въ настоятельной потребности реформъ въ Римѣ нисколько не поколебалось. Напротивъ того, воспользовавшись большимъ парижскимъ конгрессомъ, она сочла своимъ долгомъ, передъ лицомъ всего образованнаго міра, торжественно подать свой голосъ въ пользу необходимыхъ улучшеній въ римскомъ управленіи и выразить свое неизмѣнное желаніе, чтобъ они какъ можно скорѣе были приведены въ исполненіе.

Итакъ необходимость реформы остается пока послѣднимъ словомъ Европы въ отношеніяхъ ея къ Риму, согласной въ томъ съ вопіющими требованіями Римскаго народа. Нечего говорить, что римскія улучшенія составляютъ предметъ горячихъ желаній и всей остальной Италіи. Между тѣмъ дѣло римской реформы, несмотря на всѣ увѣренія г. Реневаля, нисколько не подвигается впередъ. Отъ того ли, что оно не находитъ себѣ благонамѣренныхъ исполнителей? Частію отъ того, безъ сомнѣнія, но частію и отъ другихъ, менѣе случайныхъ причинъ. Настоящіе правители Рима не только далеки отъ всякой мысли о внутренней реформѣ, но готовы были бы изгладить навсегда самыя воспоминанія о недавнихъ добровольныхъ

попыткахъ, которыми открылось большое итальянское движеніе. Во-первыхъ, эти попытки вовсе не были такъ добровольны, какъ кажутся, а вовторыхъ, въ мысли самого зачинателя онѣ далеко не имѣли ни того объема, ни даже того смысла, который имъ хотѣли приписывать. Многія уступки дѣлались именно отъ непониманія ихъ настоящаго значенія. Начиная реформу, Пій IX серьезно думалъ, что вводимый имъ конституціонный порядокъ есть только дальнѣйшее развитіе старыхъ римскихъ учреждений... При такомъ наивномъ возрѣннн нельзя было ему не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и не запнуться на первыхъ же порахъ новой дѣятельности. Онъ ставилъ конституціонныхъ министровъ, и въ то же время держалъ около себя другое правительство, которое слѣдовало совѣмъ инымъ началамъ. Когда, разказываетъ Маріани, какъ очевидецъ, къ папѣ явилась депутація отъ камеры, прося его положить конецъ этому странному положенію дѣлъ, въ которомъ одно правительство (тайное) служило подрывомъ для дѣйствій другаго, Пій IX отвѣчалъ слѣдующее: «Колебанія неизбежны во всѣхъ конституціонныхъ правленіяхъ, какъ это можно видѣть на Франціи и Англии, а у насъ тѣмъ болѣе, потому что мы новички въ этомъ дѣлѣ; да и нельзя не имѣть нѣкотораго снисхожденія къ людямъ, лишившимся власти. Съ своей стороны я нисколько не теряю надежды, что мало-по-малу и они привыкнутъ къ новому порядку вещей и приложатъ къ нему свои старанія.»—Все это очень хорошо, святой отецъ, возразилъ одинъ изъ членовъ депутаціи (это былъ Маріани), но мы бы желали только, чтобъ они не злоумышляли противъ насъ. «Э, отвѣчалъ папа, возвысивъ голосъ,—чего вы хотите отъ нихъ! Вѣдь не такіе же они праведники, какъ вашъ Св. Бенедиктъ (покровитель Субіако).» (*Italia poss.* p. 72). Какова бы ни была настоящая мысль реформатора, ясно впрочемъ, что начинанія его никогда не могли достигнуть зрѣлости даже при самомъ благопріятномъ ходѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Вводитъ новыя учрежденія и не хотѣтъ устранивъ противодѣйствующее имъ начало, значило обречь ихъ на совершенное безсиліе. Такую игру только и можно было затѣять, не понимая настоящаго смысла учреждений. Когда же потомъ онъ разъяснился съ помощію обстоятельствъ, его нашли столько несомнѣннымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей въ Римѣ, что не хотѣли болѣе допускать реформаторскихъ стремленій даже для вида. Въ такомъ состояніи остается вопросъ и до сего времени.

Съ перваго взгляда можно подумать, что это второе мѣстное противорѣчіе требованіямъ вѣка и интересамъ страны, одинаковаго свойства съ тѣмъ, которое мы уже видѣли въ Неаполѣ. И Италия, нетерпѣливо сносящая римскій застой, долго была того мнѣнія, что онъ зависитъ единственно отъ личнаго упорства, и что будь на римскомъ престолѣ побольше доброй воли и твердой рѣшимости, дѣло реформы

пошло бы впередъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Но въ послѣднее время мнѣнія, существовавшія въ Италіи о римскомъ вопросѣ, замѣтно поколебались. Люди весьма свободныхъ убѣжденій не находятъ болѣе, чтобы противорѣчіе было только случайное. Всматриваясь ближе въ характеръ учрежденія, то—есть папскаго авторитета, они замѣчаютъ, что оно по самой натурѣ своей несовмѣстно съ нововведеніями извѣстнаго рода. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ авторъ «Delle eventualità italiane»:

«То правда, что Пій IX согласился дать своему народу конституцію; но люди проникательные тогда уже выражали свои сомнѣнія относительно возможности примиренія римской теократіи съ представительнымъ порядкомъ вещей, и не предвѣщали долгой жизни новому римскому уложенію. Принимая конституціонныя начала, необходимо допустить и естественныя ихъ слѣдствія, какъ—то свободную трибуну, книгопечатаніе, національную политику и т. п.; но церковь католическая, по свойственному ей характеру, должна стараться удержать за собою право строгаго осужденія извѣстныхъ теоретическихъ положеній, несообразныхъ съ сущностію католицизма, и потому она не можетъ допустить, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ располагаетъ властію, чтобы распространеніе человѣческой мысли, посредствомъ книгопечатанія или публичныхъ собраній, было свободно отъ всякаго принужденія и не подлежало ея контролю... Сверхъ того, католицизмъ долженъ стараться сохранить за собою возможность отвергать реформы смѣшаннаго характера, или какъ прямо несовмѣстныя съ его правами и несогласныя съ принятою имъ доктриною, или просто какъ неблаговременныя, хотя бы съ обыкновенной правительственной точки зрѣнія и нельзя было не признать ихъ совершенной благовременности и даже необходимости для гражданскихъ и нравственныхъ успѣховъ народа. Въ вопросахъ подобнаго рода существенная часть задачи состояла бы въ томъ, чтобы найти средство сопоставить двѣ власти безъ ущерба преимуществъ и независимости каждой изъ нихъ: но именно потому—то онѣ и не могли бы существовать вмѣстѣ въ одномъ и томъ же государствѣ. Съ другой стороны нельзя требовать отъ верховнаго учрежденія, носящаго на себѣ церковный характеръ, чтобы оно всегда шло въ уровень съ благородными цорывами національнаго чувства, и слѣдуя имъ, завлекалось въ войну съ какою—нибудь христіанскою, особенно же католическою державой, не роняя тѣмъ своего авторитета передъ цѣлыми народами и не унижая въ ихъ глазахъ величайшей прерогативы своего главы, который считается общимъ отцомъ всѣхъ вѣрующихъ (католиковъ). Въ томъ не можетъ быть спора, что правительству папы болѣе чѣмъ всякому другому прилично быть кроткимъ и умѣреннымъ, но не вслѣдствіе условленныхъ правъ, а въ силу добровольнаго акта его воли. Требовать отъ него можно

только одного, то—есть, чтобъ оно неусыпно смотрѣло за сохраненіемъ общественнаго порядка, то дѣйствуя для того евангельскою кротостію, то вооружаясь всею строгостію существующихъ законовъ.» (Стр. 26—27.)

Надобно отдать справедливость безпристрастію безыменнаго публициста: не останавливаясь на поверхности и не увлекаясь страстію, онъ умѣлъ заглянуть въ самую природу явленія и указать тѣ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ идти его развитіе. Конечно, добытый имъ результатъ не заключаетъ въ себѣ ничего отраднаго для Италіи: остановившись на немъ, она должна бы отказаться отъ всякихъ надеждъ видѣть когда-нибудь конецъ столь вопіющимъ римскимъ злоупотребленіямъ, какъ неисправимымъ по самой природѣ учрежденія. Но лучше ей узнать наконецъ истину, чѣмъ вѣкъ обманывать себя призраками. Надобно замѣтить притомъ, что другой публицистъ, имѣвшій случай еще ближе всмотрѣться въ подробности римскаго правительственнаго механизма и довольно обстоятельно разказывающій исторію его образованія, въ сущности держится однихъ мыслей съ первымъ, хотя и не высказываетъ своего мнѣнія съ тою же определенностію. Этимъ согласіемъ еще больше подтверждается вѣрность положенія о несомнѣстности папскаго авторитета съ политическими нововведеніями.

Но какая же есть возможность для Италіи выйти изъ этого противорѣчія, которое не случайно, и потому нисколько не зависитъ отъ перемѣны вѣшнихъ обстоятельствъ? Враждебно столкнувшись съ нимъ въ 1848 году, республиканская партія думала отдѣлаться отъ него голословнымъ его отрицаніемъ. Но тѣмъ она можетъ—быть еще болѣе повредила себѣ, нисколько не рѣшивъ спорнаго пункта. Вообще безусловное отрицаніе есть плохой способъ рѣшенія великихъ историческихъ задачъ. Это очень понимаютъ новые итальянскіе публицисты, и поставляя на видъ всѣ трудности римской задачи, ищутъ изъ нихъ другаго исхода. Любопытно послушать ихъ мнѣнія, или, если угодно, мечты о томъ, какъ всего удобнѣе и выгоднѣе для Италіи можетъ быть разрѣшена столько запутанная римская проблема.

Начнемъ съ автора «Возможной Италіи». Совершенно отмѣнить институтъ, потому что онъ стоитъ на дорогѣ къ реформамъ, не входитъ въ его планы ни съ какой стороны. Напротивъ, Маріани твердо стоитъ за его сохраненіе. Къ тому побуждаетъ его не только несчастный опытъ послѣдней римской республики, но и его личное воззрѣніе на національное значеніе института. По своимъ понятіямъ онъ отчасти принадлежитъ къ школѣ Джоберти и не иначе можетъ представить себѣ возрожденіе Италіи, какъ въ тѣсной связи съ величіемъ католицизма, а безъ папскаго авторитета католицизмъ былъ бы лишенъ своей вершины и своего главнаго органа. Съ другой сто—

роны впрочемъ, какъ горячій патріотъ, онъ не можетъ согласить своихъ надеждъ на будущее Італія съ сохраненіемъ прежняго порядка вещей въ Римѣ. Чтобы выйдти изъ этого противорѣчія, онъ не находитъ другаго средства, какъ, оставивъ духовный авторитетъ папы въ настоящемъ его видѣ, прискаты для него другую резиденцію. По его мнѣнію, власть папы, какъ духовнаго главы всего католическаго міра, можетъ только выиграть отъ такой перемѣны, потому-что не будетъ болѣе связана никакими свѣтскими политическими отношеніями. Такъ какъ весь предполагаемый переворотъ происходитъ пока только въ мысли, или въ чистой теоріи, то мы думаемъ, что не нарушимъ никакихъ приличій, если сообщимъ нѣкоторыя подробности его русскимъ читателямъ.

Предлагая новую резиденцію для главы католической церкви, Маріани прежде всего старается оградить себя отъ упрека въ желаніи неслыханной новизны, которая будто бы не имѣетъ за себя никакихъ основаній въ исторіи папства. Для того онъ ссылается на авторитетъ Петрарки, который въ свое время предлагалъ Урбану V перенести свое мѣстопробываніе въ Константинополь; для того же приводитъ онъ въ примѣръ Бенедикта XI, который думалъ перемѣститься сначала въ Ломбардію, а потомъ въ Ассизи; наконецъ онъ указываетъ на Авиньонъ, бывший столько времени резиденціею римскихъ епископовъ. Надобно признаться, что выбранные примѣры, подтверждающіе фактъ, не говорятъ впрочемъ много въ его пользу. Посмотримъ теперь, куда, по мнѣнію нашего публициста, лучше всего было бы перемѣстить папу въ наше время. Три пункта предлагаетъ онъ на выборъ, руководясь столько же интересами католицизма, сколько и желаніемъ ему независимости: Краковъ, Мальту и Іерусалимъ. Пробываніе папы въ Краковѣ, думаетъ онъ, послужило бы противодѣйствіемъ нѣмецкому раціонализму; живя на островѣ Мальтѣ и состоя подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ, глава католицизма гораздо удобнѣе и дѣятельнѣе могъ бы поддерживать свои сношенія съ Востокомъ; но всего лучше было бы ему помѣститься въ Іерусалимъ, по высокой идеѣ, которая соединяется съ именемъ этого города, и по тѣмъ великимъ религіознымъ интересамъ, которые сходятся въ стѣнахъ его.

Мечты, мечты, скажетъ нетерпѣливо читатель, и мы готовы повторить вслѣдъ за нимъ то же самое. Всѣ эти три предложенія дотога непрактичны, что едва ли стоить труда возражать противъ нихъ. О Краковѣ, какъ папской резиденціи, никто не захочетъ терять словъ понапрасну. Почти не менѣе странна мысль помѣстить главу католической церкви подъ покровительствомъ протестантской державы. Объ Іерусалимѣ тоже не можетъ быть рѣчи, пока онъ находится подъ властью мусульманъ. Къ чести автора надобно впрочемъ замѣтить, что онъ и самъ плохо вѣритъ въ исполнимость своего тройнаго про-

екта, но съ другой точки зрѣнія. «Сказать правду, говоритъ онъ въ заключеніе, исполненіе этого проекта представило бы много трудностей. Ни папы, ни кардиналы, ни прелаты никогда не согласятся покинуть Римъ, зная, что имъ не найти другой земли, которая бы лучше приходилась къ ихъ роскошнымъ привычкамъ и избалованнымъ вкусамъ. Да и сами Римляне едва ли бы съ удовольствіемъ видѣли нарушеніе освященнаго вѣками обычая, съ которымъ соединено столько славныхъ воспоминаній, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ развитію искусства. Если справедливо, что въ политическомъ отношеніи Италія много выиграла бы съ удаленіемъ папы изъ Рима, то съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что эта перемѣна не обошлась бы и безъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока для Рима не выросли бы новые матеріальные интересы въ замѣну утраченныхъ.» Подконецъ разсужденія, мысль автора принимаетъ даже вовсе неожиданный оборотъ. «Во избѣжаніе всѣхъ этихъ трудностей, продолжаетъ онъ далѣе, я полагаю, что было бы гораздо желательнѣе, чтобъ Италія и впредь сохранила свое право быть мѣстомъ постоянного пребыванія папы, лишь бы только папство не вредило странѣ своею антинаціональною политикою, которая есть прямое слѣдствіе незаконно присвоенной имъ свѣтской власти. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, никто бы не сталъ отрицать права у преемниковъ Св. Петра жить въ Ватиканѣ, по другую сторону Тибра (città Leonina), среди свободной и независимой націи.» (Italia poss. p. 55—56.)

Трудности перенесенія папской резиденціи изъ Рима во всякое другое мѣсто еще сильнѣе укоренены въ мысли другаго публициста. При всемъ своемъ убѣжденіи въ несовмѣстности папскаго управленія съ прогрессомъ Италіи, онъ принужденъ однако уступить силѣ историческаго учрежденія и сознаться, что, если не хотѣтъ уничтожить его вовсе, то нечего и думать о перенесеніи его съ одного мѣста на другое. Чтобы сохранить жизнь, оно должно остаться тамъ, гдѣ выросло и глубоко пустило свои корни въ землѣ. Иначе авторъ не можетъ понять его существованія. Послушаемъ впрочемъ его самого. «Для того, чтобы найти правильное рѣшеніе нашей трудной задачи; говоритъ онъ, намъ прежде всего слѣдуетъ выговорить Римъ, даже и не помышляя ставить извѣстный вопросъ, можетъ ли папа гдѣ въ другомъ мѣстѣ найти новую, достойную себя резиденцію, потому что это значило бы возвращаться къ химерическому наполеоновскому проекту перемѣщенія папы въ Парижъ. Гдѣ же можетъ находиться папа, если не тамъ, гдѣ собраны самыя великія воспоминанія католицизма и самыя важныя его учрежденія, — тамъ, гдѣ между множествомъ другихъ сооруженныхъ имъ монументовъ, возвышается величественная базилика Св. Петра, постоянно привлекающая къ себѣ толпы благочестивыхъ пилигримовъ, — тамъ на-

конецъ, гдѣ рядъ первосвященниковъ не прекращался въ продолженіе длинной цѣпи вѣковъ (стр. 30)?»

Нельзя рѣшительнѣе высказать убѣжденія въ томъ, что для духовнаго главы католическаго міра нѣтъ и не можетъ быть другой резиденціи кромѣ Рима: замѣчательный примѣръ того глубокаго дѣйствія, которое оказываютъ историческія учрежденія даже на умы, нисколько имъ не симпатизирующіе! И мы не взяли бы противорѣчить безыменному автору въ этомъ его убѣжденіи. Безпристрастная мысль не можетъ не сознаться, что если нельзя совѣстить существующихъ римскихъ учреждений съ необходимыми улучшениями, то еще менѣе можно думать о томъ, чтобы пересадить ихъ на другое мѣсто. Исторически образовавшіяся учрежденія такъ же крѣпко сидятъ на своемъ мѣстѣ, какъ перевозанныя скалы: ихъ можно, хотя съ большими усиліями, взорвать и разрушить, но нельзя думать перенести по желанію съ одного мѣста на другое. Или они процвѣтаютъ, или гибнутъ тамъ же, гдѣ и родились, потрясая весь окрестный воздухъ своимъ паденіемъ. Сколько разъ постигало разореніе священныя Дельфы древнихъ Грековъ, но никто же не думалъ переносить ветхое святилище на новое мѣсто. Константинъ могъ построить для себя новый Римъ, но Капитолій остался на прежнемъ мѣстѣ ожидать своего послѣдняго запускенія.

Вотъ почему, между прочимъ, мы охотнѣе слѣдимъ за безыменнымъ публицистомъ: онъ кажется намъ логичнѣе своего товарища. Но какъ же разрѣшить онъ намъ противорѣчіе, которое отъ его умозаключеній получаетъ еще новую силу? Какое средство найдетъ онъ, чтобы, оставляя папство на прежнемъ его мѣстѣ, не измѣнить однако и идеѣ итальянскаго прогресса, положенной имъ же самимъ во главу угла?

Для этой цѣли онъ предлагаетъ слѣдующую оригинальную комбинацію. Если, какъ онъ выражается, дѣло идетъ о «пожертвованіи», то пусть по крайней мѣрѣ эта неизбежная жертва ограничится возможно-малымъ объемомъ. Въ настоящемъ своемъ составѣ, папскія владѣнія вмѣщаютъ въ себѣ довольно обширное пространство, на которомъ считается болѣе 3,000,000 жителей. Еслибы эти обширныя владѣнія доставляли по крайней мѣрѣ ту пользу учрежденію, что, опираясь на нихъ, оно въ состояніи было бы удовлетворить потребностямъ своего собственнаго независимаго существованія! Но опыты послѣднихъ лѣтъ окончательно убили всякую вѣру въ самостоятельность римскаго правительства. Какъ государство, оно можетъ держаться только съ помощью иностранныхъ штыковъ. Въ этомъ отношеніи Неаполь стоитъ на недосыгаемой высотѣ передъ Римомъ. Итакъ, если ужъ Риму суждено оставаться папскою резиденціей, то пусть эта жертва, приносимая старой Италіи насчетъ ея будущаго, заключится въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Этого огра-

ниченія требуютъ, сверхъ того, и самыя выгоды римскаго правительства: ибо ему легче будетъ содержать внутренній порядокъ въ небольшомъ округѣ съ какими-нибудь 300,000 жителей, чѣмъ въ обширныхъ владѣніяхъ съ тремя милліонами народонаселенія.

«Если уже необходимо, говорить нашъ анонимъ, — чтобъ одна часть Итальянскаго народа пожертвовала нѣкоторыми политическими льготами для сохраненія за Италіей права вмѣщать въ себя центръ католическаго единства, то справедливость требуетъ, чтобъ эта часть была самая малая. А въ такомъ случаѣ, что можетъ быть проще и приличнѣе, какъ высвободить изъ-подъ папской власти провинціи, которыя не приносятъ никакой пользы для ея независимости, и оставить папу тамъ, гдѣ онъ есть и гдѣ всегда находился прежде, то-есть въ этомъ величавомъ Римѣ, на который католическій міръ давно привыкъ смотрѣть какъ на свою метрополию? Заключая въ своихъ стѣнахъ папу, коллегію кардиналовъ и величайшія учрежденія католицизма, священный городъ сохранить свое древнее великолѣпіе, а чтобы поднять еще болѣе внѣшній блескъ верховнаго католическаго престола, достаточно было бы малыхъ приношеній со стороны другихъ епископскихъ кафедръ внутри католическаго міра» и т. д. (стр. 34). Значительно урѣзывая свѣтскія владѣнія римскаго престола, авторъ впрочемъ не хотѣлъ бы ограничить ихъ предѣлами одного города. Его мысль состоитъ въ томъ, что какъ необходимое условіе существованія папскаго авторитета есть его независимость, то удѣлъ его во всякомъ случаѣ долженъ сохранить видъ, хотя небольшаго, но самостоятельнаго государства, и потому нашъ публицистъ считаетъ за нужное приписать къ нему извѣстное количество земли, terrain, и даже предоставить въ его распоряженіе нѣкоторые порты. Выкроенное такимъ образомъ новое церковное владѣніе слагалось бы, кромѣ Рима, изъ всей его окрестной области съ лежащими на ней небольшими городами, и изъ двухъ портовъ при Средиземномъ морѣ, именно Чивитта-Веккіи и Порто д'Анціо, необходимыхъ для свободы внѣшнихъ его сообщеній. Этою сдѣлкой, по мнѣнію автора, достигнуто было бы вдругъ нѣсколько цѣлей: жертва Италіи ограничилась бы гораздо меньшею долею, и папскій авторитетъ сохранилъ бы свою политическую самостоятельность, а между тѣмъ избавился бы отъ многихъ обременительныхъ заботъ и расходовъ по управленію довольно обширными владѣніями, которыя, нисколько не прибавляя къ его величію, только обличаютъ передъ глазами Европы его внутреннюю немощь и вызываютъ необходимость сторонняго вмѣшательства.

Не будемъ спѣшить упрекомъ нашему анониму въ безплодной мечтательности: проектъ, представленный сардинскимъ правительствомъ парижскому конгрессу и получившій его одобреніе, въ сущности преслѣдуетъ ту же самую цѣль, съ тою разницею, что, совершенно

отдѣляя делегаціи отъ Рима въ административномъ отношеніи, оставляютъ неприкосновенною политическую связь между ними. Становясь по возможности на точку зрѣнія автора, мы съ своей стороны затрудняемся другаго рода сомнѣніемъ. Если ужъ такая жертва необходима, спрашиваемъ мы въ свою очередь, то за что же она непременно должна пасть на Римъ! Вѣдь никто болѣе въ Европѣ не считаетъ папскаго управленія (то—есть управленія черезъ прелатовъ) благомъ для подданныхъ: отчего же, когда другіе освобождаются отъ этой чаши, она вся цѣликомъ подносится одному Риму съ окружающею его областію, не менѣе его самого пропитанною историческими воспоминаніями? Положимъ, что такое назначеніе лежитъ въ самой судьбѣ его; фактъ пусть и остается фактомъ, но не обидно ли такое признаніе со стороны теоріи, которая ищетъ разрѣшенія существующихъ противорѣчій, и сама же отличаетъ права Рима на особенное вниманіе и уваженіе предпочтительно передъ всѣми другими городами? «Римъ былъ уже, мы приводимъ слова того же автора, столицей римскаго міра; когда потомъ отпало отъ него это высокое преимущество, онъ сдѣлался метрополіею для всѣхъ католическихъ народовъ: итакъ Римъ имѣетъ въ себѣ нѣчто универсальное, всемірное, что останется при немъ навсегда» (стр. 35). Совершенно справедливо: но какъ съ этою высокою привилегіей соединить несчастную роль очистительной жертвы за всю Италію?

Другой вопросъ состоялъ бы въ томъ: какую же долю назначаете вы тѣмъ провинціямъ, которыя по вашей теоріи должны отдѣлиться отъ римскихъ владѣній? Но здѣсь авторъ предупреждаетъ насъ, и мы имѣемъ отъ него готовый отвѣтъ: владѣнія, отдѣленные отъ Папской Области, должны присоединиться къ Тосканѣ.

Сущность мыслей или, если угодно, политическихъ предположеній безыменнаго публициста о Тосканѣ заключается въ слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы потому и приводимъ въ цѣломъ его составѣ. «Тосканцы — народъ отъ природы умѣреннаго темперамента, подготовленный къ принятію новыхъ учрежденій уже прежнимъ своимъ развитіемъ, и вся политическая задача тѣхъ, которые правятъ имъ, сводится собственно лишь къ тому, чтобы посредствомъ нѣскольکو болѣе энергическихъ правительственныхъ мѣръ сдерживать безпокойныя движенія Ливорнцевъ, вмѣстѣ съ немногими и болѣе податливыми поборниками демократіи съ одной стороны и деспотизма съ другой, которые разсыяны въ другихъ городахъ государства. Но эта легкая задача становится трудною, когда тѣ, которые держатъ въ рукахъ кормило его, забывши уроки недавняго прошедшаго и завязавши себѣ глаза на неминуемыя перемѣны въ будущемъ, систематически отталкиваютъ отъ себя все, что принадлежитъ къ конституціонной итальянской партіи, и такимъ образомъ сами лишаютъ себя единственной надежной опоры, которая равно могла бы имъ

служить, въ случаѣ политическаго кризиса въ странѣ, противъ крайностей демагоговъ, какъ и противъ жалкихъ усилій ретроградной партіи. Отсюда возникаетъ новое предположеніе, съ каждымъ днемъ распространяющееся все далѣе и далѣе въ предѣлахъ страны, то есть, что Тосканѣ суждено кончить свое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства и войти въ составъ новаго болѣе обширнаго политическаго организма, или занять главное мѣсто въ другомъ болѣе центральномъ учрежденіи государственнаго характера. Въ этой комбинаціи монархическо-конституціонная партія въ Тосканѣ, какъ и въ Церковномъ государствѣ, не находитъ себѣ удовлетворенія, и съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда можетъ осуществиться мечта ея, слѣдя пристальнымъ взглядомъ за ходомъ свободнаго Пьемонта и общей европейской политики.» (Стр. 57.)

Тоскана очевидно не представляетъ наблюдателю ни того крайне-натянутого положенія дѣлъ, какимъ поражаетъ Неаполь, ни того глубокаго внутренняго противорѣчія, какое замѣчается въ самой природѣ существующихъ римскихъ учрежденій, противорѣчія требованіямъ вѣка, и потому, говоря о Тосканѣ, публицистъ охотнѣе и легче увлекается воображеніемъ. Какъ ни мало напряженности въ нынѣшнемъ ея состояніи, однако въ немъ нѣтъ также и большой прочности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Австрійцы, погостившіе нѣсколько лѣтъ въ странѣ, своимъ присутствіемъ въ ней провели новое глубокое раздѣленіе между династіей и націей. Въ Италіи достаточно одного появленія Австрійцевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, хотя бы даже и съ опущенными внизъ штывами, чтобы посѣять новыя сѣмена вражды въ самомъ мирномъ народонаселеніи: такъ велика антипатія, раздѣляющая двѣ націи. Но Тоскану спасаютъ въ глазахъ политиковъ ея высоко-національныя литературныя, артистическія и другія преданія и счастливое мѣстное положеніе. Одно имя Флоренціи возбуждаетъ въ душѣ итальянскаго патріота множество самыхъ дорогихъ ему воспоминаній. Вотъ почему, несмотря на малую ея роль въ послѣднихъ переворотахъ, онъ старается поднять ея значеніе въ будущемъ и изъ чужихъ обрѣзковъ пробуетъ выкроить ей новую болѣе богатую порфиру, которая была бы для нея не просто украшеніемъ, но и символомъ ея болѣе высокаго національнаго значенія. Довольно сказать, что легатія, отдѣляемая отъ римскихъ владѣній, предполагается ввести въ составъ новаго срединнаго итальянскаго государства, въ которомъ Флоренція должна быть политическимъ центромъ.

Черезъ Модену и Парму пойдемъ далѣе на сѣверъ страны. Какъ ничтожна ихъ роль въ настоящемъ, такъ не предвидится для нихъ лучшей и въ будущемъ. Реставрируя эти остатки феодальной Италіи, Вѣнскій конгрессъ однако не могъ придать имъ никакой жизненной силы. Ихъ будущее назначеніе—слиянiе съ другими, болѣе самостоятельными политическими организмами. Такимъ образомъ прибли-

жаемся мы въ нашемъ обзорѣ къ сѣверной Италиі. Какъ извѣстно, даже и она, взятая сама по себѣ, не составляетъ еще одного цѣлаго: напротивъ, нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ здѣсь, тотъ антагонизмъ двухъ враждебныхъ политическихъ стремленій, который проходитъ по всему полуострову. Піемонтъ и австрійскую Ломбардію можно сравнить съ двумя застрѣльщиками, поставленными другъ противъ друга въ траншеяхъ, которыя не спускаютъ глазъ одинъ съ другаго, чтобы, воспользовавшись первою оплошностію своего противника, направить въ него мѣткій выстрѣлъ. О Ломбардіи говорить нечего: здѣсь противорѣчіе чисто внѣшнее. Снимите этотъ тяжелый камень, который постоянно давить ея грудь, и она вздохнетъ свободно. Обратимся къ Піемонту.

Если на долю Піемонта выпала благороднѣйшая роль, быть въ главѣ національнаго движенія въ Италиі, то ему же досталась и самая трудная задача, среди тревогъ и волненій разнаго рода управлять свой собственный корабль и мало-по-малу провести за нимъ всю страну въ добрую пристань. Этого рода цѣли не достигаются съ одного раза: онѣ требуютъ многихъ опытовъ и тяжелыхъ пожертвованій; прежде чѣмъ идти на всѣхъ парусахъ противъ сильнаго непріятеля, долго еще надобно искусно лавировать между утесами. Задачи подобнаго рода не рѣшаются безъ того, чтобы не оставить позади себя нѣсколько положеній истинно трагическаго свойства. Таково было положеніе Піемонта послѣ отступленія отъ Минчіо, еще больше послѣ новарскаго разгрома; такова была въ особенности роль Карла Альберта, положившаго всю душу на свое доблестное, но несчастное предпріятіе и вышедшаго изъ него съ отчаяніемъ въ головѣ и сердцѣ. Въ исторіи послѣдняго 35-лѣтія едва ли найдется другая роль, столько же исполненная трагическаго характера. Какъ ни тяжело было испытаніе, Піемонтъ остался вѣренъ своему благородному назначенію, и хотя сдѣлался осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, однако не измѣнилъ ни цѣли, ни главнаго направленія своей политики. Піемонтъ наконецъ живетъ тѣмъ сознаніемъ, что возстановленіе національной независимости Италиі есть не только задача, но и условіе его политическаго существованія.

Въ неминувшей борьбѣ, которая предстоитъ Піемонту впереди, его впрочемъ ожидаютъ не однѣ только внѣшнія трудности. Уже событія 1848 года показали, что задача Піемонта, ищущаго сліянія съ Ломбардіею, не ограничивается успѣшною борьбою съ превосходящимъ въ силахъ внѣшнимъ врагомъ: противорѣчіе скрывается сверхъ того въ самомъ вопросѣ о сліяніи двухъ областей, изъ которыхъ каждая желала бы удержать свою самостоятельность. Конечно, самыя повелительныя интересы требуютъ отъ Ломбардіи пристать къ Піемонту, не обязывая его никакими предварительными условіями. Въ дѣлѣ освобожденія не Піемонтъ долженъ опереться на Ломбар-

дію, а она на него. Въ случаѣ успѣха, ему принадлежала бы роль освободителя, ей признательной узницы, высвобожденной изъ тяжелаго плѣна благодаря его содѣйствію. Положимъ даже, что вопросъ о внутреннемъ устройствѣ двухъ столько различныхъ областей, послѣ предполагаемаго ихъ сліянія, рѣшился бы по обоюдному согласію и къ полному удовольствію той и другой стороны: все же между ними оставался бы трудный спорный пунктъ относительно выбора резиденціи для поставленнаго вновь правительства, которое должно строго наблюдать за всѣми соединенными интересами, не отдавая однимъ пристрастнаго предпочтенія передъ другими. Ибо, если нельзя думать отнять право быть резиденціею у того города, которому оно принадлежитъ *de facto* и за которымъ должно еще болѣе утвердиться заслугами общему дѣлу, то съ другой стороны какъ отказать въ томъ самомъ правѣ другому городу, стоящему гораздо выше по своимъ истинно великимъ историческимъ воспоминаніямъ и уже по самому положенію своему занимающему болѣе центральное мѣсто, то-есть болѣе удобное для внутренняго управленія и внѣшней политики? Какое, однимъ словомъ, возможное теоретическое рѣшеніе спора между Туриномъ и Миланомъ, спора, который не перестаетъ сильно занимать умы итальянскихъ патріотовъ со времени послѣдняго большаго движенія на полуостровѣ?

Относительно первой части вопроса не лишено справедливости одно замѣчаніе автора «Возможной Италіи». Онъ думаетъ, что положеніе дѣлъ въ Ломбардіи, въ 1848 году, требовало самыхъ энергическихъ дѣйствій со стороны того, кто взялся вести впередъ національное движеніе, и находить, что сардинскій король поступилъ некстати деликатно съ отдавшеюся ему областію, не захвативъ въ ней всей власти тотчасъ по присоединеніи страны къ Пьемонту. «Карлъ Альбертъ, говоритъ онъ, сдѣлалъ большую ошибку, что не воспользовался сліяніемъ, чтобы тотчасъ же присвоить себѣ всю правительственную власть. Если бы хотѣлъ, онъ могъ бы найти примѣръ тому въ исторіи своей собственной фамиліи, когда, въ половинѣ прошлаго столѣтія, пьемонтскія войска заняли Миланъ и Ломбардію. Если республика не могла бы быть иначе основана какъ посредствомъ диктатуры, то тѣмъ болѣе необходимо было спѣшить соединеніемъ всей правительственной власти въ однихъ рукахъ при распространеніи государства подъ монархическимъ знаменемъ.» (Стр. 69.)

О правахъ Турина на то, чтобъ остаться резиденціею правительства даже въ случаѣ присоединенія Ломбардіи, тотъ же авторъ выражается можетъ-быть слишкомъ уже рѣзко. Онъ не хочетъ о нихъ и слышать, и между другими своими *ria desideria*, которыя обращаетъ къ сардинскому королю, требуетъ также оставленія Турина какъ резиденціи, такъ какъ это самое обстоятельство, то-есть,

что онъ былъ правительственнымъ центромъ, по словамъ Маріани, послужило «источникомъ многихъ несчастій въ послѣдней войнѣ» за независимость (стр. 162). Не допуская послѣдняго обвиненія, какъ нисколько недоказаннаго, поищемъ для того же спорнаго пункта болѣе умѣреннаго и разсудительнаго рѣшенія у другаго публициста. Онъ не только не опустилъ вопросъ изъ виду, но даже останавливается на немъ съ особеннымъ вниманіемъ. Къ правамъ Милана на первенство онъ присоединяетъ еще возможныя притязанія Венеціи. Впрочемъ Туринъ не могъ бы много польститься и его предположеніями: ибо, не отнимая всей чести у обычной резиденціи сардинскихъ королей, они однако склоняются больше въ пользу столицы Ломбардіи. Не хотѣтъ признать рѣшительныхъ преимуществъ Милана въ этомъ отношеніи значить, по мнѣнію автора, не имѣть довольно доброжелательства къ успѣху общаго итальянскаго дѣла. «Тѣ, говоритъ онъ, — которые не довольно горячо любятъ Италію, или имѣютъ мало вѣры въ ея возрожденіе и во всемъ видятъ тому препятствія, утверждаютъ, что (въ случаѣ присоединенія Ломбардіи и Венеціанской области къ Пиемонту) между Туриномъ, Миланомъ и Венеціею никакъ не обошлось бы безъ жестокой распри относительно того, которому изъ этихъ трехъ городовъ слѣдуетъ быть столицею и королевскою резиденціею: какъ будто въ глазахъ истинныхъ патріотовъ не довольно уже одного географическаго положенія *Милана*, чтобы сдѣлать совершенно излишнимъ этотъ вопросъ, который имѣетъ важность только для небольшого числа людей, зараженныхъ духомъ муниципальной исключительности. Впрочемъ, благодаря удобству новыхъ путей сообщенія, королямъ Верхней Италіи (то-есть Пиемонта въ соединеніи съ Ломбардіею и Венеціею) ничего не стоило бы и мѣнять свое мѣстопробываніе, переѣзжая время отъ времени изъ одного большаго города въ другой, чтобы лучше поравнять ихъ между собою въ значительности... Венеція, сдѣлавшись *главнымъ центромъ морскихъ учрежденій* въ новомъ государствѣ, была бы для него однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ при оборонѣ, а Туринъ, снабженный болѣе солидными укрѣпленіями и объявленный *военною столицею* королевства, могъ бы укрыть въ своихъ стѣнахъ правительство и національный парламентъ, въ случаѣ еслибы Милану угрожало неприятельское нашествіе.» (Стр. 71—73.)

Итакъ въ этомъ муниципальномъ спорѣ даже самые умѣренные голоса между итальянскими патріотами отдають рѣшительное предпочтеніе Милану. Турину же, при самомъ большемъ снисхожденіи къ его правамъ, сулятъ только несовсѣмъ завидную честь быть «военною» столицею государства. Стало быть отъ Турина требуются двойныя жертвы: онъ долженъ принести ихъ вопервыхъ для эманципаціи Ломбардіи, и потомъ въ ея же пользу отказаться отъ

важнѣйшей изъ своихъ привилегій по освобожденіи сѣверной Италіи. Невольно приходитъ въ голову вопросъ: гдѣ же тогда будетъ справедливость въ распредѣленіи повинностей и выгодъ, если вся тяжесть первыхъ падеть на одну сторону, а плоды ихъ достанутся почти въ исключительное обладаніе другой? Какъ лишить Туринъ того, что онъ уже имѣетъ и что составляетъ главный источникъ его довольства, въ пользу другаго города, который, очевидно, можетъ процвѣтать и не будучи королевскою резиденціею? На эти вопросы не даетъ никакого отвѣта теорія, безъ сомнѣнія потому, что ждетъ окончательнаго ихъ рѣшенія отъ хода самыхъ событій.

Но здѣсь еще не оканчивается теорія политическихъ вѣроятностей, вызванная настоящимъ состояніемъ италіянскаго вопроса. Она не отказывается также слѣдить за общими идеями, которыя управляютъ національнымъ движеніемъ въ Италіи, безъ различія мѣстныхъ интересовъ и цѣлей, и по возможности старается опредѣлить, на сколько каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ страны, или другими словами, въ какой степени онѣ приложимы къ италіянскою дѣйствительности, и какая изъ нихъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи предпочтенія передъ другими.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

О ПУБЛИЧНОСТИ И УСТНОСТИ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО РУССКОМУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ.

Во второй книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за іюль мѣсяцъ сего года, помѣщена статья С. И. Баршева: *объ устности и гласности уголовного судопроизводства*, обработанная по извѣстному сочиненію Миттермайера: *Die Mündlichkeit, das Anklageprincip, die Oeffentlichkeit und das Geschwornengericht. Stuttgart, 1845.*

Отсылая желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ къ означенному сочиненію, мы, съ своей стороны, въ дополненіе къ сказанному въ статьѣ профессора Баршева о превосходствѣ гласнаго суда предъ письменнымъ и тайнымъ, и объ успѣхахъ, которые устность и гласность, въ борьбѣ съ слѣдственнымъ процессомъ, сдѣлали въ западной Европѣ, считаемъ только нужнымъ присовокупить, что начало публичнаго отправленія уголовнаго правосудія не совсѣмъ чуждо и нашему *положительному* законодательству.

Впервыхъ у насъ существуетъ постановленіе, общее для всѣхъ вѣдомствъ (Св. Зак. Уголовн. Т. XV, ст. 1570, Св. Военн. Постан. ч. V примѣч. къ ст. 129 и Св. Морск. Угол. Пост. примѣч. къ ст. 124), что если должностныя лица, преданныя суду за преступленія по должности, съ публичнымъ оглашеніемъ ихъ имейтъ и той вины, за которую они подвергнуты ответственности, будутъ въ послѣдствіи приговорами судебныхъ мѣстъ совершенно оправданы, то о невинности ихъ публиковать также повсемѣстно.

2) Равномѣрно публикуется указами и отдается въ высочайшихъ приказахъ, когда чиновники гражданскаго вѣдомства присуждены къ исключенію изъ службы или къ отрѣшенію отъ должности съ воспрещеніемъ впредь отправлять подобныя, или вообще къ наказаніямъ, влекущимъ за собою потерю права вступать въ государственную и общественную службу (Св. Зак. Уголовн. Т. XV, ст. 1377, по VI прод.).

3) Судебные приговоры объ изобличенныхъ въ клеветѣ могутъ быть опубликованы въ столичныхъ и въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, по желанію и на счетъ обиженнаго ею (Улож. о Наказ. ст. 2017).

4) Объ осужденныхъ за недозволенное и неправильное врачеваніе во всякомъ случаѣ публикуется въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и мѣстныхъ губернскихъ (Улож. о Наказ. ст. 1078).

5) По военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ принято за правило, чтобы опредѣляемое по суду состоящимъ въ службѣ по симъ вѣдомствамъ наказаніе было объявляемо во всеобщее извѣстіе, какъ и каждая награда (Св. Военн. Пост. ч. V, ст. 231 и 536 и Св. Морск. Угол. Пост. ст. 226).

Уже въ этихъ и другихъ болѣе извѣстныхъ узаконеніяхъ, изданныхъ разновременно, на разные отдѣльные случаи и подъ влияніемъ разныхъ побудительныхъ обстоятельствъ, нельзя не видѣть примѣненія началъ гласности къ нашему уголовному судопроизводству, въ особенности, если принять въ соображеніе, что нѣтъ закона, который бы прямо воспрещалъ публиковать во всѣхъ означенныхъ случаяхъ *цѣлыя приговоры вполнѣ*, съ изложеніемъ уваженій и законовъ, на которыхъ оныя основаны, вмѣсто краткихъ *извлеченій* изъ сихъ приговоровъ, какъ это дѣлается въ судебной практикѣ.

Но что менѣе, можетъ-быть, извѣстно, и болѣе заслуживаетъ вниманія—это то, что у насъ, уже безъ малаго полвѣка, существуетъ судъ публичный въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми существенными элементами гласности, какъ она усвоена западными европейскими государствами, со всѣми условіями, обезпечивающими производство суда праваго, здраваго и скорого; что въ этомъ судѣ допускаются *словесныя пренія* между сторонами и *защитникомъ*, котораго избираетъ себѣ подсудимый; что допросъ обвиняемому и все относящееся къ разъясненію слѣдствія производится судьями въ

присутствіи зрителей; что судьи, наряжаемые особо на каждый случай, являются здѣсь не только судьями, прилагающими законъ къ дѣлу, но и присяжными, разрѣшающими вопросъ о преступленіи, и что приговоръ суда, о наказаніи признаннаго виновнымъ, *произносится немедленно по окончаніи судоисповоренія.*

Мы хотимъ говорить объ уставѣ полевого судопроизводства, составляющемъ IV раздѣлъ II кн. V ч. Св. Воен. Постан. (Изд. 1839 и 1855 г.).

Преступленія, за которыя подвергаются виновные суду и наказанію по полевымъ военнымъ законамъ, суть слѣдующія: 1) Измѣна и бунтъ. 2) Побѣгъ къ непріятелю и изъ арміи. 3) Побѣгъ и отлучка съ мѣста сраженія. 4) Неповиновеніе. 5) Побѣгъ внутрь имперіи. 6) Шпіонство. 7) Кража и невѣрное храненіе, либо употребленіе суммъ или предметовъ, къ арміи принадлежащихъ. 8) Разбой, грабежъ и насиліе.

Что касается самаго порядка суда по симъ преступленіямъ, то судъ этотъ открывается приказомъ главнокомандующаго, а въ отдѣльныхъ корпусахъ и дивизіяхъ, приказами корпусныхъ и дивизионныхъ начальниковъ, основанными: 1) на собственномъ ихъ удостовѣреніи въ преступленіи, 2) на представленіи начальства, либо воинской полиціи, 3) на жалобѣ и 4) на доносѣ. По полученіи приказа, дежурный генералъ препровождаетъ къ предсѣдателю наряженнаго полевымъ аудиторіатомъ, на законномъ основаніи (1), суда всѣ къ дѣлу принадлежащія бумаги, въ числѣ коихъ могутъ быть какъ тѣ, которыя послужили поводомъ къ начатию онаго, такъ равно допросъ подсудимаго, отобранный военною полиціей, ему прочитанный и имъ подписанный, показаніе свидѣтелей, ими подписанное, и документы, либо вещественныя доказательства, обличающія преступленіе. Бумаги эти передаются отъ предсѣдателя производителю дѣла, для доклада ихъ въ подлинникъ. Къ назначенному часу засѣданія, которое не можетъ быть отложено далѣе однихъ сутокъ, начальство воинской полиціи обязано представить: 1) подсудимаго подъ стражею, 2) свидѣтелей, буде есть, 3) защитника, *котораю каждый подсудимый избрать себѣ можетъ*, 4) почетный караулъ военному суду. Засѣданіе открывается чтеніемъ поступившихъ бумагъ и законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ военное время. Затѣмъ вводится подсудимый, безъ стражи и безъ оковъ, если, по роду преступленія, былъ онъ заключенъ въ оныя, а съ нимъ входитъ и защитникъ. Послѣдній имѣетъ стулъ въ присутствіи, если онъ изъ

---

(1) Обыкновенно военный судъ составляется изъ семи лицъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя или презуса, который необходимо долженъ быть чиномъ старше подсудимаго, или хотя и въ равномъ, но старѣе по производству. Св. Воен. Пост. ч. V кн. II ст. 273, 274 и 279.

такихъ чиновниковъ, кои имѣютъ на сіе право. Къ суду допускаются *аримали*, когда нѣтъ особеннаго на то воспрещенія. Подсудимый, на предлагаемые ему вопросы, можетъ предоставить своему защитнику отвѣтствовать за себя, за исключеніемъ того случая, когда приказано ему будетъ предсѣдателемъ отвѣчать самому. Сторона, доносившая, жаловавшаяся или представлявшая о преступленіи, можетъ давать свои объясненія, на кои подсудимый или защитникъ его могутъ возражать и отвѣтствовать. По окончаніи объясненій и по взятіи отъ подсудимаго и его защитника подписки, что они не имѣютъ ничего болѣе представить къ оправданію, подсудимый отводится изъ присутствія, двери онаго затворяются и зрители выходятъ. При сужденіяхъ никто не присутствуетъ, кромѣ производившаго дѣло. Имъ предшествуетъ принятіе судьями, встающими на своихъ мѣстахъ, присяги, читаемой вслухъ предсѣдателемъ: «Клянусь святымъ именемъ Всемогущаго Бога и моею честію, что буду судить по лучшему разумѣнію моему и по совѣсти, и что нѣтъ никакой причины, ни уваженія, которое бы заставило меня скрывать истину.» Сужденія начинаются съ вопроса, полагаемаго предсѣдателемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такой-то, обвиняемый въ такомъ-то преступленіи, виновенъ ли въ ономъ?» По сему вопросу собираются голоса, начиная съ младшаго и оканчивая предсѣдателемъ. Если подсудимый найденъ единогласно невиннымъ, и съ рѣшеніемъ суда согласенъ полевою аудиторіатъ, то дѣло почитается конченнымъ. Въ противномъ случаѣ, а равно въ случаѣ признанія подсудимаго невиннымъ лишь большинствомъ голосовъ, дѣло поступаетъ, черезъ полевою аудиторіатъ, на разсмотрѣніе и утвержденіе главнокомандующаго. Если же, по единогласію или по большинству голосовъ въ судѣ, признанъ подсудимый виновнымъ, то предсѣдатель, опредѣливъ родъ преступленія, читаетъ слова присканнаго дѣлопроизводителемъ закона, на подобныя преступленія постановленнаго, и полагаетъ вопросъ о приложеніи сего закона къ преступному дѣланію. Единогласіе утверждаетъ мѣру наказанія, а при разногласіи предпочитается легчайшее изъ присужденныхъ наказаній. По окончаніи суда, составляется приговоръ, двери присутствія снова открываются, и предсѣдатель читаетъ приговоръ и законъ, на которомъ онъ основанъ, вслухъ. Симвъ засѣданіе закрывается, и дѣло поступаетъ на ревизію полеваго аудиторіата.

Утвержденный главнокомандующимъ, или къмъ слѣдуетъ, приговоръ читается преступнику и приводится установленнымъ порядкомъ въ исполненіе.

Не вдаваясь въ подробный разборъ и оцѣнку каждаго изъ упомянутыхъ правилъ въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что это и не нужно для нашей цѣли, замѣтимъ только, что въ то время, какъ при сужденіи уголовныхъ дѣлъ въ обыкновенномъ порядкѣ, главное правило въ

опредѣленіи вины или невинности подсудимаго и прикостовенныхъ лицъ заключается въ томъ, чтобы судъ руководствовался закономъ о силѣ доказательствъ и уликъ и на этомъ уже основывалъ свое убѣжденіе (Св. Воен. Пост. ч. V, кн. II, ст. 388 и 389, Св. Морск. Угол. Пост. ст. 299 и 350, и Св. Зак. Угол. т. XV, ст. 1220, по VI. пруд.), — судьи рѣшающіе вопросъ о преступленіи (*point de fait*) по правиламъ полевого судопроизводства, не подчиняютъ своего мѣтнія опредѣленнымъ заранѣе требованіямъ закона, либо условіямъ практики по сему предмету (*common law*), но слѣдуютъ единственно голосу того свободнаго, непосредственнаго убѣжденія, которое во французскомъ правѣ называется *conviction intime*. По крайней мѣрѣ на это указываютъ слова предшествующей рѣшенію сего именно вопроса судейской присяги: *буду судить по лучшему разумію моему и по совѣсти*.

Въ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ въ ходѣ судового разбирательства, въ порядкѣ собиранія и счета голосовъ судей, въ предпочтеніи, отдаваемомъ болѣе благоприятному для подсудимаго рѣшенію, да и во многихъ другихъ чертахъ изложеннаго нами порядка суда, оказываются очевидные слѣды вліянія преимущественно французскаго законодательства.

Изясненныя правила закона о полевымъ военномъ судѣ перешли въ Сводъ Военныхъ Постановленій изъ учрежденія для большой дѣйствующей арміи (1), которое, какъ сказано въ приложенномъ къ сему учрежденію, высочайше утвержденномъ докладѣ бывшаго военнаго министра, «отъ самаго первоначальнаго плана оному до послѣдней отдѣлки каждой его части, составлялось, обрабатывалось и исправлялось подъ непосредственнымъ руководствомъ и по замѣчаніямъ» императора Александра I.

При изданіи упомянутыхъ правилъ, дѣйствию оныхъ подчинены были первоначально: 1) всѣ воинскіе чины, въ дѣйствующей арміи и въ отдѣльныхъ корпусахъ въ военное время находящіеся, и всѣ чиновники и лица, къ нимъ принадлежащіе (2), безъ всякаго различія званій и мѣстъ, ими занимаемыхъ, за преступленія *во время войны сдѣланныя*; и 2) шпіоны и всѣ жители, равно чиновники

(1) Полн. Собр. Зак. 1812 г. января 27 (24,975).

(2) Къ арміи принадлежащими считаются: 1) чиновники гражданскіе и дипломатическіе, въ канцеляріяхъ при арміи и разныхъ частяхъ ея управленія служащіе; 2) чиновники интендантскіе, провіантскіе и комиссаріятскіе; 3) чиновники медицинскіе и аптекарскіе разныхъ званій; 4) казначеи, бухгалтеры, контролеры и счетчики; 5) смотрители, пристава и вахтера магазиновъ и госпиталей; 6) извозчики и проводники артиллеріи, обозовъ и отрядовъ арміи; 7) мастеровые и работники, при арміи употребляемые; 8) подрядчики, поставщики и маркитанты; 9) слуги чиновниковъ и лицъ, къ арміи принадлежащихъ.

воинскіе городскіхъ и земскіхъ полицій въ губерніяхъ и областяхъ, *объявленныхъ въ военномъ положеніи.*

Но въ послѣдствіи—и на это должно обратить особенное вниманіе,—рядомъ указовъ, вышедшихъ съ 1828—1850 г. (1) дѣйствіе сихъ правилъ распространено на разныя преступленія, совершаемыя и въ *мирное время*, преимущественно на побѣги дезертировъ и лицъ гражданскаго вѣдомства съ черноморской береговой линіи и другихъ мѣстъ и укрѣпленій, а равно на важнѣйшіе случаи сопротивленія начальству и нарушенія воинской дисциплины.

Вмѣстѣ съ симъ, съ одной стороны, разрѣшены были разные вопросы, возникшіе при примѣненіи устава полевого судопроизводства къ частнымъ случаямъ, а съ другой опредѣлилось вліяніе сего устава, на порядокъ производства всѣхъ вообще военно-судныхъ дѣлъ въ мирное время.

Касательно разрѣшенія возникавшихъ вопросовъ, заслуживаетъ упоминенія высочайше утвержденное 9-го февраля 1838 года положеніе комитета, учрежденнаго для повѣрки Свода Военныхъ Постановленій, которымъ объяснено: 1) что до преданія военному суду, должно быть предварительно произведено, для открытія слѣдовъ преступленія и преступника, *изслѣдованіе*, которое производится военною полиціей или нарочно командированными отъ начальства чиновниками, на основаніяхъ, для мирнаго времени постановленныхъ, исключая приглашеніе со стороны гражданской депутатова и требованіе со стороны же гражданской содѣйствія, такъ какъ въ военное время въ занятую арміею краѣ всѣ подчиняются военному начальству; и 2) что въ случаѣ объявленія подсудимымъ подозрѣнія на членовъ суда, военный судъ поступаетъ по общимъ правиламъ объ отводѣ судей отъ присутствія, а военное начальство дѣлаетъ съ своей стороны распоряженіе, по представленію суда, о назначеніи на мѣсто отведенныхъ другихъ судей, если причины, объявленныя подсудимымъ, достаточны къ удаленію ихъ отъ присутствія.

Это положеніе комитета представляется важнымъ въ томъ смыслѣ, что, на основаніи 91 ст. II кн. V ч. Свода Военн. Пост., для производства слѣдствій вообще, должны быть назначаемы чиновники, *заслуживающіе особенное довѣріе*, которые, за силою прик. главнокоманд. 1-ю арміею 17 апрѣля 1816 г. № 64, производятъ изслѣдованіе совмѣстно съ однимъ изъ старшихъ офицеровъ *той команды, гдѣ обвиняемый служитъ*,—каковыя постановленія не менѣе ограждаютъ обвиняемаго, чѣмъ примѣненіе къ полемому военному суду общихъ правилъ объ отводѣ судей отъ присутствія, на основаніи

(1) Полн. Собр. Закон. 1828 августа 31 (2260); 1837 августа 28 (10,521); 1841 января 25 (14,217); 1844 февраля 14 (17,608); 1845 апрѣля 9 (18,912); 1849 сентября 21 (23,514); 1850 іюля 7-го (24,305).

коняхъ, какъ извѣстно, подсудимый пользуется весьма обширнымъ правомъ отвода.

Что же относится до вліянія устава полевого судопроизводства на прочія части военно-уголовнаго законодательства, то принятое симъ уставомъ начало судебныхъ преній *между сторонами* признано полезнымъ распространить на производство всѣхъ вообще военно-судныхъ дѣлъ въ мирное время, вслѣдствіе чего уже въ первомъ изданіи Св. Военн. Пост. ч. V въ ст. 290 (кн. II) читаемъ: «Частное лицо, доносившее, жаловавшееся или представлявшее о преступленіи, можетъ быть къ суду допущено, либо призвано. Оно можетъ представить свои объясненія, и подсудимый можетъ возражать и отвѣтствовать противу оныхъ.» Статья эта, заимствованная, какъ введенный подъ оную цитатъ показываетъ, изъ 46 и 47 §§ уст. полев. судопроизв., перешла въ томъ же видѣ въ изданіе 1855 г., гдѣ и составляетъ нынѣ ст. 312.

Дѣйствіе ея, въ 1851 г., распространено на морское вѣдомство въ отношеніи къ производству военно-судныхъ дѣлъ какъ на берегу, такъ и во время морскихъ кампаній (Св. Морск. Угол. Пост., кн. II ст. 278 и 607).

Какая мысль руководила законодателя при введеніи у насъ публичности и устности въ сужденіи дѣлъ по полевымъ уголовнымъ законамъ, не объяснено ни въ вышеприведенномъ докладѣ военнаго министра, ни въ самыхъ сихъ законахъ. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что важность и свойство преступленій, на которыя изданы сіи законы, — преступленій, слишкомъ близко касающихся интересовъ государства, и въ высшей степени компрометирующихъ честь обвиняемаго, строгость наказаній, за оныя опредѣленныхъ, и страшныя права, предоставленныя главнокомандующему въ военное время, не могли не быть приняты при этомъ въ соображеніе, не могли не внушить недоувѣрія къ тайному канцелярскому производству дѣлъ подобнаго рода, не требовать преподаанія подсудимому способовъ къ охраненію и защищенію своей личности, и поставленія судей въ такія условія, чтобы, съ одной стороны, преступникъ не могъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, но съ другой не былъ осужденъ и опозоренъ невинный.

Что же можетъ болѣе способствовать достиженію этой двоякой цѣли уголовнаго правосудія, что можетъ лучше доказать всѣмъ и каждому справедливость и законность приговора, удержать слѣдователей и судей въ предѣлахъ долга и совѣсти, возбудить въ нихъ надлежащую степень вниманія къ дѣлу, дать судьямъ полную и совершенную свободу въ оцѣнкѣ судимаго дѣянія, наконецъ пробудить въ нихъ чувство достоинства и отвѣтственности своего званія, — какъ не присутствіе свидѣтелей при судеоправленіи, свидѣтелей, въ которыхъ и обвиняемый, и его защитники находятъ нравственную

опору, какъ не повѣрка дѣйствій судей и слѣдователей общественнымъ мнѣніемъ, — словомъ, какъ не открытое, гласное судопроизводство?

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ:

1) Что публичность и устность въ отправленіи уголовного правосудія, не составляя исключительной принадлежности той или другой націи, того или другаго образа правленія, суть, напротивъ, какъ замѣтилъ уже профессоръ Баршевъ въ вышеупомянутой статьѣ своей, такія принадлежности уголовного процесса, которыя легко укладываются во всякую форму суда, и безъ особеннаго ухода *укореняются и приносятъ плодъ на всякой почвѣ.*

2) Что начало публичности и гласности не несомѣстно съ нашими законами и учрежденіями (1); напротивъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ уголовныхъ оно введено у насъ *самими законами*, съ извѣстными лишь ограниченіями, распространившимися подъ вліяніемъ судебной практики, а по другимъ дѣламъ *развито въ стройную систему, вполне соответствующую своему назначенію.*

3) Что судъ, созданный на такомъ началѣ, отнюдь не носитъ въ себѣ зародыша къ ослабленію власти и порядка; напротивъ, онъ уже издавна *признанъ* и до сихъ поръ признается въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ *за самый дѣйствительный органъ къ укрѣпленію силы закона и повиновенія установленнымъ властямъ;* и

4) Что, въ этомъ смыслѣ, уставъ военного полевого суда представляетъ намъ обильный *готовый* матеріалъ для выработки тѣхъ данныхъ, на которыхъ единственно можетъ быть основано твердое устройство прочихъ органовъ уголовной части въ нашемъ отечествѣ, въ видахъ возвышенія общественнаго довѣрія къ нашимъ судебнымъ инстанціямъ, и утвержденія всеобщаго господства закона и правды.

Дай Богъ только, чтобъ мы не пренебрегли, чтобъ мы сумѣли воспользоваться этимъ матеріаломъ, въ пользу котораго *убѣждаютъ насъ* и выводы науки, и нашъ собственный слишкомъ сорокалѣтній опытъ.

К. Яневичъ-Яневскій.

МИСТЕРІОСОФІЯ БАРДОВЪ БРЕТАНИ.

Le mystère des bardes de l'île de Bretagne ou la doctrine des bardes Gallois du moyen âge sur Dieu, la vie future et les transmigrations des âmes. Par A. Pictet 1856 г. 82 стр.

При современномъ направленіи исторической науки въ Европѣ, когда каждый городъ, каждое сколько-нибудь замѣчательное, мѣ-

(1) Мы разумѣемъ нынѣ дѣйствующія учрежденія и законы.

стечко находитъ своего историка-біографа, было бы очень странно, еслибы цѣлое, нѣкогда огромное и могучее племя, не привлекло на себя вниманія историковъ.

Правда, что значеніе Кельтовъ въ европейской цивилизаціи и ихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ средневѣковой Европы рано сдѣлались предметомъ серіознаго изученія западныхъ историковъ; но скудость народныхъ памятниковъ, трудность языка, значительно отошедшаго отъ общаго индо-европейскаго корня, самая шаткость стариннаго историческаго метода, давали глухіе, по большей части не вѣрные отвѣты на пытливые запросы молодой науки.

Въ такомъ колеблющемся положеніи находилось дѣло до начала текущаго столѣтія, когда сравнительно-историческій методъ въ изученіи языка и народности вывелъ изслѣдователей на свѣжій воздухъ и указалъ имъ прямую дорогу. Съ тѣхъ поръ каждый годъ, ежели не каждый мѣсяць, приносятъ что-нибудь новое: новое открытіе, новый взглядъ, новую мысль; старое давно-извѣстное подвергается пересмотру, и является въ обновленной одеждѣ.

При такомъ направленіи, началъ мало-по-малу выясняться и старинный кельтскій міръ съ своею въ высшей степени оригинальною фizioноміей.

Реставрація его, говоря вообще, гораздо моложе реставраціи остальныхъ народностей великой индо-европейской семьи; поэтому въ исторіи его до сихъ поръ еще такъ много не яснаго, не полнаго, отрывочнаго; но это только начатки: окончательные же плоды и успѣхи остаются за грядущими поколѣніями.

Кельтское племя еще не окончило своего историческаго поприща, и въ чистотѣ уцѣлѣло на двухъ небольшихъ клочкахъ земли Франціи и Англии: тотъ же языкъ, тѣ же нравы, обычаи, преданія родятъ эти остатки великой народности, разобщенные старинными политическими событіями (1).

Чисто сціентифическій вопросъ скоро нашелъ отголоски и въ самой жизни: съ появленіемъ ученыхъ изслѣдованій о языкѣ, литературѣ, исторіи Кельтовъ, съ превосходными собраніями старинныхъ пѣсенъ и повѣстей Арморика, пробудились среди народа и многіе умственные и нравственные интересы, мысль о необходимости просвѣщенія, науки, литературы. Такое единство науки и жизни, свидѣтельствующее о степени зрѣлости народа, сообщаетъ кельтскимъ

---

(1) На народномъ праздникѣ, данномъ въ 1839 г. въ знакъ любви и племеннаго единства французскими Кельтами своимъ валлійскимъ братьямъ, присутствовалъ *слѣпой бардъ*, импровизировавшій стихи во славу великаго кельтскаго племени. См. Villemargué, Contes populaires des anciens Bretons, t. I préface. Это тотъ же почтенный остатокъ эпической старины, который до сихъ поръ еще сохранился у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

занятіямъ тотъ живой современный интересъ, котораго не имѣютъ занятія другими отжившими историческими народностями.

Оправдываясь этимъ, мы рѣшаемся на первый разъ познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ небольшимъ, но чрезвычайно важнымъ памятникомъ кельтской старины, изданнымъ въ истекшемъ году, съ французскимъ переводомъ и любопытнымъ комментариемъ А. Пикте, известнаго автора сочиненія о сродствѣ кельтскаго языка съ санскритскимъ.

Этотъ единственный памятникъ средневѣковой литературы имѣетъ своимъ предметомъ понятія бардовъ о существѣ Бога, составѣ вселенной, переселеніи душъ и человѣческомъ назначеніи, словомъ, это—краткое изложеніе ихъ религіозной философіи. Онъ составляетъ часть не изданной рукописи подъ названіемъ: *таинство Бардовъ острова Бретани* (Суґринач Веирдд Унѹс Рҫудайн), заключающей въ себѣ собраніе различныхъ наставленій бардовъ о поэзій, музыкѣ (собственно пѣніи), вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Рукопись, заключающая въ себѣ мистическія тріады бардовъ (1), принадлежитъ къ концу XVII столѣтія; всѣ остальные статьи не восходятъ далѣе половины XVI и писаны новымъ языкомъ, однако древность ея основы признана всѣми знатоками кельтской народности, каковы: Гаври Мартенъ, Яковъ Гриммъ. и др. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ издатель, какъ объяснить существованіе у средне-вѣковыхъ Кельтовъ такой оригинальной религіозной системы, основаніемъ которой служить ученіе о переселеніи душъ по смерти, если не принять родственной связи ея съ друидическимъ ученіемъ, имѣвшимъ то же самое вѣрованіе?.. Откуда явилось у бардовъ такое полное, глубокое, оригинальное ученіе, если не отъ ихъ предшественниковъ друидовъ, вѣрованія которыхъ долгое время, по крайней мѣрѣ въ тайнѣ, противились введенію христіанства? Тайныя общества бардовъ, уцѣлѣвшія въ Галліи вопреки непрерывнымъ вторженіямъ Римлянъ, Англо-Саксовъ и Англичанъ, съ стойкостію, свойственною Кельтамъ, сохранили остатки старинныхъ народныхъ вѣрованій, и тріады, о которыхъ идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія были послѣднимъ ихъ проявленіемъ.»

Но это однако, какъ мы думаемъ, вовсе не значитъ, чтобъ онѣ представляли старинную друидическую систему: христіанство необходимо должно было имѣть значительное вліяніе на этотъ родъ тайной религіи, сохраняемой бардами болѣе какъ почтенное національное воспоминаніе, нежели какъ дѣйствительное ученіе. Только этимъ вліяніемъ можно объяснить тотъ характеръ чистоты, возвы-

(1) Памятникъ, о которомъ мы говоримъ, изложенъ въ видѣ тріадъ или аэоризмовъ, развиваемыхъ въ тройственной формѣ, вѣроятно, для лучшаго удержанія ихъ въ памяти.

шенности и гуманизма, который поражаетъ въ этихъ триадахъ, и который стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчїи съ варварскими сторонами стариннаго друидическаго культа (р. 16—19).

Но вліяніе христіанства не было прямымъ непосредственно-дѣйствующимъ началомъ въ мистическомъ ученїи бардовъ: оно только очистило, возвысило древнія понятія о Богѣ, вселенной, безсмертїи души и др. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о св. Троицѣ, ни о личности Іисуса Христа, ни объ искупленїи, нѣтъ также никакихъ намековъ на средневѣковыя понятія объ адѣ, чистилищѣ, раѣ—понятія, которыя играютъ такую важную роль въ народной поэзїи и сказанїяхъ другихъ племенъ.

Обратимся теперь къ самому памятнику. Его можно раздѣлить на двѣ части: первая, заключающая въ себѣ 11 триадъ, не представляетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и болѣе или менѣе подходитъ къ ученїямъ другихъ, уже извѣстныхъ, религиозныхъ и философскихъ системъ; за то, 12 триада и слѣд. поражаютъ насъ яркостью изложенныхъ въ нихъ понятій и самою оригинальностїю терминологїи. Мы приведемъ въ переводѣ важнѣйшія изъ триадъ, придерживаясь какъ можно ближе подлинника, и въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгая къ комментарію ученаго издателя.

Тр. XII. «Три круга существованія: 1) *кругъ пустого пространства*, гдѣ, кромѣ Бога, нѣтъ никакого существа ни живаго, ни мертваго, и перейти который никто кромѣ Бога не можетъ; 2) *кругъ переселенія*, гдѣ всякое живое существо находится въ состоянїи смерти, и человекъ его перешелъ; и 3) *кругъ блаженства*, гдѣ всякое живое существо находится въ состоянїи жизни, и человекъ чрезъ него переходитъ на небо».

Тр. XIII. «Три состоянїя живыхъ существъ: *состоянїе ничтожества въ безднѣ* (Anpwn), *состоянїе свободы въ человечествѣ* и *состоянїе любви или блаженства въ небѣ*».

Тр. XIV. «Три необходимыя фазы всякаго существованія по отношенію къ жизни: *начало въ безднѣ* (Anpwn), *переселеніе въ кругъ переселенія* (Abged) и *полнота въ небѣ или кругъ блаженства* (Gwynfyd), и внѣ этихъ трехъ фазъ ничто не можетъ существовать кромѣ Бога».

Эти три триады составляютъ главную тему мистическаго ученїя бардовъ: слѣдующія занимаются дальнѣйшимъ развитїемъ частныхъ и свойствъ каждаго круга отдѣльно; что же касается до *бездны*, то это не иное что, какъ самая низшая точка *круга переселенія*, это хаосъ, содержащій въ себѣ сѣмена всякой жизни: каждая вещь тамъ существуетъ предвѣчно, но въ состоянїи мрака и неустройства, это противоположность *состоянїю свободы въ человечествѣ* и точка отправленія для переселенія душъ, отъ которой постепенно восходятъ онѣ къ свѣту и жизни. Такое ученіе встрѣчаемъ мы еще въ

древности у гностиковъ, *Arctos*, которыхъ вполне соответствуетъ *идеѣ бездны* (Απῠν) кельтическихъ бардовъ.

Тр. XVII «Три причины необходимости круга переселения: *развитіе вещества всего живаго*; *развитіе познанія всякой вещи и развитіе нравственной силы*, чтобы восторжество вать надъ всѣмъ противнымъ и надъ *врагомъ* (Cythraul, диаволъ) и чтобы освободиться отъ *злаго* (Drwg).

Тр. XVIII. «Три первоначальныя бѣдствія въ кругѣ переселения: *необходимость, потеря памяти и смерть.*»

На самой низшей точкѣ *круга переселенія*, въ безднѣ, царитъ мрачная *необходимость*. Приходя къ самосознанію, человѣкъ становится свободнымъ существомъ; но онъ обреченъ смерти, и ежели не высилъ на столько, чтобы освободиться изъ *круга переселенія*, онъ умираетъ, чтобы возродиться въ другой *формѣ*, и теряетъ память о своей прошлой жизни. Только тогда человѣку возвращается память о ней, когда онъ освободится изъ *круга переселенія*; въ настоящей жизни—это удѣлъ немногихъ исключительныхъ натуръ.

Тр. XIX. «Три необходимыя условія для достиженія полноты знанія: *перейти въ кругъ переселенія, перейти въ кругъ блаженства и привести на память все прошедшее* со времени пребыванія въ *безднѣ*.

Тр. XX. «Три вещи неизбежно соединены съ состояніемъ пребыванія въ кругѣ переселенія: *преступленіе закона* (грѣхъ) *освобожденіе* отъ смерти передъ *злымъ* (Drwg) и *врагомъ* (Cythraul), *увеличеніе жизни и блага* чрезъ отдаленіе отъ *злаго* въ освобожденіи отъ смерти.»

Тр. XXVI. «Три вещи необходимо низводятъ человѣка въ кругъ переселенія, еслибы даже въ другомъ отношеніи онъ и привязался къ добру: *гордость*, чрезъ которую онъ падаетъ въ *бездну, неправда*, которая доводитъ его до равносильнаго проступка, и *недостатокъ любви*, чрезъ который онъ дѣлается подобенъ животному. Отсюда онъ начинаетъ новое переселеніе къ кругу человѣчества.»

Освободившись изъ круга переселенія, бардъ Таліесинъ въ своихъ поэмахъ разказывалъ, какъ онъ, поочередно, принималъ различныя формы вещей и животныхъ, прежде чѣмъ явился въ своей собственной. Онъ былъ мечомъ, щитомъ, топоромъ, сохою, лопатою, лампою, струною изъ лиры, лодкою, мостомъ, гвоздемъ изъ щипцовъ, книгою и даже однимъ написаннымъ словомъ, потомъ: *пнемъ*, губкой, каплей дождевой воды, хлѣбомъ, взросшимъ на горѣ и т. д. Въ этой послѣдней формѣ онъ былъ сжатъ, высушенъ и потомъ съѣденъ курицею съ красными когтями и разорваннымъ гребешкомъ; въ ея желудкѣ онъ провелъ 9 дней и ночей. Что же касается до животныхъ формъ, то онъ попеременно принималъ виды: собаки, оленя, быка, жеребца, вепря, козла, пѣтуха, ящерицы, змѣи и т. д.

Такимъ образомъ понятія бардовъ о переселеніяхъ обнимали: всё царства природы и всё эпохи исторіи, и ежели бы мы знали всё подробности ученія древнихъ друидовъ о переселеніяхъ, мы бы, вѣроятно, нашли много любопытныхъ сближеній съ индійскимъ метемпсихозомъ. Перейдемъ теперь къ *кругу блаженства* и посмотримъ на него нѣсколько ближе.

Тр. XXXI. «Три главнѣйшія преимущества *круга блаженства: отсутствіе зла, отсутствіе нужды и отсутствіе смерти.*»

Тр. XXXII. «Три вещи будутъ возвращены человѣку въ *кругъ блаженства: первообытный духъ, первообытная любовь и первообытная память*—безъ этого для него не можетъ быть блаженства.»

Тр. XLI. «Три вещи постоянно растутъ: *огонь или съеть, посвященіе или истина; духъ или жизнь.* Эти вещи подконецъ возьмутъ верхъ надъ всеми прочими, и тогда *кругъ переселенія* будетъ уничтоженъ.»

Тр. XLII. «Три вещи постоянно уменьшаются: *мракъ, заблужденіе и смерть.*»

Тр. XLIII. «Три вещи усиливаются со дня на день и стремленіе къ нимъ становится все болѣе и болѣе: *любовь, знаніе и правда.*»

Тр. XLIV. «Три вещи слабѣютъ со дня на день, и противорѣчіе имъ увеличивается все болѣе и болѣе: *ненависть, неправда и нечестиво.*»

Тр. XLV. «Три полноты блаженства въ *кругъ блаженства: имѣть свойство всякаго качества съ отличнымъ совершенствомъ, обладать всякаго рода гениемъ, съ совершеннымъ гениемъ любить всѣхъ любовью первой степени, то-есть любовью Бога.* Эти три вещи составляютъ полноту неба и *круга блаженства.*»

Тр. XLVI. «Три необходимыя свойства Бога: *безконечность въ отношеніи къ самому себѣ, конечность по отношенію къ концу и полное согласіе со всякимъ состояніемъ существованія въ кругъ блаженства.*»

Таковъ любопытный обломокъ мудрости бардовъ! Уже изъ нашихъ небольшихъ извлеченій читатели могутъ видѣть его важное значеніе для исторіи развитія духа человѣческаго въ темный періодъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, когда сложившіяся народности индо-европейскаго племени озарились первыми лучами христіанской религіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ настоящее время, два событія занимаютъ общественное мнѣніе Европы, конечно въ различной степени: свиданіе между Государемъ Императоромъ Всероссійскимъ и императоромъ Французомъ, и результатъ новыхъ молдавскихъ выборовъ. Само собою разумѣется, что первое событіе на время оставило въ тѣни всѣ другія. Государь Императоръ прибылъ въ Штутгартъ 24 (12-го) сентября и былъ встрѣченъ на станціи въ Фейербахѣ королемъ виртембергскимъ, съ которымъ отправился въ загородный дворецъ наслѣднаго принца, гдѣ Его Величество имѣлъ постоянное пребываніе. На слѣдующій день прибыли въ Штутгартъ императоръ Французомъ, и вскорѣ по пріѣздѣ имѣлъ свиданіе съ Государемъ императоромъ въ королевскомъ дворцѣ, въ городѣ. Въ тотъ же день, Государь Императоръ изволилъ принимать у себя императора Наполеона вмѣстѣ съ королемъ виртембергскимъ. 26-го (14-го) сентября у короля былъ большой обѣдъ, послѣ котораго императоры прогуливались по иллюминированному саду. Государь Императоръ отправился изъ Штутгарта 28-го, а императоръ Французомъ 29-го сентября.

Свиданіе императоровъ въ Штутгартѣ, подало поводъ къ разнымъ болѣе или менѣе произвольнымъ соображеніямъ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Теперь еще не время судить о положительныхъ послѣдствіяхъ этого сближенія, значеніе котораго стараются умѣрять журналы австрійскіе и англійскіе; но мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ не выразить полнаго сочувствія нынѣшней политикѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Событіе, о которомъ мы говоримъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и австрійскій императоръ изъявилъ желаніе увидѣться съ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Свиданіе это происходило въ Веймарѣ 1-го октября. Нельзя не указать также на мнѣнія, высказанныя австрійскими журналами по поводу штутгартскаго свиданія. Австрійскіе журналы прямо указываютъ на погрѣшность тройственнаго союза, по ихъ словамъ неположительнаго, непрактическаго. Союзъ этотъ, продолжаютъ они, не могъ, несмотря на

великолѣпную программу свою, воспрепятствовать отпаденію Бельгій отъ Нидерландовъ, объявить войну июльской или февральской революціи Нынѣшняя встрѣча Императора Всероссийскаго съ императоромъ Французовъ служитъ блистательнымъ доказательствомъ, что тройственный союзъ, присвоившій себѣ обязанность направлять событія согласно съ отвлеченными, заранѣе готовыми началами, не имѣлъ практическаго примѣненія. Тройственный союзъ грѣшилъ уже тѣмъ, что думалъ обойти непреложные уставы Провѣдѣнія. Въ настоящее время, заключаютъ звстрійскіе журналы, нужны союзы, заключенные не только на случай опасности, но и для того, чтобы народы и правительства дружно содѣйствовали всеобщему великому дѣлу цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи мы, Русскіе, можемъ только гордиться тою высокою ролью, которая выпадаетъ намъ на долю со времени Парижскаго мира. Внѣшняя политика Россіи въ послѣднее время встрѣтила общее сочувствіе во Франціи, Германіи, Италіи и Дунайскихъ княжествахъ. Не на словахъ только, но и на дѣлѣ стремится Россія «содѣйствовать тому всеобщему великому дѣлу цивилизаціи», о которомъ упоминаютъ австрійскіе журналы. Еще недавно, жители Букареста праздновали день 30-го августа, привѣтствуя въ лицѣ г. Базиля представителя русской политики. Благодаря соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи, дѣло Княжествъ должно восторжествовать надъ эгоистическими видами нѣкоторыхъ державъ. Молдавскіе выборы окончились 17-го сентября блистательнымъ успѣхомъ партіи приверженцевъ соединенія. Огромное большинство депутатовъ принадлежитъ къ этой партіи. Изъ 90 депутатовъ, составляющихъ молдавскій диванъ, около 70 человекъ составляютъ это большинство; мнѣнія остальныхъ депутатовъ частію враждебны соединенію, частію сомнительны. Въ Валахіи, выборы должны начаться въ послѣднихъ числахъ сентября. Никто уже не сомнѣвается въ ихъ результатѣ. Борьба на валахскихъ выборахъ собственно будетъ происходить не между приверженцами и противниками соединенія, но между различными отдѣлами партіи уніонистовъ. Полагаютъ, что при столь явномъ расположеніи дивановъ въ пользу соединенія и при нынѣшней политикѣ англійскаго правительства по этому вопросу, которая, по словамъ иностранныхъ журналовъ, снова колеблется между соединеніемъ и раздѣленіемъ княжествъ, Австрія должна будетъ сдѣлать значительную уступку общественному мнѣнію, чтобы не остаться одинокою въ столь важномъ дѣлѣ.

Въ послѣднее время, европейскіе журналы сообщали о разногласіи между кабинетами туринскимъ и неаполитанскимъ по дѣлу о сардинскомъ пароходѣ «Кальери», которымъ, какъ извѣстно, завладѣли приверженцы Мадзини для высадки въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Пароходъ этотъ былъ задержанъ неаполитанскимъ правительствомъ,

и всѣ, находившіяся на немъ лица, безъ различія виновныхъ и невинныхъ, посажены въ тюрьму. Но между заговорщиками были совершенно посторонніе люди, именно пассажиры, въ томъ числѣ сардинскіе подданные. Сардинскій посланникъ въ Неаполь вступился за эти лица; но требованія его, какъ говорятъ, были рѣзко отклонены. Письмо, полученное имъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Караффы, было возвращено послѣднему по приказанію сардинскаго правительства. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, пассажиры, за которыхъ вступился сардинскій посланникъ, освобождены, и самый пароходъ, по всей вѣроятности, возвращенъ Сардиніи.

Что касается до отношеній Неаполя къ западнымъ державамъ, всѣ слухи о возможномъ сближеніи между ними оказываются неосновательными. Англійская министерская газета *Morning-Post* не только опровергаетъ эти слухи, но и указываетъ причины, препятствующія восстановленію дипломатическихъ сношеній съ неаполитанскимъ дворомъ. По словамъ этой газеты, политика его ни въ чемъ не измѣнилась къ лучшему, даже стала хуже. Внутренняя политика короля неаполитанскаго, продолжаетъ *Morning-Post*, не требуетъ объявленія войны, пбо было бы безразсудно наказывать подданныхъ за ошибку короля; но она вполне оправдываетъ дипломатическій разрывъ, предоставляющій неаполитанскаго короля собственнымъ средствамъ и всѣмъ послѣдствіямъ его правительственной системы. Считаемъ почти излишнимъ прибавлять, что это мнѣніе принадлежитъ англійскому правительству.

Высочайше утвержденнымъ 17-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлены точнѣе правила объ удостовѣреніи въ дѣйствительности подписи на документахъ, представленныхъ въ судебныя мѣста. Новымъ закономъ замѣняются статьи 2355—2358 зак. гражд. и ст. 1076 и 1190 зак. уголов. Извѣстно, что прежнія правила на этотъ счетъ отличались краткостію и не обнимали многихъ случаевъ. Мнѣніе государственнаго совѣта пополняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Выборъ актовъ и другихъ бумагъ для сличенія, попрежнему, предоставляется взаимному соглашенію тяжущихся. Если однакожь сего соглашенія не послѣдуетъ; то судъ постановляетъ, которыя изъ представленныхъ или оказанныхъ сторонами бумагъ должны быть преимущественно принимаемы во вниманіе при сличеніи почерковъ. При этомъ отдается предпочтеніе бумагамъ болѣе или менѣе офиціальнымъ, каковы суть: крѣпостные или явочные акты, подписанные лицомъ, коего почеркъ сличается, или же представленные имъ вросьбы и другія бумаги, его рукою писанныя или подписанныя. Изъ такихъ бумагъ принимаются во вниманіе такія, которыя писаны

въ ближайшее къ сличенію время. Разсмотрѣніе и сличеніе актовъ производится людьми, назначенными судомъ, свѣдущими въ томъ языкѣ, на которомъ написаны акты, и достойными вѣры, не отвѣденными притомъ некоторымъ изъ тяжущихся. Когда возможно, предписывается поручать это секретарямъ присутственных мѣстъ, учителямъ чистописанія или другимъ преподавателямъ въ ближайшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Число свѣдущихъ людей должно быть не менѣе трехъ и не болѣе девяти. Сличеніе производится въ присутствіи суда или же при отрѣженномъ отъ него для повѣрки документа членѣ. Объ этомъ составляется особый протоколъ, съ подробнымъ прописаніемъ заключенія экспертовъ. Передъ сличеніемъ почерковъ, эксперты, если они не принадлежатъ къ числу служащихъ лицъ, приводятся къ присягѣ въ томъ, что дадутъ справедливое показаніе. Служащимъ, вмѣсто присяги, судъ напоминаетъ только объ ихъ обязанности. Для удостовѣренія въ дѣйствительности подписей на актахъ, въ которыхъ участвовали Евреи, призываются раввины. Если въ городѣ не найдется свѣдущихъ людей для сличенія почерковъ, то судъ относится въ ближайшій городъ. Сходство почерка признается доказаннымъ тогда лишь, когда оно признано единогласно или большинствомъ голосовъ экспертовъ, и единогласно утверждено судомъ. Каждый разъ, когда судъ усомнится въ совершенной основательности заключенія экспертовъ, хотя бъ оно было и единогласное, онъ можетъ сообщить сомнительный актъ для вторичнаго сличенія почерка въ такое публичное заведеніе, гдѣ преподается иностраннѣй языкъ, на коемъ писанъ или подписанъ актъ, или же въ такое присутственное мѣсто, гдѣ производится на этомъ языкѣ переписка. Новыя правила распространяются какъ на гражданскія, такъ и на уголовныя дѣла.

Для дѣтей духовенства Черноморскаго казачьяго войска учреждено въ городѣ Екатеринодарѣ уѣздное духовное училище, въ замѣнъ приходскаго, которое существовало прежде.

Въ Кіевѣ 30-го августа открытъ кадетскій корпусъ, подъ названіемъ Владимірскаго-Кіевскаго.

Въ Англии всѣ общественныя интересы уступаютъ мѣсто ость-индскимъ происшествіямъ. Возстаніе сипаевъ приняло такой грозный характеръ, что поглощаетъ исключительное вниманіе цѣлой страны. Ужасъ царствуетъ не въ одной Ость-Индіи, онъ проникъ въ самую Англию, гдѣ къ политическимъ затрудненіямъ теперь нерѣдко присоединяется и частная скорбь. Нѣтъ почти семейства, которое бы или не было огорчено потерей кого-нибудь изъ своихъ членовъ, или не страшилось бы за участь близкихъ людей. Чтобы понять, какою народною бѣдою является ость-индское возмущеніе, какъ естественно то ожесточеніе, которое оно вызываетъ въ обществѣ, надобно вспомнить, что почти каждый номеръ журналовъ приноситъ извѣ-

стиа о новыхъ кровавыхъ событияхъ. Жертвами ихъ часто бывають лица, еще недавно переселившіяся въ Остѣ-Индію, извѣстныя многимъ въ своемъ отечествѣ. Въ Дублинѣ недавно два журнала спорили о родѣ смерти дамы, составлявшей украшеніе тамошняго общества: одинъ утверждалъ, что несчастная женщина была сожжена живая, другой, что ее распяли...

Извѣстія, которыя мы сообщали нашимъ читателямъ на основаніи телеграфическихъ депешъ, не вполне подтвердились. Осада Дельги не снята, Агра не пала. Но несмотря на это, официальные донесенія и депешки принесли немного утѣшительнаго. Въ послѣднемъ обзорѣннѣ мы говорили объ успѣхахъ генерала Гевлока и смерти Нана-Сагиба. Къ сожалѣнію, первыя вскорѣ приостановились, а гибель мараттскаго вождя оказалась невѣрнымъ слухомъ. Небольшая армія генерала Гевлока дѣлала сначала чудеса. Въ восемь дней она совершила переходъ въ 126 миль до Канпура, выиграла четыре неравные сраженія и овладѣла 24 пушками. Все это было сдѣлано, несмотря на июльскій зной остѣ-индскаго климата. 17 іюля генералъ Гевлокъ достигъ Канпура. Здѣсь онъ нашелъ слѣды того разоренія, которому городъ подвергся отъ Нана-Сагиба, принужденнаго его оставить. Все христіанское населеніе было тамъ истреблено. Въ страшной, нечеловѣческой рѣзнѣ погибло 86 офицеровъ, 190 солдатъ, 200 женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ войску, и 400 мирныхъ жителей. Зага, въ которой происходили эти убійства, имѣла видъ бойни и была наполнена кровью. Генералъ Нейль (Neill), занявшій потомъ Канпуръ, принудилъ захваченныхъ имъ бунтовщиковъ очистить эту залу передъ смертною казнью, къ которой они были приговорены. Европейскіе солдаты наблюдали за ними и бичами понуждали тѣхъ, кто избѣгалъ работы. Это было сдѣлано для того, что, по вѣрованію браминовъ, прикосновеніе къ крови оскверняетъ и лишаетъ небеснаго блаженства. Изъ Канпура генералъ Гевлокъ двинулся къ Биссуру, который занялъ, разбивъ прежде Нана-Сагиба; но послѣдній не умертвилъ себя, какъ были о томъ слухи, а напротивъ удалился къ Лакнау (Lucknow) и принялъ команду надъ осадю города. Генералъ Гевлокъ тоже двинулся къ Лакнау, но 31-го іюля принужденъ былъ воротиться, хотя по дорогѣ ему и удалось разбить бунтовщиковъ два раза. Причиною возвращенія былъ ощутительный недостатокъ въ войскѣ. Генералъ Гевлокъ долженъ былъ расположиться лагеремъ противъ Канпура, откуда ему выслали подкрѣпленія.

Слухи о паденіи Агры, какъ сказано, не подтвердились. Напротивъ, небольшой гарнизонъ ея съ успѣхомъ отразилъ нападеніе нимочскихъ инсургентовъ, которые, послѣ этой схватки, отправились въ Дельги. Но за то Англичане потерпѣли сильное пораженіе въ Аррахѣ. Вотъ какъ это случилось. Три индійскіе полка возму-

тились, какъ извѣстно, въ Динапурѣ. Старый генералъ Ллойдъ (Lloyd), который тамъ командовалъ, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, хотя въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней всѣ ожидали возстанія. Вбунтовавшіеся полки отправились по направленію къ Бенаресу, гдѣ произвели ужасъ своимъ появленіемъ. Генералъ Ллойдъ только черезъ три дня рѣшился ихъ преслѣдовать, а инсургенты получили между тѣмъ подкрѣпленіе. Настигнувъ ихъ на дорогѣ, Англичане были разбиты и потеряли 200 человѣкъ, а инсургенты переправились черезъ одинъ изъ притоковъ Ганга и напали на Аррахъ, котораго названіе подало поводъ къ ложнымъ слухамъ о паденіи Агры. Въ Аррахѣ не было гарнизона, но безпримѣрное мужество Англичанъ ихъ выручило. Двѣнадцать человѣкъ, принадлежащихъ къ мѣстному управленію, именно: судья, сборщикъ податей, инженеръ и нѣсколько чиновниковъ, состоявшихъ при желѣзныхъ дорогахъ, укрѣпили одинъ домъ и заперлись въ немъ съ 45 Сейками. Противъ этой-то горсти людей инсургенты направили свои усилія. Погибель осажденных казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что отрядъ изъ 400 человѣкъ, отправленный къ нимъ на помощь изъ Динапура, попалъ въ засаду и былъ почти истребленъ. Но, противъ всякаго ожиданія, имъ удалось продержаться цѣлую недѣлю. 3-го августа майоръ Эйръ (Eyre), артиллерійскій офицеръ бенгальской арміи, пришелъ въ Аррахъ съ 200 человѣкъ, разбилъ сипаевъ и освободилъ городъ. Говорятъ, что генералъ Ллойдъ, первый виновникъ этихъ происшествій, преданъ суду за небрежность.

Осада Дельги и Лакнау продолжается. Первая идетъ успѣшнѣе прежняго. Генералъ Никольсонъ привелъ осаждающему войску значительныя подкрѣпленія, и вскорѣ надѣются сдѣлать приступъ; но положеніе Лакнау внушаетъ сильныя опасенія. Едва ли городъ можетъ продержаться долгое время. Между тѣмъ возстаніе безпрестанно распространяется. Кромѣ Динапура, сипаи возмутились еще въ Колапурѣ и Джанспурѣ (Janspoore). Здѣсь они были усмирены. Въ Лагорѣ возмущившійся полкъ былъ истребленъ. Въ Нассерабадѣ обезоружены два бомбейскіе полка и одинъ кавалерійскій, мадрасскій. Вообще въ Лагорскомъ королевствѣ сильное броженіе.

Любопытно видѣть, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ вожди возстанія, чтобы поддержать духъ между своими приверженцами. На стѣнахъ Канпура была выставлена прокламація Нана-Сагиба. Въ этой прокламаціи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, повторяется обвиненіе Остъ-Индской компаніи въ составленіи будто бы заговора съ цѣлью обратить въ христіанство всѣхъ туземцевъ. Это обвиненіе подкрѣплено ссылкой на показаніе какого-то путешественника, пріѣхавшаго изъ Калькутты. По словамъ прокламаціи, чтобъ удобнѣе распространять христіанство, остъ-индскій совѣтъ рѣшился истребить 50,000 сипаевъ, а для достиженія этой цѣли потребовалось еще 7 или 8000

европейскихъ солдатъ. Совѣтъ не задумался обратиться съ просьбою о помощи къ английскому правительству, и королева Викторія съ радостью одобрила его намѣренія. Солдатъ начали отправлять въ Остъ-Индію цѣлыми арміями. Но тутъ неожиданно случилось такое обстоятельство, которое немножко разстроило кровавадыя планы королевы Викторіи. Въ индійскія дѣла вмѣшался султанъ турецкій (который на этотъ разъ, видно, не послушался лорда Редклифа). До султана дошли слухи, что Англичане идутъ въ Остъ-Индію истреблять исламизмъ, и онъ такъ разсердился, что не велѣлъ пропускать ихъ черезъ Суэсскій перешеекъ. Египетскій паша, получивъ султанскій фирманъ, поступилъ еще рѣшительнѣе. Онъ заранѣе приготовилъ свое войско, и когда английская армія явилась въ Александрію, открылъ по ней сильный огонь, истребилъ всѣхъ солдатъ и потопилъ всѣ корабли. Когда въ Калькуттѣ, заключается прокламація, было получено объ этомъ извѣстіе, то генераль-губернаторъ ударилъ себя въ голову и погрузился въ мрачное отчаяніе.

Войска отправляютъ изъ Англіи безпрестанно. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Times* перечисляются всѣ войска, отправленныя съ 1-го іюля по 24-е сентября. Изъ этого перечисленія видно, что всего послано 29,935 человекъ на 77 судахъ, снаряженныхъ лондонскимъ купечествомъ. Сверхъ того, 5000 готовы къ отправленію, и на дняхъ будутъ посланы. Полагая на путешествіе среднимъ числомъ 90 дней, и считая полки, которые должны прибыть изъ Китая, съ мыса Доброй Надежды и острова Св. Маврікія, *Times* думаетъ, что къ концу года европейская армія Остъ-Индіи будетъ простираться до 48,000 человекъ. Подкрѣпленія изъ Китая уже прибыли. Вмѣстѣ съ ними въ Калькутту пріѣхалъ самъ главнокомандующій, лордъ Эльгинъ. Говорятъ, что лордъ Эльгинъ рѣшился пріѣхать безъ предварительныхъ сношеній съ министерствомъ и для личнаго объясненія съ лордомъ Каннингомъ. Дѣло идетъ о замѣненіи вѣрными сипаями английскихъ войскъ, находящихся въ Китаѣ, и перевозѣ послѣднихъ въ Остъ-Индію. Сипаи не любятъ Китайцевъ, и дерутся съ ними съ крайнимъ ожесточеніемъ, такъ что Китайцы прозвали ихъ черными дьяволами. Лордъ Каннингъ пробудетъ въ Калькуттѣ около двухъ недѣль. Генераль сэръ-Колинъ Кэмпбелль, назначенный главнокомандующимъ въ Остъ-Индію, прибылъ туда въ концѣ іюля. Какъ большая часть теперешнихъ английскихъ генераловъ, онъ уже немолодъ. Ему теперь 68 лѣтъ. Журналы хвалятъ его опытность. Мало генераловъ, которые принимали участіе въ столькихъ сраженіяхъ. Съ 1809 по 1814 годъ онъ участвовалъ въ испанской экспедиціи, находясь еще въ низшихъ офицерскихъ чинахъ. Въ 1842 году онъ служилъ въ Китаѣ, и въ томъ же году былъ отправленъ въ Индію, откуда возвратился только въ 1854 году.

Генераль-губернаторъ издалъ новую прокламацію къ жителямъ

Остъ-Индіи, съ убѣжденіемъ сохранять вѣрность англійскому правительству.

Къ войску, посланному изъ Англій, корпусъ присоединится ополченіе. Въ нѣкоторыхъ городахъ муниципалитеты вынуждены сбрать милліцію на свой счетъ, и обратились за разрѣшеніемъ къ военному министру. Вообще въ обществѣ видно расположеніе не падать издержекъ для вторичнаго покоренія Индіи. Но несмотря на это, наборъ идетъ довольно плохо. Недавнее распоряженіе герцога Кембриджскаго о приѣмѣ съ чинамъ праворщика всякаго молодаго челоуѣка, который наберетъ сто рекрутовъ, осталось безъ важныхъ послѣдствій. Въ охотникахъ не было недостатка. Нашлось много молодыхъ людей, которые вынуждены набрать отряды и увѣдомили о томъ военное министерство, но до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не могъ исполнить своего обѣщанія. Англія, «расточительная на деньги, но скудная на людей», какъ любятъ ее называть ея публицисты, и въ этомъ случаѣ осталась вѣрна своему характеру. Благотворительныя подписки, частныя пожертвованія въ пользу потерпѣвшихъ отъ бунта идутъ успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, а волонтеры являются медленно. Правительство думаетъ предложить отставнымъ майорамъ чинъ подполковника, если они снова поступятъ въ службу и наберутъ тысячу челоуѣкъ. Журналы полагаютъ, что министерство должно будетъ возвысить премію, которую получаютъ новобранцы, и жалованье солдатъ; иначе армія не выдержитъ соперничества съ фабриками и желѣзными дорогами. Морское управленіе давно уже прибѣгло къ этому средству, и привлекаетъ деньгами матросовъ. Замѣчательно, какъ незначительныя средства, предоставленныя королю англійскаго конституціею. Въ большинствѣ случаевъ, предпріятія правительства, сколько бы они ни имѣли общественнаго характера, поддерживаются точно такъ же, какъ и частныя. Иногда, и даже нерѣдко, отсюда возникаютъ большія затрудненія; но Англія неохотно отказывается отъ старыхъ учрежденій, благодарная имъ за свою вѣковую свободу.

Одному изъ такихъ старыхъ, отжившихъ учрежденій теперь однако наступаетъ конецъ. Отмѣны Остъ-Индской компаніи настоятельно требуетъ общественное мнѣніе. Въ свое время существованіе Компаніи было историческимъ многихъ приобрѣтеній. Оно сообщило покоренію Индіи всю энергію, всю настойчивость частнаго предпріятія, и избавило британское правительство отъ всякихъ денежныхъ издержекъ. Но теперь Компанія не приноситъ ни барышей своимъ акціонерамъ, ни государственной пользы. При настоящей своей организаціи, права Компаніи могутъ препятствовать успѣшному дѣйствію правительства, ибо, хотя съ 1853 года оно участвуетъ въ составленіи правленія директоровъ, но это участіе даюе незначительное: изъ 18 членовъ только 8 назначаются правительствомъ. Въ своихъ распоряженіяхъ Компанія довольно независима. Такъ напримѣръ хотя главнокомандующій арміей опредѣляется правитель-

ствомъ, но онъ можетъ быть смѣненъ Компаніей. Генералъ-губернаторъ назначается директорами. Послѣдніе не имѣютъ только права избрать въ эту должность лицо, находящееся въ службѣ Компаніи. Право содержать войско ограничено лишь количественно: армія Компаніи не должна превышать 20,000. Во всемъ остальномъ Компанія дѣйствуетъ независимо. Понятно, какъ неудобенъ такой порядокъ вещей при современномъ ходѣ дѣлъ. Въ самой Калькуттѣ многіе желаютъ упразднить Компанію. 3-го августа, живущіе тамъ Европейцы составили митингъ для подачи объ этомъ прошенія парламенту. Въ просьбѣ упрекаютъ остъ-индское управление въ пренебреженіи благоразумныхъ совѣтовъ мѣстной журналистики. «Управленіе, сказано здѣсь, сумѣло только прибѣгнуть къ стѣснительнымъ мѣрамъ относительно журналовъ, но не хотѣло ихъ слушать, когда они говорили ему дѣло.» Вѣроятно, это желаніе будетъ вскорѣ исполнено. Правленіе директоровъ само наконецъ убѣдилось въ недостаткахъ остъ-индскаго. Недавно оно имѣло засѣданіе, на которомъ одинъ изъ директоровъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ остъ-индское населеніе имѣло право избирать депутатовъ изъ членовъ университетовъ. Предложеніе было обойдено.

Какъ новый матеріалъ для заключенія о причинахъ остъ-индскаго возстанія, не можемъ не упомянуть о просьбѣ, поданной мѣстному управленію Бомбейскаго президентства нѣсколькими индусами, парсами и магометанами. Извѣстно, что миссіонеры, возвратившіеся изъ Индіи, всячески отклоняютъ подозрѣніе въ содѣйствіи ихъ пропагандѣ со стороны администраціи. Просьба, о которой мы говоримъ, представляетъ вопросъ нѣсколько въ другомъ видѣ. Въ ней сказано, что хотя при учрежденіи въ 1823 г. «Общества Воспитанія» (Native Education Society) былъ обѣщанъ самый строгій религіозный нейтралитетъ, но это обѣщаніе не совсѣмъ было сдержано. Правда, администрація открыто не содѣйствовала обращенію; но во всѣхъ изданныхъ ею учебникахъ христіанскія понятія примѣшаны къ элементарнымъ свѣдѣніямъ. Этимъ способомъ дѣти не могли ничего узнать, не пзвѣняя отчасти религіи предковъ. Администрація признала основательность жалобы и приказала отмѣнить преподаваніе по такимъ учебникамъ.

Что касается до характера мнѣже, то страшныя убійства, которыми онъ сопровождается, заставляютъ многихъ предполагать участіе въ немъ религіознаго элемента. Не надобно думать однако, что здѣсь главную роль играютъ оскорбленныя вѣрованія. Это еще можетъ-быть справедливо въ отношеніи къ мусульманамъ; между членами другихъ исповѣданій корень ожесточенія не въ оскорбленіи этого чувства. Но между странными сектами, покрывающими Остъ-Индію, есть такіе, которыя, по своему свойству, должны были принять участіе въ кровопролитіяхъ. Индія—сторона самыхъ разнообразныхъ религій. Между

тѣмъ, какъ въ образованныхъ слояхъ населенія господствуетъ тео-филантропизмъ, религія безъ внѣшнихъ обрядовъ, приближающаяся къ чистому пантеизму, — въ другихъ слояхъ его еще приносятъ человѣческія жертвы. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ одинъ браминъ былъ приговоренъ къ смертной казни за то, что принесъ въ жертву козла богинѣ Кали, онъ тѣмъ же ножомъ закололъ двухъ свидѣтелей его жертвоприношенія. На сѣверо-западъ отъ Бенгальскаго залива живетъ горное племя Хондовъ (Khond), которое приносить человѣческія жертвы богинѣ земли. Эти жертвы называются *мерга*. Ихъ не берутъ между горными жителями, но покупаютъ или берутъ силою изъ числа жителей долинъ. Богиня Кали особенно любитъ, чтобы ей приносили въ жертву дѣтей. Оттого нерѣдко сами матери, несмотря на надзоръ со стороны мужей, умерщвляютъ своихъ младенцевъ. Дѣтоубійство такъ распространено въ Индіи, что Остъ-Индская компанія не могла уничтожить этого обычая, несмотря на всѣ свои усилія. Страшные поклонники богини Кали составляютъ секту убійцъ, которая сама себя называетъ *тагами* (thugs). Это названіе происходитъ отъ глагола *thugma*, что буквально значитъ обманывать. Убійство замѣняетъ для этихъ сектаторовъ молитву, потому что ихъ богиня есть во одно время и богиня земли, и богиня смерти. Обыкновенно они неожиданно набрасываютъ арканъ на чело-вѣка и душатъ такимъ образомъ свою жертву. Многие думаютъ, что Нана-Сагибъ принадлежитъ къ этой сектѣ.

Въ маленкихъ французскихъ владѣніяхъ въ Остъ-Индіи замѣтно тоже волненіе. Французское правительство, по новому условію съ англійскимъ, отправило туда 500 солдатъ. Еще до полученія извѣстія объ этомъ 17 торговыхъ домовъ Бордо подали просьбу въ коммерческую палату этого города о томъ, чтобы она обратила вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для сохраненія порядка въ Шандернагорѣ и Пондишери.

Во Франціи въ послѣднее время не было ни одного внутренняго событія, на которое бы стоило обратить вниманіе. Журналы были исключительно посвящены дипломатическимъ происшествіямъ и великолѣпнымъ маневрамъ въ шалонскомъ лагерѣ. Тишина внутренней жизни была нарушена только грустными извѣстіями о новыхъ потеряхъ для литературы. Еще недавно оплакивали Беранже. Теперь смерть похитила еще двухъ замѣчательныхъ людей: извѣстнаго критика Густава Плана и знаменитаго ориенталиста Катриера де-Кенси. Въ Парижѣ также окончилъ жизнь Мавини, одинъ изъ италіанскихъ двигателей 1848 года. Правительство приняло всѣ мѣры для того, чтобы время и мѣсто погребенія не были извѣстны, однако, несмотря на совершенное молчаніе парижскихъ журналовъ, болѣе тысячи Италіанцевъ сопровождали гробъ до кладбища. Публичная подписка на сооруженіе памятника запрещена правительствомъ.

Состояніе торговаго рынка, которое возбуждало сильныя опасенія,

нѣсколько улучшилось въ послѣднее время. Это, разумѣется, отразилось и на состояніи биржи, гдѣ обороты оживились въ сравненіи съ прежнимъ.

Въ Испаніи министерскій кризисъ продолжается, и еще нельзя предвидѣть, чѣмъ онъ разрѣшится. Королева, повидимому, не хочетъ ни лишиться теперешняго министерства, ни пожертвовать ему нѣкоторыми изъ лицъ своего двора, которые внушаютъ ему опасенія. Въ длинномъ разговорѣ съ однимъ изъ министровъ, г. Пидалемъ, королева сказала, что не понимаетъ источника требованій кабинета. Сначала ожидали уступки. Думали, что генералъ Конча будетъ замѣнить, въ управленіи Кубою, морскимъ министромъ, генераломъ Лерсунди; но слухи эти не подтвердились. Приближающіяся засѣданія кортесовъ будутъ, вѣроятно, поприщемъ ожесточенной борьбы между кабинетомъ и его противниками.

Въ Швейцаріи столкновение между союзнымъ правительствомъ и правительствомъ Ваадтскаго кантона еще продолжается. Чтобы понять всю важность этого вопроса надобно замѣтить, что онъ имѣетъ двѣ стороны. Въ немъ отражается не одно соперничество кантоновъ, но также и то политическое состояніе, въ которомъ теперь находится Швейцарія. Союзное собраніе, имѣющее верховную власть, состоитъ изъ національнаго совѣта (палаты представителей) и союзнаго совѣта, котораго члены суть министры и завѣдываютъ исполнительною властію. До сихъ поръ національный совѣтъ отличался умѣренностію, но послѣднія нещательскія происшествія, подогрѣвъ патріотическое чувство, въ то же время дали поводъ къ успѣхамъ крайнихъ партій. Это заставляетъ думать, что при ближайшихъ выборахъ, которые начнутся въ концѣ нынѣшняго года, составъ союзнаго собранія значительно измѣнится. Признаки броженія уже замѣтны. Хотя по швейцарской конституціи всякій имѣетъ право жаловаться собранію на распоряженія національнаго совѣта, но до сихъ поръ такія жалобы были рѣдки. Теперь они сдѣлались часты. Вотъ причины, почему Ваадтскій кантонъ возлагаетъ надежды на будущее собраніе. Что касается до причинъ столкновения, то поводъ къ нимъ заключался въ различныхъ рѣшеніяхъ центральнаго правительства и союзнаго собранія. Изъ двухъ линій желѣзной дороги между Лозанною и Берномъ, одну почитаетъ для себя выгодною Фрейбургъ, другую Ваадтъ. Национальный совѣтъ утвердилъ послѣднюю линію, но союзное собраніе ее отвергло и приняло первую. Отсюда произошло столкновение, которое угрожало спокойствію Швейцаріи. Кажется однако, что дѣла начинаютъ принимать довольно мирный оборотъ. Предсѣдатель національнаго совѣта г. Фернеродъ издалъ прокламацію къ Ваадтскому кантону, убѣждая его не подавать повода къ раздорамъ. По послѣднимъ извѣстіямъ Ваадт-

скій кантонъ испрашиваетъ отсрочки для подробнаго разсмотрѣнія предполагаемой линіи. Это сдѣлано имъ для того, чтобъ выиграть время и дожидаться выборовъ. Тогда новому собранію будетъ принесена формальная жалоба.

Въ Сардиніи начались выборы представителей и избирательная борьба, которая, однако несмотря на старанія журналовъ, до сихъ поръ не принимаетъ большихъ размѣровъ. Кабинету помогла, разумѣется противъ своего желанія, клерикальная партія, не возбуждающая сочувствія въ Пиемонтѣ. Она имѣла неосторожность сказать въ своей программѣ, что подавать голосъ за духовенство значитъ оставаться католикомъ, а подавать голосъ за правительство значитъ отречься отъ религіи. Вслѣдствіе этой програмы министерство съ своей стороны объявило, что всѣ члены либеральной партіи суть его кандидаты, но ни одинъ изъ членовъ клерикальной партіи.

Въ Австріи ходили слухи о смерти черногорскаго князя Данила, но они не подтверждались. Въмѣсто того правительство получило извѣстіе о томъ, что князь Данилъ съ своими Черногорцами поддерживаетъ возмущившихся Альбанцевъ.

Статистическій конгрессъ окончилъ свои засѣданія 18 сентября. Между замѣчательными актами, которые были сообщены на немъ представителямъ европейскихъ государствъ, нельзя не упомянуть о превосходномъ докладѣ барона Чернига о состояніи статистики въ Австрійской имперіи. Административная статистика съ недавняго времени извѣстна въ Австріи, но успѣла уже обогатиться важными средствами и богатыми пособіями. Статистическое бюро существуетъ съ 1828 года, но долгое время оно не имѣло большаго значенія. Оно было только вспомогательнымъ учрежденіемъ для центральной отчетности; личный его составъ временно былъ образованъ изъ чиновниковъ государственнаго контроля. Въ 1840 году это бюро было преобразовано въ управленіе административной статистики, и кругъ его дѣятельности значительно распространенъ. Уже въ слѣдующемъ году обнаружились благодѣтельные послѣдствія преобразования: улучшены были существовавшія дотолѣ синоптическія таблицы и прибавленъ къ нимъ пояснительный текстъ; собраны были документы о внѣшней торговлѣ, мореплаваніи и средствахъ сообщенія, а также историческія данныя объ учрежденіи торговаго судоходства и желѣзныхъ дорогъ. Потребность гласности и ученой обработки статистики была такъ ощутительна, что правительство разрѣшило печатаніе статистическихъ таблицъ; потомъ было разрѣшено вообще печатать ежегодно собираемая статистическія свѣдѣнія. Но всѣ эти мѣры были только первымъ шагомъ къ тому рѣшительному перевороту, который произошелъ въ статистическихъ работахъ въ Австріи послѣ 1848 года. Съ этого времени принята за

основание монографическая метода, состоящая въ отдельномъ описаніи каждой отрасли государственной и экономической жизни. Усилившаяся гласность повела къ изданію многочисленныхъ матеріаловъ, которые прежде были недоступны публикѣ. Изложивъ подробно по означеннымъ эпохамъ исторію статистики въ своемъ отечествѣ, баронъ Чернигъ переходитъ, въ своемъ докладѣ, къ опредѣленію цѣли международныхъ конгрессовъ. Цѣль ихъ — сдѣлать однообразными кадры, по которымъ излагаются статистическія работы въ разныхъ государствахъ, для того чтобы возможно было сравнить ихъ результаты. Въ числѣ мѣръ, принятыхъ для этой цѣли, важное мѣсто занимаетъ предположеніе о сравнительномъ изученіи дѣйствія различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законодательствъ. Мы говорили уже объ этомъ мимоходомъ въ предыдущемъ обзорѣ, но теперь, пользуясь обширнымъ докладомъ г. Чернига, скажемъ еще нѣсколько словъ въ пополненіе прежде сообщенныхъ свѣдѣній. Чтобы сравненіе было здѣсь возможнымъ, необходимо прежде всего установить однообразную номенклатуру терминовъ. Извѣстно, что одни и тѣ же слова имѣютъ не одинаковый смыслъ въ разговорномъ языкѣ и въ языкѣ закона; сверхъ того, одинаковые термины употребляются съ разнымъ значеніемъ въ разныхъ государствахъ. Поэтому конгрессъ изъявилъ желаніе, чтобы эти номенклатуры въ будущихъ трудахъ конгресса, и въ особенности въ официальныхъ статистическихъ извѣстіяхъ, были дополнены по каждому государству точнымъ опредѣленіемъ, въ какомъ смыслѣ законъ понимаетъ различныя преступленія и проступки. Къ трудамъ подобнаго рода конгрессъ приглашаетъ европейскихъ юристовъ. На основаніи такихъ работъ, будетъ составлена сравнительная таблица преступленій. Конгрессъ въ особенности желаетъ точнаго обозначенія вторичныхъ преступленій или такъ-называемыхъ рецидивовъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ всѣмъ правительствамъ завести, по примѣру Франціи, особые каталоги, извѣстные тамъ подъ названіемъ *cahiers judiciaires*. Они ведутся въ каждомъ французскомъ судѣ первой инстанціи, и въ нихъ записывается кратко приговоръ, произнесенный надъ преступникомъ. Въ министерствѣ юстиціи ведется центральный списокъ преступниковъ изъ иностранцевъ. Эти списки заведены во Франціи въ 1851 году. Къ подобнымъ спискамъ слѣдуетъ присоединить описаніе средствъ открытія преступленій въ каждомъ государствѣ. Другую важную часть уголовной статистики должно составлять исчисленіе важнѣйшихъ преступленій, съ показаніемъ ихъ причинъ. Требуются также показанія о количествѣ лицъ, присужденныхъ къ денежнымъ пенямъ, чтобы была возможность опредѣлить дѣйствіе послѣднихъ. Платье статистики гражданского судопроизводства предоставлено начертать третьему конгрессу. Теперешній конгрессъ ограничился общимъ указаніемъ предметовъ, которые должны входить сюда. Требуется, по

судопроизводству, показаніе судебныхъ издержекъ, послѣдствій судебныхъ рѣшеній, штрафовъ и тюремнаго заключенія за долги. Затѣмъ необходимо составить статистику обязательствъ и количество какъ тѣхъ договоровъ, которые заключаются при содѣйствіи судебныхъ мѣстъ, такъ и тѣхъ, которые совершаются безъ этого содѣйствія; также статистику продаваемыхъ имуществъ и цѣну ихъ, чтобы можно было видѣть движеніе поземельной собственности. Необходимы свѣдѣнія о брачныхъ контрактахъ, употребленіи гербовой бумаги и т. п.

Какъ видно изъ этого доклада, статистическій конгрессъ понялъ свою задачу самымъ широкимъ образомъ. Несмотря однако на значительность его требованій, съ которыми въ уровень не находится еще ни одно европейское государство, едва ли можно видѣть ошибку въ такой широкой постановкѣ вопроса. Опредѣленіе заранѣе той цѣли, къ которой совокупно должны стремиться всѣ страны Европы, было необходимо именно вслѣдствіе разнообразнаго состоянія въ нихъ статистическихъ работъ, которыя нужно привести къ единству. Что касается до нравственного вліянія конгресса, то оно не замедлило оказаться; возбудивъ энергію въ каждомъ изъ членовъ. Нѣмецкіе члены конгресса, не довольствуясь своимъ участіемъ въ общихъ трудахъ, собрались еще особо для того, чтобы принять мѣры къ лучшему собранію статистическихъ свѣдѣній о Германіи. На одномъ изъ ихъ засѣданій разсуждали о томъ, какимъ образомъ должно заводить собранія статистическихъ матеріаловъ, слѣдуетъ ли ихъ предоставить частнымъ лицамъ, или, напротивъ, правительства должны взять на себя подобный трудъ. Многіе были того мнѣнія, что собраніе матеріаловъ слѣдуетъ предоставить частнымъ лицамъ, которыхъ дѣятельность всегда энергичнѣе официальной. Германія имѣетъ великолѣпный образецъ подобной дѣятельности— собраніе барона Редена, въ которомъ болѣе 1200 томовъ различныхъ статистическихъ данныхъ. Однако было рѣшено прибѣгнуть также и къ содѣйствію правительствъ, потому что многія средства частнымъ лицамъ недоступны.

Идея конгресса, совокупной работы, есть по преимуществу идея нашего времени. Но сверхъ того можно сказать, что это любимая идея Германіи. Въ Германіи къ ней присоединяется другая, затаянная мысль, мысль о народномъ единствѣ, которая, не имѣя возможности проявиться на политической почвѣ, выражается въ различныхъ обществахъ и союзахъ, съ цѣлю или изученія цѣлой Германіи или практической дѣятельности на всемъ ея пространствѣ. Замѣчательно, что даже въ религиозной сферѣ видно то же стремленіе дѣйствовать совокупными усиліями. Двѣ религіи, которыя борются въ Германіи, ищутъ обѣ опоры въ учрежденіи союзовъ. Мы имѣли уже не одинъ разъ случай говорить о евангелическомъ союзѣ въ

Пруссія и католическихъ союзахъ, которые предполагали собраться въ Австрію для общаго совѣщанія. Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца это совѣщаніе собралось въ Зальцбургѣ, при содѣйствіи князя архіепископа этого города и при огромномъ стеченіи посѣтителей, между которыми были члены императорскаго дома. Въ своихъ разсужденіяхъ католическій соборъ прежде всего высказалъ намѣреніе противо-дѣйствовать евангелическому союзу. Рѣчи, исполненныя выходокъ противъ протестантизма, занимали не малое мѣсто на этомъ соборѣ. Ими начались и окончились совѣщанія, онѣ примѣшивались къ обсужденію каждаго отдѣльнаго вопроса. Съ особеннымъ жаромъ предсѣдатель собора, докторъ Либеръ нападалъ на лозунгъ евангелическаго союза: «да не будетъ папизма». Въ этихъ словахъ онъ видѣлъ совершенное непониманіе папизма. «Исторія, говорилъ онъ, всего лучше доказываетъ непоколебимость папства...» Еще страннѣе этой смѣлой ссылки на исторію была заключительная рѣчь доктора Крэйзера изъ Кельна. Въ ней объяснялось значеніе словъ: «ультрамонтанъ» и «папистъ». Этимъ названіямъ, которыя даны въ качествѣ укорительныхъ прозвищъ приверженцамъ Рима, ораторъ придавалъ высокое значеніе. «Что такое папистъ? говорилъ онъ. Нѣтъ выше этого названія. Въ сущности всякій человѣкъ есть папистъ, ибо всякій ребенокъ прежде всего начинаетъ произносить: папа. Иисусъ Христосъ тоже папистъ, потому что призывалъ своего Отца въ великой скорби, на Елеонской горѣ. Мы всѣ дѣти вѣчнаго Отца. То, что для другихъ составляетъ поруганіе, католики могутъ принять съ гордостію.» Среди этихъ странныхъ рѣчей зальцбургскій соборъ принялъ нѣсколько важныхъ рѣшеній. Первое состоитъ въ предположеніи открыть въ Зальцбургѣ католическій университетъ, для приготовленія служителей церкви и болѣе успѣшной борьбы съ протестантизмомъ. Другое касается открытія низшихъ католическихъ школъ и вспомошествованія имъ. Особенное вниманіе было обращено на положеніе литературы. Всѣ члены собранія единогласно признавались, что каждый изъ свѣтскихъ журналовъ имѣетъ одинъ болѣе подписчиковъ, нежели всѣ католическіе журналы вмѣстѣ. Католическіе литераторы должны поддерживать литературу не одними матеріальными, но также и духовными средствами. Затѣмъ выражена была необходимость противо-дѣйствовать дурнымъ романамъ и составить каталогъ запрещенныхъ книгъ.

Между тѣмъ, какъ зальцбургскій соборъ прибѣгаетъ къ стѣснительнымъ мѣрамъ, чтобъ упрочить успѣхъ католицизма въ Германіи, евангелическій союзъ въ Пруссіи заботится о возстановленіи нарушенной связи между религіей и философійю. Мы говорили уже объ этомъ замѣчательномъ собраніи, на которое призваны всѣ духовныя силы протестантизма для борьбы съ такъ-называемою церковною партией, которой мертвая формальность вызываетъ столько неудоволь-

ствія, и съ рационализмомъ. Много важныхъ вопросовъ было поднято на его засѣданіяхъ. Союзъ открылъ ихъ вступительною рѣчью доктора Круммахера, въ которой была провозглашена полная свобода каждаго изъ протестантскихъ исповѣданій. Цѣль союза, сказано въ этой рѣчи, состоитъ не въ уничтоженіи мѣстныхъ особенностей, но напротивъ въ ихъ сохраненіи и изученіи. Въ нихъ выразился національный духъ каждаго изъ протестантскихъ народовъ и каждый изъ этихъ народовъ можетъ чему-нибудь научиться у другаго. Мысль евангелическаго союза не замедлила обнаружиться. Уже на одномъ изъ первыхъ его засѣданій были высказаны упреки современному богословію въ Германіи, и слѣдовательно церковной партіи. Богословіе приняло слишкомъ доктринерный характеръ; оно не проникаетъ въ глубину божественнаго слова; его сухость отразилась въ схоластической формѣ проповѣдей, непонятныхъ и недоступныхъ для народа. Это тѣмъ непростительнѣе, что въ новое время наука все болѣе и болѣе стремится къ общедоступности. Сверхъ того богословіе приняло совершенно вышній характеръ. Съ 1817 года оно постоянно стремится возвратиться къ XVI вѣку, заключить себя въ строго-очерченномъ кругѣ Аугсбургскаго Исповѣданія. Съ 1830 г. образовалось такое богословское ученіе, которое все свое спасеніе видитъ въ символическихъ церковныхъ формахъ и постоянно заботится о томъ, чтобы сдѣлаться государственною религіей. Этому—то мертвенному ученію, по мнѣнію ораторовъ союза, обязанъ своимъ происхожденіемъ рационализмъ, а никакъ не піэтизму. Въ настоящее время матеріализмъ имѣетъ болѣе власти надъ сердцами народа, нежели это мертвое ученіе. Такимъ образомъ первая мысль, выраженная союзомъ, состояла въ прочномъ соединеніи религіи съ наукой. Другой не менѣе важный вопросъ, поднятый имъ, касается отношенія церкви къ государству. Большинство членовъ союза было того мнѣнія, что государство должно всѣмъ предоставить полную свободу совѣсти и не обязано покровительствовать ни одной церкви. Вмѣшательство государства должно ограничиваться противодѣйствіемъ вреднымъ, противообщественнымъ ученіямъ. Исканіе покровительства со стороны свѣтской власти признано несогласнымъ съ духомъ реформаціи. Противодѣйствіе католицизму также занимало берлинское собраніе, какъ обратный вопросъ занималъ собраніе въ Зальцбургѣ; но надобно отдать справедливость евангелическому союзу: онъ и здѣсь не увлекся духомъ партіи. Успѣхи католицизма въ Германіи несомнѣнны. Члены союза признавались, что никогда еще іезуиты не были такъ сильны. Католики всячески стараются поставить протестантовъ въ невыгодное положеніе. Къ числу средствъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, относится, между прочимъ, стремленіе изолировать протестантовъ, затрудняя сношенія между ними и католиками. Такъ напримѣръ они стараются установить строгое различіе между университетами на

основаніи религіи, отдѣлять католическія школы отъ протестантскихъ. Къ такой же политикѣ они прибѣгаютъ относительно германскихъ государствъ. Имъ не нравится безразличная свобода для всѣхъ исповѣданій. Они стремятся къ возстановленію религіознаго государства (confessioneller Staat), съ провозглашеніемъ одной господствующей религіи. Противъ этихъ попытокъ усиленія евангелической союзъ находятъ одно средство обороны: единство внутри протестантизма и успѣхи протестантовъ въ наукѣ, которая даетъ имъ лучшее оружіе для борьбы.

Къ сожалѣнію, засѣданія евангелическаго союза были омрачены двумя происшествіями, которыя противорѣчатъ его духу. Это упреки, сдѣланные кавалеру Бунзену, и замѣчанія о баптистахъ. Странно, что то и другое высказано тѣмъ самымъ пасторомъ Круммахеромъ, котораго либеральную рѣчь мы привели выше. Г. Круммахеръ упрекнулъ одного изъ членовъ союза, г. Мерль д'Обинье (Mérle d'Aubigné) за сближеніе съ г. Бузеномъ, несмотря на рационализмъ, будто бы господствующій въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Этотъ упрекъ въ особенности возмутилъ Англичанъ, которыхъ сочиненія Бузена заставили принять участіе въ евангелическомъ союзѣ. Остальные члены союза немедленно протестовали противъ этого обвиненія. Тотъ же г. Круммахеръ упрекалъ баптистовъ за излишній прозелитизмъ и враждебный взглядъ на другія протестантскія исповѣданія. Баптисты защищались отъ этого упрека. Эти два случая были единственнымъ исключеніемъ изъ того духа единства и согласія, которыя царствовали на засѣданіяхъ союза. Въ евангелическомъ союзѣ участвовали 1254 члена. Впечатлѣніе, произведенное имъ въ Германіи, было вообще самое благопріятное. Увѣряютъ, что Шталь, одинъ изъ предводителей церковной партіи, намѣренъ оставить консисторію.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ собраній, Германія занята еще множествомъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены большаго значенія. Во Франкфуртѣ на Майнѣ начались 14-го сентября засѣданія международнаго благотворительнаго конгресса. Въ конгрессѣ принимали участіе 140 членовъ, изъ которыхъ 49 приходится на долю одного Франкфурта, 46 на долю другихъ государствъ Германскаго Союза, а остальные представители: Англіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Россіи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Конгрессъ продолжался четыре дня. Первое засѣданіе было посвящено чтенію отчетовъ о состояніи въ различныхъ государствахъ благотворительныхъ учреждений. При этомъ было также обращено вниманіе на отношенія работниковъ къ хозяевамъ и слугъ къ господамъ. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи общественной благотворительности къ частной. Г. Розенъ (изъ Варшавы) предложилъ наградить медалью, цѣною въ 200 флор., лучшее сочиненіе на слѣдующій предметъ: «нужны ли гарантіи для

частной благотворительности? можетъ ли она быть ограничиваема? Не противорѣчатъ ли ей какія-нибудь законодательства, и нужно ли согласить эти законодательства съ ея требованіями?» Въ третьемъ засѣданіи конгресса было предложено учредить международное общество благотворительности, съ цѣлю содѣйствовать частнымъ обществамъ въ различныхъ государствахъ. Мѣстомъ пребыванія такого общества предполагается назначить Брюссель. Рѣшено также приступить къ образованію обществъ сельскаго хозяйства въ различныхъ городахъ Германіи для распространенія свѣдѣній по этой части. Обращено вниманіе на тюремное заключеніе и состояніе сиротскихъ школъ. Въ слѣдующемъ году не будетъ собраніи благотворительнаго конгресса.

Наконецъ въ Германіи же происходятъ теперь годовыя засѣданія различныхъ обществъ: въ Боннѣ собрались натуралисты, въ Аугсбургѣ историки, въ Веймарѣ открылъ засѣданія новый союзъ историковъ общественнаго быта.

Въ Баденѣ къ первому сентябрю было окончено важное преобразование, — отдѣленіе судебной части отъ административной, которое подавало поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ. Для полной независимости судебной части не достаетъ теперь только, чтобъ судебно-полицейскія дѣла были также изъяты изъ вѣдомства управленія и переданы судамъ. Совершеніемъ этой реформы баденское законодательство будетъ приведено въ полное согласіе съ Code Napoléon, который служитъ ему образцомъ, съ немногими исключеніями.

Въ Лейпцигѣ открыто общество для улучшенія жилищъ бѣдныхъ людей.

Въ Швеціи затрудненія, возникшія вслѣдствіе болѣзни короля Оскара, наконецъ прекратились. Вопросъ о регентствѣ имѣетъ тамъ особенную важность, ибо соединенъ съ измѣненіемъ въ конституціи. По конституціи 1815 года, которую король Карлъ Іоаннъ (Бернадоттъ) подтвердилъ присягою при вступленіи на престолъ, управленіе государствомъ, въ случаѣ болѣзни короля, поручается совѣту, составленному изъ десяти Шведовъ и десяти Норвежцевъ. Понятно, что, при совершеннолѣтіи наслѣднаго принца, это ставитъ его въ ложное положеніе. Поэтому монархическая партія въ Швеціи желала перемѣны въ конституціи, между тѣмъ какъ демократическая партія требовала ея полного соблюденія. Вслѣдствіе этого многіе думали, что вопросъ о регентствѣ возбудитъ сильную борьбу въ четырехъ шведскихъ палатахъ и въ норвежскомъ стортингѣ. Противъ ожиданія однако онъ былъ рѣшенъ скоро и безъ большаго противодѣйствія. Личное уваженіе, которымъ пользуется король Оскаръ, заставило согласиться на его желаніе. Самая сильная оппозиція была въ палатѣ крестьянъ, но и тамъ большинство подало голоса за наслѣднаго принца.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вопросъ о невольничествѣ опять стоитъ на первомъ планѣ. Въ Штатѣ Миссурі въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ происходили выборы губернатора. Партіи рабовладельцевъ и аболіціонистовъ выставили, каждая, своего кандидата. Первая одержала верхъ, и ея кандидатъ, г. Стюартъ (Stewart), сдѣлался главою мѣстнаго управленія. Къ сожалѣнію, въ Америкѣ вопросъ о невольничествѣ не стоитъ особо. Къ нему присоединились вопросы о независимости штатовъ или преобладанія союзной власти. По этой же причинѣ конституція Канзаса, которая должна быть вскорѣ составлена его палатою, подаетъ поводъ къ ожесточенной борьбѣ между демократами и аболіціонистами. Президентъ сохраняетъ полный нейтралитетъ въ этомъ вопросѣ, предоставляя новому штату дать себѣ конституцію по собственному усмотрѣнію, но ни одна изъ враждующихъ партій не довольна такимъ способомъ дѣйствій, и упреки со всѣхъ сторонъ сыплются на г. Буканана. Замѣчательно, что, какъ ни сильно возбужденъ вопросъ о невольничествѣ, большинству еще не приходитъ въ голову взглянуть на него съ точки зрѣнія религіи или человѣколюбія. До сихъ поръ онъ всего болѣе разсматривается съ экономической точки зрѣнія: судятъ не о правѣ владѣть неграми, но о преимуществахъ вольнаго или принудительнаго труда. Этимъ, можетъ-быть, объясняется странный способъ вмѣшательства со стороны духовенства въ вопросъ о Канзасѣ. Сорокъ три духовныя лица изъ Штата Коннектикутъ написали письмо къ г. Буканану, убѣждая его измѣнить политику относительно новаго штата. По мнѣнію авторовъ письма, отправленіе войска въ Канзасъ есть нарушеніе той свободы, которою каждый штатъ долженъ пользоваться внутри своей территоріи. Г. Букананъ отвѣчалъ имъ длиннымъ отвѣтомъ, гдѣ мастерски защищаетъ свой образъ дѣйствія. Его политика состоитъ, говоритъ онъ, въ предоставленіи полной свободы каждому штату, каждому гражданину—выражать свое мнѣніе всѣми законными средствами; но всякая попытка прибѣгнуть къ насилію будетъ имъ немедленно подавлена. Въ заключеніе президентъ проситъ духовенство употребить свое вліяніе на умы для прекращенія того волненія, которое вездѣ возбуждаетъ невольничество. Какимъ образомъ будетъ рѣшенъ вопросъ о конституціи Канзаса, нельзя еще пока сказать утвердительно. Шестьдесятъ депутатовъ, на которыхъ возможно составленіе конституціи, всѣ принадлежатъ къ числу приверженцевъ невольничества; но составленная ими конституція поступитъ потомъ на разсмотрѣніе избирателей и затѣмъ на разсмотрѣніе конгресса.

Финансовый кризисъ въ Нью-Йоркѣ не кончился. Нѣкоторое время надѣялись, что дѣла пойдутъ лучше, но банкротство шести торговыхъ домовъ, одинъ за другимъ испытавшихъ эту катастрофу, заставляетъ думать, что затруднительное положеніе еще далеко отъ окончанія.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Утага, мормоны намѣрены сопротивляться союзному войску.

Добываніе золота въ Калифорніи, уменьшившееся въ 1854 году, опять стало возрастать въ 1856. Думали, что если оно и не будетъ уменьшаться, то по крайней мѣрѣ не увеличится. Но на дѣлѣ оказалось не то. Къ добыванію золота были примѣнены механическія средства, и это облегчило работу, которая у отдѣльныхъ золотокоповъ нерѣдко бесполезно поглащала значительное время. Образовались торговыя товарищества, которыя, располагая значительными средствами, производятъ работы не иначе, какъ посредствомъ машинъ. Увеличеніе количества добываемаго золота приняло баснословные размѣры. Въ теченіе девяти лѣтъ это количество увеличилось слишкомъ въ $3\frac{1}{2}$ раза. Въ 1848 году, когда начались первыя работы, золота было вывезено всего на сумму 75 милл. фр. (около 18,500,000 р. сер.), а въ 1856 г. на сумму 253 милл. фр. (болѣе 68 милл. р. сер.) Къ этой цифрѣ надобно еще присоединить тѣ суммы, которыя высланы торговцами, банкомъ, и вывезены золотокопами безъ объявленія въ таможи. Количество тайно вывезеннаго золота составляетъ по крайней мѣрѣ третью часть объявленнаго. Слѣдовательно можно полагать, что въ 1856 г. всего отпущено изъ Калифорніи почти на 338 милл. фр. Думаютъ, что въ 1857 г. эта сумма возрастеть до 360 милл. Есть причины предполагать, что почти столько же доставляетъ теперь Австрія. Вообще Калифорнія въ теченіи девяти лѣтъ доставила золота на сумму 2,444 милл. фр., то-есть около 610 милл. р. сер. Это приблизительно десятая часть всего золота, обращающагося въ цѣломъ мѣрѣ.

Въ Персіи провозглашенъ наслѣдникомъ престола старшій сынъ шаха, ребенокъ семи или осьми лѣтъ. Провозглашеніе было замедлено выборомъ счастливаго дня для церемоніи. Оно происходило съ большимъ торжествомъ.

Въ дополненіе къ новому закону, которымъ установлено равенство правъ между всѣми Персіянами, несмотря на различіе религій, шахъ принялъ еще другую важную мѣру. Онъ возобновилъ старинный обычай, прекратившійся три четверти вѣка тому назадъ. По этому обычаю всѣ персидскіе города имѣли у трона родъ представителей, называвшихся *секми* и *райя*, прокуроръ населенія. Потомокъ одного изъ этихъ прокуроровъ уже назначенъ въ эту должность. Другіе города то же получаютъ официальныхъ защитниковъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Прибытіе къ Дельги генерала Никольсона увеличило осаждающее войско до 11,000. Приступъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, назначенъ 20 августа. Генераль Гевлокъ снова прибылъ къ Лакнау, но прежде этого долженъ былъ снова взять Биссуръ, которымъ овладѣли 4,000 инсургентовъ, пришедшихъ изъ Сангора.

С М Ъ С Ъ

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Многое уноситъ время. Съ годами тупѣетъ впечатлительность, нѣтъ мѣста безотчетнымъ восторгамъ; смотришь на людей и на вещи какъ-то взыскательнѣе и холоднѣе, и сколько сладкихъ воспоминаній изглаживается при новыхъ столкновеніяхъ! Говорятъ, что съ лѣтами мѣняется человѣкъ; но не мѣняются ли также и цѣлыя общества? Въ чемъ сокрыта причина измѣненія — вотъ вопросъ.

Я оставилъ Парижъ передъ самою революціей. Столица кипѣла недовольствомъ, молодое поколѣніе волновалось, журналы подкапывали непрочное основаніе трона *льшанскаго* короля, ораторы громили народъ, на улицахъ показывались блузы... одинъ Гизо оставался покоенъ. Усыпленный король полагалъ, что буря пронесется мимо... Буря пронеслась, какъ извѣстно, увлекши и тронъ и королевство. Снова баррикады, трупы и кровь, снова республика; потомъ баррикады, трупы и кровь, снова имперія. Наконецъ все смыто, вычищено, влмощено — имперія и миръ, имперія и порядокъ. Десять лѣтъ прошло съ февральскихъ дней; всё, кажется, стали умнѣе, положительнѣе, а главное — практичнѣе. Итакъ: посмотримъ на нынѣшній Парижъ.

Оба раза я пріѣзжалъ въ Парижъ ночью, оба раза я былъ пораженъ блескомъ огней, ослѣпительнымъ блескомъ для глаза, непривыкшаго къ газу. Парижъ нынѣшній свѣтлѣе и чище Парижа пропедшаго. Цѣлые дома, цѣлыя вывѣски горятъ, окаймленные газовыми языками; на улицахъ вѣчное движеніе, вѣчная иллюминація. По бульварамъ до отеля я прошелъ пѣшкомъ; та же толпа, то же движеніе; размножились только разнаго рода магазины, кафе и рестораны.

Утромъ, лишь только опустилъ я кусокъ булки въ чашку попрежнему отвратительнаго чая съ жидкимъ химическимъ молокомъ, явился комиссіонеръ гостинницы, скучный, картавый и глухой. Онъ мнѣ пѣлъ о Русскихъ, жившихъ въ отелѣ, объ услугахъ, которыя оказывалъ моимъ соотечественникамъ, и такъ докучливо и назойливо предлагалъ и мнѣ свои услуги, что я принужденъ былъ его выслать... Или нервы мои слишкомъ разстроены, или обычаи французскихъ отелей измѣнились. Помнится, такія личности были принадлежностію итальянскихъ гостинницъ, и никогда не появлялись въ Па-

рижѣ. Наскоро одѣваюсь и спѣшу взглянуть на новый Парижъ, украшенный и значительно распространенный. Коляска ждетъ меня у подъѣзда. Кучеръ мрачнаго вида довольно грубо и отрывисто спрашиваетъ меня, куда ѣхать. Вотъ мы несемся по новому для меня городу, по новымъ улицамъ. Вотъ безконечная Риволийская улица, прямая и роскошная; вотъ и старая башня Свѣтакова, обнаженная, съ новою подставкой въ видѣ свода; около нея небольшой сквѣръ и тощая зелень, которую поливаютъ немилосердно. Направо и налево идетъ страшная ломка, сносятся цѣлые дома и пробиваютъ новую улицу. Хлопочуть о Севастопольскомъ бульварѣ, безъ котораго, изволите ли видѣть, Парижу и существовать невозможно; трудятся, спѣшатъ; на все назначены сроки. Горы мусору и пыль страшная. Ѣдемъ далѣе. Вотъ и Карусельская площадь, вотъ и новоотстроенный Лувръ. Оставляю экипажъ и иду пѣшкомъ черезъ дворъ, на которомъ некогда стояла конная статуя благороднаго герцога Орлеанскаго; статуя снята, а площадь украшена травосѣяніемъ.... Соединеніе двухъ большихъ дворцовъ представляетъ грандіозное зрѣлище. Новыя постройки раздавили старый Тюльери. Дворъ и сквѣры красивы и изящны. Сотни статуй говорятъ обо всемъ, что во Франціи было великаго и знаменитаго. Для строгаго любителя скульптуры, статуи можетъ-быть покажутся не совсѣмъ отчетливой работы, но когда же было отдѣлывать статуи? надо было спѣшить, Лувръ долженъ былъ поспѣть вовремя, и онъ поспѣлъ. Наконецъ мы на площади Согласія. Шумятъ и бьютъ громадныя фонтаны. Площадь та же, къ ней не пристроили ни будки; она попрежнему прекрасна. Въѣзжаемъ въ Елисейскія поля, измѣненныя и украшенныя. Налево подымаетъ свою хрустальную крышу тяжелое зданіе, именуемое Palais d'Industrie, съ граціозными фонтанами у входа. Съ одной стороны зданія, красуется конная статуя императора, мастерски посаженная на хорошо отлитаго коня. Направо рядъ новыхъ пѣвчихъ и непѣвчихъ кофейныхъ и театръ. За Тронною заставою, для путешественника, не видавшаго Парижа нѣсколько лѣтъ, открывается совершенно новый міръ. По прежнимъ пустырямъ проложено широкое и гладкое шоссе. По обѣимъ сторонамъ возникаютъ новые дома, дачи, виллы самой кокетливой, самой причудливой архитектуры. Вездѣ палисадники, чугуныя рѣшетки, стройка и ломка. Вотъ и Булонскій лѣсъ; но это не прежняя скромная роща, куда Парижане ѣздили и ходили подышать воздухомъ,—это роскошный и обширный пзръкъ съ широкими аллеями для экипажей, съ чистыми, опрятными тропинками для пѣшеходовъ. На вновь вырытомъ прудѣ бѣлѣются паруса красивыхъ лодочекъ. Насыпаны горы, надѣланы гроты, каскады, набросаны красивые и разнообразныя мостики. Все это выметено, вычищено и поливается безпрестанно подземными трубами, бьющими воду по всѣмъ направленіямъ. Свѣтло и свѣжо. Вялая зелень орошается иску-

ственно, тощая растительность поощряется искусствомъ. Повсюду виды, созданные искусствомъ. Но вотъ ворота. Надо платить 1 фр. за въѣздъ. Это заповѣдное мѣсто. Это Pré catelan, садъ внутри Булонскаго лѣса, съ дорожками, различными куртинами цвѣтовъ, съ кофейнями, бесѣдками, театрами, гдѣ по вечерамъ даются балы и праздники по 5 франковъ за входъ. Все ново, свѣжо, все отдѣлано съ замѣчательнымъ вкусомъ.

Но пора въ городъ; всего не осмотришь здѣсь и въ цѣлый мѣсяцъ. Шестой часть; длинная вереница экипажей тянется по направленію къ парку и отъ парка. Скромныя купе, извозничьи кареты, кабриолеты франтовъ, дорогия и массивныя коляски продажныхъ чей, съ ливрейными лакеями, все это перемѣшалось. Картина разнообразная.

Въ Café Anglais меня ждалъ уже особый номеръ, заказанный моими пріятелями. Здѣсь, какъ и въ отелѣ, меня поразила назойливая привязчивость прислуги. Съ перваго шага, лакей съ преважною и преблагообразною физиономіей началъ мнѣ навязывать сигары по 1 фр. за штуку и, наклонясь на ухо, предлагалъ еще разныя разности... Окончательно здѣсь нравы перемѣнились. Скромный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ обошелся намъ очень дорого. Цѣны были слѣдующія: жареная утка 15 франковъ, персикъ 2 фр. и проч., да еще въ счетѣ нашлись нѣкоторыя ошибки и недосмотры: поставленъ былъ двойной комплектъ кровати, и номеръ комнаты 15-й сочтенъ за 15 франковъ, по разсѣянности. Странно! прежніе Парижане мѣщанскаго королевства были гораздо аккуратнѣе.

Вечеръ моего дня я закончилъ Французскимъ театромъ. Въ душевной залѣ было много зрителей. Прекрасная комедія Скриба «Стаканъ воды» шла очень вяло. Игра актеровъ манерна и искусственна. Я не узнавалъ ни французскаго партера, ни французскихъ актеровъ.

Раздосадованный, я возвратился домой, заплативши за коляску 30 фран. и давши 2 франка на водку. Когда я всходилъ на лѣстницу, до моего слуха долетали упреки кучера, недовольнаго двумя франками. Въ прежнее время коляска стоила 20 франковъ, и за 1 фр. *rouge boige* говорили «спасибо».

Утро другаго дня началось опять появленіемъ комиссіонера и разными предложеніями съ его стороны всевозможныхъ услугъ, честныхъ и безчестныхъ. Одно знакомое мнѣ голландское семейство остановилось въ *hôtel de Louvre*. Ъду повидаться съ ними, а кстатіи и осмотрѣть пресловутую гостинницу, о которой я такъ много и читалъ и слышалъ. Справившись въ бюро, я тотчасъ же нахожу моихъ знакомыхъ, и мы вмѣстѣ начинаемъ осматривать знаменитый отель. Крытый стекломъ дворъ гостинницы чистъ и опрятенъ, въ воротахъ на правой сторонѣ помѣщается контора отеля, насупротивъ контора комиссіонерства. На дворѣ внизу, съ одной стороны, устроены ванны; съ другой, широкая и роскошная лѣстница ведетъ въ объѣденную

залу, въ кабинетъ для чтенія и въ номера, которыхъ считается до 800. Объединенная зала обширна и отделана съ роскошью, невиданною даже и въ Парижѣ. Гостинница содержится хорошо; но машина ея управленія слишкомъ уже сложна. Вотъ небольшой примѣръ. Мы рѣшились позавтракать и написали блюда завтрака. Лакей гостинницы тщательно списалъ копию съ нашей записки и ушелъ. Проходить полчаса, завтракъ не является... звонимъ! «Что же завтракъ?» — Я отдалъ въ контору копию. Чтобы понять это выраженіе надо знать, что здѣсь все идетъ по инстанціямъ. *Гарсонъ*, сдѣлавши копию съ письменнаго заказа, передаетъ ее въ контору; въ конторѣ записываютъ копию въ книгу и передаютъ ее повару; все это замедляетъ службу: это очень удобно для сведенія счетовъ, но выводить изъ терпѣнія самаго терпѣливаго изъ посѣтителей. За двѣ котлеты и зелѣнь мы заплатили 9 франк., что еще не дорого по нынѣшнимъ цѣнамъ. Холостые номера въ гостинницѣ отъ 10 до 15 фр., есть и дешевле; но это уже въ поднебесьѣ. Общій столъ въ 6 часовъ по 6 фр. съ персоны, неудобство общаго стола то, что онъ тянется слишкомъ долго; а для не живущихъ въ отелѣ этотъ общій столъ неудобенъ тѣмъ, что на него надобно записываться за день. Вообще въ *hôtel de Louvre* слишкомъ шумно; вы живете слишкомъ уже на улицѣ; и многія семейства спѣшатъ оставить это созданіе современной спекуляціи.

Изъ всѣхъ новыхъ построекъ меня особенно поразили рынки. Вотъ зданіе роскошное, разумное и полезное. Всѣмъ извѣстна историческая грязь парижскихъ рынковъ и ихъ зловоніе, распространявшееся на многіе кварталы. Новое зданіе рынковъ и громадно, и удобно. На высокихъ чугунныхъ колоннахъ лежитъ стеклянная кровля, покрывающая цѣлую площадь. Внутри крестомъ идетъ дорога, прорѣзывающая рынки. Асфальтовая мостовая и чугунныя рѣшетки отдѣляютъ сотни лавокъ, назначенныхъ для плодовъ, овощей, рыбы и проч. Все это подъ номерами, все это по отдѣленіямъ; подъ каждою лавочкой погребъ и большія окна, открывающіяся и закрывающіяся помощію блоковъ. Гранитъ, чугунъ и хрусталь, вотъ изъ чего сооружено зданіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ цѣлой Европѣ. Здѣсь видимъ разумную трату миллионновъ, — не одинъ наружный блескъ, но и внутреннюю пользу.

Обѣдалъ въ *café Voisin*, который мнѣ рекомендовали какъ не дорогой; цѣны очень высоки и здѣсь: половина жареной курицы стоятъ 6 фр., компотъ изъ грушъ 2 фр., и 3 фр. блюдо зелени. Всего дороже въ Парижѣ — прислуга. Во всѣхъ отеляхъ прислуга по франку въ день, да еще франкъ на прислугу вы тратите внѣ дома, что и составляетъ два франка, не считая порученій, изъ которыхъ каждое стоитъ франкъ. Рѣшительно не понимаю, какъ пробавляется теперь небогатое народонаселеніе многолюднаго города. Андраль

совѣтовалъ мнѣ питаться плодами; но это питаніе оказалось совершенно невозможнымъ по цѣнамъ на фрукты.

Не могу не разказать здѣсь моего знакомства съ одною знаменитостію въ области медицины. Въ обществѣ Французовъ зашелъ разговоръ о нервныхъ болѣзняхъ, и мнѣ, какъ страдающему нервами, достали рекомендательное письмо къ г. N. Въ три часа отправляюсь въ Латинскій кварталъ. «Дома г. N?» — Пожалуйте въ приемную залу, отвѣчаетъ ловкій лакей, суя мнѣ въ руку нумеръ: то былъ 18 нумеръ. Вхожу въ приемную залу. Тишина страшная, человекъ пятнадцать разнаго пола и возраста сидятъ, едва смѣя дышать, въ ожиданіи очереди... Проходитъ часть, другой, третій. Посѣтители рѣдѣютъ; но очередь до меня не доходитъ. Бьетъ шесть часовъ.— Приходите завтра, говоритъ мнѣ знаменитость. Удаляюсь съ сокрушеніемъ сердечнымъ, потерявши утро. За 5 франковъ покупаю себѣ у лакея 4-й нумеръ, и на слѣдующій день достигаю до кабинета знаменитаго доктора. Онъ говоритъ со мною не долго, очень не долго, беретъ 20 франковъ и приглашаетъ меня на слѣдующій день. Три утра теряю я въ смиренномъ сидѣніи у дверей кабинета, плачу по 20 франковъ и не узнаю рѣшительно ничего о моей болѣзни. При разставаніи слышу вѣчно: «приходите завтра». Разумѣется я болѣе не возвращаюсь. Какъ быть! а все вѣдь оттого, что дорога говядина. Какъ мѣняютъ людей—цѣны на съѣстные припасы!

Изъ парижскихъ комиковъ, которыхъ мнѣ не случилось прежде видѣть, назову Прадо. Онъ играетъ фарсы, часто препошлые, но преуморительные. Никакое хладнокровіе не устоитъ передъ этою красною круглою фигурой, то одѣтою жрецомъ, то порхающею амуромъ, то плачущею, то смѣющеюся. Въ игрѣ его бездна веселости самой сообщительной и живой. Нѣсколько разъ я предпочиталъ его куплеты классическимъ комедіямъ, разыграннымъ щепетильною посредственностію и только доказывающими слишкомъ очевидную истину, что драматическое искусство во Франціи падаетъ, какъ и вездѣ въ Европѣ. Прежніе знаменитые таланты Франціи сходять со сцены, или умираютъ, новые появляются туго... Публика становится равнодушнѣе къ иллюзіямъ сцены. Меркантильные вопросы овладѣли умами и всосались въ кровь. Все занято биржевыми спекуляціями, все толпится въ Place de la Bourse; поздніе обѣды измѣнили образъ жизни. Парижанинъ являлся въ театръ въ девятomъ часу, ко второму, къ третьему акту піесы, усталый, не способный восхищаться тѣмъ или другимъ талантомъ. Партеръ, изъ постоянного и строгаго судьи, сдѣлался случайно публикой, собранною съ разныхъ концовъ Европы. Въ литературѣ тотъ же застой. Лучшіе таланты Франціи вымираютъ, кто въ изгнаніи, кто дома, окруженные сердобольною полиціей и ея безчисленными агентами. Молодые таланты мельчаютъ. Публика становится равнодушнѣе и равнодушнѣе. При мнѣ если что

и пробуждало какой-либо интересъ, то это будущая книга Гизо, дѣтеля прежней эпохи. Въ обществѣ слышишь иногда разговоры о политикѣ, и очень рѣдко о литературѣ. Мнѣ сказывали, что лекціи въ Сорбонѣ прошлый семестръ посѣщались большею частію лишь иностранцами. Молодое французское поколѣніе охотно идетъ въ военную службу, рано бросается въ торговыя операціи, наживается, банкротится, и принимается вновь за разнаго рода спекуляціи, позволительныя и непозволительныя. Все торгуется, плутуетъ и живетъ барышомъ, или мечтою о барышѣ. Парижъ — это европейскій рынокъ, гдѣ часто продается и то, что должно было бы оставаться неподкупнымъ и непродажнымъ. На улицахъ, на прогулкахъ, въ театральныя фойе, въ гостинницахъ, вы встрѣчаетесь съ обществомъ, счастливо названнымъ *demi-monde*; честнаго общества почти не видишь; лучшіе экипажи, лучшіе отели, лучшій туалетъ выпалъ на долю продажныхъ женщинъ, прокатывающихъ свое безстыдство съ рѣдкою самоувѣренностію.

Какъ измѣнился Парижъ! «Какъ измѣнился Парижъ», повторяла мнѣ часто добрая хозяйка дома, гдѣ я жилъ. Для человѣка, который давно не видалъ Парижа, это совершенно новый городъ и новый міръ.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ объ одномъ господинѣ, желающемъ видѣть меня. Принимаю. «Купите у меня право на орденъ мальтійскаго кавалера?» — Помилуйте за кого вы меня принимаете? «Красивый орденъ, эффектная ленточка. Вотъ взгляните и патентъ. Возьму не дорого, двѣ тысячи франковъ. Знаете, въ Парижѣ не ловко ходить безъ ленточки; нынче всѣ съ ленточкой, всѣ *порядочные люди*.» Парижъ ли это?

Ночные праздники въ *Pré catelan* очень милы; садъ просторенъ и освѣщенъ съ большимъ вкусомъ; публика, наполняющая его аллеи, все почти иностранная. Иногда сердце ваше вздрогнетъ, услышавши родные звуки, въ родѣ слѣдующихъ: «Палагея Иванна, Палагея Иванна, а вѣдь хорошо, право, хорошо...» Небольшой театръ сада устроенъ премило. Живописная декорация изъ живой зелени; занавѣса изъ цвѣтовъ, балконы, окаймленные зеленью и цвѣтами и освѣщенные газовыми лампами, представляютъ картину очень пріятную для глаза. Комическій балетъ плохъ донельзя. Въ одиннадцать часовъ вечера сожигается фейерверкъ, и садъ освѣщается различными бенгальскими огнями. *Pré catelan* убилъ и Мабиль, и Шато де-Флеръ. Зданіе зимняго сада ломаютъ. Перейръ купилъ его для какихъ-то новыхъ и болѣе выгодныхъ спекуляцій.

Къ числу уличныхъ новостей надо причислить и стеклянныя будочки на бульварахъ для продажи газетъ. По бульварамъ, и по угламъ улицъ, выходящимъ на бульвары, поставлены небольшія будочки, со столикомъ и стуломъ, на которомъ дремлетъ продавецъ газетъ. На

одной сторонѣ матовыхъ стеколъ изображены названія журналовъ, на другой устроено окно, въ которое вы получаете номеръ той или другой газеты. Это удобно и красиво; но увы! предвѣщаетъ недоброе. Блаженной памяти *Эпоха* продавалась тоже ливрейными служителями, съ разноцвѣтными вертящимися фонарями, за два мѣсяца до ея кончины. Когда прибѣгаютъ къ фокусамъ, значитъ, дѣло плохо.

Выставка изящныхъ искусствъ, помѣщавшаяся въ Palais d'Industrie, удивила меня пустотою своихъ обширныхъ залъ. Впрочемъ, это были послѣдніе дни выставкѣ, и весь Парижъ имѣлъ уже время осмотрѣть ее въ подробности. Миновавши разные корридоры и стояла для выставкѣ скота, я очутился на просторномъ дворѣ, съ фонтанами и статуями. Средина двора занята газономъ, на сохраненіе котораго обращено все вниманіе бдительной полиціи. Поднимаюсь на верхъ; на концѣ лѣстницы устроены буфеты, съ прохладительными напитками и пирожками. Масса картинъ очень велика; но порядка на выставкѣ нѣтъ, все дурно размѣщено и дурно расположено. Замѣчательныхъ произведеній мало. Большія картины принадлежатъ или къ батальной живописи, или изображаютъ императора въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, на концѣ, пѣшимъ, при приѣмѣ английской королевы и пр. Группы разнообразныхъ лицъ собираются около взятія «Малахова кургана», лучшей картины по движенію, и около другихъ подобнаго содержанія картинъ. Многіе изъ эпизодовъ крымской кампаніи слабы и плохи донельзя; ну да вѣдь это дѣло спекуляціи! Странно было бы смотрѣть на нихъ какъ на искусство. Картины учениковъ Энгра, духовнаго содержанія, замѣчательно хороши. Только эти однѣ картины удержала моя память. Я былъ на выставкѣ только два раза и осмотрѣлъ всѣ залы наскоро. При внимательномъ осмотрѣ можетъ-быть нашлось бы и еще кое-что, о чемъ можно было бы поговорить. Въ нижнихъ залахъ, при выходѣ, продавались нѣкоторыя произведенія мелкой парижской промышленности: картонажи, портмоне и пр. Всѣ эти произведенія отличались и дешевизною, и изяществомъ. Тутъ же помѣщался кафе-ресторанъ.

За день до моего отъѣзда, вѣзжая на rue de la Paix, я былъ остановленъ полицейскимъ комиссаромъ. «Что это значитъ?» — Стойте, императоръ сейчасъ проѣдетъ. Черезъ нѣсколько минутъ промчалась мимо меня золотая коляска. За коляской слѣдовали еще два экипажа, сопровождавшіе императора до лагеря.

Но не пора ли кончить мое письмо? Я разбитъ и утомленъ отъ этой уличной жизни. Прощай, Парижъ! прощай, Франція. Прощайте надолго!

М. Кузлицкій.

1-го сентября
1857 года.

ПИСЬМО ИЗЪ НИЖНЯГО.

... Не запомнимъ мы такой ярмарки, говорятъ самыя исконныя посѣтители наши, да и не бывало ея. А что же, хорошо торговали? Это дѣло само по себѣ; торговали хорошо, остались довольны и продавцы и покупатели; на 50 коп. съ рубля лучше прошлогодняго торговали и всякій товаръ ушелъ безъ остатку; это само по себѣ, — да хороша была ярмарка, не въ примѣръ всѣмъ годамъ, тѣмъ, что все чинно шло, смирно и спокойно. Ни обидъ, ни самоуправства, ни прижимокъ; не говоря о томъ, что никого съ насиженнаго мѣста, по происканью другаго, не сгоняли; въ торговое дѣло никто безъ надобности не путался, да и на поборы посягали только изрѣдка, украдкою и робко; даже казаки не дрались нагайками, полиція никого не толкала взащей, а на мосту, подъ предлогомъ скорой ѣзды, никого не захватывали и не обирали. А все оттого, что доступъ былъ къ начальнику (1) во всякій день и часъ; объявленія печатныя прибиты были, что просителю дверь открыта и въ праздникъ, и въ будень, и во всякое время дня и ночи; вотъ обидчики наши и присмирѣли. Бывало — да Богъ съ ними! бывалаго поминать не станемъ, а поблагодаримъ Бога и Царя за то, что есть. Я говорю правду и мнѣ схватать не дадутъ: гдѣ бываетъ съѣздъ въ сотни тысячъ народу, тамъ огласки не минуетъ; купечество разъѣхалось отсюда по пяти стамъ городамъ, спросите каждаго на мѣстѣ, схватать не дадутъ.

За то любовно встрѣчало и провожало купечество, на каждомъ шагу того, кому всѣмъ этимъ обязано. Его и сѣдые старички называютъ дѣдушкой, уважаютъ и слушаются во всемъ, какъ внучата. Но приказаній безразсудныхъ и самолюбивыхъ не было; мы ни разу не слышали: «я такъ хочу, я тебѣ законъ», а слышали только слова кротости, голосъ любви и разсудка, доброжелательства и правды; не судилъ дѣлъ нашихъ ничей кривосудъ, а собиралась, гдѣ было нужно, дума, изъ почетнаго купечества, обсуживала дѣло и подписывала рѣшеніе въ одинъ голосъ.

Видя недостатокъ въ пожарныхъ средствахъ ярмарки, и видя, что при такомъ управленіи не растащатъ денегъ во всѣ стороны, а всякая копѣйка пойдетъ въ свое мѣсто и дѣло, купечество постановило: дать 25 т. р. на устройство пожарной части, да по 12 т. р. ежегодно, для поддержки; собрать 5 т. на постройку башни съ часами, и собрало тотчасъ, вмѣсто пяти, шесть тысячъ; положило выстроить на устьѣ желѣзной дороги, которую обѣщаютъ намъ скоро, ярмарочную гостинницу на 400 жильцовъ, со всѣми удобствами, чтобы

(1) Начальникъ губерніи А. Н. Муравьевъ.

избавиться отъ Кунавинскихъ песьихъ конуръ, грязи и мародерства; словомъ, каждому на умъ пошло одно нужное, доброе и разумное, и готовность ко всякой жертвѣ для общаго блага обуяла всѣхъ.

Когда все это кончилось, и людская волна быстро разлилась съ ярмарки во всѣ концы, нескончаемые обозы потянулись по всѣмъ дорогамъ, лодки и расшивы поплыли, пароходы съ подчалками запыхтѣли, то почетное купечество собралось до отъезда у того, кому оно обязано такою ровною и спокойною ярмаркой, и благодарило его такими словами:

«Примите благодарность отъ русскихъ купцовъ.

«Мы видѣли, съ какою заботою вы печетесь объ насъ, какъ входите въ нужды наши, стараясь устранить всѣ неудобства, встрѣчаемыя ярмарочною торговлей, вы бесѣдовали съ нами, не какъ начальникъ, посланный управлять нами, а какъ равный намъ гражданинъ, который совѣтуется о нуждахъ русской торговли и промышленности. Бесѣды ваши принесутъ намъ существенную пользу; да пошлетъ вамъ Богъ многія лѣта и добросовѣстныхъ помощниковъ на столь доблестное управленіе губерніей и ярмаркой.

«Государю Императору вы извѣстны, Его не удивитъ наша благодарность, если она до него дойдетъ; вы же сами лучше всѣхъ знаете, что она приносится вамъ не по заказу, а отъ избытка благодарныхъ чувствъ. Но всѣ распоряженія и дѣйствія нижегородскихъ губернаторовъ, во время ярмарки, быстро разлетаются по всей Россіи; вѣсти о томъ, что и какъ было на ярмаркѣ, разносятся по всѣмъ почтовымъ и торговымъ путямъ; поэтому благодарность наша повторится во всѣхъ концахъ Россіи; Русскій народъ порадуется благодарительному направленію нашего правительства и отъ глубины души испроситъ благословенія добросовѣстному и благодарному исполнителю его.»

С. К.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ БАТКОВА и Б^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга I, изд. 2-е. Москва, 1857. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже книга II, изд. 2-е. М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже кн. IV. М. 1854. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже кн. V. М. 1856 г. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Прим. Книга 3-я «Пропилеевъ» выйдетъ 2-мъ изданіемъ въ непродолжительномъ времени.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Кудрявцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. с.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

ЧТО ДУМАЕТЪ И ГАДАЕТЪ ИТАЛІЯ О СВОЕМЪ БУДУЩЕМЪ.

Delle eventualità italiane. Considerazioni politiche. Bastia, 1856. — L'Italia possibile. Opera postuma di Livio Mariani. Torino, 1857. — Orazione in ricordanza de'morti toscani a Curtatone e Montanara, di F. D. Guerrazzi. Torino, 1857.

(Окончаніе. См. № 18.)

Вопреки австрійской политикѣ, которая не хочетъ видѣть въ Италіи ничего болѣе, кромѣ «географическаго выраженія» (1), италіянскіе патріоты разныхъ странъ не перестаютъ очень серьезно думать о «единствѣ» своего общаго отечества. Италія для нихъ не есть только собраніе отдѣльныхъ государствъ съ разными титулами, но и органическое цѣлое, котораго части связаны между собою единствомъ страны, языка, вѣры, народности. До сихъ поръ этой мысли не доставало только опредѣленной политической формы; но именно отсюда они и выводятъ для себя обязанность озаботиться ея пріисканіемъ и осуществленіемъ на самомъ дѣлѣ, ибо безъ нея самое единство народности не имѣло бы за себя никакой прочной гарантіи. Потому это стремленіе было уже душою событій 1848 года. Если Сардинія не хотѣла прямо выговорить его прежде времени, то тѣмъ не менѣе он лежало въ основаніяхъ ея политики, а въ манифестахъ Римской республики нашло себѣ даже очень ясное выраженіе. Оно служило главнымъ мотивомъ для извѣстнаго тосканскаго предложенія о «всеобщемъ постановительномъ собраніи». Наконецъ оно еще дѣйствительнѣе выразилось въ общихъ усиліяхъ всей Италіи (хотя не во всѣхъ частяхъ ея одинаково искренно) для защиты Ломбардіи и Венеціи противъ Австріи. По тому же самому сепаратныя стремленія Сициліи, искавшей совершеннаго отдѣленія отъ Неаполя, въ свое время не находили себѣ сочувствія въ Италіи, и до сихъ поръ составляютъ въ ней предметъ сильныхъ нареканій. вмѣстѣ съ движеніемъ пали и всѣ незрѣлыя попытки осуществленія италіянскаго единства, но самая идея пережила ихъ и въ настоящее время находится въ томъ періодѣ своего развитія, который можно назвать сознательнымъ, ибо, вырабатываясь больше и больше внутри народнаго сознанія, въ немъ ищетъ себѣ новыхъ, болѣе крѣпкихъ опоръ для предстоящей борьбы въ будущемъ.

Въ идеяхъ Данта мысль объ италіянскомъ единствѣ сливалась съ мыслию о всемірной монархіи. Въ наше время тотъ же самый идеаль

(1) Извѣстное слово Меттерниха.

облекается въ другія формы, смотря по различнымъ воззрѣніямъ партій. Каждая изъ нихъ выставляетъ свое собственное знамя и хочетъ единства Италіи такъ-сказать на свой образецъ. Любопытно теперь видѣть, какъ рѣшаетъ между ними теорія. Для нея естественно вопросъ состоитъ не въ идеальной чистотѣ формы, а въ приложимости ея къ италіанской дѣйствительности и въ тѣхъ удобствахъ, которыя она представляетъ для достиженія главной цѣли. Съ этой точки зрѣнія приведенные нами публицисты пересматриваютъ важнѣйшія политическія мнѣнія, въ которыхъ выражается стремленіе Италіи къ единству, и взвѣшиваютъ выгодныя и невыгодныя стороны каждаго изъ нихъ. Такой пересмотръ намъ кажется тѣмъ менѣе лишнимъ, что изъ него лучше можно видѣть, въ какой степени Италія способна воспользоваться уроками своего прошедшаго.

Республиканская партія первая предъявляетъ свои права на то, чтобы руководить Италіею въ стремленіи ея къ единству. Съ перваго взгляда въ самомъ дѣлѣ могло бы показаться, что одно понятіе необходимо предполагаетъ другое. Самая противоположность съ существующимъ политическимъ раздробленіемъ и настоящими его формами повидимому ведетъ къ той же мысли. Поэтому, когда въ 1848 году провозглашена была Римская республика, сочувствіе къ ней не ограничилось одними римскими владѣніями, ибо многіе въ Италіи думали видѣть въ ней зародышъ будущаго единства своей страны. Но послѣ того, событія и размышленія охладили жаръ самихъ республиканцевъ. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи признанія одного изъ нихъ, который самъ былъ дѣятельнымъ членомъ временнаго римскаго правительства и до конца остался вѣренъ своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ. Пока дѣло идетъ только объ идеѣ республики, Маріани не находитъ для нея другихъ эпитетовъ, кромѣ хвалебныхъ: *idea bellissima, gratissima* и пр. Сейчасъ видно, что въ его собственной жизни она играла очень важную роль и навсегда сраслась съ его понятіями. Но тонъ публициста тотчасъ мѣняется, какъ только заходитъ рѣчь о приложеніи ея на дѣлѣ, объ осуществленіи ея въ предѣлахъ италіанскаго полуострова. Онъ нисколько не ослѣпленъ насчетъ мнимыхъ выгодъ своей любимой идеи, онъ, напротивъ, совершенно ясно видитъ ея непрактичность во всѣхъ отношеніяхъ. Ставя идеалъ Италіи «единой и подъ республиканскою формою», онъ вслѣдъ затѣмъ самъ же объявляетъ его невозможнымъ. Къ осуществленію его могли бы вести два пути: или республика была бы предписана Италіи силою, введена торжествующею партіею насильственно, или принята по добровольному рѣшенію народа. Нѣтъ нужды разсуждать о трудностяхъ и несообразностяхъ перваго средства; но и второе нисколько не кажется нашему публицисту вѣроятнымъ: «ибо въ такомъ случаѣ италіанскій народъ, справедливо замѣчаетъ онъ, долженъ былъ бы отречься за разъ и отъ своихъ инте-

ресовъ, и отъ своихъ страстей, и отъ своей исторіи, и разрушая до основанія то, что есть, созидать вновь нѣчто несуществующее» (стр. 149).

Существованіе республиканской партіи въ разныхъ частяхъ Италіи, по мнѣнію Маріани, рѣшительно ничего не доказываетъ. «Политика, господствующая въ Неаполѣ, Римѣ и Флоренціи, продолжаетъ онъ, безспорно много содѣйствовала къ тому, чтобы увеличить силы этой партіи; но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что большинство народонаселенія, сельскія массы въ Италіи хотятъ республики, или хотъ понимаютъ смыслъ ея. Конечно въ пользу Римской республики много говоритъ тотъ фактъ, что сельское народонаселеніе Римской области не было противъ нея; но воображать, что италіянскіе поселяне готовы взяться за оружіе, чтобы основать республику, есть сущая химера и глупость, которая ведетъ прямо къ смѣшному. Хотя я самъ республиканецъ, но еслибы какимъ ни есть случаемъ мнѣ довелось быть депутатомъ въ Піемонтѣ или въ Неаполѣ, никогда бы не поддлъ я голоса въ пользу республики, потому что это значило бы хотѣть навязать странѣ такую форму правленія, которой она вовсе не желаетъ для себя.» (Стр. 150.) Сомнительнымъ кажется автору, чтобы даже тѣ, которые стояли во главѣ республиканской партіи въ 1848 году, сами много вѣрили въ предполагаемую тѣсную связь между единствомъ и республикою. «Не ограничились же они, говоритъ Маріани, одною республикою, а предполагали учредить три: Венеціанскую, Римскую и Тосканскую; хотъ и была рѣчь о соединеніи двухъ послѣднихъ, однако они не умѣли сдѣлать и того, а о присоединеніи Венеціанской вовсе не было и мысли. Еслибы думали объ единствѣ, въ Римѣ слѣдовало бы говорить объ Италіанской республикѣ, а не Римской. Довольно уже было удержать за послѣднюю это славное имя, чтобы тѣмъ самымъ рѣшить вопросъ въ пользу федераціи.» (Стр. 152.) Наконецъ, допуская почти невозможное, что какими ни есть судьбами Италія превратилась бы въ унитарную республику, онъ однако увѣренъ, что она не продержалась бы болѣе одного года, потому что самымъ фактомъ своего существованія породила бы новыя раздѣленія, которыхъ конечный результатъ можетъ быть понятенъ всякому (стр. 148).

Партія, о которой идетъ рѣчь, могла бы взять для себя нѣсколько полезныхъ уроковъ изъ этихъ признаній, принадлежащихъ одному изъ дѣятельныхъ ея сочленовъ. Что признанія его вполне искренни, можно судить ужъ по тому, что онъ до сихъ поръ стоитъ за республиканскую форму, но только въ Римскихъ владѣніяхъ, на томъ основаніи, что въ случаѣ отмѣны клерикальнаго правленія имъ не осталось бы другаго выбора. Въ этомъ расходится онъ съ другимъ публицистомъ, соглашаясь съ нимъ впрочемъ въ необходимости соединенія одной части Римскихъ владѣній съ Тосканою, для обра-

ванія изъ нихъ одного политическаго цѣлаго. Впрочемъ мы напрасно говоримъ объ урокахъ для извѣстной партіи: по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ предводителяхъ она оказывается неисправима, хотя событія чутъ не каждаго года приносятъ ей новое обличеніе.

Почти не нужно говорить, что въ брошюрѣ безыменнаго автора дано еще меньше мѣста вопросу объ унитарной республикѣ. Хотѣтъ утвердить въ Италіи республиканское правленіе, торжествуя въ одно и то же время надъ внутренними и вѣшними препятствіями, говорить онъ, есть такое химерическое предпріятіе, что о немъ не стоить и разсуждать. Въ одномъ только случаѣ, по его мнѣнію, партія могла бы разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ: но возможность этого случая кажется ему болѣе чѣмъ сомнительною, въ ближайшемъ будущемъ. Онъ беретъ дѣйствія итальянской партіи въ связи съ ходомъ событій въ цѣлой Европѣ и разсуждаетъ такъ: «Первая безспорно получила бы важное значеніе и полное право на вниманіе, особенно въ глазахъ тѣхъ, которые, мало заботясь о правительственной формѣ, выше всего ставятъ вопросъ о національной независимости, когда бы наприимѣръ республиканскій порядокъ твердо установился во Франціи и расположилъ бы въ свою пользу общее мнѣніе въ Европѣ; но какъ этого не случилось до сихъ поръ, да едва ли и будетъ когда-нибудь, то мадзинистская партія, упорствующая въ своихъ намѣреніяхъ и нисколько не показывающая доброй воли воздержаться отъ своихъ усилій, становится только новымъ препятствіемъ для возрожденія Италіи,» и пр. (Стр. 88—89.) Эти строки писаны въ 1856 году, если еще не ранѣе, и потому можетъ-быть, мысль автора о неизмѣняемости порядка вещей во Франціи выразилась болѣе рѣзко, чѣмъ бы слѣдовало. Последніе выборы, происходившіе во Франціи, показали ясно, что въ ней возможны впредь только двѣ партіи,—бонапартистская и республиканская, и если въ настоящее время господствуетъ одна изъ нихъ, то это вовсе не исключаетъ возможности перевѣса другой въ будущемъ. Но авторъ совершенно правъ въ томъ отношеніи, что не придаетъ своей домашней партіи извѣстнаго цвѣта другаго значенія, кромѣ того, которое она получаетъ по связи своей съ европейскою, или точнѣе сказать съ французскою того же характера.

Конфедерация есть вторая политическая форма, представляющаяся итальянскимъ политикамъ, которые мечтаютъ о томъ, чтобы привести къ нѣкоторому единству разрозненные интересы своего общаго отечества. Само собою разумѣется, что предложеніе конфедеративной формы идетъ не отъ крайнихъ партій. Она составляетъ любимую мечту болѣе умѣренныхъ итальянскихъ патріотовъ, которые, чувствуя всю необходимость реформъ и настоятельно требуя ихъ для Италіи, не хотятъ впрочемъ вести ихъ въ разрѣзъ ни съ историческими преданіями страны, ни съ требованіями общеевропейской политики: два

условія одинаковой важности для всякаго, кто только не хочет впасть въ безплодное мечтаніе и желаетъ сохранить твердую почву подъ ногами при самыхъ смѣлыхъ предположеніяхъ. Съ исторической точки зрѣнія въ самомъ дѣлѣ ничто лучше нейдетъ къ Италіи, какъ конфедеративная форма. Она, во первыхъ, избавляетъ страну отъ крутаго и насильственнаго переворота внутри: ибо не возможно думать—безъ страшнаго потрясенія создать единство, гдѣ все предшествующее развитіе многихъ вѣковъ направлено было къ противоположному результату. Исторія также имѣетъ свои права, и легкомысленно пренебрегать ими для новыхъ комбинацій значитъ обидать въ себѣ умственную незрѣлость. Повторныхъ, изъ возможныхъ формъ политическаго единства конфедеративная есть та, которая наименѣе можетъ возбудить опасеній въ Европѣ и встрѣтить съ ея стороны противорѣчіе. Наконецъ федеративный союзъ, избавляя Италію отъ необходимости пожертвовать разнообразіемъ своихъ политическихъ и гражданскихъ формъ въ пользу одного центрального учрежденія, именно связалъ бы матеріальные интересы разныхъ частей ея, и безъ сомнѣнія, нашелъ бы въ себѣ гораздо болѣе дѣйствительныя средства для поддержанія народнаго достоинства, чести и независимости, чѣмъ какихъ можно ожидать отъ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, дѣйствующихъ порознь и часто въ совершенномъ противорѣчій другъ съ другомъ.

Неудивительно поэтому, что люди свободнаго, но въ то же время умѣреннаго образа мыслей держатъ сторону федераціи. Сюда принадлежитъ и нашъ безыменный публицистъ, вездѣ старающийся согласить свои виды съ историческими условіями страны. Но еще замѣчательнѣе, что въ пользу того же политическаго мнѣнія слышатся голоса изъ республиканскаго лагеря. Всякій, для кого только не пропали даромъ уроки опыта, видитъ, что въ настоящемъ состояніи Италіи было бы крайне непослѣдовательно, и потому безразсудно простираетъ патріотическія желанія далѣе федеративной формы. Такъ думаетъ, между прочимъ, авторъ «Возможной Италіи». «При существующихъ условіяхъ, говоритъ онъ, Италія легко могла бы высвиться на степень націи посредствомъ федеративнаго союза (confederazione), который также послужилъ бы для нея и лучшимъ приготовленіемъ къ высшему единству, возможному, впрочемъ, лишь въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Эту форму политическаго единства мы считаемъ гораздо болѣе удобною для Италіи какъ по отношенію къ интересамъ мѣстныхъ владѣтелей, такъ и во вниманіи къ требованіямъ иностранныхъ державъ» (стр. 166). Вслѣдъ затѣмъ, чтобы читатель лучше могъ видѣть сообразность федеративныхъ стремленийъ съ видами европейской политики, авторъ приводитъ нѣсколько проектовъ итальянской федераціи, возникавшихъ въ послѣдніе годы въ кругу европейскихъ дипломатовъ. Такъ въ 1852 году, по словамъ

политическихъ журналовъ, мысль объ итальянской конфедерациі подъ предѣдательствомъ папы, впрочемъ только въ качествѣ духовнаго главы, много занимала президента Французской республики. Въ томъ же году была сверхъ того рѣчь объ итальянской лигѣ между нѣсколькими европейскими дипломатами, собравшимися въ Неаполѣ, при чемъ предполагалось ограничиться на первый разъ Неаполемъ, Римомъ и Тосканою. Но всего любопытнѣе слѣдующій приводимый тѣмъ же авторомъ отрывокъ изъ депеши, которую Рускони, бывшій министромъ Римской республики, писалъ своему правительству изъ Лондона, куда онъ былъ отправленъ по особенному порученію. «Не могу скрыть отъ васъ, что здѣшніе государственные люди не хотятъ потерпѣть республики въ самомъ сердцѣ Италіи; планъ же, наиболѣе возбуждающій ихъ сочувствіе, состоитъ въ томъ, чтобы соединить Римскія владѣнія съ Тосканою, такъ что Флоренція была бы центромъ административнымъ и политическимъ, а Римъ—религиознымъ. Находящійся здѣсь австрійскій посланникъ также склоняется въ пользу этой мысли, имѣя въ виду тѣ выгоды, которыя исполненіе ея принесло бы Лотарингскому (то-есть Тосканскому) дому. По причинамъ весьма понятнымъ, я, разумѣется, долженъ былъ отклонить отъ себя это предложеніе (1); но послѣ того, что я слышалъ, можно ли еще сомнѣваться, что, еслибы мысль о соединеніи осуществилась на дѣлѣ, дипломатія не затруднилась бы много его признаніемъ!»

Мысль, хотя можетъ-быть и временная только, государственныхъ людей Англіи, какъ она передана въ депешѣ Рускони, приводитъ насъ къ послѣднему замѣчательному проекту большой внутренней реформы, занимающему въ настоящее время итальянскихъ публицистовъ-теоретиковъ. Никто конечно не подумаетъ, чтобы говоря о Флоренціи, они ограничивали свои виды лишь установленіемъ нѣкотораго рода солидарности между всѣми существующими правительствами Италіи. Чтобы федерація дѣйствительно представляла собою интересы страны и народа, а не служила лишь новою опорой для эгоистическихъ стремленій, необходимо требуется, во-первыхъ, чтобы она учреждена была на основаніяхъ болѣе популярныхъ, чѣмъ тѣ, какія даны настоящимъ политическимъ состояніемъ Италіи, и чтобы нѣкоторыя существенныя перемѣны произведены были въ самомъ распредѣленіи итальянской территоріи. Относительно перваго пункта безыменный публицистъ полагаетъ необходимымъ условіемъ введенія по всѣмъ частямъ Италіи, по примѣру Пьемонта, новыхъ политическихъ учреждений, болѣе сообразныхъ съ духомъ времени, вмѣстѣ съ разными улучшениями административными. Онъ входитъ во всѣ подробности этого предмета и посвящаетъ ему цѣлую особую главу (стр. 110—133). Съ своей стороны

(1) То-есть какъ посланникъ республики.

мы считаемъ излишнимъ слѣдовать за нимъ въ этой части его изслѣдованія, полагая примѣръ Пиемонта совершенно достаточнымъ, чтобъ оправдать требованіе внутреннихъ улучшеній по его образцу и въ другихъ государствахъ Италіи. Иначе что бы значило процвѣтаніе Пиемонта съ одной стороны и то глухое, но почти непрерывное внутреннее броженіе, которое держитъ въ постоянномъ страхѣ правительства другихъ итальянскихъ областей и заставляетъ ихъ искать опоры или въ наемныхъ преторіанцахъ, или въ чужеземной помощи, столько ненавистной народонаселенію?

Другая часть задачи рѣшается довольно смѣлымъ предположеніемъ особеннаго рода. Выгоды самой федераціи требуютъ, чтобъ она состояла изъ немногихъ, но по возможности равносильныхъ между собою членовъ. Германія лучше всего можетъ служить примѣромъ, до какой жалкой роли могутъ быть низведены не только третестепенные, но иногда даже второстепенные члены, соединенные въ одной конфедераціи съ первостепенными. Къ тому же въ Италіи до сихъ поръ уцѣляли остатки феодальныхъ помѣстныхъ правъ, которыя, хотя также присвоили себѣ государственную форму, не представляютъ впрочемъ собою ни силы и никакихъ мѣстныхъ интересовъ и ждуть только новыхъ большихъ движеній, чтобы сдѣять занимаемые ими посты въ другія руки. Чего напримѣръ можетъ ожидать федерація отъ такихъ членовъ, какъ Парма, или Модена? Съ другой стороны, предположивъ эманципацію Ломбардіи съ помощію сосѣдственнаго Пиемонта, нѣтъ никакой нужды раздѣлять ихъ и въ послѣдующемъ политическомъ существованіи. Только въ соединеніи съ Пиемонтомъ Ломбардія могла бы еще составить довольно твердый оплотъ противъ опасности возобновленія австрійскихъ притязаній. Наконецъ читателю извѣстны уже виды итальянскихъ патриотовъ на соединеніе Рима съ Тосканою. Отсюда образуется новый планъ *тройственнаго* политическаго раздѣленія Италіи, на Сѣверную или Верхнюю, Среднюю и Южную.

И здѣсь опять нельзя не замѣтить поразительнаго сходства въ главныхъ выводахъ у людей, принадлежащихъ по своимъ кореннымъ убѣжденіямъ къ различнымъ партіямъ. Къ чему одни приведены были самою послѣдовательностію мысли, другіе подошли къ тому же съ иной стороны, идя путемъ тяжелаго опыта и благоразумно пользуясь уроками прошедшаго. Изъ нашихъ публицистовъ первый особенно входитъ въ подробности вопроса. Онъ перебираетъ всѣ возможные планы политическаго переустройства Италіи, ея единства, двойственности, и наконецъ тройственнаго раздѣленія, и останавливается на послѣднемъ, находя его болѣе практическимъ, сравнительно съ другими, и представляющимъ наилучшія условія для составленія прочной федераціи. Итакъ, по мнѣнію автора, Италія много выиграла бы и во внѣшней силѣ и во внутреннемъ своемъ благоустройствѣ, еслибы

нынѣшній довольно сложный составъ ея могъ быть приведенъ только къ тремъ независимымъ территориямъ, каждая съ своею особенною правительственною властію и своимъ политическимъ центромъ. Пьемонтъ, въ соединеніи съ Ломбардіею и Венеціанскою областію, составилъ бы одно сильное государство Верхней Италіи, къ которому примкнули бы Пармское и Моденское герцогства. Миланъ, лежащій въ средоточіи всѣхъ этихъ областей, былъ бы ихъ общою столицею. По тому же плану, элементы значительнаго государства, которое бы не нуждалось въ чужой помощи и было бы довольно самостоятельно, заключаются въ Тосканѣ и въ прилежащихъ къ ней римскихъ делегацияхъ, которыя, составляя для Рима только излишнее и крайне отяготительное бремя, внутри другаго болѣе правильнаго политическаго организма могли бы достигнуть высокой степени внутренняго благосостоянія и послужить новымъ источникомъ силы для цѣлаго государственнаго состава. Намъ уже извѣстно назначеніе Рима съ ближайшею его областію по мысли того же автора: какъ резиденція главы католическаго міра, онъ остался бы духовною столицею Италіи, а честь стоять во главѣ всего политическаго и умственнаго развитія въ ередней Италіи принадлежала бы Флоренціи. Наконецъ и безъ того же уже довольно сильный и самостоятельный Неаполь, неразрывно съ Сициліею, составилъ бы въ федераціи южное итальянское государство, котораго антагонизмъ съ сѣвернымъ не могъ бы достигнуть опасныхъ размѣровъ, будучи постоянно умѣряемъ дѣйствіемъ центральнаго учрежденія, или Средней Италіи, предназначаемаго болѣе для успѣховъ умственнаго развитія, чѣмъ для поддержанія славы итальянскаго оружія и воинственныхъ предпріятій. (Стр. 177 и пр.)

Бывшій членъ временнаго римскаго правительства, писавшій свою книгу вдали отъ отечества, на основаніи своихъ собственныхъ опытовъ и наблюденій, приведенъ былъ ими къ той же политической комбинаціи, лишь съ самыми малыми отбѣнами. Для федеративнаго итальянскаго союза онъ также не находитъ болѣе удобнаго раздѣленія, какъ на три части, которыя называетъ почти тѣми же самыми именами: Италія Верхняя, Центральная, Южная. (Стр. 167.) Такое раздѣленіе, говоритъ онъ, предписываемое закономъ самой настоятельной необходимости, соответствовало бы и тремъ главнымъ породамъ итальянскаго племени: ибо въ Сѣверной Италіи господствуетъ характеръ кельтическій, смѣлый и воинственный, и потому лучшій стражъ полуострова со стороны Альповъ; въ Средней Италіи напротивъ преобладаетъ болѣе серіозная и вмѣстѣ болѣе свободная латинская порода, между тѣмъ какъ въ Южной господствующій характеръ есть греческій, подвижный, но неуступчивый и очень склонный къ логическимъ построеніямъ (loicatore). Южно-итальянское государство Маріани оставляетъ въ томъ же составѣ, кромѣ незначительнаго

прибавленія изъ южныхъ римскихъ владѣній; Центральную Италію онъ также предлагаетъ образовать посредствомъ соединенія Романьи съ Тосканою, за исключеніемъ собственно Римской Области, для которой, какъ мы уже видѣли, онъ имѣетъ свое особенное предположеніе. Верхнее итальянское государство также составляется въ его мысляхъ изъ слиянія Пиемонта, Ломбардіи и Венеціанской области съ присоединеніемъ къ нимъ двухъ герцогствъ. Наконецъ, чтобы читатель не нашелъ этого проекта слишкомъ фантастическимъ, авторъ старается показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, что планъ его вовсе не такъ далекъ отъ видовъ европейской дипломатіи, какъ можно подумать съ перваго взгляда. Такъ онъ напоминаетъ о третьей европейской коалиціи противъ Франціи въ 1805 году, между предположеніями которой, въ случаѣ побѣды, занимало между прочимъ мѣсто «Субальпинское государство», составленное въ пользу Савойскаго дома изъ Пиемонта, Генуезской области, Ломбардіи и Венеціи. Подобное же предложеніе повторено было Англіею на совѣщаніяхъ Вѣнскаго конгресса. Мысль о соединеніи Романьи съ Тосканою занимала Францію и Австрію еще въ 1796 году. Въ послѣдствіи, то-есть уже въ 1852 году, оба эти государства возвращались къ той же самой идеѣ, одно чтобы образовать отдѣльное государство въ пользу герцога моденскаго, а другое—въ пользу великаго герцога тосканскаго. (Стр. 168.)

Вотъ что итальянскіе патріоты называютъ «возможною Италіею», и чѣмъ питаются они какъ любимую мечтою, убѣгая въ нее отъ своей печальной дѣйствительности. Безъ сомнѣнія, это только мечта, и мы напрасно старались бы придать ей больше дѣйствительнаго значенія, чѣмъ сколько она можетъ имѣть его по самой натурѣ своей. Чѣмъ глубже сонъ, тѣмъ больше грезъ: такъ бываетъ съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, и тоже случается иногда съ цѣлыми народами. Но допуская сравненіе, не будемъ злоупотреблять имъ. Народная мечта не есть пустая игра ничѣмъ не управляемой фантазіи: она обыкновенно создается при свѣтѣ дня, и какъ произведеніе скорѣе пробуждающагося, чѣмъ глубоко-усыпленнаго сознанія, нерѣдко заключаетъ въ себѣ и вѣрное предчувствіе будущаго. Какой вѣкъ не приносилъ хоть нѣкотораго оправданія тому, о чемъ мечтали, и повидимому такъ бесплодно, отжившій его собрать? Въ лѣтописяхъ трехъ послѣднихъ столѣтій сколько записано народныхъ мечтаній, которыя давно уже перешли въ рядъ дѣйствительныхъ явленій! Италіи также позволительно имѣть свои народныя мечты и отъ времени и благоприятныхъ обстоятельствъ ждать ихъ осуществленія.

Читатель въ правѣ однако спросить: гдѣ же вопросъ объ Австріи, или, что то же, объ освобожденіи Италіи отъ чужеземнаго владычества? Какимъ образомъ можно такъ долго останавливаться на другихъ вопросахъ, не касаясь самаго жизненнаго и существеннаго для

націи? Да и не отъ него ли зависить въ той или другой степени рѣшеніе прочихъ національныхъ задачъ? Составляя свои планы будущаго политическаго устройства Италіи, публицисты вездѣ предполагають Ломбардію и Венеціанскую область уже освобожденными отъ чужаго владычества. Оно и справедливо: можно ли надѣяться сбѣлать что-нибудь для Италіи, не вырвавши ее напередъ изъ рукъ Австріи? Піемонтъ потому только и получилъ нѣкоторую свободу дѣйствія, что успѣлъ эманципировать себя отъ австрійскаго вліянія. Но Ломбардія до сихъ поръ остается подъ тѣмъ же гнетомъ. Можно ли также ожидать какихъ улучшеній отъ Рима, Тосканы, Пармы и Модены, пока Римская область наводнена чужими войсками, которыя по первому востребованію могутъ двинуться отсюда и по другимъ направленіямъ, какъ это случилось испытать Тосканѣ назадъ тому нѣсколько лѣтъ? Наконецъ, что бы ни говорили, неаполитанское упорство также находитъ значительную поддержку въ несвободной Ломбардіи и въ австрійскихъ гарнизонахъ, занимающихъ многіе твердые пункты въ Римской области.

Не можетъ быть никакого спора о томъ, что вопросъ о національной независимости есть самый жизненный, и потому самый важный для Италіи. Но онъ вовсе не принадлежитъ къ числу теоретическихъ вопросовъ. Теоріи съ нимъ нечего дѣлать. Если для него возможно рѣшеніе, то оно понятно всякому и не нуждается въ предварительномъ разъясненіи. Это вопросъ чисто-практическаго свойства: его нельзя развязывать понемногу, его слѣдуетъ заразъ разрубить оружіемъ. Никто также въ Италіи не сомнѣвается, что рано или поздно онъ долженъ найти себѣ эту рѣзвязку, и весь расчетъ состоитъ въ томъ, чтобы выждать время и умѣть воспользоваться благопріятными обстоятельствами, какъ только они представляются.

Третья брошюра, поставленная въ заглавіи нашей статьи, принадлежитъ прямо сюда. Мы до сихъ поръ не упоминали о ней, потому что теорія политическихъ вѣроятностей не нашла въ ней себѣ никакого мѣста. Авторъ ея, принадлежавшій къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей большаго итальянскаго движенія, остался вѣренъ своему призванію до послѣдняго времени. Принужденный удалиться въ изгнаніе, онъ поселился въ Піемонтѣ и примкнулъ къ его политикѣ. Натура его болѣе практическаго свойства, чѣмъ другихъ публицистовъ, и потому, не останавливаясь ни на какихъ возможностяхъ и вѣроятностяхъ, онъ прямо приступаетъ къ тому, что, по его крѣпкому убѣжденію, составляетъ въ настоящее время вопросъ о жизни и смерти для Италіи. Самые приемы его весьма различны: онъ не взвѣшиваетъ фактовъ, чтобы добыть изъ нихъ тѣ или другіе выводы, и не строитъ никакихъ предположеній; онъ даетъ полную свободу своему чувству, и говоритъ почти языкомъ страсти; онъ обращается не къ уму Итальянцевъ, а къ ихъ патріотическому сердцу, и вызы-

ваетъ ихъ не на размышленіе, а на подвиги мужества. Въ словахъ его все еще слышится воодушевленіе трибуна. Его не удовлетворяетъ даже обыкновенная форма рѣчи. Онъ говоритъ не отъ себя, а отъ имени тѣхъ героевъ національной независимости, которые бились за нее при Куртатонѣ и Монтанарѣ, и остаются примѣромъ высокой доблести для будущихъ поколѣній.

Сложная національная задача для него также представляется подъ нѣсколькими видами: кромѣ возстановленія своей независимости, Италия, по его мнѣнію, должна подумать еще объ очищеніи своей національной церкви, слишкомъ заразившейся мірскими страстями, и наконецъ о разныхъ политическихъ реформахъ и улучшеніяхъ. Но борьба съ Австріею, во всякомъ случаѣ, остается дѣломъ величайшей важности и самой настоятельной необходимости для Италии. Сравнивая утраченныя народомъ и вновь отыскиваемые имъ права съ обломками одной и той же низложенной колонны, Гверацци такъ заставляетъ говорить своихъ героевъ: «Положить первый обломокъ на прежнее его мѣсто значить для насъ не что иное, какъ освободиться отъ чужеземнаго владычества. Эта задача, съ которою по важности не можетъ сравниться для насъ никакая другая, по особенной къ намъ благосклонности Провидѣнія, стала съ нѣкотораго времени и самою удобною для исполненія, ибо относительно этого пункта не только не существуетъ болѣе между нами никакихъ разногласій, но большинство гражданъ готовы сами принять непосредственное участіе въ дѣлѣ и способствовать ему своими силами; извѣн мы, правда, такъ же мало можемъ ожидать помощи, какъ прежде, но за то не предвидится и препятствій нашему предпріятію, по крайней мѣрѣ явныхъ, — и кто даже хотѣлъ бы, не рѣшится дѣйствовать заодно съ Австріею, видя, какъ глубоко упала она въ общемъ мнѣніи Европы.» «Блаженными назовемъ мы васъ, такъ заключаетъ ораторъ, обращаясь къ итальянцамъ въ лицѣ тѣхъ же героевъ, и вы въ самомъ дѣлѣ будете таковы, если вамъ достанется видѣть освобожденіе Италии отъ Австрійцевъ, прежде чѣмъ смертный сонъ навѣки закроетъ глаза ваши.» (Стр. 28.)

Въ этомъ духѣ написана почти вся брошюра, и тотъ, кто видѣлъ Италию въ послѣднее время, согласится съ нами, что никакое учрежденіе и никакое чувство не связываетъ итальянцевъ такъ тѣсно между собою, какъ общая ихъ ненависть къ чужеземному владычеству. Естественно, что она гораздо живѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, но ни въ какомъ случаѣ не ограничивается она лишь тѣми мѣстами, гдѣ Австрійцы остаются полными господами, или гдѣ они гостили только временно, какъ въ Тосканѣ. Самая вражда внутреннихъ партій, на которыя раздѣлена Италия, тотчасъ замолкаетъ, какъ скоро дѣло коснется борьбы за національную независимость. Война противъ Австріи была бы для Италии нѣкотораго рода крестовымъ походомъ.

Какъ крестоносныя предпріятія нѣкогда соединяли подъ однимъ знаменемъ почти всю Европу, такъ нѣтъ лучшаго средства собрать всю раздробленную Италію, какъ позвать ее противъ чужеземцевъ, занимающихъ ея сѣверныя области, и отсюда тяготѣющихъ почти и надъ всѣми остальными. Лишь тупая клерикальная партія идетъ наперекоръ господствующему чувству цѣлой націи; но ища себѣ опоры въ Австріи, она только обличаетъ свою несостоятельность и готовитъ себѣ тѣмъ болѣе жестокое паденіе.

Если угодно, здѣсь тоже могъ бы имѣть мѣсто вопросъ: когда и какими средствами возможна борьба съ Австріею при настоящемъ политическомъ раздѣленіи Италіи? Но неизбѣжность борьбы такъ очевидна для всѣхъ, что теоретическое рѣшеніе задачи кажется здѣсь болѣе излишнимъ, чѣмъ во всякой другой части сложнаго итальянскаго вопроса. Такъ или иначе, но дѣло должно быть сдѣлано, хотя бы оно стоило націи величайшихъ жертвований. Въ подобныхъ великихъ предпріятіяхъ, за которыми стоитъ цѣлая нація, нужно на первый разъ только одно: *da ubi consistam, et coelum tectamque movebo*; а у Италіи есть уже такой твердый пунктъ: онъ находится въ свободномъ и воинственномъ Пиемонтѣ. Потому, какъ только заходитъ вопросъ о способѣ предстоящей борьбы, итальянской мысли тотчасъ представляется идея пиемонтской диктатуры. Относительно этого пункта даже многіе горячіе приверженцы республиканскихъ учреждений не имѣютъ болѣе никакого сомнѣнія. «Какъ скоро Пиемонтъ, говоритъ по этому поводу Маріани, сдѣлался настоящимъ центромъ итальянскаго патріотизма, и сердца итальянцевъ симпатически расположились къ главѣ его, тѣмъ самымъ вопросъ о диктатурѣ рѣшенъ уже *de facto*, и соединенной Италіи оставалось бы только провозгласить его во всеуслышаніе. И надобно сказать правду: Савойскій домъ имѣетъ неоспоримое право на признательность Италіи, ибо онъ одинъ во всей странѣ не измѣнилъ своимъ обѣщаніямъ, открылъ у себя убѣжище итальянскимъ изгнанникамъ, взялъ на себя издержки несчастной войны и, поднявши разъ итальянское знамя, не покинулъ его и послѣ пораженія.» (Стр. 161.) И Пиемонтъ знаетъ свое призваніе, и остается вѣренъ ему даже и во время мира. Не слѣдша объявленіемъ войны въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ, онъ между тѣмъ неумоимо продолжаетъ бороться съ австрійскимъ преобладаніемъ и вліяніемъ на Италію. Онъ ведетъ эту борьбу и тѣми 100 пушками, которыми вооружаетъ Алессандрію противъ Австріи, и сооруженіемъ новаго морскаго арсенала въ Спеціи, превосходно задуманнымъ въ видахъ того же нескончаемаго соперничества, и наконецъ этимъ колоссальнымъ трудомъ, который долженъ открыть Пиемонту черезъ толшу Монсениса прямую связь съ покровительствующею ему Франціею.

Будущее рѣшеніе великаго спора, конечно, находится еще въ рукахъ судьбы; но на какую бы сторону ни выпалъ жребій, справедливость національнаго итальянскаго дѣла, даже при несчастной развязкѣ, не можетъ быть болѣе поколеблена никакими софизмами.

П. Кудрлцевъ.

Н—ви.

1857, августа 14 (26).

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Записки Варооломеля Михаловскаго (Pamiętniki Bartłomieja Michałowskiego). Изданы графомъ Генрихомъ Ржевускимъ. С. Петербургъ и Могилевъ. 1856—57. Въ 12 д. л. (Отдѣлъ I.) Часть I, 175 стр. Ч. II, 186 стр. Ч. III, 204 стр.

Записки Варооломеля Михаловскаго, отъ 1786 до 1815 г., изданныя графомъ Генрихомъ Ржевускимъ. Варшава, 1857. Въ 12 д. л. (Отдѣлъ II.) Ч. I, 189 стр. Ч. II, 183. Ч. III, 178 стр. Ч. IV, 170 стр. Ч. V, 170.

Издатель этихъ интересныхъ «Записокъ», графъ Ржевускій, давно уже снискалъ себѣ громкую славу въ польской литературѣ, какъ первоклассный писатель и талантливый романистъ. Къ самымъ оригинальнымъ и превосходнымъ его произведеніямъ принадлежатъ *Воспоминанія стараго литовскаго шляхтича* (Pamiętki starego szlachcisa litewskiego), съ которыми въ первый разъ онъ выступилъ на литературное поприще. Они такъ запечатлѣны народнымъ характеромъ, что не переводимы ни на какой языкъ. Вслѣдъ за этимъ произведеніемъ графъ Ржевускій издалъ свой извѣстный и превосходный историческій романъ, подъ заглавіемъ: *Ноябрь* (Listopad), такъ названный потому, что всѣ главные событія происходятъ въ этомъ мѣсяцѣ. Въ немъ представлена эпоха, начинающаяся со второй половины XVIII вѣка, когда такъ сильно дѣйствовало на польское общество французское вліяніе и вмѣстѣ доживали свой вѣкъ послѣдніе защитники старой народности. Авторъ представилъ въ одномъ семействѣ два типа стараго и новаго поколѣнія. Замѣчательны также другіе романы графа Ржевускаго, изданные въ послѣдствіи времени: *Краковскій Замокъ*, *Лиздейко*, и пр.

Изданные теперъ графомъ Ржевускимъ два отдѣла «Записокъ Михаловскаго», которыхъ заглавія мы выписали въ началѣ этой статьи, составляютъ богатое приобрѣтеніе для польской литературы. Первый отдѣлъ (въ 3-хъ частяхъ) простирается до 1786 года и заключаетъ въ себѣ описаніе почти восьмидесятилѣтняго періода времени. «Странное дѣло, говоритъ графъ Ржевускій въ предисловіи къ 1 части I отд., на стр. 1: — что эта рукопись до сихъ поръ въ

цѣлости могла сохраниться въ глуши провинціи, потому что я открылъ ее въ Кшеслинѣ, въ бернардинскомъ монастырѣ, гдѣ она лежала на полкѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ и не обращала на себя вниманія.»

Вѣримъ почтенному автору, что это подлинныя записки очевидца, но вмѣстѣ съ этимъ не можемъ не замѣтить въ нихъ другаго, болѣе мастерскаго пера...

Вареоломей Михаловскій, по догадкѣ графа Ржевускаго, умеръ въ началѣ втораго десятилѣтія XIX вѣка; родился же въ 1733 г., какъ говоритъ самъ авторъ «Записокъ». Слѣдовательно ему могло быть историческомъ девяносто лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ прожилъ историческую эпоху, чрезвычайно богатую великими событіями. Онъ видѣлъ Фридриха Великаго, Марію Терезію, Екатерину Великую, Наполеона I, Императора Александра I; находился въ службѣ у Августа III и его набожной супруги Маріи-Жозефины, также у Станислава-Августа, при дворѣ котораго имѣлъ случай видѣть знаменитыхъ въ то время магнатовъ, Броницкаго, Радзивилловъ, Чарторыжскаго, Потоцкаго и др. Онъ зналъ также тѣхъ ученыхъ и литераторовъ, которыми любилъ окружать себя Станиславъ-Августъ, и съ особеннымъ наслажденіемъ разказываетъ о красавицахъ той эпохи.

Первый отдѣлъ «Записокъ Михаловскаго», доведенный до 1786 г., большею частію заключаетъ въ себѣ подробности, лично до него касающіяся; но во второмъ отдѣлѣ онъ болѣе говоритъ о происшествіяхъ той эпохи, въ которую жилъ. Начинается онъ съ 1786 г., и продолжается до 1815 г.

Познакомимъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми мѣстами этихъ любопытныхъ «Записокъ».

Михаловскій, разсуждая объ испорченности нравовъ въ тогдашней Польшѣ (ч. I, стр. 54), утверждаетъ, что она произошла вслѣдствіе ослабленія семейныхъ связей. «Въ Польшѣ, говоритъ онъ, семейныя отношенія замѣняли недостатокъ правительственной силы. Каждый шляхтичъ изучалъ эти отношенія и долженъ былъ знать на память всю свою генеалогію. Родство до пятаго и даже до шестаго поколѣнія уважалось до такой степени, что племянникъ въ этомъ поколѣніи называлъ старшаго родственника дядею, и оказывалъ ему совершенное почтеніе. Дѣти и внучата со стороны дяди или тетки называли себя братьями и сестрами, и это самое напоминало имъ обязанности взаимной любви. Выраженіе *кузимъ*, почти было неизвѣстно между шляхтою, или означало не родство, но какое-то далекое свойство, котораго степени не возможно было опредѣлить. У шляхты очень часто бывали семейныя процессы и споры между ближайшими родственниками, даже вражда, но они имѣли личный характеръ и не переносились въ публичную жизнь. На сеймикахъ посольскихъ,

депутатскихъ, земскихъ, тяжущіеся между собою родственники, подавали голоса вмѣстѣ, не расторгали партіи, всегда предводительствуемой какимъ-нибудь старшимъ по лѣтамъ родственникомъ, котораго мнѣніе для всѣхъ ея членовъ было рѣшительнымъ приговоромъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи партіи составлялись изъ семействъ и чрезъ то самое были столь могущественны, что магнаты должны были родниться съ шляхетскими домами для поддержанія своего перевѣса. Такимъ образомъ сохранялось шляхетское равенство до такой степени, что слово *mésalliance*, не переводимое на польскій языкъ, только что въ концѣ царствованія Станислава-Августа начало входить въ употребленіе.

«Самый популярный и сильный этою популярностью магнатскій домъ въ Рѣчи Посполитой, безъ сомнѣнія, былъ домъ князей Радзивилловъ. Но тотъ чрезвычайно ошибся бы, кто бы подумалъ, что такая популярность происходила отъ богатства и пышности этого дома. Ея основаніе было болѣе глубокое, потому что опиралось на семейныхъ связяхъ. Несвижскіе князья Радзивиллы отдавали въ мужество своихъ племянницъ и даже дочерей въ шляхетскіе дома. Часто жена повѣтоваго чиновника была близкою родственницею князя.» Далѣе прибавляетъ Михаловскій (на стр. 56): «Могъ ли домъ Радзивилловъ не быть могущественнымъ въ Литвѣ, если въ ней не было стариннаго шляхетскаго дома, который не находился бы въ близкомъ или далекомъ свойствѣ съ Радзивилловскимъ?»

Михаловскій, касаясь частной жизни польскихъ магнатовъ, указываетъ на ихъ характеристическія черты и странности. Вотъ, на примѣръ, что онъ говоритъ (ч. I, стр. 140) о князѣ *Ябл.*, владѣльцѣ Стеблева, въ Кіевскомъ воеводствѣ: «Онъ отрекся отъ польской народности; одѣвался по-казацки, говорилъ только по-украински, и исключительно жилъ съ Русскимъ народомъ, котораго обычаи себѣ усвоилъ. Онъ никогда не заходилъ въ польскій шляхетскій домъ, за то ни одинъ шляхтичъ не надоѣдалъ ему своими посѣщеніями. Ежегодно, на десяткахъ подводъ, одѣтый въ сермягу въ выростковыхъ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ, съ батономъ въ рукѣ, отправлялся въ Крымъ за солью и вяленою рыбою; когда же возвращался, то самъ продавалъ ихъ, сидя на землѣ, на ярмаркахъ бѣлоцерковинскихъ, корсунскихъ, володарскихъ и на своихъ собственныхъ въ Стеблевѣ. Поляковъ презрительно называлъ Лягами, а Великоруссовъ москалями, самъ же былъ истымъ Русиномъ, достойнымъ служить въ полчищахъ Наливайки. Жилъ онъ, какъ богатый украинскій мужикъ, и отличался отъ него только тѣмъ, что съ толпою окружавшихъ его слугъ и гостившихъ у него чумаковъ, дѣлился всѣмъ, чѣмъ жилъ мужикъ, въ тѣсномъ кругу своего семейства. Самъ ходилъ съ своими мужиками, то на сѣнокосы, то на жатву, и въ работѣ никому не уступалъ. На его столѣ, за которымъ, впрочемъ, никогда не

находилась шляхта, знавшая, что онъ не терпѣлъ ея, — никогда не показывалось вино, но только горѣлка, медъ и вишневка, которыми онъ напивался вмѣстѣ съ своими людьми. Мало того, что они любили его, но онъ былъ идиоломъ всего украинскаго народа, который готовъ бы былъ возмутиться по его мановенію.

«Онъ умеръ, прибавляетъ Михаловскій, во время послѣдняго раздѣла Польши, какъ кажется, вслѣдствіе излишняго употребленія горячихъ напитковъ. Толпы народа шли при его погребеніи, проливая слезы. Онъ никогда не хотѣлъ жениться. Мужики, не только собственные, но и изъ чужихъ имѣній, предагали ему своихъ жёнъ, потому что каждый желалъ сохранить въ своемъ родѣ его кровь... Его имѣніе, которое не могло быть разстроено его образомъ жизни, досталось послѣ его смерти князьямъ Воронецкимъ, ближайшимъ его родственникамъ.»

Любопытны замѣчанія Михаловскаго о народномъ характерѣ Поляковъ.

«Полякъ ничего такъ не опасается, говоритъ онъ (ч. I, стр. 154), — какъ злословія и клеветы, даже со стороны тѣхъ, кого презираетъ. Нѣтъ жертвы, которой бы онъ готовъ былъ не принести для распространенія о себѣ хорошаго мнѣнія не только порядочныхъ обществъ, но даже и уличниковъ. Эта страсть къ какой-то популярности отнимаетъ у каждаго изъ нихъ нравственную отвагу. Борьба противъ мнѣнія, хотя бы самаго безразсуднаго, но наиболѣе распространеннаго, борьба, которая вездѣ снискиваетъ уваженіе, даже у противниковъ, у насъ не возможна. Всѣ бѣдствія, которыя мы испытали, и которыя можемъ еще испытать, были и будутъ слѣдствіемъ этого народнаго порока, который не только что не уменьшается, но непрерывно усиливается.

«Терпимость мнѣнія есть высочайшая добродѣтель народовъ, правительствъ, отдѣльныхъ лицъ. И въ самомъ дѣлѣ, что же она такое, если не любовь къ ближнему, безъ которой нѣтъ для насъ спасенія. Терпимость въ частной жизни служитъ ручательствомъ спокойствія, а въ отношеніи религіозномъ соединяетъ разновѣрцевъ въ любви къ общему для всѣхъ отечеству. На политическомъ поприщѣ, она утверждаетъ могущество народовъ, предупреждая распри гражданъ: на ученомъ—возбуждаетъ не споры, но разсужденія, которыя всегда подвигаютъ впередъ народное просвѣщеніе! Наконецъ терпимость есть высочайшее выраженіе цивилизаціи; такъ, что если кто не умѣетъ быть снисходительнымъ къ противоположному мнѣнію, тотъ истинный варваръ, и вся его цивилизація существуетъ только въ одеждѣ. Но какъ же говорить о терпимости тѣмъ, у кого, въ ихъ собственномъ языкѣ, даже нѣтъ слова для ея названія!» (По польски употребляется для этого значенія латинское слово *tolerantia*.)

Въ другомъ мѣстѣ (ч. II, стр. 60) Михаловскій приводитъ мнѣніе

одного господина что, «къ несчастію, когда въ Польшѣ благоразумные люди соберутся вмѣстѣ, то всегда одурѣютъ. Возстаютъ противъ нашего *liberum veto*, а я утверждаю, что оно для насъ вполне законно, потому что у насъ отдѣльное мнѣніе всего чаще благоразумно, но сохрани насъ Богъ отъ мнѣній собирательныхъ.»

Въ 5-й части, на стр. 152, Михаловскій описываетъ свое свиданіе съ императоромъ Александромъ I, во время его пребыванія въ Варшавѣ:

«Государь императоръ пріѣхалъ въ Варшаву. Я былъ на сеймѣ, который онъ самъ открылъ рѣчью, лестною для нашего народа. Послѣ я былъ представленъ ему моимъ стариннымъ знакомымъ Броньцемъ, гофмейстеромъ королевскаго двора, который часто удостоивалъ своего присутствія мой скромный шляхетскій обѣдъ. Монархъ принялъ меня очень милостиво...»

«На мнѣ былъ командорскій мальтійскій мундиръ. Поэтому случаю императоръ припомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ меня въ Петербургѣ и даже присутствовалъ въ то время, когда я присягалъ въ мальтійской часовнѣ. Онъ прибавилъ еще:

«— Въ то время мы были моложе.

«Я отвѣчалъ ему:

«— Лѣта лишили меня силъ, а побѣды вашего императорскаго величества вашихъ силъ не ослабили.

«Улыбка, исполненная кротости, была мнѣ отвѣтомъ.

«Я чрезвычайно былъ удивленъ, когда черезъ четыре дня потомъ, подъ вечеръ, меня посѣтилъ Фредро, адъютантъ государя и объявилъ мнѣ, что императоръ зоветъ меня на аудіенцію, и что на другой день, въ девять часовъ утра, я долженъ явиться въ замокъ, чтобы удостоиться этой чести. Тогда еще Фредро понравилось внутреннее убранство моего дома, въ особенности библиотека и картины, висѣвшія на стѣнѣ. Такъ какъ онъ былъ человекъ очень ученый и даже въ свой рыцарскій вѣнецъ влеталъ лавры воэта, то уходя отъ меня, на прощанье, привелъ мнѣ слѣдующій стихъ Горация:

Habes divitias, artemque fruendi.

«На другой день я опять надѣлъ свой командорскій мундиръ и ранѣ девяти часовъ велѣлъ отвезти себя въ замокъ. Я остановился въ королевскомъ гардеробѣ, гдѣ уже нашелъ нѣсколько знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ. Большая часть изъ нихъ также ожидала аудіенціи у государя. Въ этотъ день на службѣ былъ князь Ординатъ Сулковскій, герой испанскихъ войнъ, генераль-адъютантъ

государя. Онъ вскорѣ пришелъ съ бумагою и карандашомъ въ руки и, переходя отъ одного къ другому, записывалъ всѣхъ имена и фамили.

«Я былъ послѣднимъ, къ кому онъ обратился, и долженъ былъ разказать ему о себѣ, потому что онъ видѣлъ меня въ первый разъ. Окончивши списокъ, онъ пошелъ въ кабинетъ, гдѣ занимался государь. Я очень хорошо зналъ этотъ кабинетъ, потому что сто разъ исполняя въ немъ службу при королѣ Станиславѣ Августѣ, и даже раза два при Августѣ III. Императоръ Александръ желалъ строго соблюдать прежній этикетъ и обычаи польскаго двора, и любилъ разговаривать о нихъ съ стариками. И въ самомъ дѣлѣ, вошедши въ кабинетъ, я не нашелъ въ немъ никакой перемены. Все оставалось въ немъ въ томъ видѣ, какъ было при прежнихъ короляхъ. Я не могъ смотрѣть на это безъ нѣкотораго смущенія, возбужденнаго во мнѣ добротою великодушнаго монарха.

«Къ намъ возвратился князь Сулковскій. Я былъ послѣднимъ въ спискѣ, но какъ же всѣ удивились, когда онъ позвалъ меня перваго. Я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ императоръ сидѣлъ одинъ у стола, за бумагами. Когда я вошелъ, онъ всталъ и, снисходя къ моимъ лѣтямъ, приказалъ мнѣ сѣсть. Онъ разговаривалъ со мною около трехъ четвертей часа, наиболѣе о вѣдахъ, какіе онъ имѣлъ для счастья своихъ новыхъ подданныхъ, и спросилъ меня, любятъ ли его Поляки? Благодарны ли они ему? Повидимому онъ любилъ, чтобы ему объ этомъ повторяли, потому что онъ совершенно былъ увѣренъ въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не видалъ, тотъ не можетъ себѣ вообразить, какой энтузіазмъ онъ возбуждалъ въ народѣ, каждый разъ, какъ только показывался ему. И сколько разъ онъ былъ тронутъ восклицаніями варшавскаго престоноародя!»

*Завѣщаніе Константина Свидзинскаго. Выпускъ I. Речь Александра Велѣпольскаго, касающаяся процесса о завѣщаніи Константина Свидзинскаго и говоренная въ апелляціонномъ судѣ Царства Польскаго 19 іюня 1857 года (Zapis Konstantego Swidzińskiego. Zeszyt I. Aleksandra Wielopolskiego Mowa w sprawie o testament Konstantego Swidzińskiego, miana w Sędzie Apellacyjnym Królestwa, d. 19 czerwca 1857 г.) Съ эпиграфомъ: *Maluisse non dimicare quam vincere.* — Варшава, 1857. Въ 8, 27 стр.*

Читатели припомнятъ извѣстія о библіотекѣ Свидзинскаго, сообщенныя мною въ предыдущей статьѣ (Русск. В. № 17). Дѣло о его завѣщаніи, перешедшее теперь въ судъ, сильно занимаетъ варшавскую публику. Два родные брата завѣщателя, Людвигъ и Титъ, начали процессъ съ маркграфомъ Велѣпольскимъ, которому покойный Свидзинскій завѣщалъ свое имѣніе, вмѣстѣ съ собраніемъ рѣдкостей и библіотекою. Они домогаются, чтобы завѣщаніе было признано недѣйствительнымъ, на томъ основаніи, что въ немъ не достаесть нѣкото-

рыхъ законныхъ формъ. Къ Свидзинскимъ присоединился Кохановскій, мужъ родной ихъ племянницы. Дѣло объ этомъ сперва производилось въ гражданскомъ судѣ 1-й инстанціи, въ Радомѣ, который, руководясь какими-то законными основаніями, призналъ завѣщаніе Свидзинскаго недѣйствительнымъ. Вслѣдствіе этого маркграфъ Велѣпольскій обратился въ апелляціонный судъ, для защиты завѣщанія, сдѣланнаго Свидзинскимъ, въ пользу общаго просвѣщенія. Дѣло становилось уже публичнымъ. Впрочемъ, Свидзинскіе не отказываются отъ устройства музея, но на содержаніе его и на изданіе книгъ предназначаютъ только 2,250 р. с.

Въ Варшавѣ, какъ видно изъ тамошнихъ газетъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ процесса въ апелляціонномъ судѣ. На немъ находился также Велѣпольскій и говорилъ рѣчь, которой заглавіе мы привели выше. Онъ доказывалъ, что Свидзинскій все завѣщалъ ему исключительно, и давалъ ручательство исполнить волю своего покойнаго друга, относительно будущаго устройства музея. Апелляціонный судъ призналъ законность завѣщанія. Теперь дѣло перейдетъ въ третью, окончательную, судебную инстанцію, въ сенатъ.

Изъ рѣчи маркграфа Велѣпольскаго видно, что покойный Свидзинскій желалъ передать свое собраніе древностей и бібліотеку Велѣпольскому, по причинѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: во времена Сигизмунда Августа и Стечана Баторія жилъ епископъ краковскій *Петръ на Миропъ Мышковскій*, знаменитый тогда любитель наукъ и ревностный покровитель ученыхъ. Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ племянникамъ все свое имѣніе, бібліотеку и собраніе художественныхъ произведеній. Сигизмундъ Мышковскій, въ послѣдствіи великій коронный маршалъ, наслѣдовавши имѣніе, образовалъ изъ него, въ 1603 г., майоратъ, или ординацію. Къ числу его помѣстій принадлежалъ Пиньчовъ, издавна извѣстный, еще при Олесницкихъ, своими учеными учрежденіями и пребываніемъ въ немъ ученыхъ людей, отчего и названъ былъ польскими Аѳинами. Этотъ майоратъ отъ Мышковскаго перешелъ къ Велѣпольскому, нынѣшнему владѣльцу Пиньчова. Понятно, что Свидзинскій, передавая Велѣпольскому свое богатое книгохранилище, желалъ соединить его съ памятью знаменитой ординаціи Мышковскаго.

Очерки и картины (Szkice i Obrazki). Отдѣленіе I. Варшава. 1837.

Въ 4 д. Выпускъ I. 16 стр. Выпускъ II. 16—32 стр. (Съ картинками).

Хотя издатель не объявляетъ ни цѣли, ни плана своихъ «Очерковъ и картинъ», однакожъ можно догадываться, что онъ намѣренъ въ особыхъ выпускахъ представлять характеристику варшавскихъ жителей. Подтипажныя картины къ этому изданію сдѣланы г. Костршевскимъ, который уже извѣстенъ въ Польшѣ, какъ отличный живописецъ. Въ 1-мъ выпускѣ заключается характеристика варшавъ

скаго обывателя стараго и новаго времени; во 2-мъ описаны жители предмѣстія Варшавы, *Сольца* (*Solec*), какъ-то: надвислянскіе перевозчики и работники. Авторъ текста неизвѣстенъ, но текстъ написанъ прекрасно. Привожу отрывокъ изъ характеристики обывателя стараго времени, пана Мацѣя Брузды:

«Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые даже между тамошними жителями составляютъ исключеніе; онъ мало съ кѣмъ жилъ, потому что, по его собственнымъ словамъ, ему уже трудно было найти себѣ подѣ товарища. Старое время онъ помнилъ лучше, чѣмъ новое, и охотно разказывалъ о немъ; но его воспоминанія не выходили изъ предѣловъ исторіи самой Варшавы; о томъ, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ его отечества, онъ зналъ только по разказамъ, потому что ему рѣдко когда случалось удалиться изъ города. Онъ гордился своимъ званіемъ варшавскаго мѣщанина и зналъ на память всѣ привилегіи, какія, въ разное время, даны были мѣщанству нашихъ главныхъ городовъ. По образцу шляхетскихъ генеалогій, онъ составилъ для себя также родовое древо предковъ, начиная отъ Яна Брузды, который во времена Яна Собѣскаго купилъ каменный домъ, находящійся теперь во владѣніи Мацѣя. Это былъ довольно большой листъ бумаги, исписанный съ верху до низу и повѣшенный съ большимъ почетомъ на стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ рамкахъ подѣ стекломъ. Тамъ же, въ особыхъ замѣткахъ, была описана вся исторія дома, всѣ его починки и передѣлки, увеличеніе прежней платы и установленіе новой, даже кое-что касалось тамъ и сосѣднихъ домовъ. Остальное дополнялось календарями, которыхъ полное собраніе нѣсколькихъ лѣтъ покоилось въ конторкѣ пана Мацѣя, съ множествомъ приписокъ и замѣтокъ, дѣлаемыхъ почти ежедневно.»

Характеристику обывателей стараго времени авторъ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

«Но число ихъ болѣе и болѣе уменьшается, и теперь рѣдко уже можно встрѣтить чистый типъ этихъ остатковъ стараго варшавскаго мѣщанства. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и они, можетъ-быть, совсѣмъ исчезнутъ, принимая тотъ космополитическій оттѣнокъ, который болѣе и болѣе соединяетъ нашъ городъ съ великимъ семействомъ европейскихъ столицъ. Въ Парижѣ уже истребляютъ слѣды старыхъ домовъ и улицъ, потому что тѣ, которые населяли ихъ, давно уже исчезли; у насъ дома и улицы еще существуютъ; во старые жители начинаютъ рѣдѣть. Тамъ, гдѣ билось сердце, теперь шевелятся только нервы.»

Варшавскихъ обывателей новаго времени авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Они охотно разсуждаютъ о политикѣ и съ величайшею самоувѣренностію рѣшаютъ европейскія дѣла, хотя имъ и трудно ска-

зять, кто царствовалъ во Франціи до Лудовика-Филиппа, или въ Англіи до королевы Викторіи. Теперь, покупая чай, они собираютъ ближайшія свѣдѣнія о Китаѣ, потому что это современный вопросъ. Впрочемъ, ихъ ученое образованіе, большею частию, ограничивается свѣдѣніемъ, что теперь можно по желѣзной дорогѣ добѣхать до Парижа, что самыя дешевыя трико и сукна въ Германіи, самый дешевый сыръ въ Швейцаріи, а самыя острыя бритвы въ Англіи.

«Обыватель новаго времени, говоритъ авторъ въ заключеніи, есть соединеніе противорѣчій; въ немъ происходитъ безпрестанная борьба между тѣмъ, что онъ есть, чѣмъ создалъ его Господь Богъ, и тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть, или по крайней мѣрѣ казаться. Въ сущности, это, можетъ — быть, человекъ добрый и честный, какъ большая часть тѣхъ, которые родятся въ нашемъ краѣ, или, поселившись въ немъ, навсегда усвоили себѣ, хотя отчасти, простодушную польскую натуру. Онъ самъ портитъ въ себѣ это спасительное начало и добрыя влеченія, стараясь цивилизоваться по-свѣтски.»

Два бесѣды изъ прошедшаго (Dwie Konwersacje z przeszłości). Соч. Игнатія Ходзьки, автора «Литовскихъ Очерковъ». Вильно. 1857. Въ 12 д., 327 стр.

Г. Игнатій Ходзько (братъ извѣстнаго поэта Александра Ходзько и школьный товарищъ Мицкевича) принадлежитъ къ числу лучшихъ польскихъ писателей новѣйшаго времени, и давно уже снискалъ себѣ громкую славу, какъ авторъ оригинальныхъ разказовъ и повѣстей, отличающихся необыкновеннымъ талантомъ и народностію, принимаемая это слово въ его высшемъ значеніи. Въ его произведеніяхъ не замѣтно никакого подражанія. Въ нихъ отражается литовскій бытъ такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности (1).

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали мы новое произведеніе г-ва Ходзьки: «Два бесѣды изъ прошедшаго». Такъ авторъ назвалъ свою книгу, которая болѣе имѣетъ характеръ мемуаровъ, потому что онъ описываетъ въ ней воспоминанія своей жизни и своихъ друзей. Обѣ бесѣды происходятъ въ имѣніи автора. Первая бесѣда называется «Шляхетскою»; она происходила назадъ тому десятки лѣтъ, за бутылкою стараго французскаго вина, между паномъ Хоминскимъ, воеводою Брацлавскимъ, славнымъ стихоплетомъ въ свое время, и паномъ Михаиломъ Ходзькою, ошмянскимъ войскимъ и земскимъ писаремъ. Здѣсь превосходно очерчены характеры поколѣнія старопольскаго и поколѣнія молодаго, которое рабски подражало Французамъ при дворѣ короля Станислава. Панъ Хоминскій въ особенности любилъ часто приходить въ садъ пана войскаго и сочинять тамъ свои стихи. Старшій братъ воеводы, панъ стольникъ Хо-

(1) Его повѣсти и разказы вышли подъ заглавіемъ: *Obrazy Litewskie*, въ 4-хъ отдѣленіяхъ и 10 томахъ, въ Вильнѣ, въ 1840—43—44 и 45 годахъ.

мянскій выражаетъ собою типъ людей, которые воспитывались въ іезуитскихъ школахъ, гдѣ почти каждый писалъ стихи. Всѣ трое разговариваютъ между собою, пьютъ, панъ воевода переводитъ и декламируетъ стихи, панъ стольникъ также читаетъ свои, — и все это представляетъ живую картину тогдашнихъ нравовъ. Вторая беседа, черезъ нѣсколько лѣтъ, происходитъ въ томъ же самомъ домѣ, но уже не панъ войскій хозяинъ его, а его внукъ—Игнатій Ходзько; въ бесѣдѣ подъ старыми липами еще живетъ поэзія; Игнатій Ходзько пишетъ стихи въ классическомъ родѣ и не довѣряетъ романтизму, которымъ увлечены два извѣстные и талантливые поэта, Эдуардъ Одынецъ и Юліанъ Корсакъ. Какъ бы для обсуждения противоположныхъ мнѣній, три пріятеля, накануне Троицына дня, съѣзжаются въ деревнѣ Игнатія Ходзьки. Вторая беседа имѣетъ большое значеніе для исторіи польской литературы, касательно первоначальнаго появленія въ ней романтизма, вслѣдъ за которымъ возникъ у Поляковъ одинъ изъ гениальныхъ, современныхъ намъ поэтовъ, Адамъ Мицкевичъ. Мы приводимъ здѣсь слова Одынца, сказанныя имъ въ отвѣтъ Игнатію Ходзько, утверждавшему, что романтизмъ въ Польшѣ былъ слѣпымъ подражаніемъ Нѣмцамъ (см. стр. 201).

«Наша новѣйшая поэзія произошла не изъ германизма, не изъ школы, не изъ книгъ; она произошла изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, откуда произошло и все доброе между нами, то-есть, между нашею нынѣшнею молодежью. Эти источники — любовь къ родному, внутреннее самосозерцаніе, искренность чувствъ и мыслей, преимущественно же любовь и возбужденное ею вдохновеніе. Тотъ самый, котораго теперь между нами можно назвать главою и сердцемъ, потому что онъ всѣхъ насъ соединилъ въ одномъ чувствѣ правды, — авторъ *Гражини* (Адамъ Мицкевичъ) есть вмѣстѣ первый воскреситель новой идеи въ поэзіи. Всѣ, поступавшіе въ университетъ, которые уже въ школѣ писали стихи, даже и не слышали о нѣмецкихъ поэтахъ, но слѣпо слѣдовали примѣру современныхъ старшихъ собратій, то-есть, переводили съ французскаго, или подражали ему, а ужъ много-много съ латинскаго.»

Далѣе Одынецъ говоритъ о балладѣ, и прибавляетъ, что самая форма и даже названіе баллады перешли къ Полякамъ не прямо отъ Нѣмцевъ. Разказъ Одынца объ этомъ очень любопытенъ и для насъ Русскихъ.

«Въ этомъ самомъ корридорѣ, говоритъ онъ (стр. 206), въ стѣнахъ Свентоанскихъ, гдѣ жили Адамъ Мицкевичъ, Тома Занъ и ближайшіе въ то время ихъ друзья, Чечоть, Ежовскій и Францискъ Малевскій, жилъ также сынъ профессора русской словесности *Черняевскій*, молодой человекъ, живой, веселый и любимый всеми. Однажды, когда всѣ вмѣстѣ собрались, онъ вбѣжалъ къ нимъ съ восторгомъ и съ только-что вышедшею балладою Жуковскаго: *Люд-*

мла, мастерски переведенною, или, лучше сказать, передѣланною изъ баллады Биргера: *Ленора*, которая, какъ видно, написана на основаніи народной пѣсни, общей также нашему народу, до такой степени, что тѣ же самыя обороты находятя въ нѣмецкой и нашей (1). Это обстоятельство, равно и очарованіе самой поэзіи, на всѣхъ произвели необыкновенное впечатлѣніе. Занѣ на другой же день написалъ свою *Нерину*, первую балладу на польскомъ языкѣ, послѣ которой вскорѣ слѣдовали его же: *Цыганка*, *Панъ Твардовскій*, и потомъ уже *Свитязанка*, *Лилія* и др. Адама Мицкевича, написанныя прежде, нежели нѣмецкая баллада сдѣлалась у насъ извѣстна въ оригиналѣ. Итакъ, любезный другъ, ты видишь, *unde veniat*; что же касается самой баллады, то очевидно, что она не мертвое подражаніе книжной буквѣ и не простое подражаніе иностранцамъ; что даже источникъ первоначальнаго вдохновенія его появился на славянской землѣ.»

«Игнатій Ходзько, продолжаетъ авторъ,—который, даже въ самомъ важномъ разговорѣ, не могъ воздержаться отъ шутки, когда она приходила ему въ голову, всталъ съ мѣста и съ особеннымъ удареніемъ голоса произнесъ:

«C'est du nord à present que nous vient la lumière!»

Друзья—поэты продолжали еще разсуждать о классицизмѣ и романтизмѣ, о балладахъ и легендахъ. Между прочимъ Юліанъ Корсакъ замѣтилъ: «Духъ, а не форма составляетъ поэзію, и *Людмила* Жуковскаго можетъ быть упомянута въ исторіи нашей поэзіи, потому только, что она первая, по словамъ Одынца, какъ искра, коснувшись уже переполненныхъ молодыхъ сердецъ, воспламенила ихъ.»

«Двѣ бесѣды» заключаются эпилогомъ, по прошествіи тридцати лѣтъ. Въ той же самой бесѣдѣ, за круглымъ столомъ, снова собрались Ходзько, Корсакъ и Одынецъ; но время уже измѣнило ихъ и стерло съ ихъ лица краску молодости. Ходзько и Одынецъ внимательно вслушивались въ чтеніе Корсака... Духъ Данта присутствовалъ между ними!

Корсакъ дочитывалъ послѣднюю пѣснь *Божественной Комедіи*, переведенной имъ на польскій языкъ. Вся эта пѣснь помѣщена въ книгѣ г. Ходзько. Корсакъ уже умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не изданъ весь переводъ

(1) Miesiąc swieci,
Martwicz leci,
Sukienieczka szach, szach,
Panienczko, czy nie strach?

Der Mond der scheint so helle,
Die Todten reiten so schnelle,
Graut, Liebchen, auch dir nicht?

Божественной комедіи, принадлежащій такому замѣчательному поэту, каковъ былъ Корсакъ; несмотря на то, что въ новѣйшее время, Дантъ уже нѣсколько разъ переводимъ былъ на польскій языкъ, известень прозаическій переводъ г. Стройновскаго; гг. Левартовичъ и Кулчицкій приготавливаютъ переводъ стихами; сверхъ того переведены разные отрывки изъ Данта гг. Зелинскимъ, Каминскимъ, Вихерскимъ и мн. др.

«— Вотъ мой послѣдній трудъ! сказалъ Корсакъ, торжественно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ, положивши руку на рукопись. — Я началъ съ переводовъ лирическихъ стихотвореній Горациа и оканчиваю переводомъ Данта. Это тридцатилѣтнее поприще: отъ великаго римскаго классика до великаго, средневѣковаго художника, который дѣйствительно есть символъ примиренія классицизма съ романтизмомъ. Весь объемъ этого громаднаго произведенія, *Божественной Комедіи*, запечатленъ архитектурическимъ строемъ самаго классическаго стиля; линіи въ немъ, такъ сказать, геометрическія, однакожь циклъ его поэмы, обнимающій собою переходъ падшаго во грѣхъ человечества изъ временной жизни въ жизнь вѣчную, гдѣ ожидаетъ ихъ въ награду, соразмѣрно съ земными заслугами, вѣчное осужденіе, временное покаяніе въ чистилищѣ и торжество въ небесахъ душъ, соединенныхъ съ Богомъ; этотъ циклъ раздвинулъ свои исполнскія рамы въ безконечность, оставляя позади себя всѣхъ самыхъ смѣлыхъ романтиковъ. Все, что есть прекраснаго въ древнемъ классицизмѣ и въ новѣйшемъ романтизмѣ, Дантъ первый слилъ въ одинъ радужный цвѣтъ, а вѣчныя идеи *прекраснаго, добраго и истиннаго* вѣнчаютъ его поэзію, какъ троюгранникъ, какъ *тиара*...

«— Знаете ли что? продолжалъ онъ съ какимъ-то глубокимъ прискорбіемъ. — Здоровье мое, съ нѣ котораго времени, не совсѣмъ хорошо; все на свѣтѣ измѣняется; а я хотѣлъ бы, еще при моей жизни, напечатать этотъ переводъ и оставить моимъ соотечественникамъ память о себѣ.

«Едва это онъ выговорилъ, какъ вдругъ, неожиданно, потому что воздухъ былъ тихъ, сильный порывъ вѣтра прорвался сквозь деревья, зашумѣлъ въ вѣтвяхъ, зашелестилъ на столѣ листами рукописи Корсака, сильно сдувая и переворачивая ее.

«Всѣ трое, какъ бы увлеченные вихремъ, вдругъ приподнялись съ мѣстъ и съ изумленіемъ взглянули другъ на друга.

«— Что это? вдругъ всѣ вмѣстѣ спросили и замолчали...

«— Въ твоей бесѣдкѣ, Игнатій, совершаются чудеса, сказалъ наконецъ Корсакъ съ печальною улыбкою: — въ ней иногда является пророческій духъ. Было время, когда онъ здѣсь отозвался въ голосъ соловья, въ ту минуту, если припомните, когда Юзя, въ то время еще ребенокъ, а теперь жена моя, подала мнѣ ширтовую вѣтку.

Ты, Эдуардъ, тогда называлъ его пѣсню свадебнымъ гимномъ для жени; и это мнѣ пришло на мысль, потому что я помню всѣ впечатлѣнія тогдашней минуты; его пѣсня была предвѣстница моего счастья, которое и исполнилось черезъ нѣсколько лѣтъ. Теперь этотъ духъ промчался ураганомъ по моей рукописи... по моимъ надеждамъ... А ураганъ востребителенъ!.. Смотрите, опять тихо и спокойно... Слова мои вызвали его.»

Искренняя бесѣда друзей, нѣкогда сотоварищей Мицкевича, еще продолжалась подъ обаяніемъ поэтическихъ воспоминаній.

«— Когда же и гдѣ будетъ третье наше собраніе, спросилъ Одынецъ, — не опять ли черезъ тридцать лѣтъ?»

«— Тридцать лѣтъ! тридцать лѣтъ! печально всѣ повторили, кивая головами. — Развѣ эти липы дождутся этого срока, сказалъ Ходзько, и послѣ краткаго молчанія, поднявши глаза и руки вверхъ, произнесъ:

-Tam trzecie posiedzenie, gdzie wszystkim pójscь trzeba,
I gdzie Bóg scidьle pyta mędrców tego świata:
Jak użyli talentów danych im od nieba?
I gdzie najsprawiedliwsze i sąd i sąplata..»

То-есть:

«Тамъ третье собраніе, куда всѣ должны идти, и гдѣ Богъ строго допрашиваетъ мудрецовъ сего міра: какъ они употребили данныя имъ небомъ таланты, и гдѣ ожидаетъ самый справедливый судъ и воздаяніе...»

П. ДУБРОВСКІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Текущая политика слагается не только изъ совершившихся событий и вопросовъ, о которыхъ судятъ въ кружкахъ официальной дипломатіи; въ нее нѣрѣдко входитъ множество другихъ обстоятельствъ, изъ коихъ одни могли бы случиться, другія вовсе не существуютъ, третья просто невозможны. Вымыселъ смѣшивается съ истиной, предположенія являютъся на мѣсто положительныхъ выводовъ, и малѣйшія примѣты подають поводъ къ самымъ неожиданнымъ толкамъ. Современная политика представляетъ немного рѣзко выдающихся событий, поражающихъ своею положительною стороною и тѣмъ самымъ прерывающихъ догадки и предположенія. Вопросы о Дунай-

скихъ княжествахъ и остъ-индскомъ возстаніи суть единственныя, о ходѣ которыхъ можно имѣть положительныя свѣдѣнія. За то штутгартское и веймарское свиданія возбудили въ послѣднее время множество разныхъ предположеній, которыя смѣло можно отнести къ фантастической части современной политики. Весьма немногіе журналы прямо объявили, что имъ неизвѣстно ничего о происходившемъ въ Штутгартѣ и Веймарѣ; а изъ журналовъ, не замедлившихъ представить свои предположенія за вполне-основательныя, менѣе прочихъ ошиблись тѣ, которые обнародовали полную программу вопросовъ, занимающихъ правительства и общественное мнѣніе въ настоящее время и будто бы рѣшенныхъ въ Штутгартѣ, гдѣ непременно была рѣчь о которомъ—нибудь изъ этихъ вопросовъ; такимъ образомъ, показанія этихъ журналовъ не могутъ быть вполне опровергнуты. Избѣгая такой тактики, мы должны сказать прямо, что о свиданіяхъ штутгартскомъ и веймарскомъ неизвѣстно ничего положительнаго, и утѣшиться тою мыслію, что значеніе ихъ обнаружится со временемъ. Уже теперь говорятъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, разослалъ ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Франціи при иностранныхъ дворахъ объяснительную депешу о характерѣ и значеніи штутгартскаго свиданія; говорятъ также—но это сомнительно—о нотѣ вѣнскаго кабинета, объясняющей свиданіе въ Веймарѣ: эти ноты, если онѣ дѣйствительно существуютъ, должны положить конецъ слишкомъ смѣлымъ толкованіямъ.

Конечно, необходимо принять во вниманіе измѣненія, происшедшія въ общемъ положеніи Европы въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, и главнымъ образомъ возрастающее преобладаніе общественнаго мнѣнія во всѣхъ важныхъ вопросахъ внѣшней политики. Но если свиданія государей не могутъ въ настоящее время имѣть того вліянія на судьбы государствъ, какое имѣли въ прежнее время свиданія эрфуртское и тильзитское, то все же они имѣютъ большую важность и общаются практическіе результаты. Ссылаемся на недавнее осборнское свиданіе между императоромъ Французовъ и англійскою королевой. Послѣдствіемъ этого свиданія было устраненіе важнаго препятствія къ рѣшенію вопроса о Дунайскихъ княжествахъ. Если осборнское свиданіе имѣло столь значительный результатъ, какъ отмѣна молдавскихъ выборовъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что свиданія штутгартское и веймарское не будутъ имѣть своихъ политическихъ послѣдствій; напротивъ, есть полное основаніе думать, что они будутъ имѣть полезное и рѣшительное вліяніе на разрѣшеніе текущихъ политическихъ вопросовъ.

Къ числу слуховъ, возбужденныхъ веймарскимъ свиданіемъ, принадлежитъ слухъ объ удаденіи австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля, который въ послѣднее время находился въ Карлсбадѣ и пользовался тамошними водами. Теперь этотъ слухъ опро-

вергается со всѣхъ сторонъ: даже оѳиціальный органъ австрійскаго правительства извѣщаетъ, что состояніе здоровья графа Буоля вскорѣ позволитъ ему возвратиться въ Вѣну. По остроумному и вѣрному замѣчанію одного журнала, удалеными министрами не позволяютъ такъ скоро выздоравливать въ оѳиціальной газетѣ. Предстоящее возвращеніе графа Буоля въ Вѣну не исключаетъ однако надежды на возможность нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Австріи по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ. Въ Journal de Francfort, извѣстномъ органѣ австрійской политики, сообщены довольно важныя объясненія въ этомъ смыслѣ. «Рѣшеніе дунайскаго вопроса, сказано въ этомъ журналѣ, можетъ послѣдовать лишь при взаимной уступчивости великихъ державъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Быть-можетъ, вѣнскій кабинетъ даже самъ начнетъ дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Графъ Буоль, никогда не противившійся соглашенію, могущему водворить всеобщій миръ и прекратить миръ вооруженный, приметъ на себя переговоры объ этомъ. Онъ продолжаетъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, находясь въ Карлсбадѣ, и съ этою цѣлью онъ взялъ съ собою секретаря Буля.» Вопросъ, разумеется, въ томъ, какъ далеко могутъ простираться уступки вѣнскаго кабинета, ибо если онъ, подобно Портѣ, предложитъ замѣнить политическое соединеніе Дунайскихъ княжествъ административнымъ, то предложеніе его едва ли облегчитъ разрѣшеніе вопроса. Мы увидимъ ниже, какъ отзываются вообще австрійскіе журналы о послѣднихъ выборахъ въ Молдавіи и Валахіи.

Свиданія штутгартское и веймарское возбудили довольно сильную полемику между *Австрійскою Газетою* и берлинскою полуоѳиціальною газетою *Zeit*. Съ намѣреніемъ, для всѣхъ понятнымъ, австрійскій журналъ указалъ на отсутствіе Пруссіи на совѣщаніяхъ штутгартскихъ и веймарскихъ. Берлинскій журналъ отвѣчалъ, что Пруссія не участвовала въ этихъ переговорахъ по собственному желанію, хотя и была приглашена самымъ почетнымъ образомъ. «Примиренія не могло быть тамъ, гдѣ не было разногласія», сказано въ этомъ журналѣ. «Въ Штутгартѣ, два государя, которыхъ арміи недавно сражались одна противъ другой, лично примирились. Въ Веймарѣ обнялись два государя, которыхъ дружественныя отношенія поколебались. При обоихъ свиданіяхъ желали положить конецъ враждебной политикѣ и вступить на новую дорогу. Пруссія не имѣла никакого повода къ такому образу дѣйствій; ей не зачѣмъ изъяснять свою политику, ибо она не вела войны и не показала никому ни недобѣрія, ни вражды.»

Выборы въ обоихъ Дунайскихъ княжествахъ окончены, и результаты ихъ такъ рѣшительны и ясны, что удовлетворилъ всѣ желанія приверженцевъ либеральной и народной партій. Въ Валахіи, какъ и въ Молдавіи, огромное большинство избранныхъ депутатовъ при-

надлежитъ къ приверженцамъ соединенія. Въ валахскомъ диванѣ 101 членъ, изъ коихъ почти всѣ желаютъ соединенія. Правда, они не сходятся во мнѣніяхъ относительно внутреннихъ преобразованій, ибо въ диванѣ считаютъ 58 членовъ либеральной партіи и 43 консерватора, но мнѣнія ихъ сходятся по главному вопросу, занимающему въ настоящее время европейскіе кабинеты. Это важный шагъ къ разрѣшенію послѣднихъ затрудненій, завѣщанныхъ восточною войною европейской дипломатіи. Отнынѣ вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ будетъ правильно поставленъ и разрѣшенъ, согласно съ начертаніями парижскаго конгресса. Засѣданія дивановъ уже начались. Молдавскій диванъ открытъ 4-го, Валахскій 12-го октября. Результатъ ихъ совѣщаній можно опредѣлить заранее: они выразятъ желаніе, чтобы Княжества были соединены въ одно государство. Европейская международная коммиссія, находящаяся въ Бухарестѣ, представитъ свой докладъ парижскому конгрессу, который соберется снова, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ послѣдней инстанціи.

При такихъ обстоятельствахъ, естественно рождается вопросъ, какъ поступятъ три державы, доселѣ противившіяся соединенію Княжествъ. Не присоединится ли Англія, занятая усмиреніемъ остъ-индскаго возстанія, къ мнѣнію Франціи и трехъ другихъ державъ, раздѣлявшихъ политику Франціи въ Константинополѣ? Не сдѣлаетъ ли Австрія, послѣ веймарскаго свиданія, значительныхъ уступокъ общественному мнѣнію Европы и большинству державъ, участвовавшихъ въ заключеніи парижскаго трактата? Что касается Порты, она уже заявила свое мнѣніе, какъ скоро убѣдилась, что выборы склоняются не въ пользу политики. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ разослалъ ко всѣмъ великимъ державамъ новую ноту, въ которой протестуетъ противъ выборовъ молдавскихъ и валахскихъ. Порта какъ бы не признаетъ того постановленія парижскаго трактата, въ силу коего населеніе Княжествъ должно свободно выразить свои желанія. Она заранее заподозриваетъ будущія рѣшенія дивановъ и спѣшитъ признать ихъ недѣйствительными. Въ заключеніе ноты сказано, что Порта готова допустить единообразіе нѣкоторыхъ административныхъ законовъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Къ счастью, дѣло это подлежитъ окончательному рѣшенію не Порты, а парижскаго конгресса.

Сужденія австрійскихъ журналовъ о совершившихся выборахъ вполне согласуются съ характеромъ турецкой ноты: вотъ почему позволительно сомнѣваться, чтобы Австрія согласилась на значительныя уступки. Мы видѣли выше отзывъ *Journal de Francfort*. Отзывы вѣнскихъ журналовъ дополняютъ мнѣвіе, высказанное во франкфуртскомъ. Они утверждаютъ, что политическое соединеніе можетъ быть замѣнено соединеніемъ административнымъ, судебнымъ, военнымъ и финансовымъ. Намекая на существованіе такого проекта, будто бы

уже одобреннаго Англіею, вѣнскіе журналы съ такимъ же ожесточеніемъ порицають выборы, произведенные въ Княжествахъ, какое обнаруживаютъ константинопольскіе журналы. *Австрійская Газета* требуетъ даже, чтобы эти выборы объявлены были недѣйствительными; она говоритъ, что «если первые молдавскіе выборы отмѣнены, то послѣдніе заслуживаютъ кнута.» Почти также сильно выражаются нѣмецкіе журналы, преданные Австріи. Напримѣръ въ *Аугсбургской Газетѣ* помѣщено письмо изъ Яссы, въ которомъ формально обвиняють извѣстнаго нашимъ читателямъ каймакана Вогоридеса въ подлогъ при выборахъ, и называютъ выборы явленіемъ чудовищнымъ. Какъ будто вѣрность трактатамъ, постановленія парижскаго конгресса, торжественныя обязательства, принятія на себя европейскими державами и самую Австріею относительно Дунайскихъ княжествъ, должны быть преданы забвенію и остаться мертвою буквою потому только, что они противорѣчатъ частнымъ видамъ и интересамъ Австріи. «Никогда, говоритъ далѣе *Австрійская Газета*, ни Порты, ни Австрія не позволятъ, чтобы въ сердцѣ Оттоманской имперіи и на порогѣ имперіи Австрійской осуществилась утопія, которая не только измѣнила бы разомъ фizioномію Востока, но была бы не чѣмъ инымъ, какъ воплощенною революціей.»

Итакъ, призракомъ революціи надѣются австрійскіе журналы возбудить недовѣріе Франціи и другихъ державъ противъ политическаго соединенія Княжествъ. Они прямо объявляютъ, что это соединеніе служитъ не цѣлью, а только предлогомъ для того поголовнаго движенія, которое происходитъ въ Дунайскихъ княжествахъ; что это движеніе имѣетъ характеръ не столько національный, сколько революціонный! Всего страннѣе то, что *Австрійская Газета* не приводитъ ни одного факта, который сообщилъ бы ея догадкамъ хоть тѣнь правдоподобія. Развѣ избиратели Молдавіи и Валахіи стеклись на выборы подъ знаменемъ революціи? Развѣ выходили они на площадь, чтобы силою доставить торжество своимъ мнѣніямъ и желаніямъ? Они составили избирательныя программы, обнародованныя во всѣхъ европейскихъ журналахъ, и съ одною изъ нихъ, программою молдавской либеральной партіи, мы уже познакомили нашихъ читателей. Валахская либеральная партія тоже требуетъ въ своей программѣ: 1) Чтобы Валахія и Молдавія были соединены въ одно государство и подъ однимъ правительствомъ; 2) Чтобы наследственная монархическая власть ввѣрена была иностранному принцу одной изъ царствующихъ въ Европѣ династій, и чтобы наследникъ его, родившійся въ Княжествахъ, были воспитаны въ правилахъ туземнаго вѣроисповѣданія; 3) Чтобы учреждено было представительное правленіе съ однимъ общимъ собраніемъ, въ которомъ всѣ сословія имѣли бы своихъ представителей. Эта программа, какъ и молдавская, нимало не противорѣчитъ духу парижскаго трактата, предоста-

впавшаго Княжествамъ устроить внутреннее свое управление. Что же находятъ въ ней революціоннаго австрійскіе и преданные Австріи журналы?

Мы могли бы покончить этими соображеніями общую часть нашего обозрѣнія, еслибы изъ Соединенныхъ Штатовъ не было получено извѣстія о приготовленіяхъ извѣстнаго генерала Вокера къ новой экспедиціи въ Никарагуу. Приготовленія эти возбудили протестъ посланниковъ гватемальскаго, санъ-сальвадорскаго и коста-рикскаго. Въ общей нотѣ, врученной ими министру иностранныхъ дѣлъ, генералу Кассу, они жалуются, что въ южныхъ штатахъ готовится новая экспедиція подъ начальствомъ Вокера, и что въ тамошнихъ журналахъ объявлено, будто она должна отправиться въ первыхъ числахъ октября въ Бокаст-дель-Торо, гдѣ получитъ оружіе изъ Ник-Йорка, и оттуда въ Санъ-Жуанъ-дель-Порте, единственный портъ, черезъ который она могла бы проникнуть въ страну. Посланники выражаютъ желаніе, чтобы военные корабли Соединенныхъ Штатовъ были отправлены въ Бокаст-дель-Торо и Санъ-Жуанъ для воспрепятствованія высадкѣ экспедиціи. Правительство Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительно обнародовало въ журналахъ о своемъ намѣреніи всѣми силами противодѣйствовать снаряженію экспедиціи и сохранить дружественныя отношенія съ штатами Центральной Америки. Незвѣстно только, въ какой мѣрѣ искренно подобное объявленіе.

Въ дополненіе правилъ 25-го декабря 1856 года о порядкѣ возвращенія кантонистовъ изъ учебныхъ заведеній военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, высочайше повелѣно: 1) возвращать кантонистовъ по просьбѣ родственниковъ только до 1-го августа 1858 года; солдатскихъ же сыновей, о возвращеніи которыхъ не поступитъ просьба до этого срока, считать уже оставшимися въ заведеніяхъ и школахъ добровольно; 2) дѣйствительную службу оставшимся кантонистамъ считать не съ 20-лѣтняго возраста, а со времени выпуска изъ заведеній и школъ, но не ранѣе однакожь какъ 16-лѣтняго возраста, если они выпущены моложе сего возраста.

Вслѣдствіе ходатайства Россійскаго Страховаго отъ огня Общества, нѣкоторыя статьи устава 1827 г. измѣнены, въ видахъ доставленія ему большихъ выгодъ. Новыя статьи суть слѣдующія: § 4. Основной капиталъ Общества состоитъ изъ 4,000,000 руб. сер., которые вносятся для приращенія процентами въ Государственный Заемный и Коммерческій Банки, или употребляются на покупку руссійскихъ фондовъ. § 59. Страховать можно на сроки отъ 3 до 12 мѣсяцевъ, также на 2, на 3, на 4, на 5 и болѣе лѣтъ. § 60. За кратчайшіе чѣмъ на годъ сроки отдачи на страхъ имущества, преміи, въ сравненіи съ годовыми, платятся нѣсколько выше. § 62. Никакое имущество не приеется на страхъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, но товары могутъ быть приняты на страхъ и менѣе, чѣмъ на три мѣсяца.

Состоялось Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Московскомъ университетѣ стипендіи въ память покойнаго профессора Грановскаго, съ разрѣшеніемъ открыть на этотъ предметъ подписку. Ниже будетъ сказано подробнѣе объ этомъ общепользномъ учрежденіи, открывающемъ для нашихъ молодыхъ людей новыя средства къ дальнѣйшему образованію.

Въ Англии, въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, не было получено важныхъ извѣстій объ остъ-индскомъ возстаніи. Телеграфическія депеши и частныя извѣстія сообщаютъ только подробности о прѣжнемъ и немного новаго. Къ сожалѣнію, и въ этомъ такъ много противорѣчій, что еще нельзя сдѣлать вѣрнаго заключенія о положеніи Англичанъ въ Остѣ-Индіи. Достоверно одно то, что это положеніе не измѣнилось еще къ худшему. Это уже очень важно, потому что съ каждымъ днемъ успѣхъ Англичанъ становится возможно: войска должны прибывать съ конца сентября, и вскорѣ борьба приметъ другой характеръ. Теперь же, повидимому, обѣ стороны еще находятся въ равновѣсіи. Извѣстія, сообщенныя нами въ послѣднемъ обозрѣніи, подтвердились только отчасти. Надежды, которыя были возбуждены ими, смѣнились даже слухами о новыхъ несчастіяхъ, но и эти слухи тоже оказались невѣрными. По частнымъ письмамъ изъ Калькутты, можно было думать, что не только кратковременные успѣхи генерала Гевлока совершенно прекратились, но ему самому грозитъ гибель со всѣмъ его небольшимъ отрядомъ. Говорили, что слухъ о его движеніи къ Лакно (Лакнау) не оправдался, что онъ еще 13-го августа находился въ Канпурѣ, гдѣ его положеніе такое же критическое, какъ несчастнаго генерала Уилера. Отрядъ его уменьшился до 900 человекъ, а инсургенты окружаютъ его съ трехъ сторонъ: изъ Ауда, Футтейпура и Гвалиора въ одно время угрожаетъ нападеніе. Положеніе Лакно, по этимъ письмамъ, тоже ненадежно. Послѣднія депеши не подтвердили этихъ мрачныхъ слуховъ. Генералъ Гевлокъ былъ точно принужденъ воротиться въ Каунпуръ, но находился тамъ въ совершенной безопасности. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ этотъ городъ, онъ снова началъ свои наступательныя дѣйствія, и одержалъ подъ Бисуромъ девятую побѣду надъ инсургентами; послѣ чего остался въ Канпурѣ, куда къ 9-му сентября должны были прибыть подкрѣпленія подъ начальствомъ генерала Отрама (Outram). До прибытія, ихъ дѣйствовать было невозможно. Таковы послѣднія извѣстія. Ручаться за ихъ совершенную достоверность невозможно. Нѣкоторые журналы уже теперь замѣчаютъ, что въ депешахъ можетъ быть неясность, и что побѣда при Бисурѣ та самая, о которой уже было сообщено прежде. Осада Лакно продолжается, но защита города идетъ успѣшно, и нѣтъ причинъ ожидать его скорого паденія. Прибытіе къ Дельги генерала Никольсона увеличило осаждающее войско до 11,000 человекъ. Воспользовавшись вылазкою, которую сдѣлали инсургенты, чтобъ отрѣзать англійскій

лагерь отъ шедшаго туда обоза съ продовольствіемъ, генераль Никольсонъ напалъ на нихъ близъ Нуссу-гура, и нанесъ имъ сильное поражение. О времени приступа къ Дельги пока еще ничего неизвѣстно. По всей вѣроятности, его не будетъ ранѣе конца сентября, пока соберутся всѣ войска. Возстаніе распространяется попрежнему, но мѣстные начальства дѣйствуютъ съ большою предупредительно-стью: возмутившіеся сипаи вездѣ были обезоружены.

Новый главнокомандующій, сэръ-Колинъ Кампбелль, прибылъ наконецъ въ Калькутту. Онъ возвѣстилъ арміи свое назначеніе въ энергической прокламаціи. Носятся слухи о несогласіяхъ между генераломъ Кампбеллемъ и генераль-губернаторомъ. Вообще, управленіе послѣдняго возбуждаетъ сильное неудовольствіе какъ въ Остѣ-Индіи, такъ и въ Англии. Лордъ Каннингъ самъ чувствуетъ, повидимому, что не находится въ уровень съ теперешними грозными обстоятельствами и, говорятъ, намѣренъ выйти въ отставку. Его положеніе будетъ въ самомъ дѣлѣ неловкое, если справедливо, что правительство намѣрено отправить въ Индію три слѣдственные комиссіи, для изслѣдованія причинъ возстанія и недостатковъ мѣстной администраціи. Слухи объ отмѣнѣ Остѣ-Индской Компаніи продолжаются. Эта мѣра день ото дня становится необходимѣе, потому что и въ финансовомъ отношеніи Компаніи трудно справиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Читатели помнятъ, вѣроятно, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ парламентъ отвергнулъ проектъ закона о заключеніи займа въ ея пользу, въ полномъ убѣжденіи о неисчерпаемомъ множествѣ средствъ, которыми располагаетъ правленіе директоровъ. Эти надежды не оправдались. Уже при самомъ началѣ возстанія, Компанія была вынуждена прибѣгнуть къ содѣйствию англійскаго банка и занять у него 25 милл. ф. стерл. Теперь она снова дѣлаетъ заемъ. При общемъ стремленіи превращать въ наличныя деньги государственныя и торговые фонды, капиталисты особенно неблагоприятно смотрятъ на билеты Компаніи. Въ Англии убѣжденіе, что Компанія не должна болѣе существовать, выразилось даже въ различныхъ слухахъ. Нѣкоторые журналы объявляли напримѣръ, что королева Викторія будетъ вскорѣ провозглашена императрицею Индустана. Это извѣстіе не подтвердилось, но перемѣна, разумѣется, только отсрочена.

По поводу остѣ-индскихъ происшествій журналы сильно заняты вопросомъ, есть ли необходимость созвать зимою парламентъ, или, напротивъ, лучше не созывать его, чтобы предоставить кабинету большую свободу дѣйствій. Главнѣйшіе журналы склоняются въ пользу послѣдней мѣры, справедливо полагая, что парламентскія пренія и соединенная съ ними отчетность отнимутъ много времени и энергіи у распоряженій министерства. Но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы въ настоящую тяжелую эпоху Англія признала необходимость временной диктатуры. При отсутствіи парла-

мента, какъ и во время его засѣданій, правительство одинаково находится подъ строгимъ надзоромъ общественнаго мнѣнія. Возстаніе сипаевъ обнаружилось въ Англіи разомъ и готовность содѣйствовать власти и умѣнье судить ея дѣйствія, не выходя изъ предѣловъ законности. Недавно одинъ изъ вождей оппозиціи, старинный главаторійской партіи, г. Дизраэли, произнесъ строгій судъ не надъ однимъ мѣстнымъ управленіемъ Остѣ-Индіи, но также и надъ распоряженіями правительства. Это было на годовомъ банкетѣ королевскаго общества сельскаго хозяйства въ Нью-Портѣ-Пагвеллѣ (Newport-Paguell). Г. Дизраэли упрекаетъ правительство въ томъ, что сначала оно слишкомъ легко смотрѣло на возстаніе, а потомъ хотя и перемѣнило свой взглядъ, но не приняло никакой энергической мѣры. Между прочимъ онъ указывалъ на то, что до сихъ поръ королевскій флотъ не былъ употребленъ для ускоренія перевоза войска. Столько же упрекалъ онъ и журналистику за ея кровожадные возгласы, за требованіе страшной мести надъ сипаеями. *Morning Post*, одинъ изъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе важный въ этомъ случаѣ, что онъ всего болѣе читается въ низшихъ рядахъ средняго сословія, взялся отвѣчать на упреки г. Дизраэли. Въ своемъ отвѣтѣ этотъ журналъ рѣшительно протестуетъ противъ всякой мести по усмиреніи возстанія, и признавая справедливую часть упрековъ, говоритъ, что правительство, каковы бы ни были преступленія инсургентовъ, унизило бы себя местию, и имѣеть право только наказывать.

Еще строже былъ произнесенъ судъ надъ недостатками Англіи и ея управленія въ день молебствія по поводу остѣ-индскихъ происшествій. Это было 7 октября въ среду. Было что-то торжественное въ покаяніи цѣлаго народа и въ безпощадномъ обнаруженіи собственныхъ недостатковъ. Никогда, можетъ-быть, англійскій народъ не являетъ себя выше и достойнѣе своего призванія, какъ въ подобныя минуты. Зрѣлище было тѣмъ умильтельнѣе, что среди людей, внимавшихъ словамъ раскаянія и упрека, было много вдовъ и сиротъ, лично пострадавшихъ. Рѣчи, произнесенныя по этому случаю, болѣею частью соотвѣтствовали общему настроенію и вмѣстѣ съ молитвою содержали указанія на темныя стороны и властей, и общества. Нѣкоторые изъ проповѣдниковъ не ограничились осужденіемъ остѣ-индской администраціи, но призывали весь народъ къ раскаянію въ корыстолюбивой и безнравственной политикѣ. «Не мы ли, говорилъ одинъ изъ нихъ, обратили Индію въ поле, на которомъ воздѣлывали опиумъ, вредный не для одного тѣлеснаго здоровья, но развращающій притомъ цѣлыя страны, не мы ли начинали неправыя войны изъ одной корысти?» Другой проповѣдникъ упоминалъ о несправедливомъ присоединеніи цѣлыхъ царствъ къ владѣніямъ Остѣ-Индской компаніи. Но особенно замѣчательна одна проповѣдь, въ которой было указано на

коренной недостатокъ англійскаго управленія въ Остѣ-Индіи, вато, что въ теченіи долгихъ годовъ обладанія не было ничего сдѣлано для ея ушественнаго и нравственнаго развитія; что населеніе ея осталось въ прежнемъ состояніи, и господство европейской державы не сблизило его съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Вообще всѣ проповѣди болѣе или менѣе отличались безпощаднымъ указаніемъ на общественныя язвы. Къ чести англиканскаго духовенства надобно замѣтить, что почти всѣ проповѣдники осуждали мстительные возгласы, несогласные съ характеромъ христіанскаго и просвѣщеннаго общества.

Къ голосу представителей церкви присоединилъ свой голосъ и *Times*, въ которомъ обыкновенно отражается господствующее настроеніе общества. Этотъ журналъ, иногда позволяющій себѣ выходки, исполненныя узкаго патриотизма, на этотъ разъ заговорилъ во имя самыхъ человѣческихъ требованій. «Мы недостаточно исполняли, было въ немъ сказано по поводу молебствія, наши человѣческія и религіозныя обязанности.» Это обвиненіе *Times* обращаетъ не къ одной Остѣ-Индской компаніи. Онъ не боится высказать его цѣлой націи и пользуется случаемъ, чтобъ указать на недостатки общественнаго устройства, общественное неравенство классовъ народа и различныя злоупотребленія, болѣе преувеличивая, нежели преуменьшая ихъ. Возвращаясь къ поводу статьи, *Times* опредѣляетъ тѣ задачи, которыя предстоятъ Англій послѣ вторичнаго покоренія Индіи. Эти задачи всѣ сводятся къ одной: надобно сдѣлать Остѣ-Индію землей христіанскою, присоединить ее къ европейской цивилизаціи и противоборствовать, при помощи просвѣщенія, тѣмъ ужасамъ, которые нынѣ тамъ происходятъ. Задача трудная, но безъ нея англійское господство никогда не будетъ прочнымъ, и покореніе 180 милліоновъ жителей не найдетъ оправданія передъ исторіей.

Нельзя не сказать, что въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ едва ли не болѣе рочательства за будущіе успѣхи Англій, чѣмъ даже въ ея огромныхъ средствахъ и напряженіи матеріальныхъ силъ. Нужно сознать въ себѣ много нравственной силы, чтобы такъ рѣшительно указывать на свои большыя и темныя стороны. Нельзя также не отдать справедливости тому искусству, съ которымъ Англія пользуется гласностію. Воспитанная вѣковою свободой, она не стѣсняетъ ею дѣйствій правительства, когда почитаетъ ихъ нужными, но никогда отъ нея не отказывается, хотя бы гласность и вела къ открытію самыхъ слабыхъ, самыхъ темныхъ сторонъ государства или націи. Вотъ почему, какъ ни дорожить Англія своимъ парламентскимъ правленіемъ, она понимаетъ однако, что собраніе палатъ было бы неумѣстно въ настоящее время; но и при ихъ отсутствіи продолжаетъ обнаруживать всякое зло, всякую неправду. Разумѣется, при такой свободѣ раздаются иногда и голоса, враждебные существующему порядку; но Англія не смущается ими; въ той же свободѣ она находитъ

имъ самое сильное противодѣйствіе. Къ числу враждебныхъ голосовъ надобно причислить странныя отзывы ирландскихъ журналовъ о настоящихъ событіяхъ. Какъ ни очевидна для Ирландіи невозможность отдѣльнаго существованія, полная историческихъ воспоминаній, она все еще мечтаетъ о самостоятельности. По этой-то причинѣ извѣстія объ остъ-индскомъ возстаніи нигдѣ не были встрѣчены такимъ крикомъ радости, какъ въ иныхъ ирландскихъ журналахъ. Едва ли даже гдѣ на материкѣ Европы было что-нибудь подобное. Къ чести Ирландскаго народа надобно сказать однако, что не вездѣ мѣстный патриотизмъ высказался такъ безчеловѣчно. Многіе журналы, напротивъ, съ ужасомъ и скорбію говорили о жертвахъ возстанія. Замѣчательно, что и въ виду такихъ неприличныхъ возгласовъ англійское правительство не прибѣгло ни къ какимъ стѣснительнымъ мѣрамъ, довольствуясь лучшимъ и самымъ строгимъ изъ всѣхъ судовъ, судомъ общественнаго мнѣнія. Къ сожалѣнію, не лучше ирландскихъ журналовъ, вели себя и англійскіе католики. Между тѣмъ, какъ члены всѣхъ исповѣданій спѣшили принять участіе въ пожертвованіяхъ на пользу пострадавшихъ, одни католики не хотѣли въ нихъ участвовать. Журналы приписываютъ ихъ равнодушіе стараніямъ кардинала Вайзмана (Wiseman) и доктора Келлена (Cullen), дублинскаго архіепископа. Это обвиненіе было бы еще тяжеле, еслибъ причиной такого образа дѣйствій была одна религіозная нетерпимость. Но здѣсь замѣшалась старая вражда, память о прежнихъ обидахъ. Архіепископъ дублинскій, въ письмѣ изъ Рима къ своему викарію, оправдывается въ упрекахъ въ безчеловѣчіи. «Протестантскій комитетъ вспомошествованія, говоритъ онъ, исключительно помогъ въ 1854 году вдовамъ и сиротамъ однихъ протестантовъ, и теперь мы хотимъ быть увѣрены, что католики не лишатся помощи, прежде, чѣмъ согласимся дать ее.» Это объясненіе, конечно, уменьшаетъ тяжесть обвиненія; но нельзя не пожалѣть, что подобныя разсчеты примѣшиваются къ общему благородному настроенію.

Наборъ войска продолжается. Ростъ, требуемый отъ рекрутъ, значительно пониженъ. Возрастъ, который, по прежнему положенію, былъ опредѣленъ отъ 18 до 25 лѣтъ, теперь распространенъ до 30 лѣтъ. Эти мѣры имѣли успѣхъ: въ теченіи шести недѣль сряду еженедѣльно являлось до 1000 волонтеровъ. Къ наемному войску ни правительство, ни Остъ-Индская компанія долго не рѣшались прибѣгнуть; но теперь, кажется, намѣрены употребить и это средство. По этому поводу журналы разказываютъ довольно комическое обстоятельство. Майоръ Бѣрнеби (Burnaby), бывший командиромъ британско-италійнскаго легіона въ Крыму, представилъ правленію директоровъ записку о необходимости набрать наемное войско. Въ своей запискѣ храбрый майоръ не ограничился одними экономическими соображеніями. Онъ счелъ за лучшее подкрѣпить свои доводы исто-

рическими свидѣтельствами и цитуетъ даже пророка Іезекииля и первую книгу Маккавеевъ, изъ которыхъ видно, что Іудеи были у сирійскихъ царей чѣмъ-то въ родѣ наемныхъ Швейцарцевъ. Затѣмъ онъ обращается къ исторіи Персовъ, Карагенянъ, Греціи, Македоніи, Рима и т. д., и потомъ уже переходитъ къ новѣйшей исторіи, гдѣ, разумѣется, находитъ самое убѣдительное доказательство, которымъ могъ бы и однимъ удовольствоваться, то-есть примѣръ самой Англіи. Важнѣе этихъ свидѣтельствъ изъ военной исторіи экономическіе доводы майора: каждый англійскій солдатъ стоить правительству, пока онъ прибудетъ въ Остъ-Индію, 12 фунт. стерл.; между тѣмъ, какъ иностранный рекрутъ, если его не посылать сначала въ Англію, обойдется, по расчету майора, всего въ 3 фунт. стерл. «Воспользуйтесь, восклицаетъ авторъ записки къ джентльменамъ Ост-индскаго дома (India-Hous), этимъ наемнымъ элементомъ, вмѣстѣ съ лучшимъ англійскимъ элементомъ, воспользуйтесь имъ изъ видовъ экономіи, подобно тому, какъ трактирщикъ мѣшаетъ пшеничную муку съ картофельною, или жена его мѣшаетъ настоящій кофе съ цикорнымъ.» Вопросъ о скорѣйшемъ доставленіи войска въ Остъ-Индію болѣе прежняго занимаетъ правительство. Увѣряютъ, что оно намѣрено воспользоваться предложеніемъ императора Наполеона отправлять войско черезъ французскую территорію. Императоръ взялся также склонить египетскаго пашу на допущеніе отправки солдатъ черезъ Египетъ. Читатели помнятъ, что на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента лордъ Пальмерстонъ очень возставалъ противъ переправки арміи черезъ Суэсскій перешеекъ. Теперь, кажется, министерство не отвергаетъ уже этого пути. Носятся слухи, что правительство прибѣгнетъ также и къ иностранной помощи, которую, по словамъ журналовъ, оно недавно отвергало. Говорятъ, что кабинетъ просилъ у Пиемонта трехтысячнаго отряда и что всѣ регулярныя войска Англіи будутъ посланы въ Остъ - Индію, а въ королевствѣ останется только милиція.

Къ военнымъ затрудненіямъ Англіи присоединяются финансовыя, результатъ того кризиса, который въ настоящее время тяготѣетъ надъ цѣлою Европой. Рѣдкость звонкой монеты, которой исчезновеніе давно уже замѣчено, и колебанія въ торговлѣ, произведенныя еще не заглаженными послѣдствіями восточной войны, да сихъ поръ оказываютъ вліяніе на главнѣйшіе изъ европейскихъ рынковъ. Къ тому же кризисъ въ Сѣверной Америкѣ, паденіе тамъ важнѣйшихъ торговыхъ домовъ, не замедлили отозваться въ Европѣ. Англійскій банкъ, одно изъ наиболѣе прочныхъ кредитныхъ учреждений, долженъ былъ однако, вслѣдствіе этого, возвысить процентъ учета своихъ бумагъ. Требованіе размѣна приняло такія пропорціи, что безъ этой мѣры невозможно было обойтись. Подвозъ золота и серебра изъ Калифорніи и Австраліи однако продолжается, и есть надежда

что дѣла придуть въ надлежащій порядокъ. Само собою разумѣется, что остъ-ивдскія событія и пособіе, которое банкъ былъ долженъ сдѣлать Компани, не мало увеличили затруднительное положеніе.

Слѣдствие о смутахъ, происшедшихъ въ Бельфастѣ, окончено. Оно продолжалось шестнадцать дней и доказало, что виновниками волненія были католики. Раздраженные протестантскими проповѣдями на улицахъ, они столпились на сборищахъ протестантовъ, чтобы разогнать ихъ, и въ знакъ соединенія надѣли желтыя лиліи на шляпы. Это и повело къ столкновенію. Королевскіе комиссары оправдываютъ отчасти протестантовъ, представляя, что большинство населенія принадлежитъ къ ихъ исповѣданію. Спокойствіе не было болѣе нарушено, но есть, повидимому, причины опасаться за его продолженіе. По крайней мѣрѣ въ Дублинѣ былъ совѣтъ изъ главныхъ членовъ управленія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ лорда-намѣстника, и на этомъ совѣтѣ рѣшено объявить еще нѣкоторыя мѣстности въ осадномъ положеніи, такъ что теперь оно обнимаетъ весь округъ Бельфаста. Это рѣшеніе было принято вслѣдствіе донесенія второстепенныхъ начальниковъ. Къ жителямъ обнародована новая прокламація.

Во Франціи не было ничего особенно замѣчательнаго въ послѣднее время. Тишина, царствовавшая во внутреннихъ дѣлахъ имперіи, была нарушена только нѣсколькими соблазнительными процессами, которые стоять того, чтобъ о нихъ сказать нѣсколько словъ. Эти процессы послѣдствіе того направленія, которое старались развить во Франціи. Между ними всего болѣе привлекалъ вниманіе процессъ Карпантье и Ламбера де-Буасси, основателей общества алжирскаго кредита. Искусственное и, можно сказать, излишнее развитіе духа спекуляцій имѣло вредное послѣдствіе. Оно повело къ обманамъ въ такихъ размѣрахъ, о какихъ прежде и не было слышно. Цѣлыя общества возникали съ расчетомъ на легковѣріе публики и обращались по преимуществу къ низшимъ классамъ, вовлеченнымъ общимъ примѣромъ въ биржевую игру и тому подобныя обороты. Жалобы на злоупотребленіе довѣрія обнаружили недавно одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ обмановъ этого рода. Другой процессъ возникъ вслѣдствіе обвиненія одного депутата въ подкупъ и обманъ для избранія и незаконномъ ношеніи ордена почетнаго легіона. Эти факты не лишены значенія въ то время, когда вожди прежнихъ партій, люди, каковы Тьеръ и Каваньякъ, уклоняются отъ участія въ дѣлахъ и не хотятъ быть членами законодательнаго собранія.

Парижскій денежный рынокъ находится въ такомъ же затрудненіи, какъ и лондонскій. Французскій банкъ тоже возвысилъ до $6\frac{1}{2}\%$ процентъ учета. Директорамъ оставался выборъ между этою мѣрою и назначеніемъ болѣе продолжительнаго срока для размѣна билетовъ. Они предпочли первое, справедливо полагая, что отсрочка въ размѣнѣ будетъ гораздо ощутительнѣе для торговыхъ оборотовъ.

Изъ распоряженій правительства заслуживаетъ вниманія одно, которое касается высшаго училища, такъ-называемой французской коллегии (Collége de France). До сихъ поръ управление имъ исключительно принадлежало собранію профессоровъ. Теперь правительство подчинило его министерству народнаго просвѣщенія, которое получило право назначать туда администратора, вице-президента и секретаря, а также опредѣлять адъюнктовъ (suppléans). Последніе назначаются на одинъ только годъ.

Въ Испаніи министерскій кризисъ окончился паденіемъ кабинета. Это произошло 3-го октября. Внѣшнимъ къ нему поводомъ послужило представленіе маршала Нарваэса о назначеніи новыхъ сенаторовъ. Между ними находилось имя г. Пидалья, отца министра. Королева не согласилась ни на одно назначеніе, не объяснивъ нисколько причинъ своего отказа. Кабинетъ рѣшился подать въ отставку. Королева долго на нее не соглашалась. Она хотѣла протянуть дѣло до собранія кортесовъ и устроить такъ, чтобы кортесы выразили свое недовѣріе къ министерству. Но маршалъ Нарваэсъ постоянно опирался на большинство въ палатахъ, и потому вовсе не желалъ пасть подъ ихъ приговоромъ. Онъ рѣшился настаивать на своей отставкѣ и получилъ ее. Несмотря однако на разрывъ, наружное согласіе между королевою и ея кабинетомъ нисколько не нарушилось, какъ ни рѣдко это бываетъ въ Испаніи. Вечеромъ того же дня всѣ министры были въ театрѣ и входили въ королевскую ложу. Въ одинъ изъ антрактовъ въ комнатѣ подлѣ ложи происходило довольно продолжительное совѣщаніе, результатъ котораго остался неизвѣстенъ. О составѣ новаго министерства ничего вѣрнаго еще неизвѣстно. Главою будущаго кабинета называютъ г. Браво Мурильо, а между членами г. Мона, нынѣшняго испанскаго посланника въ Римѣ. Другіе увѣряютъ, что президента совѣта вовсе не будетъ, и что королева сама будетъ предсѣдательствовать. Такая мѣра дастъ возможность составить кабинетъ изъ разнородныхъ элементовъ, не оскорбивъ ничьего честолюбія. Едва ли впрочемъ это возможно. Въ числѣ слуховъ были и такіе, по которымъ новый кабинетъ долженъ былъ состоять изъ гг. Нарваэса и Пидалья, съ перемежною остальныхъ министровъ. Это всего невѣроятнѣе, потому что паденіе прежняго кабинета вызвано не разногласіемъ внутри его, а пройсками придворной партіи, камарильи. Последнія извѣстія говорятъ о кабинетѣ подъ президентствомъ адмирала Армеро, котораго политическій характеръ пока совершенно неизвѣстенъ. Паденіе маршала Нарваэса, выданнаго собственною партіей, можетъ повести къ новымъ волненіямъ, которыя онъ сдерживалъ отчасти съ большимъ трудомъ и искусствомъ.

Въ Швейцаріи союзный совѣтъ далъ знать комиссарамъ, собравшимся въ Лозаннѣ, что рѣшеніе ваадтскаго совѣта ничего не измѣ-

нило въ его намѣреніяхъ, и предписалъ имъ дѣйствовать по прежней инструкціи. Чѣмъ кончится столкновеніе между союзною и мѣстною властію, еще неизвѣстно.

Невшательскій совѣтъ постановилъ испросить у народа полномочія для распространенія существующихъ основъ народнаго представительства.

Въ Ааргау католическое духовенство недавно объявило, что не будетъ болѣе вѣнчать смѣшанные браки между католиками и протестантами.

Въ Пруссіи національный банкъ тоже возвысилъ до 6½ процентовъ учетъ. Эта мѣра сдѣлалась необходимою не столько вслѣдствіе положенія внутренняго рынка, сколько по причинѣ возвышенія учетнаго процента въ Парижѣ и Лондонѣ.

Король неожиданно занемогъ въ началѣ октября. Онъ страдаетъ размягченіемъ мозга и хотя въ последнее время ему было лучше, но опасность не миновалась.

Благотворительный конгрессъ во Франкфуртѣ, о которомъ мы говорили въ последнемъ обзорѣ, окончилъ свои работы. Несмотря на возгласы отсталыхъ писателей, еще предпочитающихъ монашескую милостыню среднихъ вѣковъ правильно устроенной благотворительности, онъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе большинства и, безъ сомнѣнія, не останется безъ важныхъ послѣдствій для улучшенія быта неимущихъ классовъ. Мы говорили уже отчасти о тѣхъ задачахъ, которыя подлежали его разсмотрѣнію. Скажемъ теперь о тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя были приняты конгрессомъ. Конгрессъ вообще отличался умѣренностью, и старался, по возможности, согласить свои требованія съ тѣми условіями, которыя ставили имъ особая учрежденія отдѣльныхъ государствъ. Всего затруднительнѣе въ этомъ отношеніи вопросъ о той степени свободы, которую слѣдовало предоставить частной благотворительности. Этотъ вопросъ уже былъ поднятъ на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. Бельгійскія происшествія нынѣшней весны придавали ему особенный интересъ, указывая съ очевидностью, къ какимъ онъ можетъ повести столкновениямъ. Конгрессъ вполне понималъ трудность задачи, и не взялъ на себя ея окончательнаго рѣшенія. Въмѣсто этого, какъ мы уже сказали, онъ предложилъ премію за сочиненіе объ этомъ вопросѣ. По другимъ вопросамъ конгрессъ высказался рѣшительнѣе, и взаимныя отношенія частной и общественной благотворительности опредѣлены съ большою полнотою. По мнѣнію конгресса, общественная благотворительность должна ограничиваться тѣми бѣдствіями, которыя имѣютъ общій или постоянный характеръ. Личная или временная помощь не должна входить въ кругъ ея дѣйствій иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости. Но и въ тѣсныхъ предѣлахъ, очерченныхъ для его дѣятельности, государство обязано брать на себя вспомошествованіе

только при недостаткѣ помощи со стороны общинъ или частныхъ обществъ. Конгрессъ не призналъ права бѣдныхъ на помощь отъ общества, считая ее только нравственною обязанностью послѣдняго. Съ такимъ же единодушіемъ былъ рѣшенъ конгрессомъ вопросъ о первоначальномъ образованіи. Давать дѣтямъ первоначальное образованіе признано безусловною обязанностью родителей. Не было ни одного даже протеста во имя родительской власти или безграничной свободы. Но, возлагая такую обязанность на каждого изъ членовъ гражданского общества, конгрессъ не впалъ однако въ противоположную крайность, и призналъ за родителями полное право избирать тотъ или другой способъ обученія. Нѣкоторые изъ членовъ конгресса предлагали одобрить даровое обученіе, по примѣру Франкфурта, Женевы и нѣсколькихъ городовъ въ Соединенныхъ Штатахъ; но конгрессъ не согласился на это предложеніе. По мнѣнію большинства, даровое обученіе не можетъ быть оправдано ни со стороны теории, ни со стороны практики. Оно переноситъ на государство то, что составляетъ естественную обязанность семейства, потворствуетъ лѣни и до нѣкоторой степени отзывается неблагоприятно на взаимныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей, освобождая послѣднихъ отъ благодарности отцамъ и матерямъ за воспитаніе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ первоначальное образованіе не обязательно, даровое обученіе можетъ быть полезно: оно служитъ приманкою для тѣхъ, которые безъ этого не занялись бы вовсе воспитаніемъ своихъ дѣтей; но когда на родителяхъ лежитъ прямая обязанность, то въ подобномъ побужденіи нѣтъ уже никакой необходимости. Нельзя не замѣтить, что рѣшеніе конгресса можетъ быть благоприятно и въ политическомъ отношеніи, развивая самостоятельность лица и семейства. Изъ числа второстепенныхъ вопросовъ, конгрессъ занимался, между прочимъ, вопросомъ о крѣпкихъ напиткахъ. Конгрессъ не вдавался въ крайности такъ-называемыхъ обществъ умѣренности и не включилъ вина въ числѣ осужденныхъ напитковъ, къ которымъ отнесена только водка. Это рѣшеніе не прошло безъ сильной оппозиціи. Что касается до тюрьмы, то конгрессъ предпочелъ единичное заключеніе, хотя и не высказалъ рѣшительно этого предпочтенія. До сихъ поръ побѣда оставалась скорѣе за поборниками общаго содержанія преступниковъ. Доводы, приведенные на конгрессѣ, и цифры уголовной статистики представляютъ этотъ вопросъ въ новомъ видѣ. Фактовъ еще мало для окончательнаго рѣшенія вопроса; но голосъ конгресса, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть вліяніе при будущемъ его обсужденіи.

Еще важный вопросъ разрѣшается теперь въ Нюрнбергѣ. Здѣсь собрались теперь представители германскихъ державъ для составленія общаго для всей Германіи торговаго уложенія. Долгое время засѣданія конференціи были покрыты совершенною тайной. Теперь обнародована часть ея работъ. Въ этой первой части говорится о

торговыхъ обществахъ. Первый вопросъ, который здѣсь представляется, состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на торговыя общества, какъ на юридическія лица, и нужно ли согласіе верховной власти для учрежденія ихъ? Конференція не признала этихъ обществъ за юридическія лица, какъ ни старались объ этомъ нѣкоторые изъ ея членовъ. Положено было, что законъ вовсе не имѣетъ нужды высказывать свой взглядъ на это. Что же касается до согласія верховной власти, то требовать или не требовать его предоставлено совершенно на волю отдѣльныхъ государствъ. Такимъ образомъ, до сихъ поръ извѣстенъ только отрицательный результатъ конференціи: въ своихъ рѣшеніяхъ она старалась избѣжать столкновенія съ мнѣніями, преобладающими въ отдѣльныхъ государствахъ. Вѣроятно, вскорѣ будетъ обнародована болѣе важная часть ея работы. Нѣмецкіе журналы выражаютъ по этому поводу желаніе, чтобы было составлено и общее гражданское уложеніе для Германіи. Это сдѣлать тѣмъ легче, что недавно были исполнены важные законодательные труды въ Баваріи, Саксоніи, Гессенѣ и Виртембергѣ. Эти труды могли бы лечь въ основаніе общаго законодательства. По крайней мѣрѣ южныя государства могли бы прійти къ подобному соглашенію. Такимъ образомъ, была бы исполнена мысль, которая зародилась еще въ XVI вѣкѣ, при императорѣ Максимилианѣ I, и съ тѣхъ поръ никогда не исчезала, но, встрѣчая до сихъ поръ неодолимыя препятствія, не могла еще быть исполнена.

Не менѣе важное явленіе, хотя и съ мѣстнымъ характеромъ, происходитъ въ Виртембергѣ. Извѣстно, къ какимъ затрудненіямъ давалъ поводъ выкупъ тѣхъ повинностей, которыя принадлежали высшему дворянству (Standesherrn). До сихъ поръ правительство не могло согласиться съ ними на этотъ счетъ. Теперь въ верхней палатѣ составленъ подробный проектъ выкупа, съ важными уступками со стороны дворянства. Другой замѣчательный проектъ закона, который разсматривается теперь виртембергскими палатами, относится къ переложенію на деньги всѣхъ личныхъ государственныхъ повинностей.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о виртембергскомъ конкордатѣ. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщали о немъ журналы. Теперь обнародована папская булла, которая утверждаетъ конкордатъ и содержитъ подробное его изложеніе. Читеніе этой буллы объясняетъ ту всеобщую радость, которую конкордатъ возбудилъ и въ римскомъ дворѣ и въ нѣмецкихъ католикахъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ содержитъ важныя уступки духовенству и доказываетъ, до какой степени католицизмъ усилился въ послѣднее время. Мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя подробности. Епископы получили право раздавать всѣ вакантныя церковныя мѣста, безъ предварительнаго разрѣшенія правитель-

ства и съ обязанностію только не опредѣлять лица, враждебныя правительству; надзоръ за духовными школами и назначеніе въ нихъ преподавателей принадлежитъ исключительно имъ; они могутъ учреждать монастыри и вводить монашескіе ордены въ свои епархіи; рѣшаютъ всѣ церковныя тяжбы и въ томъ числѣ дѣла о разводѣ, только о гражданскихъ послѣдствіяхъ развода предоставляется судить свѣтскимъ судамъ. Сношенія съ папою и съ народомъ совершенно свободныя. На этомъ основаніи епископъ имѣетъ право безпрепятственно обнародовать всѣ церковныя акты: папскія буллы, собственныя грамоты, акты соборовъ и т. д. Религіозное преподаваніе въ свѣтскихъ училищахъ подлежитъ надзору епископа, который одинъ утверждаетъ и запрещаетъ катихизисы и т. п. книги. Церковное имущество неприкосновенно, но подлежитъ обыкновеннымъ государственнымъ взысканіямъ. Церковь можетъ управлять имъ, какъ хочетъ; но пока правительство даетъ ей денежное вспоможеніе, оно сохраняетъ право участія въ управленіи; а потому всѣ вакантныя приходскія имѣнія управляются смѣшанною комиссіей, на половину изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Церковь имѣетъ право приобретать имущество всякаго рода.

Въ Сербіи открытъ заговоръ противъ владѣтельнаго князя Александра. Нѣсколько человѣкъ было арестовано.

Въ Швеціи, принцъ Карлъ, регентъ королевства, началъ свое управленіе назначеніемъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Выборъ его падаетъ по преимуществу на тѣхъ, которые принадлежатъ къ такъ-называемой скандинавской партіи. Принцъ вообще исполненъ сочувствія къ этой партіи. Его любимый герой въ шведской исторіи — Карлъ XII. Этимъ объясняется большинство, которое его регентство получило во всѣхъ четырехъ палатахъ. Наибольше сильная оппозиція была въ палатѣ крестьянъ, которые опасались новаго налога для содержанія двора; но и это законное опасеніе уступило національному сочувствію къ принцу. Въ Норвегіи сочувствіе націи выразилось еще очевиднѣе. Несмотря на объявленіе отъ правительства, что король Оскаръ пополнилъ издержки на новые расходы принца изъ собственныхъ своихъ доходовъ, стортингъ все-таки единогласно рѣшилъ ассигновать принцу ежегодно значительную сумму въ счетъ государственнаго бюджета. Отъ регента ожидаютъ новой политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но многіе, и едва ли не справедливо, опасаются, что его правленіе не будетъ отличаться тѣмъ благоразуміемъ, которымъ было отмѣчено счастливое царствованіе короля Оскара.

Комитетъ, существующій, по конституціи, для наблюденія за финансами, объявилъ шведскимъ банкирамъ, что онъ намѣренъ, въ силу закона, одобреннаго палатами, открыть заемъ по подпискѣ, для

окончания первой линіи желѣзныхъ дорогъ. Заемъ будетъ погашаемъ ежегодными уплатами.

Въ трехъ палатахъ духовенства, мѣщанъ и крестьянъ, былъ представленъ проектъ закона о распространеніи существующихъ основъ народнаго представительства. Вездѣ разсмотрѣніе этого проекта было отложено до слѣдующаго срока засѣданій.

Въ Турціи правительство борется съ финансовыми затрудненіями едва ли не болѣе прежняго. При общемъ колебаніи, которое господствуетъ теперь въ Европѣ, финансовое положеніе Оттоманской имперіи, и всегда не очень цвѣтущее, пришло еще въ большее разстройство. Государственные билеты упали двадцатью процентами ниже первоначальной цѣны. Попытки поправить дѣло удаются плохо.

Беспорядки въ различныхъ провинціяхъ имперіи безпрестанно возобновляются или, лучше сказать, не прекращаются вовсе. Въ Босніи какъ православное, такъ и католическое населеніе волнуется, раздраженное притѣсненіями всякаго рода. Возстаніе обратилось особенно противъ духовенства, которое обѣщало правительству, что населеніе заплатитъ налогъ, состоящій въ третьей части произведеній. Будучи не въ силахъ заплатить такую тяжкую подать, все населеніе возмутилось и противъ свѣтскихъ, и противъ духовныхъ властей. Столкновеніе, которое чуть было не произошло съ Черногоріей и было остановлено только вмѣшательствомъ европейскихъ консуловъ, имѣло тоже причиною несправедливыя финансовыя мѣры.

По берегамъ Африки возобновилась торговля неграми, но французская и англійская эскадры дѣятельно ей препятствуютъ. Торговцы этого рода всѣ — Американцы.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, кризисъ, начавшійся въ Нью-Йоркѣ, распространился и далѣе. Значительные торговые дома сдѣлались его жертвою. Паническій страхъ господствуетъ на биржахъ. Причиною кризиса почитаютъ не однѣ тѣ причины, которыя произвели его въ Европѣ. Къ нимъ присоединяется еще то, что по нѣкоторымъ изъ особыхъ конституцій штатовъ банки пользуются излишнею свободою, которую употребляютъ во зло, выпуская слишкомъ большое количество билетовъ. Окончанія кризиса еще нельзя предвидѣть. По счету одного нью-йоркскаго журнала, въ теченіи одной недѣли было до 70 банкротствъ, изъ которыхъ 21 приходится на долю торговыхъ домовъ самого Нью-Йорка.

Объ экспедиціи противъ мормоновъ ничего новаго неизвѣстно. Кажется, что мормоны готовятся къ упорной оборонѣ. Великій первосвященникъ Брейгамъ Йонгъ запретилъ изданіе мормонскаго журнала и повелѣлъ закрыть всѣ ихъ храмы. Повидимому, эти мѣры находятся въ связи съ предстоящею войною.

Мы говорили о сочувствіи Американцевъ къ Англичанамъ въ настоящей борьбѣ въ Остъ-Индіи. Это сочувствіе раздѣляется однако не всеми. Недавно въ Нью-Йоркѣ былъ митингъ, съ цѣлюю протестовать противъ набора волонтеровъ на союзной территоріи для англійской арміи. Извѣстно, что правительство разрѣшило наборъ по той причинѣ, что имъ въ настоящемъ случаѣ не нарушается нейтралитетъ Соединенныхъ Штатовъ. Лица, присутствовавшія на митингѣ, большею частию принадлежать къ числу переселенныхъ Ирландцевъ. Этимъ объясняется ихъ враждебный взглядъ на данное разрѣшеніе. Наборъ, несмотря на это, продолжается попрежнему.

С М Ъ С Ъ

ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

25-го сентября, 1857.

... Вы вѣрно захотите знать что-нибудь о Севастополѣ самомъ. Первое впечатлѣніе разбитаго въ прахъ, сторѣвшаго и разграбленнаго города поразительно. Съ разрушеніемъ фортвъ Александровскаго, Николаевскаго и Павловской батарей, видъ Севастополя съ моря утратилъ всякій характеръ. Только форты Сѣверной стороны, Константиновскій и Михайловскій, напоминаютъ прошлое. Они остаются вооруженные орудіями. На Константиновскомъ развивается батарейный флагъ. Съ большей части судовъ, которыми наполненъ рейдъ, посрублены мачты, и потому, не зная про нихъ, нельзя и подозрѣвать ихъ въ бухтѣ. Суда меньшаго размѣра, какъ-то: шкуны, транспорты и нѣкоторые бриги, вынуты тѣми небольшими средствами, которыя находились въ распоряженіи здѣшняго капитана-отъ-порта. Около большихъ кораблей хлопочетъ компанія Американцевъ, но результатовъ еще не достигла. Болѣе всего заслуживаетъ удивленія ихъ чудовищная помпа, вовсе не извѣстная нашимъ механикамъ: она выбрасываетъ столбъ воды около 1 аршина въ діаметрѣ. Взрывы ихъ довольно неудачны. Бастіоны Севастополя, изрытые брустверами, представляютъ издали что-то величавое, но взшедши на нихъ, видишь такой хаосъ, въ которомъ совершенно теряешься:

при занятіи ихъ непріателемъ были засыпаны амбразуры, а теперь раскапываются блиндажи для собиранія матеріаловъ. Размѣры бастіоновъ колоссальны; каждый изъ нихъ могъ бы служить акрополемъ любому древнему городу. Пространство, которое было занято непріателемъ, представляетъ обезображенную пустыню; вдоль балокъ были цѣлые поселки изъ каменныхъ бараковъ, но все это разрушено; деревянные бараки свезены въ городъ. Корсунь, какъ мнѣ кажется, не потерпѣла ни сколько; по ней прорыта траншея для сообщенія съ батареей, сдѣланною на оконечности. Траншеей они наткнулись на одну изъ церквей, обозначенную на планѣ Дюбуа, и кажется ее немного пораскопали.

На дняхъ совершилось здѣсь торжество, о которомъ съ участіемъ узнають во всѣхъ концахъ Россіи.

Надъ могилами незабвенныхъ героевъ Севастополя, при обширнѣйшемъ изъ кладбищъ, гдѣ почіють ихъ кости, предпринято сооруженіе храма. Мысль открыть на этотъ предметъ подписку принадлежитъ генералъ-адъютанту князю В. И. Васильчикову, память о распоряженіяхъ котораго передается въ Севастополь каждымъ очевидцемъ. Счастливая мысль была встрѣчена горячимъ сочувствіемъ, и 17-го сентября сего года положенъ первый камень въ основаніе будущаго храма.

Еще съ ранняго утра ялики Екатерининской пристани наполнились жителями Севастополя, стремившимися переправляться на Сѣверную сторону. Тамъ, по близости Петровскаго кладбища, во временной деревянной церкви, преосвященный Димитрій, епископъ херсонскій и таврическій, совершалъ въ этотъ день соборнѣ божественную литургію. Туда же, переплывъ черезъ бухту, пришло съ хоругвями и святыми иконами, духовенство Михайловскаго адмиралтейскаго собора. Скорѣ потомъ прибылъ въ церковь, пришедшій тѣмъ же утромъ изъ Николаева на пароходѣ «Тамань», любимый всѣми начальникъ, николаевскій и севастопольскій военный губернаторъ свиты его величества контръ-адмиралъ Г. И. Бутаковъ. Его сопровождали исправляющій должность севастопольскаго военного губернатора вице-адмиралъ Вукотичъ, командиръ севастопольскаго порта вице-адмиралъ Мессеръ и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества князь Голицынъ. По окончаніи литургіи преосвященный Димитрій произнесъ бесѣду, начинавшуюся словами Откровенія Іоаннова, гдѣ вдохновенный ясновидецъ говоритъ объ успокоеніи душъ мучениковъ за вѣру. Этимъ мученикамъ за вѣру уподобилъ преосвященный и героевъ одиннадцати-мѣсячной осады Севастополя; потомъ перешелъ онъ къ тому многостороннему значенію, которое долженъ принять воздвигаемый надъ могилами ихъ храмъ Божій, и заключилъ общеою молитвою о скорѣйшемъ осуществленіи благаго начинанія.

Процессія, предшествуемая хоругвями и иконами, двинулась къ мѣсту закладки; тамъ, въ нарочно-устроенной обширной палаткѣ, вчутренность которой равнялась средней части создаемаго храма, а надъ входомъ развѣвался молитвенный флагъ, отслужена была сначала паннихида по убиеннымъ воинамъ, потомъ совершено водосвятіе и приступлено къ закладкѣ. Сошедши на дно выкопанныхъ рововъ для фундамента, преосвященный водрузилъ въ выстѣченномъ для сего углубленіи каменной плиты, имѣющей служить основаніемъ будущаго престола, серебряный крестъ (1), и тутъ же положены были контръ-адмираломъ Бутаковымъ медали, выбитыя въ послѣднюю войну; сверхъ креста положена бронзовая вызолоченная доска съ слѣдующею надписью:

Лѣта 1857 года, мѣсяца сентября въ 17 день,
въ благополучное царствованіе
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II,

по благословенію преосвященнаго Димитрія, епископа херсонскаго и таврическаго, заложено основаніе храма во имя Святителя Николая въ память воиновъ, павшихъ въ 1854 и 1855 годахъ, при оборонѣ Севастополя, на добротныя приношенія усердствовавшихъ, вслѣдствіе открытой по предложенію генераль-адъютанта князя Васильчикова 2-го подписки. Сооруженіе, подъ главнымъ завѣдываніемъ свиты его величества контръ-адмирала Бутакова, предпріято исполнить отставнымъ поручикомъ Волоховымъ, по проекту архитектора Авдѣва.

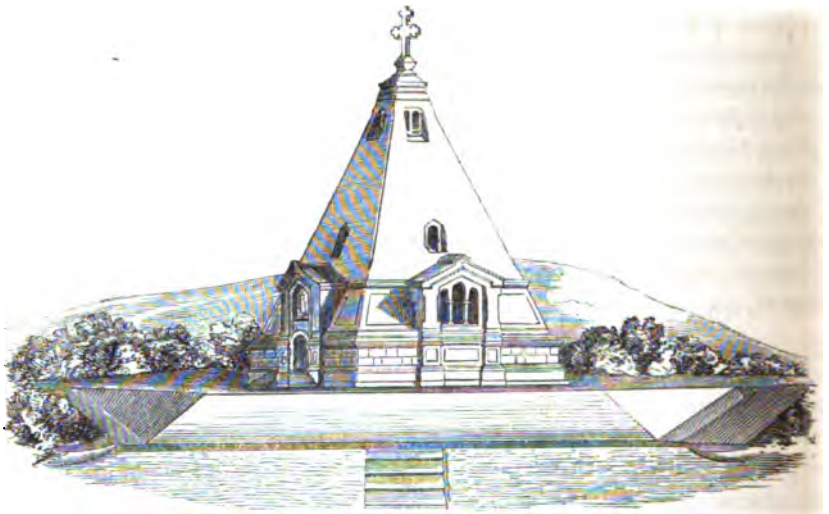
Углубленіе, гдѣ помѣстилась бронзовая доска, закрыто небольшою каменною плитою, вокругъ которой положено на извести восемь правильно обдѣланныхъ небольшихъ камней слѣдующими лицами: преосвященнымъ Димитріемъ, контръ-адмираломъ Бутаковымъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, вице-адмираломъ Мессеромъ, членами комитета по сооруженію этого храма и устройству кладбищъ; вице-адмираломъ Вукотичемъ, контръ-адмираломъ Варницкимъ и капитаномъ 1-го ранга Ключниковымъ; послѣдній камень положенъ архитекторомъ. По окропленіи преосвященнымъ краугольныхъ камней и основанія для фундамента, вся процессія въ томъ же порядкѣ возвратилась въ церковь. Погода благопріятствовала торжественной церемоніи; это былъ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ дней, которыми такъ богата бываетъ южная осень; солнце свѣтило въ полномъ блескѣ, и многочисленная толпа зрителей имѣла видъ пестраго, роскошнаго цвѣтника, по выраженію Гёте.

Вы можете-быть пожелаете передать вашимъ читателямъ сколько-нибудь удовлетворительное понятіе о томъ храмѣ, который предполагается воздвигнуть. Это будетъ храмъ-памятникъ или храмъ-мавзолей. Двойственное назначеніе оригинально примирилось въ

(1) Приношеніе настоятеля херсонской обители іеромонаха Евгенія.

проектъ, удостоившемся Высочайшаго утвержденія. Позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Архитектурная идея могильнаго памятника имѣетъ свою исторію, весьма древнюю. Древній Египетъ, отличавшійся передъ всѣми странами древности воздаяніемъ великихъ почестей усопшимъ, создалъ и основную форму всѣхъ мавзолеевъ,— форму пирамиды, какъ наиболее устойчивую. Дальнѣйшую разработку эта форма получила у Римлянъ, у которыхъ архитектура могильныхъ памятниковъ достигла обширнаго развитія. Христіанство принесло съ собою новые мотивы и новыя задачи. Христіане, съ самыхъ первыхъ вѣковъ, стали устраивать погребальные склепы въ видѣ часовенъ или церквей, гдѣ могли бы совершаться молитвы по усопшимъ. Могильные памятники замѣнялись храмами или располагались вокругъ нихъ. Изъ этихъ данныхъ естественно возникла мысль соединить древнюю архитектурную форму мавзолея съ христіанскою формою храма. При осуществленіи этой мысли архитекторъ руководился слѣдующими соображеніями. Онъ принялъ за несомнѣнное, что для церкви византійская внутренность наиболее удовлетворяетъ артистическимъ побужденіямъ нашего времени. Это дѣйствительно современный интересъ обще-европейскаго искусства, и должно сказать, что мы, получившіе форму храма отъ Византіи, цѣнимъ ее менѣе, чѣмъ бы ожидать было можно. Итакъ относительно стilia внутренности храма архитекторъ не колебался, а такъ какъ византійская архитектура была только перерожденіемъ римской, и прямо къ ней примыкаетъ, то наружную форму цѣлаго, т. е. форму пирамиды, естественно было заимствовать изъ стilia, непосредственно предшествовавшаго византійскому, именно римскаго. Задача слѣдовательно сама собою принимала такой видъ: церкви византійскаго стilia дать наружную форму пирамиды, возведенной въ римскомъ стили.

Эта основная архитектурная мысль получила въ подробностяхъ слѣдующее исполненіе. Основаніемъ римской пирамиды служить двойной высокой цоколь. Въ четырехъ незначительныхъ выступахъ, не нарушающихъ цѣлости квадратнаго основанія, помѣщены окна и дверь, ведущая въ храмъ; надъ фронтонами этихъ выступовъ, въ прорѣзанной наклонной стѣнѣ, устроены четыре окна, освѣщающія внутренній куполъ храма, а верхняя часть пирамиды занята колоколенною. Надъ входными дверьми предположенъ на золотомъ фонѣ образъ благословляющаго Спасителя, который будетъ производиться изъ мозаики (приношеніе Государя Императора); по размѣрамъ зданія, ликъ Спасителя долженъ быть величиною около одного аршина; онъ будетъ обращенъ прямо къ кладбищу. Желательно бы было видѣть здѣсь изображеніе Христа, въ ту минуту, какъ Онъ, воскресши изъ мертвыхъ, предсталъ Апостоламъ съ словами «Миръ вамъ». Эта благовѣсть мира не имѣла ли бы отношенія къ тѣмъ, которые въ

продолжительной борьбѣ, посреди всякихъ лишеній, при истощеніи физическихъ и нравственныхъ силъ, находили въ смерти отрадное успокоеніе? Пирамида будетъ увѣнчана огромнымъ каменнымъ крестомъ въ 3 сажени. Высота всего зданія съ крестомъ предполагается $15\frac{1}{2}$ сажени при квадратномъ основаніи 9 сажени. Размѣры эти были приняты по неопредѣленности суммы, могущей собраться изъ приношеній, такъ какъ уже самое обнесеніе кладбищъ оградами, при общемъ протяженіи этихъ оградъ почти на двѣ версты, стоило немаловажныхъ издержекъ. Неменьшихъ издержекъ потребуетъ и обдѣлка 582 общихъ и 3637 одиночныхъ могилъ на всѣхъ пяти кладбищахъ. Но ежели и при всемъ томъ, ревностнымъ участіемъ соотечественниковъ, сумма сбора возрастетъ значительно, можно будетъ сообщить зданію бѣльшую монументальность посредствомъ внутренней отдѣлки. Всѣ детали зданія будутъ носить на себѣ характеръ византійскихъ построекъ; по мысли архитектора это не долженъ быть однакоже рабскій снимокъ съ дошедшихъ до насъ памятниковъ, а воспроизведеніе византійскаго вкуса, не чуждающееся изящныхъ формъ и нѣжныхъ очертаній.

Перехожу ко внутренности. Планъ представляетъ равноконечный крестъ, одинъ изъ рукавовъ котораго занимаетъ среднюю часть алтаря, боковыя же его части, называемыя въ византійской церкви *проскомидія* и *діаконикъ*, помѣщаются въ сѣверовосточномъ и юго-восточномъ углахъ; онѣ соединены съ серединою церкви сѣвѣрною и южною дверьми, помѣщенными въ полуциркульныхъ угловыхъ нишахъ, съ которыхъ начинаются паруса, поддерживающія полусферическую скупью или куполь. Каждый изъ рукавовъ креста заключаетъ въ себѣ

по двѣ такія же ниши. Въ 8 нишахъ и 6 прямоугольныхъ углубленійхъ сѣверной и южной стѣнъ, будутъ начертаны имена всѣхъ убитыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, на плитахъ изъ чернаго байдарскаго мрамора. Иконостасъ, равно какъ и обдѣлка стѣнъ на одинаковую съ нимъ высоту предполагается изъ крымскихъ мраморовъ; матеріялы, назначенные для зданія, — гранитъ, камень изъ ломки, лучшей въ окрестностяхъ Севастополя, мраморы и частію металлы; сгараемыхъ же и подверженныхъ разрушенію матеріяловъ не войдетъ въ постройку. Пусть будетъ этотъ храмъ столь же вѣковѣченъ, какъ и слава, которую стяжали вѣрные исполнители своего долга!

РАБОТЫ ПО ОТЫСКАНІЮ КАМЕННАГО УГЛЯ БЛИЗЪ МОСКВЫ И СЕРПУХОВА.

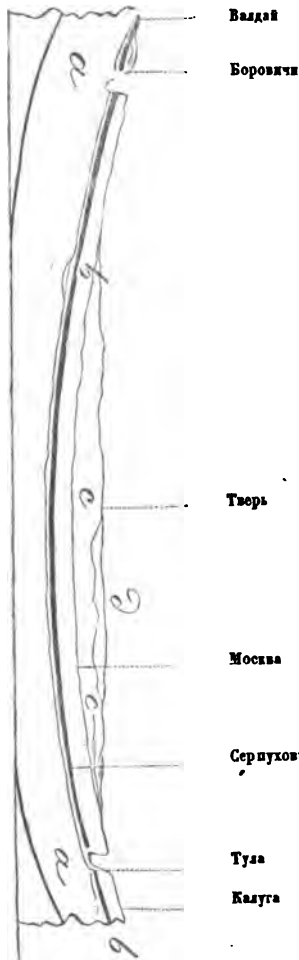
Въ «Bulletin» физико-математическаго отдѣленія С. Петербургской академіи наукъ помѣщена объ этомъ предметѣ записка г. Гельмерсена, съ содержаніемъ которой спѣшимъ познакомить нашихъ читателей.

Работы близъ Москвы начались осенью 1850 года, шли очень медленно и наконецъ, въ апрѣлѣ 1855 года, совершенно прекратились. Углубленіе простирается до 490 фут.; оно остановилось на известнякѣ, смѣшанномъ съ слоистой глиной. Въ будущемъ году работы опять начнутся, при помощи снаряда, болѣе усовершенствованнаго. Г. Фогтсъ предполагалъ заложить отверстіе въ другомъ мѣстѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ прежняго, болѣе благопріятномъ для работъ.

Такъ какъ новый снарядъ менѣе подверженъ ломкѣ, нежели прежній, такъ какъ онъ будетъ пробуравливать скорѣе, и такъ какъ, наконецъ, избранное мѣсто лежитъ ниже въ геогностическомъ смыслѣ, то—есть ближе къ слою каменнаго угля, то открывается большая надежда на успѣхъ дѣла.

Что же касается до надежды открыть каменный уголь подъ почвою Москвы, то она увеличивается теперь найденными въ Серпуховѣ, на глубинѣ 325 фут., двумя залежами каменнаго угля.

Чтобъ объяснить значеніе этого факта, г. Гельмерсенъ предложилъ приложенный здѣсь идеальный разрѣзъ земной коры.

а) Девонская система, б) нижній горный известнякъ, содержащій обыкновенно слои каменнаго угля, в) верхній известнякъ, д) урская формация и иблова.

слоемъ черной глины въ 2 фута 7 дюймовъ толщиною, имѣетъ толщину въ 4 фута 8 дюйм., болѣе темный цвѣтъ, и нѣсколько лучшаго качества, нежели верхній слой. Ниже этого втораго слоя открыли темносѣрую глину и потомъ известнякъ, который еще не былъ пройденъ буровомъ.

Если каменный уголь, открытый г. Романовскимъ, и не лучшаго качества, то все-таки справедливость сдѣланныхъ предположеній доказана теперь фактически. По всей вѣроятности, и подъ Московю

Въ губерніяхъ Новгородской, Тверской, Смоленской, Московской, Тульской и Калужской слои каменнаго угля образуютъ котловину, которой сѣверо-южный разрѣзъ представленъ на фигурѣ. Сѣверный и южный край этой котловины значительно выше, нежели его середина. Такъ напримѣръ, Москва возвышается надъ поверхностью моря не болѣе 400 фут., тогда какъ Валдайскія горы—на 1000 фут., а нѣкоторые пункты въ Тульской и Калужской губерніяхъ—на 800 фут. выше поверхности моря.

Въ Новгородской губерніи, у Боровичъ, въ Тульской и Калужской губерніяхъ слои каменнаго угля, вмѣстѣ съ горнымъ известнякомъ и шиферомъ, выходятъ почти наружу.

Предполагая, что отъ этихъ обнаженій по краямъ котловины слои каменнаго угля идутъ непрерывно къ ея срединѣ, рѣшили на буровеніи близъ Москвы и Серпухова.

Осмотрѣвши весь московскій углеизвестковый бассейнъ, г. Пандеръ избралъ деревню Подмоклое, въ девяти верстахъ отъ Серпухова. Работа производилась подъ надзоромъ горнаго инженера Романовскаго, и привела къ замѣчательнымъ результатамъ. На глубинѣ 304 фут. найдена черная глина съ двумя слоями угля. Верхній слой въ 5 фут. толщиною, темнокоричневаго цвѣта, безъ блеска, съ большою примѣсью сѣрнаго колчедана, трудно горючій. Нижній слой, отдѣленный отъ верхняго

будетъ найденъ каменный уголь, хотя на большей глубинѣ, нежели въ Серпуховѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что, по мнѣнію г. Гельмерсена, каменный уголь подѣ Московю долженъ находиться на глубинѣ отъ 800 до 1000 футовъ.

СТИПЕНДІЯ ГРАНОВСКАГО.

Вскорѣ послѣ кончины профессора Грановскаго нѣкоторые изъ друзей и учениковъ его, люди близкіе къ покойному и желавшіе сохранить на вѣчныя времена его память въ Московскомъ университетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ принести пользу дѣлу русскаго просвѣщенія, котораго Грановскій былъ однимъ изъ передовыхъ подвижниковъ, собрали капиталъ въ 7,010 р. сер. съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ употребленъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ стипендіи подѣ названіемъ «Стипендіи Грановскаго». Это предположеніе удостоилось 27-го августа сего года Высочайшаго утвержденія. Начальству Московскаго университета предоставлено принимать и впредь пожертвованія на усиленіе сей стипендіи. Мы увѣрены, что многочисленныя ученики и почитатели Т. Н. Грановскаго, разстѣянные по всей Россіи, поспѣшатъ воспользоваться разрѣшеніемъ правительства и каждый по силамъ будетъ способствовать дѣлу, котораго многостороннее значеніе близко ихъ сердцу.

Вотъ правила, на которыхъ учреждена Стипендія Грановскаго:

I. Стипендія предоставляется кончившему курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и объявившему желаніе держать экзаменъ на дальнѣйшую ученую степень при Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. Стипендія можетъ быть назначена дѣйствительному студенту, объявившему желаніе держать экзаменъ на степень кандидата; кандидату, объявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра; магистру, объявившему желаніе держать экзаменъ на степень доктора. При чемъ не отстраняются казенно-коштные воспитанники и стипендіаты разныхъ наименованій.

II. Выборъ стипендіата предоставляется исключительно историко-филологическому факультету Московскаго университета, который объ этомъ избраніи доводитъ до свѣдѣнія вдовы покойнаго профессора Грановскаго (1).

(1) Е. Б. Грановская скончалась въ Римѣ этою весною. Сегодня 15-го октября, происходило погребеніе ея тѣла на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою ея мужа.

III. Право на стипендію предоставляется стипендіату со дня опредѣленія ему оной въ теченіе двухъ лѣтъ, еслибы даже онъ кончилъ экзаменъ и ранѣ этого срока. Выборъ новаго стипендіата, или оставленіе за прежнимъ еще на два года, предоставляется факультету.

IV. Стипендія предоставляется одному, но если она будетъ превосходить триста рублей, то отъ факультета зависитъ: или предоставить ее одному, или отдѣлить часть ее другому, если окажется достойный, или сберегать оную впредь до появленія достойнаго.

V. Капиталъ, собранный по подпискѣ, хранится въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ. Стипендія составляется изъ процентовъ съ этого капитала, которые получаютъ правленіемъ Московскаго университета, какъ скоро факультетъ сообщитъ оному о своемъ рѣшеніи, ибо можетъ случиться, что проценты не понадобятся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по неимѣнію достойнаго.

ОБЪ ИЗДАНИИ «МОСКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЫ».

Спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ пріятное извѣстіе о новомъ явленіи, которымъ обогащается популярно-спеціальная журналистика, у насъ значительно развившаяся съ нѣкотораго времени. Въ будущемъ году, въ Москвѣ, будетъ издаваться еженедѣльно *Медицинская Газета*, подъ редакцію Ф. И. Иноземцева и С. А. Смирнова.

Имя г. Иноземцева такъ извѣстно, что одно уже ручается за достоинство новаго изданія. Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей Московскаго медицинскаго факультета, г. Иноземцевъ пользуется рѣдкою популярностью не только въ Москвѣ, но и внутри Россіи, какъ практикъ, съ богатствомъ науки и обширной опытности соединяющій ту мѣткость взгляда, то ясновидѣніе, которыя составляютъ тайну истиннаго призванія. Считаемо не излишнимъ припомнить, что дѣятельность г. Иноземцева на пользу общества и науки ограничивается не одною личною практикой и преподаваніемъ въ стѣнахъ клинической больницы; онъ успѣлъ образовать свою школу; постоянно окруженный молодыми врачами, онъ руководитъ ихъ первыми шагами на трудномъ поприщѣ врачебнаго искусства, и изъ школы его вышло уже много поколѣній дѣльныхъ врачей, сохраняющихъ о немъ благодарное воспоминаніе. *Медицинская Газета* послужитъ новымъ расширеніемъ образующей дѣятельности почтеннаго профессора, и, какъ мы надѣемся, будетъ столько же приносить пользу обществу, сколько и врачамъ.

Другой редакторъ «Московской Медицинской Газеты», г. Смирновъ, приобрѣлъ себѣ весьма почетную извѣстность трудами своими по медицинской литературѣ, и г. Иноземцевъ не могъ бы пожелать себѣ лучшаго сотоварища для этого предпріятія.

Считаемъ долгомъ своимъ представить нашимъ читателямъ программу новаго изданія, изъ которой всего лучше познакомятся они съ его назначеніемъ и характеромъ:

«Съ наступленіемъ 1858 года будетъ выходить въ Москвѣ: *Московская Медицинская Газета*. Изданіе ея будетъ имѣть двоякую цѣль: съ одной стороны—потребность усилить научное общеніе русскихъ врачей между собою и тѣмъ способствовать развитію и оплодотворенію ихъ самостоятельной ученой дѣятельности: съ другой — давать возможный отвѣтъ обществу на тѣ вопросы и тѣ требованія отъ медицины, которые возникаютъ въ немъ ежедневно. Вотъ двѣ стороны, представительницею которыхъ постарается быть наша Газета.

«Нельзя не сознаться, что у насъ разьединеніе на поприщѣ труда научнаго составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ успѣшному воздѣлыванію науки. Сколько врачей во всѣхъ концахъ нашего отечества, справедливо приобретають общественную извѣстность своею практическою дѣятельностію и оканчиваютъ свое поприще, не внеся ни одной строки въ лѣтописи отечественной науки! Сколько плодотворныхъ, свѣтлыхъ мыслей погибаетъ безплодно! Сколько драгоценныхъ мѣстныхъ наблюденій, сколько различныхъ приспособленій средствъ туземныхъ, добытыхъ опытомъ, сколько опытнаго изученія различныхъ мѣстностей и ихъ вліянія на болѣзни, — проходитъ, не оставляя по себѣ никакого слѣда! Все это, очевидно въ ущербъ самостоятельному развитію медицины въ нашемъ отечествѣ, служитъ источникомъ страдательнаго подчиненія нашего иностраннымъ авторитетамъ. При полномъ уваженіи къ симъ послѣднимъ, нельзя не желать законнаго освобожденія отъ нихъ, то-есть такого, при которомъ основаніямъ ихъ мы будемъ въ состояніи противопоставить свои, труду — трудъ, ихъ стяжаніямъ научнымъ — наши собственные.

«Газетою нашею мы предлагаемъ русскимъ врачамъ союзъ во имя самостоятельнаго труда на поприщѣ медицины, и существенною частію нашего изданія, прямымъ и законнымъ его достояніемъ, будемъ считать труды ихъ. Газета не будетъ нашимъ личнымъ органомъ, мнѣній болѣе или менѣе частныхъ, но органомъ общимъ, открытымъ и легко доступнымъ всякому зачатку возникающей мысли. И потому мы избираемъ форму простѣйшую, чуждую всякой ученой притязательности, и просимъ прямого содѣйствія у всѣхъ, сочувствующихъ нашему общему дѣлу.

«Во второмъ отдѣлѣ Газеты медицина будетъ разсматриваема какъ вопросъ общественный. Главнымъ стремленіемъ его будетъ—практи-

ческая польза и общепонятное изложеніе. Мы постараемся коснуться главнѣйшихъ пунктовъ соприкосновенія науки и ея представителей съ обществомъ, преимущественно въ видѣ распространенія общепользныхъ свѣдѣній. Сюда будутъ входить діететическія и гигиеническія свѣдѣнія, народная медицина, изученіе отечественныхъ минеральныхъ водъ, медицинская топографія различныхъ мѣстностей, руководство при избраніи мѣстъ для заграничнаго путешествія, дачъ для лѣтнаго пребыванія и т. п. Сюда же войдетъ все относящееся къ разъясненію вопросовъ: чего общество можетъ требовать отъ врача при современномъ состояніи науки и чего врачъ въ правѣ ожидать отъ общества.

«И здѣсь мы съ радостію примемъ всякое содѣйствіе со стороны не-врачей, лишь бы оно, или, какъ вопросъ, служило вѣрнымъ отголоскомъ общественныхъ требованій, или, какъ свѣдѣніе, могло прямо приобщаться къ запасамъ нашимъ.

«При ограниченности своего объема, «Газета» не будетъ стѣсняться никакимъ искусственнымъ разграниченіемъ, и будетъ каждый разъ наполнять тѣ изъ своихъ отдѣловъ, для которыхъ въ минуту ея появленія будетъ представляться интереснѣйшій матеріалъ.

«Вообще ея отдѣлами будутъ:

«I. Русская медицина и всѣ оригинальныя статьи русскихъ врачей.

«II. Сжатое, но по возможности живое обзорнѣе движенія медицинскихъ наукъ за границу; краткое извлеченіе интереснѣйшаго изъ журналовъ.

«III. Возможно-полная русская медицинская библіографія, иногда съ присоединеніемъ возможнаго критическаго обзора, и затѣмъ указаніе на появляющіяся иностранныя сочиненія, новыя фармацевтическія препараты и т. п. Здѣсь же будутъ помѣщаться правительственныя постановленія по части медицинской.

«IV. Фельетонъ, въ которомъ будутъ заключаться: медицинская лѣтопись, народная медицина, діететическія и гигиеническія средства, вопросы общественно-медицинскіе, корреспонденція и т. п.

«Въ заключеніе прибавимъ, что стремленіе къ возможной *точности*, составляющее отличительный характеръ современной науки, будетъ нами высоко цѣнимо. Редакція отвѣтствуетъ за вѣрное сохраненіе мысли и факта въ каждой доставленной ей статьѣ, принимаетъ на себя обязанность передавать совершенно безъ всякаго измѣненія тѣ статьи, которыя ей будутъ доставлены съ положительно-выраженнымъ желаніемъ, чтобы онѣ были сообщены безъ малѣйшей перемѣны. Всякая строка, бѣгло наброшенная практикомъ въ минуту досуга, безъ особенной обработки, будетъ принята редакціею съ благодарностію. Но вообще мы будемъ считать своимъ долгомъ не оставлять безъ вниманія и возможнаго удовлетворенія требованій литературныхъ.

« Въ случаѣ надобности будутъ прилагаться политипажные рисунки, могущіе служить нагляднымъ объясненіемъ помѣщаемымъ статьямъ.

« Въ настоящее время мы уже получили выраженіе сочувствія нашему дѣлу и готовности быть нашими сотрудниками не только отъ весьма многихъ изъ здѣшнихъ врачей, но и изъ отдаленнѣйшихъ концевъ нашего отечества. Мы имѣемъ уже частію отзывы, частію и самыя статьи изъ С.-Петербурга, Кіева, Казани, Харькова, Смоленска, самой Сибири и изъ другихъ мѣстъ; надѣемся вскорѣ представить длинный списокъ сотрудниковъ нашихъ.

« Газета будетъ выходить *еженедѣльно*, въ объемѣ отъ 1 до 1½ печатныхъ листовъ, начиная съ января 1858 года. (1)

« Редакторы: Профессоръ *Федоръ Иноземцевъ.*
« Докторъ *Семенъ Смирновъ.* »

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ «LE NORD».

Мы получили отъ редакціи газеты «Le Nord» слѣдующее объявленіе, относящееся къ русской публикѣ, съ просьбою, чтобъ оно было напечатано въ нашемъ журналѣ. Съ удовольствіемъ исполняемъ это желаніе редакціи газеты, которзая неослабно старается приобрѣсти все большее и большее значеніе и интересъ для нашего отечества. Вотъ это объявленіе:

« Если Россія чувствуетъ потребность ближайшаго знакомства съ наукою и жизнію западною, то съ своей стороны Европа сознаетъ ясно необходимость знать Россію и ея народъ, великій членъ европейской семьи. Но это стремленіе не можетъ осуществиться безъ содѣйствія самихъ Русскихъ. Не говоримъ о трудностяхъ русскаго языка для иностранцевъ, но еслибы даже это препятствіе отстранилось, цѣль не была бы еще вполне достигнута. Изученіе офи-

(1) Подписная цѣна за годовое изданіе *Московской Медицинской Газеты*, здѣсь въ Москвѣ 4 р. 50 к., въ Петербургѣ 5 руб.; съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ 6 руб. сер.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжныхъ лавкахъ: *И. В. Базунова*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго; *А. И. Глазунова*, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго; *Дейбнера* и *Гофа*, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Варгина. — Въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ лавкахъ: *С. А. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгартъ; *И. И. Глазунова*, на Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки.

Иногородныхъ же подписчиковъ редакція проситъ адресовать: «*Въ Редакцію Московской Медицинской Газеты, въ Москву.*»

цѣльныхъ актовъ и литературныхъ произведеній недостаточны; не одна буква жизни, а самая жизнь русская особенно интересуетъ Европу. Понять и выразить существенныя стороны этой жизни, постигнуть смыслъ совершающихся явленій общественныхъ во всемъ ихъ разнообразіи, правильно оцѣнить ихъ значеніе могутъ только люди того же общества, отъ плоти и костей его.

«Мы предлагаемъ нашъ журналъ, какъ посредникъ между Россією и западною Европою. Издаваясь на языкѣ общеевропейскомъ, на нейтральной территоріи, въ которой свобода слова есть одно изъ политическихъ основаній, *le Nord* постарается воспользоваться этою свободою для обоюдной пользы Запада и Россіи. Мы твердо убѣждены въ томъ, что открыто сознаться въ своихъ недостаткахъ можетъ только великій народъ, у котораго есть славная будущность; истина должна стоять выше предвзсудковъ ложнаго патріотизма. Пусть иностранцы узнаютъ дѣйствительную Россію—и они найдутъ въ ней много предметовъ для сочувствія; это знаніе необходимо усюкоитъ національныя предубѣжденія, въ немъ залогъ примиренія. Мы призываемъ всѣхъ Русскихъ, кто дорожитъ пользами отечества, во имя этой пользы и во имя мира содѣйствовать намъ въ достиженіи нашей цѣли, и надѣмся встрѣтить отголосокъ и сочувствіе въ лучшихъ представителяхъ русскаго общества.»

Новая кафедрa исторіи изящныхъ искусствъ въ Московскомъ университетѣ. — Исторія изящныхъ искусствъ, предметъ весьма важный для общаго образованія, не преподавался въ здѣшнемъ университетѣ со времени введенія нынѣ дѣйствующаго Устава российскихъ университетовъ (1835 года). Для пополненія этого пробѣла въ образованіи студентовъ, г. Гёрцъ, одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ, вызвался преподавать любимую имъ науку безвозмездно, и на допущеніе его къ преподаванію послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства. Надняхъ открылся этотъ курсъ, и первая лекція г. Гёрца собрали около новой кафедрy многочисленныхъ слушателей. Намъ пріятно, заноса этотъ фактъ въ нашу лѣтопись, поздравить Московскій университетъ съ новымъ достойнымъ преподавателемъ, а г. Гёрца съ полною аудиторіей. Несомнѣннаго достоинства доцента, обладающаго по своей части обширнымъ образованіемъ, основаннымъ на наглядномъ изученіи памятниковъ, и замѣтные съ нѣкотораго времени успѣхи въ умственномъ развитіи московскихъ студентовъ даютъ право надѣяться, что аудиторія г. Гёрца останется полною во все продолженіе курса. Это будетъ тѣмъ пріятнѣе, что къ преподаванію исторіи изящныхъ искусствъ приложено весьма важное въ дѣлѣ университетскаго ученія начало добровольнаго посѣщенія лекцій: г. Гёрцъ не имѣетъ обязанныхъ слушателей; его аудиторія наполняется желающими изъ студентовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

СОБЫТІЯ ВЪ ИНДІИ.

Роковыя событія, совершающіяся въ настоящее время на берегахъ Ганга, почти поглощаютъ всеобщее вниманіе; Европа съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдитъ за ходомъ упорной борьбы, которая ведется между цивилизаціей и варварствомъ; всѣ стараются разгадать причины и вѣроятныя слѣдствія возмущенія въ Индіи, и каждое слово, которое бросаетъ новый свѣтъ на этотъ вопросъ, получаетъ право на вниманіе. Журналы по нѣскольку разъ возвращаются къ одному и тому же предмету, въ полной увѣренности, что никто не обвинитъ ихъ въ однообразіи и повтореніи. Тѣмъ интереснѣе въ этомъ случаѣ статья писателя, свѣдущаго въ дѣлѣ и спеціально изучавшаго вопросъ, — и мы надѣемся удовлетворить справедливому любопытству читателей, поспѣшивъ представить имъ въ переводѣ живой очеркъ Джона Лемуана, который пріобрѣлъ извѣстность своими политическими этюдами объ Англіи. Надѣемся, что читатели оправдаютъ нашъ выборъ, когда прочтутъ предлагаемую нами статью, напечатанную въ *Revue des deux Mondes* за октябрь мѣсяцъ. Отдавая полную справедливость вѣрному взгляду автора, хорошо знакомаго съ британскимъ характеромъ и съ политическимъ бытомъ англійскихъ владѣній, — мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ какъ о самой статьѣ, такъ и о предметѣ ея.

Не нужно быть глубокимъ политикомъ, чтобы предугадать исходъ настоящихъ событій въ Индіи. Англіи придется, вѣроятно, еще разъ испытать крайнее напряженіе силъ, но она восторжествуетъ безъ чужеземной помощи, при посредствѣ своихъ обычныхъ союзниковъ — настойчивости, времени и огромныхъ матеріальныхъ средствъ. Борьба слишкомъ не равна; можно съ увѣренностью сказать, что въ какой бы части свѣта ни завязалась она между варварствомъ и сильнымъ европейскимъ государствомъ, побѣда останется на сторонѣ послѣдняго, если только международный союзъ не станетъ парализировать его дѣйствій. Англія поставлена въ этомъ смыслѣ въ особенно выгодныхъ условіяхъ: ей приходится вновь завоевывать страну, которая привыкла уже къ ея владычеству; среди массы ожесточенныхъ враговъ она найдетъ всегда нѣсколько союзниковъ, которыми сумѣетъ воспользоваться. Возмущеніе распространяется медленно и не встрѣчаетъ горячаго сочувствія въ народѣ; въ немъ нѣтъ жизненной основы національности, которая одна въ состояніи была бы придать ему несокрушимую силу. Это не есть правильная война между однородными элементами, а бессознательное, безумное истребленіе безъ всякаго порядка и идеи. Темная картина настоящаго, потрясающія извѣстія, которыя приносятъ каждая новая почта, могутъ заставить содрогнуться человѣческое чувство, но

не должны вести къ опасенію за будущность Англiи; жестокости, которыми позорятъ себя туземцы Индіи, — это смертный приговоръ надъ одичалымъ обществомъ, и приговоръ этотъ, будемъ надѣяться, приведется въ исполненіе не мечомъ или гильотиной, а цивилизаціей, которая призоветъ народъ къ возрожденію.

Не безъ труда достанется Англiи возстановленіе порядка и общественнаго устройства въ Индіи; много потребуется отъ нея политической мудрости и умѣренности, чтобы воспользоваться настоящимъ урокомъ и не впасть въ крайность, не прибѣгнуть къ мечу для возсозданія того, чтѣ разрушено мечомъ. Исторія Англiи и ея основныя начала служатъ ручательствомъ за будущее; уже и теперь улеглись первые порывы страсти, голосъ которой слышался въ первые дни роковыхъ событій; они замѣнились болѣе спокойнымъ обсужденіемъ причинъ и мѣръ противъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ находится теперь государство.

При такомъ положеніи, въ минуты опасности и невзгодъ, открывается для Англiи не только ея сила и слабость въ Индіи, но также взглядъ на нее другихъ государствъ, ихъ пониманіе англійскаго принципа. Для наблюдателя любопытно и поучительно слѣдить не только за событiями въ Индіи, но и за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ они на континентъ, какъ отражаются новыя неблагопріятныя извѣстія въ европейской журналистикѣ.

Вражда національная, старые счеты выступаютъ наружу; ультрамонтанскія газеты Франціи дружно соединяются съ своими противниками, чтобы преждевременно прокричать *vae victis* британскому владычеству. Можетъ-быть, въ тѣхъ упрекахъ, которые теперь сыплются на Англiю, въ худо-скрытой радости французской періодической литературы и въ ея полудружескихъ совѣтахъ есть своя доля юридическаго возмездія: правительство британское не разъ пользовалось неустройствами другихъ странъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей, и не могло поэтому разсчитывать на особенную симпатію къ своимъ невздамъ. Но положеніе, принятое журналикою, имѣетъ слишкомъ страстный характеръ, который всегда мѣшаетъ правильно обсуждать вопросъ; умѣренность въ этомъ случаѣ — качество особенно рѣдкое, а безпристрастіе историка въ виду совершающихся событій почти невозможно.

У насъ, Русскихъ, нѣтъ подобныхъ вѣковыхъ предубѣжденій противъ того или другаго народа. Старые счеты, завѣщанные намъ исторіей, — мы ихъ уже покончили, и въ обиходномъ языкѣ нашего народа слово «англійскій» — далеко не синонимъ вражды. Мы не сочувствуемъ вышней политикѣ Англiи, у насъ есть точки столкновенія съ нею, но у насъ всегда достанетъ безкорыстія и добросовѣстности, чтобы сознать единство нашихъ задачъ: и Англiя, и Россія призваны распространить свѣтъ европейской жизни среди нравственной тьмы коснѣющей Азіи. На этомъ полѣ мы союзники, между нами есть солидарность; гражданственность, внесенная на почву варваровъ подъ русскимъ или англійскимъ флагомъ, составляетъ равное приобрѣтеніе для человѣчества. Намъ показалось страннымъ удивленіе англійскихъ журналовъ тому, что органы русскаго мнѣнія и *Nord* не поспѣшили бросить камень въ Великобританію, а съ полнымъ достоинствомъ оцѣнили гибельное значеніе

индійскаго возстанія. Россія во многихъ случаяхъ все еще остается загадкою, призракомъ, который созданъ воображеніемъ западной Европы. Искренно или изъ приличія (цинизмъ нельзя считать добродѣтелью) мы спокойно выжидаемъ конца борьбы, съ вѣрою въ ея исходъ, благоприятный для христіанской гражданственности.

Нѣмецкія и бельгійскія газеты очень хорошо сознаютъ цѣну того принципа, котораго источникомъ и хранительницею служитъ Англія; онѣ боятся побѣды антагонистовъ, а потому стараются успокоить тревожное чувство неизвѣстности.

Совершенно другое представляютъ общественные органы современной Франціи. Съ каждымъ днемъ увеличивается фаланга порицателей Англіи, которые спѣшатъ водрузить свое знамя на развалинахъ британской терпимости и *selfgovernment*, и стараются доказать міру, что только французская государственность и военная сила въ состояніи поддержать общество. «Обозрѣнія», стояція внѣ этихъ всѣдневныхъ возгласовъ, спокойно смотрятъ на дѣло и не лишены способности здраваго обсуждения вопроса. Статья Джона Лемуана служитъ тому доказательствомъ.

Признаемся, мы боялись встрѣтить въ новомъ трудѣ Джона Лемуана слѣды того направленія, которое было замѣтно въ немъ въ послѣднее время; мы разумѣемъ слишкомъ католическій характеръ его этюдовъ. Опасенія наши не оправдались. Правда, въ возмущеніи сипаевъ Джонъ Лемуанъ видитъ религіозно-мусульманское движеніе, — но нельзя не согласиться съ нимъ въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ вѣрныхъ замѣчаніяхъ. Мы расходимся съ авторомъ только въ одномъ изъ его выводовъ, или лучше сказать, въ его безнадежности за будущее. Индійскому народонаселенію, говоритъ Джонъ Лемуанъ, предоставлено было слишкомъ много правъ, необходимо будетъ измѣнить систему, разстаться съ мечтами о золотомъ вѣкѣ, усилить армію, держать въ страхѣ далекую колонію британскую. Но съ какою сердечною болью дѣлаетъ авторъ эту уступку, съ какою грустью предвидитъ онъ побѣду приверженцевъ централизаціи, съ какою ироніею выставляетъ французскую систему!

Мы не думаемъ, чтобъ Англія отступила отъ своихъ началъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ вѣковая стойкость британскихъ преданій. Они не потерпѣли пораженія, имъ нѣтъ нужды мѣняться; всѣ упреки, которые обращены противъ нихъ, должны падать исключительно на Компанію, которая смотрѣла на государство, какъ на частную собственность, кормилась и кормила нѣсколькихъ избранныхъ. Она слишкомъ много надѣлалась на войско, и, какъ справедливо сказалъ *Journal des Débats*, «эксплуатировала Индію, не обращая вниманія на народъ». Тамъ, гдѣ вся власть основывается на войскѣ, возможны *coups d'état* для возстановленія порядка, но возможна также внезапная анархія; противъ движенія преторіанцевъ, янычаръ и тому подобныхъ, одно средство — опора власти въ народѣ. Нельзя упрекнуть Компанію въ томъ, что она «мало управляла» Индію; она управляла ею много, но исключительно военно-полицейскимъ образомъ. Вотъ почему еще недавно одинъ изъ директоровъ Компаніи, изыскивая средства поправить ошибку, предложилъ также «разстаться съ мечтами о золотомъ вѣкѣ» и дать Индійцамъ право націо-

нальнаго представительства, сдѣлать туземцевъ участниками въ управленіи, заинтересовать ихъ въ сохраненіи общественнаго спокойствія. Джонъ Лемуанъ видимо сочувствуетъ англійскимъ принципамъ, онъ привыкъ уважать ихъ, и не захотѣлъ поставить въ примѣръ алжирское управленіе, гдѣ военной власти предоставленъ полный произволъ: на одного Дуано, подвергшагося суду, приходится, можетъ быть, сотни счастливецъ, избѣжавшихъ слѣдствія и огласки. Кроаты, постоянно расхаживающіе съ заряженными ружьями по улицамъ Милана и Венеціи, также едва ли могутъ увлечь кого-нибудь къ подражанію.

Возмущенія въ Индіи вовсе не были неожиданностью для многихъ,— читатели увидятъ это въ статьѣ Лемуана. Въ ней прекрасно представлена одна сторона вопроса; въ живомъ, мастерскомъ очеркѣ изложены опасенія, которыя давно уже возбуждало индійское войско, и связь настоящихъ событій съ восточною войною. Политика, достигающая своихъ цѣлей во что бы то ни стало, или прикрывающая свои настоящія цѣли гуманными стремленіями,—такая близорукая политика; вся поглощенная настоящею минутою, непремѣнно вызываетъ возмездіе. Междуусобная война членовъ европейской семьи ослабляетъ обаяніе цивилизаціи, даетъ побѣду варварству. Уклоняясь отъ началъ братства и общежитія, христіянскія государства даютъ противъ себя оружіе врагамъ цивилизаціи; поддерживая мусульманскій принципъ, они должны быть готовы къ воздаянію за ошибки. Въ ходѣ индійскихъ возмущеній, нельзя не видѣть участія исламизма и тѣхъ свѣдѣній, которыя Индійцы имѣли о событіяхъ, совершавшихся въ Европѣ; легенды, которыми воспользовался Нана-Сагибъ для своихъ прокламацій, показываютъ тѣсную связь турецкаго вопроса съ индо-англійскимъ. Правовѣрные жители Индіи готовили свой мечъ противъ Англій въ то время, когда, какъ говоритъ Джонъ Лемуанъ, англійскій флотъ шелъ наивно поддерживать правовѣрное государство въ Европѣ. И вотъ плоды великихъ европейскихъ войнъ, взаимнаго ослабленія тѣхъ, которые должны бы были соединить свои силы на иныя пріобрѣтенія, иныя успѣхи! Только завоеванія, на которыхъ водружается флагъ цивилизаціи, какового бы цвѣта онъ ни былъ, становятся законнымъ достояніемъ человечества, плодотворнымъ для его исторіи...

Нѣтъ нужды указывать на всѣ любопытныя подробности, которыми изобилуетъ статья Джона Лемуана. Полагаемъ, что сказаннаго нами достаточно, и заключимъ анекдотическою подробностью объ авторѣ предлагаемаго этюда. Джонъ Лемуанъ долго былъ постояннымъ сотрудникомъ *Journal des Débats*; въ началѣ нынѣшняго года онъ написалъ статью, не понравившуюся австрійскому правительству, и баронъ Гюбнеръ предложилъ редакціи альтернативу: или исключить автора изъ числа сотрудниковъ, или приготовиться къ запрещенію журнала въ австрійскихъ владѣніяхъ. Интересъ матеріальный восторжествовалъ, и имя Джона Лемуана перестало встрѣчаться въ столбцахъ *Journal des Débats*. Надѣмся встрѣчаться съ нимъ чаще въ *Revue des deux Mondes*, а для желающихъ ознакомиться съ прежними трудами того же автора укажемъ на недавно вышедшіе два тома его *Etudes critiques et biographiques*.

Статья Джона Лемуана

«Два враждебные религіозные закона смотрятъ другъ на друга съ ненавистью. Для нихъ не возможны ни трактаты, ни сдѣлки, ни примиреніе... Война между ними—положеніе естественное, миръ — вынужденное. При первомъ столкновеніи христіянина съ мусульманомъ, одному изъ нихъ предстоитъ рабство или смерть.» Такъ говорилъ вдохновенный Жозефъ де-Местръ, котораго прозвали пророкомъ прошедшаго; онъ предугадывалъ также и будущее, какъ оказывается теперь, потому что настоящія событія въ Индіи служатъ подтвержденіемъ его словъ. Нѣтъ нужды намъ обманывать себя, — война въ Индіи есть новая фаза борьбы варварства съ цивилизаціей, новый вызовъ Корана противъ Евангелія. Это обстоятельство должно склонить на сторону Англіи cadaго безпристрастнаго чело-вѣка: война, которую ведетъ теперь Великобританія, представляетъ собою новый актъ въ великой драмѣ нашей цивилизаціи. Карлъ Мартелль на полѣ битвы при Пуатье, Готфридъ Бульионскій и Лудовикъ Святой въ Крестовыхъ походахъ, Испанія въ Гренадѣ, Донъ Жуанъ при Лепантѣ, Собіескій въ Вѣнѣ, Карлъ X въ Алжирѣ—вотъ дѣятели и герои этой великой трагедіи, которой сценою сдѣлался теперь дряхлый азіатскій міръ. Возмущеніе Индіи было для Англіи громовымъ ударомъ, съ его спутниками—ураганомъ, развалинами и мракомъ, среди котораго трудно обознаться. Однако свѣтъ начинается проникать въ этотъ хаосъ, и все яснѣе и рѣзче выступаетъ исламизмъ и его послѣднія усилія возстановить въ Азіи ту власть, которая для него навсегда потеряна въ Европѣ.

Что въ основѣ возмущенія лежитъ исламизмъ, — это нагляднѣе всего доказывается отвратительными жестокостями, сопровождавшими успѣхъ Индійцевъ. Предоставленные самимъ себѣ, своимъ природнымъ инстинктамъ и преданіямъ, Индійцы никогда не совершили бы подобныхъ варварскихъ поступковъ. Индѣецъ отъ природы кротокъ и недѣятеленъ, онъ отличается терпѣніемъ и терпимостью. Напротивъ въ основѣ исламизма лежитъ истребленіе невѣрныхъ огнемъ и мечомъ. Магометъ обѣщаетъ вѣчное блаженство тѣмъ, кто ведетъ войну съ врагами его религіи, и каждое новое убійство женщины и дѣтей дѣлаетъ для правовѣрнаго болѣе и болѣе доступными райскія блага. Въ этихъ гнусныхъ поруганіяхъ, которымъ подверглись плѣнныя женщины въ Индіи, нельзя видѣть только жажду крови и животную чувственность, — нельзя не замѣтить въ нихъ систематическаго плана, религіознаго и политическаго принципа, который прилагался съ адскою рѣшимостью и постоянствомъ. Религіозный фанатизмъ мусульманъ, сказывался всюду въ актахъ жестокости; ругаясь надъ женами христіанъ, они хотѣли нанести безчестіе христіанской рели-

гій. Извѣстно, какъ ревниво берегутъ они своихъ женъ отъ взоровъ мужчинъ; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, королева аудская, отправляясь въ Англію, изъ предосторожности, чтобы скрыться отъ взоровъ толпы, закуталась въ тройныя покрывала; если кто-либо изъ чужихъ взглянетъ на жену мусульманина, это считается наравнѣ съ нечестивымъ прикосновеніемъ. Отсюда можно заключить о значеніи поруганія, которому возмущившіеся мусульмане старались подвергнуть несчастныхъ женщинъ, впавшихъ въ ихъ руки. Нѣтъ сомнѣнія, что эти жестокости были не случайны, а вытекали изъ системы, и англійскій журналъ имѣлъ полное право сказать слѣдующее: «Да будетъ извѣстно всѣмъ—мы говоримъ это съ сердечною болью—да будетъ всѣмъ извѣстно, что женщины, замужнія и дѣвицы, захваченныя чернью въ Дельги, были влачимаы въ процессіяхъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ по главнымъ улицамъ города, со всѣмъ позоромъ, который могъ унижить ихъ въ глазахъ народонаселенія; да будетъ всѣмъ извѣстно, что эти несчастныя подверглись потомъ звѣрству и жестокостямъ въ глазахъ тысячи человекъ. Все это было сдѣлано съ обдуманною цѣлю — поругаться надъ Англіей, Европой, христіанскимъ владычествомъ и христіанскою королевой.»

Что магометане были главными дѣятелями въ возмущеніи, это открывается ясно въ томъ удивительномъ согласіи, съ какииъ бунтовщики сосредоточились около Дельги, и въ усердіи, съ какииъ они возстановили на тронѣ потомка императоровъ. Дельги—столица исламизма, съ его преданіями и памятниками; это — священный городъ, къ которому прежніе туземные властители и тираны обращали свои взоры и направляли свои походы. И теперь, какъ говорятъ, Индійцы, оставшіеся вѣрными Англіи, съ отчаяніемъ помышляютъ о наказаніи, грозящемъ ихъ религіозному городу: «Пощадите Дельги!» взываютъ они къ своимъ офицерамъ. На эту мольбу Англичане въ бѣшенствѣ даютъ такой отвѣтъ: «Пощадить Дельги! Да, мы пощадимъ въ немъ одинъ только камень, —мы оставимъ его, чтобъ указать мѣсто, гдѣ былъ Дельги, и пройдемъ плугомъ по развалинамъ дворцовъ и храмовъ города.» Другіе, чувствуя еще болѣе жажду мести, говорятъ: «Нѣтъ, мы не оставимъ ни одного камня; мы усыплемъ солью мѣсто, на которомъ стоялъ проклятой городъ; пусть исчезнетъ слѣдъ его, подобно Содому и Гоморрѣ!» Послѣ взятія Дельги, Англичане рѣшатъ сами, выгодно ли имъ привести въ исполненіе свои суровыя угрозы; можетъ-быть, они найдутъ болѣе удобнымъ и болѣе согласнымъ съ политикою сдѣлать Дельги центромъ своего правительства, замѣнить императора военнымъ префектомъ и на всѣхъ мечетахъ водрузить крестъ съ мечомъ.

Удивительно, что въ Индіи до сихъ поръ существуетъ императоръ, — родъ чучелы, которой Англичане позволяютъ возсѣдать на заднихъ ногахъ на какомъ-то подобіи трона, и которому они платятъ, конечно, въ послѣдній разъ, пенсію въ четыре милліона франковъ;

всего же раздастся ежегодно 25 милліоновъ фр. принцамъ, лишеннымъ власти. Несчастный наследникъ имперіи Моголовъ играетъ теперь роль «императора противъ воли», и разказы о немъ и объ его дворѣ могли бы найти мѣсто въ сказкѣ «Медвѣдь и Паша». Навѣрное ему пріятнѣе было бы спокойно пользоваться своимъ дворцомъ, пенсіей и женами, чѣмъ подвергаться опасностямъ изъ-за величія, которое ему навязали; но возмутителямъ нужно было имя, знамя, и они овладѣли особ²²⁸ императора. Конечно, царскій санъ никогда не былъ для него столь тяжелъ; его заставляютъ выходить на солнечный жаръ, у него надъ ухомъ раздаются выстрѣлы, отъ которыхъ онъ подпрыгиваетъ, словно его кто колотитъ по ногамъ. Одинъ индійскій журналъ напечаталъ недавно письмо туземца, находящагося въ Дельги, гдѣ сказано: «Несчастныхъ принцевъ превратили въ офицеровъ! Ихъ заставляютъ иногда выходить за городъ и на солнце; у нихъ дрожитъ каждая жилка при громѣ пушекъ и ружей. Они не умѣютъ командовать и подвергаются за то насмѣшкамъ солдатъ... Король посылаетъ конфеты войскамъ, стоящимъ подъ ружьемъ... Дворъ, женщины и принцы жалѣютъ о потерянныхъ дняхъ, и смотрятъ на прибытіе инсургентовъ, какъ на несчастіе. Принцы не понимаютъ сипаевъ безъ переводчика. Ядра разрушаютъ много домовъ въ городѣ; мраморныя плиты въ королевской комнатѣ разбиты въ дребезги. Король въ необыкновенномъ страхѣ, когда бомба попадаетъ во дворецъ, и принцы приносятъ на показъ ея осколки.» И вотъ какова династія Шагабаамъ, которая, какъ думаютъ въ Европѣ, въ состояніи возсоздать Индійскую имперію!

Но какъ бы то ни было, у возмутителей есть знамя, символъ религіи и преданій. Индійцы—магометане никогда не покидали мысли о своемъ владычествѣ; ежедневно въ мечетяхъ они молились публично о возстановленіи короля дельгійскаго на тронѣ его предковъ,—и Англичане не беспокоились объ этомъ. Корреспонденціи, печатаемая въ англійскихъ журналахъ въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, бросаютъ мало-по-малу свѣтъ на эти вѣковыя тайны. Магометане не могли остаться одни, имъ нужно было содѣйствіе Индусовъ, а между тѣмъ эти послѣдніе сохранили о мусульманскомъ владычествѣ и завоеваніи неизгладимую память жестокостей, притѣсненій и убійствъ: Индусы ни за что не возмутились бы, еслибъ ихъ не увѣрили, что Англичане хотятъ насильно обратить ихъ въ христіанство; эта мысль, брошенная въ нихъ съ особенною ловкостью, заставила ихъ взяться за оружіе.

Изъ прокламацій возмутившихся начальниковъ къ народу можно видѣть, что страхъ обращенія стоитъ на первомъ планѣ. Въ воззваніи офицеровъ дельгійской арміи сказано: «Достоверно извѣстно, что Англичане имѣли злой умыселъ уничтожить религію индусской арміи и насильно обратить народъ въ христіанство. Вотъ почему, единственно

во имя религии, мы соединились съ народомъ, и, умертвивъ неверныхъ, возстановили династію Дельги... Необходимъ тѣсный союзъ мусульманъ съ Индусами въ этой борьбѣ... Перепишите эту прокламацію въ нѣсколькихъ экземплярахъ и публикуйте ее, гдѣ только можно...» Во всѣхъ воззваніяхъ къ Индусамъ для привлеченія ихъ къ бунту, невольно поражаетъ слѣдующая характеристическая черта: вездѣ говорится имъ о томъ, что Англичане хотятъ обратить ихъ «силою и обманомъ». Индусы не страшатся проповѣди; напротивъ, всѣ свидѣтели единогласно признаютъ въ нихъ много терпимости и даже въ извѣстной степени расположеніе къ теологическимъ спорамъ, лишь бы послѣдніе не выходили за предѣлы моральнаго убѣжденія. Дизраэли указываетъ на это въ слѣдующихъ словахъ: «Индійское народонаселеніе, за исключеніемъ мусульманъ, вообще по своему воспитанію склонно къ теологическимъ изслѣдованіямъ. Нѣтъ народа, который съ такою охотою пускался бы въ религіозные споры. Это древнее племя богато преданіями; воспитаніе въ Индіи основывается на религіи, равно какъ законы и право собственности,—и нѣтъ племени во всемъ мірѣ, которое было бы такъ хорошо приготовлено къ теологическимъ преніямъ. Индусъ всегда готовъ вступить въ споръ съ миссіонеромъ... но онъ страшится болѣе всего проповѣди, соединенной съ насиліемъ...» Слова Дизраэли подтверждаются писателями, лучше другихъ знакомыми съ Индіею. Они говорятъ, что Индійцы, не только не избѣгаютъ образованія и споровъ о религіи, но напротивъ того сами запрашиваютъ на нихъ и очень благосклонны къ миссіонерамъ, которые ограничиваются одною проповѣдью. Огромное число миссіонеровъ разсыяно по всей индійской территоріи, и никогда они не подвергаются ни преслѣдованіямъ, ни оскорбленіямъ со стороны народа, чѣмъ не можетъ похвалиться даже христіанская Европа. Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ «Старый Индеецъ», сказалъ по этому поводу слѣдующее: «Въ Англіи превратно понимаютъ положеніе дѣлъ. Должно замѣтить, что большинство индусскаго народонаселенія не имѣетъ никакихъ твердыхъ убѣжденій о принципахъ своей собственной религіи; для него религія — дѣло незапамятныхъ преданій, теологическая легенда, вопросъ формы и церемоніала, обычай или общественная привычка. Его жизнь складывается изъ безконечной цѣли обрядовъ и формъ, болѣе или менѣе священныхъ. Если правительство вздумаетъ коснуться этихъ формъ... оно возбудитъ больше неудовольствій и вызоветъ большее противодействие, чѣмъ свободою христіанскаго ученія и христіанской проповѣди.» Магометане, главные дѣятели возмущенія, удивительно вѣрно угадали эту чувствительную струну Индусовъ. Они привели имъ въ примѣръ собственные проступки, напомнили о кровавой пропагандѣ Тимуровъ и Ауренгъ-Зебовъ, о которой Индусы сохранили тяжкое воспоминаніе,—и увѣрили, что Англичане готовятся повторить жесто-

кости исламизма. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскіе миссіонеры жаловались на чрезмѣрное послабленіе самымъ грубымъ суевѣріямъ туземцевъ со стороны правительства; этимъ ловко воспользовались вожди бунтовщиковъ и распространили въ народѣ вымышленную просьбу миссіонеровъ королевы. Эта просьба такъ любопытна, что мы приведемъ ее здѣсь: «Магометанскіе владѣтели, говоритъ актъ, умѣли обращать своихъ подданныхъ въ исламизмъ, а теперь, въ теченіи шестидесяти лѣтъ, христіанское правительство не принудило ни одного подданнаго къ обращенію въ христіанство. Типпо заставилъ миллионы Индусовъ принять свою религію, а ваше величество не приобрѣли ни одного члена церкви. Подъ вашимъ владычествомъ живутъ сипаи всѣхъ кастъ, и мы предлагаемъ вамъ слѣдующій планъ: прикажите смѣшать говяжье и свиное сало и намазать имъ патроны, которые скусываютъ сипаи. Черезъ полгода вы объявите имъ, что они лишены правъ касты, и путь къ обращенію будетъ открытъ.» Къ этому прибавлено слѣдующее: «Королева, увидавъ эту просьбу, очень обрадовалась; вотъ прекрасная мысль! сказала она; этимъ средствомъ я сдѣлаю христіанами всѣхъ моихъ сипаевъ!» Какъ ни страненъ этотъ документъ, но онъ даетъ ключъ къ индійскому возмущенію. Мусульмане возстали во имя религіи и власти, Индусы соединились съ ними вслѣдствіе принципа касты и предрасудка, болѣе соціальнаго, чѣмъ религіознаго. Отвѣдать говяжьяго сала значило для Индуса быть исключеннымъ изъ касты, а жить внѣ касты значить сдѣлаться отверженцемъ и ужасомъ человечества, проклятымъ существомъ, которое не смѣетъ видѣться ни съ матерью, ни съ братомъ. Эта исторія о патронахъ, пропитанныхъ жиромъ, въ которой много дѣтскаго, не была, конечно, единственною или главною причиною возмущенія, но она играла роль искры, брошенной на горючій матеріалъ. Выстрѣлъ изъ пистолета, раздавшійся на бульварѣ, не былъ причиною революціи, но онъ могъ подать сигналъ къ ней. Индійцевъ увѣрили, что Англичане раздавали имъ новые патроны съ коварнымъ умысломъ религіозной пропаганды и заставили ихъ бояться ловушки: они должны были невинно вкусить проклятаго плода и незамѣтно превратиться въ паріевъ. Этимъ пугаломъ Индусы побуждены были къ возстанію; они боялись обращенія посредствомъ колдовства.

Въ журналахъ была напечатана прокламація Наны—Сагиба, единственнаго лица, которое играетъ въ возмущеніи опредѣленную роль. Здѣсь сказано, что правительство калькуттское, рѣшившись уничтожить религію магометанъ и Индусовъ, просило у Англии значительной военной помощи. Въ отвѣтъ на это, королева англійская послала сказать султану, что она хочетъ послать свои войска чрезъ Египеть; но султанъ особымъ фирманомъ строго запретилъ египетскому пашѣ пропускать Англичанъ: «Еслибъ я согласился на просьбу,

то не смѣлъ бы явиться предъ лицомъ Аллаха; можетъ придти также и моя очередь, и если Англичане обратятъ въ христіанство Иудостанъ, они сдѣлаютъ потомъ то же самое и съ моимъ царствомъ.» Въслѣдствіе этого паша встрѣтилъ Англичанъ пушечными выстрѣлами, истребилъ флотъ ихъ и большую часть войска. Въ то же время Англичане въ Калькуттѣ, раздавши патроны Индусамъ, ждали напрасно подкрѣпленій, чтобы подавить бунтъ; когда они узнали о гибели вспомогательной арміи, генераль-губернаторъ посыпалъ себѣ голову пепломъ...

Это сказаніе имѣетъ форму параболы и слѣдовательно близко къ истинѣ. Какъ бы велика ни была вражда мусульманъ съ Индусами и даже въ средѣ самихъ мусульманъ,—всѣ они сходятся въ одною чувствѣ: въ страхѣ и ненависти къ христіанству. Изъ многихъ свидѣтельствъ открывается ясно, что магометане во всей Азіи избрали для сверженія ига и для гибели христіанъ, эпоху восточной войны,—ту самую эпоху, когда христіанская Европа такъ наивно хлопотала о сохраненіи трона для наслѣдниковъ Магомета. Въ Индіи исламизмъ ждалъ только сигнала, но его работа еще не была кончена; онъ не былъ еще увѣренъ въ Индусахъ, а безъ нихъ не смѣлъ начать дѣло. Въ ожиданіи этого, мусульмане, какъ говорятъ, были въ постоянной связи съ Персією, откуда получали свѣдѣнія о ходѣ восточной войны; система таинственныхъ телеграфовъ была въ полной силѣ, а Англичане не обращали на это никакого вниманія. Въ Англійи всѣ были поражены, прочитавши въ запискахъ одного Индійца, путешествовавшаго по Европѣ, разказъ о свиданіи его съ Али-эффенди, турецкимъ посланникомъ въ Лондонѣ: «Послѣ долгаго разговора объ индійскомъ правительствѣ, заключаетъ Индеецъ, мы простились съ Али-эффенди, увѣривъ его, что мусульманское правительство можетъ разсчитывать на наши услуги каждый разъ, когда онъ ему будутъ нужны.» Броженіе, которое охватило Индію во время войны, было подавлено, хотя и не совершенно утихло съ восстановленіемъ мира; опасность впрочемъ не миновалась, и Англичане напрасно думали, что все пришло въ обычный порядокъ, доверившись донесенію генераль-губернатора, лорда Каннинга: «Возстановленіе мира, писалъ онъ, успокоило недовольство и волненіе, которое возбуждено было отдаленною войною въ туземномъ народонаселеніи нѣкоторыхъ частей Индіи.»

Все заставляетъ думать, что индійское возмущеніе должно было вспыхнуть въ то время, когда Европа и особенно Англійа были заняты восточною войною; заключеніе мира явилось неожиданностью не для одного Запада. Что будто бы Россія участвовала въ общемъ заговорѣ Азіи противъ Британіи, что будто бы русскіе агенты распространяли слухи о паденіи англійскаго владычества, — въ этомъ небыло бѣ

ничего удивительнаго, еслибъ и представлены были на то прямыя доказательства (1). Россія по праву войны могла дѣйствовать всѣми средствами противъ Англіи, — и послѣдняя была бы поставлена въ критическое положеніе, еслибы война съ Персіей и индійское возмущеніе случились въ одно время съ крымскою экспедиціею.

Волненіе давно уже высказывалось въ многочисленныхъ и несомнѣнныхъ признакахъ, которые должны бы поразить Англичанъ, еслибъ они не отдались какому-то непонятному ослѣпленію. Мы очень хорошо знаемъ, какъ легко быть пророкомъ на другой день послѣ совершившагося событія: въ 1849 году мы съ удивительною подробностію могли предсказать революцію 1848 года, и объяснить ея причины. Точно такъ же и теперь мы видимъ массу признаковъ, болѣе или менѣе ясныхъ, доказывающихъ неизбежность индійскаго возстанія. Сюда должно отнести убійства и зажигательства, повторявшіяся весьма часто въ послѣднее время; предостереженія о готовящемся бунтѣ, которыя получались въ Калькуттѣ отъ Индусовъ, обратившихся въ христіанство и пр. Вспомнимъ о времени, предшествовавшемъ взрыву революціи въ Парижѣ, о прогулкахъ работниковъ, о вызывающихъ взглядахъ и злобныхъ улыбкахъ при встрѣчѣ съ людьми, одѣтыми не въ блузу, и мы можемъ представить себѣ, что было въ европейскихъ центрахъ въ Индіи. Туземные слуги громко разговаривали при дѣтяхъ и намекали пмъ, что скоро всѣ дома будутъ принадлежать Индійцамъ; магометане и Индусы общались между собою посредствомъ тайныхъ телеграфическихъ знаковъ, которыхъ никто не понималъ, кромѣ посвященныхъ; уже болѣе году тому назадъ заговорщики пустили въ оборотъ *chupattis*, — пшеничные пироги, которые имѣли особенный смыслъ. Такъ напримѣръ, къ старшинѣ деревни присылалось шесть пироговъ, съ приказаніемъ «сдѣлать еще шесть и разослать по сосѣднимъ деревнямъ»; этимъ путемъ приказъ распространялся далѣе и далѣе, и никто не зналъ его источника. Или другой случай: командиръ полка получаетъ цвѣтокъ лотуса; этотъ цвѣтокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, каждый солдатъ смотритъ на него внимательно и передаетъ своему сосѣду; обошедши всѣхъ, лотусъ отправляется въ другой полкъ и т. д. Такимъ образомъ въ теченіи года цвѣтокъ побывалъ во всей индійской арміи, и въ этотъ годъ туземные офицеры постоянно отказывались отъ своихъ отпусковъ.

(1) Всѣ такія предположенія высказаны безъ малѣйшихъ доказательствъ; во всякомъ случаѣ Россія не могла разсчитывать навѣрное на теперешнія событія, — иначе она, продлила бы войну. Всѣмъ извѣстно, какъ опасно искать союзниковъ въ полудикомъ племени; если Англичане могли не замѣтить внутренняго броженія Индіи, то они зорко слѣдили за дѣйствіями Россіи, и наши агенты не скрылись бы отъ ихъ наблюденій. Съ другой стороны взятіе Карса, какъ замѣтилъ недавно *Русскій Инвалидъ*, могло имѣть вліяніе на уменьшеніе довѣрія къ могуществу Англіи.

Ослабленіе Англичанъ въ виду такихъ фактовъ можно объяснить только ихъ презрѣніемъ къ туземному племени. Конечно, никогда еще бунтъ не достигалъ въ Индіи такихъ размѣровъ, какъ теперь; Англичане замѣчали попытки къ нему, и не воспользовались урокомъ. Знаменитѣйшій изъ полководцевъ, современныхъ Веллингтону, Чарльзъ Напиръ (1), нѣсколько лѣтъ тому назадъ усмирилъ возмущеніе многихъ полковъ въ Бенгалѣ, призвавши на помощь Гуркасовъ (Ghourkas), племя горцевъ, которое и теперь еще оказало Англии свои услуги. Британская политика въ Индіи состояла всегда въ поддержаніи антагонизма между туземными племенами,—старинная политика, современная правилу: *divide et impera*. Этимъ средствомъ Англичане увеличивали свои владѣнія въ Индіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляли свою власть. Такой фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; дальновидные государственные люди Англии сознавали его вполне и протестовали противъ постоянного расширенія территоріи, въ которое Британія вовлеклась неволью. Тридцать лѣтъ тому назадъ, сэръ-Томасъ Менро (Munro) писалъ: «Еслибы даже мы могли покорить всю Индію, то едва ли должно желать этого для блага туземцевъ и нашего собственнаго. Однимъ изъ слѣдствій такого завоеванія будетъ то, что индійская армія, лишившись случая сражаться съ воинственными сосѣдями, потеряетъ всякую дисциплину, туземная войска почувствуютъ на свободѣ собственную силу и обратятъ ее противъ Европейцевъ.» Другой Англичанинъ, сэръ-Генри Россель говорилъ также: «Самая страшная опасность у насъ подъ ногами. Искусно приготовленное возмущеніе нашихъ туземныхъ подданныхъ или неудовольствіе нашихъ туземныхъ войскъ—вотъ что грозитъ нашему владычеству, и эта опасность необходимо увеличивается съ каждымъ новымъ расширеніемъ нашей территоріи. Отъ прибавленія числа нашихъ подданныхъ, а еще болѣе туземныхъ войскъ мы станемъ не сильнѣе, а слабѣе. Между нами невозможно чувство привязанности; мы всегда останемся иностранцами, предметомъ ненависти и зависти, неизбѣжныхъ при чужеземномъ владычествѣ.» Это предостереженіе не помѣшало однако лорду Дальгаузи довести до крайности систему приобрѣтеній: во время его управленія, территорія Компаніи увеличилась тринадцатью индійскими государствами, которыхъ поверхность болѣе чѣмъ поверхность всей Англии!

Вотъ свидѣтельства самыхъ просвѣщенныхъ и компетентныхъ Англичанъ, которыя говорятъ краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ разсужденій. Мы приведемъ еще слова героя Индіи, Чарльза Напира, сказанныя имъ четыре года тому назадъ послѣ усмиренія военного

(1) Его не должно смѣшивать съ известнымъ адмираломъ того же имени, наслѣдовавшимъ титулъ своего брата.

бунта, о которомъ мы упомянули выше: «Возмущеніе сипаевъ — самая страшная опасность, которая грозитъ нашему владычеству въ Индіи. Генераль-губернаторъ слишкомъ мало придалъ значенія попыткѣ къ возстанію... послѣ того, какъ она была подавлена; но сильно ошибаются всѣ, которые такъ поверхностно смотрятъ на дѣло. Знающіе и опытные люди, состоящіе на службѣ Компаніи, видятъ въ военномъ бунтѣ величайшую опасность для Индіи; она можетъ явиться неожиданно, и если не обратитъ вниманія на ея первые признаки, подкопаетъ въ основѣ англійское владычество.» Въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился генераль Напиръ, онъ принялъ на свою отвѣтственную рѣшительную мѣру: обезоруживъ и распустивъ бунтующія войска, онъ замѣнилъ ихъ горнымъ племенемъ Гуркасовъ. Лордъ Дальгаузи, бывший тогда генераль-губернаторомъ, выказалъ свое неудовольствіе за то, что у него не спросили совѣта, — и пылкій, раздражительный Напиръ подалъ въ отставку и возвратился въ Англію. Онъ писалъ къ своему прежнему начальнику, герцогу Веллингтону, желая оправдать предъ нимъ свой образъ дѣйствій: «Кризисъ былъ опасенъ и требовалъ немедленныхъ мѣръ... Лордъ Дальгаузи упрекаетъ меня, зачѣмъ я не спросилъ разрѣшенія у верховнаго совѣта калькуттскаго. Милордъ! когда у васъ передъ глазами открытый бунтъ и кромѣ того 40,000 войско и 60,000 вооруженныхъ Сиковъ, готовыхъ ежеминутно поднять знамя возстанія — развѣ вы имѣете право терять пять недѣль и спрашивать мнѣнія у калькуттскаго совѣта? И чтó же они могли присовѣтовать въ подобную минуту?..» Напиръ покинулъ Индію, отряся на нее прахъ ногъ своихъ; онъ пріѣхалъ въ Англію, полный желчи, которую излилъ въ краснорѣчивыхъ словахъ. Въ его мемуарахъ, изданныхъ его братомъ, знаменитымъ авторомъ «Исторіи войны на полуостровѣ», вы встрѣчаете безпощадную критику, которою онъ бичевалъ военную и административную организацію Индіи. Онъ прямо предсказывалъ катастрофу, разразившуюся теперь надъ англійскими владѣніями и прибавилъ къ этому: «Это не мое личное дѣло; меня не будетъ на свѣтѣ, когда мои предсказанія сбываются, но они непременно сбудутся. Я готовъ публично повторить это, еслибъ былъ увѣренъ, что Компанія воспользуется моими предостереженіями; но я знаю, что она неблагоклонно приметъ мои слова, и не намѣренъ играть роль Кассандры и доставить случай директорамъ посмѣяться.» Старый герцогъ Веллингтонъ, оплакивая упадокъ военнаго управления въ Англии и указывая на опасности не со стороны Востока, сказалъ эти торжественныя слова: «Я достигъ семьдесятъ-седьмаго года жизни почетной, и надѣюсь, что Всемогущему не угодно будетъ сдѣлать меня свидѣтелемъ трагедіи, къ которой я напрасно убѣждаю приготовиться моихъ согражданъ.»

Въ то время, когда бенгальская армія была въ полномъ возмуще-

ни, бомбейская и мадрасская оставались сравнительно спокойными, по крайней мѣрѣ до послѣдней минуты. Это различіе мнѣній и духа въ индійскихъ арміяхъ объясняется различіемъ въ ихъ организаціи. Изъ бенгальской арміи хотѣли сдѣлать отборное войско и потому рекрутировали ее преимущественно изъ высшихъ классовъ, или, правильнѣе сказать, изъ высшихъ кастъ. Можно сказать, что бенгальскіе полки были аристократическіе, бомбейскіе же и мадрасскіе—демократическіе, или по крайней мѣрѣ послѣдніе состояли изъ смѣси всѣхъ классовъ и всѣхъ кастъ. Такимъ образомъ армія бенгальская превратилась въ армію жрецовъ, съ ихъ догмами, литургіею, церемониаломъ и тайнами. Въмѣсто того, чтобы силою меча разбить эту теологическую фантазмагорію, ее всячески поддерживали, лелѣли, поощряли, пока она не обратилась враждебно съ оружіемъ противъ тѣхъ, кто заботился о ней такъ невпопадъ. Англичавъ, уважая предразсудки и гордость касты браминовъ, образовали въ Бенгалѣ войско, которое походило на римскихъ преторіянцевъ или на султанскихъ янычаръ. Извѣстно, съ какимъ произволомъ преторіянцы долгое время распоряжались Римскою имперіею; янычары вполнѣ послѣдовали бы ихъ примѣру, еслибы рѣшительный султанъ ни прибѣгнулъ къ кровавому уничтоженію ихъ, на которое надо смотрѣть какъ на великій политическій актъ. Англичане жестоко ошиблись и испытываютъ теперь наказаніе за свое ослѣпленіе. А между тѣмъ ихъ предостерегали не разъ; генераль Напиръ писалъ въ 1850 году къ герцогу Веллингтону: «самая опасная вещь въ индійской арміи—это чрезмѣрное вліяніе, предоставленное духу кастъ... во всѣхъ возмущеніяхъ брамины становятся во главѣ ихъ...» Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ: «здѣсь слѣдуютъ системѣ подавленія демократіи и потворства аристократіи, которая нашъ смертельный врагъ. Она враждебна намъ по необходимости, потому что мы занимаемъ ея мѣсто: она понижается въ общественной лѣствицѣ, и мы наступаемъ ей на голову. Напротивъ простолюдинъ, котораго мы разоремъ, могъ бы быть нашимъ другомъ, и мы должны опираться на него, чтобы сохранить Индію... Никто не въ состояніи предсказать окончательнаго результата нашего завоеванія, но если мы протянемъ руку народу, Индія обезпечена за нами на цѣлыя столѣтія. Справедливость, строгая и суровая справедливость, можетъ сдѣлать чудеса; она основывается на естественномъ и всеобщемъ желаніи покровительства противъ жестокости и имѣетъ силу несокрушимую. Только при этомъ условіи Индія останется намъ вѣрна, но при настоящемъ положеніи дѣлъ едва ли мы удержимъ ее въ теченіи одного года.»

Не одинъ Напиръ указывалъ на опасность отъ преобладанія кастъ въ туземной арміи. Генераль Джакобъ (Jacob), служившій тридцать лѣтъ въ Индіи и хорошо знакомый съ страной, давно уже пред-

ставилъ английскому правительству донесеніе, которое тогда заброшено было въ груды картоновъ и на дняхъ вырыто оттуда вмѣстѣ съ другими документами. Джакобъ говорилъ: «Зло, на которое я указываю, очень важно. Набирать индійскую армию исключительно только изъ извѣстной касты или извѣстнаго исповѣданія значитъ подчинить ее контролю не правительства и военныхъ законовъ, а браминовъ и жрецовъ. Вслѣдствіе этой системы, то или другое лицо дѣлается солдатомъ не по способности, ловкости или мужеству, а потому только, что оно вдвойнѣ поклоняется Вишну. Кто не хочетъ боготворить раскрашенный камень, или кто принадлежитъ къ званию напимрѣ сапожниковъ, тотъ, не взирая на свои достоинства, не можетъ попасть въ ряды бенгальской арміи; иначе разнѣваются тунеядные и дерзкіе брамины. Вотъ что подрываетъ всякую дисциплину! Бенгальскій солдатъ бонся гораздо больше нарушитъ законъ касты, чѣмъ военный кодексъ, и потому не оказываетъ должнаго повиновенія. Измѣна, подкупъ и всякаго рода безпорядки могутъ проникнуть въ ряды солдатъ, такъ что офицеры не узнаютъ объ этомъ: весь полкъ принадлежитъ къ одной кастѣ и соблюдаетъ свои особенныя правила. Одинъ изъ высшихъ начальниковъ разказывалъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что онъ долженъ былъ исключить превосходнаго сивая, потому что весь полкъ просилъ объ исключеніи его, какъ принадлежащаго къ низшей кастѣ. И это общее правило въ бенгальской арміи; мой собесѣдникъ былъ изъ Бомбея, а потому пришелъ въ изумленіе...» Генералъ Джакобъ заключаетъ: «Средство противъ зла самое простое, не обращать вниманія на касты при наборѣ солдатъ, а тѣмъ, которые состоятъ на службѣ, объявить, что правительству рѣшительно все равно, какой кто вѣры: индусъ, браминъ, мусульманинъ одинаково хороши, если только они исправныя солдаты.»

Таковъ былъ главный недостатокъ въ организаціи и составѣ туземной арміи, и здѣсь надо искать причины, почему въ день, назначенный для возмущенія, войска такъ согласно исполнили данный имъ приказъ. Часто повторенныя предостереженія генераловъ, бывшихъ въ Индіи, не были въ состояніи разбудить апатію и сломить рутину правительства, и точно такое же равнодушіе къ дѣлу показала вся Англія. Индійскія дѣла не возбуждали ни въ комъ интереса, и какъ только зсходила о нихъ рѣчь въ парламентѣ, зала тотчасъ пустѣла. Нуженъ былъ громовый ударъ, чтобы разбудить Англію отъ роковаго сна.

Кажется, возмущеніе должно было вспыхнуть въ одно время во всѣхъ мѣстахъ, и еслибъ этотъ планъ удался, Англичане, вѣроятно, были бы задавлены по частямъ громадными массами. Они ничего не ожидали, они спали и выказали крайнее невѣдѣніе о характерѣ арміи, потому что въ началѣ возмущенія хотѣли подавить его посред-

ствомъ мусульманъ, думая, что все дѣло въ Индусакъ и ненавистныхъ имъ патронахъ. Англичане превратили Дельги въ огромную крѣпость со рвами и новыми стѣнами, снабдили ее артиллерійскими парками, пороховыми магазинами и значительными запасами, и не оставили въ этомъ важномъ пунктѣ даже гарнизона англійскаго. Бунтовщикамъ стоило только перемѣнить знамя, крѣпость давно была въ ихъ рукахъ.

Мы не беремся представить картину военныхъ событій, совершающихся въ Индіи, потому что она измѣняется почти ежедневно. Не будемъ останавливаться также на возмутительныхъ поступкахъ варварства, жертвою которыхъ сдѣлались мужчины, женщины, и дѣти; страшно и стыдно за челоуѣчество при одной мысли о томъ. Пусть тѣ, которые видятъ въ этой рѣзней войну за независимость, скажутъ намъ, могутъ ли подобныя чудовища образовать какое-нибудь общество и какую-нибудь націю!

Есть что-то странное въ томъ впечатлѣніи, которое произвели въ Англіи эти отвратительныя ругательства надъ челоуѣкомъ. Глубоко возмущено было чувство оскорбленнаго превосходства, гордость опозоренной крови; поруганіе надъ женами и дѣвами Альбіона, насильственное оскверненіе цѣломудрія британскаго племени выказалось въ жгучей боли, ярости и отчаяніи. Англичане столько же были взволнованы, сколько и поражены позоромъ англійскихъ женщинъ. Эти чувства высказаны самымъ могущественнымъ журналомъ Британіи въ слѣдующихъ словахъ: «Мы вѣрили, что лучший щитъ для насъ—имя англійскаго гражданина, которое выше имени гражданина римскаго; мы вѣрили, что кровь Англичанина ограждена палладіумомъ противъ позора, даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ міра.» Англійскій офицеръ послѣ разказа объ ужасахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, прибавляетъ: «ни одинъ Азіятецъ, обезчестившій жену Англичанина, не долженъ остаться въ живыхъ, чтобы не могъ онъ гордиться этимъ!» Англійское Review говоритъ: «смерть должна поразить каждаго Индійца, омочившаго руки въ англійской крови и оскорбившаго цѣломудріе Англичанки.» Никто не говоритъ: цѣломудріе женское, а цѣломудріе Англичанки, а это, по ихъ мнѣнію, не одно и то же.

Мы понимаемъ взрывъ негодованія, жажду крови, возбужденные въ сердцахъ Англичанъ страшными преступленіями; но къ чему поведетъ самое кровавое возмездіе, гибель многихъ тысячъ Индійцевъ? Англичане борются съ ними неравнымъ оружіемъ, и въ порывахъ мщенія ничто такъ не горько, какъ чувство безсилія. Когда Макдэъ узнаетъ, что Макбетъ убилъ его жену и внуковъ, и когда для утѣшенія его горести ему говорятъ о мести, у него вырывается этотъ поражающій вопль отчаянія: «у Макбета нѣтъ дѣтей!» (1).

(1) «He has no children.» Act IV. sc. III.

Посреди болѣзненнаго впечатлѣнія . произведеннаго въ Англіи этими событіями, раздался обвинительный голосъ, и противъ кого же? противъ христіанскихъ миссіонеровъ, противъ европейскихъ обществъ, противъ мужчинъ и женщинъ, посвящающихъ всю свою жизнь распространенію Евангелія! Возможно ли это? неужели Англія упала на столько, и готова отвергнуть то, что составляетъ ея величайшую славу и, скажемъ болѣе, ея силу? Но, Боже мой, еслибъ Англія прежде всего не была миссіонеромъ въ Азіи, еслибъ она не держала тамъ знамени христіанства и цивилизаціи, то никому, кромѣ акціонеровъ ея компаніи, не было бы дѣла до того, существуетъ или нѣтъ англійское владычество въ Индіи. Изъ-за чего христіанскіе народы станутъ принимать участіе въ благосостояніи или банкротствѣ ея лавочниковъ? Намъ говорятъ, что индійское возмущеніе было вызвано христіанскими проповѣдями и религіознымъ прозелитизмомъ; но вѣдь это обвиненіе можно приложить ко всѣмъ: вотъ уже восемнадцать вѣковъ, какъ христіанская свобода поражаетъ варварство и одражѣвшія общества. Въ сущности, англійское правительство, офиціальное правительство въ Индіи дѣлало все возможное, чтобы препятствовать религіозной пропагандѣ; всѣ реформы въ варварскомъ туземномъ законодательствѣ были вытребованы настойчивостію миссіонеровъ и евангелическихъ обществъ. Да и много ли сдѣлано на этомъ пути? Уничтожены только предрассудки и обычаи, оскорбительные для человѣчества. Правительство отмѣнило варварскій законъ, осуждавшій женъ на сожженіе послѣ смерти ихъ мужей; оно уничтожило другой законъ, запрещавшій вдовамъ вступать во второй бракъ и конфисковавшій имущество всѣхъ, кто обратится въ христіанство. Вотъ настоящія причины, которыя повели къ возмущенію болѣе, чѣмъ патроны съ саломъ; потому что въ общественномъ устройствѣ, гдѣ законы и обычаи неразрывно связаны съ религіею, всякая реформа, освобождающая личность, направлена противъ власти жрецовъ. Но предположивъ даже, что Англичане должны держаться самаго строгаго нейтралитета въ дѣлѣ религіи, они обязаны все-таки предоставить полную свободу всѣмъ своимъ подданнымъ, всѣмъ племенамъ и всѣмъ кастамъ; это вопросъ полицейскій, а не богословскій. Скорѣе можно упрекнуть индо-англійское правительство въ томъ, что оно слишкомъ много уступало идолопоклонству, что изъ политики и по расчету оно потворствовало грязному фетишизму и своимъ присутствіемъ придавало авторитетъ отвратительнымъ таинствамъ азіатскихъ религій. Правительство такъ мало заботилось о прозелитизмѣ, что въ своихъ школахъ ограничивалось только свѣтскимъ воспитаніемъ; законъ Божій не преподавался въ нихъ, учебныя книги не должны были касаться религіи, такъ что изъ боязни оскорбить туземныя вѣрованія правительство исключило изъ школъ всякаго рода богословіе, даже англиканское.

Еслибъ Англія меньше боялась распространенія христіанства, ей не пришлось бы теперь защищаться противъ дикарей.

Есть люди, которые порицають возстаніе Грековъ противъ Турокъ, или Итальянцевъ противъ Австріи; они считаютъ очень опаснымъ такое нарушеніе политическаго равновѣсія, и между тѣмъ въ возмущеніи Индіи видятъ войну за національность и независимость. Нужно много глубокомыслія, чтобъ отыскать признакъ національности въ этомъ хаотическомъ сбродѣ болѣе ста миллионовъ людей, униженныхъ вѣковымъ рабствомъ, перебивавшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій подъ ногами у всѣхъ завоевателей. Напрасно по этому случаю приводятъ въ примѣръ возмущеніе англійскихъ колоній въ Америкѣ: тамъ дѣйствовалъ народъ, вполне готовый занять свое мѣсто въ исторіи, и именно англійское племя. Посмотрите на объявленіе независимости 4-го іюля 1776 года, вы встрѣчаете съ перваго раза слѣдующіе простые и возвышенные слова: «Когда въ общемъ ходѣ историческихъ событій народъ сознаетъ необходимость разорвать политическую связь съ другимъ народомъ и занять среди остальныхъ государствъ свое независимое мѣсто, на которое даетъ ему право божественный и естественный законъ, уваженіе къ мнѣнію человечества требуетъ отъ этого народа объясненія причинъ, побуждающихъ его къ самостоятельной, отдѣльной жизни. Мы считаемъ несомнѣнными слѣдующія начала: всѣ люди равны между собою, они имѣютъ прирожденные, Богомъ данныя права, между которыми на первомъ планѣ стоитъ право на жизнь, свободу и исканіе счастья...» Такъ начинается этотъ актъ, а вотъ его заключеніе: «Въ полномъ довѣрїи къ волѣ божественнаго Провидѣнія, мы готовы для поддержанія всего сказаннаго жертвовать нашею жизнью, достояніемъ и самымъ священнымъ нашимъ благомъ—честію.» Такія слова проносятся подобно струѣ чистаго воздуха посреди грустныхъ событій, о которыхъ мы говоримъ теперь. Но если даже представить себѣ, что Индія освободится отъ господства Англіи, все-таки изъ нея не выйдетъ ничего похожаго на Америку; это будетъ просто парижскій зоологическій садъ, въ которомъ растворены всѣ клѣтки и распушены по свѣту всѣ дикіе звѣри.

Мы съ увѣренностію можемъ сказать, что если Англія лишится Индіи, то для нея несчастіе будетъ менѣе чувствительно, чѣмъ для ея колоній, а для человечества съ этимъ соединится страшное бѣдствіе. Англичане служатъ въ Азїи представителями начала цивилизаціи и человѣчности, и еслибы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго, внезапнаго напряженія, подобнаго настоящему, населеніе Индіи свергло власть, подъ которою оно живетъ теперь, то непремѣнно Индѣйцы подвѣдутъ игу соплеменныхъ кровожадныхъ тирановъ и слѣдовательно всѣмъ укасаютъ варварства. Въ самомъ дѣлѣ, Англичане были освободителями Индіи; они положили конецъ царству грабителей, замѣ-

нивъ его справедливостію и закономъ; они являются хранителями правъ и суда человѣческаго. Въ теченіи цѣлыхъ столѣтій исторія Индіи представляла собою зрѣлище убійствъ и опустошительной рѣзни; кровавая эра кончается съ завоеваніемъ Англичанъ, и хоти управленіе послѣднихъ не было образцомъ всѣхъ возможныхъ совершенствъ, однако нельзя не сознаться, что оно несравненно гуманнѣе, кротче и справедливѣе всѣхъ правительствъ, пережитыхъ Индѣйцами. Англичане дали развитіе естественной производительности края, устроили шоссе и желѣзныя дороги и установили порядокъ. Ошибка ихъ состояла въ убѣжденіи, что они успѣли создать народъ, и это привело къ неизбежному послѣдствію—къ торжеству варварства и къ побѣдѣ слѣпой и грубой силы.

Англичане предоставили Индіи всю свободу и права, какія существуютъ въ Англии, въ томъ числѣ и свободу книгопечатанія и дѣйствовали при этомъ не безотчетно: они очень хорошо понимали, какое оружіе давали населенію имъ враждебному. Довольно того, что свобода книгопечатанія — институтъ чисто-англійскій, чтобы заставить Британію распространять его по всей поверхности земнаго шара. Одинъ очень умный человѣкъ, живописецъ Гайдонъ, сказалъ, что Англичане всюду приносятъ съ собою три учрежденія: судъ присяжныхъ, скѣчки и портретную живопись. Въ Индіи скѣчки ничѣмъ не отличаются отъ эпсомскихъ и шантильскихъ, мы увѣрены, что и портретная живопись привилась тамъ наровнѣ съ системою осушенія почвы. Что касается до судовъ присяжныхъ, то въ то самое время, когда начиналось броженіе, шла рѣчь о перемѣнѣ въ законодательствѣ: хотѣли согласовать его съ мѣстными обычаями, признать подсудность Англичанъ туземнымъ судьямъ, предоставить послѣднимъ болѣе произвола и упростить формы болѣе, чѣмъ въ самой Англии. Эти планы, отъ которыхъ жители Калькутты пришли въ ужасъ, доказываютъ, какъ велика была увѣренность правительства въ своей безопасности.

Свобода книгопечатанія была дарована туземцамъ въ равной степени съ Англичанами, въ 1835 году. Сэръ-Томасъ Менро, на свидѣтельство котораго мы уже ссылались, предугадывалъ тогда же результаты этой мѣры. Онъ боялся ея вліянія не на народъ, а на армію: «Еслибы мы могли быть увѣрены, говорить онъ, что журналы и книги станутъ читаться только народомъ, то нечего было бы бояться бунта, мы успѣли бы замѣтить направленіе умовъ и принять свои мѣры; но вслѣдствіе нашего особеннаго положенія въ краѣ, намъ грозитъ переворотомъ не народъ, а армія. Въ странахъ, не находящихся подъ чужестраннымъ владычествомъ, духъ свободы развивается вмѣстѣ съ постепеннымъ воспитаніемъ и образованіемъ народа, находятъ въ нихъ свой естественный источникъ; едва ли можно надѣяться, чтобы въ Индіи это развитіе приняло тотъ же путь, слѣдовало

бы правильному и спокойному ходу; мы не думаемъ, что возрожденіе можетъ произойти у насъ мирно, безъ потрясеній: въ странѣ, управляемой чужестранцами, въ которой книгопечатаніе свободно, а войско состоитъ изъ туземцевъ, попытка къ независимости должна обнаружиться въ арміи задолго до сознанія ея въ народѣ. Войско не станетъ дожидаться послѣдствій цивилизаціи, распространенія ея въ народѣ; прежде чѣмъ въ послѣднемъ созрѣетъ понятіе о свободѣ, войско поспѣшитъ самовольно опрокинуть правленіе, во имя національной независимости, на которую укажутъ народные писатели. Сипаи научатся сравнивать свое содержаніе и подчиненіе европейскимъ офицерамъ съ окладами и значеніемъ послѣднихъ; они станутъ изыскивать причины такой огромной разницы въ правахъ, соотнобразять свое численное превосходство и убѣдятся, что имъ необходимо свергнуть иго иноплемениковъ и захватить деньги и почести, которыя раздаются теперь Англичанамъ. Свободное книгопечатаніе научитъ ихъ и натолкнетъ на многое. Сходясь между собою въ полкахъ и на стоянкахъ, сипаи найдутъ частые случаи потолковать и сообразить планъ дѣйствій; за предводителями дѣло не станетъ; съ терпѣніемъ, привычкой къ дисциплинѣ и военною бѣтностью, они могутъ рассчитывать на успѣхъ, особенно если ихъ будетъ подстрекать властолюбіе, жажда независимости, славы и корысть...»

Всѣ опасенія, выраженные въ этихъ словахъ Менро, оправдались вполне. Образованность и знанія, которыя должны были распространиться силою книгопечатанія, не проникли нисколько въ низшіе слои общества, а войску послужили они оружіемъ. Чтобы дать понятіе о свободѣ книгопечатанія въ Индіи, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ статьи, помѣщенной въ туземномъ журналѣ въ самый разгаръ войны. «О Творецъ! говоритъ авторъ, Англичане испытали на себѣ Твое могущество. Вчера еще они пользовались властію, сегодня же плаваютъ въ крови и повсюду обращаются въ бѣгство... Побросавши свои паланкины и колесницы, они должны были спастись въ камышахъ, босикомъ и безъ шляпъ. О Англичане! думали ли вы, что король дельгійскій снова взойдетъ на престолъ во всей славѣ и величій Надировъ, Баберовъ и Тимуровъ?..»

Перенесемся мысленно изъ англо-индійскихъ владѣній въ наши африканскія колоніи, и спросимъ себя, какъ бы поступилъ маршалъ-губернаторъ Алжира при подобной демонстраціи со стороны туземцевъ? Мы полагаемъ, что дѣло покончено бы было очень скоро, да и не зачѣмъ отправляться въ Африку, чтобы посмотреть, какъ поступаютъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ. Но тутъ-то именно высказывается уваженіе Англичанъ къ ихъ учрежденіямъ: генералъ-губернаторъ Индіи, ограничивая книгопечатаніе на время, все-таки считъ своимъ долгомъ оправдаться въ этой мѣрѣ и изложилъ очень подробно побудившія его къ тому причины. Такимъ образомъ правительство

вмѣсто роли обвинителя становится въ положеніе обвиненнаго и оправдывается передъ народомъ въ посягательствѣ на его свободу. Какое блестящее доказательство уваженія къ законности и свободѣ стороны правительства!

Страшный кризисъ, который переживаетъ Англія, одинъ изъ самыхъ опасныхъ въ ея исторіи, произвелъ въ другихъ странахъ разнообразныя впечатлѣнія; но преобладающимъ является худо-скрытое удовольствіе. Англія не можетъ не замѣтить слѣдующаго: общественное мнѣніе по необходимости платитъ дань челоуѣколюбію, возмущаясь варварскими поступками бунтовщиковъ; но, исполнивши эту оффициальную обязанность, оно предается откровенно чувству удовольствія. Народъ англійскій долженъ сознаться, что онъ вообще не пользуется любовью; онъ на столько эгоистъ, что другіе народы не считаютъ его невзгодъ своимъ семейнымъ несчастіемъ, а исторія Англій представляетъ собою картину такого необыкновеннаго счастья, что невольно возбуждаетъ зависть. Но и между людьми, которые очень довольны настоящими событіями, есть свои различія. Католическая партія во Франціи и на всемъ континентѣ смотритъ на бѣдствіе Англіи какъ на кару еретиковъ, и въ этихъ несчастіяхъ враговъ церкви прославляетъ поучающую руку Промысла. Въ этихъ чувствахъ нѣтъ по крайней мѣрѣ ничего низкаго; можно не соглашаться съ ними, это другой вопросъ. Но за то никакого снисхожденія не заслуживаютъ люди другаго направленія, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ распространено въ Европѣ. Мы разубѣдемъ многочисленныхъ поклонниковъ рабства и пошлости; они не могутъ простить Англіи того, что она избѣгала до сихъ поръ революцій, что она устояла при самомъ сильномъ напорѣ свободы, тогда какъ первый толчокъ совершенно опрокинулъ поборниковъ невѣжества; обрадовавшись тому, что у Англіи нашлась ахиллесова пята, они въ торжествѣ восклицаютъ: «Наконецъ-то! Пришла и ея очередь!»

Впрочемъ Англичане инстинктивно сознаютъ чувства, которыя они внушаютъ, и надѣются только на собственныя силы. «Теперь мы ведемъ первую кампанію, сказалъ Дизраэли въ нижней палатѣ; по всемъ вѣроятіямъ, въ ноябрѣ намъ придется предпринять вторую, отъ которой будетъ все зависть. Европа и Азія слѣдятъ за нами внимательно; мы должны нанести рѣшительные удары, потому что въ случаѣ третьей кампаніи намъ, пожалуй, придется увидѣть на сценѣ такія дѣйствующія лица, которыхъ мы не ожидаемъ, — и уже не индійскихъ князьковъ.»

Многіе удивлялись, почему англійское правительство не отправляло своихъ войскъ на пароходахъ, которые представляютъ такъ много удобствъ по своей помѣстительности и по быстротѣ, драгоценной въ настоящемъ случаѣ. Но не должно забывать, что Англія посылала всѣ свои войска и оставалась даже почти безъ гарнизоновъ, такъ что

безъ ея «деревянныхъ стѣнъ» ей нечѣмъ было бы защищаться у себя дома. Лордъ Пальмерстонъ откровенно высказалъ свои опасенія. «Еслибы въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ, говорилъ онъ, намъ пришлось сдѣлать воззваніе къ силамъ отечества, мы не могли бы этого сдѣлать, отправивши весь флотъ на другой конецъ свѣта. Конечно, наши пароходы остаются здѣсь въ покоѣ и бездѣйствіи; но, повторю, еслибы вслѣдствіе непредвидѣннаго событія, намъ встрѣтилась надобность выставить большой флотъ, мы были бы лишены этой возможности, употребивши всѣ наши суда на перевозку арміи въ Индію. Поэтому я полагаю, что не слѣдуетъ отправлять ихъ въ Азію; иначе мы впадемъ въ ошибку, на которую указалъ великій ораторъ Греціи, говоря о Персахъ: «Когда вы нанесите имъ ударъ по какой-либо части тѣла, они закрываютъ ее рукой и оставляютъ всѣ остальные части беззащитными; не слѣдуйте, Ассирійцы, примѣру такого безразсудства.»

Тѣ же самыя причины, вслѣдствіе которыхъ Англія встрѣчаетъ такъ мало симпатіи въ Европѣ, объясняютъ сочувствіе къ ней по ту сторону Атлантическаго океана. Общія начала и единство происхожденія составляютъ неразрывную связь между Англичанами и Американцами. Европа не въ первый разъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; годось кровнаго родства заглушалъ не разъ голосъ страсти въ ту минуту, когда всѣ ждали враждебнаго столкновенія двухъ народовъ. Англичане и Американцы спорятъ между собою часто и о многомъ; но это ихъ домашніе споры, которые ведутся на одномъ и томъ же языкѣ. Поэтому мы нисколько не удивились, когда прочли статьи американскихъ публицистовъ, въ которыхъ, разсмотрѣвъ вопросъ съ точки зрѣнія торговой, они приходять къ слѣдующему знаменательному выводу: «Ослабленіе и упадокъ Англіи имѣетъ для насъ особенный интересъ. Не говоря уже о томъ, что Великобританія наша ближайшая союзница, и что съ нею мы ведемъ постоянно огромные обороты, мы не можемъ не принимать особеннаго участія въ ея положеніи и потому, что въ Англіи коренится и находитъ свое убѣжище либеральное европейское начало. Это почти единственное государство въ Европѣ, въ которомъ можно свободно говорить, писать, мыслить и дѣйствовать. Паденіе Англіи остановило бы на цѣлое столѣтіе ходъ развитія свободы.»

Намъ кажется преждевременнымъ разсуждать объ ослабленіи и упадкѣ Англіи, мы не считаемъ того и другаго неизбежнымъ. Трудно предсказать ближайшія послѣдствія индійской войны; можетъ-быть, мы увидимъ событія, которыхъ не ожидаемъ, но окончательный исходъ дѣла не подлежитъ сомнѣнію. Борьба идетъ между живою и мертвою силой; рано или поздно свѣжее дерево выбьется изъ-подъ дикой массы, которая упала на него неожиданно. Идея національности, которая могла бы доставить успѣхъ такого рода возмущенію, въ

Индіи не существуетъ; нигдѣ не видно, чтобы народъ собирался подъ знаменемъ, поднятымъ войскомъ; побѣдители, пользуясь своимъ успѣхомъ, рѣжутъ и грабятъ, и затѣмъ спѣшатъ скрыть свою добычу. Когда низшіе классы разноплеменнаго населенія Индіи испытываютъ на себѣ иго новыхъ властителей, когда они изнемогутъ подъ тяжестью неслыханныхъ поборовъ и притѣсненій, когда они увидятъ, что поля ихъ преданы запустѣнію, собственность разграблена, люди обращены въ рабство, женщины отданы на стыдъ и позоръ, — тогда сами Индійцы захотятъ возвратиться вновь къ тому владычеству, которое обезпечивало имъ порядокъ и справедливость.

Но самое владычество Англіи должно будетъ измѣниться въ основныхъ своихъ началахъ. Нельзя подумать объ этомъ безъ глубокой тоски, нельзя не признаться, что настоящія событія будутъ имѣть самыя неблагопріятныя слѣдствія для всеобщей свободы, они послужатъ къ торжеству военнаго элемента и начала централизаціи.

Въ послѣдніе два или три года Англичане получили жестокой урокъ, сначала въ Крыму, а потомъ въ Индіи; они должны были сознаться въ горькой истинѣ, что золотой вѣкъ еще не насталъ, что мы живемъ въ вѣкъ желѣзный, когда народы даже среди мира должны оставаться во всеоружіи, и могутъ наслаждаться спокойствіемъ и безопасностью, только держа мечъ у своего изголовья. Наученные тяжелымъ опытомъ, Англичане должны будутъ покориться необходимости и содержать постоянную армію; они уже готовятся къ этой крайней мѣрѣ, противъ которой всегда возмущался духъ англійской независимости.

Что касается до Индіи, то ея чисто-гражданское управленіе должно будетъ уступить мѣсто военному занятію края посредствомъ какого-нибудь огромнаго корпуса жандармовъ. Нечего и думать о дарованіи права *selfgovernment* племени, не приготовленному къ тому ни религіей, ни воспитаніемъ. Сліяніе христіанъ съ мусульманами невозможно, и де-Местръ былъ правъ, говоря: «одному изъ нихъ предстоитъ рабство или смерть». Религіозно-соціальныя касты издыхаютъ теперь въ предсмертныхъ судорогахъ, но подъ ними, внѣ привилегированныхъ кастъ, есть милліоны существъ, влачащихъ жизнь посреди униженій, лишеній и бѣдствій всякаго рода, и ожидающихъ луча просвѣщенія. На Англіи лежатъ духовныя обязанности, и она не должна забывать о нихъ послѣ возстановленія своего господства въ Индіи. Она пойметъ, что не слѣдовало обвинять миссіонеровъ, а скорѣе нужно бы оказать имъ помощь и поощреніе. Въ несправедливости къ проповѣдникамъ слова Божія Англія выказала неблагодарность. — Что бы стало съ нею самою безъ Библіи?

ЕЩЕ О СЛОВЕСНОМЪ И ПУБЛИЧНОМЪ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВѢ.

(По поводу замѣчаній, напечатанныхъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 219.)

Нельзя не пожалѣть, что такой существенный вопросъ, какъ гласность и устность судопроизводства, поднятый въ «Русскомъ Вѣстникѣ», не встрѣтилъ доселѣ въ нашей журналистикѣ другаго отзыва, кромѣ небольшой фельетонной статейки, напечатанной въ № 219 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и сопровождающей оговоркою редакціи, отклоняющей отъ себя отвѣтственность за изложенныя въ ней мысли...

Авторъ рецензіи «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» на статью «Русскаго Вѣстника», о словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи (1), г. В. Л. возражаетъ противъ всѣхъ трехъ основаній упомянутой статьи: противъ устности, адвокатуры и гласности, — противъ первыхъ двухъ безусловно, противъ послѣдней съ ограниченіями.

Касательно перваго предмета онъ находитъ, что затребованіе справокъ, необходимыхъ для производящагося дѣла, было бы для частныхъ лицъ весьма обременительно, убыточно и послужило бы еще къ большимъ проволочкамъ. «Чего будетъ ему стоить, говорить г. В. Л., выхлопотать въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ копія съ постановленій, относящихся къ дѣлу? Мы не говоримъ о расходахъ незаконныхъ, но напримѣръ дешево ли обойдется лицу, живущему въ Петербургѣ, выхлопотать копія съ трехъ постановленій: Вятской гражданской палаты, Кіевскаго губернскаго правленія и Тобольскаго уѣзднаго суда?..» «Петербургскому же присутственному мѣсту ничего не стоить ихъ выхлопотать... «И не подастъ ли повода къ проволочкѣ дѣла, если тяжущійся сошлется на то, что у него еще есть въ такомъ-то мѣстѣ документы, но онъ не успѣлъ ихъ выхлопотать, а въ самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, и онъ даже не хлопоталъ объ нихъ?» Потомъ, возвращаясь къ мысли, что выхлопатываніе документовъ частнымъ лицомъ потребуетъ съ его стороны большихъ издержекъ, г. В. Л. заключаетъ слѣдующими словами: «Судопроизводство не должно быть слишкомъ дорогимъ блюдомъ, которое и вкусно, да не по карману бѣдняку.»

Послѣдняя мысль должна неизбѣжно привлечь на сторону г. В. Л. его читателей; но ирельщаяся этою наружностію филантропіи, они вслѣдъ за авторомъ впадутъ въ заблужденіе. Впервыхъ, одну справку

(1) См. «Русскій Вѣстникъ». 1857 г., № 17.

выхлопотать присутственному мѣсту конечно не трудно, но выхлопывать ихъ сотни или тысячи—затруднительно. Не «за справками» ли останавливается огромное большинство дѣлъ, когда является ревизоръ и раскрываетъ настольные реестры? Надобно слѣдовательно отнять у канцелярій возможность дѣлать подобныя злоупотребленія. Повторяю, мы не видимъ никакого повода думать, чтобы по требованію присутственнаго мѣста справка была доставлена скорѣе, чѣмъ по прошенію частнаго лица; мы опасаемся, что въ приведенномъ г. В. Л. случаѣ тяжущемуся придется, поспѣшности ради, прокатиться въ Вятку, Кіевъ и Тобольскъ, или поручить тамъ своимъ знакомымъ наблюсти за его дѣломъ, все равно, подано ли имъ прошеніе о высылкѣ документовъ, или затребованы они изъ петербургскаго присутственнаго мѣста. Напротивъ, еслибы всѣ присутственныя мѣста были освобождены отъ необходимости ходатайствовать о нужныхъ по частному дѣлу справкахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что присутствіемъ было бы возможно устранить произвольную медленность въ ихъ доставленіи со стороны канцелярій, у которыхъ весьма чувствительно уменьшились бы дѣла.

Далѣе, г. В. Л., вопреки мнѣнію разбираемой имъ статьи, находитъ возможнымъ ощутительно сократить переписку и письмоводство. Онъ полагаетъ, что бумагу (входящую, вѣроятно) можно вписывать всего однажды, въ двухъ строчкахъ, чтобы она не затералась, и сейчасъ же сдавать ее для производства». Едва ли такъ! Каждая входящая бумага должна быть вписана (кратко) въ регистратурѣ, которая есть какъ бы врата всей входящей и исходящей переписки: безъ регистратуры не возможно обойтись; регистратура или нѣчто подобное ей есть во всякой, даже самой маленькой полковой или батарейной канцеляріи. Затѣмъ бумага должна быть записана въ настольномъ реестрѣ, въ которомъ сокращенно отмѣчается все возбужденное ею производство: настольные реестры тоже необходимы какъ средства для повѣрки дѣлопроизводства канцеляріи. Потомъ бумага должна быть вписана въ алфавитъ, который тоже необходимъ какъ единственный способъ сдѣлать сколько-нибудь поспѣшную справку. Наконецъ входящая бумага должна быть вписана, и притомъ цѣликомъ, въ докладной реестръ или журналъ. Всѣ эти записыванья признаны за необходимость нѣсколькими комитетами, изыскивавшими способы къ упрощенію дѣлопроизводства, а если г. В. Л. знаетъ средство обойтись безъ этихъ переписываній, то весьма пріятно было бы, еслибъ онъ открылъ его. Далѣе: соглашаемся, что каждая входящая бумага можетъ быть «сейчасъ» сдана для производства; но если такихъ бумагъ поступаетъ тысячами?... А есть присутственныя мѣста, гдѣ немного менѣе тысячи поступаетъ ихъ ежедневно: таковы губернскія правленія и управы благочинія обѣихъ столицъ. Бумаги эти надо вскрыть, помѣтить и хотъ пробѣжать въ присутствіи, записать въ регистратурѣ, разложить и раздать

по экспедиціямъ или отдѣленіямъ и наконецъ по столамъ, — для чего необходимо также пробѣжать ихъ; при этомъ не рѣдко приходится дѣлать предварительныя справки и запросы по всей канцеляріи, къ какому дѣлу, гдѣ производящемуся, слѣдуетъ сдать поступившую бумагу. Все это не только не можетъ быть сдѣлано «сейчасъ», но едва развѣ во всѣ пять присутственныхъ часовъ, — и то при большемъ навыкѣ и расторопности чиновниковъ. Г. В. А. слѣдитъ мыслію за движеніями одной бумаги, а не всей вторгающейся ежедневно переписки, — и это вводитъ его въ заблужденіе. Что же касается до дальнѣйшихъ его мыслей относительно упрощенія дѣлопроизводства, словесныхъ вопросовъ тяжущимся въ присутствіи для разъясненія «неясныхъ пунктовъ прошенія и отзыва отвѣтчика» и пр., — то онъ такъ неопредѣленны что не возможно ничего сказать о нихъ.

Затѣмъ онъ предлагаетъ вмѣсто множества исходящихъ бумагъ одного содержанія посылать печатныя постановленія при циркулярахъ. Прекрасно; это и дѣлаютъ присутственныя мѣста, имѣющія типографіи, но какъ поступать, когда исполненіе въ нѣсколько мѣстовъ приходится посылать въ два-три только мѣста? печатать будетъ еще долѣе чѣмъ переписывать. Да притомъ не вездѣ и есть типографіи. Правда, г. В. А. предлагаетъ завести ихъ при каждомъ уѣздномъ судѣ, для чего учредить незначительный сборъ съ тяжущихся... Куда же дѣлось попеченіе о бѣднякахъ, о доступности каждому неимущему средствъ къ полученію правосудія?...

Приведенными положеніями ограничиваются возраженія г. В. А. противъ словеснаго производства; затѣмъ онъ переходитъ къ адвокатурѣ. Кажется, понятія его объ этомъ важномъ учрежденіи не совершенно ясны, иначе онъ никакъ не поставилъ бы ему въ вину того, что и самое дурное дѣло находитъ себѣ адвоката. Адвокатъ не обязывается оправдать своего кліента, а только выставить всѣ обстоятельства, служащія къ облегченію его участи, если преступленіе его очевидно. Обязанность изыскивать чистый проблескъ человѣчности среди самыхъ темныхъ преступленій не только не заслуживаетъ упрека, но представляется намъ весьма возвышеннымъ, истинно-христіанскимъ принципомъ; желательно, чтобы г. В. А. оцѣнилъ ее съ большимъ безпристрастіемъ.

Онъ сомнѣвается, чтобы у насъ могло вдругъ явиться необходимое число хорошихъ адвокатовъ. Мы и сами въ этомъ сомнѣваемся, но неужели по этой причинѣ должны мы отказываться отъ принципа, который окзывается хорошимъ? Никакое учрежденіе не является внезапно совершеннымъ, но уже хорошо и то, чтобы понять значеніе принципа среди несовершенныхъ формъ его проявленія. Неужели Англичане временъ Іакова II хорошо сдѣлали бы, отказавшись отъ учрежденія присяжныхъ, потому что приговоры присяжныхъ произносились подъ вліяніемъ изверга Джефрейса?.. Что касается до насъ,

то мы имѣемъ въ нашихъ канцеляріяхъ и въ классѣ нынѣшнихъ ходатаевъ и стряпчихъ зерно адвокатуры. Не привлекательная закуска, скажутъ! Не такъ дурна, какъ кажется. Мы той вѣры, что одинъ и тотъ же человѣкъ, будучи поставленъ въ различныя условія жизни, можетъ существенно измѣниться. Человѣкъ, сидя въ канцеляріи, принужденъ къ непохвальнымъ дѣйствіямъ нуждою, побуждаемъ дурнымъ примѣромъ окружающихъ, соблазняемъ тайною, прикрывающею его дѣйствія. Какая надобность стряпчему, когда дѣло идетъ о выгодѣ, стѣсняться передъ человѣкомъ, съ которымъ онъ можетъ быть никогда не встрѣтится въ жизни?.. Но совѣтъ другое будетъ, если дѣйствія этихъ людей будутъ открыты передъ судомъ всего общества, если вмѣстѣ съ матеріальною выгодною они будутъ приобрѣтать и репутацію. Притомъ адвокатура есть такое выгодное занятіе и можетъ сдѣлаться такимъ почетнымъ занятіемъ, что ее будутъ избирать весьма многіе, пользующіеся и теперь доброю славою, люди. Не природной безыравственности цѣлаго класса русскаго общества слѣдуетъ приписывать печальные поступки лицъ, составляющихъ канцеляріи, и недобросовѣстность стряпчихъ, — а болѣе всего способу ихъ занятій, принципу, лежащему въ основаніи ихъ дѣятельности.

Увлекаясь стремленіемъ доставить всѣмъ и каждому дешевое судопроизводство, г. В. Л. во имя этого стремленія возстаетъ противъ адвокатуры, которой выгоды, по его мнѣнію, могутъ быть доступны лишь достаточнымъ людямъ, между тѣмъ какъ нынѣшнее письмоводство представляется ему, за исключеніемъ гербовой бумаги, безвозмезднымъ. Это мнѣніе ужъ слишкомъ наивно. Неужели г. В. Л. такъ мало знакомъ съ судебною практикою?.. Но мы не будемъ касаться темной стороны судопроизводства, гдѣ дѣйствительно каждый шагъ покупается, и весьма дорогою цѣною... Мы только спросимъ его: развѣ на самое содержаніе канцелярій не всѣ мы платимъ, — и тѣ, которые промышляютъ ябедами, и тѣ, которые въ жизни своей не подписывали ни прошенія, ни отзыва? Не справедливѣ ли было бы, чтобъ эта повинность падала только на тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ дѣла, хотя бы процессъ и обходился нѣсколько дороже? Повинность на доставленіе частнымъ лицамъ правосудія едва ли можетъ входить въ категорію повинностей на содержаніе напримѣръ вооруженной силы, полиціи и т. п., — потребностей совершенно общихъ для каждаго гражданина; къ посредничеству же закона далеко не всякому случается прибѣгать въ жизни. Впрочемъ это соображеніе такъ важно, что мѣсто ему не въ краткой замѣткѣ, и мы воздержимся здѣсь отъ дальнѣйшаго развитія его, а попросимъ г. В. Л. обратить вниманіе на то, что какъ за границею *dommages-intérêts*, такъ и у насъ штрафы за неправую аппелляцію, гербовыя пошлины и проч., падаютъ на виновную сторону, слѣдовательно лицо, несправедливо вызванное на

тяжбу, можетъ получить нѣкоторое вознагражденіе за издержки, обнаруживъ свою правоту. Наконецъ замѣтимъ еще и то, что званіе адвоката, будучи выгодно и почетно, дѣлается цѣлю большаго числа соискателей. Здѣсь, какъ и въ занятіи врачей, много значить *составить себѣ репутацію*: по этому-то самому молодые, начинающіе адвокаты очень охотно принимаютъ безденежное участіе въ процессахъ небогатыхъ людей, именно въ надеждѣ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ свое имя. Независимо отъ подобныхъ случаевъ, хотя и довольно нерѣдкихъ, но не составляющихъ однакоже общаго правила, вездѣ существуютъ для бѣдныхъ казенные адвокаты.

Разсмотрѣвъ съ г. В. А. значеніе адвокатуры, мы перейдемъ съ нимъ же къ мыслямъ о гласности. Въ разбираемой имъ статьѣ «О словесномъ дѣлопроизводствѣ» предположено, какъ мѣра переходная, допускать въ засѣданія постороннія лица по билетамъ, а самыя протоколы засѣданій публиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Рецензентъ выводитъ, весьма впрочемъ основательно, что въ этомъ случаѣ губернскія вѣдомости сдѣлаются толще нашихъ большихъ журналовъ и спрашиваетъ: какую тогда цѣну за нихъ назначить? кто будетъ держать въ нихъ корректуру, для которой, полагаетъ онъ, потребуются нѣкоторыя свѣдѣнія въ юриспруденціи?

Мы нисколько не отстаиваемъ то, что было предложено нами какъ переходная мѣра. По нашему убѣжденію, было бы лучше дать полное развитіе началу гласности. Сущность дѣла въ томъ, чтобы такое священное дѣло, какъ отправленіе правосудія, совершалось не въ тайнѣ, а передъ глазами всѣхъ, чтобы двери суда были отворены настежь. Пусть публикѣ будетъ дано право входа въ судъ и право оглашать судебныя пренія посредствомъ книгопечатанія, вотъ все, чего слѣдуетъ желать. Ея представители, органы общественнаго мнѣнія, озаботятся сами присканіемъ стенографовъ и типографскихъ средствъ; безъ сомнѣнія не всѣ дѣла потребуютъ стенографированія, и подробнаго печатнаго отчета о засѣданіяхъ, а лишь немногія важнѣйшія.

Г. В. А. желаетъ гласности, но не полагаетъ полезнымъ допущеніе даже избранной публики и сомнѣвается, чтобы нашлись въ уѣздныхъ городахъ охотники присутствовать при засѣданіяхъ. Очень можетъ быть, что аудиторія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и часто будетъ пуста, особенно въ первое время, но здѣсь важенъ принципъ... Да и почему же думать, что современемъ не разовьется у насъ, также какъ и во многихъ другихъ странахъ, участіе къ общему дѣлу? Намъ кажется даже, что оно у насъ уже пробуждается.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ г. В. А. почитаетъ публикованіе процессовъ, потому что судьи будутъ знать, что приговоры ихъ могутъ подвергнуться суду и общественнаго мнѣнія и лицъ, «отъ которыхъ они зависятъ».

Вполнѣ соглашаясь съ важностію суда общественнаго мнѣнія, мы положительно отрицаемъ идею зависимости судей отъ лицъ; при ней рѣшительно невозможна независимость, а слѣдовательно и правильность судебныхъ рѣшеній. Весьма жаль, что г. В. Л. не знакомъ съ этимъ важнѣйшимъ основаніемъ юридической жизни на Западѣ; замѣтимъ только, что и наше законодательство не допускаетъ вмѣшательства лицъ въ судебные приговоры. Сверхъ того не можемъ не подивиться, какъ г. В. Л., за нѣсколько строкъ предъ симъ отвергавшій возможность публиковать процессы въ губернскихъ вѣдомостяхъ, за недостаткомъ типографскихъ средствъ и т. п., вдругъ не только находитъ это возможнымъ, но и поставяетъ въ обязанность суду публиковать процессы, которыхъ можетъ накопиться въ немъ безчисленное множество, и изложеніе которыхъ по своей официальнойности мало можетъ интересовать публику. А для высшихъ присутственныхъ мѣстъ не будетъ въ томъ никакой надобности, потому что отъ нихъ зависитъ вытребовать подлинный дѣла отъ низшаго присутственнаго мѣста, когда то окажется нужнымъ.

Въ заключеніе, авторъ статьи «Спб. Вѣдомостей», проникнутой съ начала до конца нѣкотораго рода филантропическою тенденціею, восклицаетъ: «что станется со всѣми Акакіями Акакіевичами, если мы уничтожимъ канцеляріи?» Такому гуманному восклицанію зарукоплещутъ всѣ канцеляріи; оно тронетъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ «цѣнителей и судей» великихъ общественныхъ вопросовъ, которые любятъ рѣшать ихъ на основаніи такъ-называемой практической мудрости и знанія мѣстныхъ условій... Ихъ только можетъ ввести въ сомнѣніе: почему лишать Акакіевъ Акакіевичей канцелярской работы не все равно, что устройствомъ желѣзныхъ дорогъ лишать ямщиковъ извознаго промысла?.. Мы тоже не понимаемъ, какую разницу видятъ въ этомъ г. В. Л. Человѣку, проводившему весь свой вѣкъ на облучкѣ и пившему чай по нѣсколькx разъ въ день, почти такъ же трудно принятъся за соху и войти въ простую жизнь земледѣльца, какъ канцелярскому чиновнику выбрать себѣ новый родъ занятій. Но обращеніе ямщиковъ къ хлѣбопашеству есть фактъ совершившійся, и по этому онъ возможенъ, а уничтоженіе канцелярій есть только мысль, то есть теорія, слѣдовательно вздоръ, химера, *мечтаніе пустое*... Что до насъ касается, то мы думаемъ, что уничтоженіе канцелярій вовсе не повлечетъ за собою такой всеобщей пертурбаци въ судьбѣ лицъ, оныя составляющихъ. Нѣкоторые останутся при присутственныхъ мѣстахъ для храненія дѣлъ, другіе для небольшой неизбѣжной переписки, третьи для приготовленія къ печати опредѣлений, иные наконецъ могутъ перейти въ званіе адвокатовъ, открывающее истинно завидное поприще для способнѣйшихъ... Наконецъ если и затѣмъ останется нѣкоторое число людей, не имѣющихъ куда пристроиться,

то для принсканія себѣ постоянныхъ занятій можно опредѣлить имъ сроки, до истеченія которыхъ они могутъ пользоваться общественною благотворительностію, — что конечно легче для общества и разумнѣе, нежели въ ущербъ и матеріальному своему интересу, и прямымъ понятіямъ о благѣ поддерживать неудовлетворительный порядокъ вещей.

Вопросъ состоитъ въ томъ, полезно или нѣтъ устное и гласное судопроизводство? Если оно полезно, и если со введеніемъ его упразднится много мѣстъ, то обществу гораздо будетъ легче содержать на свой счетъ заштатныхъ чиновниковъ, нежели навсегда отказаться отъ лучшаго порядка съ тѣмъ, чтобы кормить не только этихъ людей, но и безчисленныя поколѣнія ихъ преемниковъ. Можетъ-быть кто-нибудь найдетъ еще сказать, что содержаніе, которое эти чиновники получаютъ на службѣ законнымъ образомъ, было бы недостаточно для ихъ существованія; мы готовы будемъ согласиться на это, но никакъ не дадимъ убѣдить себя въ необходимости упрочить за ними привилегію на незаконное стяжаніе.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы уже сообщали объ открытіи дивановъ молдавскаго и валахскаго. Молдавскій диванъ быстро окончилъ главнѣйшую часть задачи, возложенной на него парижскимъ трактатомъ. Засѣданія его открыты 4-го октября, а 19-го онъ уже рѣшилъ всѣ вопросы, подлежащіе его сужденіямъ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что результатомъ этихъ сужденій было полное торжество либеральнаго и національнаго дѣла. Всѣ вопросы, въ томъ числѣ важнѣйшіе изъ нихъ — вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ, рѣшены почти единогласно: изъ 84 депутатовъ, участвовавшихъ въ подачѣ голосовъ, 82 депутата подали голоса въ пользу соединенія. Это событіе должно оказать не малое вліяніе на окончательное рѣшеніе вопроса въ Парижѣ, хотя диванамъ предоставленъ лишь совѣщательный харак-

теръ, и рѣшенія ихъ не обязательно для конгресса. Не надо забывать, что когда на конгрессѣ зашла рѣчь о соединеніи Княжествъ, уполномоченные Турціи и Австріи возразили только, что соединеніе было бы противно желаніямъ народонаселенія. По телеграфическимъ извѣстіямъ изъ Валахія отъ 21 сѣтября (1), тамошній диванъ тоже объявилъ себя въ пользу соединенія. Такимъ образомъ единственное возраженіе Турціи и Австріи, высказанное на конгрессѣ, оказывается совершенно несостоятельнымъ. Впрочемъ, въ настоящее время, какъ мы видѣли и какъ увидимъ ниже, Австрія и Турція обратились къ возраженіямъ другаго рода, болѣе искреннимъ и положительнымъ.

Замѣчательно также, что молдавскій диванъ, объявляя себя въ пользу соединенія и требуя самоуправленія согласно съ старинными трактатами, формально признаетъ однако вассальныя отношенія княжества къ Портѣ. Такое отношеніе молдавскаго дивана служить категорическимъ отвѣтомъ на опасенія, выраженныя въ извѣстной читателямъ нотѣ оттоманскаго правительства, объявившаго, что соединеніе Княжествъ нарушило бы права султана и цѣлость Оттоманской имперіи. До сихъ поръ еще не получено никакихъ подробностей о преніяхъ, результатомъ которыхъ были столь важныя рѣшенія; но уже одно единодушіе, съ какимъ были приняты эти рѣшенія, указываетъ на политическій характеръ преній, вопреки ожиданіямъ австрійскихъ журналовъ, объявившихъ во всеуслышаніе, что молдавскій диванъ представляетъ сборище анархистовъ и революціонеровъ.

Наши читатели отчасти знакомы съ возраженіями противниковъ соединенія. Въ настоящую минуту, мы можемъ изложить ихъ подробно. По мѣрѣ того, какъ дѣло Дунайскихъ княжествъ приближается къ развязкѣ, начинаютъ разъясняться и намѣренія Англіи. Въ послѣднее время нѣкоторые англійскіе журналы, особенно газета *Times*, рѣзко осуждаютъ проектъ соединенія, называя его утопіей, химерой, недостойною занимать европейскій конгрессъ. По словамъ *Times*, ни Австрія, ни Турція, ни Англія не могутъ согласиться на учрежденіе независимаго государства на Дунаѣ, которое было бы «передовымъ постомъ Россіи». *Times* указываетъ также на опасность, будто бы угрожающую Австріи, если на границахъ ея будетъ находиться самостоятельная румунская страна. «Валахи и Молдавіе, сказано въ *Times*, населяютъ двѣ плоскія страны, которыя съ давнихъ временъ были подвержены вторженіямъ разнаго рода. Еще недавно эти страны были занимаемы арміями русскою, турецкою и австрійскою. Молдаване и Валахи никогда не были и не будутъ народомъ виновственнымъ, и никакъ не устоятъ противъ какого бы то

(1) Засѣданія валахскаго дивана открыты 11-го октября, а не 12-го, какъ сообщали прежде.

ни было непріятеля : сѣвернаго , западнаго или южнаго. Оттого, даже въ томъ случаѣ, еслибы они составляли отдѣльный народъ, было бы опасно дать имъ значеніе государства и сдѣлать изъ столь мягкаго и ломкаго матеріала сводъ европейскаго зданія. Но они даже не составляютъ отдѣльной націи. Княжества, даже съ землею, присоединенною къ нимъ въ силу парижскаго трактата, не заключаютъ въ себѣ всего румынскаго населенія. Съ одной стороны въ Бессарабіи, съ другой — въ австрійскихъ владѣніяхъ обитаютъ отъ 2 до 3 милл. душъ того же племени и той же вѣры. Вліяніе на нихъ Молдаванъ и Валаховъ было бы велико. Мы не можемъ представить себѣ порядка вещей, менѣе способнаго даровать восточной Европѣ то спокойствіе, ради котораго принесено такъ много жертвъ... Молдо-валахское общество не заключаетъ въ себѣ ни одного сословія, способнаго пользоваться свободнымъ конституціоннымъ правленіемъ. Боярство, преданное роскоши и удовольствіямъ, только о томъ и думаетъ, какъ бы извлечь побольше денегъ изъ своихъ помѣстьевъ, чтобы растратить эти деньги въ Вѣнѣ или въ Парижѣ; духовенство открыто предано Россіи; сельское сословіе не имѣетъ ни способностей, ни притязанія выйдти изъ своего жалкаго положенія. Таково общество, которое по невѣдѣнію сравниваютъ съ Швейцарцами, Голландцами, Датчанами... Это племя можетъ процвѣтать, быть счастливымъ и исполнить свое призваніе, каково бы ни было послѣднее, пока включено въ составъ прочнаго и сильнаго государства, но никогда не можетъ быть независимо. Отдѣлите его отъ Турціи, и придетъ время, когда Россія и Австрія будутъ оспаривать другъ у друга обладаніе имъ... Можно ли предполагать, что съ устроеніемъ румынскаго королевства, владычество Порты сдѣлается только номинальнымъ? Съ каждымъ годомъ будутъ являться новыя притязанія, пока Порта не лишится послѣдняго клочка своей власти, и пока цѣлость Оттоманской имперіи не будетъ нарушена. Вотъ къ чему послужили бы всѣ наши жертвы. Каковы бы ни были недостатки Оттоманской имперіи, наши государственные люди уже давно рѣшили, что лучшее средство къ преобразованію ея заключается не въ раздробленіи ея на части. Мы поддерживали власть султана въ Египтѣ и Тунисѣ, въ Черногоріи, Арменіи, и выгоды нашей политики нынѣ очевидны. Не оставимъ же его на произволь судьбы въ такомъ дѣлѣ, которое важнѣе другихъ. Не надобно забывать, что внутреннія провинціи, каковы Княжества, почти недоступны для нашихъ армій и нашего вліянія. Почти во всѣхъ частяхъ Оттоманской имперіи, мы можемъ дѣятельно защищать права султана; но провинціи, находящіяся на сѣверъ отъ Дуная, закрыты для насъ какъ природою, такъ и трактатами.»

Мы привели извлеченіе изъ пространной статьи *Times*, потому что въ ней прямо высказаны опасенія и виды правительства турец-

каго, австрійскаго и англійскаго. Намъ кажется, что эти опасенія отчасти опровергаются сами собою, послѣ рѣшеній, единогласно принятыхъ диванами. Эти рѣшенія, какъ и предшествовавшій образъ дѣйствій избирателей, свидѣтельствуютъ, что общественное мнѣніе въ Молдавіи и Валахіи вполне сознаетъ и важность нынѣшняго положенія дѣлъ, и значеніе своей народной будущности. Конечно, до сихъ поръ обстоятельства были чрезвычайно неблагопріятны для развитія политической жизни въ княжествахъ; но съ устраненіемъ этихъ обстоятельствъ въ послѣднее время, княжества обнаружили несомнѣнные признаки своего участія къ общественнымъ вопросамъ. Матеріальныя средства, которыми обладаютъ княжества, тоже достаточны для образованія самостоятельнаго нейтральнаго государства. Второстепенныя государства Европы, за исключеніемъ Испаніи, Португаліи, Греціи, Неаполя, Баваріи и Швеціи, не обширнѣе и не населеннѣе возможнаго Румынскаго государства. Такъ Голландія, игравшая столь значительную роль въ исторіи, обладающая обширными и богатыми колоніями, имѣетъ не болѣе трехъ милліоновъ жителей. Бельгія, занимающая столь почтенное мѣсто въ Европѣ, заключаетъ въ себѣ почти столько же жителей. Швейцарія, которая еще недавно была въ состояніи начать борьбу съ Пруссіею, населена еще менѣе. Въ числѣ государствъ Германскаго союза, королевства Саксонское, Виртембергское, Ганноверское, имѣютъ каждое менѣе двухъ милл. жителей. Населеніе Сардиніи, получившей въ послѣднее время важное политическое значеніе, не превышаетъ 4,500,000 душъ. Наконецъ, въ Папской Области 3 милліона, въ Даніи только 2 милліона жителей. По переписи 1851—52 г. въ Валахіи 2½, въ Молдавіи 1½ милліона жителей. Слѣдовательно, соединенныя княжества, даже не считая приобщенной къ одному изъ нихъ части Бессарабіи, имѣли бы населеніе въ 4 милл. душъ, превосходящее численностію почти всѣ названныя выше второстепенныя государства Европы. Къ тому же, на пространствѣ, занимаемомъ княжествами, можетъ жить населеніе, еще болѣе многочисленное. Пространство это втрое обширнѣе занимаемаго Бельгіею и Ганноверскимъ королевствомъ. Въ Молдавіи, почти двѣ трети населенія занимаются земледѣліемъ, и только четвертая часть населенія другими отраслями промышленности. Военныя силы, которыя могутъ быть увеличены, нынѣ состоятъ изъ 7,650 человекъ; государственный доходъ доставляетъ 1½ мил. руб. сер. Въ Валахіи, населеніе можетъ дать значительныя военныя силы, которыя въ настоящее время не менѣе 18,300 человекъ. Государственный доходъ Валахіи нынче превышаетъ 3 мил. руб. сер. Эти подробности могутъ послужить читателю данными для зрѣлаго обсужденія вопроса о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Нѣмецкіе журналы, защищающіе австрійскую политику, повторяютъ

съ незначительными видоизмѣненіями доводы газеты *Times* противъ соединенія княжествъ. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что кабинеты вѣнскій и лондонскій, отвѣчая на послѣднюю циркулярную ноту Порты, формально обѣщали турецкому правительству свое содѣйствіе. Другіе, увлеченные собственнымъ желаніемъ, приписываютъ Пруссіи перемѣну мнѣнія, благопріятную для Австріи и Турціи. Но это предположеніе доселѣ, кажется, ни на чемъ не основано. Намѣренія Пруссіи по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ доселѣ извѣстны только изъ недавно-обнародованной циркулярной депеши министра иностранныхъ дѣлъ, г. Мантейфеля, отъ 28-го мая, а въ этой депешѣ прусское правительство не объявляетъ себя ни противъ, ни въ пользу соединенія, и предоставляетъ себѣ высказать свое мнѣніе тогда, когда вопросъ этотъ будетъ представленъ на обсужденіе парижскому конгрессу. Напротивъ, образъ дѣйствій Пруссіи, протестовавшей вмѣстѣ съ другими державами противъ первыхъ молдавскихъ выборовъ, заставляетъ предполагать, что она склоняется въ пользу соединенія. Такимъ образомъ, въ настоящее время, передъ открытіемъ новыхъ засѣданій парижскаго конгресса, можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что въ пользу соединенія остаются Франція, Россія, Пруссія, Сардинія, а противъ него — Англія, Австрія и Турція.

Вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Дании, принимаетъ совершенно новый оборотъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Пруссія и Австрія перенесли его въ германскій сеймъ, которому теперь предстоитъ рѣшить многолѣтній споръ между Даниею и герцогствами. Въ чемъ состоятъ предложенія, сдѣланныя двумя германскими державами сейму, — еще неизвѣстно, и потому мы принуждены отсрочить изложеніе этого дѣла до слѣдующаго обозрѣнія.

Обнародована конвенція о взаимной выдачѣ дезертировъ и бѣглыхъ, заключенная Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ королемъ прусскимъ 27 іюля (8 августа) 1857 года, въ замѣну прежней, заключенной въ 1844 году. Главнѣйшія статьи новой конвенціи состоятъ въ слѣдующемъ: Конвенція относится: а) ко всѣмъ лицамъ, которыя, находясь въ дѣйствительной службѣ, учинять побѣгъ изъ той или другой обоюдныхъ армій, а равноѣрно до всѣхъ военныхъ принадлежностей, взятыхъ ими съ собою; б) ко всѣмъ лицамъ, которыя, по законамъ оставленнаго ими государства, обязаны нести военную службу, и с) къ скрывшимся преступникамъ или подозрѣваемымъ въ преступленіи. (Ст. 1.) Не подлежатъ выдачѣ: 1) прежніе подданные того государ-

ства, въ которое учиненъ былъ побѣгъ, хотя бы потомъ они находились въ военной службѣ другаго государства; 2) совершившіе прежде преступленіе въ томъ государствѣ, куда они удалились; 3) тѣ, о выдачѣ которыхъ требованіе не поступило въ теченіи двухъ лѣтъ (ст. 3). Сношенія о выдачѣ бѣглыхъ производятся со стороны Россіи и Царства Польскаго съ генераломъ, начальствующимъ въ ближайшей прусской провинціи, а со стороны Пруссіи съ особеннымъ комиссаромъ, на котораго возложено заботиться о соблюденіи добраго сосѣдства на границѣ (ст. 4). Запрещается въ особенности обоюднымъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ принимать въ военную или гражданскую службу своего государя всякаго, коего побѣгъ изъ дѣйствительной службы другаго государства не подлежитъ сомнѣнію или по крайней мѣрѣ вѣроятенъ. Унтеръ-офицеры и солдаты не пропускаются безъ письменнаго вида отъ ихъ военнаго начальника (ст. 6). Выдача производится черезъ восемь дней послѣ задержанія. Определено вознагражденіе, которое каждая изъ сторонъ уплачиваетъ другой за содержаніе выданнаго. (Ст. 11 и 17.) Долги выдаваемыхъ не служатъ препятствіемъ къ выдачѣ (ст. 14). Подобно дезертирамъ, бѣглые также выдаются съ обѣихъ сторонъ, за исключеніемъ подданныхъ того государя, во владѣніи котораго они бѣжали (ст. 15). При выдачѣ бѣглыхъ не дѣлается различія между виновными и обвиняемыми. Если подданный одного изъ государей, совершивъ преступленіе во владѣніяхъ другаго, возвратится потомъ въ свое отечество, то хотя онъ и не подлежитъ выдачѣ, однако начальства послѣдняго государства, должны оказывать содѣйствіе въ изслѣдованіи преступленія и наказаніи преступника. Требованіе о выдачѣ должно послѣдовать въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня побѣга. Оно производится со стороны Россіи генералъ-губернаторомъ той губерніи имперіи или главнымъ судомъ той губерніи Царства Польскаго, гдѣ преступникъ подлежалъ суду или слѣдствію; а со стороны Пруссіи главнымъ судомъ провинціи. (Ст. 16.) Вознагражденіе определено то же, какое за дезертировъ. (Ст. 17.) Насильственное или самовольное преслѣдованіе бѣглыхъ на чужой территоріи запрещается (ст. 18). Всякое дѣйствіе власти, учиненное военнымъ или гражданскимъ чиновникомъ одного изъ обоихъ государствъ на землѣ другаго государства безъ особеннаго разрѣшенія надлежащихъ чиновниковъ будетъ почитаться за нарушеніе границы, и вслѣдствіе онаго виновный будетъ наказанъ. Когда возникнутъ сомнѣнія относительно нарушенія границы, тогда учреждена будетъ обоюдная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ комиссара той стороны, которая принесетъ жалобу. Всякій нарушитель границы, задержанный въ томъ государствѣ, предѣлы коего онъ перешелъ, будетъ отосланъ въ тамошній ближайшій военный или гражданскій судъ, смотря потому, будетъ ли виновный принадлежать

къ военному или гражданскому вѣдомству. Судъ производитъ дѣло, но не рѣшая его, препровождаетъ, по окончаніи, все производство къ главнокомандующему тѣми войсками, въ которыхъ служилъ преступникъ, или къ гражданскому суду его вѣдомства, для постановленія приговора по законамъ каждаго государства (ст. 19). Каждое изъ обоихъ государствъ обязывается принимать обратно тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, отъ которыхъ другое изъ сихъ государствъ пожелаетъ избавиться. Но эта обязанность прекращается, если со времени переселенія подобнаго лица прошло болѣе десяти лѣтъ. (Ст. 23.) Остальныя статьи конвенціи относятся къ подробностямъ выдачи.

Высочайше утверждены правила, составленныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и одобренныя комитетомъ гг. министровъ, о назначеніи пенсій карантиннымъ чиновникамъ и врачамъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ французскіе подданные освобождены отъ платежа слѣдующихъ установленныхъ въ обѣихъ столицахъ въ пользу городскихъ доходовъ сборовъ: 1) съ иностранныхъ гостей по одному проценту съ рубля объявленнаго капитала, и 2) съ заѣзжихъ купцовъ, живущихъ въ качествѣ неторгующихъ иностранцевъ, имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность, съ каждаго по 200 р. асс. (57 р. 14 $\frac{1}{2}$ к. сер.) въ годъ.

Остъ-индскія происшествія принимаютъ повидимому болѣе благоприятный оборотъ. Дельги, на который такъ долго было обращено вниманіе цѣлаго свѣта, наконецъ взятъ. Это событіе произошло 20 сентября, а въ Лондонѣ телеграфическая депеша изъ Александріи получена въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, по новому стилю. Приступъ начался 14 сентября послѣ продолжительнаго бомбардированія. Упорная борьба продолжалась цѣлую недѣлю. Англичане должны были каждый шагъ брать съ бою. Прежде всего они старались овладѣть магазиномъ, который былъ оставленъ только при совершенной невозможности въ немъ держаться. По всей вѣроятности, этотъ важный пунктъ долго бы оставался въ рукахъ сипаевъ, еслибъ Англичане не повели приступа разомъ на четыре пункта, именно къ городскимъ воротамъ Морійскимъ, Кашмирскимъ, Лагорскимъ и Кабульскимъ. Въ послѣднемъ пунктѣ осажденнымъ удалось отбить приступъ, но въ трехъ первыхъ Англичане одолѣли. Овладевъ такимъ образомъ частью города, англійское войско снова обратилось къ магазину. Проломъ былъ сдѣланъ въ немъ еще 14 числа, но сипаи держались еще цѣлый день, и только къ вечеру должны были его оставить. Черезъ два дня, пока Англичане осаждали другую часть города, сипаи хотѣли снова овладѣть магазиномъ, но были отбиты. Утвердившись здѣсь, Англичане принялись бомбардировать дворецъ, и вскорѣ овладѣли остальною частью города. Увѣряютъ, что еще во

время бомбардированія магазина осажденные присылали въ англійскій лагерь парламентаровъ, обѣщая сдаться и прося пощады. Генералъ Уильсонъ отказался вступить съ ними въ какіе бы то ни было переговоры. Этимъ объясняется отчаянная защита сипаевъ, которымъ оставался только выборъ между различными родами смерти. Генералъ Уильсонъ, вступая во взятый городъ, предписалъ солдатамъ шадить только женщинъ и дѣтей. Дельгійскій императоръ, несчастный преемникъ Бабера, убѣжалъ, переодѣтый женщиною, изъ пылающаго города, Англичане потеряли болѣе 40 офицеровъ и 600 рядовыхъ убитыми и ранеными.

Съ паденіемъ Дельги индійскія дѣла, безъ сомнѣнія, вступили въ новую фазу. Возстаніе должно измѣниться въ своемъ характерѣ; но въ какой мѣрѣ приблизилось оно къ своему концу, теперь еще трудно сказать. Многіе опасаются, чтобы главныя силы мятежа, которыя доселѣ сосредоточивались въ одномъ пунктѣ, не распространились по всей Индіи. Около времени взятія Дельги, получены извѣстія о распространеніи мятежа въ Ассамѣ и королевствѣ Аудскомъ.

Къ этому присоединяются еще разбойническія шайки, которыя съ нѣкотораго времени покрываютъ Остъ-Индію. Одна изъ нихъ, подъ предводительствомъ Индусѣ Кукаръ-Комара (Kookur Comar), набравшаго свое войско изъ освобожденныхъ преступниковъ, была недавно разбита полицейскимъ отрядомъ близъ селенія Перуліи (Perulia). Чтобы дать понятіе о томъ, что такое эта шайка, скажемъ, что ея предводительствовала совершенно голая женщина, съ обнаженною саблей въ рукахъ. Эта женщина изображала кровожадную богиню Кали, и для полнаго сходства ей не доставало только того множества головъ, которыя, по индійской мифологіи, придаютъ страшному божееству особенную привлекательность. Сабля значила, что всѣ жители должны быть истреблены.

Вѣстѣ съ телеграфическою депешей о взятіи Дельги, прилетѣла изъ Марсели *утка* о томъ, будто бы англійскія войска, взявъ городъ, попали въ ловушку и теперь въ свою очередь осаждаются въ немъ сипаями; и также о томъ, будто бы во взятіи резиденціи великаго могола принимали участіе генералы Гевлокъ и Отрамъ. Нелѣпость этого слуха очевидна. Честь взятія Дельги принадлежитъ исключительно генераламъ Уильсону и Никольсону. Гевлокъ и Отрамъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, перешли Гангъ и идутъ на помощь къ Лукно. Въ августѣ гарнизонъ, осажденный сипаями въ этомъ городѣ, далъ имъ знать, что можетъ продержаться только до 22-го числа этого мѣсяца; но потомъ ему удалось захватить продовольствія, и это даетъ ему возможность держаться до 25, а къ этому времени долженъ подойти отрядъ Гевлока. Дальнѣйшихъ извѣстій до сихъ поръ не было. Говорятъ, что не совсѣмъ увѣренный въ своемъ успѣхѣ, генералъ Гевлокъ издалъ прокламацію къ сипаямъ. Въ ней сказано, что всѣ

военнопленные изъ числа аудскихъ мятежниковъ, будутъ, съ женами и дѣтьми, удержаны въ качествѣ заложниковъ, для того, чтобъ въ Лукно не могли повториться кровавыя происшествія Канпура. Пенджабъ и Бомбей до сихъ поръ спокойны.

Слухи объ отозваніи остъ-индскаго генераль-губернатора, лорда Каннинга, получаютъ все болѣе и болѣе вѣроятія. Его положеніе становится крайне затруднительно. Справедливо или нѣтъ, неудовольствіе противъ него въ Остъ-Индіи все возрастаетъ. Въ Калькуттѣ составилаcя сильная оппозиція противъ Компаніи. Образовался цѣлый союзъ съ цѣлю заставить смѣнить лорда Каннинга и уничтожить Компанію. Въ этомъ союзѣ, кромѣ Европейцевъ, участвуютъ многіе знатные туземцы. Къ нему принадлежатъ высшіе представители торговли, и журналистики, бывшіе чиновники и т. д. Первый поводъ къ его образованію подали, кажется, стѣсненія, которымъ подверглась мѣстная журналистика. Теперь къ этому побужденію присоединилось еще финансовое положеніе Компаніи, которой несостоятельность ни для кого уже не составляетъ тайны. Мы не одинъ разъ уже говорили, какъ недостаточны ея средства. Компанія давно уже платитъ займами условенный дивидендъ акціонерамъ. При общемъ финансовомъ кризисѣ затрудненія ея увеличились, тѣмъ болѣе, что возстаніе и борьба съ нимъ поглощаютъ много денегъ. Займы слѣдуютъ за займами, и трудно предвидѣть, на чемъ они останутся. Еще недавно 220,000 ф. стерл. серебромъ были отправлены изъ Лондона въ Калькутту, но несмотря на это значительное пособіе, кредитъ Компаніи нисколько не поднимается. По послѣднимъ извѣстіямъ, билеты ея такъ упали, что ни одинъ банкъ, ни одинъ торговый домъ не принимаютъ ихъ болѣе въ залогъ. Точно въ такомъ же положеніи учрежденный ею бенгальскій банкъ, который не могъ бы даже существовать безъ помощи лондонскаго англійскаго банка. А между тѣмъ и въ Англии положеніе денежнаго рынка вовсе не блестящее. При общемъ уменьшеніи въ Европѣ звонкой монеты, безпрестанной отправкѣ ея въ Индію и паническомъ страхѣ на лондонской биржѣ, стремленіе размѣнивать билеты банковъ постоянно увеличивается. Англійскій національный банкъ, недавно поднявшій процентъ размѣна до $6\frac{1}{2}\%$, теперь возвысилъ его до 9% ; государственныя бумаги ходятъ очень низко. Билеты государственнаго отверженнаго долга не поднимаются выше 88. Самое извѣстіе о взятіи Дельги, принятое журналами и обществомъ съ такими ликованіями, мало подѣйствовало на биржу: отверженный долгъ, этотъ главный термометръ финансоваго положенія, поднялся только на $\frac{1}{4}$ процента. Но кризисъ остается попрежнему чисто-денежный. Торговля идетъ превосходно и, несмотря на войну, государственный бюджетъ не слишкомъ обремененъ расходами. Напряженное положеніе произведено пока однимъ недостаткомъ звонкаго

металла, да еще тѣмъ паническимъ страхомъ, который овладѣлъ теперь всѣми биржами Европы.

Наборъ и отправленіе войскъ въ Остѣ-Индію идутъ лучше прежняго. По словамъ герцога Кембриджскаго, волонтеровъ является много и еженедѣльно отправляется по нѣскольку тысячъ. Правительство окончательно рѣшилось отправлять войско черезъ Египетъ. Вице-король самъ предложилъ этотъ путь лорду Пальмерстону, который, противясь прорытію Суэсскаго перешейка, не скоро и не охотно воспользовался этимъ предложеніемъ. Мысль объ отправленіи англійскаго войска чрезъ французскую территорію оставлена по неудобству этого пути.

Во Франціи обнародованъ отчетъ министра финансовъ, должствующій послужить основаніемъ бюджета на 1859 г. Этотъ любопытный документъ доказываетъ цвѣтущее положеніе французскихъ финансовъ. Текущій долгъ значительно уменьшается, несмотря на то, что имъ были покрыты 886 милліоновъ дефицита по различнымъ министерствамъ, и сверхъ того 78 милл., издержанныхъ на возвращеніе капиталовъ тѣмъ, кто не согласился на пониженіе ренты. Министръ надѣется мало-по-малу ввести текущій долгъ въ границы 750 милл. фр. Отверженный долгъ вынесъ въ теченіи 1857 года важное испытаніе. Надобно было отвердить долгъ, возникшій изъ трехъ національныхъ займовъ по подпискѣ. Правительство рѣшилось отдѣлить его отъ обыкновеннаго постояннаго долга. Такимъ образомъ новыя ренты не будутъ выпускаемы и не обременятъ рынка излишнимъ количествомъ государственныхъ бумагъ. Любопытны также свѣдѣнія о дефицитахъ послѣднихъ годовъ. 1854 годъ былъ послѣдній, въ которомъ оказался дефицитъ. Правильный взносъ денегъ по займамъ, постепенное увеличеніе дохода отъ косвенныхъ налоговъ и быстрая уплата прямыхъ податей, доставили возможность покрыть въ 1855, 1856 и 1857 годахъ всѣ обыкновенные и чрезвычайные расходы. Въ общемъ итогѣ всѣ дефициты прошлыхъ годовъ, взятые вмѣстѣ, простирались въ 1855 году до 886 милл. Сумма эта составила такимъ образомъ: 292 милліона остались отъ июльскаго правительства, 359 милліоновъ отъ республики, и 235 милл. дефицита составились при нынѣшнемъ правительствѣ. Сравнивая предусмотрѣнныя издержки съ предполагаемыми доходами, министръ находитъ, что въ казнѣ останется излишекъ въ 48 милл. франковъ. Этотъ излишекъ предполагается употребить на погашеніе государственнаго долга. Извѣстно, что въ 1848 году капиталъ, назначенный на погашеніе этого долга, былъ отвращенъ отъ своего назначенія на другія государственныя издержки. Министръ изъявляетъ надежду, что при теперешнемъ положеніи казны можно будетъ возстановить, по крайней мѣрѣ отчасти, капиталъ, который былъ назначенъ для погашенія текущаго долга. Такимъ образомъ касса

погашенія будетъ возобновлена на самыхъ здоровыхъ началахъ, то есть, для погашенія не будетъ отдѣляться часть государственныхъ доходовъ, но излишекъ послѣднихъ будетъ постоянно употребляться для этой цѣли.

Несмотря однако на этотъ блистательный отчетъ министра финансовъ, Франція тоже страдаетъ отъ денежнаго кризиса, — не умѣемъ сказать только въ какой мѣрѣ: въ настоящее время французскіе журналы молчаливѣе англійскихъ, и не представляютъ такъ ясно внутренняго положенія страны. Можно только предполагать, что французскій банкъ, не подвергнутый необходимости отправлять, подобно англійскому банку, груды золота и серебра въ Остъ-Индію, выдерживаетъ лучше безпрестанныя требованія размѣна. Правда, носился слухъ, будто директоры банка намѣрены еще возвысить процентъ размѣна, но этотъ слухъ не подтвердился, и говорятъ напротивъ, что правительство рѣшилось ни въ какомъ случаѣ не принимать этой мѣры. Какъ бы то ни было, денежный кризисъ и вынужденныя имъ распоряженія банка не остались безъ вліянія на торговлю. Постепенное возвышеніе учетнаго процента парализировало всѣ торговыя сдѣлки въ главнѣйшихъ мануфактурныхъ центрахъ. Нѣсколько городовъ, вслѣдствіе этого, подали правительству просьбу объ установленіи принудительнаго обращенія банковыхъ билетовъ. Говорятъ, что императоръ противится этой мѣрѣ, напоминающей худшіе дни Франціи. Коммерческая палата Сенскаго департамента намѣрена подать другую просьбу о возвышеніи законной таксы процентовъ, которая находится въ противорѣчьи съ послѣдними распоряженіями банка.

Франціи какъ будто суждено терять одного за другимъ лучшихъ людей прошедшаго времени: Нынѣшній годъ былъ обилень грустными потерями. Послѣдняя изъ нихъ едва ли не болѣе всѣхъ прежнихъ произведетъ впечатлѣнія. Генералъ Каваньякъ неожиданно скончался въ департаментѣ Сарты, близъ Нанта. Бывшій глава исполнительной власти въ республикѣ 1848 года, столько же извѣстный своею храбростію, какъ и честностію своихъ политическихъ видовъ, жилъ, со времени провозглашенія имперіи, въ своемъ помѣстьѣ, вдали отъ дѣлъ. 28-го октября онъ былъ на охотѣ въ окрестностяхъ Тура, вмѣстѣ съ г. Густавомъ де-Бомонъ. у котораго онъ былъ въ гостяхъ. Во время охоты генералъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, едва успѣлъ отдать свое ружье слугѣ, который стоялъ подлѣ, упалъ и умеръ. Смерть его приписываютъ аневризму. Его тотчасъ привезли въ замокъ г. Бомона, но вдова генерала не хотѣла, чтобъ онъ былъ погребенъ гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа. Правительство тотчасъ же приняло мѣры, чтобы похороны не произвели волненія въ городѣ, и не дали повода друзьямъ покойнаго къ политической манифестации. Тѣлу были возданы военныя почести. Но лучше офиціаль-

ныхъ почестей, которыя, по поводу погребенія Беранже, извѣстный префектъ полиціи, г. Піетри, называлъ національными, была та невольная дань уваженія, которую должны были воздать покойному самые враги его. Даже правительство, которому недавній выборъ Каваньяка надѣлалъ столько хлопотъ, сочло нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ память того, кто такъ твердо и такъ благородно правилъ Франціей въ эпоху смятенія. «Мониторъ» объявилъ о его кончинѣ съ словами сожалѣнія; другіе, офиціальныя и полуофиціальныя, журналы вспоминали о его заслугахъ. О журналахъ либеральной партіи нечего и говорить. Она лишилась въ немъ одного изъ лучшихъ вождей своихъ, человѣка, служившаго общему дѣлу, не одними способностями, но и тою безукоризненною репутациею, которая ни разу не была омрачена даже клеветою. Каваньяку было всего пятьдесятъ пять лѣтъ. Онъ родился въ Парижѣ 15-го октября 1802 года, воспитывался въ коллегіи Св. Варвары (Collège Sainte-Barbe), и вступилъ, въ 1820 году, въ политехническую школу, а потомъ въ мецскую инженерную. Въ 1824 году онъ былъ принятъ во 2-й инженерный полкъ. Произведенный въ поручики въ 1827 году, онъ совершилъ въ 1828 морейскую кампанію, и черезъ годъ получилъ капитанскій чинъ. Во время революціи 1830 года, Каваньякъ находился въ Аррастѣ; онъ былъ первымъ офицеромъ, объявившимъ себя въ пользу новаго порядка вещей. Уволенный на нѣкоторое время отъ дѣйствительной службы, онъ вскорѣ снова вступилъ въ нее, и былъ посланъ въ Африку, гдѣ не замедлилъ отличиться. Послѣ взятія Тлемсена (въ 1836 году), маршалъ Клозель рѣшился оставить гарнизонъ въ Мещарѣ (тлемсенской цитадели), и Каваньяку, какъ батальонному командиру, было поручено съ 500 волонтерами охранять эту опасную позицію. Каваньякъ оставался тамъ до 1839 года, а въ 1840 получилъ начальство надъ третьимъ батальономъ зуавовъ, который былъ составленъ изъ тлемсенскихъ волонтеровъ. Болѣзнь заставила его удалиться навремя отъ дѣйствительной службы. По возвращеніи въ нее, онъ былъ командиромъ втораго батальона легкой африканской пѣхоты. Онъ участвовалъ въ 1840 году во взятіи Шершелля, гдѣ маршалъ Бюжо оставилъ его для обороны крѣпости. Здѣсь, подвергшись нападенію отъ Арабовъ, онъ двѣнадцать дней сряду держался противъ значительныхъ силъ, и, будучи раненъ, не оставилъ однако поля сраженія. Въ 1841 году, отличившись въ нѣсколькихъ дѣлахъ, онъ былъ произведенъ въ полковники зуавовъ, на мѣсто Ламорисьера, сдѣланнаго бригаднымъ генераломъ. Въ 1844 году онъ получилъ чинъ бригаднаго генерала, и назначенъ оранскимъ губернаторомъ. Въ этомъ званіи его застала февральская революція. Временное правительство сдѣлало его генералъ-губернаторомъ Алжиріи, съ чиномъ дивизіоннаго генерала. 20-го марта ему былъ предложенъ портфель военнаго министра, отъ котораго онъ отказался. Избранный въ пред-

ставители департаментами Сенскимъ и Лотскимъ, онъ предпочелъ послѣдній. 17-го мая его назначили военнымъ министромъ, а во время июльскихъ дней онъ сдѣлался главою исполнительной власти. Уступивъ 10-го декабря высшую власть въ республикѣ президенту, онъ оставался членомъ національнаго собранія. Его образъ дѣйствія во все это время такъ извѣстенъ, что нечего напоминать о немъ. При нынѣшнемъ правительствѣ онъ постоянно уклонялся отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ 1852 году Парижъ выбралъ его въ депутаты, но онъ отказался дать присягу. То же, вѣроятно, было бы и въ нынѣшнемъ году, несмотря на убѣжденія друзей покойнаго. Въ 1852 же году Каваньякъ женился на дочери банкира г. Джемса Одье.

Министерскій кризисъ въ Испаніи окончился и притомъ благополучнѣе, нежели можно было ожидать. Камарильъ, низвергнувшей кабинетъ маршала Нарваэса, не удалось однако восторжествовать совершенно и произвести полный разрывъ между королевой и либеральнымъ отѣнкомъ такъ-называемой умѣренной партіи. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ королева была вынуждена обратиться къ людямъ тѣхъ же политическихъ убѣждений. Мы говорили уже о попыткѣ составить министерство изъ людей различныхъ партій, безъ особеннаго президента совѣта и подъ предсѣдательствомъ самой королевы. Отъ этого намѣренія отклонилъ ее г. Браво Мурильо. Онъ далъ ей замѣтить, сколько опаснои неконституціоннаго въ этой мѣрѣ, которая, въ противность государственнымъ законамъ, переноситъ отвѣтственность на главу верховной власти. Сліяніе партій не удалось еще и потому, что онѣ не могли согласиться между собою насчетъ важнѣйшихъ вопросовъ. Такъ г. Браво Мурильо не могъ согласиться съ адмираломъ Армеро относительно внутренней политики. Адмиралъ Армеро объявилъ себя просто за конституцію 1845 года, а г. Браво Мурильо стоялъ за предложенный имъ въ 1852 году проектъ избирательной реформы. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, королева обратилась къ одному адмиралу Армеро и поручила ему составить министерство. Самымъ вліятельнымъ членомъ новаго кабинета будетъ г. Монъ, теперешній посланникъ Испаніи въ Римѣ. Онъ получаетъ портфель министра финансовъ. Онъ былъ уже нѣсколько разъ министромъ, между прочимъ, въ 1844 и 1845 годахъ, вмѣстѣ съ маршаломъ Нарваэсомъ. Въ это время онъ ввелъ въ Испаніи новую систему налоговъ, по образцу французской. Реформа произвела яростный бунтъ въ Мадридѣ. Дворъ и президентъ совѣта были тогда въ Барселонѣ. Изъ министровъ только адмиралъ Армеро и г. Монъ находились въ Мадридѣ. Они одни усмирили возстаніе. Реформа г. Мона была основана на самыхъ либеральныхъ началахъ. Она уничтожила запретительную систему, замѣняя ее системой постепенныхъ покровительственныхъ налоговъ.

Въ Сардиніи обнародованъ королевскій декретъ, которымъ распускаются палаты. Причина этой мѣры заключается въ конституціонномъ вопросѣ. Нынѣшняя палата уже утвердила пять бюджетовъ, и хотя, по закону, выборы назначены черезъ пять лѣтъ, но теперь могъ бы возникнуть вопросъ: имѣетъ ли та же палата право обсуждать шестой бюджетъ. Въ избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній кабинетъ предпочелъ приступить къ новымъ выборамъ.

ПАРМА не возобновила своего таможенного договора съ Австріей. Это маленькое герцогство стремится освободиться отъ австрійскаго патронажа, и въ законодательныхъ мѣрахъ его проглядываетъ нѣкоторая самостоятельность.

ПАПА не одобрилъ политики католическаго духовенства въ Англіи относительно правительства. Св. отецъ въ особенности осуждаетъ недавнее пастырское посланіе дублинскаго архіепископа.

Борьба партій въ Швейцаріи замолкла, по крайней мѣрѣ, на время. Судя по тому ожесточенію, съ которымъ партіи раздѣлились въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ, надобно было думать, что союзный совѣтъ, возобновляемый въ нынѣшнемъ году, будетъ совершенно преобразованъ и получитъ новое направленіе. По счастью, этого не случилось. Выборы были бурные, но совѣтъ избранъ изъ числа людей тѣхъ же политическихъ убѣжденій, которыхъ представителемъ было прежнее собраніе. Этимъ отсрочена борьба между двумя направленіями, центральнымъ и мѣстнымъ, или кантональнымъ, которыя въ настоящее время раздѣляютъ союзную республику; но рано или поздно эта борьба возобновится. Тысяча вопросовъ безпрестанно подають къ ней поводъ. Такъ недавно введенная мѣра объ уничтоженіи патентнаго сбора съ торговаго сословія уже дала поводъ къ протесту, во имя мѣстной самостоятельности. Кантоны Лутцернъ, Ури, Цугъ и Швицъ объявили себя противъ распоряженія союзнаго совѣта, оспаривая у него право рѣшать подобные вопросы, которые, по мнѣнію этихъ кантоновъ, подлежатъ исключительно рѣшенію мѣстной власти. Подобныя столкновенія неизбѣжны. Они происходятъ не изъ неясности или неопредѣленности закона, но изъ самой сущности союзнаго устройства: рѣшить, куда именно относится тотъ или другой вопросъ, по принципу не всегда возможно, а въ практикѣ нерѣдко затруднительно. Къ тому же партіи пользуются столкновеніемъ двухъ властей для своихъ частныхъ интересовъ.

Австрія, которая такъ долго колебалась относительно уменьшенія войска, наконецъ рѣшилась, кажется, на эту мѣру. По крайней мѣрѣ, послѣднія извѣстія утвердительно говорятъ объ этомъ. Правительство было увлечено примѣромъ другихъ державъ, и всего болѣе Россіи.

Уже слишкомъ мѣсяць, какъ католическій соборъ въ Зальцбургѣ окончилъ свои засѣданія, а нѣмецкіе журналы еще полны всякаго рода подробностями о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ разсужденій собора былъ таковъ, что долженъ былъ обратить на себя вниманіе. Не довольствуясь защитой католицизма въ современности, его члены приняли на себя бесполезный трудъ оправданія всѣхъ происшествій, которыя исторія ставитъ въ упрекъ папскому престолу. Такъ, между прочимъ, одинъ изъ членовъ собора, докторъ Фозенъ (Vohsen), предпринялъ защиту двухъ кровавыхъ событій среднихъ вѣковъ, казни Конрадина и сицилійскихъ вечерень. По мнѣнію оратора, и то и другое искажено историками. Конрадинъ, конечно, былъ невиненъ, но на головѣ его скопились всѣ преступленія отцовъ.

Католицизмъ все болѣе и болѣе усиливается въ Австріи, пользуясь покровительствомъ самого правительства, которое думаетъ найти въ немъ лучшую для себя опору. Внутренняя организація духовенства въ имперіи равно занимаетъ и правительство, и римскую курию. Въ настоящее время обращено вниманіе на положеніе монастырей, которые подвергнуты строгой реформѣ. Для этого составлена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ епископа. Бенедиктинскій орденъ уже преобразованъ, теперь наступила очередь Доминиканскаго и Кармелитскаго. Вездѣ вводится строгая монашеская дисциплина, увеличивается число общихъ молитвъ и религиозныхъ упражненій.

Въ Пруссіи преобладающій интересъ настоящаго времени есть болѣзнь короля и вопросъ о регентствѣ. Регентство уже нѣсколько разъ учреждалось на короткій срокъ по поводу отсутствія короля, но теперь мало надежды на его скорое выздоровленіе, и потому регентство должно будетъ получить постоянный характеръ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ положеніемъ партій въ Пруссіи, естественно волнуетъ общество. Въ самомъ дѣлѣ, если временное правительство продолжится, то многое должно измѣниться. При королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV господствовали двѣ партіи, такъ-называемыхъ *юнкеровъ* (Junkerpartei), или военно-аристократическая, и партія *плетистовъ* съ ея двумя оттѣнками, строго протестантскимъ и евангелическимъ. Либеральныя стремленія короля уравнивали ихъ вліяніе. Съ правленіемъ принца прусскаго оканчивается господство обѣихъ партій. Что будетъ на ихъ мѣстѣ, можно уже теперь предугадывать до нѣкоторой степени. Несмотря на тѣсныя семейныя связи, принцъ прусскій нѣсколько разъ присоединялся къ оппозиціи, по поводу различныхъ вопросовъ. Онъ всегда оказывалъ наклонность къ военному управленію; вѣроятно эта система и восторжествуетъ при немъ.

Другое обстоятельство, которое тоже волновало умы, состояло въ неизвѣстности, когда учредится временное правительство. Болѣзнь ко-

роля такого рода, что ему долго опасались заговорить о регентствѣ. Это продолжалось до 23 октября. Въ этотъ день ему сдѣлалось лучше, и онъ могъ подписать указъ на имя принца прусскаго. Принцъ увѣдомилъ кабинетъ посланіемъ о своемъ вступленіи въ управление дѣлами. Въ обоихъ актахъ тщательно обойдено выраженіе: регентство. Временное правительство учреждено на три мѣсяца. Принцъ сохранилъ всѣхъ министровъ и намѣренъ, кажется, не уклоняться ни въ чемъ отъ политики своего брата. Здоровье короля въ последнее время псправилось.

Протестантское движеніе, котораго главнымъ проявленіемъ былъ недавно евангелическій союзъ, продолжается до сихъ поръ. Въ городѣ Инстербургѣ, въ Восточной Пруссіи, около половины нынѣшняго мѣсяца происходило собраніе реформатскихъ общинъ. Его заключенія рѣзко отличаются отъ стремленій строго-лютеранской партіи. Между прочимъ, на этомъ собраніи выражено было желаніе держаться вполне пресвитеріальнаго устройства, не допуская церковной дисциплины въ новѣйшемъ, террористическомъ смыслѣ этого слова. Точно также собраніе протестовало и противъ обязательнаго молитвенника (Gesangbuch), одобреннаго нѣмецкою евангелическою конференціей. Мы до сихъ поръ не говорили еще о тѣхъ спорахъ, которые были возбуждены въ Германіи преобразованіемъ молитвенника, хотя въ нихъ много любопытнаго. Этотъ вопросъ, какъ ни незначителенъ онъ кажется съ перваго раза, подзлъ поводъ къ важнымъ преніямъ. Стремленіе къ единству, которое не покидаетъ Германіи, выразилось и въ стремленіи къ религіозному единству, которое еще было усилено многочисленными различіями, возникшими въ нѣдрѣ протестантизма въ его историческомъ развитіи. Вслѣдствіе этого образовалась цѣлая партія, желающая ввести однообразную литургію если не во всемъ протестантскомъ мірѣ, то по крайней мѣрѣ во всѣхъ общинахъ одного исповѣданія. Но это стремленіе встрѣтилось съ другимъ, совершенно законнымъ требованіемъ, съ тою полною свободой совѣсти, которая составляетъ характеръ протестантизма. Почти вся Германія раздѣлилась между этими двумя направленіями. Нѣкоторыя общины хотѣли сверхъ того наполнить молитвенникъ своими мѣстными религіозными пѣснями, другія пустились въ заимствованія. Надобно замѣтить, что особенно послѣднія не отличаются удачностію. Такъ напримѣръ въ Пфальцѣ приняты довольно странные гимны.

Церковная конференція, происходившая въ Штутгартѣ вскорѣ послѣ евангелическаго союза, была ознаменована происшествіемъ, которое показываетъ, какіе размѣры приняла въ последнее время религіозная вражда въ Германіи. На этой конференціи находился извѣстный Шталь, оставившій Берлинъ на время засѣданій евангелическаго союза. Говоря подъ конецъ засѣданія заключительную рѣчь,

Шталь позволилъ себѣ нападки на духъ и воззрѣніе евангелическаго союза и вообще всей партіи соединенія, которую онъ осуждалъ съ точки зрѣнія исключительнаго лютеранизма. Эта выходка возбуждала однако общее негодованіе. Шталь былъ однимъ изъ президентовъ конференціи и говорилъ въ этомъ качествѣ. Большинство членовъ протестовало противъ его рѣчи, и еслибъ не посредничество другаго президента, то ее бы не дали кончить.

Подобно прочимъ ученымъ, которые почти всѣ въ нынѣшнемъ году имѣли ежегодныя засѣданія, или собирались на конгрессы, ориенталисты тоже собрались въ Бреславль. Это собраніе имѣетъ цѣлю взаимное сообщеніе трудовъ по части изученія Востока и устройство новыхъ предпріятій для этой цѣли.

Въ Баваріи продолжаетъ свои работы нюрнбергская конференція для составленія обще-германскаго торговаго законодательства. Теперь изготовлена ею первая часть торговаго кодекса, — о торговомъ сословіи; основаніемъ послужилъ главнымъ образомъ проектъ, представленный Пруссіей. Мы говорили объ этой книгѣ новаго устава на основаніи неполныхъ свѣдѣній, которыя тогда были извѣстны. Особенно важны слѣдующія положенія новаго устава, отличающіяся отъ прусскаго проекта. Заключающіяся въ брачныхъ контрактахъ отступленія отъ господствующаго семейнаго права, могутъ быть заносимы въ торговые регистры или нѣтъ, но въ послѣднемъ случаѣ они не дѣйствительны относительно кредитора, если не будетъ доказано, что они были ему извѣстны. Титулъ прусскаго проекта о торговыхъ книгахъ былъ совершенно измѣненъ на конференціи. Въ проектѣ торговыя книги признаны между купцами полными доказательствомъ, а въ отношеніи не купцовъ неполнымъ. Въмѣсто этого конференція признаетъ торговыя книги относительно купцовъ неполнымъ доказательствомъ, относительно же не купцовъ вовсе ихъ не допускаетъ какъ законное доказательство. Еще любопытный вопросъ, рѣшенный конференціей, состоялъ въ томъ, какими правами должны пользоваться въ предѣлахъ Германскаго союза иностранныя акционерныя общества, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ, по своему составу, не сообразоваться съ началами, принятыми въ новомъ уставѣ. Конференція сдѣлала различіе между торговою и частною правоспособностію подобныхъ обществъ. Какъ торговыя общества, они не могутъ дѣйствовать въ Германіи; но частная правоспособность остается за ними полная, то-есть они могутъ искать, отвѣчать, пріобрѣтать и т. д.

Любопытное изданіе по части статистики предпринято теперь въ Баваріи, по приказанію короля. Это большое статистическое описаніе всего государства, подъ латинскимъ названіемъ «Bavaria». Оно должно содержать описаніе верхней и нижней Баваріи, во всевозмож-

ныхъ отношеніяхъ: физическомъ, этнографическомъ, хозяйственномъ, историко-топографическомъ и т. д. Каждая изъ этихъ частей будетъ самостоятельно и вновь обработана какимъ-нибудь извѣстнымъ специалистомъ.

Въ Лейпцигѣ, въ Саксоніи, собралась конференція книгопродавцевъ для начертанія проекта общаго для Германіи закона о книгопечатаніи, съ цѣлю обезпечить отъ перепечатки права авторовъ и издателей. Права художниковъ будутъ тоже опредѣлены. Проектъ будетъ переданъ саксонскому правительству, которое предложитъ его союзу.

Въ Франкфуртѣ окончила совѣщанія конференція уполномоченныхъ германскихъ державъ для рѣшенія вопроса о банкахъ. Эта конференція была вызвана денежнымъ кризисомъ, котораго вредныя послѣдствія также чувствительны въ Германіи, какъ и въ остальной Европѣ. Рѣшенія, принятыя конференціей, заключаются въ слѣдующемъ: 1) банкноты или банковые билеты должны быть обезпечены на одну треть звонкою монетой и на двѣ трети векселями; 2) свыше внесеннаго акціонерами капитала не должно быть выпускаемо билетовъ; 3) владѣльцы банкнотъ имѣютъ право первенства передъ всѣми остальными кредиторами банка; 4) фондъ погашенія долженъ быть отдѣленъ отъ оборотнаго фонда; 5) отчеты банковъ должны быть печатаемы ежемѣсячно, по общей формѣ; 6) ежегодно должны быть избираемы, по жребію, два банка для надзора за всѣми остальными; 7) всѣ банки вмѣстѣ избираютъ комиссію, которая будетъ представительницей ихъ интересовъ передъ разными правительствами; 8) до собранія новой конференціи будетъ назначена особая комиссія для приведенія въ исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя теперь приняты; 9) билеты всѣхъ банковъ должны быть ими взаимно принимаемы. Въ этомъ состоятъ главныя рѣшенія конференціи. Остальныя относятся къ подробностямъ банковыхъ оборотовъ.

Въ Сербіи продолжаютъ аресты по поводу недавно открытаго заговора противъ владѣтельнаго князя. Аресты всего болѣе производятся въ сенатѣ, котораго самый президентъ, Стефанъ Стефановичъ, былъ арестованъ. Послѣ него было схвачено еще нѣсколько сенаторовъ; въ числѣ ихъ были нѣкоторые, подписавшіе недавно поздравительный адресъ князю по случаю избавленія его отъ опасности. Увѣряютъ, что цѣлю заговора было присоединеніе Сербіи къ новому государству, которое образуется изъ Дунайскихъ княжествъ.

Финансовое положеніе Турціи еще никогда не было хуже теперешняго. Въ торговлѣ застой, а злоупотребленія должностныхъ лицъ не знаютъ предѣловъ. Правительство намѣрено заключить финансовую сдѣлку съ оттоманскимъ банкомъ, у котораго оно занимаетъ 200 милл. франковъ, по 10 процентовъ. Эти деньги назначаются на

уплату личныхъ долговъ султана и на изъятіе изъ обращенія нѣкоторой части ассигнацій.

Въ Соединенныхъ Штатахъ денежный кризисъ еще сильнѣе, нежели въ Европѣ. Въ Нью-Йоркѣ, гдѣ онъ начался, всѣ торговыя сдѣлки прекратились, всѣ банки безъ исключенія прекратили уплаты. То же въ Бостонѣ. Банкротства безпрестанныя. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, напримѣръ въ Пенсильваніи, созваны законодательныя собранія для обсужденія вопроса о банкахъ. Филадельфійскіе банки требуютъ разрѣшенія на прекращеніе всѣхъ уплатъ звонкою монетою, выпуска ассигнацій и увеличенія учетнаго процента.

Причины финансоваго кризиса, который продолжается уже нѣсколько мѣсяцевъ и безъ сомнѣнія не остался безъ вліянія и на европейскія дѣла, все болѣе и болѣе выясняются. Между ними первое мѣсто занимаютъ неосторожныя операціи банковъ. Безпрестанно пускаясь въ новыя предпріятія, банки увеличили число своихъ облигацій до невѣроятнаго количества. Когда они вздумали прибѣгнуть къ ограничительнымъ мѣрамъ, то было уже поздно. Въ Сѣверной Америкѣ банки уже не одинъ разъ производили кризисъ, хотя, будучи прежде совершенно мѣстнымъ, онъ никогда еще не принималъ подобныхъ размѣровъ. Въ нынѣшнемъ году желѣзныя дороги, въ построеніи которыхъ многіе банки принимали участіе, заставили ихъ еще съ меньшею осторожностію выпускать билеты. Сдѣлать это имъ было тѣмъ легче, что не во всѣхъ штатахъ существуютъ для банковъ контрольныя мѣры, да и тамъ, гдѣ онѣ есть, отчетность все-таки довольно слабая. Къ этому надобно присоединить неумѣренную роскошь, которая распространена въ Сѣверной Америкѣ. Финансовое положеніе дотога затруднительно, что сильный подвозъ золота изъ Австраліи и Калифорніи только на время остановилъ кризисъ.

С М Ъ С Ъ

ВОСПОМИНАНИЕ РУССКАГО О ПОЛЬСКОМЪ АРХЕОЛОГЪ, КОНСТАНТИНЪ СВИДЗИНСКОМЪ.

Въ одной изъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» прочелъ я съ большимъ любопытствомъ и сочувствіемъ заимствованныя изъ польскаго журнала свѣдѣнія о великомъ поборникѣ польской національности, Свидзинскомъ. Я зналъ покойнаго лично и не разъ пользовался его книгами и рукописями. Познакомилъ меня съ нимъ знаменитый польскій критикъ, Михаилъ Грабовскій, еще въ 1843 году. Взгляды наши на русско-польскую старину были діаметрально противоположны, но какъ каждый изъ насъ любилъ искренно свое дѣло, то охотно выслушивалъ и противорѣчія. У Свидзинскаго я никогда не было на первомъ планѣ, какъ у большей части труженниковъ науки. Обширность его работъ и великость любви его къ своему отечеству открылись только по его смерти. Поэтому онъ не оскорблялся противорѣчіями молодаго человѣка, какимъ я былъ въ то время, а напротивъ старался вразумить его въ истину историческихъ явленій раскрытіемъ новыхъ для него памятниковъ старины. Когда я вспомню, какъ я странно, какъ дѣтски смотрѣлъ тогда на многое въ исторіи польско-русскаго края, вѣря на слово нашимъ учебникамъ, то не могу надивиться благосклонному вниманію ко мнѣ глубокаго польскаго эрудита. Живя уединенно, весь преданный своему дѣлу, онъ часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать tête-à-tête и былъ со мной терпѣливъ и разговорчивъ, какъ нянька. Это тѣмъ разительнѣе, что тогдашніе профессора Кіевскаго университета, мои единовѣрцы, а нѣкоторые и единоплеменники, держали себя относительно ко мнѣ съ отталкивающею, черстою гордостью и, съ высоты своей официальной учености, едва удостоивали меня двухъ—трехъ словъ. Будучи страстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсень и преданій, зная, могу сказать, наизусть лучшія южно-русскія лѣтописи, существовавшія тогда въ рукописяхъ, я былъ совершенно чужой человѣкъ такимъ людямъ, какъ покойные Неволинъ, Домбровскій, Костыръ, и былъ свой съ иновѣрцами и иноплеменниками, которымъ безпрестанно противорѣчилъ изустно и печатно.

Однажды, уѣзжая изъ Кіева для странствованія изъ хаты въ хату, я обѣщалъ Свидзинскому посѣтить его въ его деревнѣ Сквирскаго уѣзда, которая называлась, кажется, Ходорковъ. Заѣхавъ туда, я не засталъ хозяина дома, но мнѣ вручили пакетъ съ ключомъ отъ его бібліотеки и предложили къ услугамъ экипажъ, лошадей и людей

для разъѣздовъ въ окрестностяхъ и поисковъ въ старинныхъ курганахъ. Домъ окруженъ былъ садомъ, состоявшимъ изъ великанскихъ георгинъ всевозможныхъ красокъ. Покойный былъ страстный любитель этихъ цвѣтовъ и ухаживалъ за ними съ особенною попечительностью. За этимъ садомъ шла старая липовая роща, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ на село съ деревянною церковью и запустѣлымъ католическимъ монастыремъ. Я прожилъ въ этомъ тихомъ, очаровательномъ приютѣ семь дней одинъ, съ рукописями, природой и поселянами—земляками, и никогда не забуду этого времени. Наконецъ Свидзинскій пріѣхалъ изъ Кіева. Мы наговорились досыта, споря о своихъ національностяхъ, и я пустился далѣе въ свои демократическія странствованія.

Надобно здѣсь упомянуть, что Свидзинскаго обыкновенно называли графомъ, такъ какъ онъ происходилъ отъ древняго аристократическаго дома и состоялъ въ родствѣ съ одною королевскою фамиліею; онъ и не выдавалъ себя иначе, какъ за аристократа по происхожденію и по образу мыслей; но это не мѣшало ему сочувствовать чисто демократическому направленію литературной дѣятельности, если только оно проистекло изъ желанія выставить на всенародное вѣдѣніе то, что есть или было. Одинъ разъ случилось ему быть въ кругу Малороссіянъ, которые дѣлали складчину на изданіе прежнихъ и новыхъ произведеній своего демократическаго поэта. Узнавъ, въ чѣмъ дѣло, Свидзинскій тотчасъ схватился за свой бумажникъ и просилъ позволенія участвовать въ складчинѣ.

Долгъ благодарности заставляетъ меня сохранить отъ забвенія еще одинъ истинно трогательный случай, дѣлающій честь польской національности. Покойный Свидзинскій выдался не болѣе двухъ-трехъ разъ съ знаменитымъ теперь историкомъ Малороссіи, Н. И. Костомаровымъ, и всякій разъ они вели диспутъ о Полякахъ, которыхъ Костомаровъ называлъ *беззаконными панами*, и козакахъ, которыхъ Свидзинскій бранилъ *хлопами*. Надобно при этомъ замѣтить, что польскій антикварій высказывалъ свои убѣжденія большею частію съ жаромъ, доходившимъ до запальчивости, и когда говорилъ о претензіи козаковъ на права, равныя съ магнэтскими, то вся кровь бросалась ему въ лицо, онъ гордо поднималъ голову и, какъ будто это у него требуютъ козаки дворянскихъ правъ, кричалъ: «Chłopi iesteście! (вы мужики!) какъ вамъ дать дворянскія права?» Это было произносимо такъ чистосердечно и вмѣстѣ наивно, что никого изъ насъ не оскорбляло. Но не въ томъ дѣло. Узнавъ черезъ нѣсколько лѣтъ, что Костомаровъ сидитъ въ Саратовѣ и пишетъ исторію польско-украинскихъ войнъ, Свидзинскій отнесся къ нему съ предложеніемъ высылать какія угодно книги и рукописи изъ своей бібліотеки. Истинно великодушное предложеніе! и оно-то объясняетъ намъ, откуда Костомаровъ добылъ такое множество драгоценныхъ источни-

ковъ для своего творенія, которому до сихъ поръ не являлось ничего равнаго на русскомъ языкѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ историкъ нашъ получалъ отъ польскаго аристократа тюки за тюками, и уже послѣ его смерти возвратилъ его наслѣднику самыя рѣдкіе уникаты старинныхъ брошюръ и нѣкоторыя рукописи. Кто знаетъ, какъ дороги для библіомана рѣдкія книги, кто имѣлъ дѣло съ антикваріями, которые дрожатъ какъ скупцы надъ своими сокровищами, тотъ пойметъ всю великость любви Свидзинскаго къ наукѣ и все благородство его души.

Онъ былъ старый холостякъ, и можно было бы думать, что у него въ сердцѣ не осталось больше никакихъ чувствъ, кромѣ патриотическихкихъ. Но онъ былъ искренно привязанъ къ друзьямъ своимъ, и незадолго до своей смерти, гостя у одного изъ нихъ, такъ полюбилъ двоихъ малютокъ, что когда они вдругъ умерли отъ холеры, онъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока у него не открылось изъ носу кровотеченіе. Эта неумѣренная горестъ была для него гибельна. Онъ началъ чахнуть, чахнуть, и наконецъ медики объявили, что онъ неизлѣчимо боленъ отъ потери крови.

За нѣсколько дней до его смерти, пріѣхалъ я въ Кіевъ. Ему сообщили о моемъ пріѣздѣ, и больной пожелалъ меня видѣть. Я посѣтилъ его, и мнѣ представилось зрѣлище необыкновенное. Свидзинскій, худой, блѣдный, почти мертвый уже, лежалъ на кровати посреди большой комнаты, а вокругъ него на столахъ и стульяхъ были разбросаны и навалены горами книги, пергаменты съ висящими печатями, старинныя картины, гравировальныя доски, медали, древніе кресты и всякая всячина, вышедшая изъ употребленія у живыхъ людей. Эти пріобрѣтенія онъ сдѣлалъ уже на смертномъ одрѣ своемъ, и разсматриванье ихъ составляло его единственное или, по крайней мѣрѣ, лучшее утѣшеніе. Онъ любилъ, чтобы его постель окружали друзья и родственники, и чтобы говорили между собой обо всемъ житейскомъ. Самъ онъ не вмѣшивался въ разговоръ и, казалось, ничего не слышалъ и не видѣлъ; но когда его слухъ поражали такія слова, какъ *картина*, *медаль*, *рукопись* и т. п., онъ тотчасъ освѣдомлялся, что это за вещь, спрашивалъ, нельзя ли видѣть, нельзя ли пріобрѣсть, и тутъ всѣ удивлялись присутствію его памяти и вкуса. Вся разница между здоровымъ и больнымъ Свидзинскимъ состояла въ томъ, что больной сдѣлался гораздо щедрѣе и повидимому не придавалъ никакой цѣны деньгамъ. Но что всего поразительнѣе было для меня, такъ это его любовь ко всему малороссійскому. Гдѣ только ни находили въ Кіевѣ картину, гравюру или эскизъ изъ малороссійской исторіи и быта, все это отовсюду везли къ Свидзинскому, и умирающій антикварій съ наслажденіемъ всматривался въ каждую черту, вѣрно переданную художникомъ. Страннымъ и непостижимымъ явленіемъ былъ бы для какого-нибудь малороссійскаго *пана*

умирающій Полякъ, католикъ и аристократъ, окруженный такими вещами, какъ мѣдныя доски съ украинскими сценами, гравированныя поэтомъ Ш***, какъ его дорожные альбомы, добытые изъ десятыхъ рукъ за большую плату, и тому подобные предметы, — тогда какъ наши такъ-называемые патриоты считаютъ все это бездѣлушками, не стоящими вниманія!

Увидѣвъ меня, Свидзинскій протянулъ ко мнѣ безсильную свою руку, и старался пожатіемъ выразить то, что было для него трудно высказывать словами. Онъ обратился ко мнѣ и съ словомъ, но это не были уже столь памятные для меня разспросы о моихъ занятіяхъ и обстоятельствахъ. Нѣтъ, онъ только спросилъ у меня, не имѣю ли я какой-нибудь малороссійской древности или рисунка своей работы, и тутъ же прибавилъ, что онъ мнѣ заплатитъ, сколько угодно. Я отвѣчалъ ему, что платы я не приму, и что я съ особеннымъ удовольствіемъ подарю все, что найду у себя въ хуторѣ изъ старинныхъ вещей и моихъ рисунковъ. Больше и не было между нами разговора. Но когда я ушелъ, онъ выслалъ вслѣдъ за мною своего секретаря, съ повтореніемъ той же просьбы и съ увѣреніемъ, что *графъ за все заплатитъ*. А я опять отвѣчалъ, что платы не приму, но искренно буду радъ, если мнѣ удастся доставить ему чѣмъ-нибудь удовольствіе. На другой день мнѣ передали просьбу умирающаго прочесть ему думу о морскомъ походѣ князя-язычника въ христіанскую землю. Ему сказалъ кто-то вечеромъ объ этомъ важномъ открытіи, и онъ всю ночь бредилъ моимъ чтеніемъ (1). Я не только исполнилъ его желаніе, но какъ дума эта была напечатана въ губернскихъ вѣдомостяхъ, то я подарилъ ему отдѣльный оттискъ. Мнѣ пріятно вспомнить объ этомъ, потому что мой подарокъ былъ для него однимъ изъ послѣднихъ его удовольствій. Онъ скончался черезъ полторы сутокъ, 29-го ноября 1855 года. Въ числѣ его пріятелей, и я получилъ отъ его родныхъ пригласительный билетъ на похороны. Славный между Поляками въ Кіевѣ проповѣдникъ Годлев-

(1) Н. И. Костомаровъ, въ разборѣ перваго тома моихъ «Записокъ о Южной Руси», усомнился въ подлинности этой думы. Спѣшу замѣтить ему, во-первыхъ, что записавшій ее, г. Шишацкій-Илличъ, авторъ безобразныхъ прозведеній на малороссійскомъ языкѣ, не могъ возвыситься до такой живописной простоты, какъ напримѣръ въ уцѣлѣвшихъ отъ искаженія стихахъ:

Ставъ Богъ христіанський бурю піднімати,
Да круглеє сине море изъ свого ложа вивертати;

во вторыхъ, что докторъ А. Н. Пушкиревъ, авторъ книги «О душевныхъ болѣзняхъ», слышалъ много лѣтъ тому назадъ, эту самую думу, въ видѣ сказки, какъ она передана г. Шишацкому-Илличу, что онъ можетъ засвидѣтельствовать печатно.

скій произнесъ надъ Свидзинскимъ прекрасное, исполненное возвышенныхъ христіанскихъ мыслей слово, въ которомъ говорилъ, что, по разрушеніи вѣщественнаго міра, останутся только наши душевные подвиги.

П. Кулишъ.

1857, октября 19.
Москва.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно вышла въ свѣтъ книга: *О леченіи молокомъ простудныхъ и съ простудными сопряженныхъ болѣзней холодно-лихорадочнаго свойства. Практическія замѣчанія, составленныя по дневникамъ врачей, участвовавшихъ во время утреннихъ консультацій на дому профессора и доктора Ф. Иноземцева, имъ изданныя.*

Практическія Замѣчанія составляютъ матеріалъ, въ высшей степени интересный для врачей и общества. Въ нихъ заключается отчетъ за двадцатилѣтнюю дѣятельность, столь обширную и справедливо пользующуюся у насъ такою популярностію. Наблюденіе отдельныхъ случаевъ, какъ бы тонко и вѣрно оно ни было, еще не составляетъ *всего* въ практическомъ приложеніи науки. Но когда наблюденіе возвышается до общихъ воззрѣвій, и когда подтверждается двадцатилѣтнимъ опытомъ, тогда дѣйствительно оно получаетъ высокую цѣну въ наукѣ. Такіе наблюдатели называются ея *деятелями*. Мысль ихъ, при первомъ обнаруженіи своемъ, обыкновенно встрѣчаетъ и осужденіе, и противодѣйствіе; но, разрастаясь, она невольно, неотразимо, какъ истина, покоряетъ своихъ противниковъ, и изъ преслѣдователей дѣлаетъ послѣдователями. Такова, сколько намъ извѣстно, была у насъ и исторія *леченія молокомъ*, которому начало положено нашимъ ученымъ профессоромъ. Заимствовавъ средство изъ нашей народной медицины, онъ умѣлъ дать его дѣйствию разумное истолкованіе и разумно приложить его. Блистательные результаты этого приложенія въ послѣднее время увлекли не только врачей, но и общество.

Не вдаваясь въ подробный разборъ этого сочиненія, разборъ, по специальности своей не могущій войти въ нашъ журналъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи обратить вниманіе читателей еще на одинъ предметъ, ярко выдающійся въ *Замѣчаніяхъ*, какъ проблескъ той зоркой наблюдательности, даръ которой принадлежитъ немногимъ. Мы хотимъ сказать о наблюденіи *общаго характера болѣзней*. Это наблюденіе, столь нужное врачу, одна изъ вѣр-

нѣйшихъ порукъ за успѣшность его дѣйствій, стоитъ въ *Практическихъ Замѣчаніяхъ* профессора Иноземцева на первомъ планѣ. Руководимый этимъ наблюденіемъ, онъ находилъ въ немъ для себя объясненіе и многимъ болѣзненнымъ явленіямъ, и дѣйствию различныхъ средствъ. Ряды годовъ протекали передъ нимъ, различно характеризую свои болѣзни, и онъ, какъ тонкій наблюдатель, слѣдилъ за измѣненіемъ этихъ характеровъ, и измѣнялъ свои средства сообразно этому измѣненію. Заслуга, доступная не всѣмъ. Но въ ней же заключалась и главная тайна его успѣховъ и его *счастія* въ лѣченіи.

Дополненіе сочиненія переводомъ отлично-выработанной статьи Шерера: *О физическихъ и химическихъ свойствахъ молока*, возвышаетъ еще болѣе его цѣну для русскихъ читателей.

— Прекрасный трудъ, предпринятый департаментомъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ, *Хозяйственно-статистическій Атласъ Европейской Россіи, съ объясненіями* къ нему, вышелъ третьимъ изданіемъ. Выписываемъ предисловіе, которымъ сопровождается это изданіе:

«При совершенномъ развитіи экономическихъ интересовъ, полная и подробная земледѣльская статистика есть существенная потребность для каждаго государства, а для Россіи, какъ страны по преимуществу земледѣльской, она есть необходимость. Между тѣмъ къ составленію въ настоящее время такой статистики у насъ представляются еще многія затрудненія, устраненія которыхъ можно ожидать лишь отъ времени. Тѣмъ не менѣе надобность имѣть подъ руками, для справокъ, главные данныя, относящіяся къ хозяйственной статистикѣ Россіи, ощущается всѣми, желающими ближе ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ нашего отечества. Для удовлетворенія на первый разъ этой потребности, департаментъ сельскаго хозяйства издалъ, подъ заглавіемъ: *Хозяйственно-Статистическаго Атласа Россіи*, составленное въ статистическомъ отдѣленіи онаго собраніе картъ, которыя графическимъ способомъ представляютъ нѣкоторые важнѣйшіе предметы хозяйственной статистики, по мѣрѣ имѣвшихся для того данныхъ. Слѣдующій къ этому Атласу пояснительный текстъ заключаетъ въ себѣ изложеніе фактовъ, на которыхъ основано начертаніе картъ. Этотъ Атласъ, съ пояснительнымъ текстомъ, имѣлъ два изданія, изъ которыхъ первое вышло въ 1851, а второе въ 1852 году.

«Какъ оба изданія разошлись весьма скоро, то, по порученію бывшаго министра государственныхъ имуществъ, графа П. Д. Киселева, департаментъ сельскаго хозяйства распорядился изготовленіемъ предлагаемаго нынѣ вниманію хозяевъ и статистиковъ, третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго сообразно имѣющимся новѣйшимъ свѣдѣніямъ.

«Хозяйственно-Статистическій Атласъ, несмотря на то, что былъ изданъ лишь на русскомъ языкѣ, мало извѣстномъ за границую, обратилъ на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ; потому, чтобы сдѣлать настоящее сочиненіе болѣе доступнымъ для иностранцевъ, карты, при нынѣшнемъ третьемъ изданіи, выполнены съ надписями на двухъ язы-

кахъ, русскомъ и французскомъ, и на каждомъ изъ этихъ языковъ заданъ отдѣльно и пояснительный текстъ къ Атласу.

«Составленіе картъ и текста сдѣлано подъ руководствомъ начальника статистическаго отдѣленія департамента сельскаго хозяйства, академика Веселовскаго.»

Мы поспѣшили извѣстить объ этомъ великолѣпномъ и полезномъ изданіи. Но надѣмся въ послѣдствіи подвергнуть его болѣе тщательному изученію, которое можетъ-быть окажется не безплоднымъ для нашихъ читателей.

— Къ сожалѣнію мы не успѣли помѣстить въ этой книжкѣ доставленныхъ намъ почтеннымъ сотрудникомъ нашимъ П. П. Дубровскимъ извѣстій о новостяхъ польской литературы. Но одного изъ этихъ извѣстій, по интересу и важности его, не можемъ откладывать до слѣдующей книжки.

Въ *Варшавской Газетѣ (Gazeta Warszawska)*, № 250, напечатано:

«Самая важная литературная новость, передъ которою гаснутъ всѣ прочія, это — Всемиловѣйшее соизволеніе Государя Императора на изданіе въ Варшавѣ сочиненій *Адама Мицкевича*, въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ гениальнаго поэта. Поэтическія произведенія Мицкевича не нуждаются въ похвалахъ, какъ солнце не нуждается, чтобы признавали его блескъ. Ими могутъ гордиться всѣ славянскія племена, потому что творецъ ихъ сталъ на ряду съ гениями всѣхъ вѣковъ, какіе только явились въ исторіи человѣчества. Но если бы намъ позволено было произнести слово благодарности у высоты трона, то мы принесли бы ее Всемиловѣйшему Монарху, Который сиротамъ Мицкевича даровалъ право пользоваться значительнымъ вспоможеніемъ.»

Прибавимъ, что въ Варшавѣ уже объявлена книгопродавцемъ Мерцбахомъ подписка на изданіе сочиненій Адама Мицкевича, въ 8-ми томахъ, по 10 р. сер. То же изданіе съ картинками будетъ стоить 15 р. На него можно подписываться также въ С.-Петербургѣ у книгопродавца М. О. Вольфа.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской типографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Составл. по Высочайшему повелѣнію, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ. Четвертое изданіе. (Второе для публики.) Спб. 1857. Ц. съ пер. 2 р. 50 к.

СБОРНИКЪ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Выпускъ 1-й. Спб. 1857. Ц. съ пер. 1 р. 75 коп.

ШИЛДЕРЪ въ переводѣ русскихъ писателей, издаваемый подъ редакціею Н. В. Гербеля. Томъ III. **Драматическія сочиненія.** Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; томы I и II по 1 р. 25 к., съ пер. по 1 р. 75 к.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. М. Владыкина. 1. **Выгодная женитьба.** 2. **Образованность.** 3. **Отрывокъ.** М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Е. Вердеревскаго. Пѣсни, думы, посланія. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. М. 1857. Томъ III. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.; всѣмъ тремъ томамъ ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА. Соч. Вашингтона Ирвинга. Пер. съ англійск. П. Кирѣевского. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОТЪ ЗАУРАЛЬЯ до ЗАКАВКАЗЬЯ, юмористическія, сентиментальныя и практическія письма съ дороги. Е. Вердеревскаго. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩАЯ ФЛОРА для любителей. Состав. и изд. дѣйств. членъ моск. общ. люб. садов. П. В. Романовъ. Часть I. М. 1857. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАСТАВЛЕНІЕ НАРОДУ. Соч. Хр. Вил. Гуфеланда, медиц. орл. проф. 2 ч. М. 1857. Ц. 3 р., съ пер. 3. р. 50. к.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ВЕЙМАРѢ.

ВАГНЕРЪ и ЕГО ОПЕРЫ. — ФРАНЦЪ ЛИСТЪ. — ЖИВОПИСЕЦЪ ПРИМЕРЪ. —
ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВАРТБУРГА.

Койра, 16-го октября.

Я обещалъ разсказать вамъ о художественной дѣятельности въ Веймарѣ. Это мнѣ звучитъ такъ громко, когда рѣчь идетъ объ искусствѣ, что съ нимъ невольно соединяются блестящія ожиданія. Но этому чувству не слѣдуетъ предаваться. Надобно забыть, если возможно, какую жизнью вѣяло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ этомъ тѣсномъ городкѣ, надобно забыть, чей духъ еще живетъ въ этомъ обширномъ паркѣ, чей мощный пеній наложилъ свою печать даже на окрестную природу, чтобы безъ предубѣжденія взглянуть на теперешнее племя художниковъ, на произведенія, занимающія и волнующія теперь мыслящія кружки Веймара.

Со дня моего переселенія въ Іену, я съ нетерпѣніемъ ожидаю случая увидѣть на сценѣ одну изъ оперъ Вагнера. Я до тѣхъ поръ тщетно старался составить себѣ понятіе объ этихъ произведеніяхъ по безконечной полемикѣ, возбужденной ими въ музыкальной литературѣ, и по случайно-слышаннымъ отрывкамъ. Я зналъ, что эти оперы нигдѣ не исполняются въ такомъ совершенствѣ, какъ въ Веймарѣ, благодаря дирекціи Листа, усерднаго друга и поклонника Вагнера. Признаюсь, я былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ его музыки. Неодобреніе многихъ дѣльныхъ музыкальныхъ критиковъ, нелѣпо преувеличенная хвала его друзей, наконецъ смѣшная претензія Вагнера и его послѣдователей основать «музыку будущаго», все это мало говорило въ пользу новаго композитора.

Наконецъ пришелъ желанный день. Веймарскія газеты объявили о представленіи «*Tannhäuser*, большой романтической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова и музыка Рихарда Вагнера». Послѣ обѣда, длинный рядъ разнокалиберныхъ экипажей, наполненныхъ студентами, потянулся по крутой веймарской дорогѣ. Было холодно. Тонкій слой снѣга покрывалъ лѣсистыя горы; сквозь него лишь слегка выступали острые ребра скалъ, и рисовали воздушными линиями очерки ландшафта. Лошадь взбиралась нестерпимо медленно по безконечно-длинному косягору. Но насъ было много, и какъ-то весело было пробираться въ оперу за двадцать верстъ, сквозь ночь и стужу. Такъ нѣкогда, въ незабвенныя времена Веймара, пробирался по этой

дорогъ весь Іенскій университетъ, кто въ экипажѣ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, чтобъ увидѣть Корону Шрётеръ въ какой-нибудь новой драмѣ того удивительнаго юноши, который написалъ *Вертера* и *Геца*, и теперь взошелъ, какъ звѣзда (1), на веймарскомъ горизонтѣ. Еще до сихъ поръ сохранились обычаи, ведущіеся съ тѣхъ недалекихъ, но уже баснословныхъ временъ. Такъ, каждый разъ, когда даютъ *Разбойниковъ* Шиллера, студенты, находящіеся между зрителями, прерываютъ послѣ перваго куплета актеровъ, поющихъ извѣстный хоръ:

Ein freies Leben führen wir,

и сами поютъ второй куплетъ. Эта оригинальная выходка, происшедшая въ порывѣ восторга при первомъ представленіи *Разбойниковъ*, неизмѣнно повторяется съ тѣхъ поръ, и сдѣлалась теперь какимъ-то обрядомъ, который исполняется съ торжественностью, не лишённою комизма.

Наконецъ мы пріѣхали въ Веймаръ, нетерпѣливые и полузамерзлые. Уже было поздно, и мы подѣхали прямо къ театру. Мы вошли. Насъ охватило свѣтомъ и теплотою. Уже маленькая, уютная зала была полна народа. Уже дворъ занималъ свою огромную ложу, и надъ оркестромъ подымалась блѣдная, характеристическая фигура Франца Листа. Онъ ужъ не тотъ, каковъ былъ прежде. Тонія морщины обозначили еще рѣзче прекрасныя черты его лица. Въ его длинныхъ волосахъ замѣтенъ серебристый отблескъ. Нѣтъ у него болѣе тѣхъ театральныхъ приемовъ, которыми онъ, бывало, восхищалъ и смѣшилъ зритель. Но его живая, артистическая натура еще выражается въ каждомъ взглядѣ и движеніи. Когда, управляя оркестромъ, онъ мѣрно размахиваетъ классическою палочкой, игра каждаго инструмента отражается въ его подвижной физиономіи, въ его быстромъ взглядѣ, въ нетерпѣливой судорогѣ губъ. И когда, одушевленный музыкою, онъ ускоренною мимикой увлекаетъ оркестръ въ быстрое *crescendo* или удалое *accelerando*, то онъ умѣетъ сообщать ему нѣчто напоминающее несравненную бравуру его собственнаго исполненія.

Итакъ увертюра началась. Фаготы исполнили *pianissimo* хоромъ старинно-церковнаго стиля, простой и торжественный, и мало-помалу въ него вмѣшался весь оркестръ. Къ темъ, перенесенной на трубы, присоединилась тоскливая фраза, безпрестанно повторяемая скрипками. Вдругъ въ этотъ рядъ грустныхъ модуляцій ворвалась новая мелодія, исполненная дикаго, страстнаго веселья. Мигомъ разлилась она по всему оркестру, и то раздробляясь на тысячу блестящихъ осколковъ, то опять собираясь въ стройное цѣлое, принялась

(1) Выраженіе Виланда.

дразнить слухъ безпрестанными превращеніями, то звуча какъ нѣжный шепотъ, то раздражаясь въ безумный визгъ и хохотъ. Но скоро сквозь ея переливы опять послышались святые звуки хора. Они росли и приближались, смѣло сочетаясь съ звуками бѣсовскаго веселья, и наконецъ, овладѣвъ всѣмъ оркестромъ, окончили увертюру торжественнымъ tutti.

Занавѣсъ подымался. Сквозь розовый полусвѣтъ виднѣется внутренность Гёрцельберга, гдѣ, по преданію, до сихъ поръ живетъ изгнанная изъ Греціи чертовка Венера. Блестящіе своды пещеры, украшенные сталактитами и разноцвѣтными кристаллами, убѣгаютъ въ глубину сцены, гдѣ разливается голубое озеро. Въ водѣ мелькаютъ наяды, на берегу пляшутъ вакханки и нимфы. Издали звучитъ напѣвъ томный и страстный, между тѣмъ какъ игривая и раздражающая мелодія даетъ ритмъ пляскѣ. На первомъ планѣ, положивъ голову на колѣни Венеры, спитъ пѣвецъ Танненгейзеръ. Онъ уже цѣлый годъ живетъ въ этой пещерѣ, въ грѣховномъ, языческомъ весельи, и его начинаетъ мучить совѣсть. Онъ просыпается, грустный и тревожный. Напрасно богиня хочетъ его успокоить. Имъ овладѣла тоска по ясному солнцу, по пѣнью соловьевъ, по святому звуку колоколовъ. Онъ благодаритъ Венеру за любовь и ласки, и просится на поверхность земли, на свѣтъ Божій. Богиня грозитъ и проситъ. Рыцарь непоколебимъ. Онъ хочетъ спасти свою душу. Споръ становится все живѣе, музыка все страстнѣе, и оркестръ вторитъ ей съ возрастающею сложностію и силой. «Ты мой, ты никогда не спасешь своей души!» восклицаетъ Венера сквозь оглушительный гулъ инструментовъ. «Мое спасеніе — Пресвятая Дѣва Марія!» отвѣчаетъ рыцарь. Ударъ грома, и все исчезаетъ, кромѣ Танненгейзера. Оркестръ молчитъ. Передъ нами является, въ блескѣ весенняго утра, очаровательная долина Эйзенаха. Въ глубинѣ Вартбургъ. Пастушокъ, сидящій на скалѣ, поетъ, безъ всякаго содѣйствія инструментовъ, простую и радостную пѣсенку. Издали звучитъ хоралъ. Длинный рядъ пилигримовъ съ пѣніемъ идетъ по долині. Они останавливаются передъ крестомъ у дороги, становятся на колѣни, потомъ идутъ далѣе. Пастушокъ между тѣмъ наигрываетъ на дудочкѣ. Изъ Эйзенаха долетаетъ звукъ колоколовъ. Пѣніе пилигримовъ теряется вдали. Такъ и вѣетъ воскресною тишиной. Танненгейзеръ, глубоко тронутый, падаетъ на колѣни и молить Бога о прощениі.

Издали слышатся звуки рожковъ. Они приближаются. Является Германъ, ландграфъ турингскій, и съ нимъ пѣвцы, собранные имъ въ Вартбургъ, Вольфрамъ фонъ-Ешенбахъ, Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде и другіе. Они возвращаются съ охоты, и спѣшаютъ домой. Ихъ поражаетъ отчаянный видъ Танненгейзера. Они подходятъ къ нему и узнаютъ пѣвца, исчезнушаго безъ слѣдовъ годъ тому назадъ. Они осыпаютъ его вопросами и зовутъ къ себѣ. Онъ отвѣ-

четь уклончиво и не соглашается. Но Вольфрамъ напоминаетъ ему о племянницѣ ландграфа, о прелестной Елизаветѣ, которая не можетъ забыть его дивныхъ пѣсень. При этомъ имени, Танненгейзеръ какъ бы просыпается изъ глубокаго сна. Онъ обнимаетъ своихъ старинныхъ товарищей и соглашается вернуться съ ними въ Вартбургъ. Актъ кончается радостнымъ септетомъ.

При второмъ поднятіи занавѣса, передъ нами является Зала Пѣвцовъ въ Вартбургѣ, торжественно убранная для предстоящаго состязанія. Входитъ Елизавета, встревоженная и радостная. Тотъ, который навсегда овладеваетъ ея сердцемъ, кого она не надѣялась болѣе увидѣть, вернулся. Она его увидитъ сегодня. Эти стѣны опять отзвучатъ его дивнымъ пѣніемъ. Танненгейзеръ входитъ съ Вольфрамомъ фонъ-Ешенбахомъ. Происходитъ сцена, очень трогательная, потому что Вольфрамъ тайнѣ любитъ Елизавету, и видя ея радость при встрѣчѣ съ Танненгейзеромъ, теряетъ всякую надежду. Но оба пѣвца удаляются при входѣ ландграфа Германа. Трубы возвѣщаютъ о прибытіи гостей, приглашенныхъ на состязаніе пѣвцовъ. При звукахъ торжественнаго марша, входятъ рыцари и дамы, и послѣ обоюдныхъ привѣтствій занимаютъ мѣста вокругъ залы. Эта нѣмая сцена исполнена живости и праздничнаго величія. Наконецъ, когда и ландграфъ съ племянницею заняли свои возвышенныя мѣста, новыя трубы возвѣщаютъ о прибытіи пѣвцовъ. Они входятъ и съ поклономъ садятся противъ трона. Ландграфъ задаетъ имъ тему для пѣсень—выразить словами, что такое истинная любовь. Состязаніе открывается. Назначенный жребіемъ, Вольфрамъ фонъ-Ешенбахъ начинаетъ. Онъ поетъ въ нѣжныхъ звукахъ любовь самоотверженную и святую. Между тѣмъ, Танненгейзеромъ навольно овладеваетъ воспоминаніе о бѣсовскомъ веселіи въ пещерѣ Венеры. Онъ прерываетъ Вольфрама удалою пѣснью о радостяхъ любви земной, чувственной. Другіе пѣвцы принимаютъ сторону Ешенбаха, поочередное пѣніе мало-по-малу переходитъ въ споръ. Несмотря на негодованіе слушателей, Танненгейзеръ все рѣшительнѣе настаиваетъ на своемъ, и наконецъ, раздраженный нападками пѣвцовъ, насмѣшливо восклицаетъ: «Куда вамъ пѣть о любви, вы не бывали, какъ я, въ Гёрзельбергѣ!» Ужасъ и смятеніе овладеваютъ всѣми присутствующими. Всѣ женщины убѣгаютъ, кромѣ Елизаветы. Рыцари съ обнаженными мечами бросаются на Танненгейзера, чтобы наказать смертію его наглое безбожіе. Но Елизавета бросается между ними и умоляетъ не губить душу нераскаяннаго грѣшника. При звукахъ ея голоса, Танненгейзеръ приходитъ въ себя и въ глубокомъ сокрушеніи падаетъ на ступени трона. Разнохарактерное пѣніе соперниковъ, демоническая сила, мало-по-малу овладевающая Танненгейзеромъ, ужасъ, гнѣвъ и смятеніе присутствующихъ, нѣжное заступничество Елизаветы, все это передано въ звукахъ съ удивительною

характеристичности и живости. Ландграфъ, тронутый просьбою Елизаветы, строго уличивает несчастную думать о спасеніи души. Въ это время изъ долины звучитъ набойное пѣніе пилигримовъ, отправляющихся въ Римъ. Танненгейзеръ встаетъ, пораженный внезапною мыслію. Въ Римъ! восклицаетъ онъ, и быстро выходитъ. Въ Римъ! выкрикиваетъ ему вслѣдъ всѣ присутствующіе. Захватъ оконченъ.

Въ третей актѣ, передъ нами снова должна Визенаха. Вечеромъ Елизавета стоитъ на коленяхъ передъ крестомъ у дороги и молится. Уже тогда, какъ Танненгейзеръ отправился въ Римъ, чтобы получить прощеніе грѣховъ. Съ горы сходитъ Вольфрамъ. Въ это время, издали звучитъ радостный хоръ пилигримовъ, возвращающихся изъ Рима. Они, какъ въ первой актѣ, подходятъ къ кресту и на коленяхъ благодарятъ Бога. Елизавета, исполненная радостнаго ожиданія, смотритъ въ лицо каждому изъ нихъ, но между ними нѣтъ Танненгейзера. Богомольцы удаляются, и несчастная, падая на колѣни, въ горячей молитвѣ проситъ Пречистую сжалиться надъ нею и дать ей умереть, чтобы она могла у ея престола молить объ отпущеніи ея грѣховъ. Потомъ она встаетъ съ восторженнымъ видомъ, знаками отказываетъ Вольфраму, который предлагаетъ ей провести ее до замка, и направляется къ Вартбургу. Наступаетъ совершенная ночь. Вольфрамъ садится у дороги и поетъ меланхолическій романсъ:

O du, mein holder Abendstern!

одну изъ самыхъ удачныхъ мелодій во всей оперѣ. Между тѣмъ тревожная фраза пробѣгаетъ по оркестру. Входитъ, шатаясь, Танненгейзеръ, измученный, блѣдный, въ изорванной одеждѣ. Онъ съ безумнымъ смѣхомъ проситъ Вольфрама показать ему дорогу въ Герзелсбергъ. Напрасно тотъ уговариваетъ его, Танненгейзеръ объявляетъ ему, что онъ проклятъ никоемъ Урбаномъ, что для него нѣтъ болѣе спасенія. Какъ сухой жезлъ въ его рукахъ, сказалъ святой отецъ, не позеленѣетъ болѣе, такъ не обновится душѣ его. Разказъ его исполненъ драматическаго интереса и отличается необыкновенно искусною оркестраціею. Потомъ, несмотря на просьбы Вольфрама, онъ призываетъ Венеру и умоляетъ ее принять его снова въ свое подземное царство. По сценѣ распространяется розовое облако, въ оркестрѣ опять слышатся страстные мотивы перваго акта; свозъ туманъ является богиня, окруженная нимфами и вакханками, и манитъ къ себѣ возвратившагося рыцаря. Вольфрамъ, видя, что всѣ его старанія удержать друга напрасны, призываетъ святою Елизавету. При этомъ имени Танненгейзеръ вдругъ останавливается. Издали слышатся звуки погребальной молитвы. «Твой ангелъ молить за тебя у престола Всевышняго, ты спасенъ!» восклицаетъ

Вальсрамъ. Венера исчезаетъ. Туманъ разстунается. Съ высоты Вартбурга, озаренной первыми лучами денницы, спускается погребальное шествіе. Открытый гробъ ставитъ посреди сцены. Въ немъ лежитъ Елизавета. Танценгейзеръ падаетъ передъ нимъ, и съ словами: «Святая Елизавета, моли Бога за меня», умираетъ.

Раздается радостное пѣніе. Хоръ молодыхъ пилигримовъ входитъ, неся жезлъ, на которомъ показались зеленые листья, и прославляя милосердіе Божіе. Солнце всходитъ. Занавѣсъ опускается.

Я оставилъ театръ, совершенно довольный оперою, но нѣсколько утомленный сильною инструментацией и совершенно непривычною постройкою мелодій.

Я разказалъ вамъ подробно содержаніе одной изъ оперъ Вагнера и описалъ вамъ произведенное ею на меня впечатлѣніе, потому что только при представленіи его произведеній можно судить о ихъ достоинствахъ. Бѣольшая часть арій, хоровъ и т. д. въ Вагнеровыхъ операхъ производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе, когда ихъ слышишь отдѣльно. Какъ чистая музыка, они рѣшительно грѣшатъ противъ законовъ искусства. Безпрестанныя модуляціи и измѣненія темпа, отсутствіе единства въ мотивѣ, дѣлаютъ ихъ въ высшей степени утомительными. А между тѣмъ та же самая музыка на сценѣ получаетъ значеніе и жизнь, и произведенія Вагнера, какъ цѣлое, стоятъ несравненно выше всѣхъ современныхъ оперъ, въ которыхъ такъ много мотивовъ, имѣющихъ свои достоинства въ отдѣльности, и составляющихъ украшеніе шарманокъ и французскихъ кадрилией.

Это явленіе имѣетъ очень ясныя причины. Вагнеръ при сочиненіи своихъ оперъ исходитъ отъ совершенно другихъ началъ, чѣмъ другіе музыканты. Эти начала съ жаромъ приняты его другомъ, Францомъ Листомъ, и цѣлою плеядою болѣе или менѣе талантливыхъ юношей, собирающихся около него въ Веймарѣ. Они изложены съ достоинствомъ полнотою и запутанностію въ полновѣсныхъ сочиненіяхъ Вагнера (1), съ гениальною напыщенностію и нестерпимою манерностію въ критическихъ статьяхъ его знаменитаго друга (2). Вся эта литература, разумѣется, чрезвычайно повредила операмъ Вагнера въ мнѣніи читающей публики. Такъ какъ я и злѣйшему врагу не посоветую приняться за книги Вагнера и статьи Листа, то постараюсь изложить здѣсь коротко и ясно сущность ихъ музыкальнаго ученія.

Рихардъ Вагнеръ — натура чрезвычайно талантливая, одаренная тонкимъ артистическимъ чутьемъ. Ему рано бросились въ глаза всѣ недостатки, всѣ странныя заблужденія современной музыки. Съ

(1) Das Kunstwerk der Zukunft. Oper und Drama. Drei Operndichtungen.

(2) Въ Neue Zeitschrift für Musik.

одной стороны, его отталкивала безмѣрная пустота новѣйшей итальянской оперы,—это безсовѣстное сочетаніе всевозможныхъ текстовъ съ болѣе или менѣе пріятными плясовыми мелодіями, это совершенное отсутствіе характеристики и внутренней связи. Съ другой стороны, его вѣражала ложность направленія въ модной инструментальной музыкѣ, въ произведеніяхъ Берліоза и Фелисьена Давида. Онъ ясно видѣлъ, какъ тщетны, какъ противны духу музыки ихъ старанія выразить звуками мысли и образы, замѣнить оркестромъ человѣческую рѣчь и пластическое изображеніе. Онъ видѣлъ, что какъ въ поверхностной оперѣ, такъ и въ симфоніяхъ съ претензіями на буквальный смыслъ, музыка употребляется всеу, несоотвѣтственно ея сущности, которая состоитъ въ выраженіи чувства, душевнаго настроенія.

Изъ этой неспособности музыки рисовать воображенію опредѣленные предметы, и изъ ея безконечнаго могущества въ выраженіи душевныхъ движеній, онъ заключилъ, что ея истинное назначеніе—служить дополненіемъ слову. Онъ убѣдился, что истинная музыка мыслима только въ тѣсной, неразрывной связи съ поэзією, какъ мы это видимъ въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ пошелъ далѣе. Онъ рѣшилъ, что и поэзія безъ музыки нѣчто неполное, неудовлетворительное. Только въ пѣніи она пріобрѣтаетъ полный смыслъ. Послѣ этого понятно, что Вагнеръ видитъ верхъ искусства въ оперѣ. Не въ той оперѣ, которую мы знали до сихъ поръ, но въ произведеніи, обладающемъ высшими драматическими и музыкальными достоинствами, гдѣ каждому слову соотвѣтствуетъ характеристическое движеніе мелодіи, гдѣ художественная мимика, система художественныхъ декорацій, дополняютъ всецѣльность произведенія, дѣйствующаго такимъ образомъ на всѣ чувства, на всѣ способности человѣка. Созданіе такой драмы Вагнеръ ставитъ задачею артистическому міру. Это тотъ знаменитый *Kunstwerk der Zukunft*, возбудившій столько толковъ между его приверженцами и противниками. Чего же, кажется, лучшаго и требовать? Умъ удовлетворенъ строгимъ планомъ драмы, развитіемъ страстей и характеровъ; музыка въ это время выражаетъ то, чего не выразить словами, тонкіе оттѣнки чувства, характеръ общаго настроенія. Глазъ удовлетворенъ вполне художественною мимикою, живописною прелестью декорацій. Не правда ли, хорошо придумано? А между тѣмъ стоить только присмотрѣться, чтобы увидѣть, какое гнѣздо противорѣчій кроется подъ этими благовидными требованіями.

Начнемъ съ ихъ корня, съ парадоксальнаго мнѣнія, что истинное назначеніе музыки—сливаться съ словомъ и служить дополненіемъ поэзіи.

Мы знаемъ, что музыка выражаетъ душевныя настроенія, ту игру внутреннихъ ощущеній, для которой нѣтъ другихъ высшихъ зна-

ковъ, которая лишь отчасти отражается въ лирической поэзи. Многочисленныя и неудачныя попытки расширить область музыки достаточно доказали, что она ничего другаго выразить не можетъ. Но разнѣ выраженіе душевнаго настроенія можно назвать неяснымъ, непонимымъ, только потому, что при немъ не означены внѣшніе предметы, вызвавшіе это настроеніе? Развѣ наши внутренніе ощущенія зависятъ только отъ этихъ внѣшнихъ предметовъ? Конечно нѣтъ. Наша душевная и физическая организація тутъ играетъ такую важную роль, что часто одно и то же явленіе въ природѣ или въ жизни возбуждаетъ въ различныхъ натурахъ противоположныя настроенія. И наоборотъ, одно и то же настроеніе можетъ быть произведено въ различныхъ натурахъ самыми различными внѣшними и даже внутренними причинами. Отсюда видно, какъ бессмысленно стараніе найти буквальный смыслъ великаго музыкальнаго произведенія, какъ неумно обвиненіе въ неясности, на основаніи различныхъ толкованій, вызванныхъ однимъ и тѣмъ же музыкальнымъ твореніемъ. Возьмемъ для примѣра неподражаемое чудо искусства, Allegretto въ 7-й симфоніи Бетговена. Спросите у восторженныхъ слушателей, что имъ слышится въ этой музыкѣ? Одинъ вамъ скажетъ, что это молитва, другой, что это гимнъ любви, третій, что это восторженное стремленіе къ святому, великому дѣлу. Значитъ ли это, что смыслъ произведенія неясенъ и теменъ? Конечно нѣтъ. Это только значитъ, что страстная, восторженная грусть, которою вѣетъ изъ музыки Бетговена, соединяется въ иныхъ съ религиознымъ экстазомъ, въ другихъ съ пыломъ любви, съ чувствомъ внутренней борьбы передъ великимъ рѣшеніемъ. Представьте себѣ теперь ту же музыку, съ словами, хотя бы сочиненными самимъ Гёте. Слова эти должны бы были выражать опредѣленное чувство, опредѣленную страсть или желаніе. Они или бы портили впечатлѣніе для большей части слушателей, или бы ихъ совсѣмъ не стали слушать. Ясность и общепонятность музыки безъ словъ доказываетъ постоянно распространяющееся изученіе великихъ инструментальныхъ произведеній Баха, Гайдена, Моцарта, Бетговена, ихъ вѣчно свѣжая прелесть. Ошибка Вагнера состоитъ въ томъ, что онъ распространяетъ на всю область музыки то, что имѣетъ значеніе только для народной пѣсни. Тутъ действительно музыка и слова находятся въ необходимой, органической связи. Тутъ музыка и поэзія совпадаютъ. Слова выражаютъ настроеніе, звуки достигаютъ до крайняго предѣла характеристики. Понитно, что мастерскія пѣсни Гёте и Гейне, въ которыхъ такъ удачно схваченъ музыкальный характеръ народныхъ пѣсень, срослись въ сознаніи народа съ мелодіями, сочиненными къ нимъ великими композиторами.

Перейдемъ къ другому важному пункту въ ученіи Вагнера, — къ его взгляду на форму музыкальныхъ произведеній. Вагнеръ совершенно отвергаетъ, какъ бессмысленную и искусственную, форму

арий, дуэтовъ, и т. д., какъ мы ее видимъ въ написанныхъ прежде операхъ. Онъ очень справедливо замѣчаетъ, что при такой формѣ для слушателя исчезаетъ смыслъ отдельныхъ словъ и фразъ, и остается только общее музыкальное впечатлѣнiе. Намъ вместо этой художественной формы, общей всѣмъ музыкальнымъ произведенiямъ, онъ ставитъ форму, строго вытекающую изъ смысла текста. Не законы музыкальной архитектуры должны управлять развитiемъ мелодии, а развитiе мысли въ словахъ, на которыхъ она написана. Каждый стихъ, каждое слово, каждая характеристическая особенность рѣчи должна отражаться въ соответствующихъ музыкальныхъ фигурахъ такъ, чтобы внимательному слушателю представлялась въ рѣчи идеализированная, достигшая возможной полноты, человеческая рѣчь. Такимъ только образомъ, по мнѣнiю Вагнера, можно достичь въ музыкѣ полного соответствiя между формою и содержанiемъ.

Для опроверженiя этого мнѣнiя, намъ опять надобно обратиться къ исходной точкѣ. Содержанiемъ музыкальнаго произведенiя не можетъ быть опредѣленная мысль, выражающаяся въ драматической рѣчи. Поэтому и форма не можетъ быть почерпнута изъ этого содержанiя. Истинное содержанiе драматической музыки — настроенiе, въ которомъ находятся дѣйствующие лица. Посмотримъ, соответствуетъ ли ему та чисто-музыкальная форма, противъ которой такъ возстаетъ Вагнеръ.

Этотъ вопросъ вообще мало затронутъ до сихъ поръ критикою, даже въ Германiи, гдѣ такъ усердно занимаются съ одной стороны эстетикою, съ другой стороны музыкою. Всѣ музыкальные критики или ограничиваются, какъ почтенный авторъ *Писемъ о музыкѣ*, разсмотрѣнiемъ технической, внѣшней стороны музыкальнаго произведенiя, или, какъ приверженцы «музыки будущаго», стараются передать музыкальныя впечатлѣнiя безконечно изысканными и напыщенными фразами. А между тѣмъ, главный вопросъ остается нетронутымъ, именно вопросъ о сущности тѣхъ формъ, въ которыя вылились величайшiя произведенiя музыкальныхъ гениевъ всѣхъ временъ, о ихъ внутренней необходимости. Конечно, никто не вздумаетъ утверждать, что напримѣръ строго органическая форма симфонiи и сонатъ Гайдена, Моцарта, Бетгоvena — форма чисто произвольная, что fuga и сродныя съ нею формы только по капризу сочинителей употребляются въ церковной музыкѣ и вообще тамъ, гдѣ нужно выразить особенно полное и глубокое чувство; но при всемъ томъ, обыкновенно не даютъ себѣ отчета въ психологической необходимости этихъ формъ.

А между тѣмъ, это дѣло нельзя назвать невозможнымъ. Ограничусь нѣкоторыми намеками.

Если мы станемъ всматриваться въ образцы музыкальнаго искусства, то мы скоро увидимъ, что сущность ихъ формы — развитiе од-

ного или немногихъ простыхъ и значительныхъ мотивовъ, посредствомъ тематической обработки. Тутъ не мѣсто пускаться въ подробности относительно этого процесса, исчислять безконечныя средства, которыми владѣеть композиторъ, чтобы представлять одинъ и тотъ же мотивъ въ безконечно-разнообразныхъ видахъ, чтобы составлять его отдѣльные члены въ новыя, безконечно-разнообразныя сочетанія. Намъ тутъ занимаетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ такая обработка мотивовъ? Отчего такъ, а не иначе, построены тѣ музыкальныя піесы, которыхъ красота и сила не проходятъ съ годами и съ модою, но восхищаютъ насъ, какъ восхищали нашихъ дѣдовъ? Именно потому, что такъ, а не иначе, образуются, развиваются наши душевныя настроенія.

Заглянемъ въ нашу собственную душу. Когда нами всесильно овладѣваетъ какое-нибудь чувство, что происходитъ въ ея глубинѣ? Не равномерное, однообразное ощущеніе, еще менѣе быстрая смѣна разнообразныхъ настроеній. Нѣтъ, мы медленно вращаемъ это чувство въ душѣ своей, мы съ нимъ носимся, и стараемся придать ему болѣе ясности, всматриваемся въ него со всѣхъ сторонъ, пока, увидѣвши все, что въ немъ содержится для насъ: горя или радости, мы, успокоенные, получаемъ силу отъ него освободиться. И какъ полно, какъ ярко выражается этотъ внутренній процессъ въ твореніяхъ первоклассныхъ композиторовъ! Возьмемъ для примѣра первое allegro въ sonata appassionata (F-moll) Бетговена. Первые такты содержатъ элементы, изъ которыхъ передъ нами строится все это дивное изображеніе безграничной страсти. И это совершенно логично. Въ глубокой, таинственной тревогѣ, которою дышетъ начало этой піесы, уже заключена въ зародышѣ вся необоримая сила могучаго чувства, и когда изъ простой фигуры, выражающей эту пророческую тревогу, мало-по-малу, черезъ генильныя комбинаціи, развиваются безконечно богатая музыкальная фраза, выражающая всѣ степени страсти до самаго яркаго ея выраженія, наконецъ умолакающаго передъ строго-торжественными звуками *adagio*, о! тогда мы не можемъ не сознаться, что это чудо искусства вмѣстѣ съ тѣмъ чудо истины.

Само собою разумѣется, что каждая изъ отдѣльныхъ формъ тематической обработки имѣетъ свое опредѣленное значеніе, соответствуетъ какому-нибудь психологическому процессу, и что поэтому ихъ нельзя употреблять безъ разбора. Разсмотримъ для примѣра одну изъ этихъ формъ, противъ которой многіе возстаютъ, считая ее искусственною и произвольною. Я говорю о фугѣ. Ея сущность состоитъ въ томъ, что въ ней основная мелодія сопровождается не второстепенными голосами, служащими ей какъ бы дополненіемъ и украшеніемъ, но повтореніемъ той же самой мелодіи, только начинающейся нѣсколько позже, и въ извѣстномъ музыкальномъ интер-

валъ отъ перваго голоса. Такихъ повтореній можетъ быть и больше. Такимъ образомъ строится музыкальная пѣса, исполненная самаго строгаго единства. Главный мотивъ безпрестанно повторяется, оттъенный только различными комбинаціями своего собственнаго продолженія, уже звучащаго въ прежде-выступившихъ голосахъ. Въ этой формѣ написаны большая часть безсмертныхъ сочиненій Баха для фортепіано и безчисленное количество церковныхъ произведеній. Хорошо написанная фуга (и ихъ немного) всегда производитъ торжественное впечатлѣніе чувства, всеильно, нераздѣльно овладѣващаго душою. И это очень понятно. Мелодія, не требующая посторонняго украшенія, но въ самой себѣ находящая элементъ богатой, разнообразной гармоніи, конечно самое лучшее выраженіе для чувства, находящаго въ самомъ себѣ полное оправданіе, полное удовлетвореніе. Оттого-то фуга такая приличная форма для церковной музыки, оттого она порою является у Бетгоvena какъ вънѣцъ богатаго развитія музыкальнаго мотива, какъ выраженіе чувства, достигшаго торжественной полноты (1).

Извините это длинное отступленіе. Мнѣ было необходимо выставить всю важность тѣхъ началъ и формъ, которыя отрицаетъ Вагнеръ. Эти формы, эти законы, разумѣется, имѣютъ одинаковую силу для каждаго музыкальнаго творенія, будь это пѣсца для оркестра или рояля, для хора или отдѣльнаго голоса. Примѣромъ можетъ служить любая арія Генделя, Моцарта, Бетгоvena. Арія, сочиненная по принципу Вагнера талантливымъ композиторомъ, конечно будетъ имѣть свои достоинства. Она выставитъ ясно и ярко слова текста. Она удивитъ насъ искуснымъ приспособленіемъ модуляцій къ смыслу каждаго отдѣльнаго слова. Но это достоинства не музыкальныя, — и такая арія не можетъ имѣть музыкальныхъ достоинствъ, если композиторъ строго слѣдуетъ своему принципу.

Уже изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что это «Kunstwerk der Zukunft», это всецѣлое произведеніе, о которомъ мечтаетъ Вагнеръ, невозможно. Но положимъ, что я ошибаюсь. Положимъ, что есть возможность, при немзыкальной мелодіи, совершенно связанной рѣчью, произвести, посредствомъ оркестра на примѣръ, истинно

(1) Способъ, которымъ Бетгоvenъ употреблялъ фугированный стиль, часто смущалъ музыкальную критику. Такъ на примѣръ въ вышедшей годъ тому назадъ книгѣ Бетгоvenъ, нашъ соотечественникъ, г. Ульбышевъ сильно порицаетъ фугато, помѣщенное Бетгоvenомъ въ allegretto 7-ой симфоніи. Мнѣ оно кажется совершенно уместно по вышеназваннымъ причинамъ. Вообще талантливый авторъ доказалъ своею книгою недостаточное пониманіе музыки Бетгоvena. Его суевѣрное углубленіе въ музыку Моцарта очевидно довело его до убѣжденія, что нѣтъ спасенія внѣ сферы, очерченной гениальнымъ композиторомъ, и что несомнѣнное расширеніе сферы музыкальнаго выраженія въ твореніяхъ Бетгоvena — отъ лукаваго.

музыкальное настроеніе. Положимъ, однимъ словомъ, что есть возможность одновременно довести до слуха публички слова величавой драмы и музыку, вполне соответствующую настроенію каждаго данного момента въ дѣйствіи. Была ли бы этия достигнута цѣль Вагнера? Прямо можно отвѣчать, что нѣтъ, а именно по слѣдующей причинѣ. Человѣческаго вниманія не хватитъ на то, чтобы исполнѣ преслѣдовать и всѣ тонкости рѣчи, и всѣ отгѣвки музыки. Вспомнимъ силу и полноту впечатлѣнія, которое производитъ, съ одной стороны, хорошо сыгранная сцена изъ *Донъ-Карлоса* или *Отелло*, съ другой—хорошо сытая сцена изъ *Донъ-Жуана* или *Фиделіо*. Какая душа вмѣститъ въ одно время два такіа впечатлѣнія? А мы видѣли, что слить ихъ всеодно невозможно, потому что диалектика мысли и страсти въ человѣческой рѣчи слѣдуетъ другимъ законамъ, чѣмъ диалектика музыкальнаго выраженія.

Но, спросите вы послѣ этого, чѣмъ объяснить несомнѣнный успѣхъ оперъ Вагнера? Чтѣ составляетъ ихъ прелесть? Отчего онѣ удовлетворяютъ ту часть публики, которая столько развита, что не можетъ восхищаться произведеніями Беллини и Верди съ ихъ безсвязнымъ рядомъ издрильныхъ мелодій, и операми Мейербергера съ ихъ сухимъ трескомъ и эффектами? Это превосходитъ оттого, что Вагнеръ, несмотря на свои нелѣпыя теоріи, несмотря на бездарность, выражающуюся въ его литературныхъ произведеніяхъ, все-таки обладаетъ глубокимъ и тонкимъ музыкальнымъ дарованіемъ, и работаетъ съ тою строгою добросовѣстностію, которая сдѣлала такую рѣдкостію въ музыкальномъ мірѣ. Онъ съ страстною любовью углублялся въ сюжеты своихъ оперъ, и съ рѣдкимъ счастьемъ создалъ мотивы, исполнѣ соответствующіе настроенію этихъ сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ сказочнаго міра. Если сцены, гдѣ играетъ роль чувство, подчасъ утомительны по ложному способу характеристики, то онѣ всегда интересны по самой своей музыкальной техникѣ. Если количество мотивовъ въ каждой оперѣ чрезчуръ ограничено, то взаимнѣ они удачно изобрѣтены, и ихъ разнообразныя повторенія голосами и оркестромъ всегда тонко обдуманы и мастерски исполнены, благодаря глубокому знанію всѣхъ средствъ и условій инструментации. На этомъ—то поприщѣ, въ полномъ обладаніи музыкальнымъ колоритомъ, ему удалось достигнуть дивныхъ результатовъ. Я упомяну только о первомъ чудесномъ появленіи Логенгринна въ оперѣ того же имени, о свадебномъ маршѣ тамъ же, о маршѣ въ *Таммомейзеръ*, о дивной характеристикѣ тревожной усталости и желанія покоя во всей инструментации *Летучаго Голландца*. Во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ и многихъ другихъ, гдѣ дѣло идетъ не о выраженіи опредѣленнаго чувства, а о выраженіи настроенія, видна рука мастера.

Вообще, художественный инстинктъ Вагнера такъ силенъ, что

вернее спасает его от тупого приложения его собственных теорий, или ведет его самым дальним путем к верному результату. Тамъ, наврядли, во всемъ своихъ сочиненіяхъ онъ самымъ напираетъ на необходимость выбирать для драмъ сюжеты мнѣшества. Только такимъ образомъ, по его мнѣнію, драма и въ наше время можетъ достичь полного развитія и того всенароднаго значенія, которое она имѣла въ древней Греціи. Изъ этого онъ заключаетъ, что и опера, это высшее развитіе драмы, должна имѣть мнѣшечское содержаніе. Въ этомъ послѣднемъ положеніи онъ совершенно правъ. Мнѣшечское содержаніе дѣйствительно чрезвычайно удобно для оперы, не по тому, по чему думаетъ Вагнеръ. Мнѣшечскій сюжетъ именно уместенъ въ оперѣ, потому что онъ неумѣстенъ въ современной драмѣ. Ибо тѣ, что воплощеніе внутреннихъ мотивовъ дѣйствія въ осязаемыя, видимыя явленія, очень истинно въ оперѣ, гдѣ слушателью никогда скучно мнѣшину преслѣдовать психологическій процессъ въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Напротивъ того, въ драмѣ намъ именно нуженъ этотъ процессъ, со-всѣмъ его отбѣнками, во всей его видоизменяющейся волнѣ, и мы остаемся холодны передъ его суммарнымъ символамъ, передъ мнѣшечскимъ чудомъ, совершающимся на сценѣ посредствомъ розоваго тарлатана и бенгальскаго огня. Такимъ образомъ случилось, что Вагнеръ написалъ для своихъ оперъ тексты весьма удобные и приличные, хотя и лишенные всякаго драматическаго достоинства. Его слишкомъ интимный другъ, Францъ Листъ, сравниваетъ ихъ съ произведеніями Шекспира! Чего не выносите бумага!

Теперь Вагнеръ работаетъ надъ громадною оперой, сюжетъ которой взятъ изъ *Письмъ о Нибелунгахъ*. Она уже разрослась подъ его руками въ трилогію, требующую трехъ вечеровъ для представленія, съ прологомъ, на который пойдетъ четвертый вечеръ. Нельзя не пожалѣть о выборѣ такой формы. Она сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ полное представленіе новой оперы Вагнера. Опытъ показалъ, что даже *Валлемиотъ* не въ силахъ привлечь въ театръ два вечера сряду одну и ту же публику. При всемъ уваженіи къ таланту Вагнера, не смѣю надѣяться, чтобы его новое твореніе произвело надъ публикою чудо, не удавшееся Шиллеру.

У Вагнера много приверженцевъ, но нельзя сказать, чтобы у него была школа. Этого имени нельзя дать молодымъ людямъ, собирающимся въ Веймаръ около Листа. Да и самъ Листъ въ усиленной композиторской дѣятельности, которой онъ предается съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть странствующимъ виртуозомъ, произвелъ вещи такою разнообразнаго стила, что его нельзя назвать композиторомъ одинаковаго направленія съ Вагнеромъ. Среди безконечнаго множества піесъ, написанныхъ Листомъ для фортепіано, для голосовъ и для оркестра, вы найдете все: и отголоски Шопена, и опыты характе-

ристической музыки на опредѣленную программу, и возвращеніи къ чисто-музыкальному стилю. Во многихъ изъ этихъ вещей замѣтны и трудъ, и вкусъ, и знаніе; но онѣ всѣ носятъ печать глубочайшаго безсилія, совершеннаго отсутствія творческаго духа. Трудно рѣшить, недостатокъ ли это природнаго дарованія, или неизбѣжная Немезида двадцати лѣтъ, проведенныхъ въ угожденіи вкусамъ и капризамъ концертной публики.

Перехожу къ другому явленію въ художественной жизни Веймара, конечно не столь поразительному и яркому, но за то болѣе полному и утѣшительному. Я говорю о дѣятельности ландшафтнаго живописца Фридриха Преллера, постоянно живущаго въ Веймарѣ. Въ Преллерѣ поражаетъ рѣдкое сочетаніе двухъ большихъ достоинствъ. Онъ вполне оригиналенъ, а между тѣмъ вполне воспользовался всеми преимуществами современной ландшафтной школы.

Въ Германіи, какъ и вездѣ въ настоящее время, въ ландшафтной живописи преобладаетъ натурализмъ. Идеалистъ Кохъ остался безъ послѣдователей, и немногіе дюссельдорфскіе пейзажисты, слѣдующіе подъ влияніемъ Ширмера нѣсколько сходному направленію, не имѣютъ особеннаго значенія. За то пейзажная техника и строго-натуралистическое направленіе процвѣтаютъ. Братья Ахенбахъ, Гуде, Гильдебрандтъ, Гоге и многіе другіе изумляютъ публику своею постоянно возрастающею виртуозностію въ передачѣ всѣхъ возможныхъ освѣщеній, всѣхъ особенностей въ изломѣ скалъ и въ раздробленіи морскихъ волнъ о берегъ. Преллеръ обладаетъ всеми достоинствами этой школы. Мастерски передаетъ онъ характеристическія красоты растительныхъ формъ, безконечно разнообразную игру свѣта на небѣ и морѣ, бурныя волны и дикія скалы. Но онъ этимъ не ограничивается. Онъ умѣетъ пользоваться этими драгоценными преимуществами лучше, чѣмъ большая часть современныхъ пейзажистовъ. Его картины не снимки съ опредѣленнаго явленія въ природѣ, а округленныя, исполненныя поэзіи творенія. Нельзя довольно хвалить композицію его картинъ, тотъ художественный тактъ, съ которымъ онъ соглашаетъ характеръ ландшафта съ характеромъ помѣщаемыхъ въ немъ фигуръ. Кто, проѣзжая черезъ Веймаръ, не восхищался сказочною прелестью его пейзажей изъ «Оберона», украшающихъ комнату Виланда во дворцѣ? Кто не останавливался, когда ему попадалась на глаза одна изъ его многочисленныхъ картинъ, разбросанныхъ по частнымъ коллекціямъ?

Но всего болѣе поразили меня его картоны къ «Одиссеѣ». Они въ нынѣшнемъ году съ успѣхомъ объѣхали всѣ выставки въ Германіи. Эти картоны онъ исполнилъ, чтобы сохранить композицію фрескъ, писанныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лейпцигѣ, въ такъ-называемомъ Римскомъ домѣ, и сильно пострадавшихъ отъ сырости. Онъ имѣлъ счастливую мысль представить сцены изъ «Одиссеи» въ

богатыхъ, строго обдуманыхъ ландшафтахъ. И это ему вполне удалось. Благородный рисунокъ фигуръ, ихъ гармоническая группировка, пейзажъ, исполненный мѣрной красоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ движенія и жизни, все это прекрасно передаетъ характеръ гомеровской поэзіи. Да, мнѣ кажется, что при изображеніи судьбы Одиссея нельзя было поступить иначе, что необходимо было дать мѣсто въ картинахъ и этому бурному морю, такъ долго носившему туда и сюда многоиспытаннаго странника, и разнообразнымъ формамъ льсовъ и горъ въ странахъ, куда заносила его судьба. И во всѣхъ этихъ картинахъ, бурное море, грозныя скалы и потрясенныя вѣтромъ могучія вершины деревъ возбуждаютъ въ зрителѣ меланхолическое чувство долгаго, тревожнаго странствія, съ его опасностями и тоскою, то самое чувство, съ которымъ мы читаемъ безсмертную повѣсть о странникѣ Одиссѣѣ.

Не хочу кончить моего письма, не упомянувши о большомъ археологическомъ и художественномъ предпріятіи, быстро подвигающемся впередъ подъ влияніемъ веймарскаго правительства. Это—возобновленіе Вартбурга, этого палладіума германской національности. Мало есть пунктовъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы соединялось такое богатство природныхъ красотъ, поэтическихъ преданій и великихъ историческихъ воспоминаній. Эти величавыя горы, эти волшебныя лѣса, эти дикія ущелья уже сами по себѣ сдѣлали бы изъ окрестностей Эйзенаха одну изъ очаровательнѣйшихъ мѣстностей въ Германіи. И въ этомъ—то пунктѣ, какъ нарочно, сосредоточиваются преданіе о Св. Елизаветѣ и о состязаніи миннезингеровъ, воспоминанія о самомъ рѣшительномъ моментѣ реформаціи, и наконецъ о пробужденіи въ Германіи новаго духа, національнаго и свободнаго. Понятно, что въ Германіи требовательны къ работамъ, производимымъ на Вартбургѣ. Къ сожалѣнію, эти работы не соотвѣтствуютъ всѣмъ возможнымъ требованіямъ.

Спѣшу прибавить, что возобновленіе Вартбурга, какъ всѣ реставраціи, производящіяся теперь въ Германіи, отличается строгою добросовѣстностію. Живописное зданіе у входа, такъ-называемый Ritterhaus, гдѣ Лютеръ перевелъ Библию, никогда не приходило въ упадокъ и оставлено въ прежнемъ видѣ. Главный корпусъ возобновляется подъ руководствомъ Ритгена, въ романскомъ стилѣ. На пластическія украшенія внутренности и внѣшности замка потрачено значительное количество остроумія и эрудиціи. Жаль, что ихъ изобрѣтеніемъ и расположеніемъ не управлялъ болѣе художественный вкусъ. Такъ напримѣръ, огромная, не симметрическая банкетная зала, помѣщенная подъ крышею, производитъ самое непріятное впечатлѣніе. Узорчатая живопись стѣнъ, пестрая толпа символическихъ животныхъ, поддерживающихъ потолокъ, не даютъ успокоиться взору. Нѣтъ спора, что такія украшенія совершенно умѣстны въ зданіи романскаго стиля.

Но не менѣе умѣстно было бы при этомъ случаѣ подражать средне-вѣковымъ постройкамъ и въ строгомъ подчиненіи пластическихъ украшеній подъ архитектурическія условія, составляющемъ въ нихъ особенную прелесть. Не менѣе страненъ эффектъ, который производитъ огромный грифель, поставленный на крышѣ. Позитура этого чудовища, когда на него смотришь снизу, верхъ комизма. Гораздо замѣчательнѣе фрески, украшающія стѣны обновленнаго замка, большею частію творенія Морнца Шванда. Нельзя не пожалѣть, что до неимовѣрности тусклый и мертвый колоритъ значительно портитъ производимое ими впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, большая картина въ Залѣ Пѣвцовъ, изображающая состязаніе миннезингеровъ, просто наводитъ тоску, несмотря на удачную композицію. Знаменитыя фрески, изображающія житіе Св. Елизаветы, грѣшатъ и въ другомъ отношеніи. Стараніе придать композиціи наивный характеръ средне-вѣковаго произведенія мѣстами доходитъ до нестерпимой манерности. За то, помѣщенные между ними медальоны, съ изображеніемъ дѣл милосердія Св. Елизаветы, заслуживаютъ полной похвалы по прекрасной, простой и разнообразной композиціи. Вообще, возобновеніе стариннаго зданія, полнаго чудныхъ легендъ и преданій, и изображеніе этихъ легендъ на самыхъ стѣнахъ зданія—дѣло чрезвычайно щекотливое. Сколько изящества, сколько тонкаго пониманія нужно для того, чтобы не стереть рѣзцомъ и кистью того поэтическаго колорита, который озарялъ эти старинныя, полуразвалившіяся стѣны!

Впрочемъ, противъ способа возобновенія Вартбурга можно сдѣлать возраженіе, еще болѣе серіозное. Въ полномъ блескѣ возобновлено все то, чтò напоминаетъ времена рыцарства и веселое житіе ландграфовъ Турингскихъ. Ихъ исторіи посвящены всѣ фрески. Ихъ гордый домъ высоко вознесъ свою башню и исключительно привлекаетъ вниманіе; но ни единой картины, ни малѣйшаго памятника въ честь того витязя, который, съ высоты этого замка, освободилъ міръ отъ тмы и духовнаго рабства, и даже ни единой надписи, напоминающей о славномъ времени войнъ освобожденія.

Наконецъ, эта реставрація существенно измѣняетъ характеръ, приобрѣтенный почтеннымъ зданіемъ, въ томъ отношеніи, что она снова дѣлаетъ изъ него дворецъ, резиденцію.

Положеніе Вартбурга въ самомъ центрѣ Германіи, его богатые національныя воспоминанія, дѣлали изъ него самый удобный пунктъ для собраній, имѣющихъ общегерманскій характеръ. Теперь, разумѣется, онъ не можетъ болѣе имѣть этого значенія.

С. Рачинскій.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11-го октября.

Давно не писалъ я къ вамъ; я былъ боленъ и два мѣсяца не выходилъ изъ квартиры. Много совершилось въ это время въ Парижѣ, гдѣ какъ въ волшебномъ фонарѣ отражается жизнь цѣлой націи; много фактовъ смѣнились одни другими, и я право не знаю, съ чего начать, приступая къ моему отчету о здѣшней жизни. Чтобы знать, что дѣлается въ свѣтѣ, надобно посѣщать этотъ свѣтъ, а я вынужденъ былъ выдержать двухмѣсячный карантинъ, и въ это время нить событій ускользнула изъ рукъ моихъ.

Корреспондентъ долженъ знать все, что дѣлается въ городѣ, во всѣхъ слояхъ его населенія, во всѣхъ сферахъ его жизненной дѣятельности; онъ долженъ быть *un homme renseigné*, а чтобы быть такимъ *esvevdomъ*, много трудовъ и заботъ предстоитъ ему.

Не трудно, кажется, собирать вѣсти тамъ, гдѣ онѣ растутъ на плодородной мостовой, какъ хлѣбъ на нивѣ, но трудно отдѣлять плевелы отъ пшеницы, а въ этомъ—то и состоитъ все искусство корреспондента. Повѣрите ли, что я даже избѣгаю встрѣчи съ услужливыми, милыми болтунами, которыхъ здѣсь называютъ *впстовциками*, *les hommes aux nouvelles*; съ ними не долго до бѣды, а ихъ на бѣду встрѣчаешь на каждомъ шагу. Въ этомъ отношеніи я веду себя совершенно противоположно съ моими собратами по *журнализму*, которые всѣ страдаютъ *горячкою новостей*, одною изъ самыхъ злокачественныхъ горячекъ. Я разкажу вамъ исторію этой болѣзни.

Въ то время, какъ новый законъ о книгопечатаніи подрѣзалъ крылья парижскимъ публицистамъ, общественный умъ, не находя чѣмъ поживиться на полѣ журнальныхъ политическихъ преній, съ жадностію кинулся на новую умственную пищу, мало извѣстную до тѣхъ поръ, и создалъ новый родъ журнала, названный *le petit journal*. Этотъ *petit journal* живетъ скандальными исторіями, критикою на личности, модными пѣснями, модными сочиненіями, блескомъ современныхъ знаменитостей, а болѣе всего деньгами своихъ акціонеровъ. *Le petit journal* появился во Франціи въ половинѣ XVIII столѣтія, во времена Гримма и Фонтенеля; одинъ изъ современныхъ естествоиспытателей (*Dubreuil*), изучивъ это новое растеніе, прозвалъ его *planta venenosa*. Во времена Вольтера и Руссо это ядовитое растеніе, по недостатку охотниковъ и воздѣлывателей, было покинуто и забыто. Во второй половинѣ XIX вѣка вспомнили о растеніи г. Дюбрѣйля. Вильмесо и Жувенъ завели новый питомникъ, нашлись охотники, и толпа зѣвакъ и любителей цвѣтоводства тѣснится около *Финаро* (главнаго депо ядовитаго растенія), чтобы достать сѣмень и

развести *le petit journal* вездѣ, гдѣ онъ примется; Парижане, исконные охотники до нововведеній, усердно объ этомъ хлопочуть.

Но растеніе *le petit journal*, долго оставленное безъ попеченій, расло дико, переродилось, и сѣмена его дали другой видъ, правда, столь же ядовитый, но не тождественный съ прежнимъ растеніемъ, отличающійся отъ него индивидуальными особенностями. Выведенный нынѣ видъ *маленькаго журнала* не растетъ одиноко, а всегда вмѣстѣ съ другимъ растеніемъ, прозваннымъ *парижская хроника*; она поддерживаетъ растительность и развитіе *маленькаго журнала*, передавая ему свои соки, свою жизненность, и обвиваясь вокругъ него какъ плющъ вокругъ сосѣдняго дерева. На это чужеродное растеніе нашлось множество потребителей, и оно приноситъ своимъ воздѣльвателямъ болѣе выгодъ, чѣмъ всѣ образцовыя произведенія времени Перикла, Августа, Льва X и Лудовика XIV.

Изъ цвѣтовъ *хроники* извлекають сокъ, сладкій на вкусъ, но наркотическаго свойства, такъ что продолжительное употребленіе его производитъ болѣзнь изъ рода церебральныхъ: неодолимое отвращеніе отъ умственныхъ трудовъ и отъ серьезной и усидчивой работы. Вотъ болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, и которую я прозвалъ *горячкою новостей*; понятно, что болѣзнь эта хроническая.

По мѣрѣ распространенія *маленькаго журнала*, распространилась и *хроника* и нашла въ публикѣ много приверженцевъ. Но чтобы воздѣлывать эту лѣтопись парижской жизни, нужно было создать лѣтописцевъ; потребность породила это многочисленное племя людей отважныхъ, предприимчивыхъ, вмѣшивающихся во всѣ дѣла, проникающихъ въ семейный кругъ, вывѣдывающихъ задушевные тайны, и угрожающихъ отбить хлѣбъ у образованнаго и мирнаго поколѣнія дѣльныхъ и серьезныхъ журналистовъ.

Дѣлать было нечего, и серьезные журналы, по примѣру *маленькаго*, развели свои разсадники *хроники*. Журнальный лѣтописецъ владѣетъ теперь маршальскимъ жезломъ на умственныхъ маневрахъ Парижа. Онъ получилъ значеніе, онъ сдѣлался нужнымъ, рѣдкимъ человѣкомъ, имъ дорожатъ, его ищуть; требованія на лѣтописцевъ растутъ, умножаются; лѣтописецъ теперь цѣнный товаръ на рынкѣ умственной торговли, вѣрное средство для выгодной эксплуатаціи капиталовъ, чистое золото для спекулянта.

Журнальный лѣтописецъ видитъ это, онъ знаетъ себѣ цѣну, и гордится своимъ общественнымъ положеніемъ. Онъ знаетъ, что его предпочтутъ многимъ даровитымъ писателямъ и цѣлой ватагѣ поэтовъ, которые теперь ни къ чему не нужны. Почему же такъ? спросать мои читатели. О добрыя души!

«O, nimium felices, animae simplices!»

Потому что онъ *un homme renseigné*, всевѣдецъ; потому что знаетъ все, что дѣлается и въ бѣдномъ предмѣстьѣ Сентъ-Марсель или въ

кварталъ Монфетэръ, и въ роскошныхъ палатахъ бульваровъ и Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, и въ скромномъ пріютѣ студента, и въ пышномъ дворцѣ вельможи и банкира. Онъ перечесть вамъ по пальцамъ все, что дѣлается, что говорится, что готовится, что разрабатывается за кулисами театровъ, въ департаментахъ всѣхъ министерствъ, въ редакціяхъ всѣхъ журналовъ, въ литературныхъ, политическихъ и коммерческихъ кружкахъ, въ ученыхъ обществахъ, въ будуарахъ дамъ, въ прихожей дипломатовъ, въ салонахъ современныхъ политическихъ знаменитостей и въ кабинетахъ минувшей славы. Поговорите съ нимъ, онъ скажетъ вамъ *ce que fait Pierre, ce que pense Paul*, что дѣлаетъ Петръ, что думаетъ Павелъ, какой романъ пишетъ такой-то писатель, какую драму будутъ играть чрезъ шесть мѣсяцевъ, какъ зовутъ послѣдняго любовника актрисы Trois-Étoiles, кто изъ дипломатовъ отправляется изъ Парижа, кого изъ нихъ ожидаютъ въ Парижъ, о какомъ новомъ законѣ будутъ чрезъ недѣлю пренія въ законодательномъ собраніи, кто изъ артистовъ женится, долго ли танцовали на послѣднемъ вечерѣ у К***, сколько вышло мороженого на послѣднемъ балѣ при дворѣ. Заведите съ нимъ разговоръ интимный, конфиденціальный, заставьте его, какъ говорится, распахнуть душу, и онъ скажетъ вамъ съ небрежною важностію:

— Альфонсъ Карръ малый съ дарованіемъ, и примолвить, поправляя прическу: — да, право, онъ малый не глупый, съ сердцемъ... но... но...

— Но что жь? спросите вы съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Но... но, вопервыхъ, онъ не знаетъ новостей; скажите мнѣ, въ состояніи ли онъ узнать, что вокругъ него дѣлается? соберетъ ли онъ хотя десятокъ новостей на день?

— Да, въ этомъ отношеніи вы правы...

— А это важное дѣло, очень важное дѣло, кивнувъ головой, скажетъ вамъ журнальный лѣтописецъ. — Не будь я лѣтописцемъ, я хотѣлъ бы быть даровитымъ романистомъ. Ну, такъ я скажу вамъ, что Альфонсъ Карръ — я стою на своемъ — Альфонсъ точно малый съ головой, у него есть извѣстнаго рода умъ, но за нимъ водится грѣхъ, непростительный грѣхъ. Напримѣръ, онъ печатаетъ теперь свой романъ-фельетонъ въ журналѣ *Presse*; три нумера уже вышли. Что же, вы думаете, онъ сдѣлалъ? заглядѣлся, бѣдняжка, на хорошенькіе глазки герцогини Б... да и разкажи ей цѣлехонкій романъ и съ развязкою, не пропустивъ ни малѣйшаго обстоятельства.

Я самъ, я, пишущій эти строки, слышалъ собственными ушами, какъ одиенъ изъ этихъ господъ-лѣтописцевъ разказывалъ содержаніе романа, который Теофилъ Готье печаталъ въ Монитерѣ, и котораго появилось только три фельетона.

Знаете ли, какимъ вопросомъ встрѣчаютъ въ редакціи литератур-

наго журнала молодого человѣка, окончившаго курсъ въ какомъ-нибудь высшемъ учебномъ заведеніи и рѣшившагося сдѣлаться литераторомъ?

— Вы хорошо учились, м. г., это видно; вы хотите посвятить себя литературѣ—доброе дѣло, хорошее дѣло; но позвольте васъ спросить, *êtes vous bien renseigné?* въ состояніи ли собирать нужныя для журнала свѣдѣнія?

Если молодой человѣкъ не знаетъ этой сноровки, ему откажутъ, его не примутъ въ сотрудники журнала.

Хотите ли теперь узнать, какъ лѣтописецъ собираетъ новости?

Онъ встаетъ въ десять часовъ. Поздно, думаете вы? не бойтесь за него; у великихъ людей на все стаетъ времени, даже и на лѣность. Одѣваясь, онъ принимаетъ друзей и пріятелей, которыхъ у него великое множество; нѣкоторые изъ нихъ приходятъ *à son lever*, къ его выходу, провѣдать о его здоровьѣ и разказать, что провѣдали въ городѣ. Одѣвшись, лѣтописецъ отправляется завтракать въ *Café des Variétés* или въ *Divan Lepelletier*, гдѣ собираются литераторы. Этотъ кофейный домъ настоящій караванъ-сарай литературы; изъ числа ста посѣтителей восемьдесятъ принадлежатъ къ пишущей братіи.

Здѣсь самъ хозяинъ заведенія не чуждъ современнымъ вопросамъ; онъ знаетъ, что дѣлается въ свѣтѣ изящныхъ искусствъ, онъ составилъ себѣ свое мнѣніе о Викторѣ Гюго и о Ламартинѣ, и только на нѣкоторыхъ условіяхъ допускаетъ преобладаніе романтиковъ. Его конторщица также имѣетъ свои убѣжденія о картинахъ Делакруа и Энгра. Литература и искусства составляютъ атмосферу этого заведенія. Здѣсь пишущей братіи легіонъ, начиная отъ писателей, обсуживающихъ вопросъ о туземномъ и гессенъ-кассельскомъ сахарѣ, до сочинителей плохихъ водевилей и пѣсень.

Черезъ полчаса нашъ лѣтописецъ выноситъ съ собою, какъ говорится, цѣлый коробъ новостей. Онъ знаетъ на нѣсколько дней впередъ репертуаръ всѣхъ театровъ; онъ слышалъ всѣ закулисныя сплетни; литературные критики сообщили ему о всѣхъ образцовыхъ произведеніяхъ пера и кисти, которыя вскорѣ появятся въ свѣтѣ; словомъ, онъ можетъ отвѣчать на всѣ вопросы самаго прихотливаго любопытства.

Но лѣтописецъ еще не вполне доволенъ своимъ запасомъ. Онъ выходитъ на улицу слѣдить за движеніемъ парижской жизни. На перекресткѣ онъ встрѣчается съ двумя пріятелями, которые разкажутъ ему объ извѣстной сватбѣ, о славной покражѣ, о любовномъ приключеніи прославленной смиренницы, о банкротствѣ какого-нибудь креза финансовой аристократіи и пр. и пр.

Если у васъ есть сапоги скороходы, вы можете слѣдовать за

моимъ героемъ, и увидите его, то у знаменитаго ружейника, которы объясняетъ ему механизмъ изобрѣтеннаго имъ ружья, то у чиновника управленія желѣзныхъ дорогъ, гдѣ онъ разсматриваетъ рисунокъ вагона-комнаты (*wagon-salon*), приготовленной для императорской фамилии, то на биржѣ за справкою курса фондовъ.

Но жизнь не всегда улыбается этому протѣю. Часто, въ дождь или свѣгъ, онъ мѣситъ грязь по парижскимъ улицамъ; вынужденъ иногда въ одинъ день два раза пообѣдать, три раза позавтракать и пять разъ выпить кофе передъ самымъ обѣдомъ, когда кто-нибудь изъ *свѣдущихъ специалистовъ* вызовется разказать ему новость по своей части, за чашкою кофе, за бараньею котлеткой или за скромнымъ обѣдомъ въ Луврской гостиницѣ или у Вефура. Лѣтописецъ приметъ это предложеніе, еслибъ онъ и сейчасъ только пообѣдалъ. Ему приходится иногда, скрѣпя сердце, цѣлый часъ слушать заунывные романы, которые такъ охотно поетъ дѣвица Б***, дочь инспектора изящныхъ искусствъ, прилепывая не впопадъ по клавишамъ разстроеннаго піанино.

Обогативъ память и свою записную книжку всякими новостями, лѣтописецъ садится за письменный столъ и приступаетъ къ самому легкому изъ всѣхъ занятій по своей должности. Писать для него забава, отдохновеніе. Онъ пишетъ что попало и какъ попало, лишь бы разказать все, что видѣлъ и слышалъ. За небрежность слога съ него не взыскиваютъ: новостей, новостей и новостей! кричатъ ему редакторъ и публика.

Зная шноровку какъ добывать новости, можно быть хорошимъ лѣтописцемъ парижскаго журнала, и исправнымъ корреспондентомъ французской провинціальной газеты. Но къ чему послужить это умѣнье для корреспондента серьезнаго журнала, издаваемаго въ Россіи? Не говоря уже о томъ, что большая часть нашихъ новостей утратитъ у васъ свой мѣстный интересъ, слѣдуетъ взять въ соображеніе и то, что пожирающая Парижъ *горючка новостей* вѣроятно еще не проникла въ Россію, куда наши нововведенія не такъ скоро достигаютъ, и что читателей русскаго журнала, не привычныхъ къ наслажденію жить чужою жизнью, нельзя удовлетворить городскими сплетнями и закулиснымъ скандаломъ.

Итакъ я долженъ искать для васъ новостей, которы имѣли бы общій интересъ, долженъ выбирать, изъ этой бездны вѣстей, которая кипитъ передо мною, такъ что голова кружится. Но приступая къ описанію парижской жизни, послѣ продолжительнаго молчанія, я обязанъ сначала свести счеты со смертію, похитившею у насъ въ этомъ году много людей замѣчательныхъ. Я уже говорилъ въ прошломъ письмѣ о нѣкоторыхъ изъ умершихъ знаменитостей. Всплѣдъ за Тенаромъ, Мюссе, Сямаромъ, Деларошемъ, Беранже, Сю, умерли Лерминье и Манинъ. О Лерминье поговоримъ мы въ концѣ этого

письма ; сначала сообщимъ читателямъ краткій некрологъ Манина, бывшаго президента и мужественнаго защитника Венеціанской республики, который еще недавно воскресилъ давно умершую паріу Адриатики и хотя на мгновеніе далъ ей дохнуть европейскою жизнію.

«Манинъ, пишутъ въ одномъ изъ парижскихъ обзорѣній, бытъ-можетъ заблуждался и въ своихъ помыслахъ и въ своихъ соображеніяхъ, но несправедливо было бы смѣшивать его съ демагогами, съ фанатическими возмутителями какъ Мадзини. Изъ всѣхъ сыновъ Италіи, онъ и король Карлъ-Альбертъ, вѣрнѣе всѣхъ исполнили долгъ свой въ 1848 году.

«Не только враги, но часто и друзья Венеціи смѣшивали ея политическія дѣла съ общимъ дѣломъ всѣхъ европейскихъ революцій того времени. Не слѣдуетъ однако забывать, какъ много отличалась отъ нихъ эта республика, сама собою возникающая въ городѣ лагуны и олицетворившаяся въ человѣкѣ, который случайно носилъ одинаковое имя съ послѣднимъ изъ дождей, хотя и не принадлежалъ къ этой фамиліи.

«Движеніе Венеціи (продолжаютъ тамъ же) не угрожало Европѣ, не было покушеніемъ на независимость Италіи, какъ эти возмутительныя республики, которыя возставали въ разныхъ мѣстахъ полуострова, собирая подъ свои знамена всѣ анархическія страсти. Республика Мадзини въ Римѣ была низверженіемъ существовавшаго порядка вещей; республика Манина только новою формою независимости Италіи. Венеція осталась чуждою въ 1848 году всѣхъ неистовствъ, опозорившихъ тогдашнее великое движеніе; она отличилась только сопротивленіемъ своимъ Австріи во время продолжавшейся цѣлый годъ осады, и въ этой-то драмѣ Даниилъ Манинъ игралъ замѣчательную роль, то однимъ словомъ укрощая возмущенія, то бесѣдуя съ этимъ впечатлительнымъ народомъ, пришедшимъ просить у него хлѣба или оружія, то учреждая правленіе и вдыхая хотя искусственную жизнь въ несчастную Венецію.»

Манинъ отличался въ особенности стойкію своихъ убѣжденій и твердою волею. Испытанія, которыя онъ долженъ былъ вынести, злоба и неблагодарность людей, жестокость враговъ, ежечасно возрастающая затруднительность положенія, частыя неудачи, недостатокъ средствъ, ничто не смущало его, ничто не могло поколебать въ немъ на одно мгновеніе вѣры его въ будущность Италіи и любви его къ родинѣ, свобода которой была его любимою мечтою.

Его преданность дѣлу Италіи, его любовь къ свободѣ не были въ немъ выраженіемъ юношеской восторженности; онѣ пробудились въ немъ не пыломъ борьбы, не муками неукротимаго честолюбія. Любовь къ свободѣ и родинѣ лежали глубоко въ этой чистой натурѣ, какъ основа его нравственнаго существа, и потому онъ не только не унывалъ отъ неудачъ, но онѣ придавали ему новыя силы, новую дѣятельность.

Данилъ Манинъ родился въ началѣ нашего столѣтія. Отецъ его былъ Еврей, принявшій крещеніе уже послѣ рожденія сына своего Данила. Съ первой молодости Манинъ посвятилъ себя изученію юриспруденціи и дипломъ доктора правъ получилъ семнадцати лѣтъ. Онъ женился молодъ, еще не достигнувъ совершеннолѣтія, и вскорѣ былъ главою многочисленнаго семейства, которое содержалъ своими трудами. Еще въ молодости, будучи безвѣстнымъ адвокатомъ, онъ задумалъ освободить свою родину отъ тяжкаго господства Австрій.

Одаренный умомъ прямымъ и практическимъ, онъ не хотѣлъ въ мгновенныхъ вспышкахъ мятежа или во мракѣ тайныхъ обществъ искать орудія для освобожденія Италіи; онъ рѣшился дѣйствовать медленно, осторожно, избѣгая шума и всякой драматической обстановки, но за то слѣдуя вѣрнымъ путемъ къ предпринятой цѣли. Онъ не хотѣлъ начать революціей съ нижнихъ слоевъ общества, возбуждая въ массахъ народа политическія страсти, вмѣсто здравыхъ идей. Онъ понялъ, что ему предстоитъ трудъ многолѣтній, упорный, но это не испугало его, и съ помощію нѣсколькихъ преданныхъ друзей, понимавшихъ какъ и онъ, что необходимо избѣгать всякаго безразсуднаго взрыва, приступилъ къ дѣлу.

Венеціанскій патриотъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Жители города и его провинціи, угнетенные чужеземнымъ господствомъ, запатически подчинились ему; имъ и въ мысль не приходило желаніе измѣнить существовавшій порядокъ вещей. Торговый и промышленный народъ заботился только объ успѣхахъ торговли; дворяне, честолюбивые и тщеславные, искали только почестей, которыми Габсбургскій домъ осыпалъ ихъ съ понаптною для всѣхъ щедростію. Только юношество, ученое сословіе и толпа смысленныхъ бѣдняковъ, которые во всѣхъ странахъ всегда готовы жертвовать собою, были опорой Манина и его передовою дружиною.

Манинъ видѣлъ, что только законнымъ путемъ, только медленною оппозиціей, не выходящею изъ предѣловъ австрійской терпимости, можно дѣйствовать съ надеждою на успѣхъ.

Извѣстность Манина возрастала; онъ пользовался большою популярностію. Довольно было видѣть его и поговорить съ нимъ, чтобы полюбить его. Не говоря уже о его познаніяхъ, о его искусствѣ, о его знаніи человѣческаго сердца, онъ былъ чловѣкъ честный и добродѣтельный, такъ что самые враги отдавали ему полную справедливость. Я приведу любопытный отзывъ о немъ австрійской полиціи, который я заимствую изъ сочиненія г. А. де-ла Форжъ: *Deux ans de revolution en Italie*:

« Данилъ Манинъ уважаемъ за нравственное поведеніе, за таланты и за безкорыстный характеръ. Однако, при этихъ достоинствахъ въ немъ замѣтенъ нравъ смѣлый, сварливый, раздражительный. Глубоко свѣдущій правовѣдъ, онъ искусный ораторъ и мастеръ съ изумительною ясностію излагать свои идеи. »

Благодаря своему искусству и упорной настойчивости, Манинъ умѣлъ поддерживать и удерживать въ границахъ волненіе умовъ до 1848 года.

Въ это время для него настала новая эпоха; поприще раздвинулось, великія событія быстро слѣдовали одно за другимъ.

Вскорѣ послѣ арестованія и освобожденія Манина, въ февралѣ 1848 года, Венеція объявлена въ осадномъ положеніи, хотя до того времени волненіе умовъ оставалось скрытымъ и проявлялось вовсе не въ грозныхъ демонстраціяхъ. Манинъ понялъ, что время законной оппозиціи прошло, въ особенности послѣ объявленія одного изъ австрійскихъ генераловъ, который сказалъ, что «тридцать часовъ рѣзни въ городѣ могутъ на тридцать лѣтъ обезпечить спокойствіе».

Къ тому же и сами Венеціанцы нетерпѣливо желали покончить съ *Нѣмцами*, и въ одно прекрасное утро началась борьба. Кроаты оврокинуты; эрцъ-герцогъ Райнеръ согласился выступить изъ города, прося только позволенія возвратиться туда лѣтомъ, чтобы купаться въ морѣ.

Между тѣмъ Манинъ учредилъ гражданскую стражу (*garde civique*), и, странное дѣло, австрійское правительство признало ее.

Съ помощію этой самой городской стражи овладѣлъ онъ арсеналомъ. Недальновидность и неспособность австрійскаго начальника много помогли Манину въ этомъ дѣлѣ, отважно задуманномъ и искусно исполненномъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ г. Кастиль (M. Castille) въ своей біографической брошюрѣ:

« Въ этомъ странномъ обстоятельствѣ венеціанскій адвокатъ показалъ искусство, присутствіе духа и хладнокровіе, истинно-достойныя удивленія.

« Какъ только городская стража овладѣла арсеналомъ, Австрійцы вынуждены были выступить изъ Венеціи.

« Манинъ передалъ начальство надъ арсеналомъ полковнику Граціани, призвалъ работниковъ, присоединилъ ихъ къ городской стражѣ и отправился на площадь Св. Марка.

« Подойдя къ мосту онъ воскликнулъ:

« — Да здравствуетъ Италія!

« — Да здравствуетъ Италія, отвѣчала толпа.

« За сими онъ провозгласилъ независимость Венеціи. Народъ, какъ живое эхо, повторялъ одно за другимъ слова его. Ободренный успѣхомъ, онъ приостановился на минуту, и потомъ, всею силою груди провозгласилъ древній историческій кликъ лагунъ: Да здравствуетъ республика и Св. Маркъ! Вся Венеція затрепетала при этомъ кликѣ, и сто тысячъ устъ въ одинъ голосъ крикнули:

« — Да здравствуетъ республика и Св. Маркъ!

« Затѣмъ началось торжественное шествіе по городу народа, во главѣ

котораго слѣдовалъ Манинъ. Дойдя до Ріальто, будущій диктаторъ ускользнулъ изъ толпы, и войдя къ себѣ, взялъ перо и написалъ слѣдующія слова:

« Венеціанцы!

« Я знаю, что вы любите меня, и во имя этой любви я прошу васъ, чтобы въ законномъ изъявленіи вашей радости вы вели себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое прилично людямъ, заслуживающимъ быть свободными.

« Другъ вашъ Манинъ.»

« Тогда, опустивъ руки, онъ сказалъ: Теперь я долженъ уснуть или умереть!

« Онъ не спалъ шесть сутокъ... »

Это почти неожиданное и мгновенное торжество было недостаточно, чтобъ упрочить дѣло. Надобно было окончательно свергнуть господство Австріи, и, вслѣдъ за провозглашеніемъ независимости Венеціи, надобно было озаботиться ея защитою.

Единодушно избранный главою республики, Манинъ понималъ, какая опасная и какая трудная обязанность возложена на него; онъ дѣйствовалъ какъ бы по вдохновенію, которое замѣняло ему многостороннія свѣдѣнія, приобретаемая обыкновенно долговременнымъ и упорнымъ трудомъ. Трудно понять, какъ этотъ вчерашній адвокатъ, этотъ народный ораторъ вдругъ сдѣлался искуснымъ администраторомъ, мудрымъ основателемъ новыхъ учреждений, ловкимъ дипломатомъ, военачальникомъ и предводителемъ вооруженнаго движенія.

Манина стало на все. Въ самое короткое время онъ сформировалъ армию, достаточную чтобы удержать многочисленный отрядъ Австрійцевъ, пришедшій подъ начальствомъ генерала Гайнау осаждать Венецію. Манинъ собралъ праздношатающихся жителей Венеціи и сформировалъ изъ нихъ отличную артиллерию. Укрѣпленія поспѣшно исправлены и вооружены.

Съ умомъ скромнымъ, чуждымъ той кичливости, въ которой справедливо упрекаютъ Итальянцевъ, Манинъ не отозвался на слишкомъ самоувѣренный кликъ, вырвавшійся въ минуту восторга у юной Италіи: *L'Italia farà da se.* (Италія справится сама собою). Напротивъ того Манинъ рѣшился обратиться къ республиканской Франціи 1848 года, тогдашнее временное правленіе которой изъявило, устами своего краснорѣчиваго представителя г. Ламартина, рѣшимость поддерживать всѣ угнетенныя народности.

Исторія разкажетъ, какъ сдержала тогда Франція свои обѣщанія.

Манинъ вѣрилъ въ дѣйствительность этихъ обѣщаній, и просилъ у Франціи помощи.

Отвѣтъ Франці извѣстенъ.

Манинъ вынужденъ былъ ограничиться собственными средствами. Покинутый Италію и цѣлою Европою, продолжая борьбу съ неприятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ, онъ являлъ чудеса храбрости, самоотверженія, искусства и вѣры въ свое дѣло.

Генералъ Уллоа въ продолженіи почти цѣлаго года держался въ цитадели Маргера съ двухтысячнымъ гарнизономъ противъ 30,000 Австрійцевъ. Генералъ Гайнау, начальникъ австрійскаго отряда, оскорбленный неудачами своихъ войскъ противъ этой горсти волонтеровъ, бомбардировалъ цитадель. Неприятель ежедневно получалъ подкрѣпленія, малочисленный гарнизонъ крѣпости уменьшался съ каждымъ днемъ; тѣ, которыхъ пощадило оружіе Австрійцевъ, гибли отъ тифа и другихъ повальныхъ болѣзней. Голодъ присоединился къ этимъ бѣдствіямъ, въ порохѣ оказывался недостатокъ, денегъ не стало. Эта страшная агонія продолжалась почти цѣлый годъ, и никто не протанулъ гибнущимъ року помощи.

А между тѣмъ Венеція все еще держалась и побѣждала Кроатовъ.

Манинъ часто самъ выходилъ изъ города, предводительствуя вылазками. Онъ поощрялъ войска, онъ ободрялъ своимъ примѣромъ начинавшихъ унывать, и въ этомъ городѣ *падшей* націи каждый готовъ былъ жертвовать собою. Тѣ, которые отдали отечеству все свое достояніе, съ радостію готовились пролить за родину послѣднюю каплю крови. Ни одной жалобы не раздавалось въ народѣ въ это тяжкое время, и Манинъ, причина всѣхъ этихъ золъ, былъ прозванъ *il padre del popolo*.

Изгнанный изъ Италіи, онъ переселился въ Парижъ. Будучи бѣденъ, онъ давалъ, для содержанія себя, уроки итальянскаго языка, и бывший диктаторъ, *il padre del popolo*, президентъ республики, исполнялъ смиренныя обязанности учителя, просто, безъ всякихъ притязаній на значеніе падшаго величія. Въ Парижѣ онъ былъ предметомъ общаго уваженія и пріязни; Викторъ Гюго былъ изъ числа друзей его. Никто, впрочемъ, не былъ съ нимъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ г. Ари Шеферъ, славный живописецъ, передавшій на полотнѣ столько трогательныхъ и ужасающихъ драмъ.

Главнымъ интересомъ Мавина была независимость Италіи, онъ былъ патриотъ, но не революціонеръ. Вотъ тому доказательство: бывший диктаторъ республики, живя изгнанникомъ въ Парижѣ, не затруднился, изъ своей ссылки, совѣтовать юной Италіи соединиться вокругъ трона юнаго короля Виктора-Эммануила, подающаго ей столько надеждъ.

Привожу письмо его изъ Парижа:

Парижъ 20 іюля 1856 г.

« Главная національная партія Италіи состоитъ изъ республиканцевъ, которые любятъ Италію болѣе чѣмъ республику, изъ роя-

листовъ, которые любятъ Италию болѣе чѣмъ какую-либо династію. Эта партія, въ видѣ пользы Итали, защищала Венецію, покинутую всѣми съ апрѣля 1848 года до августа 1849.

«Манингъ.»

Теперь нѣсколько словъ о Лерминье. Въ числѣ замѣчательныхъ людей 1830 года, похищенныхъ въ нынѣшнемъ году смертію, занимаетъ почетное мѣсто Лерминье, профессоръ *Collège de France*, извѣстный критикъ и историкъ. Всѣ признавали необыкновенное дарованіе этого писателя, его ученость и въ особенности блестящее краснорѣчіе, собиравшее многочисленныхъ слушателей вокругъ его кафедръ.

Но не долго онъ былъ любимцемъ публики, кумиромъ своихъ слушателей. Неожиданное обстоятельство вдругъ охладило привязанность его друзей и восторженное удивленіе юношества. Причиною этому было то, что Лерминье, бывший до того времени ревностнымъ представителемъ оппозиціи, вдругъ измѣнилъ свои убѣжденія и принялъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ.

Вотъ какъ объясняютъ это: около 1838 года Лерминье записался кандидатомъ оппозиціи по Стразбургскому округу. По непонятнымъ до сего времени причинамъ, онъ не былъ выбранъ, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ. Эта неудача глубоко уязвила его самолюбіе, и онъ рѣшился жестоко отомстить за оскорбленіе.

Въ это время, графъ Моле, министръ Лудовика-Филиппа, рѣшился предпринять обращеніе Лерминье, котораго возрастающая извѣстность, блестящее дарованіе и жаркая, дѣятельная оппозиція, бросили тѣнь на правительство 1830 года.

Встрѣтася съ нимъ въ одной изъ гостинныхъ Парижа, графъ Моле воскликнулъ:

— Какъ можетъ человѣкъ, съ такими достоинствами какъ вы, быть до того злодушнымъ, чтобы не носить своего ордена?

— Ордена? Но у меня нѣтъ ордена...

— Какъ же это случилось? воскликнулъ министръ съ притворнымъ удивленіемъ!

Черезъ недѣлю Лерминье получилъ орденъ.

Въ другой разъ, графъ Моле сказалъ Лерминье, что король много наслышанъ о немъ и желаетъ лично узнать его. «Я беру на себя доставить вамъ приглашеніе ко двору.»

Лерминье явился ко двору. Король былъ съ нимъ очень милостивъ, и спросилъ его, чѣмъ можетъ онъ доказать ему свое расположеніе? Лерминье, не достигнувъ цѣли въ своей дружинѣ, рѣшился присоединиться къ противоположной сторонѣ, просилъ мѣста рекетмейстера въ совѣтѣ, и получилъ его. Моле говорилъ во всеуслышаніе, потирая руки:

— Право не дорого! Лерминье знаменитый писатель оппозиціи, а мѣсто рекетмейстера не большая важность.

Можете вообразить себѣ, что за гвалтъ подняли журналы, большіе и маленькіе, узнавши эту новость. Порціанія посыпались на Лерминье со всѣхъ сторонъ. Но какъ передать вамъ негодованіе публики, пощщавшей его лекціи? Прежняя любовь и удивленіе къ нему смѣнились выраженіемъ всеобщаго презрѣнія. Читенія его не только не возбуждали прежняго удивленія, но сдѣлались сходкою всѣхъ насмѣшниковъ, всѣхъ свистковъ и трещотокъ Латинскаго квартала.

Вскорѣ послѣ этого молва стала обвинять Лерминье въ одномъ изъ самыхъ возмутительныхъ пороковъ. Тогда разразилась настоящая гроза, и амфитеатръ *Collège de France* сдѣлался театромъ сценъ самаго неистоваго бѣшенства. Лерминье полагалъ, что эта буря скоро минетъ, но ошибся. Это была уже не политическая распря, но презрѣніе къ личности профессора. Въ 1839 году Лерминье былъ вынужденъ отказаться отъ каедры. Спустя десять лѣтъ, онъ думалъ, что неприязнь къ нему утихла, и что онъ снова можетъ начать свои лекціи. Въ самомъ дѣлѣ, новое поколѣніе смѣнило уже слушателей 1839 года; прежняя пріязнь и прежняя ненависть могли уже быть забыты; ученики его сидѣли уже за домашнимъ очагомъ, въ семейныхъ кругахъ своихъ. Но отвращеніе къ профессору предшественниковъ перешло къ преемникамъ, и если въ 1839 году Лерминье пришлось выдержать много скандальныхъ сценъ, тѣ, которыя ожидали его въ 1849, превосходятъ все, что только могло бы придумать самое смѣлое воображеніе.

Надобно сознаться, что какъ ни похвально чувство, побудившее публику выразить свое негодованіе за оскорбленіе нравовъ, поступки ея съ Лерминье перешли однако за предѣлы дозволеннаго.

Лерминье съ успѣхомъ шелъ по пути реакціи. Сначала *il était un peu du gouvernement*, какъ тогда говорили, благопріятствовалъ министрамъ и былъ приверженцемъ католицизма на столько, что съ извѣстною улыбкою говорилъ о философахъ; но вскорѣ сдѣлался кровнымъ католикомъ, *catholique pur sang*, и реакціонеромъ вполне.

Не задолго передъ смертію онъ окончательно покинулъ *Revue des deux Mondes*, въ которомъ онъ напечаталъ много замѣчательныхъ статей своихъ, и перешелъ въ *Assemblée Nationale*, что нынѣ *le Spectateur*. Этотъ журналъ, называющій себя монитеромъ сліянія (*Moniteur de la fusion*), приверженецъ стараго порядка вещей, папы, и въ добавокъ обнаруживаетъ нѣкоторое пристрастіе къ іезуитамъ.

Въ послѣднее время Лерминье совсѣмъ забыли. Никто не говорилъ о немъ. Только добрые отцы іезуиты восхваляли его семейныя добродѣтели. Эти старинные ученики Лойолы умѣютъ вездѣ отыскать какую-нибудь добродѣтель.

Страннѣе всего, что и прежніе друзья Лерминье не вспомнили,

что у него было доброе сердце, что онъ былъ сострадательнъ и всегда былъ готовъ подать ближнему руку помощи.

Человѣкъ пятьдесятъ, не болѣе, провожали гробъ его. Я присодинился къ кортежу изъ уваженія къ наукѣ. Умершій безъ славы и безъ потомства, Лерминье покрытъ теперь двойнымъ саваномъ забвенія. Пожалуйте о немъ,—ничья рука не положитъ цвѣтка на его могилу.

Я. Фельденъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Частию по недостатку другихъ важныхъ событій, частию по своей собственной значительности, датско-голландскій вопросъ все больше и больше выдвигается впередъ. Онъ не принадлежитъ къ числу совершенно новыхъ вопросовъ въ европейской политикѣ: напротивъ, онъ существуетъ уже много лѣтъ, и всѣ усилія датскихъ централизаторовъ погасить и заглушить его до сихъ поръ оставались безплодными — доказательство, что онъ имѣетъ за себя свои жизненные начала, которыя служатъ ему твердою опорой. Самое важное изъ его основаній заключается безспорно въ идеѣ народности: не думая выходить изъ общаго государственнаго состава, нѣмецкія герцогства, принадлежація Дзнии, желаютъ однако сохранить по возможности свою народную самостоятельность. Въ этомъ стремленіе ихъ сходится съ общимъ стремленіемъ вѣка, въ которомъ одно изъ самыхъ сильныхъ движущихъ началъ безспорно есть народное. Оно произвело отпаденіе Бельгіи отъ Голландіи; оно лежитъ въ основѣ всего столько труднаго италянскаго вопроса, и въ немъ же заключается единственная движущая сила тѣхъ явленій, которыя въ настоящее время происходятъ въ Придунайскихъ княжествахъ. Странно было бы хотѣть отрицать у сѣверныхъ нѣмецкихъ герцогствъ право, которое составляетъ душу всѣхъ стремленій въ южныхъ частяхъ Дуная. Но оно, во первыхъ, имѣетъ противъ себя общій интересъ соединеннаго Датскаго государства, которое, также отправляясь отъ одного національнаго начала, то-есть собственно датскаго, явно старается подчинить ему всѣ другія народныя особенности въ своихъ предѣлахъ, и мало-по-малу уничтожить ихъ автономію. Этому мѣстному

стремленію датской національности придадо еще болѣе силы и энергіи то общее направленіе, которое въ недавнее время охватило большую часть скандинавскаго сѣвера, и извѣстно подъ именемъ *скандинавизма*. Ибо въ немъ противоположность скандинавскаго и нѣмецкаго народныхъ началъ, хотя вышедшихъ цѣлкомъ изъ одного общаго источника, выразилась еще въ большемъ объемѣ и напряженіи. Вторыхъ, датско-нѣмецкія герцогства дѣйствуютъ не по уполномочію отъ послѣдняго парижакаго конгресса, которому Молдавія и Валахія обязаны избирательнымъ правомъ своихъ послѣднихъ дивановъ, но по собственной инициативѣ. Послѣднее обстоятельство показываетъ ясно, что до сихъ поръ датско-голлштейнскій вопросъ не могъ возвыситься на степень общеевропейскаго. Но въ положеніи нѣмецкихъ герцогствъ, ищущихъ сохраненія своей автономіи въ составѣ Датскаго государства, есть и своя выгодная сторона сравнительно съ Дунайскими княжествами: первая, въ спорѣ съ другимъ исключительнымъ народнымъ началомъ, имѣютъ за себя, и притомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ собою, цѣлую обширную европейскую народность, которой они сами составляютъ лишь незначительную отрасль. Событія 1848—49 годовъ показали, какъ неравнодушна Германія къ датско-нѣмецкому (или собственно голштейнскому) вопросу. Симпатіи, дѣйствовавшія тогда, не прекратились и въ настоящее время. Дѣло Голштейнцевъ считается не просто общенациональнымъ, но и популярнымъ въ Германіи. Въ сочувствіи ему не могутъ отказать первостепенныя нѣмецкія государства, какаго бы впрочемъ направленія они ни держались въ европейской политикѣ. Съ этой стороны датско-голлштейнскій вопросъ получаетъ большую важность и вѣсь въ глазахъ всякаго публициста, ибо при первомъ новомъ оборотѣ дѣла можетъ превратиться въ общегерманскій.

До сихъ поръ Пруссія и Австрія, взявшія на себя поддерживать интересы нѣмецкихъ герцогствъ въ Даніи, ограничивались обмѣномъ дипломатическихъ нотъ съ датскимъ правительствомъ. Но какъ эти сношенія не привели почти ни къ какому результату, и правительство Даніи, опираясь на народное представительство, осталось при своихъ прежнихъ рѣшеніяхъ, то покровительствующія Голштейну державы рѣшились перенести дѣло въ германскій сеймъ, и такимъ образомъ дать ему общегерманское значеніе. Шагъ довольно важный. Онъ сдѣланъ прежде всего Пруссіею въ пользу обоихъ герцогствъ; но Лауэнбургъ, сверхъ того, вошелъ въ сеймъ съ жалобою прямо отъ себя. По предварительному соглашенію, Австрія, дѣйствующая до сихъ поръ по этому вопросу заодно съ Пруссіею, также поспѣшила поддержать ея представленіе на сеймѣ. Обѣ державы предложили на его разсмотрѣніе все, что было сдѣлано ими до сихъ поръ по датско-голлштейнскому вопросу, предоставляя впрочемъ самому собранію рѣшить, какія мѣры надобно принять впредь для

охраненія правъ шведскихъ герцогствъ, принадлежащихъ къ государственному составу Дании. Притомъ, со стороны Пруссiи и Австрiи не сдѣлано никакихъ особенныхъ предложений, но едва ли нужно говорить, что импiонія послѣдовать рѣшенiя сейма могутъ состояться лишь сообразно съ волею двухъ перенявшихъ державъ Германiи. Уже то самое, что онѣ должны наконецъ обратиться къ общему собранiю, показываетъ, что у нихъ на всякій случай есть и готовыя рѣшенiя; но какъ сеймъ есть единственный органъ общей воли соединенныхъ германскихъ правительствъ, то условленнымъ видамъ Пруссiи и Австрiи надобно напередъ пройти черезъ ея опредѣленiя, чтобы получить законную силу и имѣть на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ большинство членовъ союза. Процедура же, обыкновенно употребляемая сеймомъ въ подобныхъ случаяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ скоро одинъ или нѣсколько членовъ союза входятъ съ представленiемъ въ общее собранiе, сеймъ назначаетъ отъ себя комиссiю для разсмотрѣнiя дѣла. Затѣмъ комиссiя дѣлаетъ свой докладъ собранiю. Потомъ уже сеймъ провозноситъ свое рѣшенiе, за которымъ должны послѣдовать и исполнительныя мѣры, также импiонiя нѣсколькихъ степеней. Ибо сеймъ не иначе приступаетъ къ дѣлу, какъ напередъ осмотрѣвъ его основательно (gründlich) со всѣхъ сторонъ и взвѣсивъ всѣ его выгоды и невыгоды.

Повидимому на европейскомъ горизонтѣ собирается новая гроза. Переноса мѣстный вопросъ въ общее собранiе, Пруссiи и Австрiя тѣмъ самымъ дѣлаютъ его общегерманскимъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ *Journal des Débats*, чѣмъ больше выясняется его значенiе для цѣлой Германiи, тѣмъ больше становится онъ и общеевропейскимъ: ибо, говоритъ та же газета, если Европа не можетъ пренебречь интересами Голштейна и Лауэнбурга, то она должна также позаботиться и о правахъ Дании. Кромѣ того, государственные интересы послѣдней имѣютъ себѣ такъ-сказать естественныхъ защитниковъ въ цѣлой скандинавской партiи, которая тянетъ за собою Швецию и Норвегию. Но не будемъ преувеличивать опасности. Дѣло жона находится въ добрыхъ рукахъ. Ни Пруссiя, ни Австрiя не отличаются быстротою и рѣшимостiю дѣйствiя. Уже для того, чтобы перенести вопросъ въ общее собранiе, нужно было съ ихъ стороны чрезвычайное усилiе. Притомъ же искренность австрiйскихъ симпатiй въ пользу голштейнскаго дѣла довольно сомнительна. Со стороны Пруссiи онѣ навѣрно искреннѣе, но въ отношенiи къ подвижности Пруссiя едва ли не уступитъ даже Австрiи послѣдняго времени. Развѣ германскiй сеймъ не захочетъ ли удивить свѣтъ невиданною доселѣ энергiей?

По крайней мѣрѣ первыя распоряженiя сейма, по внесенiи въ него датско-голштейнскаго вопроса, нисколько не даютъ предчувствовать подобную опасность. Между тѣмъ какъ главные органы скандина-

визма на сѣверѣ стараются раздуть огонь, утверждая, что Данія должна или совершенно отказаться отъ Голштейна въ пользу Германіи, или уничтожить послѣднюю тѣнь его самостоятельности, франкфуртскій сеймъ, съ свойственнымъ ему безстрастіемъ, слѣдуетъ обычной своей процедурѣ, и преспокойно настраиваетъ особую комиссію для обсуждения вопроса. Комиссія, разумѣется, не будетъ спѣшить своими заключеніями, въ ожиданіи, что Данія воспользуется тѣмъ временемъ и сдѣлаетъ необходимыя уступки. Наконецъ, прежде чѣмъ стало извѣстно что-нибудь о засѣданіяхъ комиссіи, нѣмецкія газеты начинаютъ уже поговаривать о возможности посторонняго посредничества и о готовности Германіи воспользоваться имъ для рѣшенія спора.

Быстрѣе идетъ къ своей развязкѣ другой вопросъ общеевропейской политики, въ рѣшеніи котораго заключается будущая судьба Придунайскихъ княжествъ. Но надобно сознаться, что движеніе его остается пока одностороннимъ. Въ то время, какъ мѣстные диваны видимо сѣшпуть къ развязкѣ, въ официальной европейской публицистикѣ все убываетъ число голосовъ, отъ которыхъ они могли бы ожидать поддержки своимъ рѣшеніямъ.

До сихъ поръ Молдавія и Валахія опирались въ своихъ стремленіяхъ къ единству всего болѣе на Францію. Но недавнія полупризнанія французскихъ журналовъ (*Constitutionnel, Patrie, Pays*), которые считаются полуофициальными органами правительства, заставили подозрѣвать, что во мнѣніяхъ его относительно Придунайскихъ княжествъ произошелъ нѣкоторый поворотъ. Не то чтобы французское правительство отказывалось отъ предполагаемой унии, или политическаго соединенія княжествъ, и переходило на сторону его противниковъ: противъ этого предположенія предостерегаютъ тѣ же дружественныя ему газеты, да и безъ того оно никому не показалось бы вѣроятнымъ. По тѣмъ или другимъ побужденіямъ, искренно или неискренно, Франція взялась однако быть передъ цѣлою Европой адвокатомъ соединенія Молдавіи и Валахіи и—мы не сомнѣваемся—не можетъ болѣе отступиться отъ него безъ ущерба для своей собственной чести. Но оставаясь при той же самой цѣли, она можетъ дѣйствовать въ пользу ея болѣе или менѣе рѣшительно, другими словами, употребить на нее болѣе или меньшую степень энергіи. До сего времени могло казаться, что Франція хочетъ соединенія во что бы то ни стало. Это было разумѣется только выгодное предубѣжденіе,—ибо Франція можетъ очень сильно выразить свое желаніе, но не можетъ предписывать свою волю какъ законъ въ дѣлѣ общеевропейской политики; но официальные и полуофициальные органы французскаго правительства не торопились разрушить это ошибочное мнѣніе, можетъ-быть для того, чтобы тѣмъ болѣе импонировать имъ на Европу. Между тѣмъ вопросъ хотя внѣшнимъ об-

разомъ успѣлъ подвинуться впередъ; послѣ двукратныхъ выборовъ въ княжествахъ наконецъ собрались совѣщательные диваны; Австрія, Англія и Турція, рѣзче чѣмъ когда-нибудь высказали свое противорѣчіе уніи. Дѣло стало мало по малу приближаться къ развязкѣ. Франція не могла долге оставлять Европу въ недоумѣніи на счетъ истинныхъ своихъ наміреній. Передъ наступленіемъ новыхъ засѣданій европейской конференціи нельзя было ей поддерживать прежнее заблужденіе. Иначе могли предупредить ее и сказать ей, что ея воля отнюдь не можетъ быть закономъ для конгресса, какъ могло бы показаться по нѣкоторымъ необдуманнымъ выраженіямъ французскихъ журналовъ. (Не постыдилась же однажды проговориться *Patrie*, что тѣ державы, которыя не захотятъ добровольно принять рѣшеніе конференціи, должны будутъ подчиниться ему противъ воли, *la subir!*) Не только голосъ одной державы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть обязательенъ для другихъ, рѣшенія европейскихъ конгрессовъ или заступающихъ ихъ конференцій не могутъ даже назваться выраженіемъ всего большинства: они предполагаютъ согласіе всѣхъ членовъ и совершенно парализуются внутреннимъ противорѣчіемъ. Все это слѣдовало уяснить до новаго собранія парижской конференціи. Надобно было показать, что, какъ ни неизмѣнно желаніе Франціи относительно соединенія княжествъ, однако она не можетъ принять на себя не принадлежащей роли. Никакого ультиматума съ ея стороны нѣтъ, и не можетъ она ставить соединеніе княжествъ какъ условіе, *sine qua non* передъ европейскимъ конгрессомъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, должна была состоять сущность объявленій, которыя взяли на себя передать публикѣ извѣстные органы французскаго правительства въ журналистикѣ. Объявленіе было принято партизанами уніи со страхомъ: они готовы были увидѣть въ немъ знакъ совершеннаго отступничества Франціи. Тогда послѣдовали со стороны тѣхъ же журналовъ объяснительныя и дополнительныя статьи. Они наконецъ привели вопросъ въ настоящую его мѣру. Франція, повторяемъ, не обязывается провести непременно свой проектъ уніи: это такъ сказать ея личное мнѣніе и желаніе, но она не перестанетъ поддерживать его передъ Европою, и если успѣхъ не будетъ соответствовать ея ожиданіямъ, то она предложитъ съ своей стороны и «другой проектъ, наиболѣе приближающійся къ системѣ, за которую она стоитъ до сего времени». (См. *La Patrie*.) Повидимому этотъ послѣдній намекъ относится къ той административной уніи, которою Австрія и Англія съ своей стороны желали бы ограничить все дѣло соединенія княжествъ.

Въ какомъ же соответствіи съ этимъ пониженіемъ тона главной покровительствующей державы находятся дѣйствія самыхъ княжествъ, или точнѣе ихъ представительныхъ дивановъ? Диваны, напротивъ, вѣрные своему назначенію, продолжаютъ смѣло идти впе-

редъ, все болѣе и болѣе возвышаютъ свой голосъ и не затрудняются высказывать передъ Европою самыя задушевныя желанія народности, которой служатъ представителями. Въ нашемъ журналѣ говорено уже было о главныхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ сначала валахскими, а вслѣдъ за ними и молдавскими диванами. Или впрочемъ о рѣшеніяхъ еще не можетъ быть рѣчи: диванамъ не дано такого права. Они могутъ выразить лишь желанія народа, его *ria desideria*. И они пользуются этимъ правомъ съ величайшею ревностію, съ непреклонною рѣшимостію, и наконецъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Видно, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ бьетъ живая струя народной жизни; видно, что задача лежитъ имъ одинаково близко къ сердцу. Зная, что существованіе ихъ непрочное, что оно есть только великодушная уступка со стороны великихъ покровительствующихъ державъ, диваны сгибаютъ спазать все, что у стоящаго за ними народа есть на сердцѣ, и въ чемъ онъ видитъ свое высшее благо; они какъ будто боятся, чтобы ихъ не прервали на половинѣ рѣчи, и чтобы самыя существенныя требованія Румынскаго народа не остались вовсе незаключенными передъ европейскою публикой. Что за дѣло, еслибы вслѣдствіе происловъ разныхъ стороннихъ недоброжелателей, этимъ требованіямъ на первый разъ и не удалось найдти себѣ общевропейскаго признанія. По крайней мѣрѣ они уже сказаны, выражены законнымъ органомъ и слѣдовательно, заявлены навсегда передъ Европою. Народность румынская не есть болѣе ни мертвое тѣло, ни абстрактъ: въ единодушномъ выраженіи своихъ желаній она заявила свою личность:—рано или поздно обстоятельства приведутъ съ собою и остальное.

Все это придаетъ особенную важность тѣмъ публичнымъ актамъ, въ которыхъ выражается дѣятельность двухъ дивановъ. Не довольствуясь провозглашеніемъ четырехъ главныхъ пунктовъ, они вслѣдъ затѣмъ издали еще подробныя «деклараци», съ цѣлію показать историческія основы своихъ требованій и виѣсть оправдать ихъ теоретически. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна декларация молдавскаго дивана отъ 19 окт. н. ст., хотя валахская, изданная двумя днями позже, въ сущности мало отъ нея разнится. Во главѣ всѣхъ требованій румынской народности, Молдавія, какъ извѣстно, ставитъ автономію, или внутреннюю политическую самостоятельность княжествъ. Ибо, говорить декларация, такова была постоянная цѣль пятилѣтней борьбы Румыновъ съ врагами, сопровождавшейся многими лишеніями и страданіями народа. Несмотря на всѣ трудности своего положенія, Румыны однако умѣли сохранить за собою свои существенныя права и обезпечить ихъ формальными договорами. Доказательствомъ служатъ капитуляціи съ Оттоманскою Портою въ 1393, 1460, 1511 и 1634 годахъ. Въ нихъ Румыны выговорили себѣ право имѣть свое особенное правительство, управдаться

своими законами, вообще всѣ права, которыхъ совокупность составляетъ автономію народа. Въ послѣдствіи, еще къ весьма недавнее время, эти капитуляціи были подтверждены разными европейскими державами (Адрианопольскимъ трактатомъ и на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года). Наконецъ сама Порта, какъ значится въ протоколѣ константинопольскихъ конференцій 1856 года, подтвердила вновь тѣ привилегіи, которыя предоставлены были княжествамъ прежними договорами съ Турціей. Соединеніе княжествъ, о которомъ мысль такъ опредѣлительно была выражена на парижскомъ конгрессѣ, было бы только вѣнцомъ всего прежняго историческаго хода страны и вмѣстѣ послужило бы лучшею гарантіею уже приобретенныхъ прежде политическихъ правъ. Но чтобы унія могла оказать благотворное дѣйствіе и принести ожидаемые отъ нея плоды какъ внутри, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, для соединенныхъ княжествъ необходимо прочное и постоянное правительство, которое было бы уважаемо внутри и въ то же время имѣло бы для себя крѣпкую опору въ великой семьѣ царствующихъ европейскихъ династій. Здѣсь декларация еще разъ возвращается къ исторіи страны и доказываетъ множествомъ ярихъ примѣровъ, что принципъ избирательной власти въ княжествахъ всегда соединенъ былъ съ безчисленными злоупотребленіями, ведущими къ униженію народнаго достоинства и даже къ анархіи. Выражая желаніе имѣть своего наследственнаго государя, Молдавія (а вмѣстѣ съ нею и Валахія) ничего не требуетъ больше, какъ чтобы ей возвращено было то право, которымъ княжества пользовались не только до капитуляцій, но даже нѣкоторое время послѣ того, и т. д. Но болѣе всего живое чувство одной народности, хотя и разрозненной несчастными обязательствами, сказалось въ слѣдующемъ мѣстѣ молдавской деклараціи. «Унія, которой мы хотимъ, есть необходимая, законная, естественная, ибо мы, Молдаване-Валахи, составляемъ одинъ и тотъ же народъ, одноплеменный и тождественный не менѣе всякаго другаго, такъ какъ мы имѣемъ одно происхожденіе, одну исторію, одинаковую гражданственность, одни и тѣ же законы, одни страхи, однѣ надежды, общіе интересы и столько же общія потребности, мы призваны оберегать однѣ и тѣ же границы, у насъ однѣ и тѣ же печали, мы стремимся наконецъ къ одному будущему и должны исполнить одно и то же назначеніе.»

По весьма понятнымъ причинамъ Порта, разумѣется, смотритъ очень неблагоприятно на всѣ эти проявленія народной румынской самостоятельности. Чѣмъ яснѣе выражается воля дивановъ, тѣмъ больше поводовъ находить Турція къ противорѣчію. По счастью, она можетъ пока лишь протестовать мирнымъ образомъ. Такъ протестовала она противъ вторичныхъ выборовъ въ Молдавію нотою отъ 23 сентября, такъ протестуетъ и теперь противъ рѣшеній двухъ дивановъ второю дипломатическою нотою къ главнымъ европейскимъ

державамъ, въ которой старается доказать, что дѣйствія дивановъ направлены къ совершенному разрушенію вассальныхъ отношеній, связывающихъ княжества съ Турецкою имперією. Вообще политика Турціи, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, менѣе всего направлена къ тому, чтобы способствовать общему дѣлу княжествъ. Неблагоприятнымъ для него считаютъ и то обстоятельство, что находящаяся на мѣстѣ европейская коммиссія, которая должна составить докладъ о дѣйствіяхъ дивановъ для будущей конференціи, находится въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ англійскаго комиссара. Но, повторяемъ, послѣднее рѣшеніе во всякомъ случаѣ зависитъ не отъ Турціи и не отъ коммиссіи, а отъ конференціи.

Отъ европейскихъ дѣлъ вниманіе публики все еще часто отвлекается событіями въ Индіи. По тому жару, съ которымъ занимаются ими въ Европѣ, ихъ почти также можно бы считать европейскимъ вопросомъ. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ собственно англійскихъ интересовъ, дѣло идетъ вообще объ успѣхѣ европейской цивилизаціи въ борьбѣ съ образованными по-европейски силами азіятскаго варварства, находящимися въ настоящее время въ возстаніи. Потому конечно во французской журналистикѣ замѣтно почти не менѣе живое участіе къ вопросу, какъ и въ самой Англии. Но оно выражается здѣсь различно. Одни органы прямо желаютъ успѣха англійскому оружію въ Индіи въ интересѣ общеевропейскаго дѣла. Но другіе, по видимому дѣйствуя въ томъ же самомъ интересѣ, простираютъ реальность къ нему гораздо далѣе. Весьма недавно еще газеты *l'Univers* и *Gazette de France*, заранѣе отчаявшись въ успѣхѣ англійскаго оружія, разсуждали объ индійскомъ возстаніи въ такомъ тонѣ, какъ еслибы уже Европа, изъ сожалѣнія къ безсилію Англии, взяла на себя управиться съ нимъ, и серьезно обсуживали важныя послѣдствія такого вмѣшательства; въ самой Англии едва ли выражалось когда столько нѣжнаго участія къ судьбѣ европейской цивилизаціи на Востока, угрожаемой возстаніемъ сипаевъ. Каково же было разочарованіе этихъ газетъ, когда такъ неожиданно и можно сказать такъ преждевременно пришло извѣстіе о взятіи Дельги! Кто бы могъ ожидать, что Дельги будетъ взята, между тѣмъ какъ всѣ извѣстія, казалось, клонились къ тому, чтобы уничтожить всякую вѣру въ возможность подобнаго успѣха въ скоромъ времени. Кто могъ ожидать — не говоримъ уже успѣха въ такомъ сомнительномъ предпріятіи, какъ взятіе приступомъ хорошо укрѣпленнаго города, но даже покушенія на Дельги со стороны Англичанъ, прежде чѣмъ они получили ожидаемыя ими подкрѣпленія изъ Англии? И не безумно ли было съ ихъ стороны отваживаться съ горстью людей на борьбу съ многочисленнымъ непріателемъ, засѣвшимъ въ надежныхъ укрѣпленіяхъ и имѣвшимъ на своей сторонѣ все народоваселеніе города?

Какъ бы то ни было, великій европейскій походъ, предприня-

тый въ Индію извѣстною частью французской журналистики, не удался, и ей не оставалось ничего болѣе, какъ стараться на первое время уменьшить въ глазахъ читателей непредвидѣнный успѣхъ Англичанъ въ Индіи и представить его сколько можно въ сомнительномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, именно во французской журналистикѣ нѣсколько дней поддерживалось подозрѣніе, что извѣстіе о взятіи Дельги относится лишь къ одной части города, ибо официально извѣстно лишь о первыхъ дняхъ боя, и что можетъ-быть успѣхъ осаждающихъ вовсе не такъ рѣшителенъ, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Многія газеты были очень озабочены тѣмъ, чтобы предостеречь публику отъ излишняго легковѣрія. По нѣкоторымъ признакамъ заключали даже, что взятіе Дельги есть только начало новыхъ бѣдствій для Англичанъ. Какое-то темное извѣстіе говорило, будто инсургенты, вышедши изъ города, вслѣдъ затѣмъ окружили его со всѣхъ сторонъ, т. е. въ свою очередь осадили въ немъ побѣдителей. Можно было подумать, что сдача Дельги была только военною хитростію со стороны сипаевъ, и что побѣдителей Дельги ожидала въ стѣнахъ его самая злая участь... Это темное извѣстіе съ упорствомъ держалось нѣсколько дней въ не-англійской журналистикѣ. Не знаемъ, по какимъ побужденіямъ даже извѣстный брюссельскій журналъ нѣсколько разъ повторилъ его въ своихъ столбцахъ. Читатели французскихъ газетъ можетъ-быть съ болѣшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ сами Англичане, ждали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Индіи.

Эти извѣстія наконецъ пришли. Многихъ подробностей недостаетъ попрежнему; но относительно развязки главнаго событія, столько занимавшаго въ послѣднее время Европу, не остается болѣе никакого сомнѣнія. Прежде всего новыя извѣстія почти во всемъ подтверждаютъ старыя. Уже съ 11-го числа началось страшное бомбардированіе внѣшнихъ укрѣпленій Дельги, скоро заставившее удалиться ихъ защитниковъ. Городскія стѣны также недолго выдерживали огонь англійской артиллеріи. 12-го числа Кашмирскій бастионъ обратился въ развалины, а черезъ два дня потомъ успѣхи осаждающихъ были уже такъ велики, что они могли думать о приступѣ. Но напередъ сочли еще за нужное взорвать уцѣлѣвшія Кашмирскія ворота. Съ этою цѣлію 14-го числа высланъ былъ къ нимъ инженерный офицеръ Салькельдъ (Salkeld) съ тремя сержантами. Они шли подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, неся въ рукахъ мѣшки съ порохомъ. Еще они не достигли до мѣста, какъ одинъ сержантъ былъ убитъ и самъ Салькельдъ раненъ пулею навывлетъ. Несмотря на то, имъ удалось подожить порохъ подъ ворота, при чемъ былъ убитъ другой сержантъ, а офицеръ получилъ другую рану. Сержантъ, оставшійся въ живыхъ, успѣлъ однако приложить фитиль. Ворота взлетѣли на воздухъ, и штурмовыя колонны тотчасъ ворвались въ городъ. Встрѣчая вездѣ упорное сопротивленіе, онѣ на пер-

вый раз могли занять только одну оборонительную линию от воднаго бастиона до Кабульскихъ воротъ. Въ движеніи 4-й колонны (Гуркасовъ) произошло нѣкоторое замедленіе, и непріятель ободрился еще болѣе. Въ рукахъ его еще оставались многіе бастионы, дворецъ, магазинъ и большая часть города. Но Гуркасы скоро замѣтили свою медленность: они направились къ другой части города и вошли въ него, разумеется послѣ ушернаго боя, Лагорскими воротами. Тогда осажденные увидѣли, что въ этой части города для нихъ все потеряно и начали перебираться на другую сторону рѣки. Англичане между тѣмъ продолжали стремительно подвигаться впередъ. 16-го они взяли приступомъ укрѣпленный магазинъ, не давъ непріятелю даже выстрѣлить изъ заряженныхъ пушекъ, а 17-го овладѣли и Банкомъ, который командуетъ надъ мостомъ и дворцомъ. Въ эти два дня имъ досталось до 200 пушекъ. Затѣмъ одинъ за другимъ заняты были и всѣ прочіе бастионы и городскія ворота, и 20-го вечеромъ весь городъ по одну сторону рѣки былъ уже во власти Англичанъ. На другой день они заняли и самый непріятельскій лагерь со всеми найденными въ немъ запасами. Тогда же капитанъ Годсонъ, посланный съ отрядомъ кавалеріи для преслѣдованія, захватилъ дельгійскаго императора съ его женою: они сдались на условіи, что имъ пощажена будетъ жизнь. На слѣдующее утро другая легкая колонна захватила двухъ ихъ сыновей и одного внука. Последніе тотчасъ были преданы казни.

Относительно потери Англичанъ при взятіи Дельги также получены болѣе достовѣрныя извѣстія. Она оказалась гораздо значительнѣе, нежели какъ полагали сначала. Всего вышло изъ строя 1178 нижнихъ чиновъ и 61 офицеръ. Для арміи, которая вся состояла не болѣе какъ изъ 10,000 человекъ, такая потеря конечно очень чувствительна. Но она достаточно объясняется упорствомъ боя, его продолжительностію и наконецъ тѣмъ, что Англичане были нападующіе. Между ранеными называютъ молодого генерала Никольсона, того самаго, который недавно еще привелъ на помощь Вильсону нѣсколько свѣжаго войска и такимъ образомъ далъ ему возможность ускорить приступъ къ осажденному городу. Черезъ нѣсколько дней потомъ Никольсонъ умеръ отъ своихъ ранъ.

Не довольствуясь взятіемъ города, побѣдители тотчасъ приняли мѣры для преслѣдованія удалявшагося непріятеля. Для этой цѣли составлены были двѣ колонны, каждая изъ 1,600 пѣхоты и 900 кавалеріи съ легкою и тяжелою артиллеріею. 23 отъ вышли изъ города. Одна изъ нихъ перешла Гангъ на западъ отъ Дельги и направилась другимъ берегомъ къ Алигуру; другая двинулась въ то же время на югъ отъ города по направленію къ Агрѣ. Первая изъ нихъ встрѣтила 27-го отрядъ непріятельскаго войска въ крѣпкой позиціи близъ Боландшухура (Bolundshuhur). Въ горячемъ дѣлѣ, которое произо-

шло здѣсь, инсургенты потерпѣли поражение и были преслѣдуемы далеко за городъ. Вторая колонна настигла непріятеля 28-го близъ Маттры (Matra) и также обратила его въ бѣгство. Въ настоящее время окрестности Дельги очищены отъ непріятеля, и англійскому гарнизону не угрожаетъ никакое нападеніе.

Героздо трогательнѣе другой эпизодъ изъ той же войны, почти совпадающій по времени со взятіемъ Дельги: разумѣемъ событія, которыя недавно произошли подъ стѣнами города Лакнау, и о которыхъ также получены официальные извѣстія. Если тамъ дѣло шло о военномъ триумфѣ, то здѣсь задача состояла въ томъ, чтобы выручить горсть Европейцевъ, спасти ихъ жизнь и честь отъ мести многочисленнаго и кровожаднаго непріятеля. Тамъ Англичане были осаждающими, здѣсь—осажденными. Еще нѣсколько дней, и въ Лакнау могли повториться потрясающія сцены, которыя навсегда сдѣлали ненавистнымъ для Англичанъ имя Канпура. Ужъ непріятель давно тѣснилъ крѣпость со всѣхъ сторонъ; располагая многочисленными силами, онъ угрожалъ лакнаускому гарнизону неминуемою гибелью. Ужъ непріятельскіе подкопы были подведены къ самымъ стѣнамъ: еще можетъ-быть нѣсколько часовъ, и онѣ взлетѣли бы на воздухъ, обнаживъ со всѣхъ сторонъ бѣдныхъ защитниковъ крѣпости. Но за Лакнау давно смотрѣлъ пристально, хотя издали, глазъ столько же неутомимаго, сколько и неустрашимаго генерала, который какъ будто связалъ свою судьбу съ участіемъ этого города. Генералъ Гевлокъ далъ себѣ слово спасти Лакнау во что бы то ни стало. Обстоятельства повидимому были выше силъ и воли человѣка, и первая сдѣланная имъ попытка для освобожденія Лакнау была такъ несчастлива, что повидимому нельзя было и помышлять объ ея возобновленіи. Въ то время, какъ ряды вѣрныхъ сподвижниковъ храбраго генерала каждый день рѣдѣли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, холера уменьшала ихъ еще болѣе. Гевлокъ однако не потерялъ духа и не отказался отъ своего намѣренія. Онъ съ терпѣніемъ выждалъ соединенія съ отрядомъ генерала Отрема и немедленно послѣ того двинулся впередъ—къ неизмѣнному своему назначенію. 17-го сентября и. ст. соединенный отрядъ, который, впрочемъ, весь состоялъ не болѣе какъ изъ 2,500 человѣкъ, перешелъ Гангъ, а 25-го того же мѣсяца показался въ виду Лакнау. Появленіе его вблизи осажденных однако еще ничего не рѣшало. Пользуясь своею многочисленностію, непріятель могъ обратить противъ него всѣ свои силы и заставить его еще дороже поплатиться за вторую попытку, чѣмъ за первую. Но Гевлокъ не далъ одуматься не ожидавшимъ его сипаямъ и тотчасъ повелъ противъ нихъ наступленіе. Уже 26-го числа непріятельскіе ретраншаменты были взяты имъ съ боя, а 29-го и часть самаго города была уже въ его рукахъ. Какъ видно, этотъ ожесточенный бой продолжался безъ устали цѣлые три дня, и наконецъ непоколебимое

мужество европейскаго отряда восторжествовало надъ превосходящими по числу силами его противниковъ, угрожавшихъ безопасности лакнаускаго гарнизона. Еще послѣднее слово борьбы не произнесено, еще ни одно извѣстіе не говоритъ, чтобы непріятель былъ совершенно оттѣсненъ отъ города; но едва ли можно болѣе сомнѣваться въ окончательномъ успѣхѣ дѣла. Лакнаускій гарнизонъ вырученъ изъ крайней опасности, и Гевлокъ можетъ умереть спокойно, хотя бы ему не удалось совершить ничего болѣе въ жизни: онъ сдержалъ свое благородное слово и исполнилъ святой долгъ, возложенный на него трудными обстоятельствами. Само собою разумѣется, что и эта побѣда куплена также дорогою цѣной: изъ отряда въ 2800 человекъ вышло не менѣе 800, да сверхъ того онъ лишился храбраго генерала Нейля, который найденъ между убитыми. Но эти жертвы выкупаются спасеніемъ гарнизона, который уже обреченъ былъ на неминуемую гибель.

Передъ этими важными событіями блѣднѣютъ всѣ другія извѣстія о частныхъ возстаніяхъ, время отъ времени вспыхивающихъ вновь въ разныхъ частяхъ Индіи. Взятіе Дельги подняло духъ самыхъ унылыхъ въ Англіи и развязало языкъ даже тѣмъ, которые до сихъ поръ какъ бы избѣгали случая высказываться прямо передъ публикою. Недавно происходилъ въ Лондонѣ большой банкетъ въ честь новаго лорда-мера. Собраніе было весьма многочисленное и блестящее. Число приглашенныхъ гостей простиралось до 1200. Между почетными посѣтителями банкета находились графъ Кларендонъ, графъ Гренвиль, лордъ Пальмерстонъ, и многія другія знатныя лица. Лордъ меръ предложилъ здоровье первенствующаго и прочихъ министровъ. Пальмерстонъ принялъ вызовъ и отвѣчалъ на него цѣлою рѣчью. Само собою разумѣется, что главнымъ предметомъ ея были индійскія дѣла, и что взятіе Дельги послужило оратору поводомъ къ выраженію самыхъ успокоительныхъ надеждъ на будущее. Весьма естественно также, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отдать должное неустрашимости, мужеству и твердости своихъ соотечественниковъ, застигнутыхъ несчастными обстоятельствами въ Индіи. Вообще, какъ и слѣдовало ожидать, чувство національнаго достоинства и гордости нашло себѣ въ рѣчи благороднаго лорда полное выраженіе, и конечно встрѣчено было общимъ сочувствіемъ присутствовавшихъ. Но два мѣста въ ней показались нѣсколько неожиданными, если не для слушателей оратора, то для многихъ его читателей по другую сторону пролива. Первое изъ нихъ служитъ отвѣтомъ на упрекъ, дѣлаемый иногда Англіи, что она — не военная нація. Лордъ Пальмерстонъ принимаетъ упрекъ, чтобы потомъ очень ловко обратить его же на голову самихъ порицателей. «Съ одной точки зрѣнія это совершенно справедливо, замѣчаетъ онъ: объ Англичанахъ точно нельзя сказать, чтобы они были очень при-

вязаны къ мундирамъ и разнымъ другимъ военнымъ принадлежностямъ, какъ это водится у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Но за то о нихъ смѣло можно утверждать, какъ объ офицерахъ, такъ и о солдатахъ, что они никому не уступятъ въ знаніи своего дѣла, а равно въ умномъ и ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей.» Въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ о томъ, какія огромныя силы отправлены Англійей въ Индійскій океанъ на помощь колоніямъ, ораторъ дѣлаетъ неожиданный оборотъ къ самой метрополю и даетъ замѣтить своей публикѣ, что при всемъ томъ Англія у себя дома располагаетъ еще такими силами, что можетъ не бояться никакого нападенія. Да кто же угрожаетъ Англійи? спрашиваютъ нѣкоторыя газеты. Надобно полагать, что въ настоящую минуту никто; но Англія, какъ извѣстно, никогда не пренебрегаетъ уроками прошедшаго, а они говорятъ ей, что самыя опасныя покушенія на ея независимость именно приготовлялись во время кажущагося затишья. Эти уроки такъ важны, что Англія никогда не забудетъ ихъ.

Франція еще продолжаетъ оплакивать недавно понесенную ею потерю. Всѣ партіи отозвались на смерть генерала Каваньяка тѣмъ или другимъ добрымъ словомъ; никто не могъ отказать ему въ уваженіи. День погребенія Каваньяка (31 окт. н. ст.) былъ печальнымъ днемъ для цѣлаго Парижа. Подробности послѣдней погребальной процессіи много напоминаютъ тѣ, которыми сопровождалась похороны любимаго нзроднаго поэта Франціи. Вообще въ послѣднее время въ Парижѣ выработался пѣзъ обстоятельствъ какъ бы особый типъ похоронъ для всѣхъ лицъ, пользовавшихся при жизни своей тою или другою степенью популярности. Народъ спѣшитъ выразить свое искреннее сочувствіе къ умершему лицу и многочисленными толпами собирается со всѣхъ сторонъ на печальную церемонію. Правительство также старается не отстать отъ него во внѣшнихъ знакахъ уваженія къ покойнику, хотя притомъ преслѣдуетъ совѣтъ другія цѣли. Представители его, официальные и неофициальные, вмѣстѣ съ массами молчаливаго народа, какъ бы сливаясь съ ними въ одномъ чувствѣ, а въ самомъ дѣлѣ мѣшаясь съ ними только наружнымъ участіемъ, сопровождаютъ тѣло умершаго до послѣдняго его жилища. Тутъ обыкновенно опускаютъ гробъ въ землю при торжественномъ молчаніи всѣхъ присутствующихъ, — не потому, чтобы никто изъ нихъ не имѣлъ ничего сказать, но потому, что одно публично сказанное слово тотчасъ обличило бы раздѣленіе между истинными друзьями и почитателями умершаго и тѣми, которые, подъ видомъ уваженія къ его памяти, пришли однако сюда чисто съ полицейскими цѣлями!

О погребеніи генерала Каваньяка сообщаютъ слѣдующія подробности. Уже съ утра начали собираться многочисленныя толпы народа, располагаясь густыми рядами по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать погребальный кортежъ. Въ десять часовъ

утра войска, составлявшіи почетный конвой, построились въ ближайшихъ улицахъ къ дому, гдѣ стояло тѣло умершаго. Сюда же направлялись многочисленные друзья покойнаго, и скоро около дома образовалось такое стеченіе народа, что надобно было прекратить сообщеніе по Лондонской улицѣ (rue de Londres). Въ полдень кортежъ тронулся по направленію къ церкви St. Louis d'Antin. Впереди шли войска (одинъ эскадронъ гусарь, одинъ батальонъ пѣшихъ егерей съ музыкою, и одинъ 46-го пѣхотнаго полка также съ музыкою); за ними слѣдовала погребальная колесница, украшенная трехцвѣтными знаменами. Шестые открывалъ полковникъ Фосси, бывшій нѣкогда секретаремъ генерала. Бывшіе министры Бастидъ, Гудшо и Волабель, также полковникъ Гишаръ и Баляръ (работникъ) держали концы траурнаго покрыва. Затѣмъ слѣдовала густая толпа лицъ, принадлежавшихъ всѣмъ сословіямъ общества. Тутъ были люди всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ; военные мѣшались съ бывшими членами прежнихъ политическихъ собраній, литераторы и журналисты съ художниками, учеными и негоціантами. Даже консервативныя газеты прислали отъ себя нѣсколько представителей. Число всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ траурѣ, полагаютъ до 6000; между ними было много молодыхъ офицеровъ, но не замѣчено притомъ ни одной эполеты, ибо всѣ они явились въ гражданскомъ костюмѣ. Одинъ батальонъ 88 линейнаго полка и еще одинъ эскадронъ гусарь заключали печальную процессію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, зуавы парижскаго гарнизона также просидѣли участвовать въ церемоніи: они желали отдать послѣдній долгъ генералу, который такъ много способствовалъ образованію ихъ корпуса. Правительство однако нашло неудобнымъ удовлетворить ихъ желанію. Церковь, гдѣ происходило отпѣваніе, едва могла вмѣстить лишь самое малое число присутствовавшихъ; наибольшая же часть оставалась на ближайшихъ улицахъ, въ почтительномъ безмолвіи ожидая окончанія печальнаго обряда. Тутъ находились почти всѣ лучшіе люди не-бонапартистской Франціи, Дюфоръ, Сенаръ, Биксію, Жюль Симонъ, Бюше, Одилонъ Барро, нѣкоторые сенаторы и генералы. Отъ церкви погребальная процессія тѣмъ же порядкомъ двинулась къ Монмартрскому кладбищу. То же многочисленное стеченіе публики сопровождало поѣздъ до самой могилы. Все дѣйствіе на кладбищѣ продолжалось не болѣе 10 минутъ. Гробъ опущенъ былъ въ землю при глубокомъ безмолвіи всѣхъ присутствовавшихъ. Надъ свѣжею могилою не сказано было ни одного слова, не только цѣлой рѣчи. Увѣряютъ, что хотя друзья покойнаго имѣли отъ правительства позволеніе говорить, но не хотѣли имъ воспользоваться: они предпочли молчаніе, находя, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно гораздо выразительнѣе самаго краснорѣчиваго слова.

«При всемъ томъ, разказываетъ одинъ очевидецъ, эта безмолвная церемонія произвела на всякаго, кто присутствовалъ при ней,

потрясающее неизгладимое впечатлѣніе. Я оставался отъ начала до конца, продолжаетъ онъ. Многие плакали навзрыдъ. Это безчисленное множество людей, такъ высоко стоящихъ во мнѣніи цѣлой страны, всѣ эти генералы, полковники, академики, банкиры и прочія лица, присутствовавшія при погребеніи, оплакивали покойнаго, точно своего ближайшаго родственника. Грусть ихъ электрически сообщалась близъ-стоящему народу, а отъ него перешла и на ту публику, которая смотрѣла на церемонію изъ оконъ, такъ что печальная процессія превратилась въ какой-то растворенный слезами триумфальный поѣздъ. На возвратномъ пути съ кладбища повстрѣчалъ я нѣсколько Англичанъ, которые признались, что никогда не предполагали въ Французахъ столько глубокаго чувства и серьезности (Ernst). Нѣсколько знакомыхъ мнѣ офицеровъ, возвращаясь оттуда же, плакали какъ дѣти. Теперь только стало ясно, какъ много цѣнило Каваньяка французское общество. Франція потеряла въ немъ *честнаго* человѣка». Очень кстати сказанное слово. Никто конечно не захочетъ утверждать, что Франція лишилась въ Каваньякѣ своего популярнаго героя, славнаго полководца, или замѣчательнаго государственнаго человѣка. Достоинства покойнаго были больше другаго свойства. Его храбрость и неустрашимость засвидѣтельствованы множествомъ подвиговъ въ алжирскихъ походахъ; но ему не представилось ни одного случая раскрыть талантъ полководца въ собственномъ смыслѣ. Июльскіе дни въ Парижѣ не могутъ относиться сюда по многимъ причинамъ. Какъ были шатки и мало опредѣленны его политическіе виды, доказательствомъ можетъ служить римская экспедиція, задуманная въ то время, когда онъ былъ главою исполнительной власти во Франціи. За то всегда и вездѣ онъ былъ вѣренъ своему долгу. Одни и тѣ же июльскіе дни заслужили ему право на признательность одной части націи и навсегда сдѣлали имя его непопулярнымъ въ другой: и тѣмъ и другимъ Каваньякъ обязанъ былъ тому, что въ данную критическую минуту вѣрно и честно исполнилъ свой долгъ, какъ самъ понималъ его. Точно такъ же, въ другую великую минуту, когда народный выборъ отдавалъ другому власть, которую онъ еще держалъ въ своихъ рукахъ, онъ не подумалъ даже протестовать противъ народнаго избранія и мирно сошелъ на степень простаго гражданина, потому что опять хотѣлъ быть вѣренъ своему долгу. Дѣло было такъ просто и сдѣлано такъ скромно, что Франція не могла даже оцѣнить его по достоинству. Да и не могла она приложить къ нему почти никакого домашняго масштаба. Въ подобномъ поступкѣ Каваньяку не было предшественниковъ во Франціи: ей случалось не разъ и прежде бывать въ подобныхъ положеніяхъ, но они обыкновенно оканчивались насиліемъ или узурпаціей. Каваньякъ едва ли не первый въ своей странѣ показалъ примѣръ высокой, честно-

сти, вслѣдствіе вѣрнаго исполненія своего долга. Уже поэтому память его должна быть дорога для Франціи.

Вслѣдствіе смерти генерала Каваньяка должны открыться новыя выборы для замѣщенія его въ законодательномъ сословіи (хотя конечно то же самое послѣдовало бы и при его жизни, ибо нѣтъ сомнѣнія, что и на этотъ разъ онъ не согласился бы дать присягу). Уже называютъ кандидата, будто бы имъ самимъ указаннаго въ лицѣ друга его, г. де-Бомона. Между тѣмъ законодательное сословіе созывается уже императорскимъ декретомъ на 28 число текущаго мѣсяца (н. ст.). Полагаютъ впрочемъ, что первыя засѣданія его будутъ лишь провизорныя, то-есть, что они назначены собственно только для провѣрки выборовъ и принесенія присяги, а затѣмъ послѣдуетъ отсрочка до начала будущаго года. Итакъ предстоящій новый выборъ можетъ нѣсколько замедлиться, но во всякомъ случаѣ не лишень будетъ политическаго интереса.

О новомъ испанскомъ министерствѣ Армеро-Монъ все еще нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Оно носитъ на себѣ какой-то неопредѣленный цвѣтъ, хотя и называетъ себя консервативно-либеральнымъ. Оно объявило себя за конституцію 1845 года, но не обнаружило еще своего политическаго значенія никакими дѣйствіями. Не одобряя крайне-стѣснительныхъ мѣръ прежняго министерства относительно книгопечатанія, оно однако не спѣшитъ, и кажется даже вовсе не думаетъ взять ихъ назадъ. На словахъ журналистамъ обещають болѣе свободы, а между тѣмъ надъ ними попрежнему будетъ тяготѣть, какъ Дамокловъ мечъ, реакціонный носедалевскій законъ. Можетъ-быть министерство Армеро-Монъ и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ честныя намѣренія, но оно не принесло съ собою довольно энергіи и не запаслось почти никакими симпатіями въ публикѣ. Викальваристы держатъ себя отъ него въ отдаленіи. Друзья Нарваэса также нисколько не думаютъ помогать ему, потому что не хотятъ разстаться съ мыслію о возстановленіи прежняго кабинета. Наконецъ начинаютъ сомнѣваться и въ томъ, найдетъ ли министерство большинство себѣ даже въ кортесахъ. Объ отношеніяхъ его ко двору разказываютъ слѣдующій случай. Однажды Армеро явился во дворецъ, съ докладомъ королевѣ. Дежурнымъ камергеромъ былъ на этотъ разъ одинъ горячій приверженецъ Нарваэса. вмѣсто того, чтобы тотчасъ доложить о прибытіи президента совѣта министровъ, онъ заставилъ его ждать до тѣхъ поръ, пока не кончился пріемъ другихъ особъ, ожидавшихъ въ тотъ день королевской аудіенціи. Армеро вышелъ изъ себя, и какъ только допущенъ былъ къ королевѣ, тотчасъ обратился къ ней съ жалобой. Естественно, что королева приняла сторону обиженнаго президента совѣта министровъ: дерзкій камергеръ долженъ былъ публично просить у него извиненія. Этотъ случай разказываютъ какъ доказательство того, какъ неза-

всисно держать себя новое министерство въ отношеніи къ придворнымъ партіямъ. Намъ же кажется, что онъ скорѣе можетъ служить указателемъ силы и дерзости придворной камарильи, которая въ томъ поставляетъ свою задачу, чтобы подземнымъ дѣйствіемъ подрывать всѣ благія начинанія лицъ и авторитетовъ, не имѣющихъ съ нею общихъ интересовъ. Она ужь парализировала множество министерствъ самаго разнообразнаго состава; министерству Армеро-Монъ также едва ли удастся избѣжать ея разъѣдающаго дѣйствія. Впрочемъ—подождемъ событій, чтобы видѣть, сколько прочныхъ элементовъ существованія носить кабинетъ Армеро Монъ въ самомъ себѣ.

Пока мы вели нашу хронику текущихъ вопросовъ, въ Бельгіи разыгралось, и притомъ необыкновенно счастливо, большое политическое дѣло, которое нѣсколько времени уже держало страну въ напряженномъ состояніи. Читателямъ извѣстны результаты, которые приведены были преніями, происходившими прошлою весною въ бельгійской палатѣ депутатовъ по поводу проекта закона о благотворительности. Въ странѣ обнаружилось глубокое раздвоеніе. Между тѣмъ какъ законъ имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ палатѣ, общественное мнѣніе въ странѣ оказалось рѣшительно противъ него. Тогда уже была возможность опаснаго столкновенія между политическими партіями, которое могло привести только къ анархіи. Этотъ опасный кризисъ былъ обойденъ лишь благодаря истинно конституціонной мудрости короля. Въсего того, чтобы еще болѣе натягивать и безъ того слишкомъ напряженныя нити политическаго организма своей страны, Леопольдъ умѣлъ вовремя ослабить ихъ и не дать рѣшительнаго перевѣса ни той, ни другой партіи. Засѣданія палатъ были отсрочены, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраненъ временно ближайшій поводъ къ тѣмъ безпокойнымъ явленіямъ, которыя вызваны были успѣхомъ закона въ нижней палатѣ. Итакъ возможность опаснаго столкновенія не была устранена совершенно, а только перенесена на другое, болѣе отдаленное время, въ надеждѣ, что взволнованные умы между тѣмъ успѣютъ нѣсколько успокоиться. На время страна въ самомъ дѣлѣ возвратилась къ спокойствію; но чѣмъ больше приближался срокъ, назначенный для открытія засѣданій палатъ, тѣмъ больше прежнее безпокойство овладевало всею страню. Возвращаясь къ своей дѣятельности, нижняя палата должна была привести съ собою и прежнее большинство. Прежнее министерство оставалось въ прежнемъ своемъ составѣ, а съ нимъ тѣсно была соединена и судьба предложеннаго имъ закона о благотворительности. Муниципальные выборы, происходившіе въ концѣ октября въ Бельгіи, показали между тѣмъ несомнѣнно, что большинство публики принадлежитъ либеральному мнѣнію, то-есть противникамъ закона. Существовавшій уже разладъ между парламентскимъ большинствомъ и общественнымъ мнѣніемъ обнаружился такъ ярко, что

ни для кого болѣе не былъ ни тайною, ни вопросомъ. Бельгія снова вступала въ періодъ опаснаго кризиса, который могъ разрѣшиться для нея очень несчастливо. Согласіе парламентскаго большинства съ министерствомъ давало королю законное основаніе удержать его во власти и предоставить ему свободу дѣйствовать въ праживенъ направленіи. Онъ могъ даже явно принять сторону своего министерства противъ общественнаго мнѣнія, такъ несомнительно выразившагося въ послѣднихъ выборахъ.

Это было бы безъ сомнѣнія самое большое несчастье, какое только можетъ постигнуть конституціонное государство. Отчего же погибли июльскія учрежденія во Франціи, если не отъ неблагоразумнаго упорства одной партіи, располагавшей тогда властію и думавшей имѣть въ парламентскомъ большинствѣ достаточную опору, чтобы идти наперекоръ общественному мнѣнію? Съ Бельгіей по счастью этого не случилось. Благодаря опять той же мудрости и безпристрастію своего короля и также духу умѣренности въ самыхъ вліятельныхъ лицахъ обѣихъ партій, она вышла изъ своего кризиса, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, безъ сильнаго потрясенія и безъ всякаго вреда своимъ основнымъ учрежденіямъ.

Началось съ того, что передъ приближеніемъ срока, назначеннаго для возобновленія засѣданій палаты, министерство само почувствовало свою несостоятельность и выразило желаніе сложить съ себя власть — рѣшеніе, говорящее очень много въ его пользу. Съ своей стороны король, вѣрный своему конституціонному назначенію, тотчасъ озаботился замѣщеніемъ отходящаго министерства и для этой цѣли обратился прежде всего къ тому отѣнку либеральной партіи, который ближе другихъ подходитъ къ парламентскому большинству. Такой смыслъ имѣло порученіе составить новое министерство, данное королемъ Бруккеру. Но прежде чѣмъ составилъ новый кабинетъ, будущій глава его увидѣлъ ожидающія его непобѣдимыя трудности. Въ самомъ дѣлѣ, его министерство могло быть только переходное, въ ожиданіи того времени, когда наступитъ законный срокъ для возобновленія существующей палаты депутатовъ (лѣтомъ 1858 года) (1). Между тѣмъ общественное мнѣніе, очень хорошо понимая, что противорѣчіе его парламентскому большинству не можетъ кончиться лишь переменою министерства, требовало одновременнаго распушенія прежней палаты и немедленнаго созванія новой. Не надѣясь побѣдить трудности этого положенія, Бруккеръ отказался составить министерство. Тогда король обратился прямо къ либеральной оппозиціи и передалъ то же порученіе г. Рожье, одному изъ благоразумнѣйшихъ и опытнѣйшихъ ея членовъ, который два раза уже былъ

(1) Бельгійская палата возобновляется лишь на половину своихъ членовъ.

во главѣ бельгійскаго министерства (въ 1832 и 1848). Рожье не иначе могъ взять на себя составленіе новаго кабинета, какъ подъ условіемъ немедленнаго распущенія нижней палаты. Между другими именами представленнаго имъ списка находилось также имя г. Фреръ-Орбана, то-есть того изъ членовъ оппозиціи, который всѣхъ неутомимѣ ратовалъ противъ закона о благотворительности. Первые предложенія г. Рожье нѣсколько затруднили осторожнаго короля, такъ что онъ пожелалъ имѣть еще одно совѣщаніе съ главою бывшаго кабинета; но какъ послѣдняя предложенная комбинація оказалась единственно-возможною, то онъ наконецъ и не хотѣлъ болѣе отказать ей въ своемъ утвержденіи. Такъ, наканунѣ самаго открытія палатъ, составилось новое либеральное бельгійское министерство. Составъ его пока слѣдующій: Рожье—иностранныхъ дѣлъ; Фреръ-Орбанъ—финансовъ; Тешъ — внутреннихъ дѣлъ; Фанденперебомъ — публичныхъ работъ; генералъ Бертенъ — министръ военный; баронъ де Фріеръ—министръ юстиціи. На другой день палата депутатовъ открыла свои засѣданія, и на первомъ же изъ нихъ прочитанъ королевскій декретъ, подписанный новыми министрами о распущеніи палаты. Собраніе разошлось при кликахъ: да здравствуетъ король! Страна спокойно ожидаетъ новыхъ выборовъ, которые должны происходить черезъ 40 дней; палаты же будутъ созваны вновь черезъ два мѣсяца.

Такъ, несмотря на зловѣщія предсказанія католическихъ журналовъ, мирно разрѣшился кризисъ, который внушалъ опасенія даже многимъ друзьямъ законной свободы. Бельгія доказала еще разъ, что она созрѣла для конституціонныхъ учрежденій, или что она такъ же умѣетъ пользоваться своими правами, какъ и исполнять свои обязанности. За то поведеніе ея въ послѣднихъ обстоятельствахъ заслужило ей всеобщее одобреніе и дало ей новыя права на уваженіе Европы. Англійскія газеты съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что конституціонное воспитаніе народа въ Бельгіи уже принесло свои плоды, и охотно отдаютъ справедливость умѣренности и благоразумію политическихъ партій, которыя ведутъ въ ней борьбу за первенство. Даже *La Patrie*, забывъ на время свою заклятую вражду къ такъ-называемому ею «парламентаризму», должна признаться, что въ недавнихъ событіяхъ Бельгія показала на себѣ образецъ политической мудрости. Куда же дѣвались тѣ призраки революціи, которыми клерикальные журналы, въ самой Бельгіи и во Франціи, старались запугать воображеніе своихъ читателей?

Много интереса возбуждаютъ также новые выборы, которые должны происходить въ скоромъ времени въ Сардинскомъ королевствѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе этихъ обоихъ конституціонныхъ государствъ довольно сходно. И тамъ и здѣсь идетъ борьба между либеральною и католическою партіями. Существенная

разница впрочемъ состоитъ въ томъ, что первая управляла дѣлами въ Сардиніи, когда послѣдовало распущеніе палаты, и что самое это распущеніе произошло не вслѣдствіе кризиса, а по причинѣ законнаго прекращенія ея полномочія. Тѣмъ не менѣе, какъ скоро въ Бельгіи уже образовалось либеральное министерство, положеніе дѣлъ почти уравнивается въ томъ и другомъ государствѣ. При предстоящихъ выборахъ въ Сардиніи, католическая партія точно также выступаетъ впередъ съ своими исключительными притязаніями. Здѣсь, какъ и въ Бельгіи, она также отличается неумѣренностію своихъ угрозъ, въ случаѣ если выставленные ею кандидаты не получатъ себя большинства. До чего доходитъ здѣсь неумѣренность этой партіи, примѣромъ можетъ служить статья одного савойскаго журнала, которая впрочемъ имъ самимъ заимствована изъ *l'Univers*. Вся статья состоитъ въ раскрытіи слѣдующаго силлогизма. Король есть естественный глава католической партіи; а какъ онъ измѣняетъ ея интересамъ, то она должна подумать о присканіи себя новаго главы... Епископы туринскаго церковнаго діоцеза между прочимъ издали отъ себя собирательный манифестъ къ избирателямъ. Въ немъ конечно рекомендуются католическіе кандидаты, и отъ выбора или невыбора ихъ поставляется въ зависимость участь самой религіи. Къ чести генуэзскаго архіепископа (Mgr Scharvaz), надобно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ отдѣлился отъ своихъ собратій и сдѣлалъ отъ себя особое, болѣе умѣренное обращеніе къ избирателямъ. Есть сверхъ того въ Сардиніи особый оттѣнокъ либеральной партіи, который находится въ постоянной оппозиціи съ правительствомъ. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ членовъ крайней лѣвой стороны, тогда какъ правительство опирается на лѣвый центръ. Его органомъ считается *Dirito*, журналъ, издаваемый въ Туринѣ. Эта партія, несмотря на свою малочисленность, также принимаетъ живое участіе въ выборахъ и ведетъ за нихъ упорную полемику съ министерскими журналами. Главный предметъ нападеній *Dirito* есть внѣшняя политика правительства. Но эти нападки находятъ себѣ еще менѣе сочувствія въ публикѣ, и въ Сардиніи является уже вѣроятность, что большая часть прежнихъ членовъ снова будутъ выбраны въ палату депутатовъ, и что поэтому нельзя ожидать никакой существенной перемѣны какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ сардинскаго правительства.

Португальскія палаты снова открыты 4 ноября (н. ст.) рѣчью, произнесенною отъ имени короля президентомъ совѣта министровъ. Печальныя обстоятельства страны, среди которыхъ произошло созваніе палатъ, не могли не отразиться и въ самой королевской рѣчи. Въ ней говорится о новыхъ предпріятіяхъ для проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Португаліи, также о продолженіи старыхъ, и это безспорно есть самая свѣтлая сторона всего заключающагося въ рѣчи

изложения. Но затѣмъ слѣдуетъ признаніе правительства, что въ нѣкоторой части публичныхъ доходовъ оказалось уменьшеніе, и официальное возвѣщеніе объ успѣхахъ заразительной болѣзни въ столицѣ государства. Впрочемъ въ рѣчи выражена также увѣренность, что болѣзнь начинаетъ уже уступать употребленнымъ противъ нея усиленнымъ, и упоминается о предварительныхъ мѣрахъ противъ ея распространения въ будущемъ, которыя правительство намѣрено предложить на обсужденіе кортесамъ. Мы должны прибавить, что, по частнымъ извѣстіямъ, надежды на уменьшеніе эпидемии все еще оказываются слабы, но что дѣятельность молодого короля не ослабѣваетъ въ борьбѣ съ общественнымъ бѣдствіемъ.

Размѣры финансоваго кризиса въ Америкѣ со всѣми его послѣдствіями все болѣе и болѣе обрисовываются. 14 октября (какъ уже было извѣщено въ послѣдней книжкѣ Р. В.) банки прекратили выдачу звонкой монеты. Первый сигналъ былъ поданъ ньюйоркскимъ банкомъ; его примѣру послѣдовали и всѣ другіе. Только одинъ Chemical-banc не измѣнилъ своихъ операций. Несмотря на это, сначала еще можно было доставать звонкую монету за очень умѣренный процентъ у мѣняль, благодаря предприимчивости нѣкоторыхъ мелкихъ капиталистовъ. Сохранныя кассы не прекращали уплаты вкладчикамъ металлическими деньгами; многіе изъ нихъ взяли обратно внесенныя ими суммы; звонкую монету уступили мѣняламъ, а билетами сдѣлали новые вклады. Но скоро и сохранныя кассы стали выдавать только $\frac{1}{10}$ часть всей суммы наличными деньгами, и трудность доставать звонкую монету стала увеличиваться съ каждымъ днемъ. Говорятъ, что одинъ богатый негоціантъ, пользующійся обширнымъ кредитомъ, не могъ найти 300,000 долл. звонкою монетою на нѣсколько дней, несмотря на то, что предлагалъ 1000 долларовъ процента за день.

Это затруднительное положеніе банковъ парализировало всѣ отрасли промышленности и частію даже государственные финансы. Насчитываютъ теперь до 90 самыхъ важныхъ банкротствъ, а сумму ихъ несостоятельности опредѣляютъ въ 900 милл. долл. Въ одномъ Нью-Йоркѣ лежитъ въ складочныхъ мѣстахъ на 160 милл. долл. товаровъ, за которые не можетъ быть уплачена пошлина. Придется можетъ быть большую часть ихъ отвезти обратно. Запросъ на американскіе товары очень слабъ. Хлѣбъ вывозится въ значительномъ количествѣ; но на хлопчатую бумагу мало требованій; до сихъ поръ вывезено изъ Нью-Йорка товаровъ всего на 683,868 долл.; привезено на

2,359,095 долл. Правительство тоже находится въ довольно затруднительномъ положеніи вслѣдствіе того же кризиса. Нельзя не одобрить благородной попытки государственнаго секретаря финансовъ— пополнить недостатокъ монеты въ обращеніи ссудою изъ государственной казны; но послѣ того едва ли можетъ быть сохранено равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Изъ таможенъ почти ничего не поступаетъ въ казну. Думали было прибѣгнуть къ займу въ 13 милл. долл. Но это намѣреніе теперь оставлено или по крайней мѣрѣ отложено на время; потому что это значило бы взять обратно ту сумму, которая поступила въ предварительную уплату по внутреннимъ займамъ. Самое сильное противорѣчіе эта мѣра встрѣтила себѣ въ президентѣ республики: онъ, напротивъ, желаетъ сдѣлать возможныя сокращенія въ расходахъ по всѣмъ отраслямъ управленія и на первый разъ намѣренъ даже пріостановить всѣ общественныя работы. Но и эта мѣра въ свою очередь можетъ имѣть очень дурное вліяніе на рабочій классъ; множество рукъ останется безъ занятій и нѣсколько тысячъ людей безъ средствъ къ существованію. Ихъ уже и теперь много. По этому поводу въ Нью-Йоркѣ недавно былъ митингъ работниковъ для обсуждения мѣръ, которыя нужно принять, чтобы рабочій классъ не оставался безъ занятій и безъ средствъ для пропитанія. Стеченіе было очень многочисленное; замѣчательно впрочемъ, что все, что было сказано на митингѣ, отличалось здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ положенія дѣлъ. Ораторы особенно нападали на главную причину кризиса, которую они видятъ въ дурномъ устройствѣ банковъ и въ неумѣренности въ спекуляціяхъ главнѣйшихъ капиталистовъ. На томъ же митингѣ положено, что лучшимъ средствомъ для вспоможенія бѣднымъ рабочикамъ было бы начатіе общественныхъ работъ для города Нью-Йорка. Нужно замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ уже доказали прежніе опыты, это есть самое дѣйствительное и наиболѣе употребительное средство.

Барометромъ общественнаго мнѣнія по поводу этого кризиса служила биржа. При первомъ извѣстіи о закрытіи банковъ курсъ на всѣ невещественные представители цѣнностей поднялся, послѣ непродолжительнаго колебанія. Но потомъ распространился паническій страхъ, и многіе, воспользовавшись временнымъ ихъ повышеніемъ, спѣшили снова сбывать ихъ. Явилось также опасеніе, чтобы кризисъ не увеличился вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя можетъ принять правительство.

По существующему въ Америкѣ положенію о банкахъ, какъ скоро банкъ прекращаетъ выдачу звонкой монеты, правительство можетъ его принудить къ ликвидаціи его обязательствъ тѣми средствами, которыя служатъ обезпеченіемъ выпущенныхъ имъ билетовъ. Этотъ страхъ впрочемъ теперь разсѣялся; потому что члены верховнаго суда 1-го и 2-го дистрикта произнесли уже свое мнѣніе, что не

должно употреблять противъ банковъ, прекратившихъ уплату, никакихъ принудительныхъ средствъ, если не окажется въ этомъ дѣлѣ обмана (fraud). А прекращеніе выдачи звонкой монеты не есть доказательство обмана, потому что банкъ, несмотря на то, можетъ еще имѣть средства для уплаты по своимъ обязательствамъ. Это рѣшеніе было уже приложено въ одномъ процессѣ, бывшемъ въ Нью-Йоркѣ.

Единственное средство остановить кризисъ большая часть капиталистовъ видятъ въ назначеніи условнаго курса для банковыхъ билетовъ (coups forcés). Къ этой мѣрѣ прибѣгали уже не разъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; англійскій банкъ выдержалъ такимъ образомъ продолжительный кризисъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время войнъ съ Наполеономъ; въ 1837 въ минуту подобнаго же кризиса прибѣгали къ той же мѣрѣ и въ Америкѣ.

Причины настоящаго кризиса довольно ясны. Напрасно многія американскія газеты видятъ ихъ въ увеличеніи роскоши и въ усиленномъ вывозѣ металловъ за границу вслѣдствіе свободы торговли. Эти явленія суть слѣдствія другихъ болѣе отдаленныхъ причинъ. Главная же причина заключается въ чрезмѣрномъ развитіи спекуляцій и въ непрочномъ основаніи кредита въ Америкѣ. Банки дѣлаются участниками всѣхъ спекуляцій, даже часто слишкомъ рискованныхъ. Ими выпущено было чрезмѣрное количество билетовъ; но въ каждомъ государствѣ существуетъ потребность только въ определенномъ количествѣ представителей цѣнности. Вотъ почему всякій лишній выпускъ билетовъ вытѣсняетъ равнозначительную ему массу денегъ, которыя уходятъ за границу посредствомъ внѣшней торговли. Оградите границы таможенными, не выпускайте денегъ изъ государства, звонкая монета можетъ—быть будетъ уходить за границу въ меньшемъ количествѣ, но банковые билеты потеряютъ часть своей цѣнности; а этотъ экономическій переворотъ почти не менѣе того, который совершается теперь.

Этотъ кризисъ сильно отозвался и въ Европѣ, съ одной стороны по ея слишкомъ тѣсной связи съ Сѣверо-Американскими Штатами, а съ другой — вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ: ибо и здѣсь въ послѣднее время накопилось много разнаго рода бумажныхъ денегъ (представителей цѣнности). Европа не можетъ обойтись безъ многихъ американскихъ товаровъ; хлопчатая бумага сдѣлалась для Европы совершенною необходимостью. За всѣ произведенія Америки она должна въ настоящее время платить золотомъ, а это влечетъ за собой почти такой же переворотъ въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ. Но послѣдствія этого кризиса здѣсь обнаружались еще не такъ ясно. Болѣе всего обозначился онъ въ Англии. 6-го ноября, на биржѣ происходило чрезвычайное волненіе; облигаціи отвержденнаго долга, колебавшіяся между 89 и 90, упали до $87\frac{3}{4}$; потомъ снова повысились по полученіи извѣстій, что французскій банкъ не повысилъ

учета. Директоры банка испросили разрѣшеніе выйти изъ опредѣленнаго имъ законами предѣла для оборотовъ на 4,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Учетъ повышенъ до 9⁰/₀; но и это необыкновенное его увеличеніе не уменьшило требованій на звонкую монету. Къ дѣйствительной потребности въ ней присоединился еще панической страхъ: всѣ спѣшатъ запасаться на всякій случай. Учетъ вѣроятно будетъ еще болѣе повышенъ. Въ промышленности—совершенный застой; товары не имѣютъ сбыта; особенно плохо идетъ шерсть, шерстяная пряжа и ткани. Многіе торговые дома обанкротились. Положеніе дѣлъ въ провинціяхъ еще хуже. Многіе изъ банковъ прекратили выдачу звонкой монеты. Въ Глазго опасались даже возстанія, и чтобы предупредить его, должны были употребить военную силу. Во Франціи дѣла не достигли еще такого состоянія; но парижскій банкъ значительно повысилъ процентъ учета. Въ обществѣ господствуетъ страхъ въ ожиданіи кризиса. Въ промышленности тоже чувствуется застой. На фабрикахъ уменьшаются работы. Вслѣдствіе денежнаго кризиса цѣны на многіе товары значительно упали: особенно на вино, масло, шерсть, шелкъ и различные колоніальные товары. Императоръ, для успокоенія публики, адресовалъ слѣдующаго содержанія письмо къ министру финансовъ Маню:

«Г. министръ!

«Я съ горестію вижу, какъ безъ всякой явной и дѣйствительной причины подрываютъ общественный кредитъ ложными опасеніями и какими-то средствами противъ зла несуществующаго. Нужно признаться, что прошлаго года эти опасенія имѣли основаніе. Рядъ неурожайныхъ годовъ заставлялъ насъ высылать по нѣскольку сотъ милліоновъ звонкой монетою въ уплату за хлѣбъ, котораго у насъ не доставало, но несмотря на это мы предупредили кризисъ и опровергли печальныя предсказанія людей, распространявшихъ тревогу, очень простыми, но благоразумными мѣрами, вовремя принятыми Французскимъ банкомъ. Какъ же не хотѣть понять, что тѣ же самыя средства, облегченныя еще закономъ, позволяющимъ банку возвышать процентъ учета, будутъ вполне достаточны, чтобы сохранить въ банкѣ звонкую монету, которая ему необходима, потому что мы въ гораздо лучшемъ положеніи противъ прошлаго года, и запасъ звонкой монеты въ банкѣ гораздо значительнѣе?

«Я васъ прошу опровергнуть тѣ нелѣпыя проекты, которые приписываются правительству, и распространеніе которыхъ порождаетъ опасенія. Съ гордостію можемъ мы утверждать, что кредитъ во Франціи основанъ на болѣе широкихъ и прочныхъ началахъ, нежели гдѣ-либо. Замѣчательный отчетъ, который вы мнѣ представили, служить тому доказательствомъ. Вдохните мужество въ тѣхъ, которые напрасно пугаются, и увѣрьте ихъ, что я вовсе не намѣренъ употребить

тѣхъ эмпирическихъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ обстоятельствахъ, къ счастью, довольно рѣдкихъ, когда именно разражаются надъ странюю катастрофы, которыхъ не можетъ предвидѣть человѣческая мудрость.»

Говорятъ, что эти обѣщанія нѣсколько успокоили общественное мнѣніе; но врядь ли возвышеніе процента при учетѣ можетъ совершенно предотвратить отъ Франціи тотъ кризисъ, который свирѣпствуетъ въ Америкѣ и Англии, и признаки котораго замѣчаются и въ другихъ государствахъ Европы.

Государь Императоръ еще въ мартѣ прошлаго года Высочайше повелѣть соизволилъ: приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ, для того, дабы этимъ дополнить великую и стройную систему народнаго образованія. Почетный попечитель Костромской губернской гимназіи, Александръ Николаевичъ Григоровъ, первый задумалъ ходатайствовать объ открытіи, на его счетъ, въ Костромѣ училища для дѣвицъ всѣхъ свободныхъ сословій. Онъ купилъ для этого въ Костромѣ обширный и съ прекраснымъ садомъ (за 30,000 рублей) каменный домъ, обязался ежегодно вносить на жалованье учителямъ по 2,000 рублей; плату за образованіе опредѣлилъ, по взаимному соглашенію съ директоромъ гимназіи, самую умѣренную, а именно: въ первыхъ трехъ классахъ по 20 руб., а въ трехъ послѣднихъ по 30 руб. за каждую дѣвицу въ годъ; сверхъ того имъ назначено: 12 бѣднѣйшихъ дѣвицъ обучать вовсе безденежно, и за 12 вносить отъ себя. Открытіе училища совершено г. Григоровымъ 26-го августа сего года, въ воспоминаніе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. По распоряженію министерства, въ составъ училища поступилъ, на первый разъ, существовавшій въ Костромѣ частный женскій пансіонъ г-жи Шкотъ, которая при этомъ сдѣлана начальницею училища. На другой же день по открытіи училища, начались въ немъ классы, и дѣло пошло какъ заведенные часы. Теперь обучается въ немъ болѣе семидесяти дѣвочекъ (въ томъ числѣ постоянныхъ пансіонерокъ 28), изъ которыхъ большая часть дѣти дворянъ и чиновниковъ, а меньшая купеческаго и духовнаго сословій, и не проходитъ дня, въ который бы не поступало просьбы о принятіи въ училище дѣвочекъ: доказательство, какъ велика потребность въ такого рода заведеніяхъ. Костромское дворянство выразило недавно признательность свою почтенному Александру Николаевичу публичнымъ торжествомъ.

— Государственный совѣтъ высочайше утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ положилъ: 1) Впредь до изданія новаго устава о несостол-

тельности лицъ неторговаго званія, въ замѣнъ 3,059 ст. Зак. Гражд. и первыхъ двухъ примѣчаній къ оной, постановить: ст. 3,059. «По собраніи свѣдѣній объ имѣніи и долгахъ несостоятельнаго, губернскаго правленіе дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ имѣнія и объ удовлетвореніи представленныхъ и правильно, гдѣ слѣдовало, явленныхъ обязательствъ съ залогами; остающееся, за удовлетвореніемъ оныхъ, имущество должника принимаетъ въ свое вѣдомство и, по вызовѣ къ определенному сроку всѣхъ прочихъ заимодавцевъ, составляетъ изъ оныхъ, подъ своимъ вѣдѣніемъ, конкурсное управленіе, для уплаты всѣхъ прочихъ долговыхъ обязательствъ и взысканій.» *Примѣчаніе.* «Относительно состава сего конкурса и порядка производства въ ономъ дѣлѣ слѣдуетъ руководствоваться общими правилами, постановленными въ *Сводѣ Уставовъ Торговыхъ* для дѣлъ о несостоятельныхъ лицахъ торговаго званія, когда сіи правила не противорѣчатъ особымъ узаконеніямъ, собственно для дѣлъ о несостоятельныхъ лицахъ неторговаго званія постановленнымъ. При семъ, изложенныя въ упомянутыхъ Уставахъ обязанности присяжнаго попечителя и коммерческаго суда или магистрата возлагаются на губернскаго правленіе.»

— По извѣстіямъ изъ Владиміра, тамъ съ половины сентября начались первоначальныя изысканія по проложенію нижегородской желѣзной дороги. Они производятся по южному краю города, у самаго лѣваго берега рѣки Клязьмы. Владѣльцы земель, черезъ которыя идетъ линія, съ полною готовностію способствуютъ успѣху розысканій, и не могутъ нахвалиться предупредительностію и вѣжливостію инженеровъ компаніи и ихъ уваженіемъ къ интересамъ владѣльцевъ.

— 12-го октября прибыли въ Одессу изъ Англіи принадлежащіе Русскому Обществу Пароходства и Торговли пароходы-буксиры *Батюшка*, *Матушка* и *Братецъ*.

Новѣйшія извѣстія.

Газета *Nord* сообщаетъ ноту с.-петербургскаго кабинета русскому посланнику въ Константинополь, служащую отвѣтомъ на первую турецкую ноту о княжествахъ. Россія остается въ томъ же положеніи, въ какомъ она была прежде относительно того же вопроса. То-есть, не произнося своего рѣшенія ни въ пользу, ни противъ соединенія княжествъ, она, въ силу трактата 18-го марта, скажетъ свое окончательное мнѣніе лишь на парижской конференціи.

— Молдавскій диванъ, обнаруживъ желанія, касающіяся соеди-

ненія, перешелъ къ вопросамъ внутренней политики и управления. Программа ихъ состоитъ изъ 12 пунктовъ. Изъ нихъ замѣчательны особенно слѣдующіе: свобода торговли, свобода вѣроисповѣданія, равенство всѣхъ Румыновъ передъ закономъ, независимость магистратуры, отвѣтственность министровъ и пр. *Journal des Débats* замѣчаетъ, что почти такая же программа была недѣвно предложена для исполненія тунисскому бею французскимъ адмираломъ.

— Въ Лондонѣ получены двѣ официальные депеши о взятіи Дельги. Въ нихъ впрочемъ не заключается ничего новаго. По нѣкоторымъ частнымъ извѣстіямъ, жителямъ Дельги, кромѣ женщинъ и дѣтей, не оказано было никакой пощады со стороны побѣдителей. Эта опечаливающая всѣхъ друзей человѣчества новость впрочемъ еще имѣетъ нужду въ подтвержденіи.

— *Le Pays* такъ повѣряетъ первыя извѣстія объ освобожденіи Лакнау позднѣйшими. Англичане занимаютъ не городъ, а цитадель лакнаускую, находящуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Генералу Отрѣму удалось прорваться сквозь ряды осаждающихъ и доставить гарнизону необходимые припасы; но теперь онъ самъ запертъ со всѣхъ сторонъ въ крѣпости. Генералъ Гевлокъ, командующій другою колонною, расположился неподалеку отъ цитадели лагеремъ на возвышеніи; но онъ связанъ непріятельскою арміею, которая занимаетъ городъ и которую полагаютъ въ 20,000 человекъ. Все это можетъ разъясниться лишь при дальнѣйшихъ извѣстіяхъ.

— Вслѣдствіе чрезвычайной мѣры, принятой англійскимъ правительствомъ въ пользу банка, англійскій парламентъ созывается къ 3 декабря сего года. Полагаютъ впрочемъ, что это засѣданіе его, какъ чрезвычайное, будетъ непродолжительно.

— 14-го ноября происходило въ Парижѣ погребеніе министра юстиціи Аббатуччи, при чемъ государственный министръ Фульдъ произнесъ приличную рѣчь.

— Въ Сербіи еще не совсѣмъ разъяснилось дѣло о причинахъ открытаго тамъ заговора, какъ уже получены извѣстія, что бѣградскій судъ первой инстанціи произнесъ надъ заговорщиками свое рѣшеніе, по которому главные изъ нихъ, въ томъ числѣ президентъ сената Стефановичъ, приговорены къ смерти.

— Извѣстія изъ Нью-Йорка становятся нѣсколько успокоительнѣе. Деньги получаютъ легче. Для Европы получено тамъ изъ Калифорніи 1,900,000 долларовъ.

— Въ Туринѣ получены извѣстія о 53 новыхъ выборахъ. Изъ нихъ только 15 принадлежатъ оппозиціи, а прочіе 38 — либеральныя, или въ пользу правительства.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МОСКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской типографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ДОМАШНЯЯ И ДОРОЖНАЯ АПТЕКА доктора Эбермейера; пересмотрѣнная и исправленная докторомъ и профессоромъ Каппе. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ изученію акушерской науки, изд. орд. проф. акуш. женск. и дѣтск. болѣзней при Импер. мед. хирург. академіи А. Китеромъ. 2 т., съ рисунк. и табл. Спб. 1857. Ц. 4 р., съ пер. 5 руб.

РАЗВИТІЕ ПОНЯТІЙ о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. Разсужденіе А. Богдановскаго. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ЗЕМЛЕНАУКИ. ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ ЗЕМНАГО ШАРА. Съ 8 карт. и 15 политип. Сост. Н. Разумовъ. Выпускъ I. Протогея, или первоначальныя свѣдѣнія о землѣ. Топогея. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

КЛИНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, содержащая описаніе всѣхъ внутреннихъ болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ, съ изложеніемъ ихъ признаковъ, распознаванія и лѣченія, съ прибавленіемъ краткой рецептуры и фармакологіи. Сост. для врачей и учащихся, докторомъ Мартелломъ Франкомъ. Пер. съ нѣм. Конст. Рубинштейнъ. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОЧЕРКИ И РАЗКАЗЫ Грицко Григоренко. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Полный всеобщій **ПИСЬМОВНИКЪ**, примѣненный ко всѣмъ классамъ общества. Собраніе практическихъ примѣровъ на всѣ случаи общественной жизни, съ приложеніемъ образцовыхъ писемъ извѣстнѣйшихъ авторовъ, содержащій письма родственныя и дружескія, письма, просительныя и утѣшительныя, письма рекомендательныя, письма описательныя, письма влюбленныя, письма коммерческія, письма образцовыя и другія. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О существенныхъ свойствахъ **ЗОЛОТУШНОЙ БОЛѢЗНИ**, средствахъ узнавать и пользоваться оную. Соч. Хр. Вил. Гуфеланда. Изд. 3-е. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Обычай собираться въ извѣстные дни воспитанникамъ одного учебнаго заведенія—прекрасный обычай. Въ этихъ собраніяхъ выражается любовь и благодарность къ тому мѣсту, гдѣ собравшіеся получили первое благо въ мирѣ—образование; на этихъ собраніяхъ и старики, и молодые, поставленные судьбой и обстоятельствами въ разнообразныя общественныя положенія, сливаются въ одну семью, и переносясь мыслью и воспоминаніемъ къ родному заведенію, ко времени молодости, освѣжаютъ и чувства, и мысли свои.

У насъ въ Россіи честь введенія этого прекраснаго обычая принадлежитъ воспитанникамъ Императорскаго Царскосельскаго (нынѣ Александровскаго) лицея. Ежегодно 19-го октября, въ день учрежденія лицея, собираются они праздновать лицейскую годовщину. На этихъ—то лицейскихъ праздникахъ бывалъ нѣкогда безсмертный нашъ Пушкинъ; на нихъ русское ухо впервые слышало прекрасныя стихи народнаго поэта, посвященные лицейскимъ воспоминаніямъ.

Такія собранія возможны только въ Петербургѣ. Несомнѣнно, что Москва — сердце Россіи, но къ Петербургу теперь *тянется земля Русская*, какъ тянула нѣкогда къ Киеву, какъ тянула послѣ того къ чуждому Сраю, а потомъ къ родной Москвѣ бѣлокаменной. Поэтому нигдѣ нельзя встрѣтить такого большинства воспитанниковъ какого бы то ни было высшаго учебнаго заведенія, какъ въ Петербургѣ. Оттого и собранія въ родѣ пятьдесятъ-третьей годовщины Казанскаго университета возможны только въ Петербургѣ.

Еще въ прошломъ 1856 году пришло на мысль нѣкоторымъ питомцамъ Казанскаго университета, находившимся тогда въ Петербургѣ, усвоить прекрасный обычай лицействовъ. Но на эту 52-ю годовщину университета собралось не болѣе двадцати воспитанниковъ его. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, бывшіе студенты московскіе сдѣлали то же. Ихъ праздникъ сто-третьей годовщины, былъ несравненно удачвѣе: собралось около ста человекъ, и въ томъ числѣ воспитанники даже 1816 года. Казанскимъ за московскими тянутся нельзя; послѣднихъ въ Петербургѣ по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ болѣе, но все-таки на праздникъ 5-го ноября 1857 года, когда отпразднована была пятьдесятъ-третья годовщина Казанскаго уни-

верситета, было семьдесятъ восемь человекъ, и въ томъ числѣ четыре студента, поступившіе въ университетъ при самомъ его открытіи (1806 г.).

Приготовляясь праздновать семейный университетскій праздникъ, студенты казанскіе пятидесяти выпускскъ желали видѣть на пиру своемъ *старѣйшаго изъ среды своей*, С. Т. Аксакова, который черезъ пятьдесятъ лѣтъ по вступленіи въ открывавшійся тогда университетъ, такъ задушевно описалъ въ своей *Семейной Хроникѣ* и Казанскую гимназію, и начало университета, и благородный порывъ къ университетскому образованію студентовъ перваго времени. Къ нему, въ Москву, за пять дней до праздника было отправлено слѣдующее письмо:

«М. Г.

«Сергій Тимофеевичъ,

«Бывшіе воспитанники Императорскаго Казанскаго Университета, находящіеся теперь въ Петербургѣ, уговорились 5-го ноября, въ день учрежденія университета, отобѣдать вмѣстѣ въ память пятидесятилѣтія, истекшаго со времени перваго выпуска студентовъ.

«Въ собравшейся здѣсь студентской семьѣ есть и ваши однокурсы, студенты перваго выпуска, которые помнятъ и любятъ стараго товарища попрежнему; есть и студенты выпускскъ послѣдующихъ, которые хотя и не знаютъ васъ лично, но глубоко уважаютъ того казанскаго студента, который, вступивъ въ университетъ при самомъ его учрежденіи, черезъ полѣтка послѣ того, такъ увлекательно и такъ задушевно описалъ начало того заведенія, которому всѣ мы обязаны своимъ образованіемъ.

«Кому въ первомъ мѣстѣ сидѣть на пиру нашемъ? Ужъ, конечно, этому писателю, пятьдесятъ лѣтъ честно прослужившему Россіи — мыслью и словомъ.

«Пріѣзжайте въ семью студентскую, студентъ перваго выпуска! Дайте взглянуть на себя своимъ одноклассникамъ, позвольте студентамъ выпускскъ послѣдующихъ лично познакомиться съ писателемъ, котораго они глубоко уважаютъ, которымъ гордятся всѣ казанскіе студенты.»

Подписали:

Александръ Княжевичъ (1809), Еварестъ Груберъ (1806), Владимиръ Н. въ (1811), Дмитрій Перевощниковъ (1809), В. Перцовъ (1842), П. Мельниковъ (1837), М. Ахматовъ (1845); А. Безобразовъ (1847); Н. Кукурановъ (1839), Н. Смирновъ (1846), В. Федоровскій (1851), Н. Хлѣбняковъ (1847), А. Артемьевъ (1841), Н. Второвъ (1837), М. Веселовскій (1848), Н. Безобразовъ (1837), О. Отсолигъ (1820); В. Васильевъ (1837), А. Шутовъ (1836), А. Поповъ

(1828 изъ университета, 1825 изъ Императорской Казанской гимназіи), М. Курбановскій (1853), Л. Киндяковъ (1852).

С. Петербургъ,
1-го ноября 1857 г.

Распорядителемъ обѣда былъ орд. проф. С. Петербургскаго университета, ст. сов. А. В. Поповъ (студентъ 1828 года), который воспитывался сначала въ бывшей Императорской Казанской гимназіи, и прослужилъ 25 лѣтъ профессоромъ монгольскаго языка въ томъ же университетѣ, въ которомъ и учился. Такимъ образомъ на глазахъ его прошло 25 поколѣній казанскихъ студентовъ, то-есть ровно половина всѣхъ поколѣній со времени учрежденія университета. Помощниками г. Попова по устройству обѣда были ст. сов. П. И. Мельниковъ (студентъ 1837), колл. сов. В. П. Перцовъ (1842) и надв. сов. М. Н. Ахматовъ (1845).

Обѣдъ назначенъ былъ въ 5 часовъ по-полудни, въ помѣщеніи Шахматнаго клуба. Кромѣ воспитанниковъ Казанскаго университета въ празднованіи пятьдесятъ-третьей годовщины участвовали бывшіе казанскіе профессора: Н. М. Благовѣщенскій, И. Я. Горловъ, П. А. Дубовицкій, А. К. мирза Казембекъ, А. А. Киртеръ, А. С. Савельевъ и М. С. Славянскій.

С. Т. Аксаковъ, по болѣзни, не могъ пріѣхать изъ Москвы на родной праздникъ, но прислалъ за себя сына своего И. С. Аксакова.

Обѣдъ былъ роскошный, но не въ гастрономическомъ отношеніи намѣрены мы описывать его, не помѣщаемъ здѣсь меню обѣда, которое впрочемъ дѣлаетъ честь г. Веру, одному изъ лучшихъ метрдотелей въ Петербургѣ. Обращаемся къ болѣе значительнымъ явленіямъ, бывшимъ на обѣдѣ 5-го ноября.

Студентъ 1809 года, нынѣ сенаторъ и почетный опекунъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, т. сов. А. М. Княжевичъ провозгласилъ первый тостъ Государя Императора и всего Августѣйшаго дома.

Восторженные клики *ура!* были отвѣтомъ на этотъ тостъ. Русскому человѣку понятенъ дружный кликъ, огласившій на этотъ разъ своды залы. И старики, за полвѣка до сего времени оставившіе университетъ, и молодые люди, вышедшіе изъ университета назадъ тому четыре мѣсяца, единогласно и единодушно откликнулись русскими сердцами на тостъ за здоровье нашего благодушнаго, просвѣщеннаго Государя, который, на высотѣ своего величія, не забываетъ *святѣйшаго изъ званій—человѣкъ*. Непритворны, нелицемѣрны были эти клики въ честь того, на кого земля Русская возлагаетъ все свое упованіе, отъ кого ожидаетъ прекраснаго будущаго.

Послѣ того студентъ 1811 года, нынѣ директоръ канцеляріи мин. императорскаго двора, тайн. сов. В. И. Панаевъ провозгласилъ тостъ за *благоденствіе Россіи, любезнаго нашего отечества*.

Клики *ура!* и восторженныя рукоплесканія были отвѣтомъ на этотъ тостъ. И не могло быть иначе: пили за благоденствіе Русской земли дѣти Русской земли. Нѣсколько минутъ продолжались клики *ура!* и громкія рукоплесканія.

Когда они стихли, студентъ 1827 г., нынѣ статсъ-секретарь Е. И. В., генералъ-провіантмейстеръ П. А. Булгаковъ сказалъ:

«Господа! этого мало! Выпьемъ еще за Русскую землю, выпьемъ еще за нашу родину!»

Новые восторженные клики, новыя громкія рукоплесканія отвѣчали на этотъ тостъ. Да еслибы и до другаго дня повторялись эти завѣтные для русскаго человѣка тосты, все бы они сопровождалось такимъ восторженнымъ сочувствіемъ.

Послѣ того студентъ 1806 года, нынѣ попечитель казанскаго учебнаго округа, тайн. сов. Ев. А. Груберъ, предложилъ тостъ министра народнаго просвѣщенія. Потомъ студентъ 1828 года, нынѣ орд. проф. С. Петербургскаго университета, А. В. Поповъ, сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Нынѣшній день, господа, важенъ для насъ, членовъ одной семьи, по дорогомому воспоминанію. Въ этотъ день назадъ тому пятьдесятъ три года, положено было основаніе Казанскому университету. Съ этого дня началась новая, кипучая жизнь для всей восточной Россіи. На призывъ науки радостно откликнулось тогда благородное юношество, и любознательные слушатели толпами стекались въ новооткрытый университетъ. Достойные профессора съ рвеніемъ принялись за великое дѣло образованія, и голосъ ихъ находилъ полное сочувствіе въ молодыхъ студентахъ. Сѣмена знаній, посѣянные на свѣжей, дѣвственной почвѣ, принесли въ послѣдствіи прекрасные плоды. Здѣсь наука не оставалась мертвою буквой; она сознательно выносилась изъ университета и прививалась къ жизни общественной и государственной. Здѣсь зачался первый зародышъ, изъ котораго возникла и приняла обширные размѣры послѣдующая дѣятельность университета. Многочисленные воспитанники, вышедшіе изъ сего заведенія и разнесшіе образованіе по всѣмъ угламъ Россіи, громко свидѣтельствуютъ объ его полувѣковой трудолюбивой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ вы не встрѣтите студентовъ Казанскаго университета? Вы увидите ихъ и въ рядахъ русскаго воинства, и въ средѣ врачей, и на поприщѣ гражданскомъ, и въ тихомъ кабинетѣ ученаго. Они вездѣ вѣрны своему призванію, вездѣ честно исполняютъ долгъ свой. Одни изъ нихъ достигли высшихъ ступеней государственнаго управленія, другіе заняли передовыя мѣста между русскими литераторами, иные сдѣлались небезвѣстными служителями науки; нѣкоторые же со славою сложили свои головы на полѣ брани.

«Теперь намъ, представителямъ прежнихъ пятидесяти поколѣній казанскихъ студентовъ, остается только пожелать, чтобы нашъ род-

ной университетъ, при настоящемъ развитіи просвѣщенія, выполнялъ свое назначеніе согласно современнымъ требованіямъ науки и жизни, чтобы питомцы его вносили въ общество свѣжія, плодотворныя идеи и были вѣрными и полезными слугами Царю и Отечеству.

«Господа, я предлагаю тостъ за процвѣтаніе Императорскаго Казанскаго Университета.»

Дружнымъ ура! откликнулись студенты казанскіе на эти слова. Долго не умолкало оно, долго не умолкали рукоплесканія семьи студентской, которая съ любовью и благодарностью вспоминала родной университетъ.

Послѣ того студентъ 1837 года, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ П. И. Мельниковъ, сказалъ:

«Мы пили сейчасъ, господа, за благоденствіе и процвѣтаніе нашего университета.»

«Какъ бы хорошо было выпить это вино тамъ, далеко, въ Казани, на концѣ Воскресенской улицы!»

«Мы сказали бы тогда въ стѣнахъ роднаго университета: «Спасибо тебѣ за добро, что ты сдѣлалъ намъ; набрались мы въ тебѣ уму-разуму, научились, какъ любить нашу матушку Русь православную!»»

«Но далеко отъ насъ родной университетъ, за полторы тысячи верстъ отъ мѣста нашего воспитанія празднуемъ мы пятидесятилѣтіе Казанскаго университета — не со времени его учрежденія, а съ того времени, какъ студенты казанскіе въ первый разъ выступили на поприще гражданской дѣятельности, съ того времени, какъ студенты казанскіе умомъ и дѣломъ стали приносить пользу Русской землѣ!»

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершалась борьба Русской земли съ Наполеономъ. Почти всѣ первые студенты казанскіе вступили тогда въ русское земское войско. Этотъ выпускъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: его-то мы и празднуемъ.»

«Между нами, господа, есть студенты перваго времени, есть такіе студенты, которые вступили въ университетъ при его учрежденіи.»

«Всѣ они теперь стоятъ на первыхъ ступеняхъ государственной и ученой дѣятельности.»

«Стало-быть, Казанскій университетъ въ самомъ младенчествѣ своемъ сдѣлалъ свое дѣло — далъ Россіи полезныхъ дѣятелей.»

«Господа! я предлагаю тостъ за здоровье этихъ студентовъ. Они проложили намъ дорогу, они — наши передовые!»

«Здоровья, Александръ Максимовича Княжевича, Владиміра Ивановича Панаева, Евареста Андреевича Грубера, Дмитрія Матвеевича Перовощикова!»

При громкихъ кликахъ ура! выпито было за здоровье этихъ студентовъ перваго времени. Когда клики кончились, П. И. Мельниковъ продолжалъ:

«Въ нашемъ университетѣ и прежде и теперь ведется обычай составлять списки студентовъ по алфавиту. Списокъ студентовъ, вступившихъ въ университетъ въ день его открытія, начинается такъ: *Аксаковъ, Сергій*.

«Стало-быть Сергій Тимоѣевичъ Аксаковъ безспорно — *первый студентъ Казанскаго университета!* Также безспорно — онъ одинъ изъ первыхъ современныхъ русскихъ писателей. (*Крики: Правда, правда!*)

«Кому изъ русскихъ людей не извѣстна *Семейная Хроника?* Въ этой-то *Хроникѣ* съ такою теплотой, съ такою любовью первый студентъ нашъ описалъ первые дни роднаго нашего университета!

«Мы звали *перваго студента* на студентскій пиръ, на которомъ, смотрите, сидятъ студенты, вышедшіе изъ университета въ 1806 году, какъ Еварестъ Андреевичъ Груберъ, и въ 1856 году, какъ Николай Александровичъ Заварицкій (1). Цѣлые полвѣка разницы!

«Какъ бы хорошо было на пиру казанскихъ студентовъ сидѣть *первому студенту казанскому!*

«Мы послали къ Сергію Тимоѣевичу письмо, которое, по спѣшности дѣла, не могло быть всѣми подписано. Позвольте, господа, прочесть его во всеобщее свѣдѣніе. (*Чтеніе письма.*)

«Болѣзнь не позволила Сергію Тимоѣевичу быть на пиру нашемъ; но среди насъ есть представитель его, который хотя и не былъ въ Казанскомъ университетѣ, но онъ намъ родной, онъ принадлежитъ къ нашей казанской семьѣ, какъ сынъ того, кто составляетъ нашу гордость.

«Иванъ Сергѣевичъ! передайте отцу вашему все, что вы здѣсь видѣли, все, что вы здѣсь слышали; скажите ему, что имя *Сергій Аксаковъ* дорого казанскимъ студентамъ всѣхъ пятидесяти выпускковъ; что всѣ мы, и здѣсь собранные, и по лицу русской земли разсѣянные, всѣ мы до единого гордимся *первымъ студентомъ Аксаковымъ!* (*Крики: Правда, правда!*)

«Господа! какъ студенту казанскому, позвольте мнѣ предложить тостъ *перваго студента* казанскаго; какъ русскому писателю, позвольте мнѣ предложить тостъ *одного изъ первыхъ нашихъ писателей!*

«Здоровье того, кто пятьдесятъ лѣтъ честно прослужилъ Россіи мыслью и словомъ! Здоровье Сергія Тимоѣевича Аксакова!»

Громкія, продолжительныя рукоплесканія и клики *ура*, какъ отвѣтъ на этотъ тостъ, повторялись долго. Гордость студентовъ казанскихъ такимъ *первымъ студентомъ*, какъ С. Т. Аксаковъ, выразилась единодушно и единогласно.

Тотчасъ же, по общему соглашенію, отправлена была въ Москву къ С. Т. Аксакову телеграфическая депеша слѣдующаго содержания:

(1) На обѣдѣ былъ впрочемъ и студентъ 1857 года, И. Е. Быстровъ.

«Казанскіе студенты пятидесяти выпускѣвъ пьютъ за здоровье пер-
ваго казанскаго студента, С. Т. Аксакова.»

И. С. Аксаковъ прочиталъ отвѣтное письмо Сергѣя Тимофеевича:

«Дорогіе товарищи мои, бывшіе студенты Казанскаго универ-
ситета!

«Вы, любезныя имена которыхъ напомнили мнѣ и Казанскую гим-
назію, и открытіе университета, и учебную жизнь, и годы юности,
вмѣстѣ проведенные; а также и вы, которыхъ я не знаю, но кото-
рыхъ считаю дорогими товарищами, потому что мы получили общее
образованіе въ томъ же городѣ, въ томъ же университетѣ, — благо-
дарю васъ отъ всей души. Письмо ваше, въ которомъ вы зовете на
родной для насъ праздникъ, устроенный вами въ день открытія Ка-
занскаго университета,—письмо, въ которомъ вы съ такою любовію
говорите обо мнѣ, какъ о писателѣ,—въ которомъ благодушно пред-
лагаете мнѣ первенство между вами, произвело на меня глубокое,
отрадное впечатлѣніе, которое навсегда сохранится въ душѣ моей.
Благодарю васъ, мои друзья и товарищи, за вашу добрую обо мнѣ
память... И какое было для меня наслажденіе исполнить вашу
дружескій призывъ, прилетѣть въ Петербургъ и сѣсть между вами
на семейномъ пирѣ казанскихъ студентовъ! Но уже давно печальные
недуги старости только въ лѣтнее время дозволяютъ мнѣ самое ко-
роткое путешествіе. Какъ ни горестно для меня въ настоящую ми-
нуту это лишеніе, но ваше теплое письмо, ваша дружба утѣшаютъ
меня, и я не смѣю роптать. Пятаго ноября я буду мысленно сидѣть
между вами и, поднимая бокалъ, восклицать вмѣстѣ съ вами: «Да
здравствуетъ Казанскій университетъ, да много и много лѣтъ про-
цветаетъ онъ, да образуется и просвѣщается въ немъ русское юно-
шество на пользу и честь родной земли нашей, нашей православной
Руси!»

«Сергѣй Аксаковъ.»

1857 года 4 ноября.
Москва.

Прочитавъ это письмо, И. С. Аксаковъ продолжалъ:

«Господа! Позвольте мнѣ къ этимъ словамъ благодарности при-
бавить еще нѣсколько словъ. Я, признаюсь, радъ, что отца моего
нѣтъ здѣсь: его здоровье едва ли бы вынесло всю полноту опущеній
настоящей минуты. Единодушное сочувствіе ваше и всей русской
публики къ моему отцу служить лучшимъ доказательствомъ, какъ
высоко умѣетъ цѣнить русское общество гражданскую честность
писателя, чистоту его авторскаго служенія, искренность, правду, не-
зависимость его печатнаго слова. Да, господа, предъ лицомъ всей
Россіи могу я съ законною гордостью сказать: мой отецъ — честный
писатель! (*Взрывъ рукоплесканій и клики: Правда, правда!*)

«Благодареніе Богу, что послѣ долгихъ ожиданій, дожилъ онъ до

нашего, до настоящаго времени, когда много шлагбаумовъ снято съ мысли и слова (*громкій взрывъ рукоплесканій и восторженныя клики: Слава Богу! Слава Государю! Клички продолжаются около пяти минутъ*), и русской литературѣ открытъ большій просторъ для дѣятельности. Пусть же оправдается современное великое призваніе русской литературы, пусть высоко горитъ ея свѣточъ, озаряя путь русскому обществу, разливая свое сіяніе всюду, мимо всѣхъ преградъ, еще поставляемыхъ ему трусливымъ невѣжествомъ. (*Громкіе клики: Да будетъ свѣтъ! Государю нашему ура! Да будетъ свѣтъ! Невѣжеству регеат!*)

«Господа, именемъ моего отца предлагаю тостъ: въ честь русской литературы, въ честь высокаго подвига, предстоящаго независимому общественному русскому слову.»

Съ громкими кликами *ура!* принять былъ этотъ тостъ за русское общественное слово, за русскую литературу, У каждаго при этомъ тостѣ громко и сильно сказалось чувство глубоко-искренней и признательной любви къ нашему благодущному Государю. Его дорогое намъ имя само собою соединяется съ мыслию объ успѣхахъ, предстоящихъ нашему отечеству, нашему родному слову, нашему просвѣщенію.

Вслѣдъ за тѣмъ единогласно предложенъ былъ тостъ за И. С. Аксакова.

Послѣ того пили за здоровье бывшихъ и настоящихъ профессоровъ Казанскаго университета.

На этотъ тостъ бывший профессоръ Казанскаго университета А. С. Савельевъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Господа, позвольте мнѣ, какъ бывшему преподавателю Казанскаго университета и какъ человѣку, которому далеко не чуждо дѣло отечественнаго просвѣщенія и русской науки, позвольте сказать передъ вами нѣсколько искреннихъ, признательныхъ словъ прежнимъ моимъ сотоварищамъ.

«Слишкомъ девять лѣтъ имѣлъ я честь принадлежать къ ученой корпорации Казанскаго университета, и повѣрьте, что эти года останутся навсегда лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Я горжусь тѣмъ, что девять слишкомъ лѣтъ я былъ членомъ того ученаго сословія, которое представляетъ длинный рядъ именъ, заслужившихъ блистательную извѣстность въ наукѣ.

«Не перечисляя всѣхъ этихъ высокихъ именъ, я смѣло могу сказать, что ни одинъ изъ нашихъ русскихъ университетовъ не имѣетъ такого большинства въ ученомъ мірѣ, какое въ продолженіе пятидесяти лѣтъ мы встрѣчаемъ въ университетѣ Казанскомъ. Не буду исчислять ученыя заслуги тѣхъ высокихъ дѣятелей, которые служили украшеніемъ Казанскаго университета въ началѣ его существованія: имена Китрова, Френа, Эрдмана, Бартельса, Врангеля, Броуна,

Купфера, Симонова, Эйхвальда, Лобачевского, Дубовицкаго, слишком известны; но осмѣливаюсь сказать, не нарушая скромности присутствующихъ здѣсь бывшихъ со товарищей моихъ, что и въ современный мнѣ періодъ времени съ 1846 по 1855 г. дѣятельность Казанскаго университета продолжала обращать на себя всеобщее вниманіе. Я не могу не привести именъ мирзы Казембека, Ковалевскаго, Зинина, Эверсмана, Клауса, Березина, Васильева, Бабста, Мейера, Григоровича, Китера, Ковальскаго, Киттары; я не могу также не упомянуть, что императорская академія наукъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ 12 сочиненій казанскихъ профессоровъ удостоила демидовскихъ премій и 4 сочиненія—почетныхъ отзывовъ. Эти цифры говорятъ положительнѣ всякаго краснорѣчія.

«Согласитесь, господа, что я имѣю право гордиться тѣмъ, что и моя слабая дѣятельность, если она могла чѣмъ-нибудь обнаружиться, вполне вознаграждена тѣмъ, что я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ честь принадлежать къ ученому сословію, которое такъ далеко выдвинуло себя на поприщѣ наукъ и отечественнаго образованія. Позвольте же за этимъ тостомъ принести искреннюю мою признательность моимъ добрымъ со товарищамъ, за все то вполне счастливое время, которое я провелъ въ кругу ихъ.»

Послѣ этой рѣчи профессора Савельева предложенъ былъ тостъ за здоровье всѣхъ бывшихъ студентовъ казанскихъ, какъ присутствующихъ на праздникѣ, такъ и отсутствующихъ. Громкое ура сопровождало и этотъ тостъ.

За тѣмъ по предложенію А. М. Княжевича выпить былъ тостъ за здоровье распорядителей праздника, профессора А. В. Попова и другихъ.

Послѣ этого студентъ 1837 г. П. И. Мельниковъ сказалъ:

«Господа! прошу слова!

«Черезъ четыре года будетъ великій праздникъ на Русской землѣ. Исполнится нашей матушкѣ тысяча лѣтъ.

«Такой вѣкъ прожить—не поле перейти!

«Что же? Постарѣла наша матушка? Одряхлѣла родимая?

«Нѣтъ, молодостию такъ и пышетъ земля Русская! Полна она богатырскихъ силъ! Только что начинаетъ жить полною жизнью милая наша родина! (*Рукоплесканія.*)

«Подъ конецъ перваго своего тысячелѣтія Россія исполняетъ слово древняго мудреца Элады, познаетъ самое себя.

«И дивится сама себѣ земля Русская! Сколько силы-то таится въ ней, сколько въ нѣдрахъ—то ея сокровищъ нетронутыхъ!

«Какъ же это она ихъ прежде-то не запримѣтила?

«Не мудрено, въ нѣдрахъ земли отыскиваютъ сокровища при свѣтѣ фонарей, въ нѣдрахъ государства отыскиваютъ ихъ при свѣтѣ просвѣщенія. (*Клики: Bravo!*)

«Мы вѣруемъ въ слова поэта (1).

И просвѣщеніе взаимной пользы цѣлью
 Пѣсней соединитъ владыку и народъ
 И Александровъ вѣкъ свѣтлагомъ незакатнымъ
 Взойдетъ на русской горизонтъ,
 Привѣтствуя, какъ другъ, сіянемъ благодатнымъ
 Грядущаго еще непробужденный сонъ.

«Гдѣ же дѣятели этого грядущаго? Гдѣ передовые люди втораго тысячелѣтія Россіи?»

«Они теперь—на скамьяхъ университетскихъ. (*Клики: Правда! и рукоплесканія.*)

«Привѣтъ вамъ, студенты! Привѣтъ тебѣ, юное поколѣніе!

«Здравствуй, золотая надежда Россіи! Здравствуйте, дѣятели прекраснаго будущаго! Здравствуйте, братья наши, студенты казанскіе!

«Да крѣпнетъ въ васъ русской умъ! Да просвѣщается онъ общечеловѣческимъ образованіемъ! Да растетъ въ васъ племя достойныхъ сыновъ тысячелѣтней Россіи! Да создается изъ васъ сонмъ вѣрныхъ и просвѣщенныхъ слугъ царю и отечеству!

«А такому царю, какъ нашъ Государь, кто не радъ служить, кто не радъ сложить за него свою голову? (*Крики ура! и рукоплесканія продолжаются болѣе пяти минутъ.*)

«Расти же, молодое племя! Обогащай свой умъ познаніями и стремись быть достойнымъ званія челоѣка!

«А когда настанетъ время грядущее и пробудится его «еще не пробужденный сонъ», многіе изъ насъ будутъ спать непробуднымъ сномъ.

«Вы тогда будете на мѣстахъ нашихъ, братья—студенты! Помните тогда съ любовью насъ, старшихъ братьевъ своихъ! И когда вы, студенты казанскіе, также соберетесь, какъ мы собрались теперь, праздновать пачало университета нашего, скажите про насъ: «Они начали, мы продолжаемъ; мы живемъ въ золотое время, но оно подготовлено нашими старшими братьями.» Скажите это, студенты! Помните добрымъ словомъ насъ!

«Вотъ что называется: началъ за здравіе — свелъ за упокой!

«Но...

Мертвый, мирно во гробъ спи,
 Жизнью пользуйся, живущій!

«Здоровье ваше, казанскіе студенты!»

При громкихъ кликахъ и рукоплесканіяхъ былъ выпитъ этотъ тостъ за здоровье юнаго поколѣнія семьи казанскихъ студентовъ.

Послѣ этого единодушно всѣмъ обществомъ предложенъ былъ

(1) Князь П. А. Вяземскій.

тость за здоровье П. И. Мельникова, который благодарил общество въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Благодарю отъ всей души, господа, за эту высокую честь. Тѣмъ болѣе она дорога мнѣ, что предлагается родными Казанцами. Памятенъ, извсегда памятенъ будетъ для меня день этотъ.

«Но для кого изъ насъ онъ не памятенъ? Означаеиъ же добрымъ дѣломъ память его.

«Есть въ нашемъ университетѣ студенты даровитые, но недостаточные. Дадимъ имъ помощь! (*Клики: Дадимъ! Дадимъ!*)

«Складчину денегъ сдѣлать не мудрено, были бы деньги. Но мы въ память учрежденія нашего университета сдѣлаемъ другую складчину, складчину ума! (*Клики одобренія.*)

«Пусть каждый, кто пишетъ, дастъ ученую или литературную статью, а кто не пишетъ дастъ денегъ на изданіе сборника трудовъ бывшихъ профессоровъ и воспитанниковъ Казанскаго университета. Къ 5-му ноября 1858 года издадимъ этотъ сборникъ, соберемъ опять вмѣстѣ и спрыснемъ его. (*Клики одобренія.*)

«А всю выручку, какая отъ продажи получится, употребимъ или на стипендію, или на отправленіе даровитаго казанскаго студента для усовершенствованія въ наукахъ за границу, или на другое какое-либо вспомошествованіе братьямъ нашимъ, казанскимъ студентамъ. (*Продолжительное рукоплексаніе.*)

«Итакъ, сборникъ будетъ? (*Клики: Будетъ, будетъ!*)

«Выпьемъ за успѣхъ его!»

Съ радостными кликами, былъ принять этотъ тостъ за будущее дѣтище умственной дѣятельности Казанцевъ. Наречь ему имя предоставлено *первому студенту* С. Т. Аксакову, а редакторомъ быть— П. И. Мельникову. Тутъ же составлена была подписка, на издержки по изданію. По этой подпискѣ обѣщано 30 статей (1) и собрано денегъ 446 р.

Но общимъ голосомъ рѣшено не ограничиваться этими статьями, а пригласить къ участию въ сборникѣ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ профессоровъ, всѣхъ бывшихъ и настоящихъ студентовъ Казанскаго

(1) Статьи литературныя: отъ С. Т. Аксакова (обѣщанная И. С. Аксаковымъ), отъ Андрея Печерскаго, Н. М. Львова, Н. И. Второва, П. П. Пекарскаго, М. П. Веселовскаго.

Ученыя статьи отъ академика Д. М. Перевощикова, профессоровъ: мирзы А. К. Казембека, В. П. Васильева, М. Я. Китгарры, И. Н. Березина, А. В. Попова, И. Я. Горлова, А. С. Савельева и М. С. Славянскаго, отъ докторовъ медицины: Ѳ. М. Отсолига, Н. И. Козлова, Ф. Ф. Фонъ-дербъ-Фляса, и Ф. О. Журковскаго, отъ А. И. Артемьева, Е. К. Огородникова, А. М. Шутова, Д. С. Киндякова, В. Я. Титова, Н. И. Лахтина, Г. В. Фирстова, А. П. Ахматова, М. Н. Ахматова, Н. П. Безобразова и П. И. Мельникова.

университета, съ тѣмъ чтобы статьи и деньги присылали они на имя П. И. Мельникова (2).

Такъ отпраздновали казанскіе студенты пятьдесятъ-третью годовщину своего университета.

Всѣ и старые и молодые студенты вынесли съ этого семейнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнаго праздника самое отрадное чувство, чувство благодарности къ мѣсту своего образованія и воспоминаніе о золотыхъ дняхъ юности. Студенты старыхъ курсовъ сами говорили, что они какъ будто помолодѣли на студентскомъ пиру, будто вернулись къ нимъ давно отжитые дни юности.

И надъ всѣмъ этимъ господствовали сознательная преданность къ просвѣщенному государю нашему и твердая увѣренность, что онъ прольетъ свѣтъ на нашу родину, водворитъ въ ней правду и законность, поразитъ блескомъ своего царствованія тупое, потемки любящее невѣжество, и распространитъ въ Россіи просвѣщеніе, безъ котораго никакая страна не можетъ быть ни сильною, ни богатою, ни славною.

Въ заключеніе этой статьи представляемъ списокъ лицъ, принявшихъ участіе въ празднованіи пятьдесятъ-третьей годовщины Казанскаго университета.

Вышедшіе изъ университета

въ 1806 Э. А. Груберъ.

1809 А. М. Княжевичъ и Д. М. Перевощиковъ.

1811 В. И. Панаевъ.

1819 Н. С. Бѣляевъ, А. П. Евреинновъ, В. С. Лапкинъ,
М. В. Степановъ.

1820 Ф. М. Отсолигъ.

1821 А. Н. Пальмовъ.

1822 И. И. Токаревъ.

1827 П. А. Булгаковъ.

1828 Ф. Я. Бекреевъ, П. А. Каптеревъ, А. В. Поповъ.

1829 А. А. Ростовскій, В. Я. Титовъ, П. Е. Фодоровскій.

1830 П. И. Демезонъ.

1833 Н. И. Козловъ, Н. И. Лахтинъ, В. И. Пикторовъ.

1834 Н. И. Эйлеръ.

1835 Ф. О. Журковскій.

---

(2) Адресъ Павлу Иван. Мельникову, въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, домъ Лакунова въ бельэтажѣ. При этомъ г. Мельниковъ проситъ всѣхъ, кто пришлетъ статью, означать годъ выхода автора изъ университета, такъ какъ сборникъ предположено издать въ хронологическомъ порядкѣ по выпускамъ студентовъ.

- 1836 А. П. Ахматовъ, П. Н. Кабалеровъ, Ѳ. Я. Мобицъ,
И. А. Нордстремъ, X. А. Нордстремъ.
- 1837 Н. П. Безобразовъ, И. Н. Березинъ, В. П. Василь-
евъ, Н. И. Второвъ, П. И. Мельниковъ, А. Я. Сто-
беусъ, А. М. Шутовъ.
- 1839 П. Н. Кукурановъ, Н. И. Уржумцовъ.
- 1840 А. И. Артемьевъ, Л. Э. Будаговъ, Н. М. Львовъ,
Е. К. Огородниковъ.
- 1842 Н. Г. Лысовъ, В. П. Перцовъ, И. Н. Порѣцкій.
- 1844 Э. Э. Магзигъ.
- 1845 М. Н. Ахматовъ, А. И. Савиновъ, Н. И. Томиловъ,
Ф. Ф. Фонтъ-деръ-Флаасъ.
- 1846 Г. Гасловскій, Н. И. Ильинъ, М. Т. Навроцкій,
Н. П. Смирновъ.
- 1847 А. П. Безобразовъ, И. И. Михайловъ, П. П. Пе-
карскій, Н. А. Хлѣбниковъ.
- 1848 М. П. Веселовскій.
- 1850 В. А. Бабкинъ, г. Маршаловъ, Г. В. Фирстовъ.
- 1851 Г. Островидовъ, В. И. Ѳедоровскій.
- 1852 Л. С. Киндяковъ.
- 1853 К. Ѳ. Галстунскій, М. Н. Курбановскій.
- 1854 Я. А. Веретенниковъ.
- 1856 Н. А. Заварицкій.
- 1857 И. Е. Быстровъ.

Сверхъ того участвовали въ праздникѣ бывшіе профессора Казан-
скаго университета, но не бывшіе въ немъ студентами: Н. М. Бла-
говѣщескій, И. Я. Горловъ, П. А. Дубовицкій, А. К. мирза Казем-
бекъ, А. А. Китеръ, А. С. Сзвельевъ и М. С. Славянскій.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

TeKa Wilenska (Виленская тека), издаваемая Иваномъ изъ Сливина
(г. Киркоромъ). № 1. Вильно, 1857. Въ 8-ху, 276 стр.

Это литературный сборникъ, не имѣющій никакого опредѣленнаго
характера. Какъ нужно догадываться, онъ будетъ выходить особыми
выпусками, заключающими въ себѣ стихи и повѣсти, и статьи
ученаго содержанія. Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ луч-
шая статья принадлежитъ г. Кондратовичу, подъ заглавіемъ: *Минскъ*.
Она еще не окончена. Съ самаго начала авторъ представляетъ

краткій и любопытный очеркъ нынѣшняго состоянія этого города: какъ то его положеніе, климатъ, внутреннюю фیزیономію, статистику, и т. п. — «Все здѣсь такъ чисто, говоритъ авторъ, такъ ярко ново, что дѣйствительно поражаетъ своимъ европейскимъ видомъ, въ особенности насъ, прибывшихъ изъ Вильна и привыкшихъ видѣть невыдающуюся впередъ фیزیономію домовъ и зданій, сжатыхъ въ кучку, заслоненныхъ, вѣющихъ дыханіемъ вѣковой древности. Здѣсь не найдешь ничего подобнаго, и если желаешь найти, то нужно спуститься съ Высокаго рынка, подлѣ церкви Бернардиновъ, къ рынку, называемому Низкимъ, гдѣ нѣсколько многолюднѣе, а дома тѣснѣе, гдѣ не одно строеніе или лавка напоминаетъ своею архитектурою старыя времена и старыя нравы.»

Сдѣлавъ бѣглый взглядъ на нынѣшнее состояніе Минска, г. Кондратовичъ переходитъ къ довольно подробной хроникѣ этого города. Здѣсь онъ помѣстилъ только первый періодъ: *Господство Руси и Литвы*, большею частію основываясь на русскихъ источникахъ. Минскъ, входившій въ составъ княжества Полоцкаго, упоминается уже въ XI столѣтіи, — нельзя, впрочемъ, не упрекнуть г. Кондратовича въ томъ, что онъ не всегда вѣренъ исторической истинѣ и бездоказательно утверждаетъ странныя предположенія. Такъ, напримѣръ говоря о народѣ, населявшемъ пространство отъ Двины до Припети, и отъ Днѣпра до истоковъ Нѣмана, онъ прибавляетъ: «Этотъ народъ назывался Дреговичами и Кривичами, говорилъ русскимъ нарѣчіемъ, котораго драгоценный памятникъ сохранился въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ и въ знаменитой пѣснѣ объ Игорѣ, и который, не много чѣмъ отличающійся отъ языка нынѣ живущихъ здѣсь поселянъ, подъ названіемъ нарѣчія бѣлорусскаго, составляетъ переходъ отъ языка великорусскаго къ малорусскому нарѣчію Украины.» Желательно, чтобы авторъ представилъ намъ филологическія доказательства своего положенія. Не менѣе гадательными показались намъ также тѣ свѣдѣнія, которыя почтенный авторъ сообщаетъ о міеологіи Кривичей.

Въ томъ же номерѣ *Виленской Теки*, между прочимъ переведена статья г. Пирогова: *Вопросы жизни* (изъ «Морскаго Сборника» за 1856 г.)

Къ числу замѣчательныхъ статей этого сборника принадлежитъ также небольшое разсужденіе г. Н. Малиновскаго: *О землянахъ по древнимъ литовскимъ законамъ*. «Шляхта, говоритъ авторъ, какъ въ общихъ и частныхъ привилегіяхъ, такъ и во всѣхъ трехъ литовскихъ статутахъ, большею частію называется *землянами*, хотя не рѣдко также употребляются выраженія: *рыцарство, дворяне и шляхта*. Названіе *землянъ*, особенно въ привилегіяхъ, данныхъ отдѣльнымъ лицамъ, постоянно употребляется до изданія третьяго статута.» Разсмотрѣвъ привилегіи и постановленія сейма, утвержденныя

великими князьями литовскими, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что слово *землянинъ* было однозначачимъ съ словомъ *шляхтичъ*. Оно даже имѣло большее значеніе, потому-что всегда означало владѣльца земли.

Въ этомъ сборникѣ помѣщенъ также *Краткій очеркъ исторіи чешской литературы* — г. Людвига Риттерсберга, того самаго, котораго статья: *Повѣйшая дѣятельность въ чешской литературѣ*, помѣщена въ 1-й книжкѣ Русской Бесѣды за 1857 г. Какъ видно, г. Риттерсбергъ не оставляетъ и *Виленской Теки*. Статья его, для незнакомыхъ съ чешскою литературою, не лишена интереса. Послѣ нея слѣдуетъ письмо профессора Э. изъ чешской Праги. «Братское чувство, говоритъ почтенный профессоръ, между Славянами всѣхъ состояній и разной степени образованія гораздо сильнѣе чѣмъ у другаго какого-либо народа (*полно, правда ли это?..*), хотя, увы! до сихъ поръ еще мы не видимъ дѣйствительныхъ доказательствъ этому. Однакожъ вѣчное Провидѣніе знаетъ, что потомъ будетъ!» (*Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.*) Самъ г. Э. сознается, что «теперь у чешскаго народа нѣтъ другихъ представителей, кромѣ его ученыхъ, которые, хотя и оказали не малыя услуги славянщинѣ, однакожъ въ составѣ нынѣшняго общества не могутъ имѣть большого значенія.» Наконецъ онъ прибавляетъ: «Дворянства у насъ нѣтъ: достойная часть его истреблена; та, которая осталась, возжигаетъ еиміамъ передъ чужими богами и потому самому не можетъ назваться чешскою.»

Pisma J. J. Kraszewskiego. (Сочиненія И. И. Крашевскаго). Съ картинками, гравированными на деревѣ Генрихомъ Пиллати. *Dziwadła. Powieść współczesna* (Диковины. — Современная повѣсть). Варшава, 1857. Въ 4-ку, 80 стр. (въ два столбца).

Варшавскій книгопродавецъ г. Натанзонъ предпринялъ компактное изданіе всѣхъ сочиненій Крашевскаго, по образцу парижскихъ изданій. Онъ началъ его повѣстію, которой заглавіе мы выше выписали. Начало ея было написано еще въ 1848 г., и печаталось въ газетѣ: *Tygodnik Petersburski*. Въ 1853 году она была издана вполне. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили мы эту повѣсть въ новомъ изданіи. Она напомнила намъ прежнія, художественныя произведенія всѣмъ любимаго и уважаемаго автора, который давно уже не дарилъ насъ ни однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, достойнымъ его прекраснаго и неоспоримаго таланта. Повѣсть его: *Диковины* отличается необыкновенною занимательностію и живымъ изображеніемъ характеровъ. Представленъ молодой человекъ, *Юрій Суминъ*, промотавшійся въ Варшавѣ. Для поправленія своихъ обстоятельствъ онъ уѣзжаетъ въ Полѣсье, къ своему дѣду, котораго онъ никогда не видалъ и не обращался къ нему съ того времени, когда мать заставляла его писать къ нему поздравленія съ праздниками. «О мо-

емъ фантастическомъ дѣдушкѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ своему пріятелю, я зналъ только то, что онъ очень богатъ, очень старъ, живетъ въ глухомъ Полѣсьѣ, надъ берегами Случи, что онъ заржавѣлъ, какъ старая сабля, и что мнѣ, безъ сомнѣнія, трудно будетъ привлечь его къ себѣ и понравиться ему.»

Мы не беремся передать въ короткихъ словахъ превосходный разказъ г. Крашевскаго о захолустѣ, въ которое завѣвалъ молодой человекъ. Ручкою истиннаго художника изображена также оригинальная фигура дѣдушки пана Юрія. Вокругъ нея группируются всѣ дѣйствующія лица, представленныя смѣлыми и мастерскими чертами, исключая пана Грабы, который показался намъ резонеромъ, высказывающимъ довольно дикія мысли, какъ наприимѣръ о томъ, что вредно учить простой народъ грамотѣ, и т. п.

Панъ Юрій мало-по-малу привыкъ къ захолустью своего дѣда; но его однообразная жизнь вскорѣ совершенно преобразилась. Нашелся предметъ для его восторженной любви, и вотъ какъ это было: Дѣдъ его, въ молодости, былъ влюбленъ въ дочь одного подчашія, Каролину, которая отвѣчала ему взаимною любовью. Они другъ друга любили втайнѣ; но отецъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ гнѣвъ и поклялся, въ присутствіи многихъ лицъ, что не выдастъ замужъ Каролину за того, кто, безъ его вѣдома, осмѣлился искать ея руки и привлечь къ себѣ ея сердце. Вскорѣ послѣ этого Каролина насильно отдана была замужъ за старосту, который уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Дѣдъ Юрія поселился въ деревнѣ, съ затаенною въ душѣ горестію. Между тѣмъ умеръ подчашій, вскорѣ потомъ Каролина родила дочь и умерла. Дѣдъ Юрія, потерявъ ту, которую обожалъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсти дружбу своего сосѣда, старосты, и сдѣлаться близкимъ къ Ирени, дочери Каролины, надъ которою, послѣ смерти старосты, и по завѣщанію его, онъ назначенъ былъ опекуномъ. Его привязанность къ ней, болѣе чѣмъ отцовская, доходила въ немъ до страсти. Онъ жилъ ею и только для нея; она связывала его съ прошедшимъ. Читатель догадывается, что панъ Юрій влюбляется въ Ирену, и что дѣдъ его, сильно къ ней привязанный, не слишкомъ былъ радъ пріѣзду вѣтреннаго молодого человека. Онъ опасался, чтобы обстоятельства не сблизили его съ Иреною, и чтобы она не досталась человеку безхарактерному и неосновательному, какимъ, по справедливости, онъ считалъ Юрія. Вслѣдствіе этого между дѣдушкою и внукомъ происходятъ забавныя сцены, превосходно описанныя г. Крашевскимъ. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что Юрій дѣлается порядочнымъ человекомъ, Ирена въ него влюбляется и выходитъ за него замужъ.

Драмы Вилліама Шекспира (Dramata Willjama Shakspear'a). Переводъ съ подлинника. Томъ I. *Гамлетъ*. — *Ромео и Юлія*. — Варшава, 1857. Въ 8-ку, 387 стр.

Драмы Шекспира уже не въ первый разъ являются въ польскомъ

переводъ, болѣе или менѣе удачнѣе. Изданный теперь въ Варшавѣ новый переводъ составляетъ прекрасное приобрѣтеніе для польской литературы. Онъ исполненъ отчетливо и изящно. Въ введеніи заключается жизнеописаніе Шекспира и подробная оцѣнка его произведеній, болышею частію основанная на сочиненіи Гервинуса. Сверхъ того послѣ каждой изъ двухъ переведенныхъ драмъ слѣдуетъ ея критическое обозрѣніе.

Репутація въ мѣстечкѣ (Reputacja w miasteczku). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ О. Корженѣвскаго. Варшава, 1857 г. Въ 12-ю д. л., 107 стр.

Г. Корженѣвскій давно уже извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ талантливый авторъ повѣстей и нѣкоторыхъ комедій, имѣющихъ большой успѣхъ на польскомъ театрѣ. Между прочимъ одна изъ его комедій: *Окно перваго этажа*, дается также и на русской сценѣ. Не все, что пишетъ г. Корженѣвскій, отличается творчествомъ, хотя его произведенія и не лишены художественной отдѣлки; что же касается его новой комедіи, то она написана вяло и слабо. Содержаніе ея натянутое и въ основѣ нѣсколько напоминаетъ Гоголевскаго *Ревизора*. — Авторъ предоставилъ изданіе этой комедіи въ пользу польскаго театра въ Житомирѣ.

Полемика о крестьянскомъ вопросѣ (Polemika o kwestyi włościańskiej) въ 1856 и 1857 гг. Издалъ графъ Северинъ Урусскій, предводитель дворянства Варшавской губерніи. Варшава, 1857. Въ 12-ю д. л., 99 стр.

Въ этой брошюрѣ помѣщены разныя разсужденія, напечатанныя въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ, и другія статьи, вышедшія въ послѣднее время и касающіяся вопроса о крестьянахъ. Сверхъ того въ ней помѣщено небольшое разсужденіе графа Урускаго, подъ заглавіемъ: *Свободный и несвободный трудъ*, въ которомъ онъ развиваетъ мысль о предоставленіи крестьянамъ права собственности. Изданная гр. Урусскимъ брошюра служитъ какъ бы предувѣдомленіемъ о его обширномъ трудѣ, подъ заглавіемъ: *Вопросъ о крестьянахъ* (Sprawa włościańska), котораго четыре тома должны выйти въ непродолжительномъ времени. 1-й и 2-й томы будутъ заключать въ себѣ обозрѣніе древнихъ польскихъ правъ, для лучшей оцѣнки нынѣшняго положенія крестьянъ и ихъ юридическаго отношенія къ помѣщикамъ. Сверхъ того въ нихъ будутъ заключаться всѣ постановленія, касательно этого предмета, не только въ Царствѣ Польскомъ и Имперіи Россійской, но и въ сосѣднихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи. Въ составъ 3-го тома войдутъ извлеченія изъ авторовъ, которые до сихъ поръ писали о крестьянскомъ вопросѣ. Въ слѣдующихъ томахъ будутъ заключаться мнѣнія издателя о томъ же предметѣ, съ точки зрѣнія исторической и экономической, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на общественное развитіе въ*

Польша. — Наконецъ будутъ слѣдовать историческія примѣчанія, т.-е. извлеченія изъ знаменитыхъ писателей по этому предмету.

Панъ Мартынъ Квъць (Pan Marcin Kwiec). Разказъ изъ временъ короля Августа, извлеченный изъ рукописи пана Вады и дополненный собственными воспоминаніями Станиславомъ Рейтаномъ. Варшава, 1857. Въ 12-ю д. 266 стр.

Авторъ изображаетъ князя Іеронима Радзивилла, литовскаго хорунжаго, владѣльца Слуцка; это человекъ, исполненный пороковъ, съ крутымъ и мрачнымъ характеромъ; другое дѣйствующее лицо — *Квъць*, шляхтичъ изъ деревни Цѣшкова, находящейся среди помѣстій князя. Квъць едва осмѣливается противиться Радзивиллу, который старается выдать его дочь замужъ за одного шляхтича, играющаго роль шута при его дворѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ сдѣлать ее своею наложницею. Радзивиллъ является здѣсь, какъ деспотъ; старый Квъць не въ силахъ защищать честь своей дочери, и только сынъ его Мартынъ, чувствуя собственное достоинство, рѣшается мстить за оскорбленіе своего семейства. Вообще эта повѣсть занимательна и, какъ кажется, вѣрна исторической истинѣ, хотя авторъ не вездѣ умѣлъ совладать съ характерами дѣйствующихъ лицъ.

Стихотворенія Викентія Поля (Poezye Wincentego Pola). Новое, исправленное и умноженное изданіе въ 4-хъ томахъ. Вѣна, 1857.

Въ этомъ изданіи, вмѣстѣ съ извѣстными уже произведеніями Поля, одного изъ лучшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, помѣщена также его новая поэма изъ историческихъ воспоминаній XV вѣка: *Витъ Ствошъ*. Она написана превосходными стихами, но поэтъ, кажется, слишкомъ увлекается мистицизмомъ и видитъ польскую народность тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Вотъ содержаніе этой поэмы: Витъ Ствошъ родился въ Краковѣ, въ 1447 г., въ царствованіе Казимира Ягеллончика. Онъ былъ ваятель, воспитывался и трудился въ Краковѣ до 1486 г., пока не переселился на два года въ Нюрембергъ для составленія великолѣпнаго рисунка гробницы св. Зебалда, которую и выполнилъ въ 1500 г. Въ Нюрембергѣ, гдѣ онъ дожилъ до глубокой старости (ум. въ 1543 г. на 96 году жизни), у него была большая рабочая. Ствошъ имѣлъ сильное вліяніе на труды Петра Фишера, и другихъ германскихъ художниковъ. Въ старости онъ ослѣпъ. Нюрембергцы, вслѣдствіе ложнаго на него доноса въ подлогѣ какихъ-то писемъ, рѣшили публично опозорить его пощечинами.

Г. Польша приготовляетъ къ изданію еще четыре тома своихъ стихотвореній, въ которыхъ будетъ помѣщена его новая большая поэма, подъ заглавіемъ: *Гетманскій мальчикъ*. Въ послѣдствіи времени мы еще возвратимся къ поэтическимъ и прекраснымъ произведеніямъ г. Поля, въ которыхъ такъ живо выражается польская народность.

Тека Гаэриула Яноши Подоскаго, архіепископа гнѣзненскаго, изданная Казимиромъ Яроховскимъ (TeKa Gabryela Janoszy Podoskiego, arcybiskupa Gnieźnińskiego, wydana przez Kazimirza Jarochowskiego). Познань. Т. I. 1854.—328 стр. Т. II. 1855.—398 стр. Т. III. 1856.—334 стр. Т. IV. 1856.—790 стр.

Должны еще выйдти пятый и шестой томы этого превосходнаго собранія историческихъ документовъ, сеймовыхъ реляцій, писемъ королей, пословъ, рѣчей, записокъ и т. д., обнимающихъ собою время отъ 1717 до 1733 года; къ нимъ также слѣдуютъ любопытныя приложенія, касающіяся 1696 г. Они взяты изъ собранія архіепископа Подоскаго. Издатель въ предисловіи говоритъ, что какой-то г. М. подарилъ эти матеріалы одному изъ польскихъ историковъ, который и поручилъ г. Яроховскому заняться ихъ изданіемъ.

Калишскій Альбомъ (Album Kaliskie). Составленный и написанный Эдуардомъ Ставецкимъ. Выпускъ I. Варшава, 1857 г. Въ 4-ю д. л.

Калишъ — одинъ изъ древнѣйшихъ польскихъ городовъ, и потому его исторія любопытна. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ многіе его памятники исчезли. Самый городъ совершенно былъ перенесенъ на другое мѣсто, по причинѣ непрерывныхъ разлитій Просны; частые пожары, нападенія Крестовосцевъ и Шведовъ истребляли дотла церкви, замки и лучшія зданія, такъ что теперь, большею частію, осталось только воспоминаніе объ нихъ.

Несмотря на трудность собиранія историческихъ фактовъ, относящихся къ Калишу, г. Ставецкій сообщаетъ много интереснаго въ своемъ изящномъ *Альбомѣ*, который долженъ занять почетное мѣсто на ряду съ изданіями подобнаго же рода, вышедшими въ Варшавѣ, какъ-то: съ альбомами Люблинскимъ и Августовскимъ, о которыхъ мы уже упоминали въ нашихъ статьяхъ. Г. Ставецкій старался сохранить отъ забвенія все, что было можно: мѣста, освященные воспоминаніями прошедшаго; живописныя мѣстоположенія; виды окрестностей, замѣчательныхъ по легендамъ и историческимъ памятникамъ, наконецъ присоединены будутъ особые отдѣлы, посвященные Сердзскому уѣзду. Текстъ написанъ на основаніи мѣстныхъ актовъ. Въ немъ собраны историческія свѣдѣнія, касающіяся Калиша и основанныя на древнѣйшихъ документахъ, какіе только издатель могъ найти въ калишскихъ архивахъ. Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ 1268, 1284 г. и т. д.

Въ началѣ 1-го выпуска приложенъ старинный видъ Калиша, въ его цвѣтущемъ положеніи, до котораго довели его Казимиръ Великій и его предшественники. Калишъ, около 1350 г., былъ обведенъ каменною стѣною Казимиромъ Великимъ, который, 8 іюля 1343 г., заключивъ здѣсь невыгодный миръ съ Рудольфомъ, гроемейстеромъ Крестовосцевъ, хотѣлъ обезопасить отъ сосѣдей границы своей стороны.

Полное изданіе «Калишскаго Альбома» выйдеть въ 10-ти выпускахъ. Ежемѣсячно будетъ выходить одинъ выпускъ, съ текстомъ и четырьмя картинками (нужно замѣтить, превосходно литографированными извѣстнымъ варшавскимъ художникомъ г. Фаянсомъ).

Люблинскій Альбомъ (Album Lubelskie). Рисунки и текстъ г. Лерю (Legue). Варшава. 1857. Выпускъ 1 и 2.

Люблинъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Царства Польскаго. Основаніе его относится ко временамъ до-христіанскимъ, по крайней мѣрѣ объ немъ есть древнія историческія извѣстія. Въ Люблинѣ совершилось соединеніе Литвы съ Польшею, въ 1569 г., въ царствованіе Сигизмунда-Августа. Въ немъ осталось множество историческихъ памятниковъ, и потому нельзя не поблагодарить г. Лерю (воспитанника училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ, уроженца Люблина) за то, что онъ вознамѣрился ознакомить съ ними публику посредствомъ своего изящнаго «Люблинскаго Альбома». Вышли два выпуска, которые заключаютъ въ себѣ рисунки, съ краткимъ описаніемъ, изображающіе: церковь Св. Духа, также ворота и развалины госпиталя при той же церкви, построенной въ 1342 г.; — Ратушу, построенную на мѣстѣ прежней кармелитской церкви; — Краковскія ворота, оставшіяся со временъ Казимира В.; — Старый рынокъ и Гродскую улицу, на которой стоятъ два каменные дома, построенные въ 1448 году; — Каменный домъ Марка Собѣскаго, отца короля Ивана III, *идѣ останавливался Петръ Великій, во время войны съ Карломъ XII, королемъ шведскимъ*; — Золотую улицу (Złota) и Доминиканскую церковь, основанную при Казимирѣ В., надгробный памятникъ Фирлеевъ (въ придѣлѣ той же церкви), то-есть Николая, кастелана краковскаго, великаго короннаго гетмана, ум. въ 1526 г., и его сына Петра, воеводы русскаго, ум. въ 1553 г.

«Люблинскій Альбомъ» будетъ состоять изъ восьми выпусковъ, заключающихъ въ себѣ виды не только Люблина, но и другихъ городовъ Люблинской губерніи. — Въ подобномъ же родѣ выходитъ «Альбомъ Августовскій», но мы поговоримъ объ немъ послѣ.

Путеводитель Варшавы (Przewodnik Warszawy), съ планомъ города, украшеннымъ десятью картинками, гравированными на стали. Составилъ Ф. М. Собѣщанскій. Варшава, 1857. Въ 12 д. л., 54 стр.

Г. Собѣщанскій давно уже извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ ученый знатокъ древностей и авторъ «Исторіи изящныхъ искусствъ въ Польшѣ». Въ 1848 году онъ издалъ обширное историко-статистическое описаніе Варшавы. Нѣкогда я пользовался сообщенными имъ мнѣ матеріалами и въ 1850 г. издалъ на русскомъ языкѣ мое «Описаніе Варшавы и ея окрестностей», также съ планомъ и картинками. (Въ 12 д. л., 153 стр.)

Изданный теперь г. Собѣщанскимъ «Путеводитель», въ неболь-

шомъ объемъ заключаетъ всѣ свѣдѣнія и любопытныя подробности, необходимыя для знакомства съ Варшавою и, какъ надобно догадываться, почерпнутыя изъ вѣрныхъ источниковъ.

Начало Варшавы относится къ XII вѣку. До второй половины XIII вѣка она была частною собственностію, потомъ перешла во владѣніе князей Мазовецкихъ, съ началомъ XIV вѣка она сдѣлалась столицею особаго Варшавскаго княжества, потомъ всей Мазовіи. Въ 1526 г. она была присоединена къ Польшѣ, въ 1596 г. сдѣлалась столичнымъ городомъ древней Рѣчи Посполитой, а нынѣ главнымъ мѣстопробываніемъ законодательной и административной власти Царства Польскаго. Она занимаетъ пространство въ 1894 десятины; имѣетъ 220 улицъ; казенныхъ зданій въ городѣ: каменныхъ 63, деревянныхъ 6, всѣхъ 69. Частныхъ домовъ: каменныхъ 1883, деревянныхъ 1165, всѣхъ 3048; вообще всѣхъ нумерованныхъ владѣній въ городѣ, въ предмѣстіи Прагѣ и за заставами 3,616. Въ ней считается постоянныхъ жителей 156,072, а вмѣстѣ съ непостоянными народонаселеніе ея доходить до 200,000.

Языкознаніе или зачатіе и первобытное развитіе языка боевъ Славянъ; нашихъ праотцевъ. Кратко, просто и доказательно изложилъ Петръ Чарковскій, частный учитель въ Варшавѣ (Mównictwo czyli początek się i pierwotny rozwój mowy Bohów Sławian, naszych praójców. Krótko, po prostu i dowodnie wyłożył Piotr Czarkowski, Nauczyciel prywatny w Warszawie). Варшава, 1857. Въ 8-ку, 258 стр.

Съ трудомъ перевели мы вычурное заглавіе этой странной книги! Довольно прочесть предисловіе автора, чтобы получить о ней самое полное понятіе. Прежде всего нужно знать, что г. Чарковскій принадлежитъ къ числу отчаянныхъ славянофиловъ, которые теперь довольно часто стали появляться въ польской литературѣ. Находя, что нынѣшніе ученые напрасно старались доискаться начала всѣхъ языковъ вообще, онъ прибавляетъ (стр. 5): «Причиною такого неуспѣха въ изслѣдованіяхъ языка суть Нѣмцы и другіе наши сосѣди съ запада; также наши соплеменники Славяне, которые Западъ считаютъ за *lumen mundi*, за образецъ, какъ поступать на ученомъ поприщѣ.» Видите ли, въ то время, когда Западъ развивался, то Славяне должны были бороться съ азіатскими народами и такимъ образомъ защищали Западъ; но теперь «азіатская дичь, продолжаетъ г. Чарковскій, давно уже находится на крѣпкой привязи; человечество не нуждается въ стражѣ; наука и книга, при настоящемъ положеніи вещей, сдѣлались необходимою, какъ щитъ славянства противъ могущества чуждаго просвѣщенія. Желая уравновѣсить свои силы съ ихъ силами и навсегда удержать при себѣ достоинство и имя Славянъ, мы должны учиться, но учиться по своему и на своемъ языкѣ.» Выше г. Чарковскій замѣтить, что мы занимаемся наукою по-нѣмецки, по-французски или по-англійски, но не по своему, не по-славянски! Замѣ-

чательно, что польскіе славянофилы, безъ вѣдома, сходятся съ нашими въ одномъ и томъ же мнѣніи. Прекословить ему мы не будемъ, чтобы напрасно не терять времени, а лучше обратимся къ другимъ диковинкамъ г. Чарковскаго, потому что онъ очень назидательны. Задавая себѣ вопросъ, отчего Нѣмцы, глубокіе знатоки древнихъ и новыхъ языковъ, не сдѣлали надлежащаго успѣха въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ говоритъ: «Отвѣтъ на это коротокъ: всѣ языки, древніе и новые, не-славянскіе, суть только боковыя вѣтви первобытнаго языка, а нѣмецкій языкъ даже кривая и, такъ сказать, сухая его вѣтвь; стволъ же этого языка (то-есть первобытнаго) составляетъ языкъ славянскій, или, лучше сказать, русскій и польскій. Послѣдній изъ нихъ уже достигъ до зенита своего развитія!»

Далѣе въ предисловіи своемъ авторъ замѣчаетъ, что Нѣмецъ, заботясь о чести своего племени, не захотѣлъ бы поднимать завѣсу прошедшаго и обнаружить, чѣмъ были наши праотцы за тысячи лѣтъ передъ симъ, и какъ весь міръ покорялся ихъ физическому и нравственному могуществу! Славяне должны сами искренно трудиться, утверждаетъ онъ и потомъ прибавляетъ: «А какъ мы должны трудиться, болѣе или менѣе показываетъ настоящая книга, странная по заглавію, но еще страннѣйшая по своему содержанію. Будучи основана на совершенно-новой идеѣ, она отзывается смѣлостію, даже дерзостію, потому что однимъ сильнымъ взмахомъ сорвавши тотъ нѣмецкій канатъ, на которомъ вертится филологія, я пошелъ прямо къ колыбели рода человѣческаго, по пути совершенно новому, чисто-славянскому,» и т. д.

Дошедши до колыбели человѣческаго рода, г. Чарковскій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 9): «Съ самой вершины нашего языка опускаясь внизъ, вплоть до послѣднихъ оконечностей его корней, я дошупался (*dotarzałem się*), что изъ шести зеренъ, называемыхъ мною первообразами, зародились не только нашъ, но и всѣ другіе языки.» Нѣсколько ниже онъ говоритъ: «Человѣкъ получилъ начало отъ Бога; первое слово его языка было: *Богъ*; потомки первыхъ родителей бѣлаго племени назывались богами, и изъ этого слова *Богъ* старались воспроизвести весь свой языкъ, и отчасти достигли этого. Другимъ словомъ было *Норъ* или (навыворотъ) *Роъ*, по нашему *Русъ*; отъ него-то получилъ свое названіе и начало языкъ *Боговъ-Русовъ*, иначе называемыхъ *Барогами!*» (1) Перебирая всѣ корни, авторъ наконецъ приходитъ къ заключенію: «Мы, Славяне, всѣхъ названій, по прямой линіи происходимъ отъ боговъ!» (Стр. 10.)

(1) Надобно знать, что г. Чарковскій, на 42 стр. своего изслѣдованія, утверждаетъ, что слово *roga*, черезъ замѣну *r* на *s*, произвело слова: *rosa*, и *rosmita*, наконецъ (сохраняемъ правописаніе автора) *Rasiju agaszajemuju balszymi gjekami!*

Главная метода автора состоитъ въ томъ, что всѣ слова онъ читаетъ и прямо и наизуворотъ, основывая на нихъ свои филологическія изслѣдованія. Такимъ образомъ у него выходятъ: *рай* (гај) — *аръ* (јаг), *махъ* (mach) — *хамъ* (cham), *потъ* (pot) — *топъ* (top), *вѣсь* (wieś) — *сѣвъ* (śiew), и т. п. (См. стр. 19 и 20.)

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести слѣдующаго курьознаго разказа г. Чарковскаго о Москвѣ. (Стр. 210, 211 и т. д.)

«Съ Волги мы отправляемся во глубину Россіи, туда, гдѣ издали блеститъ золотоголовая *Wielokamennaja Moskwa* (такъ пишетъ авторъ по-русски), которая своею сильною десницею сокрушила татарское иго и положила предѣлъ столь же опасной гордынѣ Порты Оттоманской. *Москва* еще молода; ей едва еще минуло тысячу лѣтъ, но за то ея мать Москва-рѣка уже стара, какъ свѣтъ, и старо ея иззваніе какъ свѣтъ. Потерявъ отъ старости всѣ зубы, она безпрестанно что-то нашептываетъ, но такъ неясно, что никто не понимаетъ ея, а я только чуть-чуть, и то при пособіи особенной для меня милости. Очень понравился я старушкѣ, въ особенности, потому что самъ уважаю старость, люблю лѣса и рѣки, и люблю, какъ самого себя, всѣхъ истинныхъ Славянъ. Она называла меня своимъ *дядюшкою* (1), слѣдовательно близкимъ родственникомъ, и сообщила мнѣ множество объясненій, то тамъ, то сямъ разбросанныхъ въ этомъ сочиненіи. Когда я спросилъ ее о прошедшемъ, то она отвѣчала съ тяжкимъ вздохомъ: «Дядюшка! переверни вверхъ ногами настоящее, то-есть, истреби деревни и города, разведи вездѣ лѣса, среди лѣсовъ помѣсти стаи волковъ, медвѣдей, дикихъ быковъ, лосей, оленей, и только кое-гдѣ людей, но людей уминыхъ, вмѣстѣ почитающихъ *Бога Руся и Лява*, и взаимно любящихъ другъ друга, и вотъ тебѣ прошедшее! Прежде и я, ослѣпшая зеленою лѣсовъ и украшенная цвѣточными вѣнками, считалась божествомъ, источникомъ благодѣяній для людей» и т. д. Много еще кой-чего разказываетъ Москва-рѣка, жалуясь, что она теперь сдѣлалась судомойною, очищающую грязь какой-то вельможной госпожи. Но она до того заговорила, что вдругъ обратилась къ автору разбираемой нами книги съ слѣдующими словами: «Ты родомъ съ береговъ *Буза*, слѣдовательно мой *дядюшка* и, безъ сомнѣнія, хорошо понимаешь меня? — Напротивъ, моя *тетушка*, не слишкомъ-то я понимаю тебя. — Напейся же моей воды и слушай далѣе. Самъ ты доказываешь, что *Волга* значитъ *Вельга, Велька, или Великая...*»

(1) Авторъ употребилъ здѣсь небывалое въ польскомъ языкѣ слово: *ciotak* какъ бы *tётакъ*, въ мужскомъ родѣ, подстать къ слову *tётка*, по-польски *ciotka*.

Но, мы уже не въ состояніи продолжать наши выписки, хотя и желали отъ души доставить удовольствіе истымъ славянофиламъ.

Начертаніе грамматики польскаго языка (Rys grammatyki języka Polskiego). Выпускъ I. Варшава. 1857. Въ 8 д., 288 стр. (Подъ предисловіемъ подписано: А. Моржицкій.)

Авторъ этой грамматики также принадлежитъ къ числу славянофиловъ. Говоря, напримѣръ, объ измѣненіяхъ глаголовъ (стр. 119, 120, 121), и замѣчая, что третье лицо прош. врем., изъяс. накл., есть *корень*, которымъ начинается каждый глаголъ въ польскомъ языкѣ, и такимъ образомъ прошедшее время становится главнымъ, г. Моржицкій восклицаетъ:

«Свойство это, общее прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, доказываетъ глубину слова этихъ народовъ, образовавшагося въ ихъ духѣ, глубину, которой можно удивляться и вмѣстѣ признать, что эти народы инстинктивно чувствуютъ свое высокое призваніе, потому что отъ *Слова* они приняли названіе для всего племени, какъ бы желая отличить себя отъ другихъ, *не понимающихъ Божьяго глагола, который течетъ ручьемъ изъ языка съ высоты небесъ на землю!*» Вслѣдъ за этимъ г. Моржицкій утверждаетъ (стр. 121), что у западныхъ народовъ, «какъ въ философш, такъ и въ общественной жизни: *ego, das Ich*, есть главная идея, дающая толчокъ ихъ жизни; напротивъ славянскія племена духомъ своимъ постигли правду, прежде чѣмъ она проявилась для человѣчества!»

Читая эти строки, невольно спрашиваешь: неужели Славянамъ предназначено только мечтать о своемъ высокомъ призваніи, набожно сложа руки и ничего не дѣлая, да бранить *дряблый* Западъ даже въ своихъ грамматикахъ?..

Что касается собственно грамматики г. Моржицкаго, то она не имѣетъ никакого достоинства въ ученое отношеніи. Это путаница, въ которой главную роль играютъ новыя грамматическія подраздѣленія и новая терминологія. Изъ предисловія видно, что авторъ — помѣщикъ, живущій въ деревнѣ. Онъ говоритъ, что «Мрозинскій (1) сочинялъ свою грамматику съ саблею въ рукѣ; пусть же не удивляются, что онъ свою грамматику пишетъ за плугомъ.»

Польскіе портреты (Wizerunki Polskie), рисованные съ природы и литографированные Максимиліаномъ Фаянсомъ. Варшава. 1857. (Въ листъ.)

Мы видѣли нѣсколько выпусковъ этого замѣчательнаго изданія, украшеннаго изящными и отчетливыми портретами извѣстныхъ польскихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ и вообще знаменитыхъ лицъ,

(1) Мрозинскій былъ генераломъ польскихъ войскъ и издалъ свою знаменитую грамматику въ 1822 г.

большую частью еще живущихъ. Къ нимъ присоединяется краткая біографія каждаго изъ нихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что предпріятіе г. Фаянса встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ его соотечественниками.

Варшавская бібліотека (Biblioteka Warszawska) 1857. Кн. VII и VIII.

Въ VII-й кн. помѣщено окончаніе *Воспоминаній изъ путешествія въ Литву г. Ферд. Новаковскаго*. Они начаты были еще въ третьей кн. В. Б., о чемъ я уже упомянулъ въ 11-й кн. «Русскаго Вѣстника», за нынѣшній годъ. Г. Новаковский, въ окончаніи своей прекрасной статьи, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о Вильнѣ и вообще о Литвѣ. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ онъ о языкѣ и литературѣ литовскаго народа:

«Чтобы кому-нибудь не казалось, что въ Вильнѣ, въ столицѣ Литвы, имѣющей свой собственный языкъ, говорятъ по-литовски, я считаю необходимымъ замѣтить, что Виленская губернія преимущественно состоитъ изъ двухъ племенъ, собственно литовскаго и славянскаго. Очень трудно разграничить эти племена и опредѣлить ихъ число; однакожъ ученые признаютъ, что уѣзды Виленскій, Троцкій, сѣверная часть Лидскаго, Ошмянскаго и сѣверо-западная Свенцянскаго населены Литовцами въ числѣ 388,697, прочая же часть губерніи населена Бѣлоруссами и Черноруссами въ числѣ 353,290.» (1)

«Хотя Виленскій уѣздъ населяетъ литовское племя, однакожъ Вильно, — когда, послѣ слитія страны съ Польшою, въ ней имѣли мѣстопребываніе королевскій дворъ и магнаты, по необходимости говорившіе на польскомъ языкѣ, который постепенно переходилъ отъ нихъ въ низшіе слои общества, — до сихъ поръ удержало тотъ же языкъ, подобно другимъ большимъ городамъ въ Литвѣ. При всемъ томъ мы видимъ, что въ самой Виленской губерніи стихія литовская беретъ верхъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли свою литературу языкъ, существующій въ устахъ не только простаго народа, но и господъ? Находится ли онъ въ первой порѣ развитія, или въ упадкѣ? Ни то, ни другое: тамъ, гдѣ столько тысячъ народа употребляетъ одинъ и тотъ же языкъ, онъ не только никогда не придетъ въ упадокъ, но современемъ еще болѣе долженъ образоваться, въ особенности потому, что въ Литвѣ было и есть много людей, которые трудились и трудятся надъ обработкою отечественнаго языка, какъ доказываютъ, правда, рѣдко выходящія въ свѣтъ книги.

«Страстный любитель отечественнаго языка Людвигъ Адамъ Юевичъ (извѣстный подъ псевдонимомъ *Людвигъ изъ Полевя*), въ переводахъ новѣйшихъ польскихъ поэтовъ на литовскій языкъ, такъ

(1) Историческо-статистическіе очерки Виленской губерніи, стр. 15.

объ немъ выражается: «Каждый языкъ, каждая наука, имѣетъ дѣтство, возрастъ и время зрѣлости; но это мнѣніе никакимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ языку литовскому. Онъ до сихъ поръ остался такимъ же, какимъ былъ въ началѣ своего появленія, и не подвергся ни малѣйшимъ перемѣнамъ: рѣзкій и дикій, какъ эхо тѣхъ лѣсовъ, въ которыхъ онъ зародился, мужественный, какъ тѣ богатыри, которые, вышедши изъ дремучихъ лѣсовъ, звуками своего рожка поражали хитрыхъ сосѣдей Нѣмцевъ и поселяли страхъ въ скопищахъ Перекопскихъ ордъ; шумливый, какъ бесѣды у зажженныхъ костровъ послѣ победы надъ врагомъ! Считаю не нужнымъ говорить, какъ онъ способенъ для поэзіи, для яснаго выраженія всѣхъ движеній и чувствъ души: это основательно доказалъ покойный прелатъ виленской кафедральной церкви, членъ Варш. Общ. Любителей Наукъ, Ксаверій Богущъ.»

«Объ образованіи простаго народа, далѣе говоритъ г. Новаковский, прежде всего стали заботиться въ прусской Лятвѣ, перевода на отечественный языкъ Священное Писаніе. Имена протестантскихъ пасторовъ, какъ-то: Бреткунаса, Хилинскаго, Битнера и Квандта, занимаютъ самое почетное мѣсто въ литовской литературѣ, а имя Вильгельма I, короля прусскаго, перейдетъ въ отдаленное потомство. Въ его время каждая деревня содержала школу. Въ Тильзитѣ, въ повѣтовомъ училищѣ, находился учитель литовскаго языка; въ Кёнигсбергѣ, открыта была при университетѣ литовская семинарія, изъ которой вышли ученые *Донелейтисъ*, *Румъ* (Ruhig), *Мишке* (Mielcke), и др.

«У насъ также не забыть простой народъ: епископъ жмудскій Юсифъ Арнельсъ князь *Гедроицъ* (Giedroic) перевелъ въ 1816 г. Новый заветъ. Священникъ Николай *Дакша* (Dauksza), каноникъ жмудской кафедр. церкви, перевелъ поученія Якова Вуйка: къ числу лучшихъ произведеній принадлежатъ также проповѣди священника Конст. Ширвида.

«Въ поэзіи первое мѣсто занимаетъ вышеупомянутый *Донелейтисъ*, ум. въ 1780 г., великій народный поэтъ. Его поэма, подъ заглавіемъ: *Четыре времени года*, есть вѣрная картина нравовъ, обычаевъ и знатій сельскаго народа. Ее издалъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, профессоръ богословія и проповѣдникъ *фонъ-Реза* (von Rhesa), въ Кёнигсбергѣ 1818 г. Реза издалъ также народныя литовскія пѣсни, *dainos*; литовскую поэзію обогатили также: Симеонъ Станевичъ (своими баснями), покойный Діонисій Пашкевичъ, переводчикъ *Энеиды* Виргилія, авторъ многихъ сатиръ, и священникъ Дроздовскій, авторъ религіозныхъ пѣсень, которыя до сихъ поръ поются во всѣхъ литовскихъ церквахъ.

«Изъ прозаиковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: священникъ Осипъ Рупейко, каноникъ жмудскій, перевелъ сочиненіе польскаго

писателя И. Ходзьки: *Панъ Янъ изъ Семслочи*; свящ. Кипріянь Незабитовскій, перевелъ сочиненіе польскаго натуралиста священи. Клюка: *О пчелахъ*; вышеупомянутый Симеонъ Станевичъ (трудившійся надъ словаремъ) и священникъ Гойлевичъ (Gojlewicz). Лучшіе литовскіе словари принадлежатъ: Мьялку (Mialck), Гаку (Haack), Ширвиду и Нессельману. Грамматикою занимались: Клейнъ, Шульценъ (Schulzen), Гакъ (Haak), Ругигъ (Ruhig), Мильке (Mielcke) и свящ. Коссаковскій; сверхъ того іезуиты, еще въ 1713 г., издали грамматику, подъ заглавіемъ: «Universitas linguarum Lithuanicarum», которая переведена на польскій языкъ и вышла въ Вильнѣ въ 1829 г. Всѣ эти книги уже вышли изъ книжной торговли, и надобно желать, чтобы кто-либо изъ виленскихъ книгопродавцевъ, для общей пользы, занялся новымъ ихъ изданіемъ, въ особенности столь необходимыхъ словарей и грамматикъ.

«Изъ новѣйшихъ книгъ, сверхъ многихъ сочиненій религіознаго содержанія, стоитъ упомянуть календарь, ежегодно издающійся г. Л. Ивинскимъ. Кажется издана также исторія Литвы, написанная на народномъ языкѣ покойнымъ графомъ Юріемъ Платеромъ.»

Въ той же книгѣ «Варш. Библ.» помѣщено письмо г. Зенкевича изъ Вильна. Въ немъ онъ старается объяснить одно выраженіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ, именно, *женичюизъ*, употребленное въ слѣдующемъ мѣстѣ (см. Сонъ Святослава): «съпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тѣковинъ великый *женичюизъ* на доно.» Наши комментаторы до сихъ поръ не разгадали еще этого темнаго мѣста. Г. Зенкевичъ указываетъ на слово *жемчуръ*, употребляемое пинскимъ народонаселеніемъ (Минской губерніи) въ значеніи *драгоцѣнной и тонкой ткани*. Это видно изъ свадебной пѣсни, помѣщенной въ Сборникъ Пинскихъ пѣсень (Ковно, 1851 г.):

Эъ суботоньки на недзѣленьку
Снявса мня сонъ дивненьки,
Сивы голубы да валенули
Билы *жемчуръ* розвернули,
Живе золото розсыпали.
— Да мое жь дитятю родне!
Малоумны розумъ маешъ,
Що сего сну не сгадаешъ;
Сивы голубы — сваты твое;
Билы *жемчуръ* — коски твое;
Живе золото — слезки твое.

Въ VIII кн. «Варш. Библ.» замѣчательны слѣдующія статьи: «Взглядъ на нынѣшнее гражданское законодательство во Франціи» г. Г. *Кримо-жамовскаго*, и «Издѣловія объ Орденѣ Добржинцевъ и о первоначальномъ отношеніи Крестоносцевъ къ Конраду Мазовецкому (окончаніе статьи, начатой въ VII кн.), г. *Романовскаго*. Помѣщено также окончаніе статьи г. Бартошевича о Константиѣ Свидзинскомъ

и его завѣщаніи, о которомъ я уже извѣщалъ въ 17-мъ № «Русскаго Вѣстника».

Г. Романовскій основываетъ свои изслѣдованія исключительно на современныхъ грамотахъ 1222 и 1226 г. Замѣтимъ, что почти въ то же время профессоръ Брунсбергскаго лицея издалъ въ Лейпцигѣ разсужденіе о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: *Die Gründung des Deutschen Ordensstaates in Preussen*, v. Dr. Watterich. (Leipzig, 1857 г., 264 стр. in-8.) Г. Ваттерихъ основывается на тѣхъ же самыхъ грамотахъ, что и г. Романовскій, но оба приходятъ къ разнымъ заключеніямъ.

Въ польскихъ газетахъ замѣтимъ слѣдующія новости: въ N 208-мъ «Варшавской Газеты» (*Gazeta Warszawska*) помѣщено письмо г. Зайончковскаго изъ Праги (4 августа 1857 г.), интересное по своему содержанию, и потому мы приводимъ его здѣсь вполнѣ:

«Пріѣхавшій на воды въ Теплицъ, бывшій профессоръ Дерптскаго университета, авторъ извѣстнаго сочиненія: *Necrolivonica*, постоянно живущій въ Лейпцигѣ, докторъ Крузе, составилъ замѣчательный планъ соединенія всѣхъ музеевъ и археологическихъ обществъ въ одинъ союзъ, для взаимнаго сообщенія всѣхъ открытій. Органомъ этого союза должно быть иллюстрированное, періодическое изданіе, поддерживаемое этими обществами и издаваемое въ Лейпцигѣ на языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ.

«Необходимость такого изданія основывается на томъ, что отдѣльныя дѣйствія ученыхъ обществъ исключительно посвящаются мѣстной исторіи и до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстны другимъ обществамъ. Такимъ образомъ музеи въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ, Германіи и Скандинавіи, наконецъ въ славянскихъ земляхъ, какъ-то: въ Прагѣ, Краковѣ, Вильнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, составляли бы одно цѣлое, которое выражалось бы въ предполагаемомъ періодическомъ изданіи. Отсюда произошла бы чрезвычайная польза для столь оживленной теперь во всей Европѣ науки, какова археологія.

«Г. Крузе сообщилъ свой планъ графу Тышкевичу, основателю Виленскаго музея, и предоставилъ ему снестись касательно этого предмета съ чешскими учеными въ Прагѣ.

«Несмотря на различіе мнѣній, которое преимущественно основывалось на томъ, чтобы подобные славянскіе труды отдѣлить отъ трудовъ западной Европы, хотя истинная наука не допускаетъ различія народностей, г-ну Крузе, какъ главному редактору предоставлено осуществить вышеизложенный планъ, т.-е. снестись съ извѣстными музеями и учеными обществами въ Европѣ, и пріобрѣсти чрезъ нихъ ученыхъ и матеріальныхъ средства.

«Предполагаемое изданіе должно выходить четыре раза въ годъ, обширными томами и съ рисунками. Графъ Тышкевичъ извѣщалъ

желаніе, чтобы рисунки были сдѣланы на деревѣ и, какъ общая собственность, по требованію каждаго общества, могли бы быть ему сообщаемы безплатно, съ цѣлю распространенія науки археологии на мѣстномъ языкѣ каждой провинціи, чтобы такимъ образомъ открытія отечественныхъ древностей сдѣлать популярными и доступными для каждаго, не знающаго трехъ упоманутыхъ языковъ.

«Исполненіе подобнаго плана произведетъ новую эпоху въ археологии, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время эта важная наука перестала быть исключительно наукою греческихъ и римскихъ древностей и, обнимая собою малѣйшія части народовъ и отдѣльныхъ поколѣній, избрала другую цѣль и форму, и ей именно не достаетъ точки соединенія и ученыхъ сношеній.

«Вскорѣ ученый міръ узнаетъ изъ заграничныхъ журналовъ подробности этого плана. Здѣсь мы сообщаемъ это извѣстіе для польской читающей публики, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что эта совершенно новая мысль есть плодъ усилій нашихъ археологовъ за границей, въ нынѣшнемъ году.»

Въ № 225 «Хроники Внутреннихъ и Иностранныхъ Извѣстій» (Kronika Wiadomości Krajowych i Zagranicznych), помѣщено письмо изъ Вильны отъ 20-го іюля (2-го августа), изъ котораго мы приводимъ слѣдующее любопытное извлеченіе:

«Іюня 24-го происходило чрезвычайное собраніе Археологической комиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Балнискаго, по случаю возвращенія дѣйствительнаго члена той же комиссіи, графа Тышкевича, который, путешествуя по рѣкѣ Вилии, дня на два остановился въ Вильнѣ. Его встрѣтили на берегу нѣкоторые члены комиссіи; въ залѣ засѣданій вице-президентъ привѣтствовалъ его рѣчью и выраженіями благодарности отъ имени всего собранія за трудъ, предпринятый съ благородною цѣлю; потомъ достопочтенный ученый отправился въ дальнѣйшій путь. Находясь, послѣ его отъѣзда изъ Вильны, въ деревнѣ у одного помѣщика Трощаго уѣзда, живущаго подъ Вилиею, мы имѣли случай узнать этого знаменитаго человѣка, который, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ юношескимъ воодушевленіемъ, въ небольшомъ ботикѣ, впрочемъ, устроенномъ съ комфортомъ, предпринялъ утомительное путешествіе съ цѣлю изсѣдовать, во всѣхъ отношеніяхъ, берега, русло и окрестности Вилии. При графѣ Тышкевичѣ находился землемѣръ, снимавшій самый подробный планъ рѣки, и живописецъ, снимавшій виды историческихъ или красивыхъ мѣстъ; самъ онъ писалъ дневникъ своего путешествія, который уже въ то время составлялъ довольно большой томъ. Графъ намѣренъ издать его подъ заглавіемъ: *Вилия*, съ прибавленіемъ карты этой рѣки и двухъ рисунковъ, г. А. Залѣскаго, представляющихъ сцены изъ *Легенды объ источникѣ Вилии*, въ первый разъ открытой имъ самимъ, когда онъ собиралъ преданія и народныя

пѣсни. Это будетъ сочиненіе единственное у насъ въ своемъ родѣ и чрезвычайно занимательное, потому что въ немъ будутъ заключаться не только наблюденія надъ обычаями, преданіями и вообще надъ характеромъ здѣшняго народа, но и вѣсть и свѣдѣнія статистическія, географическія, историческія и археологическія, написанныя основательно и доступно, перемежанныя съ разказами о приключеніяхъ самого автора, во время этого путешествія, съ разказами, исполненными остроумія и юмора; словомъ, мы увидимъ истинное описаніе путешествія, какимъ оно должно быть. И надобно отдать справедливость гр. Тышкевичу, что онъ во все умѣетъ вникнуть, все узнать и надлежащимъ образомъ изслѣдовать. То, что наше, что бросаетъ хотя малѣйшій лучъ свѣта на прошедшее нашей страны, что объясняетъ характеръ давнишней жизни предковъ и ведетъ къ болѣе обширному познанію настоящаго, изъ котораго должна возникнуть наша будущность, — все это занимаетъ его, все это онъ полюбилъ и всему этому посвятилъ жизнь. Съ какимъ удовольствіемъ слушали мы, когда онъ намъ разказывалъ о различныхъ своихъ наблюденіяхъ, открытіяхъ и собраніяхъ, которыхъ большая часть находится въ его родовомъ имѣніи Логойскѣ, въ Минской губерніи. Между прочимъ графъ упоминаетъ, что ему принадлежать старинныя польскія граверныя доски, до сихъ поръ неизвѣстныя и очень любопытныя, въ особенности большая доска, изображающая Яна III подъ Вѣною. Онъ намѣренъ выписать печатные станки и оттиснуть рисунки, которые будутъ составлять превосходное собраніе памятниковъ отечественнаго искусства. Сверхъ того въ Логойской библиотекѣ находятся очень рѣдкіе инкунабулы, а именно «Пѣсенникъ Сигизмунда Августа, или ноты Гомулки къ псалмамъ Ивана Кохановскаго». Этого изданія не видалъ даже Мелевель, хотя онъ и зналъ, что въ Литвѣ находятся два экземпляра этой рѣдкой книги, которые случайно достались двумъ братьямъ Тышкевичамъ: одинъ изъ нихъ хранится въ Вилѣнскомъ музеѣ, другой въ Логойскѣ. Раскапывая литовскіе курганы подъ Керновомъ, графъ открылъ скелетъ, не лежащій, по обыкновенію, но сидящій на доскѣ, съ женскимъ черепомъ подъ ногами, на которыхъ была кожаная обувь: ибо онъ нашелъ Подошву, почти въ цѣлости сохраненную, — и говоритъ, что это только другой примѣръ во все продолженіе археологическихъ розысканій въ Литвѣ. Нѣсколько ранѣе, впрочемъ, во время нынѣшняго путешествія, онъ выкопалъ изъ кургана монеты временъ царствованія Казиміра Ягеллона, и это доказываетъ, что во многихъ мѣстахъ, еще по принятіи христіанства, держалось язычество, или можетъ-быть, что между Литовцами-христіанами, при погребеніи, соблюдались языческіе обряды. Посвящая себя изученію древностей, гр. Тышкевичъ преимущественно старается отличить въ нынѣшнихъ народныхъ обычаяхъ то, что въ нихъ осталось отъ

языческихъ временъ, и сдѣлалъ много любопытныхъ открытій по этому предмету; онъ разказывалъ, что во многихъ мѣстахъ Литвы народъ имѣетъ обыкновеніе класть гдѣ-нибудь черезъ ручей перекладину въ память покойника, съ вырѣзанною на ней его ступнею; сверхъ того не далеко отъ такъ-называемаго *Монастырка*, въ Борисовскомъ уѣздѣ, гдѣ находится церковь, построенная въ честь святаго, прославленнаго чудесами, находится также болото, усыпанное множествомъ каждый разъ увеличивающихся перекладинокъ, которыя клали тамъ поселане, по обѣщанію, испытать чудеса, и кладутъ еще до сихъ поръ въ несчастіяхъ и болѣзняхъ, вырѣзывая на нихъ руки, ноги, носы, глаза, смотря по роду страданій, какъ это обыкновенно дѣлается на приношеніяхъ, привѣшиваемыхъ къ чудотворнымъ иконамъ. Не возможно припомнить все, что разказывалъ гр. Тышкевичъ въ обыкновенномъ, оживленномъ, веселомъ и увлекательномъ разговорѣ; но все, что онъ разказывалъ, обнаруживало въ немъ челоуѣка, съ истинною любовью преданнаго наукѣ, жертвующаго ей здоровьемъ, имуществомъ и удовольствіями жизни богатаго помѣщика. Это прекрасный и рѣдкій примѣръ, достойный подражанія, который и современники оцѣнить, и потомство сохранить въ памяти.»

— Предназначенный для чтенія простаго народа журналъ: *Воскресное чтеніе* (Czytelnia Niedzielna), по прежнему, съ большимъ успѣхомъ издается въ Варшавѣ, подъ редакціею нашей соотечественницы, русской дамы А. В. Петровой. Число его подписчиковъ все увеличивается. Привожу здѣсь письмо двухъ поселанъ Василя Берынды и Антонія Ноцкаго, изъ деревни Томашовки, въ Подольской губерніи, написанное (отъ 16 февраля нынѣшняго года) въ редакцію Воскреснаго Чтенія: «Достойный уваженія журналъ вашъ, столь возбуждающій всеобщее сочувствіе и столь распространенный по всему краю, дошелъ и до нашего роднаго села на Подольѣ. Мы, сыны бѣднаго сельскаго народа, послѣ утомительныхъ и тяжкихъ трудовъ въ полѣ, съ несказанною жадностію, съ чувствомъ искренней къ вамъ благодарности, читаемъ каждый номеръ *Воскреснаго Чтенія*. И сколько нравственной пользы, утѣшенія въ нашей печальной долѣ, надежды и упованія на лучшую будущность, каждый номеръ этого журнала приноситъ нашему сердцу! Честь вамъ и вашимъ сотрудникамъ за эту братскую любовь къ младшимъ братьямъ во Христѣ, за всѣ труды къ улучшенію и просвѣщенію ихъ сердець, ихъ разума: Богъ да благословитъ васъ, да подкрѣпитъ всѣ ваши святые и благородныя стремленія, и да вознаградитъ достиженіемъ цѣли. Дай Богъ, чтобы духъ христіанской любви согрѣлъ всѣ сердца, растопилъ льды равнодушія и чтобы соединилъ въ одно семейство наше общество. Примите благосклонно благодарность нашу, проистекающую изъ искренняго сердца простыхъ поселанъ и

выслушайте наши просьбы. Желая получить *Воскресное Чтеніе* въ текущемъ году, покорнѣйше просимъ редакцію присылать намъ его нумера подъ адресомъ: «Василію Федорову Бериндѣ, крестьянину села Тамашовки, въ Подольской губерніи въ м. Ярмолинцѣ, въ двухъ экземплярахъ и въ одномъ конвертѣ. Слѣдующее шесть р. с. при семь прилагаемъ.

«Василій Беринда.

«Антоній Ноцкій.»

— Въ XIX томѣ за 1857 годъ: «Разсужденій Хозяйственнаго Галиційскаго Общества» (Rozprawy Towarzystwa Gospodarskiego Galicyjskiego), помѣщена слѣдующая замѣчательная записка польскаго поселанина *Яна Маціонна* (передаемъ ее какъ можно ближе къ подлиннику). «Я нижеподписавшійся, Янъ Маціонгъ, принявъ во вниманіе, что въ нашемъ краѣ, по природѣ земледѣльческомъ, земледѣліе должно считаться главнымъ основаніемъ благосостоянія и должно быть преимущественно покровительствуемо; что земледѣліе въ нашемъ краѣ еще находится на низкой степени, между тѣмъ какъ страны, не столь щедро одаренныя природою, съ помощію естественныхъ знаній, примѣненныхъ къ земледѣлію, стали процвѣтать на твердомъ и неисчерпаемомъ основаніи земледѣльской производительности, дошедшей до высокой степени, — и потому, будучи убѣжденъ, что земледѣліе не можетъ процвѣтать безъ основательнаго образованія на этомъ поприщѣ, особенно въ крестьянскомъ сословіи, я рѣшился, частію моего имущества, которое собрано, при помощи Божіей, трудами и бережливостію, содѣйствовать распространенію агрономическихъ знаній, особенно въ крестьянскомъ сословіи, къ которому принадлежу по моему происхожденію, какъ сынъ поселанина изъ Дзикова, Ржешовскаго округа.»

Съ этой цѣлью, *Янъ Маціонгъ* завѣщалъ агрономическому Львовскому институту 10,000 рейнскихъ гульденовъ (6000 р. с.), и такую же сумму Краковскому агрономическому институту. Процентъ съ этихъ суммъ долженъ быть обращенъ на четыре стипендіи, по двѣ въ каждомъ институтѣ, для бѣднаго юношества, католическаго исповѣданія, родившагося въ Краковскомъ округѣ, или въ Галиціи.

П. ДУБРОВСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ ЛЬЮЗА О ГѢТЕ.

G. H. Lewes. Life and Works of Goethe. London. 1856.

Между тѣмъ какъ въ Германіи съ неутомимымъ рвеніемъ собирали всѣ воспоминанія и документы, относящіеся до жизни Гёте, и съ суевѣрною добросовѣстностію издавали каждый вариантъ его рукописей, каждый клочокъ его корреспонденціи, могущій пролить свѣтъ на его духовное развитіе и способы творчества, иностранецъ, Англичанинъ, первый воспользовался этимъ богатымъ критическимъ аппаратомъ и подарилъ намъ полную, живую картину внѣшней и внутренней жизни великаго поэта. Это явленіе не первое въ своемъ родѣ. Лучшею характеристикю Шекспира мы обязаны нѣмцу Гервинусу; Русскій, Улыбишевъ, написалъ лучшую біографію Моцарта; Испанія время Фердинанда и Филиппа дашла своего лучшаго историка въ Американцѣ Прескоттѣ, римское папство—въ Германцѣ Ранке. Невольно думается, что пониманіе великихъ личностей, какъ и великихъ историческихъ процессовъ, во всей ихъ полнотѣ, требуетъ извѣстнаго отдаленія, извѣстной перспективы, и что положеніе иностранца выгоднѣе для ихъ обсужденія, чѣмъ слишкомъ близкая точка зрѣнія соотечественника, въ особенности если онъ къ тому же современникъ.

На эту мысль естественно наводитъ превосходная книга Льюза. Одно изъ ея главныхъ достоинствъ—тонкая характеристика той общественной среды, въ которой родился и жилъ Гёте, мѣткій анализъ ея вліяній на развитіе гениальнаго писателя. Этого-то и не доставало во всѣхъ біографіяхъ Гёте, написанныхъ его соотечественниками. Въ нихъ мы находимъ или, какъ въ книгѣ Фигофа, простое исчисленіе біографическихъ подробностей; или, какъ въ книгѣ Розенкранца, совершенное пренебреженіе этими подробностями и объясненіе аргію его творческой дѣятельности. Тѣ особенности въ организациі нѣмецкаго общества, которыя имѣли такую значительную долю вліянія на Гёте, не бросались въ глаза его нѣмецкимъ біографамъ просто потому, что онѣ существуютъ до сихъ поръ, и что ихъ взоръ притупился къ подобнымъ явленіямъ. За то, съ какою свѣжестію, съ какою ясностію рисуется передъ нами въ книгѣ Льюза Германія XVIII столѣтія съ ея разбросанными центрами, «физиономія маленькихъ резиденцій, нравы мѣщанскаго общества и литературныхъ кружковъ!» Какъ тонко изложено необходимое вліяніе такой среды на великаго поэта!

Не менѣе удачно нарисована фигура самого Гёте. Исполненіе этой трудной задачи заслуживаетъ тѣмъ болѣе удивленія, что Льюзъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ самого поэта. Автобіографія,

какая бы она ни была, всегда имѣетъ огромныя преимущества передъ всякою другою біографіею. Ничто не можетъ быть характеристичнѣе для человѣка, чѣмъ тонъ, въ которомъ онъ говоритъ о самомъ себѣ. Какая искусная группировка матеріаловъ, какой тонкій психологическій анализъ замѣнить намъ величавое презрѣніе, съ которымъ Аліери разказываетъ о своихъ заблужденіяхъ и успѣхахъ, болѣзненную добросовѣстность признаній Руссо, наивное самохвальство, съ которымъ Шатобрианъ взвѣшиваетъ въ симметрическихъ фразахъ свое собственное имя именемъ Наполеона, боязливую насмѣшливость, съ которою Гейне описываетъ свое обращеніе къ христіанству, безконечную любовь, съ которою Жоржъ-Сандъ говоритъ въ своихъ запискахъ не о себѣ, а о другихъ? Но еще невозможно возсоздать ту строгую гармонию, то вечернее спокойствіе, которымъ вѣетъ изъ записокъ Гёте, это чудное настроеніе, такъ вѣрно передающее характеръ испанскаго поэта, о которомъ тончайшій изъ критиковъ могъ сказать: красота его жизни выше, чѣмъ красота его твореній (1).

Но съ другой стороны каждая автобіографія даетъ намъ лишь неполный образъ того, кто ее написалъ. Совершенно объективное изображеніе собственной жизни, собственного характера — задача, превышающая человѣческія силы. Только сравненіе автобіографіи съ образомъ, возсозданнымъ при помощи всѣхъ историческихъ данныхъ, можетъ намъ дать полное понятіе о великомъ человѣкѣ.

Мы теперь обладаемъ такою біографіею Гёте. Нѣмецкая критика единогласно признала ея безукоризненность въ отношеніи всесторонняго знанія и пониманія предмета. Ея сравненіе съ «Wahrheit und Dichtung» исполнено интереса и поучительности. Мы не хотимъ портить для читателя впечатлѣніе этой мастерской книги, разказывая эти эпизоды изъ жизни Гёте, которые тутъ являются въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ его собственномъ повѣствованіи. Но мы считаемъ не излишнимъ обратить его вниманіе на два пункта, относительно которыхъ произошло много толковъ, отчасти вызванныхъ ложнымъ пониманіемъ его записокъ.

Эти два пункта относятся къ нравственному характеру Гёте. Первый изъ нихъ—его отношенія къ Карлу-Августу, второй, еще болѣе важный вопросъ, о его способности къ сильному и глубокому чувству. Ничего не встрѣчается чаще въ сужденіяхъ о Гёте, какъ обвиненія въ излишней падкости къ придворнымъ почестямъ, какъ сожалѣніе о томъ, что онъ пожертвовалъ правами свободнаго генія, связавши себя съ веймарскимъ герцогскимъ домомъ. Не менѣе часто слышится обвиненіе Гёте въ совершенномъ отсутствіи сочувствія къ

(1) Was er lebt ist schöner, als was er dichtet (Merk.)

интересамъ и страданіямъ окружавшихъ его людей и даже отечества. Опошлѣвшія фразы о его олимпійскомъ спокойствіи повторялись такъ часто именно потому, что въ нихъ, въ благовидной формѣ, заключалось обвиненіе въ сердечной сухости. Эти нареканія имѣли двоякую причину: недоброжелательство, возбужденное несоизмѣримымъ величіемъ Гёте въ низшихъ слояхъ литературы, и непониманіе тѣхъ величавыхъ формъ, которыя приняли въ его старости его жизнь и его творенія. Къ этому разряду принадлежатъ и его записки. Одно изъ ихъ главныхъ достоинствъ было одною изъ причинъ вышесказанныхъ обвиненій. Это тотъ тонкій художественный тактъ, та высокая стыдливость, съ которою Гёте умалчиваетъ о многомъ, когда дѣло касается его внутренней жизни и его сердечныхъ отношеній, и умалчиваетъ именно о томъ, что могло бы возбудить симпатію читателей.

Перехожу къ тѣмъ поясненіямъ: которыми мы обязаны Льюзу относительно этихъ двухъ пунктовъ. Нѣсколькихъ выписокъ будетъ достаточно, чтобы убѣдить читателей въ ложности обыкновеннаго взгляда на характеръ Гёте. Тутъ, какъ и въ бôльшей части спорныхъ случаевъ, дѣло не въ различномъ толкованіи фактовъ, а въ ихъ неполномъ знаніи. Итакъ мы ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, которые говорятъ сами за себя.

Начнемъ съ отношеній Гёте къ веймарскому двору.

Гёте познакомился съ Карломъ-Августомъ въ февралѣ 1774 года, черезъ Кнебеля. Молодой герцогъ и его братъ Константинъ были тогда въ Франкфуртѣ, проѣздомъ въ Майнцъ. Великій поэтъ и гениальный юноша, о которомъ Фридрихъ Великій сказалъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ, что это самый замѣчательный изъ германскихъ монарховъ, какъ кажется, съ перваго раза произвели другъ на друга сильное впечатлѣніе. Карлъ-Августъ встрѣтилъ Гёте съ восторженною симпатіею; Гёте, несмотря на неудовольствіе отца, поѣхалъ за молодымъ герцогомъ въ Майнцъ, гдѣ прожилъ нѣсколько дней въ его обществѣ. Тѣмъ на время ограничилось ихъ знакомство.

Осенью 1775 года Карлъ-Августъ опять былъ проѣздомъ въ Франкфуртѣ. Онъ настоятельно звалъ Гёте къ себѣ въ Веймаръ. Гёте охотно согласился. Ему необходимо было оставить Франкфуртъ. Незадолго передъ тѣмъ произошелъ разрывъ съ Лили (Елизаветою Шёнманъ) и жизнь въ одномъ городѣ съ нею сдѣлалась для него невыносимою. Онъ только и думалъ о переселеніи, и приглашеніе молодого герцога, къ которому онъ чувствовалъ такую глубокую симпатію, пришло какъ нельзя болѣе кстати.

Эта симпатія была не безъ основанія. Карлъ-Августъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, человекъ передовой во всѣхъ отношеніяхъ. Всякій новый документъ, всякое новое изслѣдованіе проливаетъ новый свѣтъ на глубокое благородство, на

простое величіе этой исключительной личности. Мы не станемъ говорить о тонкомъ тактѣ Карла-Августа въ оцѣнкѣ замѣчательныхъ личностей, его умѣніи приковать ихъ къ маленькому Веймару, къ этому уголку, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ тѣсному для такихъ гениевъ, какъ Гёте, Шиллеръ и Гердеръ. Это достоинство великаго герцога слишкомъ извѣстно. Но мы считаемъ нужнымъ убѣдить читателя, что эта черта его характера не была отвлеченный художественный дилеттантизмъ, самолюбивое меценатство. Нѣтъ, это было только одно изъ выраженій его широкаго ума и благороднаго сердца, открытаго всему, что носило на себѣ печать величія и силы, человеческого достоинства и всемірнаго значенія. Среди несчастнаго раздробленія Германіи, среди эгоистической исключительности германскихъ potentatovъ, Карлъ-Августъ былъ, можетъ-быть, первый правитель, вполне сознавшій ложность своего положенія, и необходимость національнаго единства. Въ то время, какъ каждый изъ германскихъ владѣтелей думалъ только объ укрѣпленіи своего отдѣльнаго могущества, Карлъ-Августъ съ жаромъ хлопоталъ о союзѣ между германскими монархами, объединеніи въ военной организаціи, въ дѣлахъ внѣшней политики. Въ то время, когда какой-нибудь лимбургъ-штирумскій графъ пресерьіозно содержалъ армию, состоящую изъ полковника, шести офицеровъ и двухъ рядовыхъ, Карлъ-Августъ, къ крайнему негодованію своего двора, со всѣмъ своимъ войскомъ поступалъ въ прусскую службу. Во время всеобщей реакціи, послѣдовавшей за войнами освобожденія, онъ первый даровалъ своимъ подданнымъ обѣщанную конституцію, въ которой онъ ставилъ себя подъ контроль германскаго сейма (1). Частная жизнь Карла-Августа вполне соответствовала широкому покрою его ума и сердца. Атмосфера дворовъ была ему тягостна. Церемоніалъ и этикетъ его собственнаго дворца были ему невыносимы. Онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ только въ той крохотной избушкѣ изъ бересты, которую Гёте выстроилъ однажды въ паркѣ, въ сюрпризъ герцогинѣ Амаліи. Тамъ, въ единственной комнатѣ, служившей ему спальнею, столовою и кабинетомъ, онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ той усиленной, почти сверхъестественной дѣятельности, которая позволяла ему въ одно и то же время слѣдовать за богатымъ развитіемъ нѣмецкой литературы, участвовать во всѣхъ праздникахъ, придуманныхъ неисчерпаемою фантазіей герцогини Амаліи и Ейнзидела, и заниматься государственными дѣлами, входить во всѣ подробности управленія съ добросовѣстностію, находящую себѣ подобіе только въ баснословномъ прилежаніи Фридриха II. Противъ его оконъ, сквозь зелень парка, бѣлѣлъ скромный домикъ его поэта, и когда, утомленный дневными трудами, онъ оставалъ позднимъ вечеромъ свою

(1) См. *Droysen Karl August und die deutsche Politik.*

лачугу, это было для того, чтобы провести часть ночи въ разгово-
рахъ съ этимъ единственнымъ другомъ, чтобы почерпнуть новыя
силы въ лучахъ этого яснаго генія, который обладалъ такимъ без-
граничнымъ вліяніемъ надъ его страстною, энергическою натурой.
И нерѣдко, заговорившись за позднюю полночь, онъ засыпалъ на
диванѣ Гёте, чтобы проснуться на другое утро исполненнымъ тою
богатырскою бодростію, которая отличала его до глубокой старости.
Часто онъ приходилъ неожиданно обѣдать къ Гёте, съ женою, чѣмъ
Богъ послалъ. Мы знаемъ изъ писемъ поэта къ г-жѣ Штейнъ, что
однажды такой обѣдъ состоялъ изъ *Biégsuppe* и холодной говядины.
Такія фамилярности перестали удивлять чопорный веймарскій дворъ.
Всѣ знали, что герцогъ и Гёте были на ты, и давали другъ другу
взаимны носовые платки и жилетки, которые никогда не возвращались
къ законному владѣтелю.

Впрочемъ не надобно думать, чтобы внезапное повышение Гёте—
онъ въ 1776 году былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ—прошло ему
даромъ. Веймарская аристократія пришла въ негодованіе. Слет-
нямъ, толкамъ, жалобамъ не было конца. Несмотря на свою энер-
гію, Карлъ-Августъ долженъ былъ въ угожденіе придворнымъ пред-
расудкамъ сдѣлать Гёте дворяниномъ. Поэтъ долго не соглашался
на эту комедію. Герцогиня Амалия наконецъ убѣдила его въ необхо-
димости этой мѣры. Той же двусмысленной чести въ послѣдствіи
долженъ былъ подвергнуться Шиллеръ.

Мы ужъ не разъ упоминали о матери Карла-Августа, о герцогинѣ
Амалии. Эта замѣчательная женщина играла важную роль въ тог-
дашнемъ веймарскомъ кружкѣ. Ея живой и тонкій умъ еще прежде
прібытія великаго поэта привлекалъ къ ея двору литераторовъ и
ученыхъ. Ея милая простота и пріятливость привязывала къ ней
всѣхъ тѣхъ, которые узнавали ее ближе. Между ея друзьями мы на-
ходимъ Виланда, Кнебеля, Мерка. Она имѣла много общаго въ ха-
рактерѣ съ матерью Гёте, съ тою очаровательною Frau Reeth, о
которой Беттина сохранила намъ столько безцѣнныхъ подробностей.
Эти двѣ женщины въ послѣдствіи очень сблизились, и вели самую
дружескую переписку.

Герцогиня Амалия до своей смерти оставалась душою веймарскаго
общества. Ея счастливая, подвижная натура, ея вкусъ къ изящнымъ
удовольствіямъ давали тонъ тѣмъ истинно-художественнымъ увесе-
леніямъ, которыми славился дворъ Карла-Августа. На первомъ ряду
стояли театральныя представленія. Труппа была избранная: гер-
цогиня Амалия, Карлъ-Августъ, принцъ Константинъ, Гёте, Музе-
усъ, Бертухъ, Кнебель, Корона Шрётеръ, Амалия Коцебу и т. д.
Все это тогда еще было молодо, полно огня и силы. Представленія
не происходили постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда на
герцогиню Амалию находила охота устроить спектакль, когда Карлъ-

Августъ чувствовалъ потребность отдохнуть денекъ—другой, Бертухъ получалъ приказаніе держать наготовѣ лошадей и съѣстные припасы. Съ ранняго утра все веселое общество выѣзжало изъ города и отправлялось, куда глаза глядятъ, сквозь темныя лѣса, черезъ доли и горы. Наскакавшись вдоволь, останавливались въ Еттерсбургѣ или въ Тиѳуртѣ, въ Дорнбургѣ или въ Іентѣ, или просто гдѣ-нибудь въ лѣсу. Мѣсто дѣйствія скоро было выбрано. Декорациями служили деревья и скалы, ручейки и лужайки, такъ граціозно сгруппированные въ тѣхъ благословенныхъ мѣстахъ. Смотря по характеру мѣстности, представляли одну изъ многихъ заученныхъ піесъ или импровизировали на данную тему. Особенно удачно выходили среди этой естественной обстановки піесы изъ народнаго быта. Такъ опера Ейнзиделя, Цыгане, съ вставленными сценами изъ Гёпа, производила магическое впечатлѣніе, сыгранная въ лѣсу, при свѣтѣ факеловъ. Не менѣе удачно были представлены очаровательныя опереты Гёте, въ особенности «Рыбачка», написанная для Тиѳурта, гдѣ ее давали на берегу Ильмы. До насъ дошло также описаніе торжественнаго представленія, происшедшаго однажды въ Тиѳуртѣ 28 августа, въ день рожденія Гёте. Давали піесу, нарочно написанную для этого случая: «Рожденіе Минервы». На постановку и на сценическіе эффекты было употреблено всевозможное стараніе. Самъ герцогъ игралъ роль Вулкана. Все содержаніе піесы было прославленіе великаго поэта.

Мы, кажется, сказали довольно, чтобы показать читателю, каковою была среда, въ которой Гёте нашелъ приличнымъ жить и умереть, каковы были его отношенія къ окружавшимъ его личностямъ. Даже мѣстная аристократія, сначала оскорбленная его повышеніемъ, мало-по-малу помирилась съ нимъ. Его обаятельная любезность, его величавая умѣренность покоряли ему всѣ сердца. Кто могъ противостоять безкорыстію этого человека? пишетъ о немъ Меркъ.

Вспомнимъ съ другой стороны, на какую среду, на какую жизнь былъ бы обреченъ Гёте, еслибы онъ не поселился въ Веймарѣ. Въ Германіи не было тогда ни единого пункта, имѣвшаго сколько-нибудь значеніе національнаго центра. Берлинъ, который можетъ-быть въ политическомъ отношеніи заслуживалъ это имя, былъ тогда мѣсто-пробываніемъ Николаи и Раммера, Енгеля и Цёллера, гнѣздомъ того нелѣпаго рационализма въ литературѣ, который старался осуществить, на кочковатомъ нѣмецкомъ языкѣ временъ Готшеда, разумныя художественныя теоріи энциклопедіи. Литературное направленіе этого *Aufklärung's* всего лучше характеризуется очаровательнымъ изреченіемъ Фридриха Великаго о Шекспирѣ и Гёте. «На національномъ театрѣ,» пишетъ онъ, разумѣется по-французски, «дають жалкія произведенія Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ, и публика внѣ себя отъ восторга при видѣ этихъ *грубыхъ фарсовъ*, до-

стоймыя канадскыя дикарей.» Но это, по его мнѣнію, еще не худшее. Шекспиру можно простить его ошибки, и потому что искусство не можетъ вдругъ достигнуть полнаго совершенства. Но вотъ явился на сценѣ какой-то Гётцъ-фонъ-Берлихингенъ, *такое подражаніе этимъ дурнымъ англійскимъ тѣсамъ*, и публика аплодируетъ, и съ восторгомъ требуетъ повторенія этихъ *возмутительныхъ ялоскостей*.

Оставалась глухая, тѣсная жизнь въ мѣщанскомъ обществѣ какого-нибудь мѣщанскаго городка. Тотъ, кто видѣлъ вблизи эту жизнь, даже въ наше время, даже послѣ неизмѣримыхъ переворотовъ, разбившихъ преграды между всѣми слоями общества, между всѣми отдѣльными народностями, тотъ не станетъ упрекать поэта за то, что онъ не заперся въ эту душную, приглушающую сферу, изъ которой нѣтъ исхода ни внизъ, ни вверхъ, ни въ сторону. Изученіе человѣческой природы нужно поэту, какъ видъ неба и моря нужны пейзажисту. Ему нужно видѣть жизнь въ ея изыщномъ цвѣтѣ и въ ея темныхъ корняхъ. Ему нужно сдѣлаться

Ein Kenner der Höhen und Tiefen,

и востинну тотъ не узнаетъ, что такое человекъ, кто запрется навѣки въ пошлый кругъ нѣмецкаго филистерства. Въ наше время, разумеется, есть другой исходъ. Люди мыслящіе и дѣйствующіе на духовномъ поприщѣ составляютъ во всемъ мірѣ одну великую и тѣсную общину, сильную и уважаемую; но этого не было восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Вспомнимъ о бѣдномъ Шиллерѣ: чего не перетерпѣлъ онъ, пока не нашелъ пріюта въ томъ же исключительномъ уголкѣ, въ томъ же тихомъ Веймарѣ?

Къ числу причинъ, по которымъ возмать противъ придворной жизни Гёте, принадлежитъ также огромное количество произведеній, вызванныхъ торжественными днями, придворными праздниками и т. д. Строгіе критики съ глубокимъ сожалѣніемъ говорятъ о той творческой силѣ, о той богатой фантазіи, которая потрачена на оперные тексты и прологи, на поздравленія и маскарадныя сцены. Что бы могъ еще произвести великій поэтъ, говорятъ они, еслибъ онъ употребилъ весь свой гений на серьезныя, глубокія творенія? Мы не станемъ говорить о комизмѣ этихъ сожалѣній въ виду того богатства первоклассныхъ произведеній, которое представляетъ намъ литературная дѣятельность Гёте, — богатства, доходящаго почти до непостижимости. Замѣтимъ только, что тотъ плохо понимаетъ творческую натуру Гёте, кто приписываетъ его сильную производительность въ легкихъ родахъ поэзіи влиянію веймарскаго двора. Мы знаемъ его отношенія къ герцогскому дому. Мы знаемъ, какъ неудержимо просилось въ художественную форму все, что его занимало и волновало. Мы видимъ, что онъ при случаѣ (какъ наприхѣръ въ

стихотвореніи Ильменау) давалъ поэтическое выраженіе и строгой укоризнѣ противъ своего друга Карла-Августа. Его *Festspiele* произошли такъ же естественно и необходимо, какъ его прежніе шуточные драматическіе очерки, какъ *Pater Brey*, *Satyros*, *Götter*, *Holden und Wieland*, точно такъ же, какъ *Die Geschwister*, написанные въ два дня подъ вліяніемъ прелестной Амаліи Коцебу. Точно также сталъ бы онъ писать для каждаго общества, въ которое бросила бы его судьба, по неудержимому стремленію озарять свѣтомъ поэзіи всѣ подробности ежедневной жизни. Въ томъ-то и выражается громадность творческой силы Гёте, что онъ умѣлъ придавать художественный строй не только своимъ твореніямъ, не только своей жизни, но и всей средѣ, въ которой онъ вращался. Въ этой способности быть поэтомъ въ жизни отражалась его магическая способность воплощать свои поэтическія мысли въ образы, живые, какъ произведенія самой природы.

Перейдемъ къ другому упреку, усердно повторяемому многими, когда рѣчь идетъ о Гёте, къ упреку въ равнодушіи къ человѣческимъ интересамъ, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, однимъ словомъ, въ эгоизмѣ.

Начнемъ съ частной жизни Гёте.

Считаемъ ненужнымъ входить въ длинныя объясненія касательно его любовныхъ отношеній. Огорченіе сентиментальныхъ биографовъ, не постигающихъ, почему Гёте не женился на Фредерикѣ, на Лили, и т. д., всегда казалось намъ крайне смѣшнымъ. Гёте и въ молодости былъ человѣкъ добросовѣстный, хотя увлекающійся. Онъ ясно видѣлъ, что связаться на всю жизнь съ женщиною, не приходящеюся ему по образованію и характеру, нисколько не значило поправить ошибку, сдѣланную въ заключеніи временнаго отношенія съ нею. Обратимся къ другимъ сторонамъ его частной жизни, менѣе извѣстнымъ, и поэтому болѣе интереснымъ. Ограничимся и здѣсь немногими чертами.

Упомянемъ сперва о его пристрастіи къ дѣтямъ. Это пристрастіе простиралось такъ далеко, что онъ неоднократно бралъ на себя трудъ воспитывать безпріютныхъ сиротъ. Такъ, возвращаясь домой изъ Страбурга, онъ привезъ съ собою маленькаго уличнаго музыканта, съ твердымъ намѣреніемъ усыновить его. Но его мать, предвидя бурю, которую возбудило бы со стороны старика Гёте это приращеніе семейства, уговорила сына уступить ей пріемыша и помѣстила его куда-то внѣ дома.

Въ Веймарѣ, въ 1778 году, мы его опять находимъ въ хлопотахъ относительно бѣднаго мальчика, оставшагося безъ пріюта послѣ смерти своего благодѣтеля, барона Линдау. Гёте тотчасъ беретъ его къ себѣ въ домъ, самъ даетъ ему уроки, потомъ помѣщаетъ его въ Ильменау учиться охотничьему дѣлу, и постоянно слѣдитъ за

его развитіемъ. Позже, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы маленький Фрицъ Штейнъ жилъ у него въ домѣ, и баронъ Штейнъ еще въ старости съ нѣжною благодарностію вспоминалъ о безконечной заботливости, съ которою поэтъ занимался имъ, несмотря на страшное количество разнообразныхъ работъ, поглощавшихъ его время.

Эта черта характеристична. Страсть воспитывать чужихъ дѣтей вообще рѣдкость въ молодомъ человѣкѣ. Еще рѣже ея соединеніе съ терпѣніемъ въ практикѣ, особенно въ натурѣ горячей и раздражительной, какова была натура Гёте.

Обратимъ, восторхъ, вниманіе читателя на благотворительность Гёте. Эта добродѣтель сама по себѣ такъ поверхностна, что добрыя дѣла, исчисляемая всѣми его биографами, играютъ незначительную роль въ характеристикѣ поэта. Но тѣмъ важнѣе для насъ приемы, которые употреблялъ Гёте при подачѣ помощи бѣднымъ. Мы, какъ нельзя болѣе благодарны за подробности, сообщенныя намъ г-мъ Льюзомъ на этотъ счетъ. Вотъ, между прочимъ, что онъ намъ разказываетъ.

Осенью 1778 года, Гёте получилъ отчаянное письмо отъ незнакомаго ему человѣка, просящаго его о вспоможеніи. Имя этого человѣка осталось до сихъ поръ тайною. Но мы знаемъ изъ его переписки съ Гёте, что это былъ человѣкъ разбитый неудачами, полный недоверія и раздражительности.

На это письмо Гёте тотчасъ отвѣчаетъ съ свойственною ему аккуратностію, и посылаетъ небольшое вспоможеніе съ обѣщаніемъ думать о немъ впредь. Девять дней спустя, Гёте пишетъ другое письмо къ несчастному. Изъ этого письма мы видимъ, что онъ намѣревается подать ему рѣшительную помощь. И действительно, мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ, въ продолженіи шести лѣтъ, поэтъ удѣлялъ незнакому бѣдняку шестую долю своего годоваго дохода, въ послѣднее время, до 200 талеровъ въ годъ. Но не это заслуживаетъ главнымъ образомъ нашего вниманія. Въ продолженіе этихъ шести лѣтъ, Гёте велъ съ несчастнымъ постоянную переписку, которую нельзя читать равнодушно. Человѣкъ, которому онъ помогалъ, былъ болѣзненно-меланхолическаго характера. Его самолюбіе глубоко страдало отъ получаемаго благодѣянія, а между тѣмъ у него не доставало энергіи, чтобы приняться за какое-нибудь дѣло и составить себѣ независимое положеніе. Ничего не можетъ быть трогательнѣе, чѣмъ письма, то дружественныя и веселыя, то строгія и серіозныя, которыми Гёте старался утѣшать, ободрять бѣднаго ипохондрика. Вездѣ видна самая тонкая, самая подробная заботливость обо всѣхъ его матеріальныхъ нуждахъ съ одной стороны, съ другой — о сохраненіи всего дѣла втайнѣ. Благородный поэтъ безпрестанно придумываетъ для своего корреспондента занятія, могущія свѣять съ его совѣсти тяжесть незаслуженнаго благодѣянія. И когда онъ изъ его писемъ видитъ напрасность своихъ стараній, онъ находитъ слова, чтобы успокоить тоскливую раздражительность больнаго.

«Вы мнѣ нисколько не въ тягость. Напротивъ того, вы меня учили хозяйничать. Я до сихъ поръ тратилъ на вздоръ много денегъ, которыя теперь идутъ въ прокъ. И неужели вы думаете, что ваши слезы, ваши благословенія ничего не значатъ? Тотъ, кому дано богатство, не имѣетъ права благословлять. Онъ долженъ давать. Но судьба, давшая сильнымъ міра сего почести и нищества, дала бѣднымъ силу благословенія, которой нѣтъ у богатыхъ.»

Мы слишкомъ глубоко уважаемъ Гёте, чтобы похвалить его за то, что онъ молчитъ о такихъ эпизодахъ своей жизни не только въ своихъ запискахъ, но и въ письмахъ къ г-жѣ Штейнъ, гдѣ онъ говоритъ о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ своего ежедневнаго быта. Но мы не можемъ довольно удивляться человѣку, такъ тепло принимающему къ сердцу судьбу другихъ, и такъ холодно говорящему о самомъ себѣ. Г. Льюэ, по поводу этого контраста, говоритъ, въ предисловіи своей книги, о *методичности* тонъ записокъ Гёте. Намъ кажется, что г. Льюэ ошибается. Этотъ тонъ именно совершенно точно рисуетъ намъ человѣка, слишкомъ занятого другими, чтобы любоваться собственными чувствами.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ, самомъ сильномъ нареканіи, которому подвергся великій поэтъ,—нареканіи, особенно громко повторяемому въ наше время. Я говорю объ обвиненіи Гёте въ совершенномъ отсутствіи патріотизма, въ политическомъ индифферентизмѣ, доходящемъ до чудовищности.

Если мы станемъ доискиваться основаній такого обвиненія, то мы найдемъ только одно. Во время общаго возстанія противъ Наполеона, Гёте не принималъ видимаго участія въ національномъ движеніи. Онъ не писалъ патріотическихъ пѣсень, онъ не издавалъ прокламцій, онъ продолжалъ посвящать все свои силы наукѣ и искусству. Намъ кажется, что прежде, чѣмъ вывести изъ этого факта вышесказанное оскорбительное заключеніе, нужно было обратить болѣе подробное вниманіе на характеръ и убѣжденія Гёте, и каждый, кто сдѣлаетъ это безъ предразсудка, согласится, что онъ въ этомъ пунктѣ не заслуживаетъ порицанія.

Что касается до характера Гёте, мы уже указали на нѣкоторыя черты его, говоря о частной жизни поэта. Каковымъ онъ является въ ней, таковымъ онъ былъ и въ общественной дѣятельности. Не слѣдуетъ думать, чтобы Гёте былъ министромъ веймарскаго герцога только для формы. Этого не позволяла, съ одной стороны, его глубокая добросовѣстность, съ другой — то постоянное участіе, которое внушали ему интересы и страданія его ближнихъ, въ особенности низшихъ классовъ. Этотъ *холодный* художникъ забывалъ свои творенія, когда дѣло шло о благѣ веймарскихъ подданныхъ. Годомъ въ Аполдѣ отнималъ у него силу работать надъ *Ифигеніей*. Онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ Ильменау, чтобы наблюдать за обработкою

рудниковъ — новымъ источникомъ богатства, которымъ эта мѣстность была обязана ему. Бодро и неунывно трудился онъ на безславномъ, но полезномъ поприщѣ своей служебной дѣятельности.

Въ 1813 году Гёте было 64 года. Въ немъ уже вполне сложилось то величавое міросозерцаніе, которымъ дышать его послѣднія творенія, которое такъ дивно выразилось впервые въ плетѣ и отрывкѣ его поэмы *Die Geheimnisse*. Онъ былъ вполне проникнутъ тою истинной, которую вложилъ въ развязку второй части *Фауста*. Онъ сознавалъ, что назначеніе человека — неунынный трудъ для общей пользы въ сферѣ, очерченной его способностями. Для Гёте эта сфера была искусство. И онъ величаво молчалъ, когда политическіе зилоты и односторонніе патріоты обвиняли его въ равнодушіи къ отечественнымъ интересамъ. Онъ зналъ, что онъ своими чистохудожественными произведеніями болѣе содѣйствовалъ возбужденію единого національнаго сознанія въ Германіи, чѣмъ Кёрнеръ и Ариъ своими патріотическими пѣснями, чѣмъ Фихте своими рѣчами къ германскому народу.

Ограничимся этими намеками. Мы будемъ счастливы, если они обратятъ вниманіе читателя на прекрасную книгу Льюза. Въ ней онъ найдетъ подробную и блестящую картину той дивно-полной жизни, изъ которой мы привели двѣ-три черты.

С. Рачинскій.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

(По поводу вопроса о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею.)

М. Г.

... Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вашимъ читателямъ, по поводу спора, недавно возникшаго между *Современникомъ* и *Экономическимъ Указателемъ*. Вопросъ о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею, такъ важенъ для насъ, что всѣ сужденія и толки о немъ заслуживаютъ особаго вниманія публики. Онъ неразрывно связанъ съ другимъ вопросомъ, изъ числа тѣхъ, которые, по словамъ *Русскаго Вѣстника*, нынѣ «какъ-то смутно слышатся въ воздухѣ», съ общимъ вопросомъ о преобразо-

ваніи нашихъ поземельныхъ отношеній. Вы согласитесь, что по этому вопросу до сихъ поръ немного обнаруживается твердыхъ, зрѣло-обдуманыхъ убѣжденій. Въ говорѣ толпы трудно подмѣтить два звука, которые въ точности согласовались бы одинъ съ другимъ. Каждый по своему смотритъ на дѣло, и повидимому не тревожится ни безотчетнымъ произволомъ, ни одиночествомъ своихъ воззрѣній. Между тѣмъ успѣхъ не возможенъ безъ сознательнаго единомыслія и содѣйствія многихъ, а для водворенія этого согласія и пріобрѣтенія этого содѣйствія—необходимо предварительное признаніе нѣсколькихъ главныхъ коренныхъ началъ, которыми надлежитъ руководствоваться на пути къ предуказанной цѣли.

Чѣмъ важнѣе, въ этомъ случаѣ, правильное разрѣшеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, тѣмъ хуже ихъ упорное искаженіе, особливо когда оно сопровождается, какъ въ статьяхъ *Современника*, длиннымъ рядомъ невѣрныхъ вычисленій. Не мало такихъ читателей, которые слѣпо поддаются аргументаціи цифръ, и считаютъ повѣрку ихъ трудомъ излишнимъ.

Въ майской статьѣ *Современника*, между прочимъ устанавливаются три періода развитія государственнаго быта: первый, въ которомъ *удобиле* общинное пользованіе землею; второй — въ которомъ оно *имѣетъ свои неудобства*; и третій, будто бы совершеннѣйшій періодъ, въ который будто бы входитъ западная Европа, и въ которомъ общинное пользованіе *снова становится необходимою*. Затѣмъ *Современникъ* продолжаетъ:

-Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваютъ его невыгодами? Если и согласны, что, при развитіи населенія и хозяйства, являются несуществовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи, оно обезпечиваетъ существованіе каждаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью; положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно, — потому надобно еще взвѣснить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благоприятенъ благосостоянію всего общества степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человекъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятинна даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятинна даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею.

Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ — — — — —	$5,000 \times 20 = 100,000$ р.
Общая цѣнность производства на второмъ участкѣ — — — — —	$5,000 \times 12 = 60,000$ р.

По общей цѣности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьѣмъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами:

-1 семья (землевладелецъ) получаетъ — — — — —	$5 \times 5,000 = 25,000$ р.
30 семей (фермеры) получаютъ по или каждая семья по — — — — —	$9 \times 5,000 = 45,000$ — " — — — 1,500 —
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ — — — — —	$6 \times 5,000 = 30,000$ —
или каждая семья по — — — — —	" — — — — 81 — 25 к.

Участокъ съ общиннымъ пользованіемъ:

400 семей получаютъ — — — — —	$12 \times 5,000 = 60,000$ —
или каждая семья по — — — — —	" — — — — 150 —

Выводъ ясенъ, на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе. Мишель Шевалье усиліе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы разорчительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства. («Современникъ», № V, Замѣтки о журн. стр. 126—127.)

Позволяю себѣ представить нѣсколько мыслей по этому предмету на безпристрастный судъ тѣхъ читателей, которые не полагаютъ, что для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ достаточно одного изъ четырехъ основныхъ правилъ ариметики (1).

Къ числу неустрашимыхъ однимъ воображеніемъ фактическихъ данныхъ, въ настоящемъ случаѣ принадлежатъ права вотчинника. При производствѣ сравнительныхъ вычисленій, предпринятыхъ *Современникомъ*, слѣдовало бы дать имъ мѣсто въ обоихъ примѣрныхъ разчетахъ, а это весьма существенно измѣнило бы окончательный выводъ. Повторимъ, на этомъ основаніи, расчетъ по участку, предполагаемому въ общинномъ владѣніи:

(1) Ср. № IX *Современника*, стр. 35 и 36, ссылку на Тенгоборскаго и Ариметику Буссе.

Общая цѣнность производства предполагается: $5,000 \times 12 = 60,000$ р.

Изъ общаго итога произведеній надлежитъ отчислить на долю вотчиннаго владѣльца земли по крайней мѣрѣ одну третью часть (1). . . . . 20,000 р.

Остается на долю 399 домохозяевъ земледѣльцевъ . . . . . 40,000 р.

Слѣдовательно на долю каждаго . . . . . 100 р.

Окончательный результатъ слѣдующій:

При участковомъ или такъ называемомъ фермерскомъ пользованіи землею, въ сравненіи съ общиннымъ:

1. Общая цѣнность произведеній . . . больше на 40,000 р. или 66%
2. Доля вотчиннаго владѣльца . . . больше на 5,000 р. » 25%
3. Общая цѣнность произведеній слѣдующихъ на долю членовъ земледѣльческаго сословія больше на 35,000 р. » 83%
4. Доля земледѣльца, не владѣющаго поземельнымъ участкомъ, противъ доли, которая принадлежала бы ему при равнодѣльномъ пользованіи землею . . . . . меньше на 18 р. 75 к. или 19%

Вотъ въ какомъ видѣ *Современнику* надлежало, съ его точки зрѣнія, постановить вопросъ, хотя впрочемъ тогда нельзя было бы сказать, что «на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ».

Но самое постановленіе вопроса, въ этомъ видѣ, неправильно, сбивчиво и опирается на ложныхъ началахъ. Неговоря о томъ, что данныя, принятая *Современникомъ* за основу вычисленій, наиримѣръ отношеніе числа фермеровъ къ числу остальныхъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе произвольны и ошибочны; ему слѣдовало доказать, что приращеніе производительности при участковомъ хозяйствѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ введеніе этого хозяйства возможно, дѣйствительно сопряжено съ нарушеніемъ интересовъ большинства земледѣльческаго сословія, или хотя нѣсколько значительной части его; что государство можетъ обойтись безъ усиленія производительности этимъ путемъ, и наконецъ, что именно у насъ дальнѣйшее продолженіе общиннаго пользованія землею можетъ быть признано не только возможнымъ, но даже удобнымъ и полезнымъ. Все это не доказано и, полагаю, доказано быть не можетъ.

Мы вообще склонны слишкомъ просто объяснять себѣ причины и свойства ближайшихъ къ намъ экономическихъ явленій. Внутренняя связь ихъ не только между собою, но и съ другими, болѣе отдален-

---

(1) Извѣстно что у насъ пространство крестьянскихъ земель большею частью составляетъ гораздо менѣе чѣмъ вдвое противъ помѣщичьихъ, какъ здѣсь нами предположено, и что кромѣ того доходъ съ послѣднихъ вообще значительнѣе чѣмъ съ первыхъ.

ными фактами, ускользаетъ отъ близорукго или поверхностнаго наблюдателя. Отсюда простекаетъ множество неосновательныхъ сужденій, произносимыхъ съ нѣскольконавивною торопливостью, и защищаемыхъ съ изумительнымъ упорствомъ. Такимъ образомъ колебаніе цѣны на хлѣбъ объясняютъ швимою монополіей хлѣбныхъ торговцевъ, а застои нашей земледѣльческой промышленности — нравственными недостатками нашихъ крестьянъ; такимъ образомъ смѣшиваютъ начало общиннаго владѣнія съ началомъ товарищественнымъ (association), въ приращеніи производительныхъ силъ государства усматриваютъ нарушеніе интересовъ большинства производителей, а на заграничный торгъ, то-есть на международныя мѣновныя отношенія, смотрятъ какъ на второстепенное условіе народнаго богатства.

Степень государственнаго благосостоянія, конечно, зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Но при этомъ надлежитъ сохранять въ виду, что единственный способъ къ распредѣленію прочныхъ элементовъ богатства между наивозможно-большимъ числомъ участниковъ заключается въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ производительнымъ трудомъ, а не въ насильственномъ ограниченіи его развитія и его естественныхъ стремленій.

Уменьшеніе производительности, то-есть уменьшеніе массы предметовъ внутренняго потребленія и мсждународнаго торга, никогда не можетъ быть условіемъ народнаго благосостоянія. Безъ сомнѣнія, можетъ случиться, что вслѣдствіе перевѣса производительности надъ потребленіемъ, положеніе того или другаго класса производителей сдѣлается затруднительнымъ. Но равновѣсіе возстановляется большею частью само собою, посредствомъ обращенія обнаружившагося избытка производительныхъ силъ къ другимъ отраслямъ промышленности. *Vis naturae regulatrix* и природная способность чело-вѣческаго ума изыскиваютъ новые источники благосостоянія, врачуютъ эти временныя язвы легче и успѣшнѣе, чѣмъ самый многосложный механизмъ законодательныхъ распоряженій. Наконецъ, если съ одной стороны желательно предупреждать, по мѣрѣ возможности, подобныя общественныя недуги, то съ другой стороны нельзя не сознавать, что ихъ абсолютное устраненіе невозможно.

Не менѣе безнадежно стремленіе насильственно руководить распредѣленіемъ народнаго богатства между различными классами народа. Къ неравнымъ степенямъ благосостоянія заранѣе призваны и цѣлыя народы, и отдѣльныя чело-вѣческія личности; но они въ то же самое время призваны и къ добровольному примиренію этого неравенства согласно съ божественными началами христіанскаго ученія. Высокая цѣль, которой достиженіе невозможно

путемъ принужденія и насилія, доступна свободному произволу и свободному труду человѣка, и къ ней постепенно подвигаетъ насъ та «муравьиная работа непрерывнаго ряда племенъ и поколѣній», на которую недавно указывалъ краснорѣчивый авторъ *Писемъ о политической экономіи* въ № 17-мъ *Русскаго Вѣстника*. Законодательство здѣсь можетъ оказывать не распорядительное, но только вспомогательное содѣйствіе. Оно должно преимущественно заботиться объ улучшеніи быта нуждающихся классовъ народа, и конечно въ правѣ требовать необходимыхъ пожертвованій со стороны классовъ, пользующихся бѣльшимъ довольствомъ; но при этомъ надлежитъ постоянно имѣть въ виду, что главное средство къ распространенію народнаго благосостоянія заключается въ открытіи и разработкѣ новыхъ источниковъ богатства и въ приращеніи наличной массы его, а не въ передѣлѣ этой массы.

Основные законы промышленнаго развитія суть законы всемірные, потому что общій источникъ ихъ кроется въ природѣ человѣка. Земледѣіе подлежитъ дѣйствию этихъ законовъ наравнѣ съ другими отраслями промышленности, и среди общаго стремленія образованныхъ народовъ къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, ни одинъ изъ нихъ не можетъ безвредно отставать отъ другихъ и по своему произволу отвергать плоды предшедшихъ опытовъ или пренебрегать современными условіями международнаго промышленнаго быта. Увеличеніе производства въ одномъ государствѣ вообще имѣетъ послѣдствіемъ необходимость усиленія производительности и въ другихъ государствахъ; въ противномъ случаѣ нарушится прежнее равновѣсіе на всемірномъ мѣновомъ рынкѣ, и направленіе его оборотовъ измѣнится въ ущербъ той странѣ, въ которой производительныя силы не приобрѣли новой степени развитія. Такимъ образомъ развитіе этихъ силъ составляетъ двоякую потребность и приноситъ двоякую выгоду. Съ одной стороны оно увеличиваетъ массу предметовъ потребленія внутри государства, и понижая ихъ цѣну, дѣлаетъ ихъ доступными бѣльшему числу потребителей, съ другой оно обезпечиваетъ и распространяетъ международный торгъ, расширяя черезъ него кругъ сбыта произведеній и доставляя мѣстнымъ потребителямъ возможность пользоваться, за сходную цѣну, произведеніями другихъ странъ. Съ этой двойной точки зрѣнія надлежитъ, по моему убѣжденію, разсматривать возникшій у насъ вопросъ о частномъ и общинномъ пользованіи землею.

Намъ говорятъ, что общинное начало землевладѣнія совмѣстно съ успѣхами сельскаго хозяйства; что возраженія противъ него не касаются его принципа, но относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія, а именно къ ежегодному передѣлу земель, и потому *легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ при передѣлѣ на долгие сроки, съ вознагражденіемъ отъ общины за*

улучшеніе отбираемыхъ при передѣлѣ участковъ, что мнимыя неудобства общиннаго пользованія далеко превышаютъ его выгодными послѣдствіями для массъ, что въ немъ заключается единственное средство избавить огромное большинство земледѣльцевъ отъ бѣдствій батрачества и нищеты, этого необходимаго слѣдствія батрачества, и т. д.

Не мѣшаетъ поближе всмотрѣться въ этотъ рядъ филантропо-экономическихъ фразъ. Ихъ бросаютъ намъ такъ рѣшительно, такъ съ плеча, въ такой аподиктической формѣ, что на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, чтобы онѣ не подкрѣплялись какими-нибудь новыми, непровержимыми доказательствами. Но мы напрасно ждемъ ихъ. Эти доказательства еще отыскиваются, или «пишутся» (1).

Если общинное начало совмѣстно съ успѣхами сельскаго хозяйства, то почему же мы не видимъ этихъ успѣховъ? Именно тамъ, гдѣ господствуетъ это начало, въ крестьянскихъ обществахъ, земледѣліе остается почти на той же самой степени развитія, на которой оно стояло полвѣка тому назадъ. Среди множества крестьянъ, которые промышленными занятіями приобрѣли себѣ не только достатокъ, но богатство, просимъ указать намъ того крестьянина, который извлекъ это богатство изъ равнодѣльной полосы общиннаго поля, хотя и онъ, и прады его потомъ лица своего упорно орошали и эту и другія полосы этого самаго поля. Всмотритесь въ нашего крестьянина. Онъ самъ чувствуетъ, что его нива не принесетъ ему золотой жатвы; онъ не надѣется на счастье, онъ даже рѣдко ищетъ счастья этимъ путемъ; онъ не обнаруживаетъ привязанности къ земледѣльческому труду и хранить въ душѣ полукочевое пристрастіе ко всякаго рода другимъ промысламъ, къ извозу, къ лавочничеству, барышничеству, огородничеству. Чѣмъ объяснить эти явленія, если не тѣмъ, что всякому человѣку свойственно стремиться къ приобретенію матеріальнаго достатка, а у насъ крестьянинъ знаетъ, что при данныхъ условіяхъ нашего сельскаго быта легче приобретать достатокъ всякимъ другимъ путемъ, чѣмъ воздѣлываніемъ земли по примѣру и способу праотцевъ? На этомъ основаніи мы отнюдь не ограничиваемся указаніемъ на никѣмъ неоспариваемыя неудобства ежегоднаго передѣла земель, но отрицаемъ преимущества самаго принципа общиннаго пользованія землею. Онъ радикально невыгоденъ, по неизбежной при немъ тратѣ времени и рабочихъ силъ, — сберегаемыхъ при сосредоточенномъ участковомъ хозяйствѣ, — по недостаточному обезпеченію результатовъ производительнаго труда,

(1) Для оцѣнки доказательствъ, употребляемыхъ *Современникомъ*, достаточно прочесть, въ видѣ примѣра, разказъ о пароходѣ «Леонъ Фоше», на стр. 20—22 отдѣла критики въ № IX, и вспомнить о существованіи страховыхъ обществъ.

и наконецъ по истекающей отъ него необходимости содержать отдѣльное хозяйство безъ самонужнѣйшихъ къ тому способствъ. Эти неудобства ставятъ у насъ земледѣльческой трудъ въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ всѣ другія вѣтви промышленной дѣятельности, и къ устраненію ихъ до сихъ поръ не предложено никакого благонадежнаго средства, несмотря на то, что изысканіе такихъ средствъ считаютъ дѣломъ столь легкимъ. Намъ указываютъ на возможность передѣла земель съ соблюденіемъ продолжительныхъ сроковъ. Но развѣ этотъ способъ передѣла сблизитъ поля съ усадьбой? И можно ли вообще обращать черезполосность въ непреложный идеалъ сельскаго хозяйства? Намъ предлагаютъ вознагражденіе отъ общины, за улучшеніе участковъ, или даже *клина участка*. Но развѣ не очевидно, что примѣненіе этого начала сопряжено съ безчисленными затрудненіями и должно сдѣлаться источникомъ безчисленныхъ споровъ и жалобъ? Батрачество называютъ бѣдствіемъ, котораго мы должны избѣгнуть. Но развѣ у насъ отчасти уже не существуетъ, хотя и съ патріархальнымъ оттѣнкомъ, родовое батрачество сыновей, младшихъ братьевъ, племянниковъ, пасынковъ, приемышей, — и безъ этого оттѣнка, — неродовое батрачество крестьянъ, *состоящихъ на мѣсячину*?

Начало безконечнаго передѣла составляетъ самую сущность того, что у насъ признается началомъ общиннаго землевладѣнія. Мысль о передѣлѣ на долгіе сроки прямо противорѣчитъ предположенію, будто бы этимъ путемъ можетъ быть обезпечено *каждому члену* земледѣльческаго сословія пользованіе извѣстною долей общинной земли. Основаніемъ раздѣла служитъ число такъ-называемыхъ тяглыхъ семействъ; но это число ежегодно измѣняется: какимъ же образомъ можно, безъ новаго раздѣла, надѣлять прибывающія тягла или распредѣлять участки выбывшихъ? На дѣлѣ этотъ вопросъ уже разрѣшенъ у насъ, хотя и негласно, учрежденіемъ новаго разряда крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ начали вводить болѣе продолжительные сроки передѣла. Эти крестьяне называются «затягольными», не участвуютъ въ пользованіи общинною землею, и въ одной изъ подмосковныхъ губерній уже успѣли подраздѣлиться на три класса. Одни не отбываютъ никакихъ повинностей, ни въ пользу вотчинника, ни въ пользу міра; другіе несутъ нѣкоторыя обязанности въ пользу общины; третьи обязаны нѣкоторыми повинностями самому вотчиннику. Такъ иногда опытъ безмолвно опровергаетъ, на поприщѣ практической жизни, велерѣчивыя предположенія кабинетныхъ теорій.

Противники такъ-называемаго фермерскаго, или собственно участковаго хозяйства, обыкновенно принимаютъ за основаніе своихъ расчетовъ весьма значительные размѣры крестьянскихъ участковъ. Это происходитъ, вѣроятно, не безъ намѣренія представить окон-

чательный выводъ съ самой выгодной стороны, и такимъ только способомъ можно достигнуть отношеніе 30:369, между числомъ семействъ, принадлежащихъ къ разряду хозяевъ, и числомъ семействъ разряда работниковъ. Не мѣшаетъ и здѣсь ближе всмотрѣться въ дѣло.

Не обращаясь къ Англии, Франціи, Пруссіи, и т. д., за нужными въ этомъ случаѣ статистическими данными, мы можемъ вспомнить, что у насъ есть губерніи, въ которыхъ давно введено, въ томъ или другомъ видѣ, участковое хозяйство. Возьмемъ на примѣръ двѣ губерніи, до сихъ поръ различествующія между собою въ отношеніи къ законодательнымъ нормамъ поземельныхъ отношеній,—Курляндскую и Ковенскую, въ которой не малое число имѣній приведено, самими владѣльцами, въ устройство, совершенно соответствующее устройству курляндскихъ имѣній. Въ сихъ послѣднихъ на каждую крестьянскую усадьбу приходится, среднимъ числомъ, около десяти душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ въ имѣніяхъ, гдѣ отправляются барщинныя повинности, въ усадьбѣ имѣется отъ одного до двухъ наемныхъ женатыхъ работниковъ, а въ имѣніяхъ, переведенныхъ на оброчное положеніе, только по одному. Остальные работники принадлежатъ къ семейству хозяина или нанимаются изъ холостыхъ и изъ несовершеннолѣтнихъ, соответствующихъ нашимъ нетяглымъ. Такимъ образомъ на каждый усадебный участокъ, предполагая при хозяинѣ одного женатаго сына, приходится только отъ трехъ до четырехъ семействъ, считая въ томъ числѣ и семейство хозяина. Слѣдовательно на 399 семействъ мы получимъ, вмѣсто отношенія 30:369, среднее отношеніе 114:285 (1). Но этимъ не могутъ ограничиться наши вычисленія. Въ губерніяхъ, гдѣ подѣляніемъ общиннаго начала землевладѣнія и тяглового начала передѣла земель, не установлено крестьянскихъ участковыхъ хозяйствъ, мы также видимъ, что не всѣ тягловые крестьяне принадлежатъ къ разряду домохозяевъ. Любопытно опредѣлить отношеніе числа сихъ послѣднихъ къ числу всѣхъ душъ мужескаго пола. Нижеслѣдующая таблица приблизительно показываетъ это отношеніе по 12-ти губерніямъ, лежащимъ въ центрѣ Россіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ (2).

(1) При этомъ размѣры участковъ не слишкомъ малы. Они содержатъ въ себѣ среднимъ числомъ около 20 десятинъ пахатной земли, во многихъ мѣстностяхъ легко уплачиваютъ болѣе 100 руб. с. оброка, и быстро доводятъ хозяевъ до значительной зажиточности, между тѣмъ какъ плата работникамъ постоянно возрастаетъ.

(2) Свѣдѣнія заимствованы, по Рязанской губерніи, изъ статьи г. Кайшпа, помѣщенной въ изданныхъ министерствомъ внутрѣнныхъ дѣлъ матеріалахъ для статистики Россіи (1841 г.); по другимъ губерніямъ, изъ данныхъ собранныхъ между 1838 и 1842 годовъ.

ГУБЕРНІИ.	Число крестьянскихъ дворовъ и другихъ жилищъ домовъ въ уѣздѣ.	Число поселенъ мужского пола.	На каждый дворъ душъ мужского пола.	Отношеніе числа домохозяевъ къ общему числу душъ мужского пола.
1. Московская	127.000	500.000	4	1:3
2. Калужская	88.200	390.000	4,4	1:3,4
3. Смоленская	115.400	494.000	4,2	1:3,2
4. Тверская	159.100	577.000	3	1:2
5. Владимирская	139.100	485.000	3,4	1:2,4
6. Нижегородская	139.000	503.000	3,5	1:2,5
7. Тамбовская	158.800	698.000	4,4	1:3,4
8. Рязанская	130.700	567.000	4,3	1:3,3
9. Тульская	98.200	498.000	5	1:4
10. Орловская	123.600	614.000	4,9	1:3,9
11. Курская	146.300	722.000	4,9	1:3,9
12. Воронежская	157.500	627.000	4	1:3
Средній выводъ			4,1	1:3,1

По расчету г. Неелова (1) приходится на 100 душъ 50 тяголъ. Слѣдовательно уже нынѣ на 400 тягловыхъ семействъ у насъ надлежитъ считать не болѣе 200 домохозяевъ. Предположимъ, что при участковомъ хозяйствѣ на каждый дворъ придется, въ общей сложности, четыре семейства вмѣсто двухъ: число домохозяевъ уменьшится на половину, и отношеніе этого числа къ числу семействъ, невладѣющихъ отдѣльными дворами, будетъ 100: 300 (2), вмѣсто 200: 400.

Мысль, что цѣлая половина хозяевъ, нынѣ пользующихся отдѣлностью и самостоятельностью домашняго быта, современемъ можетъ лишиться этой самостоятельности, пугаетъ многихъ. Но мы позволяемъ себѣ думать, что при разрѣшеніи столь важныхъ вопросовъ не слѣдуетъ вѣряться первому впечатлѣнію и торопливо предпочитать нѣсколько старыхъ золь одному новому, единственно потому, что оно было бы ново, а другія нами давно испытаны.

Если кто-нибудь, кромѣ гг. статскаго совѣтника Бланка и Усманьскаго помѣщика Б., сомнѣвается въ необходимости радикальныхъ улучшеній въ бытѣ нашихъ поселенъ, то для устраненія всѣхъ сомнѣній на-

(1) *Русскій Вѣстникъ* № 9 стр. 120.

(2) Выше сего мы предположили, для Курляндской губерніи, отношеніе 114: 285. Различіе объясняется нашими ранними браками. Просимъ читателя взглянуть на объясненіе значенія слова «тягло», въ *Академическомъ словарѣ* Т. IV. стр. 310. изд. 1847 г.)

счесть этой необходимости достаточно тѣхъ самыхъ статей гг. Бланка и Б, которыя вызвали, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, нѣсколько благородныхъ замѣчаній со стороны г. Безобразова. Въ виду этихъ статей позволительно утверждать, что нынѣшняя самостоятельность нашихъ крестьянскихъ домохозяевъ не стоить заботливости, которая такъ ревниво посвящается ея сохраненію. Если же кромѣ того вспомнимъ, сколько другихъ темныхъ сторонъ можно отыскать въ современномъ положеніи крестьянскаго сословія, то нельзя кажется не придти къ заключенію, что большинство нашихъ крестьянъ менѣе обезпечено въ личномъ и имущественномъ отношеніи, чѣмъ каждый наемный работникъ въ правильно-устроенномъ участковомъ хозяйствѣ, и что слѣдовательно при переходѣ къ этому хозяйству одна половина, а вмѣстѣ съ нею и государство, значительно выиграютъ, между тѣмъ какъ другая проиграть ничего не можетъ.

У насъ болѣею частью ожидаютъ улучшенія сельскаго быта только путемъ общихъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ такихъ неудобствъ и злоупотребленій, которыя не касаются начала общиннаго пользованія землею. Не сомнѣваясь въ пользѣ и важности подобныхъ мѣръ, мы однакоже позволяемъ себѣ думать, что онѣ не устраняютъ тѣхъ внутреннихъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства, которые проистекаютъ собственно отъ общиннаго порядка землевладѣнія, и что кромѣ того онѣ даже едва ли могутъ вполнѣ достигнуть своей цѣли безъ устраненія этихъ недостатковъ. Мы знаемъ изъ опыта, что между изданіемъ и точнымъ соблюденіемъ постановленій закона существуетъ нѣкоторое различіе. Приготовленіе почвы, на которой должны развиваться послѣдствія новыхъ законоположеній, предусмотрѣніе затрудненій, происходящихъ отъ недостатка надежныхъ исполнителей, изысканіе вспомогательныхъ силъ, которыя могли бы способствовать къ установленію органической связи между новымъ порядкомъ вещей и подлежащимъ ему населеніемъ,—все это естественно входитъ въ кругъ соображеній законодательства. Но съ этой именно точки зрѣнія намъ кажется, что къ числу самыхъ существенныхъ условий успѣха принадлежитъ тѣсная связь между вотчинникомъ и каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ изъ крестьянъ, а равно и положительное опредѣленіе мѣста и значенія, предоставляемыхъ домохозяевамъ въ общемъ составѣ крестьянскихъ обществъ. Соблюденію того и другаго условія преимущественно благоприятствуютъ формы участковаго хозяйства, въ то же самое время наиболѣе выгодныя и для общаго развитія земледѣльческой промышленности. Намъ кажется, что существенное улучшеніе крестьянскаго хозяйства невозможно безъ водворенія въ немъ истинной отдѣльности и самостоятельности, безъ предоставленія нужнаго простора и обезпеченія производительному труду, безъ поощренія къ разумному направленію его и безъ возбужденія вѣры въ возмож-

ность прочной, наследственной, постепенно возрастающей отъ него пользы. Но все это въ свою очередь невозможно при существованіи какой бы то ни было системы срочныхъ переделовъ. При этой системѣ крестьянинъ не можетъ даже познать рациональнаго хозяйства, не только вводить его у себя, и не можетъ питать привязанности къ своей нивѣ, потому что онъ своей нивы не имѣетъ. Если нашъ крестьянинъ не кочуетъ всѣмъ домою, какъ Киргизъ-Кайсакъ и Ногаецъ, то онъ кочуетъ своимъ трудомъ, изъ клина въ клинъ, съ полосы на полосу, воздѣлывая сегодня то, что вчера принадлежало другому, и зная, что завтра оно можетъ перейти къ третьему. Его земледѣльческій бытъ вообще составляетъ не основу, но отраженіе измѣняющихся условій его домашняго быта. Совершеннолѣтіе или бракъ сына увеличиваетъ ее въ моментъ, опредѣляемый семейными событіями, а не послѣдовательнымъ развитіемъ хозяйства, и увеличиваетъ ее вдругъ, между тѣмъ какъ тѣ самыя силы, которыя предназначаются для обработки новой тягловой доли, уже задолго передъ тѣмъ постепенно приходили въ распоряженіе отца-домохозяина; наоборотъ, смерть или отдача въ рекруты того же сына, столь же внезапно можетъ измѣнить размѣры отцовскихъ полей, независимо отъ сохраненія или несохраненія въ семействѣ нужныхъ средствъ къ поддержанію хозяйства въ прежнемъ его объемѣ.

Мы конечно не имѣемъ въ виду торопливаго и въ особенности принудительнаго введенія у насъ формъ участковаго хозяйства. Чѣмъ глубже какое-либо преобразованіе должно проникнуть въ жизнь народа, тѣмъ болѣе нужно для него времени, терпѣнія и послѣдовательной осторожности дѣйствій. Въ замѣчательной статьѣ, напечатанной въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* подъ названіемъ: «Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи», между прочимъ сказано: «Учреждать фермы насильно было бы неосторожно, и мы не совѣтуемъ ни одному помѣщику приступать круто къ этому дѣлу... Но случаи къ необходимому вспоможенію недостаточныхъ крестьянъ представляются, къ несчастію, весьма часто, и можно ими пользоваться, чтобы ввести мало-по-малу распределеніе работъ и почвы, которое есть, по нашему мнѣнію, первое условіе къ будущимъ улучшеніямъ въ земледѣльческомъ быту.» (1) Авторъ другой замѣчательной статьи, помѣщенной въ *Отечественныхъ Запискахъ*, подъ заглавіемъ: «О замѣнѣ обязанной работы наемною», указываетъ, кромѣ того, на возможность введенія у насъ участковаго хозяйства въ формахъ, приспособленныхъ къ нашимъ специальнымъ требованіямъ. Онъ заключаетъ разборъ статьи объ эстляндскихъ крестьянахъ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. «По нашему мнѣнію, при изученіи любого общественнаго вопроса, необходимо прежде изслѣдовать;

(1) № 6, іюнь 1857 года. стр. 91 и 92.

какое рѣшеніе получилъ этотъ вопросъ въ другихъ сосѣднихъ странахъ, находившихся въ сходномъ съ нашимъ положеніи, не съ тѣмъ, чтобы, остановившись на одномъ изъ способовъ рѣшенія и признавъ его лучшимъ, перенести цѣликомъ на свою почву, но съ тѣмъ, чтобы, сравнивая чуждое съ своимъ, выбрать изъ перваго только тѣ частности, которыя могутъ подходить подъ обстоятельства, въ которыя поставлена наша страна.» (1) Мы вполне раздѣляемъ это мнѣніе. Мы думаемъ, что экономическія истины едины, какъ всякая истина, но что виды примѣненія этихъ истинъ къ потребностямъ различныхъ государствъ и народовъ могутъ быть столько же различны, сколько различны самыя эти потребности. Мы думаемъ, что начало участковаго землевладѣнія болѣе благопріятствуетъ развитію и процвѣтанію сельскаго хозяйства, чѣмъ начало землевладѣнія общиннаго, и потому отдаемъ преимущество первому надъ послѣднимъ; но мы допускаемъ, что на русской почвѣ это начало должно окончателно облечься въ русскія, а не въ англійскія или какія-либо другія чужеземныя формы. Мы говоримъ *окончательно*, потому что на первый разъ у насъ нѣтъ готовыхъ родныхъ формъ и слѣдовательно первоначальныя попытки по необходимости должны заключать въ себѣ болѣешую долю подражанія, чѣмъ послѣдующія. Но жизненная сила правильнаго начала не замедлитъ и у насъ принять своеобразный видъ и обнаружить самобытное, органическое развитіе.

Одного бѣглаго взгляда на карту Россіи достаточно, чтобы убедиться, сколько различныхъ оттѣнковъ могутъ пріобрѣсти, въ разныхъ мѣстностяхъ, проявленіе одной и той же силы и примѣненіе одного и того же кореннаго начала. Подвести съ математическою точностью подъ одинъ нормальный образецъ, устройство поземельныхъ отношеній въ губерніяхъ Псковской, Владимірской, Орловской, Саратовской, Виленской, Волынской, намъ кажется несбыточною мечтою. Есть мѣстности, въ которыхъ возможно учрежденіе участковыхъ усадебъ, отдѣльно, или небольшими группами; въ другихъ мѣстностяхъ эти группы должны быть значительнѣе; въ третьихъ, по затруднительности сообщеній, особенно въ зимнее время, нельзя уклониться отъ сосредоточенія населенія въ болѣе многлюдныхъ деревняхъ и селахъ. Быть-можетъ; что мѣстами обнаружится соединеніе участковаго начала съ общиннымъ, учрежденіе частныхъ пашень при общинныхъ сѣнокосахъ и выгонахъ; или прежнее начало сохранить отдѣльное существованіе подлѣ новаго, часть земель распадется на участки, а другая останется въ общинномъ пользованіи, или же участковыя хозяйства начнутъ возникать, по особымъ договорамъ, на пустопорожнихъ земляхъ или на землѣ, нынѣ состоящей въ распоряженіи вотчиннаго хозяйства, между тѣмъ

---

(1) № VIII, стр. 673.

какъ способъ пользованія такъ-называемою общинною землею не измѣнится. При замѣнѣ обязанной работы наемною, вознагражденіе можетъ производиться или деньгами, или естественными произведеніями, или отводомъ отъ хозяина земли, воздѣлываемой съ помощью хозяйскаго рабочаго инвентаря, или же соединеніемъ разныхъ видовъ платы въ договорной соразмѣрности. Отношенія вотчинника къ новымъ хозяевамъ могутъ опредѣляться то на арендномъ основаніи, то на основаніи приобрѣтенія крестьянами земли въ собственность, на правахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Наконецъ ближайшія условія и формы развитія всѣхъ этихъ новыхъ отношеній могутъ быть неисчислимо разнообразны. Въ настоящее время нельзя предусматривать ихъ иначе, какъ въ общихъ, болѣе или менѣе неопредѣленныхъ чертахъ. Мы не только не изучали еще, съ надлежащею подробностью, подобныхъ преобразованій, совершившихся въ другихъ странахъ, но и въ нашемъ собственномъ отечествѣ не собрали достаточнаго числа данныхъ, для полнаго и точнаго опредѣленія современныхъ условій сельскаго быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благонадежной исходной точки замышляемыхъ нами улучшеній. Въ томъ порукою безконечно-разнообразныя теоріи сочинителей проектовъ, и наивный оптимизмъ нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, и безусловный пессимизмъ нѣкоторыхъ писателей, для которыхъ *oratio pro domo* не составляетъ сознательной или бессознательной хозяйственной потребности. Книги, подобныя «Сельско-хозяйственной Статистикѣ Смоленской губерніи» г. Соловьева, статьи, подобныя статьѣ г. Неелова, въ 9 № *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года, появляются рѣдко. Большою частію мы не знаемъ, гдѣ искать вѣрныхъ и подробныхъ наставительныхъ данныхъ о размѣрѣ и видахъ отбываемыхъ повинностей, о сравнительной значительности общиннаго надѣла землею и вотчинныхъ запасекъ, о средней значительности денежнаго оброка, о разныхъ особенностяхъ крестьянскаго хозяйства и видахъ соединенія въ немъ земледѣльческаго труда съ другими промышленными занятіями, то-есть о числѣ большихъ, среднихъ и малыхъ земледѣльческихъ поселеній въ каждой губерніи, о переменахъ, происшедшихъ въ томъ или другомъ отношеніи въ теченіи послѣднихъ десяти или двадцати лѣтъ, о разныхъ опытахъ, предпринятыхъ въ это время съ цѣлію усовершенствованія поземельныхъ отношеній въ частныхъ имѣніяхъ, и о результатахъ этихъ опытовъ и т. п. Почему бы не помѣщать такихъ данныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, по распоряженію губернскихъ начальствъ или дворянскихъ предводителей, по возможности ограничиваясь одними фактами, именами и числами, безъ всякихъ выводовъ или прибавленій, которыя могли бы имѣть видъ полемики? Въ свѣдѣніяхъ и выводахъ, отнесенныхъ преднамѣренною полемическою цѣлью, менѣе недостатка, чѣмъ въ безцвѣтныхъ, но вѣрныхъ, многочисленныхъ, и потому

разнообразныхъ снимкахъ съ разныхъ современныхъ явленій нашей экономической жизни. Почему бы и литературно-политическимъ журналамъ нашимъ не открыть у себя особаго статистическаго отдѣла, для помѣщенія въ немъ тѣхъ сухихъ, но по возможности многочисленныхъ и разнородныхъ данныхъ, о которыхъ мы упомянули?

Нашему поколѣнiю предстоитъ трудный, но великiй подвигъ. Оно призвано дружно двинуться впередъ на пути усовершенствованiя нашего сельскаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ призвано, не забывать, что на необозримомъ пространствѣ Россiи этотъ путь не разъ можетъ развѣтляться на нѣсколько различныхъ путей, которые тѣмъ не менѣе могутъ сохранять одно главное направленiе, и на которыхъ могутъ руководить нами одни и тѣ же главные начала движенiя. Время благопрiятствуетъ. Вездѣ замѣтны признаки благихъ начинанiй; и въ самомъ различii сталкивающихся мнѣнiй, въ жарѣ, съ которымъ нынѣ возбуждаются и рассматриваются у насъ историческiе и современные вопросы, заключаются проявленiя новой общественной жизни.

Mens agitat molem et magno se corpore miscet.

Дуббельнъ,
Въ октябрь 1857.

Х. Гуфэйзенбергъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Два европейскiя государства, и притомъ оба протестантскiя, находятся въ настоящее время не совсѣмъ въ нормальномъ положенiи относительно замѣщенiя въ нихъ высшей государственной власти. Какъ уже извѣстно, читателямъ сильное болѣзненное разстройство, сначала короля шведскаго (онъ же и норвежскiй), а потомъ и прусскаго, заставило ихъ на время отказаться отъ исправленiя лежащихъ на нихъ высшихъ государственныхъ обязанностей и передать власть въ другiя руки. Въ Швеции учреждено по этому случаю установленное законами регентство, во главѣ котораго находится наслѣдныи принцъ; въ Пруссiи, безъ установленiя регентства, власть короля

делегирована имъ, или предоставлена на время, также наследному принцу.

Оттого ждали было нѣкоторыхъ переменъ по крайней мѣрѣ во внѣшней политикѣ того и другаго государствъ. Австрія почему-то особенно простирала свои виды на болѣе тѣсный союзъ съ Пруссіей, или лучше сказать съ юнкерскою партіею въ Пруссіи, повидимому рассчитывая на то, что сила и значеніе этой партіи должны много возвыситься вмѣстѣ съ послѣдовавшею переменною. До сихъ поръ въ распоряженіяхъ прусскаго правительства не замѣтно ничего такого, что бы могло служить къ оправданію подобныхъ видовъ. Прусская политика, вообще не отличающаяся подвижностію, пока остается въ томъ же самомъ положеніи. Во внутреннемъ управленіи делегированная власть наследнаго принца распространилась наконецъ и на послѣднее министерство, до сихъ поръ оставшаеся внѣ ея завѣдыванія, т.-е. на министерство двора. Но и при этомъ случаѣ не произошло никакихъ личныхъ переменъ. Всѣ канцеларіи остаются въ прежнемъ своемъ составѣ. Проектъ новаго избирательнаго закона, который предполагалось представить въ будущемъ засѣданіи прусской палаты депутатовъ (въ замѣнъ стараго, который отчасти считается уже слишкомъ либеральнымъ), отложенъ до другаго времени. Здоровье короля между тѣмъ начинаетъ нѣсколько поправляться; царственный больной время отъ времени дѣлаетъ уже небольшія прогулки въ экипажѣ. Но въ прусской политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней, не только нѣтъ, но и не предвидится никакой перемены въ ближайшемъ будущемъ.

Не менѣе случайное шведское регентство ознаменовалось между тѣмъ внесеніемъ въ собраніе государственныхъ чиновъ Швеціи новаго весьма важнаго проекта объ отминовеніи прежнихъ стѣснительныхъ законоположеній для свободы вѣроисповѣданія. Этимъ предложеніемъ шведское правительство пріобрѣтало новое право на уваженіе со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія. Принявъ предложеніе своего правительства, Швеція сняла бы съ себя по праву лежащій на ней упрекъ въ нетерпимости. Ибо обращеніе изъ протестантизма въ другую религію, хотя бы также христіанскую, до сихъ поръ еще наказывается въ Швеціи депортаціею. Къ сожалѣнію, просвѣщенный голосъ правительства не встрѣтилъ себѣ довольно сочувствія и не нашелъ довольно поддержки своему предложенію въ собраніи государственныхъ чиновъ. Первые пренія о новомъ проектѣ закона происходили въ предварительномъ общемъ собраніи четырехъ сословій. По этимъ преніямъ еще нельзя было предвидѣть никакого определеннаго результата. Если многое сказано было въ духѣ средневѣковой исключительности и нетерпимости, то съ другой стороны произнесено было нѣсколько рѣчей, которыя бы сдѣлали честь всякому просвѣщенному европейскому собранію. Сюда въ особенности

относятся рѣчи: Цедерскиольда, Гюнтера, Коха, графа Дилленкранца и другихъ, говорившихъ въ пользу королевскаго предложенія. Затѣмъ дѣло перенесено было на обсужденіе его каждымъ отдѣльнымъ сословіемъ порознь. Теперь уже извѣстны результаты этихъ частныхъ рѣшеній, которыми заранѣе условливается общее. Только среднее сословіе приняло королевское предложеніе большинствомъ 36-ти голосовъ противъ 11-ти; всѣ же прочія сословія отвергли его значительнымъ большинствомъ. Такъ въ высшемъ или дворянскомъ сословіи законъ имѣлъ за себя лишь 78 голосовъ противъ 137; духовенство отвергло его безусловно, а крестьянское сословіе отослало его обратно въ комитетъ съ равными ограниченіями, въ сущности равняющимся почти тому же заключенію. На основаніи этихъ частныхъ рѣшеній можно заранѣе полагать, что королевское предложеніе будетъ отвергнуто и цѣлымъ стортингомъ (шведскимъ сеймомъ), и что Швеція еще нѣсколько времени останется при прежнихъ началахъ нетерпимости.

Какъ же объяснить такой несчастный результатъ для дѣла, столько разумнаго? Откуда происходитъ эта столько замѣтная отсталость Швеціи въ дѣлѣ свободы вѣроисповѣданія? Неужели виною тому одно ея географическое положеніе и отдаленность отъ тѣхъ центровъ, въ которыхъ главнымъ образомъ совершается движеніе европейской мысли? Подобными вопросами особенно заняты нѣмецкіе публицисты. Понятно. Швеція менѣе чужда Германіи, чѣмъ остальному европейскому Западу; Швеція соединена съ Германіею однимъ религіознымъ началомъ, которое въ сущности и есть начало свободы религіозной совѣсти. По замѣчанію одного опытнаго нѣмецкаго публициста, надъ Швеціею сильно еще тяготѣютъ физическія и климатическія условія ея быта. Какъ извѣстно, это одна изъ самыхъ крайнихъ странъ сѣверной Европы. Подъ ея холоднымъ и суровымъ небомъ едва бываетъ отъ 5-ти до 6-ти лѣтнихъ мѣсяцевъ въ году, потому что остальные принадлежатъ зимѣ. Нельзя сказать, чтобъ земля оставалась здѣсь не благодарна къ труду человѣка: на ней съ успѣхомъ произрастаютъ хлѣбъ, ленъ и разные плоды, она обильна рыбою и дичью, она даетъ много мѣховъ, дерева и металловъ, она не менѣе способна и для разведенія скота. Но трудъ въ Швеціи долженъ быть упорнѣе нежели гдѣ-нибудь. Кромѣ невыгодныхъ климатическихъ условій, человѣкъ почти на каждомъ шагѣ долженъ бороться здѣсь съ скалами и камнями. Дорого и трудно достается ему завоеваніе каждаго клочка земли. На поверхности, на которой свободно могли бы помѣщаться отъ 6-ти до 7-ми милліоновъ жителей, до сихъ поръ еще живутъ разсѣянно не болѣе трехъ съ половиною милліоновъ. Человѣкъ далеко еще не успѣлъ покорить труду принадлежащую ему почву, и народонаселеніе Швеціи до сего времени представляется въ видѣ колоніи. Прибавьте къ тому не-

достатокъ удобныхъ сообщеній, и вы не удивитесь, что вдали отъ главныхъ центровъ, въ горныхъ захолустьяхъ, за лѣсами и болотами, доселѣ господствуютъ первоначальная грубость и невѣжество. Туда не проникаетъ почти ни одинъ лучъ современнаго просвѣщенія, и старыя преданія держатся тамъ съ неизмѣннымъ упорствомъ, противъ котораго бессильна самая смѣна однихъ поколѣній другими.

Такъ, несмотря на протестантскій характеръ Швеціи, отъ старой борьбы ея съ католицизмомъ могла до сей поры удержаться въ ней прежняя религіозная исключительность. Новый страхъ мормонновъ, которымъ удалось приобрести въ Швеціи нѣсколько прозелитовъ, также не мало способствовалъ къ поддержанію того же предубѣжденія. Но, кажется намъ, и самый составъ шведскаго законодательнаго собранія много вредитъ успѣху всякаго добраго начинанія. Шведскій стортингъ, или сеймъ, до сихъ поръ остается на той не совершенной ступени, дальше которой не пошла средневѣковая учрежденія, по крайней мѣрѣ на континентѣ Европы, въ стремленіи къ народному представительству. Они представляли собою не народъ, а интересы отдѣльныхъ сословій. Въмѣсто того чтобы способствовать сліянію, они поддерживали, питали отдѣльность и часто даже противоположность этихъ интересовъ. Такъ и на шведскомъ стортингѣ, въ каждомъ дѣлѣ каждое сословіе произноситъ свое отдѣльное рѣшеніе, конечно на основаніи своихъ отдѣльныхъ интересовъ и свойственныхъ ему понятій. Даже тѣ предварительныя общія совѣщанія, которыя предшествуютъ здѣсь разсужденіямъ и подачѣ голосовъ по сословіямъ, есть лишь недавнее нововведеніе. Принявъ принципъ общенароднаго представительства, безъ отношенія къ сословіямъ, Швеція не имѣла бы нужды, при выборѣ представителей, ограничиваться недостаточными средствами каждаго класса, взятаго порознь, и могла бы для всѣхъ нихъ найти достойныхъ представителей въ цѣлой массѣ народонаселенія. Что въ ней нѣтъ недостатка въ образованныхъ людяхъ, доказательствомъ служитъ то большинство, которое нашлось въ среднемъ сословіи, чтобы подать голосъ въ пользу новаго проекта закона. Распределите такихъ просвѣщенныхъ представителей между всею націею и избавьте ее отъ необходимости посылать на сеймъ отсталыхъ людей, потому только, что они принадлежатъ къ известному сословію, тогда, мы не сомнѣваемся, результатъ общаго рѣшенія былъ бы совсѣмъ иной. Но пока Швеція остается при своемъ старомъ порядкѣ, трудно ожидать, чтобы предложенія, вытекающія изъ современныхъ потребностей цѣлаго общества, имѣли въ ней успѣшный ходъ и находили себѣ сочувствіе въ большинствѣ представителей сословій, столько упорныхъ въ своихъ предразсудкахъ и преслѣдующихъ прежде всего свои частныя интересы.

Обратимся къ свободной игрѣ чисто конституціонныхъ учрежденій тамъ, гдѣ они есть.

Мы сообщали уже нашимъ читателямъ объ общемъ интересѣ, который возбудили новые выборы въ Сардинскомъ королевствѣ. Кандидаты крайней правой стороны, игравшіе ничтожную роль на прежнихъ выборахъ и получившіе мало голосовъ въ свою пользу, вступили на этотъ разъ въ серьезное соперничество съ кандидатами либеральными разныхъ оттѣнковъ. Въ настоящее время большая часть выборовъ уже окончена, и мы можемъ взвѣсить результаты, къ которымъ они привели. Вообще надобно сказать, что выборы велись чрезвычайно упорно и горячо; несмотря на то, все кончилось въ необыкновенномъ порядкѣ. Консервативная партія никогда не владела такъ искусно своимъ оружіемъ, какъ въ этотъ разъ. Сначала, по оплошности ли, или по недостатку дисциплины въ противникахъ, клерикальная партія успѣла было сорвать въ свою пользу нѣсколько лишнихъ выборовъ. Три пятыхъ избранныхъ кандидатовъ принадлежатъ партіи министерской, остальные двѣ пятыхъ—оппозиции. Всѣ министры, Кавуръ, Ратацци, мин. внутреннихъ дѣлъ, и Лэнца, народнаго просвѣщенія, снова выбраны значительнымъ большинствомъ, а генераль Ламармора—единогласно. Делла, Маргерита, глава крайней правой стороны, былъ избранъ въ 4 округахъ и баллотируется въ нѣсколькихъ другихъ. Вообще Савойя и Лигурія доставили значительное подкрѣпленіе крайней правой сторонѣ, но это вовсе не значитъ еще, чтобъ она одержала верхъ. Изъ ста шестидесяти выборовъ, результаты которыхъ въ настоящее время уже извѣстны, правая крайняя сторона считаетъ своихъ 50, на долю лѣвой приходится не болѣе 10 голосовъ; остальные всѣ принадлежатъ либераламъ-консерваторамъ, явно сочувствующимъ кабинету. Члены крайней лѣвой стороны въ органѣ своемъ *Diritto*, испуганные новымъ успѣхомъ клерикальной партіи, изъявили торжественное признаніе, что всѣ приверженцы ихъ единогласно подадутъ свои голоса въ пользу министерства. Это можетъ служить характеристическимъ фактомъ настоящихъ выборовъ, вполне дающимъ понятіе о политическомъ состояніи Сардинскаго королевства. Любопытно взглянуть на общественный составъ новыхъ членовъ парламента, опредѣляющій въ нѣкоторомъ отношеніи характеръ этого собранія. Большая часть членовъ его принадлежитъ къ тому кругу людей, который не обнаруживаетъ особенныхъ способностей къ рѣшенію финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что существенные вопросы настоящаго времени касаются почти исключительно податей, финансовъ, промышленности, публичныхъ работъ и т. д., предметовъ, требующихъ спеціальнаго знакомства съ ними и нѣкоторой опытности.

Новые выборы не внесли никакого важнаго измѣненія во взаимное отношеніе партій, остающихся каждая въ своей силѣ. Министерство, по словамъ *Opinione*, остается вѣрно политикѣ, которой оно

слѣдовало до настоящаго времени, и продолжаетъ опираться на центръ лѣвой стороны; лѣвая сторона окончательно соединилась съ партією министерства. Кромѣ трехъ выборовъ на островѣ Сардиніи и 4 двойныхъ выборовъ, всѣ депутаты палаты уже извѣстны. Количественное отношеніе партій остается то же самое. *Opinion* формально объявляетъ, что правительство не желаетъ дѣлать никакихъ уступокъ крайней правой сторонѣ и будетъ стараться поддерживать единство между различными оттѣнками либераловъ. Это объявленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ.

Банкетъ, который дали избиратели 7 туринскаго избирательнаго округа въ честь Брофферію, послужить къ нѣкоторому сближенію различныхъ оттѣнковъ лѣвой стороны. На немъ присутствовали многіе депутаты крайней лѣвой стороны и лѣваго центра; они побратались среди общихъ рукоплесканій избирателей.

Едва только рѣшила Бельгія трудную задачу составленія новаго либеральнаго министерства, какъ вотъ уже предстоитъ ей рѣшить другую, можетъ-быть болѣе затруднительную. Результаты предстоящихъ выборовъ только тогда будутъ полнымъ и настоящимъ выраженіемъ общаго мнѣнія государства, когда жители городовъ и деревень принесутъ съ собою въ выборную залу двойное сознаніе своихъ правъ и своего долга, и подадутъ свои голоса единственно подъ внушеніемъ своихъ политическихъ убѣжденій и своей совѣсти. Къ несчастію, на дѣлѣ не всегда бываетъ такъ, ибо заинтересованныя партіи, воодушевляя однихъ, приобрѣтая благосклонность другихъ, прибѣгають часто къ такимъ средствамъ, которыя не могутъ быть оправданы строгою законностью; но въ Бельгіи трудно подкупить избирателей: ихъ надо убѣдить; а потому политическія партіи не могутъ дѣйствовать здѣсь деньгами, а должны стараться подѣйствовать прежде всего на умы избирателей. Въ этомъ заключается особенный характеръ борьбы, происходящей теперь на бельгійскихъ выборахъ. Вотъ почему въ настоящее время нельзя придавать никакого значенія той неумѣренности въ чувствахъ и словахъ, которую расточаютъ нѣкоторые органы политическихъ партій. Сами авторы этихъ рѣчей хорошо знаютъ, что они переступаютъ границы благоразумія и справедливости. А между тѣмъ и либералы и католики преслѣдуютъ другъ друга сильными ожесточенными обвиненіями. Первые, обращаясь къ избирателямъ, стараются увѣрить ихъ, что если католики одержатъ верхъ, то это будетъ символомъ, что Бельгія возвращается назадъ къ мрачнымъ предрасудкамъ среднихъ вѣковъ и къ кровожадности инквизиціи. Другіе стращаютъ общество призракомъ террора 93 года! Къ счастью, и тѣ и другіе самую крайнюю свою обличаютъ свою несостоятельность. Въ наше время, и въ такомъ государствѣ, какъ Бельгія, только что заявившая свою политическую мудрость, такіа

крайности не приведутъ ни къ какому благопріятному результату; благо-разуміе избирателей сумѣетъ конечно рѣшить дѣло сообразно съ выгодами не отдѣльныхъ партій, а цѣлаго общества. Такіе кризисы не новость для Бельгіи: благоразуміе короля, политическій разумъ государственныхъ людей и здравый смыслъ всего бельгійскаго насе-ленія помогли уже государству счастливо рѣшить одну задачу и миновать грозившую ему опасность. Нѣтъ сомнѣнія, что и настоящій кризисъ разрѣшится также благопріятно.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Рожье, разослалъ къ губернаторамъ провинцій циркуляръ, который съ одной стороны служитъ отвѣтомъ католической партіи, съ другой въ краткихъ словахъ опредѣляетъ политику и направленіе новаго кабинета. Всѣ жалобы, предъявленныя католическою партіей, рассмотрѣны въ немъ и опровергнуты съ рѣдкою твердостью и умѣренностью. Что касается до политическаго взгляда кабинета, то онъ есть чисто національный; стремясь къ поддержа-нію и сохраненію существующаго порядка, кабинетъ внимательно прислушивается ко всѣмъ нравственнымъ и матеріальнымъ потребно-стямъ народонаселенія. Неприкосновенность правъ государства и неза-висимость гражданской власти—вотъ первыя обязанности, которыя на-лагаютъ на себя новое министерство. На сколько эти стремленія кабине-та отвѣчаютъ желаніямъ и нуждамъ государства,—это должно рѣшить избирательное собраніе. Но можно сказать, что чѣмъ сильнѣе и дѣя-тельнѣе будетъ поддержка со стороны этого послѣдняго, тѣмъ легче будетъ для кабинета исполнить свой долгъ, и тѣмъ болѣе самая власть будетъ гарантирована противъ будущихъ кризисовъ, наруша-ющихъ общественную безопасность и благосостояніе. Этотъ мани-фестъ министра внутреннихъ дѣлъ послужилъ предметомъ многихъ комментаріевъ и толковъ въ различныхъ журналахъ. Полуофициальныя французскія газеты высказали къ нему свое полное сочувствіе. Они одобряютъ ту умѣренность, подъ влияніемъ которой написанъ этотъ циркуляръ. Бельгійцы поймутъ, говорятъ они, какъ необходимо для нихъ, чтобы эта умѣренность высказывалась во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и избирательнаго собранія. Избирательная урна сто-итъ слишкомъ близко къ престолу, чтобы могла послужить поводомъ къ новымъ раздорамъ. Если всѣ партіи будутъ одинаково стремиться къ поддержанію учреждений, сохраненію порядка и высшей власти, то конечно борьба эта окончится не побѣдою той или другой сто-роны, а мирнымъ разрѣшеніемъ ихъ на пользу общаго дѣла.

О послѣднихъ остъ-индскихъ событіяхъ съ каждою почтою получаютъ новыя дополнителныя извѣстія. Всего интереснѣе изъ нихъ тѣ, которыя относятся къ героическому подвигу Гевлока. О послѣднемъ походѣ его отъ Канпура къ Лакнау, вотъ что сообщаютъ между прочимъ въ Бомбейской газетѣ (*Bombay Times*). Извѣстно, что еще въ началѣ августа Гевлокъ предпринималъ походъ изъ Канпура для освобожденія лакнауской резиденціи. Но онъ скоро принужденъ былъ воротиться назадъ, потому что небольшой отрядъ его былъ слишкомъ ослабленъ болѣзнями. Однако 16-го августа онъ уже снова выступилъ съ 1300 человекъ и 14 пушками изъ Канпура противъ непріятеля, который находился при Биторѣ (*Bithur*). Въ дѣлѣ, которое произошло здѣсь, непріятельское войско было разбито и потеряло всѣ свои пушки. И на этотъ разъ впрочемъ Гевлокъ счелъ за нужное воротиться послѣ побѣды обратно въ Канпуръ. При его малыхъ силахъ самая незначительная потеря была для него очень чувствительна. Между тѣмъ холера продолжала свирѣпствовать въ обезсиленномъ его отрядѣ. Для предводителя его это было время самаго тяжелаго испытанія. Отъ лакнаускаго гарнизона получено было извѣстіе, что онъ сможетъ держаться по крайности лишь до 23-го сентября; Гевлокъ рвался на выручку ему, но не могъ сдѣлать ни одного шага изъ Канпура, пока не былъ подкрѣпленъ свѣжими силами. Только 13-го сентября подоспѣлъ къ нему генералъ Отремъ съ своимъ подкрѣпленіемъ, выдержавши напередъ при Феттепорѣ (*Futtehpur*) горячій бой съ непріятелемъ, который былъ наконецъ загнанъ имъ въ рѣку и большею частію истребленъ. Соединившись съ Отремомъ, Гевлокъ немедленно выступилъ вновь по направленію къ Гангу. 16-го сентября онъ началъ наводить мостъ черезъ рѣку. Непріятель съ своей стороны выслалъ 3 полка пѣхоты, 2 эскадрона конницы и одну полевую баттарейку, чтобы разрушить мостъ и помѣшать переправѣ; но удачнымъ дѣйствіемъ англійской артиллеріи всѣ они скоро принуждены были обратиться въ бѣгство. 18-го числа Англичане заняли островъ, лежащій на серединѣ теченія рѣки, а 19-го весь отрядъ перешелъ на другую ея сторону. Завязавшееся здѣсь авангардное дѣло стоило непріятелю двухъ пушекъ. Второе нападеніе послѣдовало 21-го при Мунгарварѣ (*Mungarwar*), при чемъ сипаи потеряли еще 4 пушки и большое число убитыми. Этотъ и слѣдующій за тѣмъ день употреблены были Гевлокомъ для преслѣдованія непріятеля въ разныхъ направленіяхъ и очищенія окрестной страны. Уже 22-го въ Лакнау могли различать выстрѣлы англійской артиллеріи, а 25-го нарочно сдѣланъ былъ большой залпъ изъ пушекъ, чтобы извѣстить осажденныхъ о приближеніи помощи. Но чтобы проникнуть въ цитадель, освободителямъ надо было еще пробиваться вдоль занятаго непріятелемъ города, при чемъ имъ пришлось выдерживать упорное сопротивленіе. Это было въ то самое время, какъ

непріятель уже приготовилъ два подкопа для взрыва. 26-го взяты были штурмомъ непріятельскія батареи, направленные противъ крѣпости, при чемъ генералъ Нейль былъ убитъ, а Отремъ получилъ легкую рану. 29-го занята была правая сторона города, при чемъ побѣдителямъ досталось 7 пушекъ, и захваченъ въ плѣнъ Мень-Сингъ (Man-Singh), одинъ изъ главныхъ предводителей мятежниковъ въ Аудскомъ королевствѣ. На томъ останавливаются бомбейскія извѣстія.

Любопытны отношенія между двумя генералами, которымъ принадлежитъ честь спасенія лакнаузкаго гарнизона отъ голода и избиенія. Изъ нихъ Отремъ есть старшій по чину, и ему по праву должна была принадлежать команда надъ послѣднею экспедиціей къ Лакнау. Но онъ, прибывъ въ Канпуръ, издалъ приказъ, въ которомъ назначилъ Гевлока главнымъ начальникомъ соединенныхъ силъ, а самъ изъявилъ желаніе слѣдовать за нимъ на походъ въ качествѣ гражданскаго чиновника и вмѣстѣ волонтера. Гевлокъ дѣйствительно принялъ команду надъ цѣлымъ отрядомъ, а Отремъ, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, вызвался вести противъ него волонтеровъ и при первомъ нападеніи отбилъ у него двѣ пушки. Кстати приведемъ слѣдующій случай, недавно бывший въ Лондонѣ. Королевская фамилія находилась въ придворномъ театрѣ. Музыка сыграла Гевлокъ-маршъ, публика потребовала его повторенія. Тогда капельмейстеръ указалъ публикѣ на одну даму, сидѣвшую въ ложѣ: зрители громкими рукоплесканіями выразили свое удовольствіе... Леди Гевлокъ, ибо это была она, могла отвѣчать только слезами. По послѣднимъ извѣстіямъ, освободитель Лакнау удостоенъ королевою титла баронета Лакнаузкаго, въ то же самое время, какъ Вильсонъ, за взятіе Дельги, пожалованъ баронетомъ Дельгійскимъ.

Есть также нѣсколько дополнительныхъ извѣстій о событіяхъ, какъ предшествовавшихъ взятію Дельги, такъ и сопровождавшихъ его. Послѣднія еще очень недостаточны и не имѣютъ пока другаго источника, кромѣ частной корреспонденціи, но въ Европѣ завялись имъ съ особеннымъ вниманіемъ. Пущенное въ ходъ одною англійскою газетою (*Morning-Star*) извѣстіе о томъ, будто послѣ взятія Дели побѣдители перерѣзали всѣхъ найденныхъ въ немъ жителей, съ удивительною быстротою распространилось по всѣмъ европейскимъ журналамъ. Всѣ спѣшили выразить свое человѣческое сочувствіе къ безжалостно-погибшимъ и излить потокъ негодованія на безчеловѣчныхъ варваровъ, позорящихъ европейское имя. На другой же день по полученіи извѣстія, одинъ журналъ напечаталъ по этому поводу цѣлую статью подъ названіемъ «*Les massacres de Delhi*». Кто-то объявилъ, что жестокости Англичанъ въ Дельги превзошли самыя гнусныя дѣла Нена-Сэгиба и т. д.

Все это было бы весьма почтенно, еслибы дѣло шло о событіяхъ,

подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ такомъ случаѣ всѣ образованные люди, ни мало не колеблясь, пристали бы къ порицателямъ Англіи. Развѣ военное безчеловѣчіе въ наше время можетъ еще быть вопросомъ? развѣ возможно какое-нибудь раздѣленіе мнѣній тамъ, гдѣ дѣло идетъ о повальномъ избіеніи жителей цѣлаго города? Но тутъ какъ нарочно не доставало никакихъ официальныхъ донесеній. Первые дни всѣ извѣстія объ убійствахъ въ Дельги, какъ мы уже сказали, основаны были на отрывкѣ изъ одного частнаго письма, сообщенномъ газетою *Morning-Star*, извѣстнымъ органомъ манчестерской партіи, которая понесла столь сильное поражение при послѣднихъ выборахъ въ англійскій парламентъ. Отчего извѣстная часть европейской журналистики не хотѣла обратить никакого вниманія на это обстоятельство? Отчего она какъ будто спѣшила воспользоваться недостаткомъ другихъ извѣстій? — Мы боимся сказать нашу мысль, но намъ кажется, что въ этой поспѣшности сказалось худо скрытое удовольствіе, что вотъ-де какъ великая нація компрометируетъ себя передъ цѣлымъ міромъ. Не будь этого чувства, не зачѣмъ было бы торопиться сообщеніемъ публикѣ сомнительныхъ извѣстій, журналистикѣ ничего не стоило бы приудержать свои возгласы по крайней мѣрѣ до повѣрки однихъ извѣстій другими. Филантропическое чувство всегда имѣло бы время высказать свои справедливыя требованія.

Между большими органами французской журналистики, сколько намъ извѣстно, только одинъ *Journal des Débats* умѣлъ воздержаться отъ всякихъ излишествъ и сохранить приличный тонъ по поводу первыхъ извѣстій о событіяхъ въ Дельги. Онъ молчалъ о нихъ нѣкоторое время, конечно въ ожиданіи болѣе положительныхъ извѣстій; онъ не обвинялъ и не оправдывалъ завоевателей Дельги, пока ни для того, ни для другаго не было достаточныхъ основаній. Отъ него не укрылись между тѣмъ особенности въ положеніи Англичанъ въ Индіи; отъ него не ускользнула также эта характеристическая ихъ черта, что они сами возбуждаютъ противъ себя общественное мнѣніе, слишкомъ громко и безъ всякой утайки привыкнувъ говорить о такихъ своихъ дѣйствіяхъ, которыя у другихъ обыкновенно облекаются тайною тотчасъ по совершеніи. Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно Европейцу, при настоящемъ его положеніи въ Индіи, сохранить обычное хладнокровіе и не поддаться злой страсти. Послѣ страшнаго избіенія Англичанъ въ Канпурѣ пришелъ туда отрядъ горныхъ Шотландцевъ (Гайлендеровъ). Легко представить себѣ, какое зрѣлище ожидало ихъ въ этомъ ненавистномъ городѣ. Но они еще владѣли собою, пока не встрѣтили тамъ же страшно-изувѣченные остатки одной изъ дочерей генерала Уилера. При видѣ ихъ Гайлендеры пришли въ ту неистовую ярость, противъ которой бессильно всякое убѣжденіе. Они окружили трупъ несчастной дѣ-

вухки, отдѣлили отъ него голову, и потомъ сняли съ нея всѣ волосы. Жажда мщенья внушила имъ страшную мысль. Каждый изъ нихъ, взявъ себѣ особый локопъ, счелъ въ немъ всѣ волосы до послѣдняго, и потомъ всѣ они на мѣстѣ же покланялись другъ другу— сколько каждому изъ нихъ досталось волосъ несчастной жертвы, отмстить за нее такимъ же числомъ Индійцевъ.

О происшествіяхъ въ Дельги продолжали между тѣмъ приходить одно за другимъ новыя извѣстія. За письмомъ одного офицера послѣдовалъ цѣлый рядъ ихъ, и всѣ они печатались постепенно въ разныхъ англійскихъ журналахъ. Эти извѣстія тоже рисуютъ не очень отрадную картину запустѣлаго города, покинутаго его жителями, но не даютъ никакого повода думать, чтобы запустѣніе произошло отъ избіенія. Нѣкоторые корреспонденты напротивъ представляютъ мирное народонаселеніе Дельги удаляющимся изъ города безъ всякаго преслѣдованія. Другіе, упомянувъ о нѣкоторыхъ частныхъ излишествахъ, спѣшатъ впрочемъ прибавить, что вообще европейскіе солдаты вели себя съ большею умѣренностію, чѣмъ можно было ожидать и требовать отъ нихъ по обстоятельствамъ. Одно письмо даже положительно утверждаетъ, что въ Дельги кромѣ сипаевъ не было другихъ убитыхъ, и что женщины и дѣтей никто не тронулъ даже пальцемъ. Официальнаго характера не достаетъ этимъ извѣстіямъ, равно какъ и самому первому; но мы думаемъ, что по самой меньшей мѣрѣ надобно приписать имъ, вмѣстѣ взятымъ, хотя равный съ нимъ вѣсъ и значеніе. Но въ такомъ случаѣ во что же превращаются журнальные возгласы о повальныхъ убійствахъ въ Дельги? Какой смыслъ получаютъ всѣ эти горячія тирады о безпощадной свирѣпости завоевателей Дельги, которыя въ томъ только случаѣ и стоили бы вниманія, когда бы основаны были на несомнѣнномъ фактѣ? Вотъ почему, кажется намъ, выжидательная политика журнала *des Débats* пригодилась здѣсь болѣе кстати, чѣмъ преждевременныя наступательныя дѣйствія другихъ политическихъ изданій.

Истинно положительныя свойства народа не представляются въ такомъ сомнительномъ свѣтѣ. Они проступаютъ ясно и опредѣленно даже сквозь самыя неблагоприятныя обстоятельства. Напримѣръ, непопулярность лорда-намѣстника въ Индіи — не между туземцами, а между самими Англичанами — не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію. Чѣмъ чаще англійскіе министры принуждены говорить въ его пользу въ Англии, тѣмъ болѣе чувствуется, какъ сильно упалъ онъ въ послѣднее время въ общественномъ мнѣніи. А гдѣ причина такого паденія? въ недостатокъ ли предусмотрительности со стороны намѣстника, который не умѣлъ предупредить возстанія? Но этотъ недостатокъ у лорда Каннинга почти общій съ цѣлымъ правительствомъ. Его довольно-гуманныя мѣры противъ плѣнныхъ сипаевъ также не могли послужить поводомъ къ неудовольствію, еслибы оно

не было заложено прежде. Корень злу въ той мѣрѣ, которая предшествовала другимъ, и съ которою въ Англіи дѣйствительно несомнѣстима никакая популярность. Это прекращеніе свободнаго книгопечатанія въ Индіи на время возстанія. Английская мысль не мирится съ подобною мѣрою, хотя бы она была только временною. Свободная пресса такъ же необходима для нея, какъ воздухъ для дыханія. Съ закрытіемъ ея печать теряетъ въ глазахъ Англичанина всякое достоинство. Онъ перестаетъ вѣрить въ правду, и тѣмъ съ большою жадностію начинаетъ собирать мрачные слухи на сторонѣ. Сознаваясь даже, что непріятель могъ бы нерѣдко воспользоваться признаніями свободной журналистики для своихъ выгодъ, Англичанинъ однако видитъ въ этой ея нескромности меньшее зло, чѣмъ въ ограниченіи ея свободы. Лорду Каннингу не возвратитъ своей популярности, пока англійское книгопечатаніе въ Индіи не возвратитъ своей обычной свободы, которая стала уже его натурою.

Извѣстія о движеніи войскъ, вышедшихъ изъ Дельги для преслѣдованія непріятеля, положительно благоприятны для Англіи. Полковникъ Гретгедъ (Greathead) съ одною колонною, состоящею изъ 3000 человекъ (изъ которыхъ впрочемъ лишь половина — Европейцы), идетъ по пятамъ сипаевъ, которые удаляются отъ него по направленію къ Аудскому королевству. Онъ уже имѣлъ съ ними три встрѣчи при Болонджухорѣ, Элихорѣ (Allyghur) и Агрѣ, и вездѣ побилъ ихъ на голову. Говорятъ, что при Агрѣ только, они потеряли до 2000 человекъ, да кромѣ того всѣ обозы, всѣ пушки. Дальнѣйшій планъ Гретгеда состоитъ въ томъ, чтобы идти отсюда до самаго Лакнау, на соединеніе съ Гевлокомъ, который и безъ того уже получилъ новыя подкрѣпленія изъ Канпура. Когда же Гевлокъ соединится съ колонною Гретгеда, у него будетъ не менѣе 7000 человекъ. Вообще пессимистамъ не удалась и эта послѣдняя ихъ попытка представить Гевлока, послѣ недавнихъ дѣйствій его подъ Лакнау, не только въ затруднительномъ, но даже и въ крайне-опасномъ положеніи. Мы должны прибавить, что войска, отправенныя еще лѣтомъ изъ Англіи, мало-по-малу начинаютъ прибывать къ берегамъ Индіи, и конечно еще болѣе ускорять развязку дѣла, которое и безъ того идетъ къ своему окончанію.

Изъ Франціи мы не имѣемъ никакихъ особенно важныхъ новостей; всѣ извѣстія ограничиваются одними болѣе или менѣе вѣроятными толками, касающимися вопроса о Дунайскихъ княжествахъ. Дипломатическій корпусъ, послѣ кратковременнаго пребыванія своего въ Компьенѣ, по приглашенію императора, снова собрался въ Парижъ въ полномъ своемъ составѣ. Сношенія между министрами чрезвычайно дѣятельны. Пребываніе графа Валевскаго, гр. Киселева, лорда Коули и графа Гатцфельда въ компьенскомъ дворцѣ, не могло пройти даромъ; оно возбудило всеобщее любопытство, поддерживаемое еще

болѣе журналами и газетами. Говорили, что министры нарочно приглашены были для переговоровъ о княжествахъ; нѣкоторые успѣли даже проводить самыя тайны этихъ переговоровъ и увѣряютъ, что прусскій министръ высказалъ свои возраженія противъ политическаго соединенія княжествъ. Эти извѣстия быстро разнесены были газетами и журналами и подали поводъ къ безконечнымъ толкамъ и разговорамъ. Нѣкоторыя газеты, увидавши, что зашли слишкомъ далеко, начали говорить о неосновательности этихъ слуховъ. Въ этомъ свиданіи, говорили онѣ, не скрывалось никакой задней политической цѣли со стороны императора, и вопросъ о княжествахъ, имѣющей поступить на разсмотрѣніе будущихъ парижскихъ конференцій, не только не былъ, но и не могъ быть обсуждаемъ здѣсь, по той уже причинѣ, что въ Компьенѣ было много постороннихъ лицъ, приглашенныхъ императоромъ.

Какъ бы то ни было, но такія увѣренія газетъ суть не болѣе какъ уловка, которую употребили онѣ, чтобы скрыть свою первую оплошность. Если вопросъ о княжествахъ не былъ предметомъ официальныхъ сообщеній, то во всякомъ случаѣ онъ былъ предметомъ домашнихъ, такъ сказать, переговоровъ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неестественнаго. Стоитъ только вспомнить, что большая часть рѣшеній великихъ европейскихъ вопросовъ нынѣшняго вѣка, были подготовлены на такихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ, а потомъ уже поступали на общее разсмотрѣніе конгрессовъ и конференцій. Весьма естественно, что въ Компьенѣ были подготовлены нѣкоторые пункты взаимнаго соглашенія, окончательное рѣшеніе которыхъ все-таки зависить отъ парижскихъ конференцій.

Датско-голштейнскій вопросъ пока не подвинулся много впередъ.

Въ тотъ же день, какъ перенесено было на общій германскій сеймъ дѣло о герцогствахъ, о чемъ сообщали мы нашимъ читателямъ въ прошломъ обзорѣ, Ганноверъ сдѣлалъ два представленія, изъ которыхъ въ одномъ предлагаетъ поручить разсмотрѣніе этого дѣла особой комиссіей, а во второмъ не считать мѣръ, принятыхъ Даніей, обязательными ни для самого сейма, ни для княжествъ, ибо такое обязательство противорѣчило бы какъ правамъ федераціи, такъ и всѣмъ бывшимъ трактатамъ. Согласно съ этимъ представленіемъ, наряжена была въ засѣданіи 12 ноября особая комиссія, которая поручила баварскому представителю взять на себя редакцію ея рапорта. Промежуткомъ времени отъ 12 до 19 воспользовалась комиссія для составленія своего перваго рапорта, который и былъ представленъ въ засѣданіи 19 числа. Согласно съ заключеніемъ этого послѣдняго, германскій сеймъ положилъ вытребовать отъ Даніи отвѣтъ на представленіе Лауэнбурга; этотъ отвѣтъ долженъ быть приобщенъ къ тѣмъ матеріаламъ, которые послужатъ основаніемъ для окончательнаго рѣшенія комиссіи. Если все сооб-

щаемое о дѣятельности комиссіи и сейма, вполнѣ подтвердится, то Германію можно будетъ поздравить хотя съ нѣкоторымъ началомъ этого дѣла. Въ дополненіе къ этимъ извѣстіямъ можно приложить отзывъ англійскаго консула въ Лейпцигѣ Варда, сообщаемый копенгагенскимъ корреспондентомъ газеты *Aftonblad*. Этотъ консулъ былъ посланъ лордомъ Кларендономъ въ герцогства для разсмотрѣнія положенія, въ которомъ находятся эти послѣднія. Онъ представилъ въ особомъ сочиненіи результаты своей поѣздки. Вардъ предлагаетъ три возможныхъ рѣшенія запутаннаго датскаго вопроса: 1) Данія до рѣки Эйдера, или отдѣленіе Голштиніи и Лауэнбурга отъ всего королевства; 2) раздѣленіе Шлезвига; это старый проектъ лорда Пальмерстона; 3) Шлезвигъ-Голштейнъ, какъ одно отдѣльное государство. Первое изъ этихъ рѣшеній онъ самъ отвергаетъ какъ несогласное съ практикою; послѣднія два онъ предлагаетъ на выборъ англійскимъ министрамъ. Бухананъ, англійскій министръ въ Копенгагенѣ, которому вручилъ Вардъ свое мнѣніе, равно какъ и другіе агенты Англии, находящіеся здѣсь и принадлежащіе къ противникамъ партіи эйдерской, единогласно подали свои мнѣнія противъ образованія Эйдерскаго государства.

Не сходя съ германской почвы, мы должны упомянуть еще объ открытіи палатъ въ Дрезденѣ 16 числа нынѣшняго мѣсяца. Король, лично присутствовавшій при этомъ открытіи, произнесъ торжественную рѣчь, въ которой живо представилъ положеніе Германіи вообще и Саксоніи въ особенности въ послѣднее время, по окончаніи всеобщей войны; указалъ на признаки обнаружившагося сближенія отдѣльныхъ членовъ Германскаго Союза; сказалъ о нѣкоторыхъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ послѣднее время, и заключилъ свою рѣчь такими словами: горячее участіе, которое принималъ народъ какъ въ общихъ событіяхъ государства, такъ и въ монхъ домашнихъ происшествіяхъ, служить для меня прекраснымъ доказательствомъ того, что всѣ семейныя дѣла королевскаго дома онъ считаетъ, какъ и прежде, для себя близкими. Да поможетъ вамъ Богъ рѣшить предстоящую вамъ трудную задачу такъ, какъ требуетъ того благосостояніе нашего отечества.

Вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ остается передовымъ вопросомъ европейской политики. Мы видѣли уже, къ какимъ толкамъ онъ подалъ поводъ во Франціи по случаю компенскаго совѣщанія министровъ; на другомъ концѣ Европы онъ послужилъ предметомъ цѣлаго ряда интригъ со стороны Австріи. Мы сообщимъ здѣсь ложныя опасенія, распускаемыя австрійскими газетами, которыя всѣми мѣрами стараются оправдать поведеніе Порты относительно княжествъ и поставить на видъ необходимость вооруженнаго вмѣшательства ея. Послѣднія извѣстія изъ Яссы и Бухареста, сказано въ одной изъ нихъ, такъ важны для Порты, что эта послѣдняя вынуждена принять энергическія мѣры для

огражденія правъ султана и поддержанія общественнаго порядка въ самыхъ княжествахъ. *Говорятъ, что диваны Яссъ и Бухареста имѣютъ намѣреніе установить провизорное правительство въ обонихъ Дунайскихъ княжествахъ.* Такой поступокъ былъ бы для Порты сигналомъ къ вооруженному занятію Молдавіи и Валахіи. Уже за вѣрное выдавали, что походъ Омера-паши къ Багдаду отмѣняется, и что онъ самъ получаетъ начальство надъ обсервационнымъ корпусомъ, который будетъ находиться въ областяхъ, прилежащихъ къ нижнему Дунаю, и двинется въ Дунайскія княжества немедленно по полученіи на то приказанія. Исмаилъ-паша, сераскиръ Румелии, утверждали дадѣе тѣ же газеты, будетъ имѣть главную квартиру въ Монастирѣ и займетъ позицію на границахъ Черногоріи, чтобы положить конецъ притязаніямъ князя Даниила. Такія извѣстія австрійскихъ газетъ сами изобличаютъ себя своею неправдою. Впервыхъ проектъ о составленіи провизорнаго правительства лишень всякаго дѣйствительнаго основанія; сама газета, распускающая такіе слухи, какъ бы не увѣрена въ ихъ дѣйствительности и свою апологію Порты замаскировала словомъ «говорятъ». Поведеніе дивановъ до сихъ поръ было всегда благоразумно и умѣренно, и можно надѣяться, что и на будущее время они удержатся на пути, предписываемомъ строгою законностью, чтобы не попасть въ засаду, такъ неуклюже подготовленную имъ агентами австрійскими. Положимъ даже, что Румыны, отличающіеся безпокойнымъ и нѣсколько страстнымъ характеромъ, на самомъ дѣлѣ увлеклись до того, что рѣшились на возстаніе, то и въ такомъ случаѣ Порта не имѣетъ права вооруженнаго вмѣшательства и не можетъ занять княжествъ, не получивъ на то согласія дворовъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. 27 статья договора, не требующая никакихъ комментаріевъ, прямо и ясно опредѣляетъ эти отношенія. Она говоритъ: *Вооруженное вмѣшательство не можетъ имѣть ни въ какомъ случаѣ мѣста безъ предварительнаго согласія другихъ державъ.* Во всякомъ случаѣ, какъ бы мало уваженія ни обнаруживала Австрія къ статьямъ парижскаго трактата, она должна отказать отъ своей интриги противъ княжествъ, или считаться нарушительницею трактата 30 марта. Что касается до Порты, то она начала играть въ слишкомъ опасную для себя игру. Видно, что этой интригою оба правительства стараются перетолковать и преувеличить всякое ничтожное движеніе въ княжествахъ и воспользоваться имъ. Но врядъ ли удастся имъ такая интрига.

Новое министерство въ Испаніи начинаетъ понемногу опредѣляться и обнаруживать признаки жизни. Генералъ Бустильо, морской министръ, выказываетъ дѣятельность болѣе другихъ. Онъ внесъ нѣкоторыя полезныя измѣненія въ управленіе своимъ департаментомъ, упростивъ дѣлопроизводство. Увѣряютъ, что министръ финансовъ Монъ также принимается за нѣкоторыя преобразованія по своей отрасли

управленія. Вообще политика кабинета высказывается все болѣе и болѣе. Выборъ гражданскихъ губернаторовъ въ различные департаменты показываетъ, что министерство думаетъ примирить крайности различныхъ партій—планъ, не удавшійся ни одному кабинету. Между новоизбранными губернаторами можно видѣть много лицъ, принадлежащихъ къ той части умѣренной партіи, которая въ 1854 году подняла знамя возмущенія, то-есть къ викальваризму. Большинство принадлежитъ къ консервативной партіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ вообще можно сказать, что выборъ сдѣланъ удачно.

Кризисъ финансовый продолжается, и потому повсюду принимаются мѣры для предотвращенія недостатка звонкой монеты въ обращеніи.

Положеніе англійскаго банка значительно улучшилось. Мы уже упоминали о томъ, что онъ увеличилъ обороты свои, выпустивъ вновь билетовъ на 4,000,000 ф. ст. По закону 1844 года, определяющему размѣры его оборотовъ, онъ можетъ выпускать ихъ на 14 милл., имѣя только третью часть этой суммы звонкою монетою для размѣна ихъ. Остальное количество ихъ, превышающее сумму 14 милл., должно быть обезпечено наличною монетою. Это-то послѣднее постановленіе и было отмѣнено при настоящемъ кризисѣ, такъ что теперь обороты его простирзуются до 30 милл. ф. ст. Векселей къ учету поступаетъ много, но за то много и уплачивается по нимъ, такъ что банкъ не стѣсненъ въ своихъ операціяхъ. Запасъ звонкой монеты въ послѣднее время уменьшился; потому что отправлено было значительное количество ея въ провинціальныя банки.

На биржѣ мало колебаній; но за то банкротства продолжаютъ; въ промышленности застой; съ фабрикъ распущено много работниковъ. Въ Нотингэмѣ они держали митингъ, послѣ котораго наиболѣе несчастные между ними произвели сматеніе въ городѣ; сдѣлано было нѣсколько попытокъ разграбить богатѣйшіе магазины. Особенно сильнымъ нападеніямъ подвергались хлѣбныя лавки. Меръ города объявилъ, что правительство доставитъ сильнымъ работу, а слабымъ денежное вспоможеніе. Подобнаго рода волненія происходили и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Во Франціи дѣла точно въ такомъ же положеніи; на биржѣ колебаній мало; но банкротства продолжаютъ. Мы уже упоминали въ прошломъ номерѣ Русскаго Вѣстника о письмѣ императора, въ которомъ онъ обѣщалъ принять энергическія мѣры противъ угрожающаго кризиса. Въ настоящее время эти мѣры пока состоятъ въ слѣдующемъ: Нужно, чтобы работы на желѣзныхъ дорогахъ не останавливались; правительство желаетъ, чтобы банкъ ссудилъ компаніямъ сумму въ 250 милл. франковъ подъ залогъ ихъ акцій, которыя онъ можетъ пускать въ продажу по мѣрѣ надобности. На первый разъ будетъ имъ выдана только пятая часть всего займа.

Затруднительность положенія чувствуется вездѣ, но особенно сильно проявляется въ главнѣйшихъ центрахъ всемірной торговли. Изъ торговыхъ нѣмецкихъ городовъ кризисъ всего болѣе обнаруживается въ Гамбургѣ. Тамъ начинается чувствоваться отсутствіе всякаго кредита; обязательства торговыхъ домовъ наиболѣе почтенныхъ не принимаются къ учету. Сюда является особенно много векселей на Лондонъ изъ Швеціи. Гамбургъ всегда былъ посредникомъ въ торговлѣ Швеціи и Норвегіи съ Англійей. Гамбургскіе банкиры уплачивали обязательства, получаемыя шведскими торговыми домами отъ англійскихъ. Теперь протестованные векселя, говорятъ, совершенно наводнили Гамбургъ.

Что же касается до мелкихъ германскихъ банковъ, положеніе ихъ не улучшилось и врядъ ли можетъ улучшиться. Одно изъ главныхъ постановленій франкфуртскихъ конференцій было то, чтобы банки не выпускали билетовъ свыше фонда, служащаго обезпеченіемъ ихъ билетовъ. Но это постановленіе не можетъ увеличить довѣрія къ нимъ публики. Сумма ихъ билетовъ далеко не достигаетъ величины фонда обезпечивающаго ихъ. Въ 1856 году она простиралась до 31 милл., между тѣмъ какъ фондъ ихъ равнялся 42 милл. тал. Стало-быть многіе изъ нихъ совершенно лишніе и не были вызваны къ существованію никакою дѣйствительною потребностію.

Кромѣ финансоваго кризиса Германію посѣтило еще другое несчастіе. Сильно пострадалъ одинъ изъ большихъ ея городовъ. Въ Майнцѣ произошла страшная катастрофа. Взлетѣла на воздухъ башня, въ которой сохранялось отъ 150 до 200 центнеровъ пороху. Нѣсколько улицъ совершенно разрушены; подъ развалинами домовъ погребены сотни труповъ. Обломки камней носились въ воздухѣ; падая на землю, поражали людей, пробивали крыши и убивали людей въ домахъ. Отъ сильнаго потрясенія въ окнахъ перетрескались всѣ стекла; въ комнатахъ попадали картины и зеркала со стѣнъ. Причина взрыва неизвѣстна. Говорятъ, что въ лабораторіи, которая находилась тутъ же, не работали, и что въ ней даже никого и не было. Слѣдовательно, порохъ загорѣлся самъ собою.

Высочайше утвержденнымъ 21-го октября мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено, что отнынѣ присяга на вѣрность службы приносится чинами военными и гражданскими только при вступленіи ихъ первоначально въ службу и при поступленіи на оную вновь изъ отставки; при производствѣ же въ чины и при назначеніи на новыя мѣста, или въ другія должности, она не повторяется. Сія правила не

распространяются токмо на тѣ должности и званія служебныя и не-служебныя, для коихъ дѣйствующими законами положительно установлены особыя клятвенныя обѣщанія, каковы суть: должности и званія членовъ государственнаго совѣта и чиновниковъ государственной канцеляріи, почетныхъ опекуновъ опекунскихъ совѣтовъ, членовъ военно-судныхъ комиссій и прочія; лица, назначаемыя въ сіи званія, приводятся къ присягѣ, по опредѣленнымъ для того формамъ, сообразно съ настоящимъ порядкомъ, кромѣ однакожъ чиновъ межевыхъ, которые при поступленіи на службу даютъ присягу по общей для гражданскаго вѣдомства опредѣленной формѣ, а къ присягѣ по особой, приложенной къ ст. 278-й Свода Законовъ Межевыхъ, формѣ приводятся лишь вторые члены межевыхъ конторъ въ указанныхъ сею статьею случаяхъ, именно когда на нихъ, возлагаются обязанности опекуновъ при межеваніи дачъ малолѣтнихъ.

— Назначены: членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Груберъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Исправляющій должность кутаисскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частію, состоящій по армейской кавалеріи, генераль-майоръ Колюбакинъ 2-й — управляющимъ Мингрелію и предсѣдателемъ учрежденнаго для управленія оною совѣта.

Господинъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ изволилъ отдать въ Тифлисъ слѣдующіе приказы по корпусу:

Октября 23-го. «Одинъ изъ владѣльцевъ Сванетіи, гвардіи ротмистръ князь Константинъ Дадешкаліанъ, за нанесеніе тяжкихъ ранъ кутаисскому генераль-губернатору, генераль-лейтенанту князю Гагарину, и убійство при этомъ же случаѣ титулярнаго совѣтника Ильина и переводчика прапорщика Арди-Швили, предается военному суду, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, при кутаисскомъ гарнизонѣ, съ содержаніемъ подъ арестомъ, съ тѣмъ, чтобы судъ былъ конченъ въ 24 часа.

«О чемъ объявляю по войскамъ Высочайше вѣреннаго мнѣ корпуса.»

Октября 31-го. «Одинъ изъ сванетскихъ владѣльцевъ, гвардіи ротмистръ князь Дадешкаліанъ, по произведенному надъ нимъ военно-судному дѣлу, оказался виновнымъ: въ убійствѣ кутаисскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта князя Гагарина, состоявшаго при немъ чиновника особыхъ порученій, титулярнаго совѣтника Ильина и прапорщика Арди-Швили, а также въ нанесеніи раны повару князя Гагарина Клирову. — А потому я конфирмовалъ: подсудимаго князя Дадешкаліана казнить смертію—разстрѣлять, совершивъ казнь эту въ г. Кутаисѣ, съ соблюденіемъ предписанныхъ въ законѣ правилъ.

«Объявляя по войскамъ Высочайше вѣреннаго мнѣ корпуса, пред-

писываю приказъ этотъ прочесть при собраніи ротъ, батарей, эскадроновъ, казачьихъ сотень и другихъ отдѣльныхъ командъ.»

Октября 28-го происходилъ въ Кутаисѣ обрядъ погребенія тѣла князя Александра Ивановича Гагарина. 20-го октября пораженный тремя ударами кинжала убіицы, въ собственномъ своемъ кабинетѣ, гдѣ занимался дѣлами, князь скончался, послѣ жестокихъ страданій, 25-го числа, въ 5 часовъ пополудни. Никакія усилія науки не могли спасти его жизни.

Праха начальника провожали до мѣста вѣчнаго покоя не одни жители города. Извѣщаютъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ частей Имеретіи, Гуріи и Мингрелии, князя, дворяне и люди всѣхъ сословій съѣхались, чтобы отдать послѣдній долгъ браннымъ останкамъ князя.

— Для развитія торговли и промышленности на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря, учрежденъ при Петровской крѣпости портовый городъ Петровскъ, и дарованы нѣкоторыя льготы и преимущества лицамъ, желающимъ тамъ селиться.

— Заимствуемъ изъ «Морскаго Сборника» краткія извѣстія объ успѣхахъ Николаевского порта на устьѣ рѣки Амура.

По 6-е іюля 1857 года, въ Николаевскѣ, было въ приходѣ шесть судовъ съ товарами: два изъ Бостона: барки «Берингъ» въ 376 тоннъ и «Мессенджеръ-бергъ» въ 418 тоннъ; два изъ Гонъ-Кона, барка «Бернгамъ» въ 247 тоннъ, и шкуна «Дженераль-Пирсъ» въ 114 т., два изъ Санъ-Франсиско, шкуна «Люисъ-Перри» въ 130 тоннъ, и тендеръ «Камчадалъ». На всѣхъ привезены съѣстные припасы, мануфактурныя издѣлія и колоніальные товары, цѣною по фактурамъ на 382,090 р. с.

Для сообщенія съ внутренностью материка принимаются также дѣятельныя мѣры.

Ноября 18-го 1856 г., въ первый разъ раздался на Амурѣ звонъ почтового колокольчика: г. военный губернаторъ, контръ-адмиралъ Казакевичъ, съ нѣкоторыми лицами штаба своего, выѣхалъ на трехъ тройкахъ изъ Николаевского поста въ Маринскій постъ. Конная ѣзда тройками, явленіе небывалое еще на р. Амурѣ, привлекало туземцевъ къ нашимъ почтовымъ станціямъ (1); быстрая перемѣна лошадей, а еще болѣе самая ѣзда, говорятъ, сдѣлали на этотъ разъ всегда смѣлыхъ Гиляковъ крайне-почтительными; они не могли себя представить, чтобы можно было доѣхать отъ Чорбахъ (Николаевскій постъ) до Кизи (Маринскій постъ) съ небольшимъ въ сутки. По возвращеніи г. военного губернатора въ Николаевскій постъ, началось правильное зимнее сообщеніе по р. Амуру, на пространствѣ 320 верстъ отъ устья (1).

(1) До сего времени сообщеніе совершалось на собакахъ; станцій не было, и проѣзжающіе останавливались въ гиляцкихъ юртахъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года на американскомъ купеческомъ клиперѣ «Еигора» были доставлены въ Николаевскій постъ, два желѣзныхъ разборныхъ парохода, одинъ въ 66, другой въ 35 силъ (они названы «Амуръ» и «Лена») и нѣсколько станковъ для механическаго заведенія. Въ теченіе зимы пароходы были собраны, и, мая 21-го пароходъ «Лена» спущенъ на воду, а 25-го числа уже пошелъ съ почтою и небольшимъ грузомъ купеческихъ товаровъ въ Маринскій постъ. Мая 31-го утромъ пароходъ «Лена» оставилъ рейдъ Маринскаго поста, имѣя назначеніе доставить почту, купеческій грузъ и 40 солдатъ въ Усть-Стрѣлочный караулъ, находящійся въ самой вершинѣ р. Амуръ, при слияніи рѣкъ Шилки и Аргуни. До сего времени по теченію р. Амура проходили въ полную воду: пароходъ «Аргунь», выстроенный на р. Шилкѣ, и паровой катеръ «Надежда», который въ 1855 году могъ подняться вверхъ только до рѣки Буринда, впадающей въ Амуръ недалеко отъ Албазина; обыкновенное сообщеніе по теченію рѣки было на баркахъ, плотахъ и лодкахъ маньчжурской постройки, а вверхъ по рѣкѣ только на маньчжурскихъ лодкахъ, преимущественно бичевою. Пароходъ «Лена» первый пароходъ, успѣшно поднявшійся въ малую воду вверхъ по рѣкѣ отъ Николаевскаго поста до рѣки Шилки, то-есть до самой вершины р. Амуръ. Пароходъ этотъ въ первомъ плаваніи своемъ углублялся $3\frac{1}{2}$ фута и сдѣлалъ переходъ на разстояніи 3,000 верстъ въ 30 дней; плаваніе это было продолжительно, потому что не было сдѣлано еще на пути запаса топлива, отчего необходимо было останавливаться болѣе нежели на сутки для рубки дровъ судовыми средствами, и затѣмъ, сдѣлавъ запасъ ихъ на трое сутокъ, пароходъ имѣлъ постоянно пару вдвое менѣе надлежащаго, ибо дрова были совсѣмъ сырыя. Съ этихъ поръ началось правильное лѣтнее сообщеніе на всемъ протяженіи р. Амуръ отъ устья до вершины. Въ семъ году сообщеніе по рѣкѣ содержали казенные пароходы «Лена» и «Амуръ»; съ будущаго же года число пароходовъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности, и съ этою цѣлю уже заказано въ Америкѣ нѣсколько желѣзныхъ пароходовъ, которые будутъ доставлены на р. Амуръ въ слѣдующую навигацію. Открытіе правильного сообщенія по р. Амуру и болѣе подробное ознакомленіе съ лиманомъ ея, по которому проходятъ суда въ рѣку съ Тихаго Океана и Охотскаго моря, быстро и совсѣмъ измѣнили бытъ служащихъ въ томъ краѣ: все необходимое доставляется нынѣ изъ Забайкальской Области и изъ Америки, за довольно-умѣренную цѣну. Хлѣбъ, чай, рогатый скотъ, домашнія птицы, лошади, кожи, табакъ Черкасскій, водка, овчинныя шубы, сукно, овицерскія вещи

(1) На остальномъ пространствѣ отъ Маринскаго поста до Усть-Стрѣлочнаго караула, станціи устраиваются.

и многіе другіе подобныя предметы доставляются по рѣкѣ изъ Сибири; бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи, готовое гражданское платье, сапоги, бѣлье, мѣдныя и желѣзныя вещи, посуда кухонная и столовая, хрусталь, мебель, пряности, сахаръ, патока, виноградныя вина, презервованныя фрукты, сигары, и проч. т. п. изъ Америки, и въ такомъ количествѣ, что въ нынѣшнемъ году, отъ избытка нѣкоторыхъ завезенныхъ въ Николаевскій портъ предметовъ торговли, уже сдѣланъ первый опытъ обмѣна товаровъ между нашими русскими купцами и Американцами; такъ наша забайкальская солонина вывезена Американцами на продажу въ порты Тихаго Океана, а американскій сахаръ и сигары доставлены въ Иркутскъ. Туземцы, съ своей стороны, снабжаютъ Русскихъ свѣжею рыбою, дикими гусями и утками, куропатками, рябчиками и лѣсными ягодами, какъ-то: морошкою, брусникою, клюквою, голубицею, малиною и земляникою; огородныя овощи разводятся на мѣстѣ, какъ русскими переселенцами, такъ и служащими въ томъ краѣ, и въ настоящее время многіе уже составляютъ запасы овощей на всю зиму.

— Гвардіи капитану Геннадію Николаевичу Львову разрѣшено устроить пассажирно-буксирное пароходство на рѣкахъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ. Главнѣйшимъ образомъ учредитель имѣлъ въ виду, посредствомъ рѣкъ Москвы и Оки, открыть пароходное сообщеніе между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, соединить и сблизить два эти города, столь важныя и въ торговомъ, и въ народномъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединить посредствомъ пароходовъ и Москву съ Волгою, а также замѣнить нынѣ существующій способъ доставки груза посредствомъ барокъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, а иногда и людьми-бурлаками. Нѣтъ сомнѣнія, что пароходство по Москвѣ и Окѣ можетъ имѣть огромное вліяніе и на пониженіе цѣнъ на дрова въ столицѣ, открывая возможность доставлять ихъ изъ болѣе далекихъ мѣстъ съ меньшимъ затрудненіемъ.

Учредителемъ пароходства по Москвѣ и Окѣ уже заказано нѣсколько пароходовъ и необходимое къ нимъ число баржъ, и одинъ изъ этихъ пароходовъ, сдѣланный въ Петербургѣ, на заводѣ Томсона, и предназначенный исключительно для города Москвы, въ началѣ сентября былъ доставленъ въ Москву по желѣзной дорогѣ, собранъ здѣсь, и, по сборѣ корпуса, 10-го октября, спущенъ на Москву рѣку близъ Краснохолмскаго моста.

Какъ рѣка Москва по мелководью не дозволяетъ имѣть пароходы, сидящіе глубоко, то нужно было дать пароходному корпусу такое очертаніе, чтобы онъ, поднимая извѣстный грузъ, имѣлъ наименьшую осадку. Этотъ вопросъ, какъ можно судить по осадкѣ (въ 2 $\frac{1}{2}$ вершка) нынѣ спущеннаго въ воду парохода (безъ машины), удовлетворительно разрѣшенъ, такъ что, съ постановкою машины и котла, осадка парохода будетъ такова, что плаваніе по рѣкѣ Москвѣ будетъ возможно. Спущенный на воду пароходъ предназначается для

машины въ 30 силъ, длина парохода $18\frac{1}{2}$ саж., ширина 2 саж.; внутри будутъ устроены каюты, весьма удобныя для помѣщенія пассажировъ.

— Журналъ Акціонеровъ представляетъ слѣдующій списокъ вновь проектированныхъ обществъ, которыя будутъ имѣть цѣлью улучшение способовъ сообщенія и средствъ къ перевозкѣ: 1) Общество пароходства по Каспійскому морю и Курѣ; 2) Общество желѣзной дороги отъ Рыбинска до станціи Бологое; 3) Общество вольныхъ почтъ по всей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго, Закавказья, Лифляндской и Эстляндской губерній, предполагающее соединить съ учрежденіемъ почтовой гонимы промышленности извоза, съ капиталомъ отъ 10 до 30 милл. р. сер.; 4) Общество пассажирнаго и буксирнаго пароходства по рр. Шекснѣ, Волгѣ, Окѣ, Камѣ и ихъ притокамъ, подъ фирмою «Наяда», съ капиталомъ въ 500 тыс. р. сер.; 5) Общество пароходнаго сообщенія по Ладожскому и Онежскому озерамъ съ ихъ притоками, преимущественно по рр. Невѣ и Свирѣ, а равно по рр. Шекснѣ и Волгѣ, подъ фирмою «Сѣверное пароходство», съ капиталомъ въ 1 милл. р. сер.; 6) Общество для перевозки пассажировъ и буксированія судовъ по рр. Волгѣ, Камѣ и Шекснѣ, подъ фирмою «Нептунъ», съ капиталомъ въ $1\frac{1}{2}$ милл. р. сер.; 7) подъ тою же фирмою Общество для усиленія пароходнаго сообщенія по рѣкамъ Волгѣ, Окѣ и Камѣ и ихъ притокамъ, съ капиталомъ въ 100 тыс. руб. сер.; 8) Общество пароходства по р. Днѣстру, съ капиталомъ въ 250 тыс. рубл. сер.; 9) Общество пассажирнаго и буксирнаго пароходства по рр. Сѣверной Двинѣ, Сухонѣ, Югу, Лузѣ и Вычегдѣ. Учредители, вслѣдствіе составившагося другаго подобнаго проекта, въ видахъ общей пользы, согласились соединиться въ одно общество, подъ фирмою «Сѣверная Двина», съ капиталомъ въ 450 тыс. р. сер.; 10) Общество для перевозки изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ и обратно грузовъ посредствомъ пароходовъ и судовъ, подъ фирмою «Транзитъ», съ капиталомъ въ 300 тыс. р. сер.; 11) Общество пароходства по р. Днѣпру съ притоками, между г. Могилевомъ и Кременчугомъ, съ капиталомъ въ 500 тыс. р. сер. Рѣка Днѣпръ и ея главные притоки, Березина и Припеть, представляютъ естественные пути для сбыта мѣстныхъ продуктовъ и для доставки необходимыхъ потребностей почти для всѣхъ губерній югозападной Россіи. Несмотря на всѣ трудности и крайнюю медленность, съ которыми въ настоящее время сопряженъ провозъ грузовъ по этимъ рѣкамъ, перевозится по нимъ товаровъ ежегодно на сумму 12,500,000 руб. сер.; въ томъ числѣ одной соли до 3 милл. пудовъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Въ послѣдніе дни получены съ разныхъ сторонъ весьма любопытныя и важныя извѣстія. Но какъ они дошли до насъ пока только телеграфическимъ путемъ, то мы и не можемъ воспользоваться ими для нашей лѣтописи. Повторимъ ихъ пока вслѣдъ за газетами въ краткомъ видѣ.

— Самую капитальную новость составляетъ открытіе засѣданій англійскаго парламента. Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю, королева коснулась всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ, занимающихъ въ настоящее время общее мнѣніе въ Англии. Прежде всего парламенту представленъ будетъ билль о облеченіи въ законную силу тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, которыя были приняты министерствомъ вслѣдствіе кризиса. Упомянуто о послѣднихъ успѣхахъ англійскихъ войскъ въ Индіи, и выражена надежда, что прибытіе подкрѣпленій положитъ скорый конецъ возстанію. На разсмотрѣніе парламента представлены будутъ бумаги, относящіяся къ индійскимъ дѣламъ. Наконецъ упомянуто также о возможныхъ перемѣнахъ въ той части англійскаго законодательства, которая относится къ избранію народныхъ представителей. Вотъ уже сколько новаго и чрезвычайно-важнаго матеріала для законодательной дѣятельности парламента! О засѣданіи, происходившемъ въ ночи съ 4-го на 5-е декабря, также получены краткія извѣстія. Парламентъ утвердилъ министерское распоряженіе въ пользу англійскаго банка. Пальмерстонъ объявилъ, что начатыя съ Австріею переговоры объ устройствѣ телеграфическаго сообщенія до Средиземнаго моря и отсюда до Индіи, прерваны со стороны Англии. По словамъ того же министра, задержаніе въ Неаполѣ двухъ англійскихъ механиковъ, бывшихъ на пароходѣ Кальяри, не можетъ послужить предлогомъ ко вмѣшательству. Они содержатся хорошо, и имъ не будетъ отказано въ помощи адвокатовъ.

— Засѣданія французскаго законодательнаго собранія открылись еще нѣсколькими днями прежде. Всѣ впрочемъ согласны въ томъ, что отъ того они нисколько не выиграли въ важности. Рѣчь президента посвящена была изображенію блеска и величія Франціи въ трудныхъ обстоятельствахъ и, говорятъ, имѣла успѣхъ. Изъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, выбранныхъ въ законодательное собраніе, Оливье, Даримонъ и Генонъ привли присягу, а Карно съ Гудшо отказались дать ее, на прежнихъ основаніяхъ. За исключеніемъ этого обстоятельства, въ засѣданіяхъ почтеннаго собранія до сихъ поръ не произошло ничего замѣчательнаго.

— Однимъ изъ послѣднихъ распоряженій французскаго правительства столько извѣстная газета *Presse* запрещена впредь на два мѣсяца. Ее обвиняютъ въ какихъ-то возгласахъ къ демократическимъ страстямъ. Такимъ образомъ во французской публицистикѣ стало на нѣкоторое время однимъ независимымъ органомъ еще менѣе.

— Королевское семейство въ Испаніи увеличилось прибавленіемъ сына и наследника. Это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что до сихъ поръ королевъ не доставало наследника, и титуло, обыкновенно соединяющееся съ его званіемъ, носила до сего времени ея старшая дочь. Теперь оно по праву должно перейти къ сыну.

— Въ Мексикѣ произведенъ очень важный политическій переворотъ: президентъ республики Комонфортъ провозглашенъ диктаторомъ. Говорятъ, будто правительство вынуждено было на этотъ шагъ интригами мѣстнаго духовенства, которымъ будто бы не совсѣмъ чужда была и Испанія.

— Извѣстный сѣвероамериканскій предводитель флибустьеровъ, Уокеръ, недавно захваченный вашингтонскимъ правительствомъ и получившій опять свободу лишь вслѣдствіе представленнаго денежнаго обезпеченія, вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ изъ Нью-Орлеана, и добравшись до парохода, который дожидался его въ открытомъ морѣ, отправился вмѣстѣ съ 300 или 400 вновь набранныхъ флибустьеровъ къ обычной цѣли своихъ набѣговъ, то-есть къ Никарагуѣ. Нельзя не пожалѣть объ этой бѣдной республикѣ: она опять должна принимать у себя незваныхъ гостей, которые идутъ разорять ее, чтобы потомъ сдѣлаться ея властителями!

— Очень важная депеша получена изъ Гамбурга. Собраніе гражданъ положило ссудить учетному банку 15 милліоновъ марокъ. Въ распоряженіе банка на другой же день должны поступить на 5 милліоновъ марокъ акцій желѣзныхъ дорогъ изъ Берлина въ Гамбургъ и изъ Гамбурга въ Бергсдорфъ, а для полученія остальныхъ 10 милліоновъ серебряною монетою въ скорѣйшемъ времени ведутся уже дѣятельные переговоры въ чужихъ краяхъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Dernières Chansons de P. I. de Béranger. Paris, 1857.

Съ особеннымъ чувствомъ приступаемъ мы обыкновенно къ посмертнымъ твореніямъ любимаго писателя. Въ этомъ чувствѣ есть и любопытство, и благоговѣніе, и тревожное ожиданіе. Намъ невольно кажется, что мы услышимъ торжественный голосъ, уже звучащій изъ иного міра, слова превыше шумной и страстной рѣчи людей; мы невольно ожидаемъ, что намъ скажется самая душа поэта, это загадочное существо, скрывавшееся до сихъ поръ отъ насъ за его созданіями. Но не таково чувство, съ которымъ мы открыли книгу, лежащую передъ нами. Всегда и вездѣ, и среди шумныхъ увлеченій молодости, и среди порывовъ политическихъ страстей, Беранже находилъ звуки чистые и глубокіе. Его голосъ всегда былъ пророческій голосъ поэта, поющаго для всѣхъ временъ и народовъ. Всегда и вездѣ, сквозь звонкій кристаллъ его стиховъ, сіяла невозмутимая чистота его души. Въ его жизни, въ его творчествѣ нѣтъ темныхъ, загадочныхъ сторонъ. Мы всѣ давно знаемъ и любимъ его.

Но тѣмъ полнѣе настроеніе, съ которымъ мы читаемъ эти посмертныя стихотворенія. Медленно перевортываемъ мы страницу за страницю. Это послѣднее свиданіе съ стариннымъ, испытаннымъ другомъ. Это послѣдніе звуки того голоса, который всегда будилъ въ насъ энтузіазмъ и любовь, который и теперь, мы это знаемъ, принесъ намъ высокія и чистыя пѣсни.

Да, это пѣсни того же Беранже, того же сильнаго и тонкаго, величаваго и милаго поэта. Та же ширина и благородство содержанія, та же сила и грація формы. Но въ всей книгѣ лежитъ задумчивый и величавый отблескъ заката, тотъ вечерній колоритъ, который придаетъ такую особенную прелесть старческимъ произведеніямъ великихъ талантовъ. Рѣже слышатся въ этихъ послѣднихъ пѣсняхъ Беранже прежніе блестящіе звуки веселья, чаще встрѣчаются модуляціи, исполненныя гармонической грусти. Рѣже встрѣчаются вспышки исключительно національнаго чувства, отзвуки на современныя случайности. Болѣе и болѣе углубляется поэтъ въ интересы, общіе

всѣмъ временамъ, всему человѣчеству. Торжественно вопрошаетъ онъ исторію и смотритъ впередъ, въ ту будущность, которой ужъ не увидать ему земными очами.

Чаще чѣмъ прежде, и съ особенною любовью, обращается старѣющій поэтъ къ вѣчно-юной природѣ. Пѣнье птицъ и говоръ струй, шумъ лѣсовъ и таинственные звуки ночи, все, что въ прежнихъ его пѣсняхъ только издали вторило главному мотиву, выступаетъ впередъ, звучитъ слышнѣе и ближе, какъ осенью, когда прозрачный воздухъ исполненъ невозмутимой тишины...

Мы не станемъ говорить подробно о содержаніи этихъ посмертныхъ пѣсень. Многія изъ нихъ посвящены народнымъ сказаніямъ о Наполеонѣ, но большая часть движется въ чисто-лирической сферѣ, въ сферѣ невыразимыхъ прозою настроеній. О достоинствахъ формы также говорить нечего. Они слишкомъ извѣстны. Если мѣстами на стихъ еще видны слѣды работы, если кое-гдѣ отдѣлка доходитъ до преувеличенной тщательности, то эти чуть замѣтные слѣды старости исчезаютъ передъ красотами, въ которыхъ отражается вѣчно-юный геній поэта.

Но мы обратимъ вниманіе читателя на краткое предисловіе, въ которомъ поэтъ объясняетъ причины своего долгаго молчанія. Эти простые слова глубоко характеристичны не только для Беранже, но вообще для положенія поэтовъ и поэзіи въ наше время.

Беранже умолкъ для публики вскорѣ послѣ іюльской революціи. Его упрекали въ охлажденіи къ общественнымъ интересамъ, въ старческомъ эгоизмѣ. Но онъ продолжалъ молчать, и теперь сказалъ намъ почему.

Самыя блестящія политическія пѣсни Беранже возникли отъ 1815 до 1830 года. Это зависѣло не отъ личнаго вдохновенія поэта, но отъ самаго положенія Франціи въ это время. Партія, къ которой принадлежалъ поэтъ, была представительницею прогрессивныхъ стремленій тогдашняго міра. Оппозиціонныя пѣсни гениальнаго лирика приобрѣтали неудержимое, уничтожающее могущество. Клеймилъ ли онъ ѣдкою сатирой какой-нибудь беззаконный шагъ духовенства или аристократіи, министерства или полиціи, всемірность затронутыхъ интересовъ придавала его смѣху потрясающую силу, внушала ему сарказмы, отзывающіеся во всѣмъ мірѣ. Воспѣвалъ ли онъ съ величавымъ энтузіазмомъ надежды и стремленія своего времени, сознаніе всемірнаго сочувствія подымало его на высоту, доступную не всякому лиризму.

Но насталъ іюльскій переворотъ, и съ него начинается новый порядокъ вещей. Навремя улаженныя политическія противорѣчія отступаютъ на второй планъ, и все рѣзче и грознѣе обозначаются до тѣхъ поръ скрытые за ними соціальные вопросы. Эти вопросы тревожатъ всѣ мыслящія головы. Способъ ихъ рѣшенія становится ло-

зунгомъ новыхъ школъ и партій. Но эти школы, эти партіи находятся въ глубокомъ броженіи: безпрестанно распадаются онѣ, чтобы группироваться по новымъ планамъ. Это періодъ исканія и внутренней работы, который длится до сихъ поръ сквозь пестрый рядъ внѣшнихъ неудачъ, и будетъ еще длиться долго.

Беранже вполне постигъ характеръ новаго времени. Онъ видѣлъ всю важность процессовъ, совершающихся въ обществѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ условный и преходящій характеръ ученій и партій, размножавшихся и дробившихся вокругъ него. Онъ сочувствовалъ ихъ стремленіямъ и радовался ихъ дѣятельности, но ни одной изъ нихъ не далъ своего голоса. Пятый томъ его стихотвореній, появившійся въ 1833 году, поразилъ своимъ величавымъ колоритомъ и отсутствіемъ отзывовъ на политическіе вопросы непосредственной современности. Беранже былъ поэтъ, чтобы не понимать, что сила политической поэзіи лежитъ въ вѣчности и всемирности затронутыхъ ею интересовъ, слишкомъ политикъ, чтобы не видѣть, что шумящія вокругъ него партіи не выраженіе нуждъ и стремленій человечества, а только симптомы возрастающей ихъ силы.

Послѣдній томъ стихотвореній Беранже имѣлъ другую участь, чѣмъ прежніе. Онъ возбудилъ восторженную похвалу въ образованныхъ кругахъ общества. Но масса публики, не находя въ немъ того животрепещущаго à propos, который она привыкла искать въ его пѣсняхъ, осталась къ нему холодна.

Послѣ этого, Беранже умолкъ для публики; онъ видѣлъ, что отъ каждой изъ его пѣсень будутъ требовать непосредственной связи съ современными событіями, а эти событія были для него предметомъ пристального изученія и глубокихъ думъ, не лирическаго вдохновенія. И онъ сталъ откладывать свои пѣсни для посмертнаго изданія, гдѣ бы онѣ въ совокупности могли произвести дѣйствіе, котораго онъ не приписывалъ имъ въ отдѣльности. Только въ 1847 году, онъ сдѣлалъ исключеніе, и подарилъ своему издателю десять пѣсень изъ заветнаго собранія. Эти пѣсни, настоящіе перлы, вышли отдѣльною книжкой.

Но какъ ни наслаждался Беранже въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни своею популярностію, соединенною съ глубокою тишиною, въ которую удалось ему скрыться отъ ея утомительныхъ проявленій, это состояніе не могло удовлетворять его вполне. Онъ, который такъ долго былъ передовымъ бойцомъ въ общественныхъ столкновеніяхъ, глубоко тяготился своимъ бездѣйствіемъ. И вотъ имъ овладѣло то особенное чувство, которое проглядываетъ въ дѣятельности многихъ великихъ современныхъ писателей. Ему захотѣлось, бросивъ въ сторону безсильную поэзію, принести свою долю труда великому дѣлу организациі общества. Онъ придумывалъ полезное приложеніе своего литературнаго гения, принимался за сочиненія въ прозѣ

для образованія бѣдныхъ классовъ, за біографическіе очерки своихъ современниковъ. Въ его посмертныхъ пѣсняхъ неразъ проглядываетъ это стремленіе поэта къ непосредственно-полезной дѣятельности, эта строгость къ блестящимъ играмъ фантазій. Такъ, напримеръ, въ стихотвореніи: *les Ailes*:

. . . , ...
 . . . . .
 . . . . .

LE JEUNE HOMME.

Quoi! pour fuir ce globe de fange,
 Tes ailes ne t'ont point servi!
 Et contre toi, vieillard étrange,
 L'ire du ciel n'a pas sévi!
 Ligue moi ces ailes sublimes,
 Et jusqu' à Dieu mon vol atteint;
 Dussé-je, aux célestes abîmes
 Mourir sur un soleil éteint.

LE VIEILLARD.

J'ai jeté d'une main prudente
 Ces ailes au feu d'un brasier
 Et mis leur cendre fécondante
 Au pied d'un jeune cerisier.
 De mes jours je vais rendre compte.
 Le Très-Haut me sourit enfin.
 Adieu! Dans son sein je remonte
 Sur les ailes d'un séraphin.

Съ грустною улыбкою разказываетъ поэтъ, что эти опыты не удались, что художественная, поэтическая форма сдѣлалась для него необходимою принадлежностію всякаго умственного труда...

Но былъ ли правъ Беранже въ своемъ молчаніи, въ исканіи новой области общественной дѣятельности? Намъ кажется, что нѣтъ. Великій художникъ не оцѣнялъ по достоинству важной роли, предназначенной искусству въ будущей организаціи общества. Тутъ не мѣсто распространяться о значеніи художественныхъ элементовъ въ жизни, о томъ, что только они могутъ побѣдить грубую жадность до чувственныхъ удовольствій, до роскоши, до стяжанія, господствующую въ среднихъ слояхъ общества. Но всякій согласится, что поэтъ, сумѣвшій языкомъ народа выразить самыя высокія и чистыя стремленія челоуѣчества, поэтъ, разливающий бѣднымъ и безграмотнымъ тотъ тонкій нектаръ поэзій, которымъ до сихъ поръ упивались только богатые и ученые, поэтъ, который равно электризируетъ загнѣвившихся баловней счастья и физически усталыхъ тружениковъ, принесъ свою долю на пользу общественной организаціи.

Какъ бы то ни было, эта послѣдняя черта дорисовываетъ намъ самымъ достойнымъ образомъ симпатическую фигуру Беранже. Это исканіе непосредственно-полезной дѣятельности, столь понятное въ молодомъ и посредственномъ талантѣ, имѣетъ глубоко трогательный характеръ у гениальнаго, богатаго годами и славой старца. Миръ праху его! Онъ одинъ изъ немногихъ людей своего времени, вынесшихъ изъ постоянного участія въ политическихъ волненіяхъ полувѣка чистую и свѣтлую славу, одинъ изъ немногихъ поэтовъ XIX столѣтія, глубоко потрясавшихъ сердца своихъ современниковъ и никогда не искавшихъ успѣха. Его имя останется между именами дорогими и почтенными для всѣхъ временъ и народовъ.

II.

Guhl. Die Frauen in der Kunstgeschichte. Berlin. 1858.

Чтеніе этой новой книги талантливаго издателя *Писемъ художниковъ* доставило намъ удовольствіе особеннаго рода, конечно, знакомое каждому изъ нашихъ читателей. Она содержитъ, тщательно собранныя и искусно сгруппированныя рукою знатока, фактическія подтвержденія дорогаго намъ убѣжденія, относящагося къ пункту, лежащему внѣ сферы нашихъ специальныхъ занятій. Въ ней съ глубокою эрудиціею, съ почти статистическою точностію изложены доступныя намъ факты, показывающіе участіе женщинъ въ развитіи пластическихъ искусствъ, приведены матеріалы, дающіе намъ возможность бросить общій взглядъ на особенности художественной организаціи женщинъ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ интереснымъ результатамъ, вытекающимъ изъ этого добросовѣстнаго изслѣдованія, мы представимъ читателю главныя черты его расположенія и содержанія.

Авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія роли, принадлежавшей женщинамъ въ искусствѣ древности. Съ тонкимъ тактомъ указываетъ онъ на ихъ художественное вліяніе даже у тѣхъ восточныхъ народовъ, гдѣ ихъ положеніе повидимому уничтожало всякую къ тому возможность. Онъ обращаетъ наше вниманіе на богатство узорчатыхъ тканей, которыми искони славились Ассирія и Персія. Онъ указываетъ на несомнѣнное вліяніе этихъ женскихъ рукодѣлій на богатую-фантастическую орнаментацию восточной архитектуры, въ которой легко узнать мотивы, заимствованные изъ замысловатыхъ тканей. Потомъ проводитъ онъ передъ нами блестящую вереницу греческихъ женщинъ, оставившихъ по себѣ имя въ философіи, въ поэзій и въ искусствѣ, и менѣе богатый рядъ Римлянокъ. Переходя къ

среднимъ вѣкамъ, авторъ останавливается на улучшеніи, происшедшемъ въ положеніи женщинъ вслѣдствіе міровыхъ процессовъ распространенія христіанства и возрастающаго могущества германскихъ народовъ. Съ любовью описываетъ онъ многостороннюю дѣятельность женщинъ въ этотъ періодъ, ихъ разнообразныя художественныя работы для украшенія церквей, ихъ образованіе, значительно превышавшее образованіе ихъ современниковъ, за исключеніемъ духовенства, ихъ живое поощреніе и самостоятельные труды въ области литературы, музыки, миниатюрной живописи. Въ заключеніе является передъ нами поэтическая фигура Сабинны Штейнбахъ, дочери знаменитаго архитектора Страсбургскаго собора, украсившей величавое твореніе своего отца скульптурными работами, дышущими самою идеальною прелестью. Ея случайно сохраненное имя естественно напоминаетъ намъ, что, конечно, еще много намъ не извѣстныхъ женщинъ трудилось въ это неблагодарное время, не сохранившее намъ даже имени зодчаго Кельнскаго собора.

Да будетъ намъ позволено замѣтить, что въ то же время женщины принесли значительную пользу наукамъ вообще, и въ особенности естественнымъ. Знаменитая медицинская школа, процвѣтавшая въ Салернѣ въ XI столѣтіи, произвела много ученыхъ женщинъ, изъ коихъ нѣкоторыя сдѣлались извѣстными какъ писательницы. Не менѣе благотворна была дѣятельность монахинь по сю сторону Альпъ. Ихъ трудолюбіе въ переписываніи медицинскихъ книгъ, въ собираніи медицинскихъ и физикальныхъ свѣдѣній сохранило намъ много драгоценныхъ отрывковъ древнихъ писателей, много интересныхъ свѣдѣній о ихъ собственномъ времени. Съ особеннымъ блескомъ выступаетъ изъ ихъ среды Св. Гильдегарда, настоятельница монастыря Св. Руперта, около Бингена (1). Эта смѣлая женщина, своими строгими, энергическими порицаніями внушавшая уваженіе императорамъ и папамъ, оставила намъ четыре книги «о физикѣ», безспорно самый интересный памятникъ этого рода изъ двѣнадцатаго столѣтія. Онъ выгодно отличается отъ всѣхъ современныхъ работъ тѣмъ, что состоитъ не изъ обезображенныхъ клочковъ Диоскориды, Плинія и александрийскихъ философовъ, но изъ наблюденій и данныхъ, почерпнутыхъ на мѣстѣ изъ устъ народа и изъ собственной опытности.

Но возвратимся къ искусству. Въ относительно менѣе богатомъ женскими именами пятнадцатомъ столѣтіи, Гуль знакомитъ насъ съ Маргаритою Визъ-Ейкъ, достойною сестрою своихъ знаменитыхъ братьевъ, съ тихою дѣятельностію Катерины Вигри, съ героическою фигурою Онораты Родіаны, оставившей кисть для меча, и погибшей, освобождая свой родимый городъ отъ венеціанскаго войска.

(1) 1099—1179.

Но вотъ наступаетъ съ шестнадцатымъ столѣтіемъ новая эра въ духовномъ развитіи человѣчества, и насъ поражаетъ огромное количество гениальныхъ женщинъ, являющихся на поприщѣ искусствъ. Это количество въ постоянно усиливающейся пропорціи возрастаетъ до нашего времени. Нѣтъ мѣстности, нѣтъ школы, которая не произвела бы значительную художницу. Именъ и направлений встрѣчается такъ много, что мы тутъ должны ограничиться упоминаніемъ самыхъ блестящихъ личностей. Въ шестнадцатомъ столѣтіи особенно привлекаютъ вниманіе слишкомъ рано умершія Ирене ди Сплимберго и Мариетта Робусти (дочь Тинторетто) и гениальная Софонисба Ангуссоло. Въ семнадцатомъ мы встрѣчаемъ въ Италиіи среди множества другихъ художницъ, примыкающихъ къ болоньской школѣ, Лавинію Фонтана, Елизавету Сирани, Артемизию Джентилески и Катерину Дольче, между тѣмъ какъ на сѣверѣ являются двѣ звѣзды первой величины: несравненная Рашель Руншъ, и равно дорогая живописцамъ и натуралистамъ Сивилла Меризъ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи передъ нами рисуются три женскія фигуры, смѣло могущія стать на ряду съ современными имъ художницами: мечтательная и нѣжная Анжелика Кауфманъ, другъ Винкельманна и Клопштока, самое граціозное выраженіе сентиментальной стороны прошлаго столѣтія; блестящая г-жа Лебрёнъ, продолжавшая свою баснословную дѣятельность и въ нашемъ столѣтіи; наконецъ меланхолическая Розальба Каррьера, мастерица перваго разряда въ пастельной и миниатюрной живописи.

При разсмотрѣніи художественной дѣятельности женщинъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, осторожный авторъ ограничивается общими замѣчаніями. Не называя ни одного имени, характеризуетъ онъ намъ художественныя направленія, господствующія между германскими и французскими дамами, и только намеками указываетъ на немногихъ изъ нихъ въ отдѣльности. Онъ между прочимъ замѣчаетъ, что количество извѣстныхъ ему художницъ девятнадцатаго столѣтія составляетъ не менѣе половины всѣхъ женщинъ, посвятившихъ себя искусству, о которыхъ онъ имѣетъ свѣдѣнія, и съ глубокимъ уваженіемъ отзываясь о серіозномъ духѣ, отличающемъ и въ этомъ отношеніи нашихъ современницъ.

Обратимся теперь къ интереснымъ результатамъ прекраснаго изслѣдованія г. Гуля. Мы начнемъ съ значенія женщинъ въ исторіи искусства. Занимающая насъ книга показываетъ намъ, что, кромѣ извѣстныхъ всѣмъ блестящихъ личностей, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ множество женщинъ съ успѣхомъ посвящало себя художественнымъ занятіямъ, и что это явленіе нисколько нельзя считать исключеніемъ. Если мы всмотримся ближе въ различныя историческія эпохи, мы найдемъ, что чѣмъ образованнѣе, чѣмъ гуманнѣе народъ и время, тѣмъ больше въ немъ проявляется женскихъ талан-

товъ. Далѣе, особенно выгодными для ихъ развитія оказываются времена, въ которыхъ господствуютъ сложившіяся, опредѣленные школы. Исходъ шестнадцатаго столѣтія, болонская школа, современная натуральная школа, могутъ служить намъ примѣрами. Напротивъ того, женщины рѣдко примыкаютъ къ сильному, но еще не опредѣлившемуся движенію возникающихъ школъ. Этимъ объясняется относительно малое количество художницъ въ школахъ пятнадцатаго столѣтія, и въ школахъ Овербека и Корнелиуса. За то во времена ослабленія и упадка художественной дѣятельности, женщины значительно помогаютъ къ поддержанію священнаго огня. Такъ въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ осьмнадцатомъ столѣтіи. Эти историческія данныя прямо наводятъ насъ на вопросъ о характеристическихъ особенностяхъ въ художественномъ одареніи женщинъ. Авторъ въ этомъ отношеніи приводитъ очень интересныя данныя. Изъ женщинъ, посвятившихъ себя пластическимъ искусствамъ, въ строгомъ смыслѣ можно назвать только одну (1), занимавшуюся архитектурой. Скульптурными работами приобрѣли извѣстность около тридцати. Несравненно большее число посвятили себя рисованію и разнымъ родамъ живописи. Но ни одна отрасль пластическихъ искусствъ не представляетъ намъ столько женскихъ именъ, какъ гравюра: изъ тысячи художницъ, двѣсти избрали этотъ родъ художественной дѣятельности.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ областямъ живописи, то найдемъ, что ни въ одной изъ нихъ женщины не отличались болѣе, чѣмъ въ портретахъ. Уже въ древнемъ Римѣ Гречанка Лая (2) затмѣвала своихъ современниковъ мастерскими портретами на слоновой кости. Софонизба Ангуссола конечно только по огромному количеству современныхъ ей геніевъ не пользуется болѣею извѣстностію. Ея портреты поразительно живы и тонки, и Ванъ-Дейкъ, знавшій ее уже дряхлою старухой, говаривалъ, что онъ въ дѣлѣ живописи болѣе узналъ отъ этой ослѣпшей женщины, чѣмъ отъ всѣхъ зрячихъ мужчинъ. Лавинія Фонтана и Артемизія Джентилески были мастерицы перваго разряда въ своемъ родѣ, и женщины-портретисты осьмнадцатаго столѣтія рѣшительно стоятъ выше своихъ современниковъ.

Второй родъ живописи, въ которомъ особенно блещутъ женщины, — изображеніе цвѣтовъ и животныхъ. Рашель Руншъ стоитъ несравненно выше своего знаменитаго учителя, Авраама Миньйона, и уступаетъ развѣ только первымъ мастерамъ своего рода, Де-Гегму и Ванъ-Гейзуму. Почтенная Сивилла Меріанъ врядъ ли найдетъ соперника въ рѣдкомъ сочетаніи художественнаго смысла и научной точ-

(1) Плаутилли Брицію, работавшая въ XVII столѣтіи въ Римѣ.

(2) Около 100 л. до Р. Х.

ности. Въ наше время, наконецъ, первый художникъ по части цвѣточной живописи—Елиза Вагнеръ, и чуть ли не первый въ изображеніи животныхъ—Роза Бонёръ.

Количество женщинъ, успѣшно занимавшихся *жанромъ*, менѣе велико; еще менѣе женщинъ, отличившихся въ исторической живописи.

Если къ этимъ чертамъ, почерпнутымъ изъ книги Гуля, мы прибавимъ нѣсколько другихъ, относящихся до прочихъ областей искусства, то картина станетъ еще полнѣе.

Музыкальное творчество, большая рѣдкость между дамами. Намъ не извѣстно ни одно обширное музыкальное произведеніе (опера, ораторія, симфонія), принадлежащее женщинѣ, не извѣстна ни одна женская композиція вообще, возвышающаяся надъ посредственностію. За то даръ музыкальной передачи, художественнаго исполненія, рѣшительно принадлежитъ имъ въ равной степени съ мужчинами.

Нигдѣ, можетъ-быть, художественныя способности женщинъ не выразились съ такимъ блескомъ, какъ въ литературѣ. Но и здѣсь распределеніе писательницъ по различнымъ родамъ, качественно и количественно, очень не равно.

На первомъ планѣ стоитъ психологическій романъ. Въ этомъ родѣ женщины коснулись струнъ, недоступныхъ, какъ кажется, рукъ мужчины. Идеальная грація, съ которою Жоржъ-Сандъ описываетъ самые безумные порывы страсти, принадлежитъ ей одной. Только у нея и у г-жи Бичеръ-Стоу встрѣчаются страницы, въ которыхъ сквозь изящный слогъ разказа такъ слышно бленіе благороднаго сердца, тѣ неподражаемыя страницы, въ которыхъ мужчина не избѣгнулъ бы холодности или голаго пафоса. Послѣ нихъ мы, не называя именъ, по примѣру г. Гуля, напомнимъ о многочисленныхъ писательницахъ въ Англіи, Россіи, Германіи и Швеціи, подарившихъ намъ тонкими и мѣткими картинами семейной и общественной жизни. Замѣтимъ впрочемъ, что во всѣхъ женскихъ романахъ, даже въ лучшихъ, планъ составляетъ самую слабую сторону творенія, часто даже поразительно контрастируетъ съ мастерскимъ исполненіемъ.

Къ роману примыкаетъ мемуарная литература, столько богатая женскими именами.

Вслѣдъ за романомъ слѣдуетъ назвать лирическую поэзію. И здѣсь въ твореніяхъ женщинъ встрѣчаются ноты, принадлежащія только имъ. Вспомнимъ только Сафо, завѣщавшую намъ въ немногихъ отрывкахъ образцы такой изумительно-сильной и самобытной поэзіи.

Слабѣ всего женщины въ драматическихъ произведеніяхъ.

Постараемся собрать воедино всѣ эти разбросанныя черты. Слабая сторона дѣятельности женщинъ во всѣхъ областяхъ искусства—тотъ самобытный, отвлеченный актъ творчества, въ которомъ во-

ображеніе рождаетъ и приводитъ въ равновѣсіе всѣ части создаваемого цѣлаго. Оттого виды искусства, которыхъ сущность состоитъ въ строгомъ единствѣ, въ гармоническомъ развитіи основнаго мотива, менѣе присущи женской природѣ. Сюда относятся во многомъ сродныя между собою архитектура и музыка, сюда же историческая живопись и драма. За то женщины особенно отличаются способностію понимать и передавать колоритныя, музыкальныя и психологическія тонкости, и выражать непосредственныя движенія сердца и воображенія, и имъ особенно приходится съ одной стороны полутворческія области искусства—гравюра, транскрипція, переводъ; съ другой—тѣ области самостоятельнаго искусства, гдѣ могутъ найти выраженіе отличительныя свойства женской природы: тонкая наблюдательность, теплое чувство, потребность нѣжныхъ и чистыхъ формъ. Эти области: портретная и цвѣточная живопись въ самомъ обширномъ и художественномъ смыслѣ, романъ и лирическая поэзія...

Впрочемъ, да будетъ далека отъ насъ мысль огранчить такую узкою сферой художественную дѣятельность женщинъ въ будущемъ. Сказанное выше основано только на опытѣ прошлыхъ временъ. Только въ нашъ вѣкъ, въ среднихъ слояхъ общества, стали признавать нужнымъ воспитывать женщинъ по-человѣчески, и результаты этого социальнаго переворота, совершающагося вокругъ насъ, разсчитать не возможно въ сферѣ искусства, какъ и въ прочихъ сферахъ жизни.

Какъ бы то ни было, мы обязаны г. Гулю историческими, неопровержимыми доказательствами дорогой намъ истины, что между женскою натурою и художественною дѣятельностію не существуетъ противорѣчія, которое находятъ въ немъ многіе, что напротивъ того, извѣстныя области искусства вполне соотвѣтствуютъ характеристическимъ особенностямъ женскаго ума и воображенія.

С. Рачинскій.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Британскій Музей въ Лондонѣ и его новыя художественныя обогащенія.—Изъ всѣхъ собраній художественныхъ произведеній древняго искусства, созданныхъ въ наши дни, самое обширное, богатое и во всѣхъ отношеніяхъ важное есть собраніе Британскаго Музея въ Лондонѣ. Но подъ этимъ именемъ не должно разумѣть одно собраніе античныхъ статуй и барельефовъ; напротивъ. Британскій Музей есть такое учрежденіе, которое подъ однимъ

именемъ соотвѣтствуетъ тремъ огромнымъ парижскимъ собраніямъ, именно: собранію антиковъ Луврскаго Музея, Музею ботаническаго сада и Публичной Библіотекѣ. Разумѣется, подобный колоссальный музей могъ быть собранъ, при стеченіи разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, только колоссальными средствами Англіи, которыя позволяютъ администраціи этого музея ежегодно распространять новыми приобрѣтеніями до того каждый отдѣлъ музея, что описанія его, даже довольно поверхностное, теперь уже требуетъ нѣсколькихъ томовъ.

Оставляя въ сторонѣ бібліотеку и кабинетъ натуральной исторіи Британскаго Музея, скажемъ нѣсколько словъ объ его художественномъ собраніи. Оно теперь единственное собраніе въ мірѣ, гдѣ, переходя изъ одной залы въ другую, можно изучить всю исторію искусства древне-азиатскаго и классическаго міра въ удивительной полнотѣ и обширности. Въ этомъ отношеніи Британскій Музей далеко превосходитъ художественное собраніе Лувра въ Парижѣ. Здѣсь хранятся самыя любопытныя произведенія Египта, безчисленные остатки огромныхъ дворцовъ въ Ниневіи, саркофаги, привезенные съ кладбищъ Малой Азіи, и лучшія произведенія греческаго генія въ высшую эпоху его творчества. Это, и безъ того уже богатое собраніе, котораго отдѣльныя части могли бы служить лучшимъ украшеніемъ десятка столицъ, дотога обогащается не только ежегодно, но почти ежедневно, новыми приобрѣтеніями и результатами новыхъ раскопокъ, иногда производимыхъ насчетъ Музея, что скоро не окажется для нихъ мѣста въ этомъ обширномъ зданіи. Во время моего пребыванія въ Лондонѣ, въ 1853 году, къ Музею пристранвали двѣ длинныя галереи, назначенныя для ниневійскихъ барельефовъ. Кладовыя Музея были набиты драгоценнѣйшими остатками древняго искусства всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ тѣхъ поръ это отдѣленіе обогатилось столькими приобрѣтеніями, что любопытно бросить общій взглядъ на всѣ художественныя сокровища Британскаго Музея.

Наглядное изученіе произведеній древняго искусства чрезвычайно облегчается тѣмъ, что въ Британскомъ Музеѣ они не сгруппированы по величинѣ или по прихоти собирателей, какъ въ другихъ музеяхъ, но каждому древнему народу, какъ будто отдѣльной личности, посвящена особая, одна или болѣе, зала. Такимъ образомъ вниманіе зрителя не развлекается разнородными типами, столь рѣзко выработанными искусствомъ народовъ древняго міра. Въ каждой залѣ чувствуешь себя будто въ новомъ, иномъ мірѣ, и воображеніе живѣйшимъ образомъ переносится съ береговъ Нила въ долину Тигра и Евфрата или подъ ясное небо Греціи, въ среду народовъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли. Исторія, религія, государственная и домашняя жизнь—все оживаетъ передъ зрителемъ, когда онъ видитъ себя окруженнымъ всѣмъ бытомъ народа, начиная отъ колоссаль-

ныхъ статуй боговъ, которымъ ревностно поклонялся Египтянинъ, до дѣтской игрушки, найденной въ гробу его малолѣтняго ребенка. При подобномъ разнообразіи художественныхъ предметовъ въ Британскомъ Музее, исчисленіе безконечнаго множества ихъ можетъ быть дѣломъ однихъ специальныхъ каталоговъ. Я исчислю только тѣ, которые составляютъ главное украшеніе каждаго отдѣленія.

Исторія искусства начинается съ Египта, и эта неисчерпаемая своими художественными произведениями страна доставила Египетскимъ заламъ Британскаго Музея обширный и чрезвычайно богатый отдѣлъ. Первое мѣсто занимаетъ въ немъ колоссальная голова Рамзеса II (Сезостриса), Тутмеса III, и другія статуи разныхъ монарховъ самой блестящей эпохи Египетской монархіи. Здѣсь много изображеній боговъ и богинь, надписей, — въ числѣ которыхъ находится знаменитая Розеттская надпись, послужившая ключомъ къ чтенію гіероглифическаго письма, — обелисковъ, саркофаговъ, мумій, вещей изъ обыкновеннаго обихода и т. д.

Ассирійскія залы содержатъ въ себѣ статуи и барельефы, открытые Леярдомъ въ развалинахъ древней Ниневіи, именно въ Хорсабадѣ, Кунджикѣ и Нимрудѣ. Въ особенности поражаютъ зрителя гигантскія фантастическія созданія, изображающія быка, имѣющаго орлиныя крылья и человѣческую голову, украшенную тиарою, которыя стояли при входѣ во дворецъ ассирійскихъ монарховъ. На длинныхъ барельефахъ этихъ дворцовъ разказана вся ихъ общественная и частная жизнь.

Ликійская зала содержитъ въ себѣ саркофаги и другія произведенія скульптуры, найденныя въ различныхъ городахъ Малой Азіи, поражающія оригинальнымъ смѣшеніемъ восточныхъ элементовъ искусства съ греческими.

Но какое отрадное чувство овладѣваетъ душою, когдаходишь въ залы, посвященныя искусству классическаго міра! Въ большой Эльгинской залѣ, такъ-названной по имени лорда Эльгина, которому первоначально принадлежали вывезенныя изъ Греціи сокровища, находятся скульптурныя произведенія, нѣкогда украшавшія Парѣнонь въ Аѣинахъ. Эти произведенія обширной ваательной школы Фидія, перваго скульптора Греціи, можетъ-быть исполнены даже по его рисункамъ или моделямъ, состоятъ изъ слѣдующихъ частей: 1) изъ статуи, украшавшихъ восточный и западный фронтоны храма Аѣины; 2) изъ барельефовъ, находившихся въ метопахъ храма; и 3) изъ весьма длиннаго фриза, изображавшаго знаменитое Панаѣинское торжество.

Далѣе находится въ этой же залѣ: фризъ съ храма Неокрыленной Побѣды въ Аѣинахъ, и множество превосходныхъ статуй и барельефовъ лучшей эпохи греческой скульптуры.

Въ Фигалійской залѣ находится знаменитый и превосходный

мраморный фризъ храма Аполлона близъ Фигаліи. Онъ изображаетъ битвы Кентавровъ съ Лапитами и Грековъ съ Амазонками. Тутъ же, среди другихъ скульптуръ, находятся немногочисленные, но превосходные рельефы, украшавшіе некогда знаменитый Мавзолей въ Галикарнасъ.

Въ прочихъ залахъ этого отдѣленія помѣщены скульптурныя произведенія, по имени прежняго владѣльца своего Чарльза Тоунлея, называемыя *Townley sculptures*. Здѣсь находятся превосходныя статуи боговъ, каковы напримѣръ Венера, найденная въ морскихъ термахъ императора Клавдія близъ Остіи, Аполлона, принадлежавшая графу Шуазелю и т. д.; копія античная съ знаменитаго Дискобола Мирона; знаменитый и превосходный рельефъ, изображающій апоѳеозу Гомера; разныя бюсты Аѳины, Діонисая, Геркулеса; граціозный бюстъ Клитіи; бюсты знаменитыхъ греческихъ мужей, и между ними рѣдкій бюстъ Перикла; множество произведеній позднѣйшаго римскаго времени. Сюда относятся статуи и бюсты римскихъ императоровъ, надгробные рельефы, саркофаги, между которыми есть множество весьма замѣчательныхъ по содержанию, алтари жертвенные, мраморныя вазы, канделябры, и т. д.

Въ такъ-называемыхъ Залахъ античныхъ бронзъ содержится весьма обширная коллекція разнаго рода египетскихъ, греческихъ, этрусскихъ и римскихъ древностей. Здѣсь находится большое и превосходное собраніе терракоттъ, античныхъ бронзъ, изъ которыхъ многія замѣчательны по своему архитектурному, а другія, по своему необыкновенно-изящному стилю. Къ послѣднимъ принадлежатъ фрагменты, найденныя недалеко отъ древней рѣки Сирисъ въ Великой Греціи.

Въ Залахъ древнихъ вазъ, извѣстныхъ подъ неточнымъ именемъ этрусскихъ, находится отличное и весьма многочисленное собраніе рѣдкихъ и превосходно сохранныхъ образцовъ этой вѣтви, столь славной въ древности. Для насъ онъ въ высшей степени поучительны по изображеннымъ на нихъ сценамъ самаго разнообразнаго содержанія, почерпнутого изъ міеологіи, исторіи и обычаевъ частной жизни. Кромѣ того живопись на вазахъ представляетъ намъ, конечно весьма бѣдные, образцы тѣхъ измѣненій, которымъ подвергался стиль въ древне-греческой живописи. Собраніе Британскаго Музея имѣетъ вазы всѣхъ эпохъ, но въ особенности богатъ онъ передъ прочими музеями вазами изъ собственной Греціи и преимущественно изъ Аѳинъ и Коринѳа, гдѣ въ особенности процвѣтала эта вѣтвь художественныхъ ремеслъ.

Весьма любопытно также отдѣленіе Музея, извѣстное подъ именемъ Британской коллекціи. Тутъ хранятся древности кельтскія, римскія и англо-саксонскія, найденныя въ Британіи. Англія очень богата монументальными памятниками своей первобытной исторіи.

Кабинетъ античныхъ камеевъ и медалей весьма богатъ, и состоитъ изъ отборныхъ экземпляровъ. Въ этомъ же отдѣленіи сберегается знаменитая Портландова ваза, одно изъ самыхъ драгоценныхъ произведеній искусства, нынѣ совершенно неизвѣстнаго.

Вотъ одно краткое наименованіе главнѣйшихъ отдѣленій Британскаго Музея, далеко не исчисляющее и сотой части хранящихся въ немъ художественныхъ сокровищъ. А къ нимъ слѣдуетъ еще непременно причислить тѣ отдѣленія публичной библиотеки Британскаго Музея, въ которыхъ хранятся: 1) собраніе гравюръ; 2) собраніе оригинальныхъ рисунковъ великихъ художниковъ, и наконецъ 3) миніатюры рукописей среднихъ вѣковъ, которыя могутъ намъ показать весь ходъ живописи въ самыя темныя времена среднихъ вѣковъ, потому что въ Британскомъ Музее собранъ непрерывный рядъ миніатюръ, начиная съ неогннмыхъ византійскихъ произведеній V вѣка. И несмотря на это изумительное богатство, англійская нація не щадитъ денежныхъ издержекъ для постоянныхъ новыхъ пріобрѣтеній. Эти пріобрѣтенія, сдѣланныя въ послѣдніе два-три года, обнимаютъ древности народовъ восточныхъ, классическихкихъ и средневѣковыхъ. Они такъ важны и разнообразны, что описаніе ихъ потребовало бы цѣлой книги. Постепенно наполняютъ и скорѣе совершенно наполняютъ залы Британскаго Музея древности, недавно найденныя Лоттусомъ въ Ассиріи и Мидіи, Тейлоромъ въ Халдеѣ, Ньютономъ въ Калимніи и Галикарнасъ, Карою въ Сардиніи, Макерсономъ въ Керчи. Въ это послѣднее время Британскій Музей купилъ собраніе сардинскихъ древностей у г. Барбетти за 1,000 ф. стерл.; собраніе лондонскихъ древностей у Роакъ Смита за 2,000 ф. стерл.; собраніе художественныхъ предметовъ, рѣзанныхъ изъ слоновой кости, составленное г. Маскелемъ, за 1440 ф. ст. Кромѣ того сэръ В. Темплъ завѣщалъ ему свое большое и прекрасное собраніе великогреческихъ древностей и монетъ, леди Вебстеръ подарила очень хорошее собраніе мексиканскихъ древностей, и т. д. Сколь ни значительны суммы, которыя Музей истрачиваетъ ежегодно на покупку древностей, но онѣ не даютъ и половины ежегодныхъ приращеній художественныхъ произведеній, которыми постоянно обогащается Британскій Музей: такъ значительно число тѣхъ предметовъ, которые получаетъ онъ или въ даръ, или по завѣщанію, или вслѣдствіе раскопокъ, производимыхъ по приказанію или на счетъ разныхъ англійскихъ министерствъ. Такъ во время послѣдней войны, военное министерство дѣлало разныя раскопки въ Дарданѣ, въ Новомъ и Древнемъ Иліонѣ и въ окрестностяхъ, которыхъ результатами обогатило Британскій Музей. Такъ въ настоящую минуту вынуты изъ 120 ящиковъ вещи, вырытыя въ Галикарнасъ по распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ. Онѣ состоятъ изъ фрагментовъ, нѣкогда украшавшихъ знаменитый Мавзолей, постро-

енный лучшими греческими современными художниками, по желанію карійской царицы Артемиды. Въ Британскомъ Музеѣ уже выставленъ одинъ изъ четырехъ колоссальныхъ мраморныхъ коней, стоявшихъ на вершинѣ пирамиды (такова была архитектурная форма этого надгробнаго памятника). Одна задняя нога его потеряна; голова и хвостъ были отломаны, но ихъ нашли и снова приставили. Многочисленные рельефы этого памятника изображаютъ битвы Грековъ съ Амазонками. Пока строится новая зала для новооткрытыхъ барельефовъ, найденныхъ въ самомъ юномъ изъ ниневійскихъ дворцовъ, въ дворцѣ въ Куянджикѣ, г. Лотусомъ, барельефы эти хранятся въ подземныхъ кладовыхъ. Они изображаютъ сцены охоты на львовъ, дикихъ ословъ, дикихъ коней, и т. д., и отличаются неожиданною красотою. Ассирійскій Музей въ Парижѣ, хотя и основанъ ранѣе британскаго отдѣленія, но бѣденъ въ сравненіи съ нимъ.

Таковы художественныя сокровища Британскаго Музея, самаго новѣйшаго изъ всѣхъ собраній этого рода, но въ то же время и самаго богатаго и обширнаго. Кто захочетъ изучить исторію искусства, начиная съ первыхъ его опытовъ на Востокѣ и въ лучшія эпохи его процвѣтанія въ Греціи, тотъ не поѣдетъ прямо въ Римъ и Неаполь, но отправится сперва на туманный сѣверъ, въ Лондонъ!

К. ГЕРЦЪ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Въ № 3-мъ «Русской Бесѣды» помѣщенъ критическій разборъ статьи моей «О церковной администраціи въ древней Россіи», напечатанной во второй январской книжкѣ вашего журнала. Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете дать мѣсто моему отвѣту.

Г. Бѣляевъ, какъ *primo basso assoluto* славянофильскаго хора, послѣ блестящихъ доказательствъ мягкости воеводскаго управления и мудрости правяща, выразилъ окончательно свои мнѣнія о древней русской жизни въ критикѣ на мою статью. По формѣ эта критическая статья отличается весьма рѣзко отъ прежнихъ статей того же критика. Г. Бѣляевъ не разбираетъ моего сочиненія, пишетъ обвинительный актъ, выхватывая для этого безъ всякой связи нѣсколько мѣстъ и выраженій, которыя большею частию касаются второстепенныхъ вопросовъ, а объ остальномъ, то-есть о девяти десятихъ изслѣдованія вовсе умалчиваетъ. Обвинительныхъ пунктовъ шестнадцать; они напечатаны курсивомъ и занумерованы; обвинения

оканчиваются приговоромъ, — словомъ, обвинительный актъ въ полной формѣ. Такая форма критики до сихъ поръ была употреблена только однажды, именно г. Крыловымъ; г. Бѣляевъ заимствовалъ у него не только форму, но также и поучительный тонъ. Конечно, г. Крыловъ приобрѣлъ себѣ въ нашей литературѣ громкую известность, онъ прославился отъ сраженія съ г. Байбородой, какъ Макъ подъ Ульмомъ; его способъ объясненія римскихъ учрежденій самокатомъ, видѣннымъ подъ Новинскимъ, заслужилъ ему, по его собственнымъ словамъ, благодарность почтеннѣйшихъ членовъ московскаго общества; дивная арія, сыгранная имъ на фальшивой римской струнѣ и на настоящемъ кнутовищѣ, останется навсегда однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій нашей журналистики; поэтому нисколько не удивительно, что жаждущіе славы критики «Бесѣды» идутъ по его стопамъ. Но вотъ что рѣшительно не понятно: на какомъ основаніи г. Бѣляевъ рѣшается говорить поучительнымъ тономъ г. Крылова? Не говоря уже о сильномъ діалектическомъ талантѣ г. Крылова, онъ профессорствуетъ двадцать пять лѣтъ, большая часть дѣйствующихъ теперь въ литературѣ историко-юристовъ—его бывшіе слушатели. Хотя все это и не даетъ ему права на поучительный тонъ, но по крайней мѣрѣ можно понять, почему онъ вздумалъ присвоить себѣ это право. Совсѣмъ другое дѣло г. Бѣляевъ. Его отношенія къ намъ не тѣ, другія условія также не тѣ... Но довольно, о формѣ, перейдемъ къ содержанію критики.

Общій упрекъ, дѣлаемый мнѣ критикомъ, состоитъ въ томъ, что я не обратилъ вниманія на общія узаконенія относительно церковной администраціи, на Номоканонъ, церковные уставы Св. Владимира и Ярослава, а только на акты, въ которыхъ выражаются исключенія, а не общія правила. Критикъ называетъ это незнаніемъ азбуки науки, и даетъ намъ при этомъ посильный урокъ. Наставитель нашъ обнаружилъ при этомъ такое добродушное незнаніе основаній юридическаго пониманія, что мы не можемъ не отблагодарить его также урокомъ.

При изслѣдованіи состоянія общества, мой почтенный наставитель, надобно отличать то, что существуетъ въ воображеніи, отъ того, что существуетъ въ дѣйствительности. На одномъ основаніи отвлеченнаго закона нельзя никакъ воспроизвести картину общества. Только изучая памятники, изъ которыхъ видно, какъ извѣстныя правила прилагались въ дѣйствительной жизни, можно воспроизводить юридическое явленіе. Что бы мы сказали теперь, еслибы кто-нибудь вздумалъ написать о полиціи въ Россіи на основаніи Свода Законовъ? Предоставляемъ самому г. Бѣляеву разрѣшить этотъ вопросъ. Что же касается до церковной администраціи, то мы брали не одиѣ только жалобы угнетенныхъ, а почти вездѣ тѣ акты, которые выходили отъ верховнаго правительства или отъ самихъ церковныхъ начальниковъ—

архіереевъ и монастырей. Замѣтимъ кстати о жалобахъ, что онѣ вовсе не такой мутный источникъ, какъ думаетъ г. Бѣляевъ. Знающій дѣло изслѣдователь отличитъ съ перваго разу, что въ жалобѣ преувеличеннаго; притомъ же, если и предположить, что жалобы преувеличены, то все-таки онѣ драгоценный источникъ, потому что показываютъ возможность извѣстнаго дѣйствія. А если такихъ жалобъ бездна, если въ нихъ незамѣтно особеннаго преувеличенія, если онѣ сами, нападая на крайности, признаютъ все-таки за законное вопіющія злоупотребленія, противныя можетъ-быть тѣмъ отвлеченнымъ правиламъ о церковномъ управленіи, съ которыми не справлялись ни архіерейскіе бояре, ни монастыри, и которыхъ управляемые вовсе не знали?—На общемъ церковномъ законѣ, т. е. Номоканонѣ, основана была наша церковная іерархія, церкви и монастыри, какъ религиозныя общества. Весь этотъ церковный порядокъ и изложенъ былъ нами на основаніи Номоканона. А отношенія административныя церквей и монастырей къ епархіальной власти и къ общинамъ, ихъ внутреннее управление,— это было изложено нами на основаніи непреложныхъ памятниковъ старины, которые показываютъ, какъ было дѣло, а не то, какъ слѣдовало ему быть, по мнѣнію г. Бѣяева. Что касается до церковныхъ уставовъ Св. Владиміра и Ярослава, то мы удивляемся смѣлости критика, который намъ ставитъ въ вину опущеніе этихъ памятниковъ. Не говоря уже о болѣе нежели сомнительной достоверности этихъ уставовъ, кому изъ занимающихся русскою исторіей не извѣстно, что въ этихъ уставахъ нѣтъ рѣшительно ничего относящагося къ предмету моей статьи? Уставъ Св. Владиміра говоритъ о тѣхъ преступленіяхъ, судъ надъ которыми предоставлялся епископу, о десятинахъ и другихъ доходахъ архіерея, о покровительствѣ, которое давала церковь разнымъ лицамъ—вдовамъ, странникамъ, и проч.; уставъ Ярослава — о сборѣ въ пользу архіерея денежныхъ штрафовъ за брань скверными словами, распутную жизнь, и т. п. Но судъ архіерейскій касался только отчасти предмета нашей статьи, и намъ вовсе не слѣдовало говорить подробно о преступленіяхъ, ему подлежащихъ; о покровительствѣ, которое оказывалось церковью разнымъ лицамъ, мы упоминали въ той мѣрѣ, въ какой это извѣстно изъ достоверныхъ памятниковъ, и притомъ этотъ вопросъ слегка только прилегалъ къ нашему предмету, а сквернословіе вовсе не прилегало. Повторяемъ, что о вопросахъ, касающихся собственно церковной администраціи, въ уставахъ нѣтъ ничего, и что ссылаться на нихъ, какъ на основные памятники, непроситительно, потому что одинъ половиной, а другой всѣмъ своимъ содержаніемъ противорѣчатъ быту древней Россіи.

Переходимъ теперь къ обвинительнымъ пунктамъ.

1. *«Авторъ обвиняетъ церковную администрацію въ Россіи въ томъ, въ чемъ она не виновата.»* Это заключеніе критикъ вывелъ

изъ слѣдующихъ словъ моей статьи: «Наше церковное управленіе не знало слишкомъ сложнаго дѣленія, бывшаго въ Греціи. Оно состояло изъ епархій, къ которымъ непосредственно относились монастыри и церкви.» Я спрашиваю: гдѣ тутъ обвиненіе? Да и въ чемъ? Я не обвинялъ, а писалъ то, что, по моему разумѣнію, выходило изъ памятниковъ. Если г. Бѣляевъ не согласенъ съ этимъ, то ему слѣдовало бы сказать, что я ошибся, и доказать мою ошибку. Я говорилъ, что въ нашей церкви были только епархія, а епископовъ—суффрагановъ не было; что соборъ 1667 года хоти и опредѣлилъ учредить въ каждой епархіи по нѣскольку подчиненныхъ епископовъ (суффрагановъ), но это опредѣленіе не было приведено въ исполненіе. Г. Бѣляевъ возражаетъ: «Напротивъ, оно именно было приведено въ исполненіе, и распредѣленіе епархій два раза измѣнилось; до насъ дошла роспись епископовъ—суффрагановъ, изданная 27 ноября 1681 года, гдѣ сказано, что къ епархіи патріарха московскаго приписано десять подчиненныхъ епископскихъ каедръ, къ новгородокой митрополіи четыре, и проч. Въ этой же росписи написано, что и прежде того была подобная роспись, противъ которой въ настоящей росписи закрыто 53 епископскихъ каедръ. Кажется, несомнѣнно, что положеніе собора 1667 года о епископахъ—суффраганахъ было исполнено; только г. Лохвицкій—объ этомъ не зналъ».

Мы приводимъ это возраженіе со всѣмъ его букетомъ. Здѣсь г. Бѣляевъ обнаружилъ такое грубое незнаніе нашей церковной исторіи, какого я и не предполагалъ въ немъ. Росписи, на которыя онъ ссылается, были только проекты, никогда не приведенные въ исполненіе. Гдѣ эти десятки епископовъ—суффрагановъ? Вѣдь у насъ были соборы и послѣ 1667 и 1681 года, и нигдѣ не упоминается о существованіи этихъ суффрагановъ. Покажите мнѣ, когда они были уничтожены, если вы полагаете, что они существовали. Слѣдственно, еслибы г. Бѣляевъ внимательно прочелъ актъ, въ незнаніи котораго меня упрекаетъ, да поразмыслилъ бы объ немъ, то не сталъ бы опровергать моего положенія. Но это еще далеко не все. Г. Бѣляевъ не только плохо понимаетъ тѣ акты, которые читаетъ, но и не знаетъ важнѣйшаго, относящагося къ вопросу о епископахъ—суффраганахъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ собора 1667 года, русскіе архіереи разсуждали о приведеніи въ исполненіе постановленія о епископахъ—суффраганахъ, то нашли его несоответствующимъ духу нашего общества. «Если учредить въ епархіяхъ подчиненныхъ архіереевъ, сказали они, то это повлечетъ униженіе епископскаго сана въ глазахъ народа.» Затѣмъ они рѣшили учредить нѣсколько новыхъ самостоятельныхъ епархій, отдѣливши для ихъ составленія по нѣскольку округовъ отъ большихъ епархій. Это постановленіе было приведено въ исполненіе. Я не говорилъ объ этомъ фактѣ въ моей статьѣ, потому что, по моему плану, о немъ слѣдовало говорить

въ отдѣлѣ о высшемъ центральномъ управленіи русской церкви, — отдѣлѣ, который, можетъ-быть, современемъ явится въ печати. Я удивляюсь, какъ г. Бѣляевъ, не зная фактовъ, характеризующихъ возвращеніе нашего духовенства на вопросъ о суффраганахъ, берется поучать другихъ.

2. «*Авторъ, не разобравши порядкомъ свидѣтельствъ, приписываетъ архіерейскому управленію въ Россіи почти одно финансовое значеніе.*» Я прямо сказалъ, что кромѣ финансового начала въ архіерейскомъ управленіи было и другое, духовное, и заявилъ, что о послѣднемъ, касающемся не внѣшнихъ, административныхъ, а внутреннихъ, духовныхъ отношеній, говорить не буду. Кажется понятно. Если же г. Бѣляеву кажется, что я преувеличилъ финансовый характеръ архіерейскаго управленія, то ему слѣдовало бы представить противъ приводимыхъ мною фактовъ другіе. Но онъ этого не сдѣлалъ, а потому и отвѣчать намъ не на что.

3. Третій пунктъ обвиненій выраженъ г. Бѣляевымъ такимъ образомъ, что, изъ уваженія къ читателямъ, мы не приводимъ его подлинныхъ словъ. Надобно сказать, что со временъ Аввакума никто еще не велъ такой изящной полемики, какъ г. Бѣляевъ. Но перейдемъ къ содержанію этого пункта. Здѣсь два возраженія: одно общее, другое частное. Общее состоитъ въ томъ, что я говорилъ только объ архіерейскихъ боярахъ и дьякахъ, а самую архіерея не видалъ. Дѣйствительно я не могъ добраться до самого архіерея сквозь десятильвиновъ, дьяковъ и бояръ; меня руководили грамоты объ архіерейскомъ управленіи, и не моя вина, что онѣ меня не привели къ самому архіерею. И я признаюсь, что не ниѣю дара прозрѣнія, которое, какъ кажется, есть достояніе г. Бѣяева. Другое замѣчаніе—частное, но, по красотѣ своей, стоящее общаго, — направлено противъ моего объясненія слова *бояринъ*. Я сказалъ въ моей статьѣ, что оно означало, во первыхъ, высшій разрядъ членовъ царской думы, а во вторыхъ, боярами назывались вообще кормленщики, въ Новгородской и Двинской областяхъ высшее земское сословіе, господа относительно холопей. Критикъ съ свойственною ему вѣжливостью говоритъ, что я въ этомъ опредѣленіи позабылъ исторію, не сказалъ, что слово бояринъ, имѣло различныя значенія въ разныя времена, и при этомъ весьма обязательно объясняетъ мнѣ этотъ вопросъ, прибавляя, что все это извѣстно уже въ нашей печатной литературѣ, но къ его удивленію не дошло еще до моего свѣдѣнія. Конечно, далеко не всѣ наши читатели поймутъ тонкость намека о *печатной* литературѣ; но всѣ поймутъ раздраженіе г. Бѣяева, когда мы скажемъ, что г. Бѣляевъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи*, довольно подробно и съ порядочными ошибками объясняетъ исторію названій: бояринъ, боярскія дѣти, дворяне. Еслибъ я касался въ своей статьѣ развитія этого института,

то конечно бы упомянулъ и о сочиненіи г. Бѣлева, и о его ошибкахъ. Но для меня именно нужно было болѣе филологическое, нежели историческое объясненіе; притомъ же и одновременно слово: бояринъ, употреблялось въ нашемъ древнемъ правѣ въ различныхъ значеніяхъ, нами исчисленныхъ. Такъ, по Уложенію, слово: бояринъ, означало и высшій разрядъ членовъ царской думы, и господъ относительно холопей!

4. «Памятники говорятъ, что церквей (храмовъ) нельзя было ни продать, ни заложить, а авторъ утверждаетъ противное». Я сказалъ въ моей статьѣ, что церкви и монастыри бывали въ частномъ обладаніи въ древней Россіи, хотя это было противно не только каноническому, но и гражданскому римскому праву. Критикъ мнѣ возражаетъ... чѣмъ бы, вы думаете? Тѣмъ, что церкви не были въ частномъ обладаніи, потому что это запрещено каноническимъ правомъ... Чтò это такое? Если это шутка, то такіа шутки не терпимы въ литературѣ; если же это сказано серьезно, то показываетъ, что критикъ обладаетъ такою оригинальною логикой, при которой ученые пренія не возможны. Прибавимъ здѣсь, что въ недавно-изданныхъ г. Качачовымъ актахъ помѣщено нѣсколько важныхъ документовъ о томъ, что церкви и монастыри находились въ частномъ обладаніи, и вслѣдствіе этого дарились, промѣнивались, отдавались во временное пользованіе. Мы разобрали эти акты въ статьѣ, помѣщенной въ 1-й августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Но, разумѣется, всѣ эти факты для г. Бѣлева ничего не значатъ; у него сложились свои правила для нашего древняго юридическаго быта, которыхъ не могутъ поколебать никакіе факты. Но зачѣмъ же взводить напраслину на памятники, зачѣмъ употреблять такіа выраженія: «памятники говорятъ, что церквей нельзя было ни продать, ни заложить?» Покажите эти памятники, опровергните другіе, говорящія противное, тогда вы напишете критику разумную, а не пустословную.

5. «Отношенія приходскаго духовенства къ архіерею и къ общинѣ, а также выборъ священника прихожанами, утвержденные Номокономъ, автору почему-то кажутся оригинальными. Онъ, не справляясь съ Номокономъ, отрицаетъ ихъ каноническое происхожденіе.» Отвѣтъ нашъ на этотъ длинный обвинительный пунктъ будетъ коротокъ. Впервыхъ, я никогда не говорилъ, что выборъ общиною священника и церковнослужителей былъ противенъ Номоканону; во вторыхъ, я называлъ эти выборы и въ особенности условія, которыя заключала община съ священно- и церковно-служителями, оригинальными, потому что они не существуютъ теперь въ такой широкой формѣ, а контракты съ причтомъ не существовали и въ Греціи. Мой почтенный критикъ не видитъ всей важности этихъ контрактовъ: въ древнѣйшей Россіи, когда христіанство боролось съ

язычествомъ, причтъ церковный содержался княземъ, который давалъ для этой цѣли или десятину съ своихъ доходовъ, или равныя пошлины, потому что новообращенные язычники не только не давали ничего причту, но и всячески избѣгали таинствъ и обрядовъ христіанскихъ; когда же христіанство вполне укрѣпилось, то церковь сдѣлалась земскою потребностью, и причтъ содержался на счетъ земства по свободно-заключаемымъ договорамъ. Не зная этого, критикъ естественно не можетъ понять оригинальности отношеній общины къ причту и значенія выбора.

6. «Авторъ нарушаетъ порядокъ сочиненія: говоря о причтѣ, вдругъ обращается къ архіерейской власти въ селахъ.» Мой критикъ строгъ, какъ школьный учитель; онъ требуетъ соблюденія формальнаго порядка, забывая, что при такомъ условіи мнѣ пришлось бы по два и по три раза повторять одно и то же. Дальнѣйшія объясненія по этому пункту были бы болѣе, нежели странны, а потому и переходимъ къ слѣдующимъ.

7. «Авторъ утверждаетъ, что бѣловъ духовенство у насъ набиралось только изъ тѣлыхъ людей, а памятники прямо говорятъ, что набору духовенства у насъ не было, и поступали въ духовный чинъ преимущественно нетѣлые люди.» Здѣсь два возраженія: 1) что набора духовенства не было, 2) что въ духовенство поступали преимущественно нетѣялые люди. Однимъ уже сопоставленіемъ уничтожается первое возраженіе. Г. Бѣлевъ говоритъ, что въ духовенство *поступали...*, а я сказалъ, что духовенство *набиралось* изъ такого-то сословія. Ясно, что мой критикъ не знаетъ значенія русскаго слова *наборъ*. Онъ придаетъ ему только частное значеніе — несвободнаго поступленія, каковъ напримѣръ нашъ рекрутскій наборъ. Но ни въ нашемъ старомъ юридическомъ языкѣ, ни въ теперешнемъ литературномъ слово: *наборъ*, не понимается исключительно въ этомъ значеніи. Если наши газеты пишутъ, что наборъ войска въ Англіи въ настоящее время идетъ превосходно, то никакъ не думаютъ, что найдутся люди, которые изъ этого заключатъ, что въ Англіи существуетъ несвободное поступленіе въ военную службу. Читатель видитъ изъ этого, что хотя критикъ и беретъ тонъ наставника, но возраженія его ниже ученическихъ. Даже и при незнаніи значенія слова: *наборъ*, достаточно было бы моему критику добросовѣстно взглянуть на то, что я говорилъ о выборѣ священника общиной, чтобы понять смыслъ, въ которомъ мы употребляли это слово, и не поставить себя въ положеніе задорнаго школьника. Другое возраженіе критика чрезвычайно любопытно. Онъ очень серьезно увѣряетъ, что наше бѣлое духовенство аристократическаго происхожденія, что въ это сословіе обыкновенно вступали не только дворянскія, но и княжескія дѣти... Такъ какъ критикъ не привелъ ни одного факта въ подтвержденіе этой гипотезы, то намъ и не-

чего и толковать объ этомъ. Намъ остается еще показать, какъ критикъ понимаетъ факты, приведенные нами о положеніи бѣлаго духовенства. Я сказалъ, что, между прочимъ, договоръ великаго князя Василя Дмитріевича указываетъ на наборъ бѣлаго духовенства изъ тяглыхъ людей. Въ этомъ договорѣ сказано: «А слугъ моихъ, великаго князя, и моихъ данныхъ людей въ діаконы и попы митрополиту не ставити.» Критикъ восклицаетъ: «Вотъ подлинно удивительное, неожиданное заключеніе! Грамота говоритъ, чтобы митрополитъ не ставилъ въ діаконы и попы именно княжихъ слугъ и данныхъ людей, то—есть тяглыхъ людей, которые тнутъ въ дань; авторъ же эту—то грамоту и приводитъ въ свидѣтельство, что бѣлое духовенство именно только и набиралось изъ податныхъ тяглыхъ людей. Какъ случилось такое странное, необычайное соединеніе ничѣмъ несоединимыхъ противорѣчій?» и проч. Для критика непонятно, что если московскій князь выговариваетъ, чтобы митрополитъ не ставилъ въ священники его тяглыхъ людей, то это означаетъ, что до этого времени онъ свободно это дѣлалъ. Точно такъ же, какъ московскіе князья, давая монастырямъ или дворянамъ земли, запрещали имъ поселять своихъ тяглыхъ людей, а позволяли и поощряли переселять изъ другихъ княжествъ. Конечно, ни то, ни другое не могло имѣть мѣста послѣ уничтоженія удѣловъ. Если критикъ потрудится безъ гнѣва прочесть всю уставную грамоту великаго князя Василя Дмитріевича, то онъ тамъ найдетъ еще и другое доказательство нашего положенія, что бѣлое духовенство набиралось не изъ дворянства, а изъ тяглыхъ людей: «Поповичъ, который живетъ при отцѣ своемъ, принадлежитъ митрополиту (то—есть къ сословію духовенства), а который живетъ отдѣльно отъ отца, тотъ мой, великаго князя (то—есть мой тяглый человекъ).» Далѣе, критикъ поступаетъ еще безцеремоннѣе съ фактами. На основаніи образцоваго договора священника съ общиной, напечатаннаго въ *Юридическихъ Актахъ*, подтверждаемаго въ своемъ содержаніи множествомъ другихъ фактовъ, мы представили очеркъ отношеній причта къ общинѣ. Критикъ говоритъ: «Правду сказать, въ этой записи много непонятнаго...», и затѣмъ высказываетъ мысль, что, вѣроятно, это былъ какой—нибудь бѣглый попъ!.. Что тутъ станете дѣлать! Въ *Юридическихъ Актахъ* помѣщены образцы договоровъ, которыхъ археографическая коммиссія имѣла множество, а г. Бѣляевъ рѣшительно не вѣритъ, да и кончено! Развѣ нѣтъ, кромѣ этого договора священника съ общиной, другихъ подобныхъ договоровъ діакона, дьячка, пономаря, помѣщенныхъ въ тѣхъ же *Юридическихъ Актахъ* и въ актахъ, изданныхъ г. Калачовымъ? Что же? это тоже бѣглецъ?

8. Мы не приводимъ подлинныхъ словъ этого обвинительнаго пункта по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не привели третьяго; разсуждать о немъ совершенно излишне, потому что онъ со—

стоитъ единственно изъ обличенія меня въ невѣрномъ пониманіи опредѣленія собора 1667 г. о священникахъ изъ крѣпостныхъ людей. Мы только-что показали, какъ критикъ мастерски объясняетъ смыслъ юридическихъ постановленій; повторять два раза одно и то же бесполезно и скучно.

9. *«Авторъ русскимъ соборамъ навязываетъ латинское правило о полной зависимости монастырей отъ архіереевъ.»* Здѣсь рѣшительно не на что возражать. Я говорилъ, что наши великіе соборы выражали начало полного подчиненія монастырей архіерею, такъ какъ это и существуетъ у насъ въ настоящее время. Критикъ понялъ это по своему; онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я прилаю соборнымъ опредѣленіямъ желаніе поставить монастыри внѣ всякой зависимости отъ государственной власти...

10. *«Авторъ, не понявши дѣла, сваливаетъ свое невѣдѣніе на нашихъ предковъ, и обвиняетъ ихъ въ неразвитости юридическаго сознанія.»* Говоря о патронатѣ царей надъ монастырями, мы замѣтили, что по неразвитости юридическаго сознанія въ древней Россіи, этотъ патронатъ доходилъ иногда до стѣсненія духовной власти архіерея. Затѣмъ я исчислилъ виды проявленія царскаго патроната. Не знаю, на какомъ основаніи г. Бѣляевъ принялъ, что я исчислялъ не виды патроната вообще, а только тѣ его стороны, которыя касались духовныхъ отношеній; всѣ условія, требуемыя логикой и грамматикой, были мною соблюдены, такъ что нужно особенное настроеніе духа, чтобы понять мои слова иначе. Что же касается до главнаго вопроса, то-есть до того, что царскій патронатъ ограничивалъ духовную власть архіерея надъ монастырями, то самъ критикъ долженъ былъ сознаться, что нѣкоторые акты прямо говорятъ объ этомъ. Разумѣется, что и здѣсь г. Бѣляевъ старается затемнить значеніе актовъ, да только весьма неудачно. Кто же изъ насъ обнаруживаетъ невѣдѣніе, я или мой критикъ, объ этомъ должны судить читатели. Но всего смѣшнѣе то, что это обвиненіе меня въ неуваженіи къ предкамъ, которое г. Бѣляевъ называетъ страшнымъ грѣхомъ, и даже дѣлаетъ поэтическое, хотя и исполненное возмутительныхъ дерзостей, обращеніе къ тѣнямъ предковъ, испрашивая у нихъ прощеніе намъ. Очень естественно, что въ древней Россіи не было развитаго юридическаго сознанія, потому что не было науки. Что же тутъ оскорбительнаго для нашихъ предковъ? Здѣсь мы рѣшительно отказываемся постигнуть тотъ путь мышленія, которымъ критикъ достигаетъ до подобныхъ результатовъ.

11. *«Авторъ по какой-то не понятной, щедрости къ русскимъ монастырямъ награждаетъ ихъ титуломъ государей, и освобождаетъ ихъ вотчины почти отъ всякаго соприкосновенія съ государствомъ, называетъ ихъ особымъ юридическимъ міромъ, должно быть по правиламъ латинской церкви, но отнюдь не*

по русскимъ законамъ и православному Номоканону.» Весь этотъ громъ разразился надо мною оттого только, что критикъ добродушно принялъ въ буквальный смыслъ слова: государь и юридическій міръ, тогда какъ эти выраженія условно употребляются для означенія независимаго положенія какого-либо учрежденія. Итакъ какъ большіе монастыри вѣдали своихъ крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ финансовомъ, то-есть всѣ крестьянскія подати шли почти исключительно въ пользу монастыря, и въ судебномъ, и въ полицейскомъ, то мы и имѣли право охарактеризовать ихъ отношенія къ крестьянамъ этими словами. Любопытно, что г. Бѣляевъ на половину соглашается со мною, но дѣлаетъ такую оговорку, которая показываетъ только недостаточность его свѣдѣній въ предметъ, о которомъ онъ берется поучать другихъ. «Ошибка автора, говоритъ г. Бѣляевъ, здѣсь очевидно произошла отъ того, что онъ частное положеніе нѣкоторыхъ привилегированныхъ монастырскихъ земель отнесъ ко всѣмъ монастырскимъ землямъ вообще.» Положимъ, что я сказалъ такъ. Но чтó жъ изъ этого слѣдуетъ? Самыя обширныя привилегіи давались большимъ монастырямъ, а имъ-то и принадлежала большая часть монастырскихъ крестьянъ, напримѣръ Троицко-Сергіевской лаврѣ восьмая часть. Слѣдственно, возраженіе критика падаетъ на него самого. Спрашивается, къ чему здѣсь являются и латинская церковь и православный Номоканонъ??? Мы не знаемъ, какъ и назвать всѣ подобнаго рода возраженія; въ старину говорили о нихъ, что это слова празднаго и рѣчи бездѣльнаго.

12. «Авторъ сочиняетъ каноническое опредѣленіе монашеской жизни, не справляясь съ Номоканономъ.» Мы сказали: «Съ каноническимъ понятіемъ о монашеской жизни нераздѣльно отчужденіе отъ всѣхъ гражданскихъ отношеній: отъ брака и семейства, отъ собственности (частной), отъ политическихъ правъ. Г. Бѣляевъ находитъ такое опредѣленіе несогласнымъ съ Номоканономъ, потому что 19 правило 7 вселенскаго собора дозволяетъ дѣлать вклады въ монастырь... Трудно повѣрить, что такого рода возраженія могутъ быть допущены въ ученой критикѣ. Какое же высокое понятіе имѣетъ нашъ критикъ о монашеской жизни! Въ древней Россіи чистѣйшіе поборники монашества не только считали частную собственность, даже движимую, противною духу христіанскаго монастыря, но даже провозглашали и для монастырей (какъ юридическихъ лицъ) отчужденіе отъ собственности, а вотъ является ученый славяно-филъ, который берется доказывать законность частной собственности для монаха! Совѣстно распространяться объ этомъ вопросѣ.

13. «Авторъ называетъ монастырскимъ закономъ то, что въ русскихъ монастыряхъ и въ обществѣ считалось отступленіемъ отъ закона.» Такъ говоритъ критикъ о доказанной нами необходимости давать вкладъ, чтобы поступить въ древній русскій монастырь,

по крайней мѣрѣ въ достаточный. Такъ какъ множество фактовъ, нами приведенныхъ, доказываютъ, что это былъ общій обычай, а не исключеніе, и такъ какъ эти факты не опровергнуты критикомъ, то намъ и остается только заявить его обвиненіе.

14. «*Авторъ описываетъ монастырское управленіе довольно подробно, но только по частнымъ фактамъ, опуская изъ виду Номоконы и другія общія узаконенія, отъ чего описаніе представляется окаменѣлою грудю фактовъ безъ жизни.*» Въ этомъ пунктѣ заключается не возраженіе на отдѣлъ нашей статьи о монастырскомъ управленіи, а только мнѣніе г. Бѣлева о качествѣ нашего труда и совѣтъ, какъ писать хорошія статьи. Критикъ, указавши на содержаніе этого отдѣла, выражается такимъ образомъ: «*Все это описано и обследовано довольно подробно и отчетливо на основаніи памятниковъ. Это лучшая и правильнѣйшая часть изъ всего труда г. Лохвицкаго; жаль только...*» Затѣмъ слѣдуетъ совѣтъ писать статьи по той методѣ, которая съ такимъ успѣхомъ употреблена критикомъ въ его статьѣ: *О духовенствѣ въ древней Россіи* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г.). Намъ остается только поблагодарить критика за его радушіе; благодарность наша тѣмъ искреннѣе, что не связана съ тяжелымъ чувствомъ быть обязаннымъ, потому что совѣтами его мы никакъ не можемъ воспользоваться.

15. «*Авторъ наперекоръ исторіи утверждаетъ, что русскіе монастыри только Петромъ Великимъ обращены въ религиозныя общества, и ссылается на указы, которые этого не подтверждаютъ.*» Недобросовѣстно такъ извращать чужія слова. Мы сказали, что Петръ Великій освободилъ монастыри отъ мірскихъ заботъ объ управленіи имѣніями и проч., и тѣмъ поставилъ ихъ въ положеніе чистыхъ религиозныхъ обществъ. Развѣ это значитъ, что до Петра они были нерелигиозными обществами? Это только означаетъ, г. критикъ, что до Петра мірскія заботы были большою помѣхою для религіознаго характера монастырей. Мало того, что критикъ не понимаетъ этихъ простыхъ вещей, онъ умышленно даетъ моимъ словамъ совершенно другое значеніе. О значеніи подобной тактики да судятъ безпристрастные читатели. Чтò же касается до способа толкованія г. Бѣлевымъ указовъ Петра Великаго о монастыряхъ, то достаточно привести одинъ примѣръ относительно указа 31-го января 1701 года. Г. Бѣлевъ говоритъ, что такъ какъ этимъ указомъ предписывалось жить въ монастыряхъ только однимъ монахамъ, то слѣдовательно изгнаны всѣ бѣльцы, хворые и старики, жившіе доселѣ въ монастыряхъ, какъ въ главныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ... Здѣсь критикъ вопервыхъ обнаруживаетъ непониманіе приведеннаго указа, а вовторыхъ незнаніе взгляда Петра Великаго на монастыри. Объяснимъ дѣло. Еще соборъ 1667 года замѣтилъ, что множество бѣглыхъ холопей и крестьянъ скрывались по монастырямъ, и прини-

мали постриженіе не вслѣдствіе релігіозныхъ побужденій, а для своекорыстныхъ цѣлей. При Петрѣ Великомъ въ монастыряхъ стали укрываться не только бѣглецы холопы и солдаты, но и лица, преслѣдуемые закономъ. Для искорененія такихъ-то злоупотребленій и издавъ былъ упомянутый указъ. Что онъ не касался хворыхъ и стариковъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Петръ Великій именно и желалъ обратить монастыри преимущественно въ благотворительныя заведенія. Въ извѣстномъ указѣ о монастыряхъ и о другихъ церковныхъ вопросахъ Петръ Великій говоритъ, что нѣкоторые монастыри должны быть учено-релігіозными (духовными академіями), готовить достойныхъ лицъ для занятія высшихъ должностей въ церковной іерархіи, а другіе благотворительными, гдѣ бы содержались увѣчные и престарѣлые подъ попеченіемъ монаховъ.

16. «*Новости заключенія: начало развитія государственныхъ учреждений въ Россіи съ 1753 года; Петровская реформа вызвана расколомъ.*» Въ заключеніе мы сказали между прочимъ: «Государство Московское, хотя медленно, но шло впередъ... за уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, послѣдовало развитіе государственныхъ учреждений.» Кажется, ясно какъ день, что здѣсь говорится о великой мѣрѣ царя Алексѣя Михайловича—уничтоженіи мытовъ и перевозовъ, основанныхъ на противогосударственномъ началѣ, потому что эти сборы шли въ пользу частныхъ владѣльцевъ, монастырей и дворянъ. О важности этой мѣры и ея государственномъ значеніи здѣсь не мѣсто разсуждать; она была уже достаточно оцѣнена покойнымъ Неволнымъ въ его «Истор. Русск. Гражд. Законовъ». Не знаю, какимъ образомъ критику пришло на мысль, что я говорю не о мѣрѣ царя Алексѣя, а императрицы Елисаветы. Впервыхъ и грамматическій смыслъ фразы не позволяетъ вывести такое заключеніе: я говорилъ о Московскомъ государствѣ, а не объ имперіи; вовторыхъ, при императрицѣ Елисаветѣ были уничтожены пошлины, сбиравшіяся съ товаровъ въ городахъ въ пользу казны, слѣдовательно это была мѣра финансовая, а вовсе не государственная. Но для г. Бѣляева не существуетъ ни грамматическихъ, ни логическихъ затрудненій; онъ порѣшилъ, что я утверждаю, будто государственныя учрежденія начали развиваться въ Россіи только съ 1753, и что слѣдовательно и самъ Петръ Великій—отсталый, старовѣръ!!!.. Введя на меня такую вавилонскую нечѣпость, г. Бѣляевъ охорашивается и тѣшится надъ продуктомъ своего собственнаго неразумія. На здоровье!

Наконецъ, критикъ считаетъ противнымъ исторіи наше мнѣніе о томъ, что реформа Петра Великаго между прочимъ условливалась и состояніемъ церковнаго управленія. Г. Бѣляевъ по этому поводу пишетъ великолѣпный панегирикъ дѣятельности прежней церковной іерархіи, и утверждаетъ, что, наоборотъ, реформа причинила рас-

колъ, который бы погибъ самъ собою безъ вмѣшательства государства въ церковныя дѣла и проч. Очень хорошо, но расколъ есть явленіе весьма сложное; это явленіе вмѣстѣ и религиозное, и общественное; нельзя намъ разбирать здѣсь составныхъ частей его; достаточно будетъ указать только на его внѣшнюю сторону. Въ концѣ XVII вѣка древняя наша жизнь видимо истощилась. На Кремлевской площади, царица Софья сказала стрѣльцамъ: «Неужели вы предпочтете государству нѣсколько бѣглыхъ поповъ?» Слѣдственно, вопросъ шелъ уже не одуперстнымъ знаменіи и не о сугубой аллилуйи, а о цивилизаціи или варварствѣ. Общество, среди котораго можно было поставить лицомъ къ лицу эти двѣ силы, явно обнаруживало свое внутреннее паденіе. Отсюда и вытекала роковая необходимость сосредоточенія въ лицѣ Петра Великаго той громадной власти, которой не было примѣра ни у одного европейскаго народа; отсюда и вытекла необходимость привитія новыхъ жизненныхъ началъ. Только такою реформою можно было спасти Россію. Пускай г. Бѣляевъ просмотритъ слова собора 1667 года и Посошкова о степени образованности русскаго духовенства въ концѣ XVII столѣтія, и тогда онъ увидитъ, что безъ новыхъ силъ ничего нельзя было сдѣлать древней Россіи. Болѣе говорить объ этомъ мы не имѣемъ права, потому что въ статьѣ нашей мы не развивали нашего мнѣнія, а только выразили его въ заключеніи.

Мы имѣли терпѣніе разобрать всѣ возраженія г. Бѣляева; мы не пропустили ни одного его замѣчанія. Дѣло скучное какъ для насъ, такъ и для читателей, но оно было необходимо, чтобъ показать всѣ составы критики г. Бѣляева. Такой разборъ имѣетъ между прочимъ и то хорошее слѣдствіе, что избавляетъ насъ на будущее время отъ всякихъ, даже короткихъ, отвѣтовъ на критики г. Бѣляева. Если ученый 1857 года печатно защищаетъ самую грубую насилія, угнетеніе немногими лицами своего же собственнаго сословія, если онъ называетъ сожженія великимъ дѣломъ церковнаго благочинія, если онъ стремится оправдывать высшимъ авторитетомъ грубое своекорыстіе, то съ нимъ нельзя вести ученыя пренія. Россія теперь не въ такомъ положеніи, какъ до Петра Великаго; слова царицы Софьи имѣли потрясающее значеніе въ концѣ XVII вѣка, а теперь всякія опасенія за цивилизацію были бы смѣшны...

А. Лохвицкій.

Парижъ, 5 декабря.

ОТВѢТЪ ХУДОЖНИКА ЖЕЛѢЗНОВА НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. АДѢВЕВА (1).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась статья г. Адѣева «Мастерскія русскихъ художниковъ въ Римѣ». Въ этой статьѣ, въ отзывѣхъ о г. Сорокинѣ, г. Адѣевъ, по моему мнѣнію, перешелъ за границы приличія, и я сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній; г. Адѣевъ напечаталъ на мои замѣчанія свой отвѣтъ, который я разсмотрю подробно.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, служащихъ вступленіемъ, г. Адѣевъ говоритъ:

«Картина г. Сорокина: *Испанскіе Цыгане*, мы не застали уже въ Римѣ, а потому въ письмахъ изъ Рима должны были судить о ней по фотографическому съ нея снимку и по отзывамъ, слышаннымъ нами въ Римѣ.» Но по фотографіи г. Адѣевъ могъ составить себѣ вѣрное понятіе лишь о расположеніи фигуръ и о рисункѣ; это понятіе еще недостаточно для того, чтобы судить о картинѣ. Г. Адѣеву должно быть извѣстно, что красные и желтые цвѣта выходятъ въ фотографіи черными, синіе бѣлыми; вслѣдствіе такого измѣненія колеровъ, фотографія не можетъ вѣрно передать общій тонъ картины, а слѣдовательно и впечатлѣніе, производимое ею. Когда идетъ рѣчь о картинѣ, которой не удалось видѣть, то художники говорятъ: «я знаю эту вещь по гравюрамъ», или, «я знаю эту вещь по рисункамъ», и удерживаются отъ рѣшительнаго суда надъ нею.

За приведенными мною словами г. Адѣева, слѣдуетъ однакоже строгій разборъ картины г. Сорокина, который я выпиываю вполнѣ:

- Картина г. Сорокина изображаетъ семью испанскихъ цыганъ въ ихъ домашнемъ быту, и потому принадлежитъ въ живописи къ числу такъ-называемыхъ жанровъ. Но не думайте встрѣтить это знакомое вамъ племя въ его кочевьи среди поля съ какими-нибудь характеристическими особенностями своего быта. Нѣтъ! въ картинѣ г. Сорокина кочующее племя приобрѣло уже осѣдлую жизнь. Среди окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами маленькаго дворника, постоянной принадлежности жилищъ въ южныхъ странахъ, на разостланномъ коврѣ расположилась эта семья, какъ видно не совсѣмъ безъ комфорта. По срединѣ сидящая мать унимаетъ плачущую дѣвочку лѣтъ четырехъ, совершенно нагуго и обращенную лицомъ къ зрителямъ въ позѣ довольно нескромной. По лежащимъ подлѣ на коврѣ цвѣстистымъ тканямъ можно заключить, что мать была занята работою. Остальные члены семейства озабочены въ настоящую минуту тѣмъ, чтобы утѣшить ребенка; справа вы видите отца, лежащаго на коврѣ и наптрывающаго на гитарѣ; нѣсколько впереди—юношу, готоваго плясать, чтобы утѣшить ребенка; налѣво старуха бьетъ въ ладоши, протянутыми къ ребенку костлявыми руками; одна только фигура старика, сидящаго въ заднемъ углу и нюхающаго табакъ, не принимаетъ, какъ видно, участія въ этой слишкомъ обыкновенной семейной сценѣ. Нужно сознаться, что первое впечат-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», 1857 г. № 4-й. Отвѣтъ г. Желѣзнова былъ доставленъ два мѣсяца тому назадъ. *Ред.*

лѣніе, проаводимое картиной, весьма невыгодно, хотя нельзя отнять у художника способности владѣть кистью. Причина этого впечатлѣнія, производимаго цѣлымъ, заключается въ безпокойномъ освѣщеніи, а еще болѣе въ пестротѣ задняго плана и неумѣнья согласовать его съ свѣтовымъ пятномъ. Лучь солнца бьетъ сверху на помостъ дворика, оставляя въ тѣни всѣ фигуры, освѣщенные однимъ рефлексомъ, большую частію съ задней стороны; на стѣнахъ дворика, составляющихъ фонъ картины, рефлексъ этотъ выраженъ весьма неправильно; оттого въ общемъ освѣщеніи и нѣтъ спокойствія, хотя фигуры выдѣляются весьма рельефно. Про вѣтку же виноградной лозы, на которую частію попалъ лучь солнца, можно безъ преувеличенія дурной стороны сказать, что она намалевана, а не написана. Обратимся къ рисунку. Если нельзя сдѣлать замѣчаній противъ его правильности, то по совѣсти можно пожаловаться на недостатокъ граціи, въ особенности въ фигурѣ пляшущаго юноши. Что касается до типичности и выраженія лицъ, то достаточно было бы указать на одно лицо матери ребенка, чтобы заставить согласиться, что за такими типами не нужно было ѣздить въ Испанію. Въ отцѣ мы видимъ не болѣе какъ джюга мужика съ какою-то непріятною миною, нѣчто въ родѣ безсрочно-отпускнаго солдата, который, ваяясь дома на печи, тѣшитъ семью балалайкою. Если сохранены цыганскіе типы, такъ это развѣ въ лицѣ старухи и дѣвочки, но послѣдняя, нужно замѣтить, блондинка. Старикъ же, сидящій въ углу, напоминаетъ намъ, Москвитамъ, извѣстнаго Тропининскаго старика съ тавлинкою. Прибавьте къ этому костюмы, не заключающіе въ себѣ ничего отличительнаго, кромѣ огромныхъ, довольно оригинальныхъ ботфортовъ на отцѣ семейства. Вотъ подробный отчетъ о самой картинѣ, въ которомъ мы старались не упустить ничего изъ вида. Кисть не лишена достоинства, хотя выполненіе фигуръ довольно однообразно, уже потому, что всѣ онѣ въ тѣни.»

Мнѣ кажется, что человекъ, принимающій на себя роль критика, не долженъ искать въ картинѣ осуществленія своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, но долженъ проникнуть мысли и чувства того, кого критикуетъ. Критикъ всегда долженъ помнить, что если онъ критикуетъ какого-нибудь художника, значитъ художникъ достоинъ критики, и стало-быть уваженія, критикъ долженъ понимать, что художникъ болѣе всѣхъ думалъ о своемъ трудѣ, и стало-быть имѣлъ причины представлять избранный сюжетъ такъ, а не иначе. Чтобы понять, почему художникъ представилъ избранный сюжетъ такъ, а не иначе, критикъ долженъ *приготовиться*, долженъ узнать все, что касается сюжета, избраннаго художникомъ, и быть посредникомъ между художникомъ и публикой. Если критикъ, глядя на произведеніе съ точки зрѣнія самого художника, найдетъ, что художникъ не правъ, то онъ обязанъ доказать, почему именно художникъ не правъ, не навязывая ему своихъ взглядовъ на искусство. Поэтому г. Авдѣевъ прежде всего долженъ былъ бы сказать: Въ Андалузій находится множество цыганскихъ семействъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, причисленныхъ къ мѣщанскому сословію, ведущихъ осѣдлую жизнь. Въ Андалузій цыгане обыкновенно живутъ въ предмѣстіяхъ городовъ, въ мазанкахъ, или вырываютъ себѣ жилища въ горахъ, закладывая ихъ каменными стѣнами, въ которыхъ продѣлываютъ двери; потомъ, они окружаютъ свои жилища

каменными оградами, образующими дворики. Одно изъ такихъ жилищъ представлено и на картинѣ г. Сорокина. Часть скалы на правой сторонѣ картины доказываетъ, что это предположеніе справедливо. Далѣе г. Авдѣевъ долженъ бы былъ сказать: Цыгане отлучаются изъ своихъ жилищъ на ярмарки, а сидя дома, занимаются кованіемъ лошадей и производствомъ желѣзныхъ работъ. Все воспитаніе цыганокъ состоитъ въ пляскѣ, и родители съ самаго нѣжнаго возраста начинаютъ учить дочерей своимъ этому ремеслу. Обыкновенный инструментъ, подъ который пляшутся всѣ народные испанскіе танцы—гитара. Къ этой музыкѣ танцоры присоединяютъ необходимое стуканье кастаньетами или щелканье пальцами, а зрители хлопаютъ въ ладоши. Одинъ изъ уроковъ подобнаго воспитанія представилъ г. Сорокинъ на своей картинѣ. Вотъ что прежде всего слѣдовало бы г. Авдѣеву объяснить своимъ читателямъ, а не говорить: не думайте встрѣтить это знакомое вамъ племя такъ или этакъ! По возвращеніи изъ-за границы въ Москву, г. Авдѣевъ посѣтилъ собраніе г. Солдатенкова, видѣлъ картину г. Сорокина; но судить о ней такъ же неосновательно, какъ судить по фотографіи. Г. Авдѣевъ напримѣръ говоритъ, что дѣвочка плачетъ, тогда какъ дѣвочка на картинѣ г. Сорокина не плачетъ, а смѣется! Г. Авдѣевъ, разумѣется, не замедлитъ сказать, что выраженіе въ лицѣ дѣвочки непонятно, и припишетъ это обстоятельство къ недостаткамъ художника. Положимъ, что г. Авдѣевъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ; но какъ же онъ говоритъ, что старикъ, сидящій въ углу, нюхаетъ табакъ, тогда какъ онъ дѣлаетъ себѣ папироску? Тѣмъ не менѣе однакоже г. Авдѣевъ въ заключеніе храбро говоритъ: «вотъ подробный отчетъ о самой картинѣ, въ которомъ мы старались не упустить ничего изъ вида.» Г. Авдѣевъ говоритъ, что картина г. Сорокина изображаетъ слишкомъ обыкновенную семейную сцену. Неужели г. Авдѣевъ не согласится, что картины изъ народнаго быта обыкновенно не отличаются глубиною мысли, а вѣрно передаютъ подмѣченныя въ натурѣ сцены? Достоинство картины г. Сорокина именно въ томъ и заключается, что онъ вѣрно передаетъ то, что всякому посѣтителю Андалузій случилось видѣть. Г. Авдѣевъ пишетъ: «Нужно сознаться, что первое впечатлѣніе, производимое картиной, весьма невыгодно, хотя нельзя отнять у художника способности владѣть кистью. Причина этого впечатлѣнія заключается въ безпокойномъ освѣщеніи, а еще болѣе въ пестротѣ задняго плана и неумѣнны согласовать его со свѣтовымъ пятномъ.» Г. Авдѣевъ долженъ былъ бы замѣтить, что не одинъ помостъ, но и вся лѣвая сторона задняго плана составляютъ свѣтовое пятно картины, и тогда не сказалъ бы, что г. Сорокинъ не умѣлъ согласовать свѣтоваго пятна съ самимъ собою. Г. Авдѣевъ говоритъ: «лучъ солнца бьетъ сверху на помостъ дворика, оставляя въ тѣни всѣ фигуры, освѣщенныя однимъ рефлексомъ большею частию съ задней

стороны.» Фигуры въ картинѣ г. Сорокина освѣщены сзади, но не рефлексомъ, какъ говорить г. Авдѣевъ, а солнцемъ.

«На стѣнахъ дворика, составляющихъ фонъ картины, рефлексъ этотъ выраженъ весьма неправильно.» Почему неправильно? Вотъ этого-то именно г. Авдѣевъ и не говоритъ. Въ краскахъ картина г. Сорокина дѣйствительно имѣетъ недостатокъ, общій почти всѣмъ работамъ этого художника; но онъ состоитъ совсѣмъ не въ невѣрности той или другой части картины, потому что во всѣхъ известныхъ мнѣ работахъ г. Сорокина каждая часть картины отдѣльно всегда хорошо сработана и можетъ назваться прекраснымъ этюдомъ съ натуры. «Про вѣтку же виноградной лозы, на которую частію попалъ лучъ солнца, можно безъ преувеличенія дурной стороны сказать, что она намалевана, а не написана.» Я было думалъ, что г. Авдѣевъ хотѣлъ сказать, что листья виноградной лозы не имѣютъ опредѣленнаго контура; но листья виноградной лозы на картинѣ г. Сорокина вырисованы очень тщательно, и потому совершенно не понимаю, что г. Авдѣевъ понимаетъ подъ словомъ намалевано. Обращаясь къ рисунку, г. Авдѣевъ говоритъ: «Если нельзя сдѣлать замѣчаній противъ его правильности, то, по совѣсти, можно пожаловаться на недостатокъ граціи.» Г. Авдѣевъ, какъ я изъ словъ его заключаю, желаетъ, чтобы каждому сюжету безъ исключенія придавалась грація, или, какъ многіе говорятъ, чтобы фигуры были облагорожены; но г. Сорокинъ, какъ изъ картины видно, убѣжденъ, что въ сценѣ изъ народнаго быта не должно искать античной красоты, а должно копировать обыкновенную натуру. Кто же правъ? Можно бы было отвѣчать: оба правы, потому что многіе художники раздѣляютъ мнѣніе г. Авдѣева, многіе согласны съ г. Сорокинымъ; но если г. Авдѣевъ взялся критиковать г. Сорокина, то ему должно было, поговоривъ о томъ, чего хочется ему, критику, сказать и о томъ, достигъ ли художникъ предположенной себѣ цѣли, или нѣтъ. Далѣе г. Авдѣевъ пишетъ: «Въ отцѣ семейства мы видимъ не болѣе какъ дождяго мужика съ какою-то неприятною миною, въ родѣ безсрочно-отпускнаго солдата, который, валяясь на печи, тѣшитъ семью балагайкою.» Зачѣмъ г. Авдѣевъ прибѣгаетъ къ подобнымъ фразамъ? Разбирая послѣднюю петербургскую выставку, г. Авдѣевъ *Умирающую Гладиатора*, г. Бронникова, также назвалъ безсрочно-отпускнымъ солдатомъ. Это обстоятельство даетъ поводъ подозрѣвать, что не художники, какъ говорить г. Авдѣевъ, пишутъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не нужно, а воображеніе самого г. Авдѣева такъ настроено, что онъ во всемъ видитъ только безсрочно-отпускныхъ! Не знаю, напоминаетъ ли старикъ-цыганъ, написанный г. Сорокинымъ, Тропининскаго *Старика съ тавлинкою*, знаю только, что типъ его совершенно южный, и что это сравненіе г. Авдѣева, такъ же какъ и предыдущее, ровно ничего не доказываетъ. Гово-

ря, что въ головѣ дѣвочки сохраненъ цыганскій типъ, г. Авдѣевъ прибавляетъ: «но она, нужно замѣтить, блондинка.» Нужно замѣтить также, что г. Авдѣевъ, проведшій нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ и Неаполѣ, могъ «замѣтить», что большая часть дѣтей въ Италіи бѣлокуры. Г. Авдѣевъ пишетъ: «прибъзьте къ этому костюмы, не заключающіе въ себѣ ничего отличительнаго, кромѣ огромныхъ, довольно оригинальныхъ ботфортовъ на отцѣ семейства.» Г. Сорокинъ представилъ костюмы, какіе видѣлъ въ натурѣ, и за это, я думаю, его никто не будетъ упрекать. Далѣе г. Авдѣевъ говоритъ: «Кисть не лишена достоинства, какіе выполненіе фигуръ довольно однообразно уже потому, что всѣ онѣ въ тѣни.» Да развѣ, Боже мой! живые люди, стоя въ тѣни, какъ и стоя въ свѣту, не сохраняютъ каждый своего собственнаго характера и въ лицѣ и въ фигурѣ, такъ же какъ и своего цвѣта тѣла?

Отвѣтъ на мои замѣчанія, г. Авдѣевъ начинаетъ выпискою изъ своего письма: «Г. Сорокинъ, многолѣтнее пребываніе котораго за границей даетъ нѣкоторымъ образомъ право кой-чего и ожидать, подавалъ, какъ говорятъ, еще въ Россіи большія надежды своею способностію компоновать фигуры.... Предметомъ картины г. Сорокина, какъ намъ сообщили потомъ, были испанскіе цыгане. Не знаемъ, почему мы безотчетно принимали эти лица, при первомъ взглядѣ, за русскихъ мужиковъ: есть ли въ положеніяхъ этихъ фигуръ или въ самой ихъ неуклюжести что-либо общее? или воображеніе живописца, гармонирующее болѣе съ бытомъ ярославскихъ или костромскихъ простолюдиновъ, преобладало надъ желаніемъ изобразить испанскихъ цыганъ?» Если даже основываться на разборѣ картины г. Сорокина, сдѣланномъ самимъ г. Авдѣевымъ, то и тогда ясно, что между фигурами есть общая связь; неуклюжесть фигуръ, какъ извѣстно, происходитъ отъ дурнаго рисунка, а самъ г. Авдѣевъ говоритъ, что рисунокъ г. Сорокина правиленъ. Фраза: «воображеніе живописца, гармонирующее съ бытомъ ярославскихъ или костромскихъ простолюдиновъ, преобладало надъ желаніемъ изобразить испанскихъ цыганъ», сама по себѣ показалась бы намъ смѣшною и больше ничѣго; но такъ какъ ниже, г. Авдѣевъ, не краснѣя, признается, что намекалъ этою фразою на происхожденіе и воспитаніе г. Сорокина, то я ему скажу, что фраза эта становится вполне недостойною образованнаго человѣка и ложится пятномъ не на того, къ кому она относится, а на того, кто ее произнесъ (1). Далѣе: «О рисунокѣ и колоритѣ картины

(1) Предоставляя самому г. Авдѣеву отвѣчать на другія возраженія и упреки г. Желѣзнова, не можемъ не замѣтить, что этотъ упрекъ, сила котораго пала бы не на одного г. Авдѣева, но и на редакцію журнала, помѣстившаго его статью, совершенно неоснователенъ. Не на происхожденіе и воспитаніе г. Сорокина намекалъ г. Авдѣевъ, а хотѣлъ указать лишь на казавшуюся ему зависимость изображаемыхъ г. Сорокинымъ типовъ отъ посто-

мы слышали отзывы довольно невыгодные.» Такъ какъ картина г. Сорокина была принята въ Римѣ очень хорошо, то я и спросилъ г. Авдѣева, отъ кого слышалъ онъ о ней невыгодные отзывы? На этотъ вопросъ г. Авдѣевъ отвѣчаетъ благороднымъ молчаніемъ(1). Далѣе: «Г. Сорокинъ пишетъ, какъ сказывали, и такія картины, гдѣ вся фигура скрывается за рамою внѣ картины, а въ картинѣ представлена напримѣръ одна рука, подающая милостыню нищей. Г. Желѣзновъ замѣчаетъ, что на картинѣ изображена не одна рука, подающая милостыню нищей, но нищая, стоящая на церковной паперти и получающая милостыню отъ руки, протянутой къ ней изъ—за церковной двери, изъ чего г. Желѣзновъ заключаетъ, что въ картинѣ главную роль играетъ нищая, а не протянутая рука. Должно согласиться, что въ этомъ случаѣ г. Желѣзновъ совершенно правъ; но самая картина, назовите ее такъ или иначе, воля ваша, по своей композиціи, противна здоровой эстетикѣ.» Г. Авдѣевъ сказалъ: «Г. Сорокинъ пишетъ, какъ намъ сказывали и такія картины» и пр., значить г. Авдѣевъ самъ картины не видалъ. Какъ же, не видавъ картины, онъ говоритъ: «воля ваша, картина по своей композиціи противна здоровой эстетикѣ»? О *цыганкахъ* г. Авдѣевъ судилъ по крайней мѣрѣ по фотографіи, а *нищенку* осуждаетъ, не имѣя о ней никакого понятія! И что значить здоровая эстетика? Развѣ есть эстетика нездоровая? Далѣе: «Г. Желѣзновъ спрашиваетъ насъ: что разумѣемъ мы, говоря, что г. Сорокинъ подавалъ еще въ Россіи большія надежды своею способностію компоновать? Въ томъ смыслѣ, какъ нами было это сказано, конечно нельзя здѣсь разумѣть ничего кромѣ сочиненія.» Я сказалъ г. Авдѣеву, что если онъ хотѣлъ сказать, что г. Сорокинъ еще въ Россіи отличался своею способностію сочинять, то онъ совершенно правъ, потому что выраженіе компоновать «фигуры, по моему, не имѣетъ никакого значенія, и замѣтилъ, что подобнымъ качествомъ нельзя подавать большихъ надеждъ... На это замѣчаніе г. Авдѣевъ отвѣчаетъ вопросомъ: «Мы желали бы спросить г. Желѣзнова по совѣсти, положи руку на сердце, какъ это дѣлается между художниками: какимъ путемъ достигаютъ композиціи большихъ картинъ художники одного разряда съ г. Сорокинымъ?

ронныхъ впечатлѣній. Читатели могутъ убѣдиться въ томъ изъ словъ г. Авдѣева, приведенныхъ ниже, и конечно, согласятся, что, справедливо ли или нѣтъ этотъ намекъ г. Авдѣева, во всякомъ случаѣ онъ вполне позволителенъ, и что фраза, употребленная г. Авдѣевымъ, отнюдь не налагаетъ пятна на того, кто произнесъ ее. *Ред.*

(1) Г. Авдѣевъ, въ этомъ случаѣ, очевидно и не могъ поступить иначе. Онъ имѣлъ несомнѣнное литературное право сообщить читателямъ слышанные имъ отзывы, подкрѣпивъ свои показанія одною лишь подписью своего имени, и никто не можетъ принудить его назвать имена третьихъ лицъ, которымъ можетъ—быть было бы неприятно такое обнародованіе ихъ словъ, сказанныхъ въ частномъ разговорѣ. *Ред.*

Развѣ не простою группировкою фигуръ, въ ожиданіи того, что по волѣ боговъ само собою нарисуеться? Станетъ ли г. Желѣзновъ утверждать, что воображеніе помянутаго художника получило настолько развитія, а рука настолько подчинилась воображенію, чтобы каждое дѣйствующее лицо съ перваго приѣма выходило неизбѣжною частію общаго цѣлага?» Что воображеніе г. Сорокина получило развитіе, доказывается тѣмъ, что онъ производитъ хорошія картины; а что г. Сорокинъ мастерски владѣетъ карандашомъ и кистью, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ художники Петербурга и Рима, да и самъ г. Авдѣевъ. Въ началѣ статьи своей онъ не рискнулъ отнять у г. Сорокина всѣми признаннаго за нимъ достоинства, и сознался, что противъ правильности рисунка г. Сорокина говорить нельзя, такъ же какъ нельзя отнять у него умѣнья владѣть кистью. Впрочемъ г. Авдѣевъ не довольствуется тѣмъ, что г. Сорокинъ хорошо рисуетъ и пишетъ; онъ хочетъ, чтобы у г. Сорокина «каждое дѣйствующее лицо съ перваго приѣма выходило неизбѣжною частію общаго цѣлага!» О какомъ это первомъ приѣмѣ говоритъ г. Авдѣевъ? Не хочетъ ли онъ сдѣлать художество чѣмъ-то въ родѣ солдатскаго артикула, предлагая живописцамъ создавать дѣйствующія лица картинъ по первому приѣму? Видѣлъ ли г. Авдѣевъ оригинальные рисунки древнихъ художниковъ, хоть напримѣръ Леонардо да-Винчи и Рафаэля? Видѣлъ ли онъ портфели К. П. Брюллова и А. А. Иванова? Если видѣлъ, то онъ долженъ былъ бы убѣдиться, что каждая складка въ картинѣ должна быть обдумана и стоить художнику труда; а что созданіе дѣйствующихъ лицъ, даже и отъ знаменитыхъ художниковъ требуетъ великихъ усилій, этого г. Авдѣевъ вѣроятно и не подозреваетъ; иначе ему и въ голову бы не пришло говорить о какомъ-то первомъ приѣмѣ. Я замѣтилъ г. Авдѣеву, что рисункомъ картины г. Сорокина любовался весь Римъ. Г. Авдѣевъ, выписывая эту фразу въ свой отвѣтъ, передѣлалъ ее такимъ образомъ: «ей же (то-есть картинѣ), по словамъ г. Желѣзнова, удивлялся весь Римъ.» Неужели г. Авдѣевъ не видитъ разницы въ приведенныхъ мною фразахъ? Г. Авдѣевъ говоритъ: «Мы предполагаемъ, что г. Желѣзновъ не желаетъ ставить собратій своихъ на ходули.» Да кого же я ставлю на ходули? Самъ же г. Авдѣевъ говоритъ, что г. Сорокинъ еще въ Россіи подавалъ большія надежды; г. Авдѣевъ долженъ бы былъ знать, еслибъ онъ слѣдилъ за успѣхами нашихъ художниковъ, что картина г. Сорокина, противная по своей композиціи здоровой эстетикѣ, была признана лучшею на мадридской выставкѣ, что за картину *Цыгане*, въ которой изображены портреты ярославскихъ и костромскихъ простолюдиновъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, г. Сорокинъ получилъ званіе члена Гренадской академіи, что эта же картина въ Римѣ заслужила всеобщее одобреніе. Наконецъ я сообщу г. Авдѣеву, радующемуся всѣмъ успѣхамъ русскихъ художниковъ, что новая большая картина г. Соро-

кина: *Благовъщеніе*, породила въ Римѣ много толковъ, изъ которыхъ, по словамъ знаменитаго нашего художника А. А. Иванова, «ясно только то, что самые злые противники картины г. Сорокина не могутъ отнять у него ума и таланта.» Изъ всего сказаннаго мною видно, что въ отзывахъ г. Авдѣева проглядываетъ недоброжелательство. Продолжаю выписки изъ отвѣтной статьи г. Авдѣева:

«Г. Желтзновъ, какъ бы сознавая противъ воли справедливость *сдѣланнаго нами намека*, заключаетъ слѣдующими словами: «Со-
«всѣмъ не удивительно, что г. Сорокинъ сочувствуетъ, по выраже-
«нію г. Авдѣева, неуклюжимъ простолудинамъ Ярославской и Ко-
«стромской губерніи. Г. Сорокинъ родился въ податномъ состоя-
«ніи, но силою своего ума, таланта и воли, безъ всякой посторонней
«помощи проложилъ себѣ дорогу, приобрѣлъ уваженіе и завистни-
«ковъ.» Вполнѣ уважая всѣ вышепоименованныя качества г. Сорокина, нельзя однакоже не пожалѣть, ежели онъ, даже при всей своей силѣ воли, не въ состояніи освободить свое воображеніе отъ быта, его нѣкогда окружавшаго. На алтарь искусства должна быть приносима очищенная жертва. Тонкое эстетическое чувство должно быть принадлежностью жреца, а они достигаются образованіемъ.»

Оставляя безъ вниманія алтари искусствъ и очищенныя жертвы, обращаясь къ послѣдней фразѣ. У насъ въ Россіи теперь, кажется, въ модѣ упрекать гг. художниковъ въ необразованности. Г. Авдѣевъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе писатели, печатно ратуютъ противъ невѣжества художниковъ. Отвѣтъ мой г. Авдѣеву покажетъ и другимъ писателямъ, въ какой мѣрѣ они несправедливы. Еслибы г. Авдѣевъ сказалъ, что художникамъ необходимо самое многостороннее образованіе, а гг. художники въ Академіи не получаютъ никакого, еслибы онъ прибавилъ, что гг. профессорамъ и членамъ Академіи давно пора обратить вниманіе на это важное обстоятельство, то я бы сказалъ, что г. Авдѣевъ человекъ почтенный и любящій искусство; но упрекать въ необразованности того или другаго русскаго художника такъ же неблагоприятно, какъ и бить лежачаго! Чѣмъ же русскіе художники виноваты, что имъ не даютъ никакого образованія? Неужели г. Авдѣевъ не знаетъ, что русскіе художники, по большей части, люди бѣдные; что поступая въ Академію учиться, они болѣе половины своего времени убиваютъ на то, чтобы заработать кусокъ насущнаго хлѣба. и часто не для себя только, но и для содержанія цѣлаго семейства? Тяжкая необходимость, заставляющая нашихъ художниковъ, въ самомъ началѣ поприща разбивать свою дѣятельность, изучать искусство и заботиться о приобрѣтеніи денегъ, не мѣшаетъ имъ съ честью идти по избранной стезѣ. Любовь къ дѣлу побѣждаетъ всѣ препятствія, и наши художники являются за границу. Тутъ новая бѣда! За границую почти всѣ наши художники начинаютъ понимать, что средневѣковое искусство отжило свой вѣкъ; они понимаютъ также,

что новый путь требуетъ отъ художника обширнаго образованія. Какія же средства къ образованію имѣетъ русскій художникъ, брошенный за границу на произволъ судьбы? Мнѣ скажутъ, что въ Римѣ есть много библіотекъ, въ которыхъ художникъ можетъ найти все, что нужно. Справедливо; но, къ несчастію, русскіе художники прѣзжаютъ за границу, не зная иностранныхъ языковъ! И такъ, прежде чѣмъ за что-нибудь приняться, русскій художникъ долженъ учиться иностраннымъ языкамъ, а изучивъ ихъ, долженъ приняться за чтеніе. Но что же онъ будетъ читать? Хорошо совѣтовать «читать» тому, кто знаетъ, гдѣ и что ему надо вычитать; а русскій художникъ даже не знаетъ, къ кому въ подобномъ случаѣ обратиться за совѣтомъ. И несмотря на все это, между русскими художниками находятся люди, которые, подобно г. Сорокину, умѣютъ образовывать себя, и производить вещи, которыми любятъ иностранцы. Съ гордостью говорю, что я принадлежу къ сословію русскихъ художниковъ, потому что, какъ бы ни было недостаточно ихъ образованіе, они умѣли стать выше окружающихъ ихъ обстоятельствъ. Душевно желаю, чтобы каждый Русскій имѣлъ право сказать то же самое о сословіи, къ которому принадлежитъ.

Художникъ Михаилъ Желѣзновъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вниманіе Европы, съ того времени, на которомъ остановилось наше послѣднее обозрѣніе, было преимущественно занято засѣданіями англійскаго парламента и проявленіями политической жизни въ тѣхъ странахъ, гдѣ болѣе или менѣе принялись и уцѣлѣли конституціонныя учрежденія.

Англійскій парламентъ открылся не въ урочное время, за два мѣсяца до законнаго срока. Къ тому были особенные поводы. Въ то время, какъ волны мятежа въ Остѣ-Индіи, казалось, грозили поколебать всемірное могущество Англии, другое бѣдствіе обрушилось надъ страной, распространяя далеко свое дѣйствіе, но сосредоточивая свои

сильнѣйшіе удары на Англии, гдѣ торговые интересы имѣютъ столь обширное значеніе и такъ тѣсно связаны со всѣми интересами государства и общества. Мы говоримъ о финансовомъ кризисѣ, съ которымъ уже прежде старались ознакомить нашихъ читателей. Положеніе было дѣйствительно критическое, каждая минута промедленія могла быть гибельна, и правительство рѣшилось прибѣгнуть къ крайней и единственной мѣрѣ, представлявшейся ему въ этомъ положеніи. Письмомъ въ дирекцію англійскаго банка, за подписью лорда государственной казны (лорда Падмерстона) и канцлера казначейства (сэръ-Кориваля Льюиса), разрѣшалось этому кредитному установленію нарушить одинъ изъ органическихъ его уставовъ, законъ 1844 года. Мы уже сообщали нашимъ читателямъ, что законъ этотъ, изданный въ означенномъ году, при сэръ-Робертѣ Пилѣ, съ цѣлю обезпечить торговый міръ отъ чрезмѣрнаго выпуска банковыхъ билетовъ, воспрещаетъ банку выпускать билеты свыше 14 милл. ф. стерл. Правительство поступило въ этомъ случаѣ не безъ основанія; мѣра эта дѣйствительно была ближайшимъ врачебнымъ средствомъ въ этой *паникѣ*, овладѣвшей всѣми торговыми оборотами. Правда, средство это не можетъ не показаться слишкомъ сильнымъ, если принять въ соображеніе, какъ глубоко укоренено въ англійской почвѣ чувство законности, какъ не любятъ здѣсь самопроизвольныхъ нарушеній установленнаго закона, откуда бы они ни происходили. Но и въ этомъ отношеніи правительство могло съ спокойною совѣстью уступить вынужденію критической минуты: приостанавливая дѣйствія закона, оно имѣло въ недавнемъ прошедшемъ примѣръ, который могъ служить ему основаніемъ и оправданіемъ. Три года спустя по изданіи хартіи банка, въ 1847 году, при обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ, правительство также нашлось вынужденнымъ приостановить ея дѣйствіе и также дозволить банку выпустить билетовъ свыше предписанной суммы; тогда парламентъ одобрилъ эту мѣру; основательность ея призналъ и сэръ-Робертъ Пиль, стоявшій тогда во главѣ уже не правительства, а оппозиціи. Но обстоятельства того времени, кажется, далеко не были такъ вынудительны какъ нынѣ, потому что не успѣли министры отправить свое разрѣшительное письмо въ дирекцію банка, какъ уже появились благоприятные признаки, возвыщавшіе близкое прекращеніе финансоваго кризиса. Теперь разстройство дѣлъ гораздо значительнѣе и глубже: министерское письмо давно уже отправлено, обнародовано, давно возымѣло дѣйствіе, банкъ выпустилъ много новыхъ билетовъ, но кризисъ еще не прекратился, хотя средства, употребленные противъ него, были рациональны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣтилъ въ своемъ отчетѣ канцлеръ казначейства, паническій страхъ овладѣваетъ теперь финансовымъ міромъ не вслѣдствіе недостатка въ металахъ: въ Гамбургѣ, напримѣръ, при исключительно-метал-

лическомъ обращеніи цѣнностей, не замедлил обнаружиться тотъ же кризисъ,—и потому, какъ основательно заключаетъ сэръ-Корнвалъ Льюизъ, при подобномъ кризисѣ всякое стѣсненіе въ обращенія банковыхъ билетовъ неизбежно произвело бы общую тревогу. Итакъ, созывая парламентъ, правительство не сомнѣвалось, что финансовая мѣра его будетъ одобрена; но оно чувствовало на плечахъ своихъ бремя самопроизвольнаго дѣйствія, и не хотѣло на долгое время оставлять на себѣ отвѣтственность за нарушеніе закона, хотя и достаточно оправдываемое какъ примѣромъ прошедшаго, такъ и потребностями настоящаго. Правительство спѣшило получить санкцію парламента и возвратить характеръ законности своимъ распоряженіямъ.

Передъ открытіемъ парламента, по правилу освященной обычаями вѣжливости, правительство обыкновенно сообщаетъ вождямъ оппозиціи копию тронной рѣчи, которою открываются засѣданія и которая служитъ какъ бы программой для преній. Обыкновенно руководителями партій дается наканунѣ парламентскій обѣдъ, послѣ котораго собравшіеся прочитываютъ тронную рѣчь, и члены оппозиціи заранее соглашаются въ планѣ компаніи противъ министерства. И на этотъ разъ правительство не отступило отъ обычая, но ни графъ Дерби, ни г. Дизраэли не давали парламентскаго обѣда. Въ то время, какъ въ Даунингъ-стритѣ, въ жилищѣ главы кабинета, горѣли яркіе огни, дома обоихъ вождей оппозиціи были темны и пусты. Оппозиція не считала нужнымъ готовиться къ компаніи на время этихъ краткихъ чрезвычайныхъ засѣданій. Главный вопросъ, — вопросъ финансовый, — собиравшія палаты въ это неурочное время, не давали оппозиціи ни повода, ни мѣста развернуть свои силы. Вся роль ея пока должна была ограничиться одною критикой дѣйствій министерства, а рѣшительная нападенія должно было отложить до новыхъ засѣданій, имѣющихъ открыться 4-го февраля.

Сообщаемъ нѣшимъ читателямъ вполнѣ текстъ рѣчи, произнесенной королевою Викторіей:

-Милорды и господа! Недавно наступили обстоятельства, имѣющія прямое отношеніе къ торговымъ интересамъ страны, и побудившія меня созвать парламентъ прежде обычнаго времени. Несостоятельность нѣкоторыхъ общественныхъ банковъ и торговыхъ домовъ поколебала общественное довѣріе, и я должна была уполномочить моихъ министровъ, чтобъ они предложили директорамъ англійскаго банка принятіе комбинаціи, которая признана была необходимою для облегченія настоящей паники. Такъ какъ это дѣйствіе повлекло за собою нѣкоторое отступленіе отъ существующаго законодательства, то на ваше разсмотрѣніе будетъ представленъ билль, которымъ должны быть оправлены какъ тѣ, которые подали къ тому совѣтъ, такъ и тѣ, которые на то согласились. Замѣчаю съ сожалѣніемъ, что замѣшательство торговыхъ дѣлъ вообще причинило уменьшеніе работъ въ фабричныхъ дистриктахъ, что, какъ я опасаясь, непременно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ большія бѣдствія. Я питаю однако увѣренность, что бѣдствія эти будутъ непродолжительны, и обильная жатва, которую Провидѣніе благо-

словазо нашу почву, будетъ, я надѣюсь, въ нѣкоторой степени способствовать къ облегченію страданій, которыя неизбежны при такомъ положеніи дѣлъ. Плаксивая тяжкія страданія, которымъ подверглось значительное число моихъ подданныхъ въ Ость-Индіи и сочувствуя тѣмъ потерямъ, той скорби, которая была слѣдствіемъ того, я испытываю однако чувство величайшаго удовлетворенія, узнавъ о блестящихъ успѣхахъ, которыми увѣнчаны были геройскія усилія сравнительно немногочисленныхъ войскъ нашихъ еще до прибытія значительныхъ подкрѣпленій, отправляемыхъ къ нимъ на помощь изъ Англіи. Прибытіе этихъ подкрѣпленій быстро, надѣюсь я, подавить это возмущеніе, такъ далеко распространившееся. Храбрость войскъ, противостоящихъ бунтовщикамъ, ихъ мужество въ бою, терпѣніе, съ какимъ переносятъ они лишения, труды и вліяніе климата, отличный духъ и преданность, которыми проникнуты офицеры, искусство, знаніе и неослабная энергія генераловъ, возбуждали во мнѣ живѣйшее удивленіе, и съ чувствомъ такого же удовлетворенія замѣтила я, что многія гражданскія должностныя лица, которымъ приходилось бороться съ великими трудностями и необыкновенными опасностями, обнаружили качества, которыя во многихъ случаяхъ принесли бы честь и старымъ солдатамъ. Утѣшительно слышать, что масса народонаселенія Индіи не принимала никакого участія въ возмущеніи, а важнѣйшіе изъ туземныхъ князей вели себя дружелюбно и оказывали намъ значительныя услуги. Я дала приказаніе, чтобы всѣ документы, относящіеся къ этимъ событіямъ, были представлены вамъ. Дѣла моихъ Ость-Индскихъ владѣній требуютъ отъ васъ серьезныхъ занятій, и я поручаю ихъ вашему вниманію. Европейскіе народы пользуются благодѣяніями мира, которому кажется, ничто не угрожаетъ. Условія договора, заключеннаго мною съ персидскимъ шахомъ, исполнены въ точности, и персидскія войска очистили Гератъ. Господа представители общинъ! Я дала приказаніе изготovitъ и сообщить вамъ бюджетъ на будущій годъ; онъ будетъ составленъ со всею тщательностью, какой требуетъ публичное дѣло. Милорды и господа! Ваше вниманіе будетъ обращено на законы, которыми опредѣляется представительство народа въ парламентъ, дабы вы могли обсудить, каковы должны быть измѣненія, которыя могутъ быть предприняты безъ опасности и во благо странъ. На ваше разсмотрѣніе представляютъ мѣры для упрощенія и улучшенія законовъ, относящихся къ недвижимой собственности, а также для утвержденія и улучшенія различныхъ важныхъ отраслей уголовного законодательства. Съ довѣрчивостью поручаю вамъ интересы моей державы, и пламенно желаю, чтобы благословеніе Божіе было на вашихъ совѣщаніяхъ, и направляло ихъ къ дорогой моему сердцу цѣли—благополучію моего вѣрнаго и преданнаго народа.

Тронная рѣчь произвела вообще благопріятное впечатлѣніе на публику. Больше всего порадовало то мѣсто, гдѣ говорится о парламентской реформѣ, которая наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ ожиданій, подвергается разсмотрѣнію парламента. Дѣйствительно, никогда еще потребность парламентской реформы не была такъ ощутительна, и еслибы правительство не успѣшило удовлетворить этой потребности, то очень можетъ быть, что средніе классы принуждены были бы стать въ этомъ отношеніи подъ одно знамя съ рабочимъ народонаселеніемъ; и чуть ли не съ чартистами. При общемъ неудовлетворимомъ требованіи реформы трудно было образоваться различнымъ группамъ въ направленіяхъ, трудно было бы соблюсти постепенность въ измѣненіяхъ. Такое сліяніе разнородныхъ тенден-

цій представлялось среднимъ классамъ, какъ злая необходимость, отъ которой избавляло ихъ торжественное обѣщаніе правительства внести билль о реформѣ.

Оправдательный билль касательно нарушенія хартіи Англійскаго банка не могъ встрѣтить затрудненій. Никто не нашелся упрекнуть за это правительство; всѣ очень хорошо сознавали необходимость этой мѣры; рѣчь по этому вопросу касалась лишь нѣкоторыхъ частей и шла конечно больше въ нижней палатѣ, чѣмъ въ верхней. Г. Дизраэли находилъ только, что законъ, подвергавшійся въ краткій срокъ своего существованія два раза неизбежному нарушенію, не можетъ долѣе оставаться въ своей силѣ и поддежить отмѣнѣ или радикальному измѣненію. Съ этою цѣлью, въ противность предложенію канцлера казначейства о нарядженіи комитета для изслѣдованія дѣйствій закона 1844 года, г. Дизраэли, подкрѣпленный г. Гладстономъ, требовалъ, чтобы палата объявила, что нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вліянія этого закона, и соглашался съ канцлеромъ казначейства только въ томъ, чтобы нарядженъ былъ комитетъ для изслѣдованія причинъ кризиса; самый же законъ, по мнѣнію вождя торіевъ, слѣдовало подвергнуть разсмотрѣнію парламента. Въ этомъ вопросѣ лордъ Джонъ Россель поддерживалъ министерство. Билль прошелъ черезъ всѣ три чтенія, и принятъ большинствомъ 178 голосовъ безъ измѣненія, предложеннаго г. Дизраэли.

Принявъ этотъ билль, парламентъ согласился на мнѣніе канцлера казначейства оставить банку еще на нѣкоторое время право выпускать билеты, не стѣсняясь хартіей 1844 года. Но дѣйствительно ли поможетъ это дѣлу? Многие сильно сомнѣваются въ этомъ. Пока канцлеръ казначейства объяснялъ свои планы въ нижней палатѣ, лордъ Оверстонъ произнесъ въ верхней палатѣ нѣсколько мрачныхъ словъ, подхваченныхъ на другой день нѣкоторыми журналами. Лордъ Оверстонъ считается какимъ-то оракуломъ по финансовой части. По его мнѣнію, самый трудный моментъ кризиса еще впереди, и нація предстанетъ самымъ тяжкимъ испытаніемъ. Онъ увѣряетъ, что банкъ превысилъ запасъ имѣющагося въ его распоряженіи золота не двумя, шестью и даже семью милліонами фунт. стерл. Лордъ Оверстонъ отзывался съ особенною строгостью о способахъ веденія дѣлъ въ акціонерныхъ и учетныхъ банкахъ, и видитъ въ этомъ главный источникъ нынѣшняго затрудненія. Всѣ эти палативныя мѣры, прибавляетъ онъ, ни къ чему не служатъ; и пусть лучше бѣдствіе своею тяжестью падетъ на виновныхъ; нація могла бы, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ этого полезный урокъ.

Но такъ или иначе, вопросъ этотъ рѣшенъ въ парламентѣ. Несравненно опаснѣе для министерства былъ бы другой капитальный пунктъ тронной рѣчи, еслибы кратковременность этого чрезвычайнаго собранія не заставила отложить до будущихъ засѣданій

подробное разсмотрѣніе индійскихъ дѣлъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, самая слабая сторона въ положеніи нынѣшняго министерства, сторона наиболѣе открытая для ударовъ оппозиціи. Можетъ-быть, не одной болѣзни, а отчасти и сознанию собственной вины надобно приписать то видимое разстройство, въ какомъ явился глава кабинета передъ палатою, непривычную слабость и дрожаніе въ его голосѣ. Правда, лордъ Пальмерстонъ былъ, какъ и всегда, рѣзокъ; на язвительныя колкости г. Дизраэли отвѣчалъ колкостями не менѣе язвительными; онъ и нынѣ не остался въ этомъ отношеніи въ долгу у своихъ противниковъ; но какъ онъ, такъ и его товарищи, видимо избѣгали объясненія объ индійскихъ дѣлахъ. На суровую критику, которою тѣснили министровъ въ верхней палатѣ графъ Дерби и лордъ Элленборо, а въ нижней г. Дизраэли и сэръ-Джонъ Пакингтонъ, они отвѣчали уклончиво, или сводили рѣчь на другіе предметы. Тронная рѣчь, говорилъ графъ Дерби, распространяясь объ индійскомъ возстаніи, говоритъ о страданіи частныхъ лицъ; но надобно было такъе подумать и о потеряхъ цѣлой націи. Геройство этой горсти храбрыхъ, среди взбунтовавшейся массы, выше всякихъ похвалъ; подвиги Гевлока, Гретгеда и другихъ, возбудили удивленіе цѣлаго міра. Но чѣмъ отличилось правительство? Чтò сдѣлало оно хорошаго? 19-го мая лордъ Пальмерстонъ объявлялъ, что въ Индіи все обстоитъ благополучно. 14-го іюня г. Вернонъ Смитъ утѣшалъ общество, что опасность миновала. 29-го августа онъ же утверждалъ, что Дельги—западня для сипаевъ, что городъ этотъ легко окружить и взять ничтожнымъ отрядомъ изъ двухъ тысячъ человекъ. Императоръ Наполеонъ давалъ англійскимъ войскамъ свободный путь черезъ Францію, султанъ черезъ Суэскій перешеекъ; египетское правительство предлагало съ своей стороны всевозможныя пособія для перевозки войскъ; подкрѣпленія могли бы прійти въ Индію еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ; дѣла пошли бы тамъ иначе; отъ малой дружины англійскихъ воиновъ, застигнутыхъ мятежомъ, не потребовалось бы такихъ чрезвычайныхъ усилій, стоившихъ такъ дорого. О чемъ же думало министерство? Почему не послушалось добрыхъ совѣтовъ? Почему не воспользовалось предложенными пособіями? Дѣйствительно, отвѣчать на эти вопросы трудно, и безпощадная жестокость, съ какою они сдѣланы обоими предводителями партіи торіевъ уже показываетъ теперь, въ какомъ критическомъ положеніи должно будетъ находиться министерство, когда послѣ праздниковъ потребуютъ отъ него строгаго отчета, если къ тому времени ость-индское возстаніе не будетъ еще подавлено, или будетъ стоить новыхъ скорбныхъ жертвъ для Англій. Нельзя не согласиться, что лордъ Пальмерстонъ простеръ свое обычное своенравіе на этотъ разъ слишкомъ далеко, и слишкомъ далеко увлекся своею антипатіею къ Суэскому перешейку; онъ будетъ очень счастливъ, если выйдетъ чистъ изъ этого дѣла.

Не можемъ не упомянуть здѣсь объ ироническомъ замѣчаніи, которое сдѣлано министерству по поводу того мѣста тронной рѣчи, гдѣ говорится о благодѣяніяхъ мира, которыми наслаждаются теперь народы. Графъ Дерби, а особенно г. Дизраэли съ своею обычною колкостью замѣтили, что въ словахъ этихъ какъ будто слышится тайная жалоба и сожалѣніе воинственнаго главы кабинета о томъ, что народы наслаждаются миромъ.

Несмотря на требованіе г. Дизраэли, правительство не могло или не хотѣло сообщить парламенту билль о реформѣ, который будетъ внесенъ на разсмотрѣніе не прежде, какъ по открытіи урочныхъ засѣданій въ февралѣ, тогда же поднять будетъ вопросъ о реформѣ остъ-индскаго правленія. Лордъ Джонъ Рассель внесетъ билль объ открытіи доступа въ парламентъ евреямъ. Министерство обѣщалось поддерживать его.

Въ засѣданіи 7 декабря внесено было министрами въ парламентъ, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ, посланіе королевы, въ которомъ изъясняется желаніе, чтобы генералу Гевлоку, кромѣ почетнаго титула, пожалованнаго ему королевой, была назначена пенсія въ тысячу ф. стерл. Палата находила только, что считаетъ такую пенсію не достаточнымъ вознагражденіемъ за великія услуги, оказанныя генераломъ. Тогда лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что правительство и безъ того имѣло намѣреніе представить на рѣшеніе парламента дополнительное предложеніе о томъ, чтобы эта пенсія перешла и къ наслѣднику генерала Гевлока. Что же касается до генерала Вильсона, произведеннаго также въ баронеты, то правительство объявило, что такъ какъ онъ находится на службѣ Остъ-Индской компаніи, то компанія не хочетъ уступить чести сдѣлать въ его пользу то, что дѣлаетъ корона въ пользу генерала Гевлока.

Обратимъ вниманіе читателей на одинъ интересный эпизодъ послѣднихъ засѣданій, очень хорошо характеризующій то уваженіе къ личности, которое выработалось въ англійскомъ обществѣ. Посреди преній о самыхъ важныхъ государственныхъ интересахъ, министерству предлагались запросы, на которые оно подробно отвѣчало, о судьбѣ двухъ англійскихъ механиковъ, захваченныхъ неаполитанскимъ правительствомъ, на пароходѣ *Cagliari*, приблизившемся съ политическими замыслами къ неаполитанскимъ берегамъ. Изъ объясненій лорда Пальмерстона видно, съ какою неутомимою заботливостію англійское правительство слѣдило за этими несчастными, чтобъ облегчить ихъ участь и убѣдиться, что съ ними поступаютъ законно и не подвергаютъ ихъ какимъ-нибудь лишеніямъ и истязаніямъ. Въ Неаполѣ доступъ въ тюрьмы для свиданія съ заключенными очень затруднителенъ. Англійскій консулъ не скоро могъ получить дозволеніе на это. Такъ какъ посѣщать арестантовъ въ неаполитанскихъ тюрьмахъ дозволяется собственно лишь ближайшимъ родственникамъ, то лордъ Кларендонъ (министръ иностран-

ныхъ дѣлъ, поспѣшилъ отыскать отца одного изъ двухъ арестантовъ, бывшаго въ Пиемонтѣ, и снабдилъ его всѣми нужными пособіями для поѣздки въ Неаполь. Англійское правительство успокоилось не прежде, какъ убѣдившись, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время оба арестанта содержатся удовлетворительно, и возложилъ защиту ихъ передъ судомъ на одного изъ лучшихъ адвокатовъ въ Неаполь. Рѣчь объ этомъ, повидимому *мнѣшномъ* дѣлѣ, заходила не разъ въ нижней палатѣ. Правительство получало изъ Неаполя телеграфическія депеши объ его ходѣ; лордъ Пальмерстонъ, вмѣстѣ съ депешами изъ Индіи, сообщалъ собранію извѣстія о состояніи здоровья двухъ бѣдныхъ Англичанъ, попавшихся въ иноземную политическую тюрьму, и собраніе выслушивало его съ полнымъ участіемъ, перерывало оратора распросами, требовало предьявленія самаго текста депеши.

Вотъ еще одна характеристическая черта. Мы уже говорили, что лордъ Канингъ вынужденъ былъ принять нѣкоторыя стѣснительныя мѣры противъ журналистики въ Остѣ-Индіи, обхвачтой страшнымъ мятежомъ, нарушившимъ всѣ отправленія общественной жизни. Всѣ признавали необходимость этихъ мѣръ, но признавали съ величайшимъ отвращеніемъ. Значительная доля непопулярности, постигшей лорда Канинга, пала на него тѣнью отъ этой необходимой въ его положеніи мѣры. Такъ въ старыя годы на невинныхъ гонцовъ падала отвѣтственность за печальныя извѣстія. Въ парламентѣ не могло обойтись безъ запросовъ по этому поводу. Лордъ Элленборо, въ верхней палатѣ, потребовалъ отъ министровъ строжайшаго отчета во всѣхъ предостереженіяхъ и запрещеніяхъ, которымъ подвергались журналы въ Остѣ-Индіи. Около того же времени, въ Лондонской Тавернѣ собирався многочисленный митингъ для совѣщанія о будущихъ реформахъ въ управленіи Остѣ-Индіею. Интереснымъ эпизодомъ этого митинга было появленіе какого-то остѣиндскаго журналиста, ставшаго жертвою репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ лордомъ Канингомъ. Жалобы журналиста не прибавляли къ извѣстному дѣлу ничего новаго, и свидѣтельствовали только о крайности, въ которую поставлено остѣ-индское правительство. Но собраніе не могло удержаться отъ громогласныхъ единодушныхъ восклицаній: «какой позоръ! какой стыдъ!» выходявшихъ изъ глубины исторически-воспитаннаго инстинкта.

Весьма также характеристическимъ явленіемъ служить то, что тронная рѣчь королевы Викторіи была встрѣчена съ необыкновеннымъ сочувствіемъ въ Парижѣ, какъ свидѣтельствуегь корреспондентъ *Аугсбургской Газеты*, именно по причинѣ искренности и свободы, съ какими упоминается въ ней о денежномъ кризисѣ и происходящихъ отъ того бѣдствіяхъ. Число людей, свидѣтельствуегь тотъ же корреспондентъ, видящихъ въ такой откровенности правительства

относительно народныхъ бѣдствій лучшее врачебное средство противъ нихъ, чрезвычайно возрасло въ послѣднее время во Франціи. Событія, живая исторія, даютъ опытность народу, и то, что прежде было для Француза одною фразою, игрою мысли, входитъ въ плоть и кровь его, становится дѣйствительнымъ убѣжденіемъ.

Французское законодательное сословіе окончательно составилось; въ немъ есть теперь и оппозиція, даже если угодно гора, состоящая изъ четырехъ членовъ. Графъ де Морни, президентъ собранія, открылъ засѣданія его рѣчью, которая подверглась злымъ насмѣшкамъ въ англійскихъ журналахъ. Въ это время между англійскою журналистикою и парижскими полу-официальными газетами вообще происходила жаркая полемика. Англичане съ гордостію противопоставляютъ свой парламентъ французскому законодательному сословію, въ которомъ видятъ только пустую комедію. Особенное вниманіе обратили на себя двѣ статьи, появившіяся одна въ *Times*, а другая въ *Daily Telegraph*, объ чрезвычайно рѣзкія, очень близкія между собою по содержанию и тону. Многіе хотѣли видѣть въ этихъ двухъ статьяхъ чуть ли не одно перо, писавшее будто бы по внушенію самаго лорда Пальмерстона, но объ означенныя газеты сильно противъ этого протестовали.

Еще двѣ рѣчи обратили на себя вниманіе парижской публики. Знаменитый французскій юристъ, г. Шарль Дюпенъ, получилъ мѣсто генераль-прокурора, и по этому случаю произнесъ въ кассационномъ судѣ рѣчь, на которую отвѣчалъ г. Тролонъ, президентъ этого суда. Первый, объясняя поступленіе свое на службу императорскому правительству, старался высказать, что выше всѣхъ партій онъ ставитъ долгъ, который Французъ несетъ передъ своимъ отечествомъ. Политическая сущность рѣчи г. Тролона заключается въ себѣ то же самое, что постоянно повторяется нынѣшними официальными и полу-официальными французскими публицистами, и что уже не разъ было высказано самимъ г-мъ Тролономъ, именно, что Наполеонъ I былъ истинный основатель французской демократіи, а Наполеонъ III явился возстановителемъ ея послѣ многихъ уклоненій и довершителемъ ея развитія, въ которомъ должны исчезнуть всѣ партіи. Но оставляя въ сторонѣ политическую сторону этихъ рѣчей, упомянемъ объ одномъ обстоятельстве, которое придавало имъ особенную соль. Извѣстна гибкость политическихъ убѣжденій г-на Дюпена, извѣстно также его тщеславіе. Ему хотѣлось показать, что не онъ искалъ мѣста, а императоръ самъ старался привлечь его на свою сторону. Съ своею обычною ловкостью, хитрый старикъ намекнулъ на это слѣдующими словами: «*aujourd'hui que la bienveillance spontanée de l'empereur venant me trouver...*» Г. Тролонъ показалъ въ свою очередь, что и онъ мастеръ на намеки и въ отвѣтной рѣчи своей сказалъ слѣдующее: «*Et pourquoi l'empereur*

aurait-il hésité à vous permettre de consacrer au service de la justice qui est aussi le sien, votre grande renommée judiciaire...»

Замѣчаемый всѣми, страшный упадокъ нравственнаго духа въ нынѣшнемъ французскомъ обществѣ громко говорить въ пользу необходимости открыть умамъ большій доступъ къ общественнымъ интересамъ и дать большую свободу общественному слову. Французское правительство, можетъ-быть, само склоняется въ эту сторону. Догадкѣ этой, повидимому, противорѣчитъ несчастный случай, недавно приключившійся газетѣ *la Presse*, закрытой правительствомъ на два мѣсяца. Правда, что статья, подавшая къ тому поволу, существенно заключаетъ въ себѣ только весьма дозвольтельное желаніе, чтобы нація пользовалась, для участія въ общественныхъ дѣлахъ всѣми средствами, предоставленными ей нынѣшнимъ государственнымъ устройствомъ во Франціи; именно статья эта вызвана отказомъ нѣкоторыхъ демократическихъ кандидатствъ занять мѣсто въ законодательномъ сословіи, мѣсто, на которое получили они право вслѣдствіе выборовъ. Но не содержаніемъ этой статьи навлечено запрещеніе, а слишкомъ рѣзкими и неумѣренными выраженіями, употребленными въ ней. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этому предположенію можетъ служить то, что вопросомъ, который поднять въ этой статьѣ, успѣшила овладѣть газета *Courrier de Paris*. Въ руководящей статьѣ, помѣщенной въ ней дня черезъ два или черезъ три по задержаніи первой газеты, и избобличающей, по мнѣнію многихъ, перо г. Эмиля - де - Жирардена, высказана необходимость положить начало независимой гласности въ предѣлахъ существующаго государственнаго устройства. «Конституціонная оппозиція, конституціонная гласность (сказано въ статьѣ), въ четырехъ этихъ словахъ заключается вся программа новой политики, которая оставляетъ позади себя всѣ старыя партіи, страсти и досады. Прогрессъ не зависитъ отъ политическихъ формъ, и возможенъ при всѣхъ образахъ правленія. Мы согласны на всякое государственное устройство, лишь бы оно допускало возможность нѣкоторыхъ видоизмѣненій, и кзкъ скоро вся демократическая партія согласится въ этомъ отношеніи, то можетъ-быть скоро исполнится и слово императора: «Свобода должна увѣличать зданіе.»» Статья эта не подверглась никакому замѣчанію. Мало того: дирекція этой газеты, которой прежде, за нѣкоторыя выходки во время выборовъ, запрещена была уличная продажа экземпляровъ, снова получаетъ разрѣшеніе на это.

Недавно избранные демократическіе кандидаты, гг. Гудшо и Карно, писали къ министру внутреннихъ дѣлъ, что считаютъ невозможнымъ для себя принести присягу нынѣшнему правительству, составляющую необходимое условіе для поступленія въ законодательное сословіе. Избиратели стали наконецъ сѣтовать на подобныя уклоненія избира-

емыхъ ими кандидатовъ, и статья газеты *la Presse* очень понравилась имъ, потому что въ ней подвергаются сильнымъ укорамъ эти уклоненія избранниковъ демократической партіи. Г. Перà, авторъ статьи, подвергнувши черезъ нее запрещенію журналъ, въ которомъ участвовалъ, можетъ черезъ нее же попасть въ законодательное сословіе. Его именно хотятъ провозгласить кандидатомъ и выбрать на мѣсто одного изъ уклонившихся.

Если упомянутая выше статья г. Эмиля Жиардена, какъ провозглашеніе новой политики, не противна, повиdimому, правительству, то едва ли имя ея автора будетъ содѣйствовать ея успѣху въ обществѣ. Всѣмъ извѣстно болѣзненное самолюбіе бывшаго издателя газеты *la Presse*, его отталкивающій, антипатическій характеръ. А потому для успѣха дѣла было бы лучше, еслибы кто-нибудь другой, болѣе популярный публицистъ, взялся во Франціи за провозглашеніе новой политики. Дѣйствительно, вся задача конституціонныхъ государствъ западной Европы, состоитъ въ томъ, чтобы найти элементы для сообразной съ своимъ устройствомъ оппозиціи и гласности. Завидуя политическимъ учрежденіямъ Англии, тамъ часто забываютъ, что самое существенное, безъ чего они не могутъ имѣть ни силы, ни смысла, есть именно возможность независимой оппозиціи, которая стояла бы на одной и той же почвѣ съ правительствомъ. Въ Англии монархическое начало и государственное устройство признаются равно всѣми партіями. Нынѣшняя оппозиція завтра можетъ стать во главѣ управленія, и на оборотъ. Борьба происходитъ собственно не между правительствомъ и оппозиціей, а между противоположными сторонами, въ которыхъ группируются направленія и интересы страны. Нынѣ обстоятельства, потребности времени, дають власть въ руки одной сторонѣ; другія обстоятельства перемищаютъ вождей оппозиціи на скамьи министерскія, смотря потому, требуется ли въ извѣстное время движеніе, реформы, война, или напротивъ миръ, упоръ, охраненіе. Чѣмъ менѣе государственное устройство оставляетъ внѣ себя чуждыхъ ему элементовъ, чѣмъ болѣе напротивъ расширяетъ оно свои предѣлы и даетъ въ этихъ предѣлахъ мѣсто независимому публичному слову и дѣйствию, тѣмъ менѣе остается элементовъ, враждебныхъ порядку, а которые остаются, тѣ лишаются оружія и силы, и изнемогають въ безвредныхъ, разрозненныхъ попыткахъ.

Недостатокъ консистенціи государственнаго устройства особенно ощутителенъ въ Испани, этой классической странѣ бесплодныхъ политическихъ смуть и министерскихъ кризисовъ. Неумоимая, лукавая *камарилья* строитъ свои оковы въ стѣнахъ дворца, подшибаетъ всякое министерство, какъ бы сильно оно ни казалось, и распространяетъ повсюду разстройство и чувство непрочности; постороннія династическія притязанія силятся перевернуть государственное устройство для своихъ цѣлей; безтолковыя партіи *умѣренныхъ*, про-

грессистовъ, ультра-умѣренныхъ, ультра-прогрессистовъ, съ безчисленными отѣнками, тянутъ каждая въ свою сторону, не имѣя твердой почвы подъ ногами.

28-го ноября въ Мадридѣ произошло событіе, которое произвело неописанный восторгъ въ цѣломъ народонаселеніи. Королева Изабелла разрѣшилась отъ бремени принцемъ, на которомъ сосредоточились теперь всѣ надежды друзей конституціоннаго порядка въ Испаніи. «Рожденіе принца астурийскаго, говоритъ газета *Ероса*, вышедшая противъ обычая въ воскресенье для возвѣщенія объ этомъ событіи, — есть охранительное начало въ революціонныхъ буряхъ и вмѣстѣ обезпеченіе свободы противъ всякихъ реакціонныхъ замысловъ; оно есть смерть всѣхъ невозможныхъ династическихъ сляніій, о которыхъ стали было помышлять съ недавняго времени. Конституціонная Испанія имѣетъ теперь принца той самой династіи, которую утвердила она своею кровью, и не будетъ искать себѣ государя въ другихъ странахъ или между противниками существующаго въ ней порядка.»

Въ самомъ дѣлѣ то было народное торжество, судя по описанію очевидцевъ. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣстившемъ разрѣшеніе королевы отъ бремени, все вострепнулось. Но когда вслѣдъ за одиннадцать выстрѣлами, возвѣщающими обыкновенно рожденіе инфантинны, послѣдовали дальнѣйшіе выстрѣлы, когда не осталось сомнѣнія, что родился инфантъ, театры и дома опустѣли, все бросилось ко дворцу съ восторженными восклицаніями. Всѣ партіи, самыя разнородныя, слились воедино. Во дворцѣ, рядомъ съ Нарваэсомъ и маркизомъ Вилумой, находились Одонель, Санъ-Мигель и Олосага.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что попытки на династическія слянія, казавшіяся возможными прежде, когда у королевы была только дочь, становятся невозможными теперь, когда она родила сына. Но будетъ ли это имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ утвержденіе нынѣшняго кабинета, который, какъ кажется, хорошо понялъ свою задачу, — сказать это теперь еще трудно, хотя многіе признаки заставляютъ склоняться къ тому мнѣнію, что для этой несчастной, но благородной страны наступаютъ лучшія времена. Въ этомъ отношеніи замѣчательна обнародованная недавно королевой Христиной записка, служащая отвѣтомъ на обвинительный актъ, составленный противъ нея учредительными кортесами, 1854 года. Въ запискѣ этой сказано, что въ 1852 году королева Христина торжественно протестовала противъ государственнаго переворота, который замышлялся тогда министерствомъ Браво-Мурильйо. Когда г. Браво-Мурильйо явился къ ней въ Арангуесъ съ своимъ проектомъ, она не только не хотѣла войти въ его виды, но энергически закликала его оставить всякое покушеніе противъ той формы правленія, которая ею была основана и, въ случаѣ переворота, грозилась навсегда оставить Испанію. Теперь, по случаю рожденія принца астурийскаго, эта исповѣдь королевы-матери получаетъ особое значеніе.

Что касается до министерства Армеро-Монъ, недавно вступившаго въ управление государствомъ, то можно по всѣмъ признакамъ ожидать отъ него упроченія порядка и разумной свободы, если только само оно удержится. Въ короткое время своего существованія, оно уже заявило свою способность и свое направленіе. Особенно ощутительно это пока по департаменту внутреннихъ дѣлъ. Г. Бермудесъ де-Кастро обнаруживаетъ дѣятельность просвѣщенную и либеральную. Множество политическихъ преступниковъ получили прощеніе, осадное положеніе снято во всѣхъ провинціяхъ кромѣ Каталоніи, приступлено къ исправленію избирательныхъ списковъ, смягчены и устранены стѣснительныя мѣры относительно книгопечатанія. Извѣстно, что г. Носедадь, подъ тѣмъ предлогомъ, что палаты не имѣли времени обсудить новый законъ о книгопечатаніи, испросилъ у нихъ разрѣшеніе примѣнять этотъ законъ, прежде чѣмъ онъ былъ рассмотрѣнъ въ кортесахъ. До открытія кортесовъ г. Бермудесъ не могъ самопроизвольно отмѣнить это распоряженіе, но онъ такъ смягчилъ его въ примѣненіи, что журналы могли съ полною независимостію высказывать свои мнѣнія.—И отъ этого, замѣчаетъ г. Джонъ Лемуанъ, котораго имя снова появилось въ *Journal des Débats* подъ небольшою руководящею статейкою, ничего не загорѣлось.»

Перейдемъ теперь къ Пьемонту, гдѣ окончились выборы въ пользу либеральной партіи, во главѣ которой стоитъ графъ Кавуръ. Если Испанія, вслѣдствіе непрочности своего государственнаго порядка, страдаетъ отъ безчисленнаго множества отгѣнковъ партій, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ надлежащей консистенціи, то въ Пьемонтѣ не успѣли сложиться конституціонныя партіи по новости его государственнаго устройства. Правительство имѣло передъ собою въ парламентѣ не правильную оппозицію, а случайныя, подъ вліяніемъ минуты происходившія комбинаціи мнѣній, и потому не могло въ точности соображать свои средства. Раздавались разрозненные голоса, случайно сливавшіеся и случайно расходившіеся; никакой общей системы въ дѣйствіяхъ не было замѣтно. За то сила, чуждая и враждебная господствующему порядку, спорить съ правительствомъ въ палатахъ и внѣ палатъ, стремясь къ тому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ низвергнуть и самую конституцію. Это клерикальная или католическая партія, которая этимъ именемъ своимъ и нѣкоторыми чертами своего характера напоминаетъ бельгійскую клерикальную партію, хотя между ними есть и существенное несходство. Впервыхъ католическая партія Сардиніи располагаетъ гораздо большими средствами чѣмъ Бельгія; духовенство тамъ несрзвенно многочисленнѣе. Такъ, по статистическимъ свѣдѣніямъ за 1855 годъ, въ Пьемонтѣ считается 20,000 священниковъ, такъ что одинъ священникъ

приходится на 214 жителей, между тѣмъ какъ въ Бельгiи приходится одинъ на 600; архіепископствъ и епископствъ 41; аббатствъ и пріорствъ 90; канониковъ 1,633; приходовъ 4,131; церквей безъ прихода 2,374. Совокупный доходъ всѣхъ этихъ учрежденій восходить до 47,100,000 франк., что считая по 4%, представляетъ собою капиталъ въ 429,753,150 франк. Прелатура пиемонтская стоитъ 1,012,782 франк., между тѣмъ какъ въ Бельгiи, гдѣ народонаселеніе равняется по числу народонаселенію Сардинскаго королевства, прелатура стоитъ только 103,500 франк. На каноникаты пиемонтскіе идетъ 1,095,000 франк., на бельгійскіе только 100,800 фр.

Вовторыхъ, католическая партія въ Бельгiи имѣла болѣе времени освоиться съ государственнымъ устройствомъ своей страны и проникнуться духомъ его учрежденія. Если въ рядахъ ея находится не мало самыхъ ярыхъ ультрамонтановъ и недоброжелателей существующаго порядка, то есть и много другихъ, отличающихся гораздо болѣе умѣреннымъ образомъ мыслей, есть люди, которые, своимъ образомъ мыслей, своимъ просвѣщеннымъ, свободнымъ взглядомъ выкупаютъ отчасти и отчасти уравниваютъ увлеченія той партіи, къ которой примыкаютъ, и доказываютъ собою, что въ ней есть возможность развитія и лучшаго политическаго образованія. Между тѣмъ какъ католическая партія въ Бельгiи вообще имѣетъ полное право называть себя партіею конституціонною, въ Сардиніи соименная партія доселѣ оставалась чуждою конституціи страны. Ея стремленіе направлено не къ тому, чтобы образовать правильную оппозицію, которая стояла бы на одной почвѣ съ правительствомъ, и сама, оставаясь вѣрною общей конституціи, могла бы управлять страной; оно направлено къ тому, чтобы ниспровергнуть установленный порядокъ. Это партія революціонная, какъ и крайнія демагогическія партіи, которыя въ Сардиніи, какъ доказали послѣдніе выборы, почти не существуютъ, потому что нельзя же считать за партіи отдѣльныя мнѣнія и разрозненные голоса. Недоброжелателямъ учрежденій Пиемонта и теперешняго министерства въ немъ все грозили, что тамъ расплодятся и усилятся демагогическіе элементы.

Послѣдніе сардинскіе выборы интересны во многихъ отношеніяхъ. Въ двухъ стахъ избирательныхъ коллегіяхъ избираются тамъ 190 депутатовъ. По соображеніямъ, представленнымъ въ *Journal des Débats*, изъ этого числа 120 голосовъ принадлежатъ министерству; слѣдовательно на долю оппозиціи остается только около 80 голосовъ, которые, за исключеніемъ какихъ-нибудь 10, принадлежатъ католической партіи. Значитъ, по соображеніямъ этимъ, за которыя впрочемъ мы не будемъ на себя брать отвѣтственность, правительство будетъ располагать большинствомъ 40 голосовъ. Что касается до

прежней лѣвой стороны, то она почти совершенно исчезла и теряетъ всякое значеніе въ парламентѣ. Можно не безъ основанія полагать, что такой результатъ выборовъ будетъ имѣть важныя послѣдствія и для высшаго министерства и вообще для конституціи страны. Въ парламентѣ относительное положеніе министерства и оппозиціи образуются явственнѣе, направленія опредѣлятся искреннѣе и точнѣе. Если министерство будетъ имѣть передъ собою однородную оппозицію, послушную одному призыву и слѣдовательно, по видимому, болѣе для него опасную, чѣмъ разрозненныя и враждебныя между собою оппозиціонныя группы, то съ другой стороны правительство, стоящее во главѣ либеральной партіи, можетъ съ болѣею точностью и увѣренностью разсчитывать свои дѣйствія, не надеясь на случайныя подкрѣпленія и заранѣе зная силы и средства своихъ противниковъ. При прежнемъ составѣ парламента были возможны смѣшенія, которыя могли болѣе и менѣе вредить министерству и представляемой имъ либеральной партіи въ глазахъ страны. Крайняя лѣвая сторона, считая себя единственною представительницею свободныхъ началъ, смотрѣла на графа Кавура и его политическихъ друзей, какъ на людей отсталыхъ, остановившихся на полудорогѣ, и тѣмъ давала неустановившемуся общественному мнѣнію страны поводъ подозревать, что въ началахъ либеральной партіи заключается зародышъ тѣхъ же самыхъ анархическихъ и разрушительныхъ тенденцій, которыя выставлялись напоказъ людьми крайней лѣвой стороны. Въ сущности же между представителями истинно либеральныхъ началъ и этими знаменосцами анархіи, глашатаями мезрѣлыхъ и часто бессмысленныхъ доктринъ, не можетъ быть ничего общаго; напротивъ, они соприкасаются съ крайнею правую стороною, сходясь съ нею въ общемъ революціонномъ характерѣ, въ общемъ стремленіи ниспровергнуть или перевернуть существующій порядокъ.

Во главѣ католической партіи стоитъ графъ Соларъ дельа-Маргерита. Онъ, какъ кажется, будетъ вождемъ оппозиціи. Трудно думать, чтобъ онъ и друзья его могли, какъ ожидаютъ нѣкоторые публицисты, проникнуться духомъ піемонтской конституціи и представлять собою одну изъ сторонъ, допускаемыхъ ею. Недавно по этому поводу возникъ споръ между газетою *Union*, органомъ графа Монталамбера, и *Journal des Débats*. Графъ Монталамберъ протестовалъ противъ замѣчаній, высказанныхъ въ *Journal des Débats* о политическомъ значеніи католической партіи въ Піемонтѣ и ея вожда. Знаменитый французскій публицистъ въ той увѣренности, что католическая партія и въ Піемонтѣ, какъ въ Бельгіи, составляетъ партію конституціонную, и что графъ дельа-Маргерита вовсе не такъ чуждъ духу свободныхъ учреждений, какъ думаетъ редакторъ *Journal des Débats*, сомнѣнія вскорѣ разрѣшатся; въ засѣданіяхъ новаго парла-

мента, открывшихся 14 декабря, скоро долженъ обнаружиться характеръ составляющихъ его партій.

Въ министерскую партію вошло нѣсколько и неожиданныхъ элементовъ. Такъ напримѣръ, г. Кальваньйо, принадлежавшій прежде къ правому центру, сталъ теперь чисто на сторону большинства; вмѣстѣ съ нимъ туда же перешли г. Брофферіо, бывший до сихъ поръ ревностнымъ мадзинистомъ, и г. Борелла, принадлежавшій также къ числу ультра-демагоговъ и участвовавшій въ газетѣ *Del Popolo*. Присоединеніе этихъ элементовъ къ правительственной партіи служитъ новымъ доказательствомъ, какъ еще ничтожна консистенція политическихъ партій въ Сардиніи. Лучшія же надежды не только Пьемонта, но и всей Италіи, заключаются, по нашему мнѣнію, въ той группѣ свѣжихъ, просвѣщенныхъ, благородныхъ умовъ, которые органомъ своимъ имѣютъ *L'Indipendente* и находятся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ графу Казуру, главѣ кабинета и вмѣстѣ главѣ либеральной партіи.

Въ тронной рѣчи своей, встрѣченной громкими выраженіями сочувствія, король Викторъ-Эммануэль между прочимъ сказалъ: «Я не сомнѣваюсь, что снова найду въ представителяхъ народа сильное и честное содѣйствіе для приложенія и развитія либеральныхъ началъ, на которыхъ неизбежно зиждется наша національная политика.» Говоря объ отношеніяхъ Сардиніи къ иностраннымъ государствамъ, король выразился слѣдующимъ образомъ объ отношеніяхъ къ Австріи: «Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ соседнимъ государствомъ, происшедшій по причинамъ, которыя Европа могла оцѣнить, еще продолжается; но разрывъ этотъ не мѣшаетъ правильному теченію гражданскихъ и торговыхъ сношеній между обѣими странами.» Относительно внутренней политики королемъ объявлено, что министры внесутъ въ парламентъ различные проекты, касающіеся многихъ важныхъ административныхъ предметовъ. Рѣчь свою Викторъ-Эммануэль заключилъ слѣдующимъ трогательнымъ воспоминаніемъ о покойномъ отцѣ своемъ, королѣ Карлѣ-Альбертѣ: «Десять лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ августѣйшій отецъ мой, приглашая свои народы къ свободѣ, даровалъ имъ Уложеніе. Посвящая всю жизнь мою съ этимъ великодушнымъ дѣяніемъ, я посвятилъ всѣ мои силы оплодотворенію той мысли, которая внушила его. (*Продолжительныя рукоплеканія.*) Да одушевляетъ благоговѣнная память о немъ всѣ ваши совѣщанія во благо и на славу Пьемонта и общей родины нашей Италіи!»

Вслѣдъ за сардинскими выборами вниманіе Европы обратили на себя выборы въ Бельгіи. Вниманіе и участіе, съ какимъ во Франціи всѣ слѣдили за выборами въ этомъ маленькомъ нейтральномъ государствѣ, служить доказательствомъ, какъ много важности придаютъ теперь тамъ ея учрежденіямъ. Невольно приходитъ на мысль про

ническая выходка въ *Times*, по поводу открытія законодательнаго собранія во Франціи. Бельгія, въ сравненіи съ Франціей, — маленькая, ничтожная землица, а между тѣмъ никто не замѣчаетъ открыто или закрыто французское законодательное сословіе, тогда какъ всѣ подробности политической жизни въ Бельгіи составляютъ предметъ общаго вниманія и горячаго участія; чему прежде не доставало мѣста въ европейскихъ газетахъ, то теперь выдвигается въ нихъ на первый планъ. Органы различныхъ партій, каждый съ своей точки зрѣнія, судятъ о причинахъ, подавшихъ поводъ къ новымъ выборамъ въ Бельгіи, и оцѣниваютъ ихъ результаты.

Результаты бельгійскихъ выборовъ вполне благопріятны новосоставившемуся министерству. Въ парламентъ будетъ господствовать умѣренно-либеральное большинство, а клерикальная партія составитъ въ немъ меньшинство. Въ скоромъ времени представимъ мы читателямъ статью одного изъ ближайшихъ нашихъ сотрудниковъ, въ которой обрисовывается взаимное положеніе бельгійскихъ партій, и также живую характеристику самихъ выборовъ, набросанную на мѣстѣ тою же рукою.

Засѣданія палаты открылись 15 декабря. Открытіе происходило безъ всякаго торжества, безъ тронной рѣчи. Первое засѣданіе палаты представителей было посвящено повѣркѣ выборовъ.

Вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ мало подвинулся, или лучше сказать, мало данныхъ проработалось для предузнанія, какое рѣшеніе ожидаетъ его на парижскихъ конференціяхъ. Все ходили слухи, что диваны княжествъ должны скоро закрыться, даже что состоялся фирманъ о ихъ закрытіи; но изъ послѣднихъ извѣстій видно, что диваны еще не прекратили своихъ засѣданій. Поводъ къ этимъ слухамъ подалъ циркуляръ Али-паши, адресованный къ дипломатическимъ агентамъ Порты; въ этомъ циркулярѣ турецкое министерство старается убѣдить европейскіе кабинеты въ необходимости закрыть диваны, которые отказываются трактовать объ административныхъ вопросахъ, прежде чѣмъ не будетъ рѣшенъ Европою вопросъ о политическомъ соединеніи княжествъ. Дѣйствительно, валахскій диванъ, въ одно изъ послѣднихъ засѣданій своихъ, объявилъ единогласно, что не хочетъ пускаться въ разсмотрѣніе реформъ, которыя имѣли бы цѣлю установить въ княжествахъ только административное соотношеніе, и отлагаетъ всѣ административные вопросы до тѣхъ поръ, пока парижскій конгрессъ не произнесетъ своего сужденія о четырехъ пунктахъ, составляющихъ предметъ желаній, выраженныхъ диванами обоихъ княжествъ. Обстоятельствомъ, не сошедшимъ лишеннымъ значенія, является то, что оттоманское министерство, въ одной изъ дипломатическихъ депешъ своихъ, позволило себѣ, для обозначенія политическаго отношенія Турціи къ княжествамъ, употребить слово: *souveraineté* вмѣсто *suzeraineté*,

забывъ различіе между двумя этими терминами, изъ которыхъ первое выражаетъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ, а второе лишь вассальную зависимость, или лучше, забывъ законныя отношенія Турціи къ княжествамъ. Депеша нашего министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, адресованная на имя посланника нашего въ Константинополь, г-на Бутенева, возстановляетъ истинный смыслъ этихъ отношеній и указываетъ на неумѣстность слова *souveraineté* для означенія ихъ. А пока международная коммиссія, наряженная для предварительнаго изученія этого вопроса, продолжаетъ свой трудъ; между великими европейскими державами происходятъ по этому вопросу предварительныя объясненія, о которыхъ лишь смутныя слухи распространяются въ журналистикѣ. Друзья сліянія княжествъ не теряютъ надежды; нѣкоторую пищу для благопріятныхъ въ этомъ отношеніи слуховъ подавъ отъѣздъ изъ Константинополя великаго восточнаго агитатора, лорда Редклифа. Разные слухи ходили объ этомъ отъѣздѣ. Удаленіе его изъ Константинополя объяснилось тѣмъ, что онъ воспользовался еще прежде даннымъ ему отъ своего правительства позволеніемъ побывать на родинѣ. Возвратится ли онъ къ своему посту, не извѣстно; думаютъ только, что увольненіе его продлится не менѣе шести мѣсяцевъ, а въ продолженіе этого времени можетъ случиться много такихъ обстоятельствъ, которыя потребуютъ другаго представителя Англіи въ Константинополь. Думали было также, что и г. Тувенель, французскій посланникъ, оставитъ Константинополь вслѣдъ за лордомъ Редклифомъ; но слухи эти оказались невѣрными.

Въ продолженіе краткаго промежутка времени послѣ нашего послѣдняго обозрѣнія получено мало извѣстій изъ Ост-Индіи; но при всей скудости и неопредѣленности своей, извѣстія эти благопріятны.

По взятіи Дельги, для преслѣдованія разбитыхъ силъ сипаевъ, отправились, какъ извѣстно, двѣ колонны, одна подъ начальствомъ полковника Гретгеда, другая — подъ командою бригадира Шоэрсса (Showers). О движеніи первой колонны было уже отчасти сообщено нами въ послѣднемъ номерѣ. Пока полковникъ Гретгедъ, поражая при каждой встрѣчѣ непріятеля, шелъ къ Канпуру, колонна Шоэрсса, очистивъ отъ непріятеля окрестности Дельги, двинулась 2-го октября своимъ путемъ, и черезъ десять дней достигла уже Джафусатара, обезоружила конное войско тамошняго раджи и овладѣла форткомъ, гдѣ нашла 21 пушку, 3000 ружей, много лошадей и слоновъ. Здѣсь къ Шоэрссу присоединился Годсонъ съ кавалерійскимъ отрядомъ, который тотчасъ же былъ командированъ по направленію къ Ревари, гдѣ собрались толпища грабителей; дѣло это было исполнено съ блестящимъ успѣхомъ, которому способствовала прекрасная

погода, оживившая духъ войскъ. 15-го колонна достигла Додри, и была встрѣчена раджею этого мѣста съ изъявленіями покорности и увѣреніями въ непоколебимой преданности. Здѣсь присоединились къ ней кашмирскіе рекруты, подъ командою капитана Лоренса. Нѣсколько эскадроновъ кавалеріи были отправлены для подкрѣпленія Годсона къ Нагуру, чтобъ отрѣзать бѣглецамъ путь къ крѣпости Кануду. Между тѣмъ главная колонна продолжала свое быстрое движеніе впередъ. Колонна имѣла двухдневный роздыхъ въ крѣпостцѣ, занятой за день до ея прибытія полковникомъ Констансомъ, который нашелъ тамъ деньги, оставленныя разбѣжавшимися мятежниками, до 50,000 ф. стерл., 14 пушекъ, много продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Извѣстія о движеніи этой колонны доходятъ до 31-го октября, когда одинъ изъ отрядовъ ея разбилъ и обратилъ въ бѣгство, въ Гураонскомъ округѣ, многочисленное скопище инсургентовъ.

Что же касается до полковника Гретгеда, то послѣ сраженія подъ Агрою онъ передалъ команду надъ своею колонной бригадирю Гранту, который и повелъ ее къ Канпуру. 21-го октября овладѣла она оставленною крѣпостью Беваромъ, гдѣ найдено было денегъ 23,000 ф. стерл.; крѣпость была взорвана. 23-го, послѣ усиленнаго марша, колонна достигла Кануджи, гдѣ укрѣпилась часть дельгійскихъ бѣглецовъ, которые направлялись къ Аудской области. Въ этой схваткѣ, гдѣ дѣйствовала преимущественно кавалерія, инсургенты были изрублены; часть ихъ погибла въ Гангѣ, стараясь переплыть его, и лишь немногіе спаслись бѣгствомъ. 24-го, утромъ, колонна достигла Канпура, прибывъ на мѣсто своего назначенія цѣлыми сутками ранѣе, чѣмъ предполагали. Маршъ свой отъ Дельги до Канпура (300 англ. миль, то-есть слишкомъ 500 верстъ), представляющій непрерывный рядъ битвъ и побѣдъ, она совершила въ теченіе одного мѣсяца.

Между тѣмъ полковникъ Коттонъ съ небольшимъ отрядомъ, наполовину изъ Сиковъ, шелъ форсированнымъ маршемъ отъ Агры по направленію къ Футтехпуру—Секри, очищая страну отъ непріятеля, разбивая и преслѣдуя его скопища; къ нему присоединилъ свои войска раджа кералійскій. 2-го ноября отрядъ полковника Коттона готовился выступить далѣе по направленію къ Годуду.

Къ сѣверу, у Гималайскихъ горъ, дѣла шли какъ нельзя успѣшнѣе. Мѣстности, куда проникли было инсургенты, были скорѣе совершенно очищены, причѣмъ Англичанамъ подали усердную помощь горныя племена.

Теперь очевидно, что возстаніе сосредоточилось въ бывшемъ Аудскомъ королевствѣ, какъ будто въ подтвержденіе мнѣнія г. Дизраэли, что главною виною возстанія было именно присоединеніе этого королевства. Взоры всѣхъ, слѣдящихъ за событіями въ Остѣ-Индіи,

устремлены теперь на Лакно (1); всё съ тревожнымъ волненіемъ ждуть развязки этого страшнаго эпоса. 50,000, а по другимъ извѣстіямъ до 70,000 непріятелей, подъ главнымъ начальствомъ Нена-Сагиба, осаждаютъ этотъ городъ, плохо укрѣпленный, съ ничтожнымъ по числу гарнизономъ (1500 человекъ), наполненный женщинами, дѣтьми и больными, при истощившемся провіантѣ, при недостаткѣ боевыхъ припасовъ. Изъ Лондона пишутъ, что никогда еще во все продолженіе возстанія такъ тревожно не билось сердца въ Англій, какъ въ послѣднее время, въ ожиданіи извѣстій изъ Лакно. Въ домахъ, на улицахъ, въ парламентѣ, всё съ невыразимымъ волненіемъ ловили каждое слово извѣстій, которое могло пролить сколько-нибудь свѣта на положеніе этой горсти героевъ, передъ подвигами которыхъ блѣднѣетъ всякое описаніе; всё трепетали при мысли объ ужасной участи, которая ежеминутно грозила женщинамъ и дѣтямъ. Во время засѣданій, при каждой телеграфической депешѣ, прерывались пренія, министры немедленно прочитывали ее передъ собраніемъ. Мудрено ли, что лордъ Эленборо, въ верхней палатѣ, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «Богъ не проститъ намъ, если мы простимъ имъ!» Но эти депеши мало-по-малу успокоили волненіе. При всей скудости полученныхъ извѣстій, они вообще благоприятны. Особенно успокоительно подѣйствовала лаконическая депеша отъ главнокомандующаго сэръ-Колинъ Кампбеля, отправленная имъ на пути изъ Канпура: «Allis right in Lucknow» (въ Лакно все благополучно).

Вотъ сущность послѣднихъ извѣстій: Колонна Гретгеда, поступившая подъ команду генерала Гранта и достигшая Канпура въ числѣ 3,500 человекъ, усилена тамъ новыми подкрѣпленіями до числа 5000 человекъ, перешла черезъ Гангъ 30-го октября, и 3-го ноября была уже въ Алумбагъ, который находился въ критическомъ положеніи съ малочисленнымъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 800 человекъ. Здѣсь колонна остановилась въ ожиданіи главнокомандующаго. Между тѣмъ сэръ-Колинъ Кампбель, отправившись 27-го октября изъ Калькутты, прибылъ 3-го ноября въ Канпуръ, гдѣ также получилъ подкрѣпленія, и во главѣ пятитысячнаго корпуса перешелъ Гангъ и направился къ Алумбагу для соединенія съ генераломъ Грантомъ, чтобы вѣстѣ идти на главныя непріятельскія силы подъ Лакно. Чтобъ оцѣнить, въ какой мѣрѣ благоприятны эти извѣстія, слѣдуетъ вспомнить, что Алумбагъ находится отъ Лакно не болѣе какъ въ трехъ англійскихъ миляхъ. Здѣсь должно быть дано генеральное рѣшительное сраженіе, въ благоприятномъ исходѣ котораго нельзя сомнѣваться, хотя чис-

(1) Эта транскрипція вѣрнѣе чѣмъ *Лакнау*, и потому впредь мы будемъ держаться ея.

ленность англійскаго войска отнесится къ силамъ возмущившихся сипаевъ какъ 1 къ 7.

Изъ Сѣверной Америки особенно интересны извѣстія о договорѣ между Соединенными Штатами и Никарагуою.

По силѣ 2-й статьи этого трактата, Штаты принимаютъ на себя охраненіе безопасности и нейтральности сообщенія, которое предполагаютъ установить чрезъ Панамскій перешеекъ, и которое будетъ предоставлено націямъ на равномѣрныхъ правахъ. Но не найдутъ ли Соединенные Штаты въ этомъ правѣ ограждать сообщенія по этому транзитному пути, предлога для занятія, при первомъ случаѣ, одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ міра? Это исключительное право надзора и охраненія, выговоренное новою конвенціею въ пользу Соединенныхъ Штатовъ, вызвало протестъ англійскихъ журналовъ, въ особенности газеты *Morning-Post*. Въ этой газетѣ упоминаютъ, что Клейтонъ-Бульверскій трактатъ имѣлъ цѣлю воспрепятствовать Англии и Соединеннымъ Штатамъ приобрѣтеніе новыхъ владѣній въ Центральной Америкѣ и не дозволяетъ утверждать за собою какого-либо положенія, которое могло бы предоставлять той или другой державѣ право исключительнаго контроля всякаго рода сообщеній между двумя океанами, установленныхъ чрезъ Панамскій перешеекъ. По мнѣнію *Morning-Post*, трактатъ, заключенный между Соединенными Штатами и республикою Никарагуою, нарушаетъ условія Клейтонъ-Бульверскаго трактата. Если американское правительство, пишутъ въ этой газетѣ, имѣетъ на будущее время право посылать войска въ Никарагуу, въ случаѣ чужеземнаго вторженія или междоусобій, и въ другихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, то оно воспользуется скорѣ этимъ правомъ, чтобы самовольно вмѣшиваться въ дѣла Центральной Америки. Это обстоятельство можетъ, кажется, еще болѣе осложнить недоразумѣнія, уже нѣсколько лѣтъ существующія между Англіею и Соединенными Штатами, по поводу Центральной Америки. Конфиденціальный журналъ лорда Пальмерстона сильно надѣется на сэръ-Вильяма Оузли, которому англійское правительство поручило уладить всѣ затрудненія, возникшія между этими двумя государствами и обезпечить Англии тѣ же преимущества, которыя упомянутый трактатъ предоставляетъ Соединеннымъ Штатамъ и всякой другой державѣ. *Morning-Post* полагаетъ, что эти два правительства, могутъ, при взаимномъ соглашеніи, установить администрацію сильную и правильную на всемъ протяженіи перешейка, покровительствуя свободѣ плаванія по предположенному каналу, который долженъ соединить два океана и открыть кратчайшее сообщеніе съ Калифорніею, Австраліею и безчисленными островами Тихаго Океана.

Уокеръ пропалъ безъ вѣсти; толкамъ и предположеніямъ нѣтъ конца. Одни увѣряютъ, что онъ отправился въ Юкатанъ, чтобы

сдѣлать потомъ высадку въ Кубу; другіе думаютъ, что онъ въ Мексикѣ; третьи за достовѣрное разказываютъ, что знаменитый флибустьеръ говорилъ, предъ отъѣздомъ, что попытается забраться въ Гаити, и что бѣдному Сулуку не усидѣть на тронѣ. Скорѣе, кажется, можно полагать, что Уокеръ отправился въ Никарагву, гдѣ онъ постарается снова завоевать то, что потерялъ, и завладѣть со-сѣднею страню. Этого обстоятельства касается и *Morning Post*, и почти прямо возлагаетъ на вашингтонскій кабинетъ отвѣтственность за предполагаемые подвиги Уокера.

Въ слѣдующемъ обзорѣннѣ намъ придется говорить о посланнѣ президента Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по случаю открытія засѣданій конгресса, и обо многомъ другомъ, относящемся къ американскимъ дѣламъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На основаніи 239 ст. III т. Св. Зак. Уст. о пенс. и высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ августѣ 1856 и февралѣ сего года, сохранено право на полученіе пенсій, во время нахождения въ учебныхъ заведеніяхъ, только пенсіонерамъ и пенсіонеркамъ Его Императорскаго Величества, воспитывающимся на счетъ Кабинета, или иныхъ собственныхъ суммъ Его Величества, на иждивеніи особъ Императорской фамиліи, на капиталы, пожертвованные дворянствомъ и частными лицами, на собственный счетъ, на суммы комитета, высочайше учрежденнаго 18-го августа 1814 года, и капитула орденовъ, а также всѣмъ тѣмъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, въ содержаніи коихъ казна и правительство не участвуютъ. Нынѣ Государь Императоръ, удостоивъ принять въ уваженіе, что содержаніе воспитывающихся въ подвѣдомственныхъ опекунскимъ совѣтамъ заведеніяхъ, или въ учрежденіяхъ другихъ вѣдомствъ, на счетъ тѣхъ же совѣтовъ, сиротъ бѣднѣйшихъ родителей производится на капиталы, составившіеся изъ пожертвованій благотворителей и оборотами ввѣренныхъ имъ частными лицами суммъ, изволилъ найти, что не слѣдуетъ распространять на дѣтей сихъ правило о невыдачѣ имъ пенсій, пожалованныхъ за службу ихъ отцовъ.

Сего ноября 9-го дня послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Московскомъ ремесленномъ учебномъ заведеніи высшаго технологическаго отдѣленія, которое должно принести большую пользу для нашихъ фабрикъ и заводовъ.

Изъ воспитанниковъ означеннаго заведенія, уже выслушавшихъ

курсы физики, общей химіи, начертательной геометріи и механики, и упражнявшихся въ черченіи и въ различныхъ мастерствахъ, будутъ образованы два отдѣленія, механическое и химическое, для самостоятельныхъ занятій каждому по своей спеціальности, и съ этою цѣлю учреждены двѣ каѳедры:

1) Аналитической химіи и химической технологіи для тѣхъ изъ нихъ, которые поступятъ въ химическое отдѣленіе. При этой каѳедрѣ должны быть: техническая лабораторія, помѣщеніе для химико-аналитическихъ работъ и лаборантъ, имѣющій постоянное пребываніе въ заведеніи.

2) Практической механики, которая обнимала бы построеніе машинъ и желѣзныхъ дорогъ. Выслушиваніе этого курса также должно быть соединено съ ручною работою, для которой давно уже учреждены при заведеніи чертежная, мастерскія для построенія машинъ, модельная, чугунно-литейная, мѣдно-литейная и кузница съ паровымъ молотомъ, все это подъ управленіемъ особаго механика.

Первую каѳедру занялъ извѣстный нашъ технологъ М. Я. Киттары, приступившій уже къ устройству лабораторіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, въ 7-й день ноября сего года, Высочайше повелѣть изволилъ: 1) впредь до составленія общаго положенія о телеграфахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, Высочайше утвержденныя въ ноябрѣ мѣсцѣ 1856 года правила для электромагнитнаго телеграфа Царскосельской дороги распространить на всѣ телеграфы частныхъ желѣзныхъ дорогъ имперіи, и 2) телеграфы эти устраивать не иначе, какъ согласно указаніямъ и утвержденію высшаго телеграфнаго управленія, на которое возлагается надлежащее за ними наблюденіе и принятіе нужныхъ къ тому распоряженій.

Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога передана съ 1 ноября, по договору, графамъ Замоискому и Потоцкому, банкиру Епштейну, гг. Пржездѣцкому, Урускому изъ Варшавы, и И. Мильде, гр. Ренару, бар. Мушвицу и кн. Гогенлоэ-Эрингенъ изъ Пруссіи, стоящимъ въ главѣ общества такъ-называемой Силезской дороги. Тому же обществу передана дорога между Скерневице и Ловичемъ и имѣющая строиться линія отъ Зембковицъ къ Каттовицу. Общество это получаетъ помянутыя дороги на 75 лѣтъ и должно имѣть капиталъ номинально въ 10 милл. р. с., а дѣйствительно въ 6 милл. р. с. и за выстроенныя дороги уплачиваетъ правительству оброку 200,000 р. сер. въ первыя десять, и по 250,000 р. сер. въ остальныя 65 лѣтъ. Двѣ пятыхъ цѣнности акцій принадлежатъ правительству, именно въ каждой изъ 100,000 акцій во 100 р. сер., 40 рублей серебромъ представляетъ взносъ правительственный, а 60 р. взносъ акціонера.

До сихъ поръ общество это выпустило только 25,000 акцій, разобранныхъ учредителями и ихъ товарищами. Другому *Обществу сариа-ско-бромбергской желѣзной дороги*, уступлена линія отъ Ловича черезъ Торнъ на Бромбергъ, и капиталъ ея опредѣленъ въ 5 милліоновъ рублей серебромъ. Время уступки этому обществу также опредѣлено въ 75 лѣтъ, считая со времени окончательнаго открытія линіи на всемъ ея пространствѣ. Правительство гарантируетъ этому обществу $4\frac{1}{2}$ процента, считая цѣнность версты въ 45,000 рублей серебромъ. Эта линія сократитъ вдвое разстояніе между Берлиномъ и Варшавой и будетъ очень полезна для сбыта мѣстнаго хлѣба.

Въ Галиціи желѣзную дорогу отъ Кракова до Перемышля приняло на себя такъ-называемое *Императорско-королевское привилегированное общество Карло-Людвиговой желѣзной дороги*, съ капиталомъ въ 54 милліона гульденовъ, раздѣленнымъ на 270,000 акцій. Учредителями этой дороги, кромѣ кн. Льва Сапѣги, которому принадлежитъ первая мысль о ней, поименованы гр. Бадени, гр. Баваровскій, Барковскій, гр. Владиміръ Дзѣдушицкій, гр. Владиміръ Голуховскій, кн. Яблоновскій, гр. Красицкій, гр. Ланцкоронскій, гр. Левицкій, кн. Любомирскій, кн. Понинскій, гр. Потоцкіе, кн. Сангушко, кн. А. Сапѣга, гр. Стадницкій, гр. Водзицкій, гр. Зеленскій, С. М. Ротшильдъ, кредитное торгово-ремесленное учрежденіе, Императорская Фердинандова желѣзная дорога и пр.

Столица Царства Польскаго, придвигаемая этими путями къ Западу, оживилась учрежденіемъ въ Варшавѣ медико-хирургической академіи. Пишутъ также, что предстоитъ открытіе при варшавскомъ благородномъ институтѣ осьмаго класса для спеціального курса польскаго права. Это будетъ великимъ благодѣяніемъ для края, освобождая многихъ отъ затруднительной необходимости поступать для изученія правъ въ С. Петербургскій и Московскій университеты.

Черноморскій край видимо оправляется отъ бѣдствій послѣдней войны. Вида постоянное возрастаніе населенія въ пользующемся различными преимуществами портовомъ городѣ Ейскѣ (въ Черноморіи, на берегу Азовскаго моря, не подалеку отъ устья Дона), и условливаемое тѣмъ значительное увеличеніе круга дѣйствій городскихъ учреждений въ этомъ городѣ, правительство нашло нужнымъ учредить тамъ должность городского страпчачаго. Хотя населеніе Ейска привлечено, преимущественно изъ Таганрога, искусственными мѣрами, но теперешнее развитіе новаго города даетъ право полагать, что онъ дѣйствительно имѣетъ будущность. Онъ основанъ по плану князя М. С. Воронцова. Между тѣмъ въ сосѣднемъ Ростовѣ на Дону купеческій флотъ увеличивается съ удивительною быстротой. Необычайно высокія цѣны, стоявшія въ прошломъ году на фрахты, пріохотили многихъ къ судопромышленности. Нынѣшнимъ лѣтомъ построено въ окрестностяхъ и въ верховьяхъ Дона до 300

судовъ различной величины, а всего, въ теченіе двухъ лѣтъ, построено болѣе, нежели сколько ихъ истреблено во время войны англо-французскими крейсерами на всемъ Азовскомъ морѣ.

Берега Закавказья также начинаютъ открываться для широкихъ предпріятій. Неутомимый и предприимчивый учредитель русской Компаніи мореходства и торговли, А. Н. Новосельскій, какъ извѣщаютъ въ «Экономическомъ Указателѣ», намѣренъ предпринять работы по очищенію устья и судоходству по рѣкѣ *Pionu*, чѣмъ безспорно подниметь этотъ важный для нашей торговли и промышленности край.

Между тѣмъ изъ Тифлиса извѣщаютъ о явленіи, свидѣтельствующемъ, что и умственная жизнь мѣстныхъ жителей пробуждается къ дѣятельности. Армянскій священникъ Стефанъ Мандемянцъ рѣшился приступить къ изданію въ Тифлисѣ армянской газеты, подъ названіемъ «Пчела Арменіи». Изъ объявленія объ этой газетѣ видно, что она будетъ издаваться съ 1-го января 1858 года, по субботамъ, и будетъ заключать въ себя два отдѣла: политическій, съ городскими и правительственными извѣстіями, и литературный, съ нравоученіями, повѣстями, разказами, историческими очерками, описаніемъ древностей Арменіи и другими общепольными свѣдѣніями изъ области наукъ, художествъ и промышленности. Языкъ ея будетъ народный, араратскій, не допускающій чуждыхъ словъ и вполне понятный для всѣхъ вообще Армянъ. Редакторъ изъявляетъ готовность принимать отъ всѣхъ любителей армянской литературы и помѣщать въ газетѣ всѣ ученые произведенія ихъ, съ одобренія цензуры. Цѣна за годовое изданіе въ Тифлисѣ и съ пересылкою 6 руб. сер. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Аветяна Эфендианцъ, въ каравансарай Тамамшева, и въ типографіи Тифлисской армянской духовной семинаріи.

Объ изданіи *Одесскаго Вѣстника* подъ новою редакціею.

Съ наступающаго 1851 года *Одесскій Вѣстникъ* переходитъ въ вѣдѣніе Ришельевского Лицея, и съ тѣмъ вмѣстѣ вступаетъ въ новый періодъ своего существованія.

При обѣщанномъ уже постоянномъ содѣйствіи всѣхъ профессоровъ Лицея, всего сословія преподавателей Одесскаго учебнаго округа и многихъ просвѣщенныхъ и свѣдущихъ мѣстныхъ жителей, будучи единственнымъ литературнымъ и политическимъ журналомъ въ Новороссіи, онъ долженъ привлечь къ себѣ по возможности всѣ умственныя силы края, оживить и увеличить литературную его производительность. Ниже

подписавшіеся, избранные въ редакторы Вѣстника совѣтомъ профессоровъ Лицея, будутъ всѣми силами стремиться къ достиженію этой цѣли, постоянно заботясь о привлеченіи къ журналу всѣхъ просвѣщенныхъ мѣстныхъ жителей и особенно всѣхъ, кто въ какомъ-либо отношеніи изучилъ южный край Россіи.

Дѣятельно служить просвѣщенію и успѣхамъ общественнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать уясненію всѣхъ особенностей мѣстной природы и быта мѣстныхъ жителей — вотъ назначеніе Одесскаго Вѣстника, какъ органа высшаго учебнаго заведенія.

Согласно съ этимъ, въ составъ его вводится постоянный отдѣлъ учено-литературный. На первомъ здѣсь планѣ будутъ вопросы о распространеніи и улучшеніи народнаго просвѣщенія въ краѣ, ибо «всѣ мы, по выраженію глубоко-уважаемаго начальника Одесскаго учебнаго округа, «всѣ мы ясно сознаемъ, что главною порукою за будущее благосостояніе «нашего общества, и мало того—главною его основою—должно служить «воспитаніе нашихъ дѣтей, и даже отчасти перевоспитаніе насъ «самихъ» (1).

Число теоретическихъ статей по вопросамъ воспитанія будетъ однакожь по необходимости ограничено такими, которыя по болѣе общему своему содержанію и по внутреннему достоинству способны особенно привлечь вниманіе читателей и дѣйствовать на общественное мнѣніе. Обѣщанное редакціи постоянное участіе въ этой части учено-литературнаго отдѣла Н. И. Пирогова ручается за его солидность. Но главнымъ образомъ обращено будетъ вниманіе на состояніе семейнаго быта различныхъ классовъ и племенъ народонаселенія по отношенію его къ воспитанію и обученію дѣтей, на состояніе училищъ, на бытъ и положеніе сословія преподавателей, при чемъ поставляется за правило не скрывать никакихъ недостатковъ домашняго и общественнаго воспитанія, въ томъ однако же случаѣ, когда тотчасъ же могутъ быть указаны и средства къ ихъ исправленію.

За тѣмъ огромный по своему пространству и важный по своему значенію край нашъ заслуживаетъ всесторонняго, подробнаго изученія, а равно и вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ Русскихъ: не говоря о томъ уже, что всѣ особенности его и богатая средства далеко еще не раскрыты и не употреблены въ дѣло, припомнимъ только, что онъ давно уже сталъ житницей Европы, что въ немъ и теперь уже совершается значительное торговое движеніе, что все болѣе привлекаетъ онъ къ себѣ и капиталы и рабочія силы Россіи, что еще болѣе привлечетъ онъ ихъ времени осуществленія предположенныхъ желѣзныхъ дорогъ, и наконецъ, что недавно онъ былъ поприщемъ всемірно-исторической борьбы и привлекалъ къ себѣ вниманіе и цѣлой Россіи и всего образованнаго міра.

Особенное и постоянное обращено будетъ вниманіе на состояніе сельскаго хозяйства, различныхъ промысловъ и торговли, и на способы и средства къ ихъ улучшенію, а равно и на бытъ различныхъ классовъ

(1) Рѣчь, произнесенная Н. И. Пироговымъ на торжественномъ актѣ Лицея 1-го сентября настоящаго года.

и племень смѣшеннаго народонаселенія. Наконецъ современная гѣлопись Одессы и другихъ мѣстностей Новороссіи и Бессарабіи, отъ времени до времени помѣщаемая въ учено-литературномъ отдѣлѣ, будетъ знакомить читателей съ ихъ состояніемъ, съ общественною въ нихъ жизнью, ея направленіемъ и успѣхами, съ удобствами и неудобствами, которыя въ нихъ встрѣчаютъ мѣстные жители, и наконецъ со средствами къ устраненію послѣднихъ.

Желая главнѣйшимъ образомъ сообщить чисто мѣстный характеръ этому отдѣлу газеты, редація считаетъ однакоже необходимымъ ввести въ него во 1-хъ обзорніе замѣчательнѣйшихъ явленій и вопросовъ въ современной жизни и литературѣ какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ цѣломъ образованномъ мірѣ, и во 2-хъ краткія извѣщенія объ открытіяхъ научныхъ, имѣющихъ однакоже общій интересъ.

Не стѣняясь предѣлами газеты, редація имѣетъ въ виду, если позволятъ ей средства, издавать отъ времени до времени учено-литературные сборники по возможно дешевой цѣнѣ для подписчиковъ *Вѣстника* и обратить свое вниманіе на то, чтобы при основательности своего содержанія статьи отличались живостью и занимательностью изложенія.

Прочіе отдѣлы газеты — отдѣлы извѣстій оффиціальныхъ, торговыхъ и заграничныхъ, будутъ по возможности пополнены. Торговья извѣстія по характеру города и края заслуживаютъ особаго развитія: при множествѣ по всему краю разсыянныхъ корреспондентовъ редація надѣется, что они будутъ служить надежнымъ пособіемъ при соображеніяхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ производителей и торговцевъ края.

Въ заграничныхъ извѣстіяхъ вопросы международной политики, а равно и тѣ, которые въ данное время наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе, будутъ излагаемы въ особомъ обзорнѣи, а затѣмъ будутъ сообщаемы главнѣйшіе факты внутренней политики всѣхъ первоклассныхъ государствъ образо ваннаго міра. При всей краткости изложенія редація позаботится, чтобы какъ можно своевременно знакомить своихъ читателей съ главнѣйшими явленіями и вопросами современности, и надѣется не упустить изъ виду тѣхъ фактовъ, которые могутъ пояснить современное политическое состояніе народовъ, или обнаружить ихъ характеръ и степень ихъ государственнаго и общественнаго развитія.

Наконецъ частныя объявленія будутъ по прежнему входить въ составъ газеты, а оффиціальныя прибавленія будутъ разсылаемы подписчикамъ въ особыхъ приложеніяхъ.

Одесскій Вѣстникъ будетъ выходить по прежнему три раза въ недѣлю, но въ листахъ гораздо большаго формата и, если окажется возможность, то съ полулистовыми прибавленіями, посвящаемыми исключительно учено-литературному отдѣлу. Цѣна за годовое изданіе въ Одессѣ 10 руб. сер., для иногородныхъ 12 р.; за полугодовое 6 руб. въ Одессѣ и 7 съ пересылкою во вѣсть. Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи *Одесскаго Вѣстника* при Городской типографіи.

Редакторы: А. Богдановскій. А. Георгіевскій.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ.

Въ 1846 году страдая хроническимъ воспаленіемъ слѣпаго моего глаза, и въ то же время жестокими ревматическими головными болями, я находился въ отчаянномъ положеніи. Всѣ медицинскія средства, употребленныя искуснѣйшими московскими врачами, не оказывали пользы: послѣ кратковременнаго облегченія, страданія мои возобновлялись съ новою жестокостью. Наконецъ я обратился къ главному врачу Семену Григорьевичу Кауфману, и онъ, пуская мнѣ въ больной глазъ по одной каплѣ какой-то жидкой мази, въ три дня уничтожилъ воспаленіе, и избавилъ меня отъ страданій такъ, что на четвертый день я уѣхалъ въ деревню. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже 11 лѣтъ, при всякомъ раздраженіи слѣпаго глаза, я употребляю то же лѣкарство г. Кауфмана, и всегда получаю совершенно облегченіе. Зрѣніе въ правомъ глазу, несмотря на частыя головныя боли, за которое очень опасались, укрѣпилось, и я могу съ осторожностью и умѣренностью даже писать и читать. Въ продолженіи этихъ 11 лѣтъ я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ искусствѣ г. Кауфмана и въ успѣшномъ его пользованіи всякихъ глазныхъ болязней. Я постоянно посылаю къ нему своихъ и чужихъ крестьянъ, и больные, если зрѣніе не было потеряно навсегда, всегда получаютъ полное изцѣленіе. Считаю долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія мою совершенную благодарность г. Кауфману, который до сихъ поръ продолжаетъ безкорыстно лѣчить страдающихъ глазами. Ежедневно, въ домѣ его на Патриаршихъ Прудахъ, съ ранняго утра стоитъ толпа бѣдняковъ, ожидающихъ помощи, и получающихъ ее. Конечно они благословляютъ его имя, молятся за него Богу; но такіе пациенты мало доставляютъ извѣстности и славы своему благодѣтельному доктору.

Коллежскій совѣтникъ *Сергій Александровъ*,

1857 г., декабря 10-го.
Москва.

1857 г. 10-го декабря.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО ОТЪРЪМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской типографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА. Седьмой дополнительный томъ.
Изданіе Н. В. Анненкова. Спб. 1857 г.; Ц. съ пер. 1 р. 75 к.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ В. БЕНЕДИКТОВА, въ красной
англійской папкѣ, печатанной золотомъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 25 к.,
съ пер. 1 р. 75 к.

Его же, СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ, въ трехъ томахъ. Спб.
1856 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ Л. МЕЯ. Спб. 1857 г.; въ англійскомъ коленк.
папкѣ, печатанной золотомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ И МЪРАХЪ ПРОТИВЪ ДОРОГО-
ВИЗНЫ. В. Рошера. Пер. съ нѣм., кандидата коммерч. наукъ, А.
Корсака. Казань. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

РАЗКАЗЫ Н. ОСНОВСКАГО. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
2 р. Содержаніе книги: 1) Неистовый Орландъ; 2) Петровъ День;
3) Оедульчъ; 4) Охота на Медвѣдя и 5) Порода Хищниковъ.

О ДОЛЖНОСТЯХЪ И УЧРЕЖДЕНІЯХЪ по церковному управ-
ленію въ древней Восточной Церкви. Сочин. профессор. Спб. семин.
соборн. іеромонаха Павла. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для МАЛЕНЬКИХЪ ДѢВУШЕКЪ, составл.
В. Строевымъ. Спб. 1857 г. Ц. 74 к., съ пер. 1 р.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ изъ записокъ Чудака.
Собралъ и въ порядокъ привелъ И. Селивановъ. М. 1857 г. Ц. 1 р.
50 к., съ пер. 2 р.

ПАМЯТНАЯ КНИГА ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ, для чиновъ
городской полиціи. Составилъ В. Лукинъ. Издана на основаніи Свода
Законовъ, всѣхъ его Продолженій и «Сенатскихъ Вѣдомостей». Спб.
1856 г.

КАЛЕНДАРЬ (*Мѣсяцословъ*) на 1858 годъ. Съ портретомъ Его
Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Наслѣдника
Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича. Цѣна: въ
цвѣтной оберткѣ 90 к., въ папкѣ 1 р., въ корешк. перепл. 1 р. 10 к.,
въ сѣт. кор. 1 р. 30 к., въ англійскомъ коленк. съ тисненіемъ 1 р.
60 к., въ атласѣ съ золот. обрѣз. и въ футлярѣ 1 р. 75 к. сер.,
вѣсов. за 2 фун.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ОБѢДЪ 28-го ДЕКАБРЯ.

3-го сентября прошедшаго года, здѣсь въ Москвѣ, человекъ шестьдесятъ, преимущественно изъ числа ученыхъ и литераторовъ, собрались на дружеское пиршество, чтобы независимо отъ официальныхъ торжествъ отозваться искреннимъ сочувствіемъ на всеобщую радость, которою исполнено было въ то время наше отечество (1). Участвовавшіе въ этомъ пиршествѣ сохранили о немъ живое воспоминаніе; они желали возобновить его и въ нынѣшнемъ году. Желаніе это съ особенною силою закипѣло въ послѣднее время, и несмотря на чрезмѣрную поспѣшность, съ какою устроилось нынѣшнее пиршество, желавшихъ участвовать въ немъ оказалось такъ много, что оно неожиданно приняло гораздо большіе размѣры, чѣмъ предполагалось: собраніе не могло уже сохранить свой прежній характеръ тѣснаго литературнаго круга, а между тѣмъ вѣсть не успѣла облетѣть еще всѣ круги московскаго общества, и потому въ этомъ пирѣ, при всемъ желаніи, не могли принять участіе многія лица, которыя своимъ присутствіемъ придали бы ему или большую цѣлость или болѣе обширное значеніе. Многіе опоздали, многіе являлись почти въ самый часъ, назначенный для обѣда, такъ что безъ сомнѣнія число участниковъ возрасло бы до огромной цифры, еслибы первоначально имѣлось въ виду устроить такое обширное пиршество.

При такомъ неожиданномъ увеличеніи числа участниковъ, затруднительно было прискаты на скоро удобное помѣщеніе. Распорядители обратились наконецъ къ старшинамъ Купеческаго Собранія, которые радушно уступили имъ на день обѣда двѣ залы, совершенно отдѣливъ ихъ на этотъ случай отъ остальной части Собранія.

Обѣдъ данъ былъ 28-го декабря. Число участвовавшихъ въ немъ простиралось до 180 человекъ. Значеніе этого пиршества и чувствованія, которыя одушевляли участвовавшихъ въ немъ, всего лучше раскрываются изъ рѣчей и тостовъ, которыми оно ознаменовалось.

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1856 года, сентябрь, книжка вторая.
СОВР. ЛѢТ. Т. XII.

Первый тостъ провозглашенъ былъ за здравіе Государя Императора пишущимъ эти строки въ слѣдующей рѣчи, имѣвшей главное своею цѣлю выразить значеніе всего пиршества:

«Бываютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда во глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе жизни; — эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ, и въ общемъ чувствѣ: благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху!

«Кто мы, и зачѣмъ мы здѣсь?»

«Люди разныхъ мнѣній, разныхъ убѣжденій, люди, которые быть-можетъ во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, мы собрались теперь, повинувшись одному, всѣмъ намъ общему чувству. Каждый изъ насъ пришелъ сюда не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію: никто не былъ обязанъ, и всѣ мы явились, и всѣ мы явились для выраженія этого общаго чувства, для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ комъ наша родина обрѣла свое чаяніе. Слишкомъ годъ тому назадъ, многіе изъ насъ собирались, движимые тѣмъ же чувствомъ, при первомъ разсвѣтѣ новой эпохи, которая такъ торжественно заявляла себя въ дѣлахъ и словѣ Монарха, возлагавшаго на Себя корону предковъ. Много совершилось въ это краткое время, и еще такъ недавно получили мы великій и могущественный залогъ той взаимной, незыблемой вѣры, которая соединяетъ у насъ царя и народъ. Не подводить итогъ событій собрались мы сюда: пусть это будетъ дѣломъ исторіи. Нѣтъ! мы собрались лишь для того, чтобы выразить переполняющее насъ всѣхъ чувство, чтобы заявить, въ чемъ всѣ мы, люди разномыслящіе и разнохарактерные, сходимся какъ одинъ человѣкъ. Есть стало-быть для насъ нѣчто сильнѣе всѣхъ разногласій, есть стало-быть чувство, въ которомъ единодушна вся мыслящая Русь: это чувство слѣдовало изъяснить, это единодушіе слѣдовало запечатлѣть. Было бы непростительнымъ упущеніемъ, было бы грѣхомъ не запечатлѣть торжественно этого чувства. Не изъ этихъ ли выраженій общественнаго единодушія образуется характеръ общества, не изъ нихъ ли слагается его внутренняя исторія, не ими ли опредѣляется фізіономія будущаго? Пусть же знаютъ, что въ русской литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія, и это нѣчто есть исполняющийся нынѣ завѣтъ и смыслъ нашей исторіи: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и царя, мысль о которомъ неразрывна и едина съ мыслию о благѣ народномъ. Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли повидимому лица,

собравшіяся здѣсь для запечатлѣнія такого торжественнаго сознанія, вѣрите, эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ исторіи, и сохранится тѣмъ вѣрнѣе, и будетъ тѣмъ знаменательнѣе, чѣмъ свободнѣе и искреннѣе наше соединеніе.

«Да почиетъ благословеніе Божіе на Царя нашемъ и на всѣхъ Его начинаніяхъ! Да царствуетъ Онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!

«Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго, провозглашается тостъ за здравіе Государя Императора.»

Восторженное *ура!* сопровождало все заключеніе рѣчи; но нужно было все напряженіе голоса, чтобы провозглашеніе этого перваго тоста раздавалось явственно среди оглушительнаго грома, который и послѣ долго еще стоялъ въ стѣнахъ залы. Одна мысль господствовала въ этомъ собраніи, мысль о Царѣ, который такъ же полно, такъ же глубоко и такъ же искренне довѣрился своему народу, какъ народъ, во все продолженіе своей тысячелѣтней исторіи, незыблемо былъ преданъ власти, управлявшей его судьбами. А потому возгласеніе тоста за здравіе Государя Императора не было только оффиціальнымъ началомъ пира. Тотъ же тостъ провозглашенъ былъ при слѣдующей рѣчи, произнесенной А. В. Станкевичемъ.

Мм. Гг.

«Всѣхъ насъ соединили здѣсь общія чувства и общія желанія. Всѣ мы чувствуемъ, въ какую важную, знаменательную эпоху своего развитія и внутренняго устройства вступаетъ Россія, какія важныя задачи предстоить ей рѣшить по призыву Того, кому Провидѣніе назначило заботливо бодрствовать надъ нею, угадывать ея потребности, искать средствъ удовлетворить имъ, средствъ обезпечить общее благо всѣхъ ея гражданъ, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несомнѣстныя начала замѣнить прочными началами справедливости и христіанской любви. Всѣ мы чувствуемъ трудность и величіе такой задачи, и всѣ мы желаемъ, чтобы Провидѣніе укрѣпило силы своего Избранника на трудный и великій подвигъ, чтобы мудрые помощники и ревностные исполнители Его благихъ намѣреній облегчили Его трудъ и царственныя заботы, и чтобы Его великодушная мысль и правдивыя намѣренія встрѣтили въ каждомъ Русскомъ, на какой бы ступени общества ни стоялъ онъ, искреннее сочувствіе и единодушную, откровенную готовность не только признавать ихъ въ душѣ, но и осуществлять ихъ на дѣлѣ. Таковы общія чувства и желанія, соединившія насъ здѣсь, Мм. Гг. Проникнутые ими, мы отъ глубины сердца провозгласимъ здоровье Того, кто внушаетъ ихъ намъ своими намѣреніями и дѣлами: здоровье Государя Императора Александра Николаевича.»

Эта рѣчь, сопровождавшаяся живыми рукоплесканіями, заключилась криками *ура!* Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала третій тостъ, провоз-

глашенной Н. Ф. Павловымъ, тостъ за здравіе Того, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ прагды и добра, какъ прекрасно выразился ораторъ въ заключеніи своей рѣчи, которую и предлагаемъ здѣсь:

«Господа, новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Если вообще мы отличаемъ человѣка, который съ радостью и надеждой идетъ на встрѣчу будущему, то какихъ благословеній удостоиваются отъ исторіи тѣ немногіе, которые, стоя во главѣ народовъ, смотрятъ впередъ съ свѣтлою мыслью и благораствореннымъ сердцемъ, способствуютъ правильному ходу событій и не задерживаютъ великихъ путей Провидѣнія! Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи. Счастливы мы, велико значеніе нашей эпохи! Легче становится совѣсти христіянина, какъ-то благороднѣй бьется сердце, и смѣлѣе смотрится на Божій міръ.

«Мы собрались здѣсь для выраженія глубокаго, искренняго сочувствія святому дѣлу, мы не притесли сюда никакой задней мысли, которая бы могла убояться свѣта.

«Да, господа, новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Одно изъ нашихъ общественныхъ условій должно измѣниться. Если мы станемъ разсматривать его въ прошедшемъ, то, можетъ-быть, увидимъ, что оно допущено и признано отъ невозможности учредить иначе административный порядокъ и сосредоточить въ рукахъ правительства тѣ средства, которыя въ послѣдствіи придали такое быстрое развитіе могуществу Россіи. Но что временно выигрывало государство, то терялъ человѣкъ. Учрежденіе это, по своей натурѣ, таково, что воля, извлеченная изъ него, обошлась чрезвычайно дорого. Извнѣ, снаружки водворился порядокъ, а внутри, въ душѣ, въ головѣ, продолжалась и зрѣла равадница. Развитіе лица отразилось въ общественной жизни. Нравы и привычки около домашняго очага, посреди семьи и домочадцевъ должны были съ нѣкоторымъ измѣненіемъ формы отпечатлѣться на ходѣ общественныхъ дѣлъ и принести горькій или сладкій плодъ. Вотъ почему учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, отжило уже свой историческій вѣкъ. Державная мысль отгадала корень зла. Блескъ новой идеи, какъ восходящее солнце, не вдругъ освѣщаетъ предметы. Нѣтъ, не можетъ статья, величіе, слава, прочность и благоденствіе нашей дорогой Россіи зависать не отъ тѣхъ учреждений, въ основѣ которыхъ лежатъ неправда и ложь, а отъ того направленія, которое, по всѣмъ частямъ, указываетъ намъ Тотъ, чье имя долженъ и можетъ произнести съ гордостью каждый Русскій. Всемогущая воля отклоняетъ отъ себя начинаніе великаго дѣла и предоставляетъ инициативу дворянству. Встрѣтимъ же высокую мысль, одушевленную единымъ благомъ народа, съ тою просвѣщенной готовностью, которой можно

уже требовать отъ Россіи. Не станемъ воображать, что исторія проходитъ по розамъ, и что ей на дорогѣ не попадаются тернія. Это былъ бы признакъ незнанія и слишкомъ идеальный взглядъ на природу вещей. Когда водворяется великій, нравственный, христіанскій порядокъ, то должно думать не о затрудненіяхъ, а надѣяться, что они унесутся потокомъ новой жизни. Измѣненіе нашихъ экономическихъ отношеній возбудить въ насъ самостоятельность, отсутствіе которой есть одинъ изъ нашихъ главныхъ недостатковъ. Провозгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца многія лѣта и еще разъ поднимемъ бокалы во славу Тому, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра. Да сойдетъ она и при этомъ подвигѣ воедино съ Его свѣтлою мыслію, съ Его великодушнымъ и христіанскимъ чувствомъ.»

Эта блестящая рѣчь, увлекательно произнесенная, подѣйствовала электрически на все собраніе; она прерывалась ежеминутно громкими рукоплесканіями и криками *bravo!* Восторженное *ура!* заглушило ея окончаніе.

За троекратнымъ тостомъ за здравіе Государя Императора послѣдовалъ тостъ, произнесенный за русское дворянство. Провозгласителемъ его былъ М. П. Погодинъ, котораго участіе въ этомъ пирѣ много содѣйствовало къ устроенію его въ томъ составѣ, въ какомъ онъ происходилъ. Мы не забудемъ той живой заботливости, съ какою почтенный ветеранъ нашей науки старался помочь осуществленію этого общаго дѣла. Представляемъ произнесенную имъ рѣчь, которая вызвала живѣйшіе знаки сочувствія и рукоплесканія.

«Послѣ многихъ заздравныхъ бокаловъ, поднятыхъ нами такъ высоко, отъ всей души, во славу благодушнаго нашего Государя, выразивъ настоящія наши чувствованія неограниченнаго довѣрія къ Его, любви исполненному, сердцу, неограниченной преданности къ Нему, къ Его любимой Супругѣ, раздѣляющей съ нимъ царственные заботы, и ко всему Августѣйшему Дому, чувствованія, смѣемъ думать, всего Русскаго народа, сердце наше рвется поздравить скорѣе дорогаго нашего кормильца, дорогаго нашего поильца, православнаго русскаго мужичка, съ наступающимъ для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, новымъ годомъ, съ восходящею, на дальнемъ востокѣ, для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, свѣтлою Рождественскою звѣздою, — но прежде, по порядку, мы должны принести искреннюю дань хвалы и благодарности достойному русскому дворянству, которое вездѣ, какъ слышно, изъясляетъ чрезъ своихъ достойныхъ представителей, совершенную готовность исполнить царское желаніе. Въ его доброй волѣ никогда не лъзя было сомнѣваться: всегда, въ великія, рѣшительныя минуты отечественной исторіи, являлось оно впереди, жертвуя всѣми своими силами, трудами, кровію, жизнію. Не говоря о прежнихъ временахъ,

въ наше время, подъ стѣнами священнаго Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Васильчиковъ, Меншиковъ, Горчаковъ, развѣ думали о себѣ, развѣ не являлись вездѣ, на мѣстахъ самыхъ страшныхъ опасностью, развѣ уступали, даже въ храбрости, самому пылкому молодому прапорщику? Останется ли это дворянство равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому подвигу, который теперь ему предоставляется? Нѣтъ, этого не будетъ, и этого не можетъ быть! Ему нужно только съ свойственнымъ этому сословію вообще въ Европѣ благоразуміемъ и осторожностію вникнуть въ великое и вмѣстѣ мудреное дѣло; ему нужно ознакомиться ближе со всѣми возникающими явленіями, удостовѣриться въ твердости и благонадежности новыхъ отношеній, уравнивъ всѣ частныя выгоды, къ общей всего народа пользѣ. Задача мудреная, которую вдругъ рѣшить не возможно. Всякое право священно. Оборони Богъ отъ какого бы ни было нарушенія чьего-либо права. Толковитость Русскаго народа, которой открывается теперь полная свобода разсужденія, — доброе, легкое сердце, которое Богъ вложилъ въ нашу грудь, вѣрно найдутъ средства устроить дѣло къ общему удовольствію, даже безъ ущерба вѣковому хозяйству, спокойно, мирно, согласно, благополучно. Долгъ русской литературы — содѣйствовать этому великому преобразованію, преобразованію любви и добра, соответственнаго великодушнымъ намѣреніямъ Государя, за одно съ правительствомъ, по примѣру нашихъ достойныхъ предшественниковъ и учителей, которые, начиная съ фонъ-Визина, за 80-ть лѣтъ еще чаяли и призывали настоящую великую минуту. Многие изъ нихъ принадлежали также къ дворянскому сословію, и служили съ честью отечеству своими талантами. Мм. Гг. предлагаю вамъ поднять бокалы въ честь и благодарность достойнаго историческаго русскаго дворянства!»

Профессоръ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ И. К. Бабстъ прекрасно и знаменательно высказалъ значеніе свободнаго труда, который открывается въ будущемъ для всего народонаселенія нашего отечества. Но предоставимъ говорить самому оратору:

«Послѣ голосовъ, поднятыхъ, за сегодняшней радостною трапезой, которою мы чувствуемъ великое событіе въ нашемъ экономическомъ быту, позвольте сказать и мнѣ, Мм. Гг., нѣсколько словъ, вылившихся изъ глубины души, словъ благодарности Тому, чьи помыслы и чья дѣятельность въ теченіе немногихъ счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ нами подъ Его державою, согласовались постоянно съ самыми задушевными и насущными потребностями народа. Мы собрались нынѣшній день отпраздновать великое событіе въ лѣтописяхъ отечественной исторіи, передъ которымъ съ любовью остановится бытописатель.

«Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія говорилъ Шторху одинъ изъ фабрикантовъ, родоначальниковъ нашей мануфактурной промышлен-

ности, что послѣдняя не можетъ широко развиваться при обязательномъ крѣпостномъ трудѣ; еще въ 1819 году увѣнчало Вольное экономическое общество сочиненіе, доказавшее строго фактически всю невыгоду крѣпостнаго труда для сельскаго хозяйства.

«Развитіе народнаго богатства шло постоянно рука объ руку съ правильнымъ устройствомъ и организаціей народнаго труда, который, выходя изъ стѣснительныхъ для себя условій, становится производителнѣе, дѣятелнѣе и подвижнѣе. По мѣрѣ устраненія неблагопріятныхъ для труда условій растетъ въ народѣ любовь къ труду, является соревнованіе, которое шевелитъ спящія силы, не даетъ застаиваться народнымъ дарованіямъ, пробуждаетъ къ плодотворной дѣятельности, къ безпрестаннымъ улучшеніямъ.

«Время первобытныхъ формъ народнаго хозяйства проходитъ и для насъ безвозвратно. Потребности великаго народа растутъ, и имъ нельзя уже удовлетворить незатѣйливыми и неразвитыми формами первобытнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, трудѣ неповоротливомъ и мало производительномъ. Намъ нужно не только удвоить, но удесятерить свое производство, свой трудъ и богатство, чтобы только опередившіе насъ въ экономическомъ развитіи народы не отбили у насъ рынковъ, принадлежащихъ намъ по праву по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Усилить же наши производительныя силы можемъ мы только при правильной организаціи народнаго труда, который тогда смѣло и гордо бросится на развѣдку и обработку богатствъ, кроющихся въ нѣдрахъ нашей родины. Но сознавать все значеніе великаго дѣла, М. Г., еще мало. Не должно забывать, что теперь болѣе, нежели когда либо нужна гражданская честность, осмотрительность и строгое служеніе народному дѣлу, что неумѣстны теперь всякая умственная шалость и шутка, что не время шарлатанить и скоморошничать въ наукѣ и въ жизни, не время увлекаться призраками празднаго воображенія, но что наступило время для всѣхъ гражданъ великаго государства отозваться честнымъ трудомъ и до послѣдняго вздоха содѣйствовать благимъ начинаніямъ державнаго Освободителя народнаго труда.

«За процвѣтаніе же и успѣхъ свободнаго русскаго труда.»

Рѣчь эта была встрѣчена громогласными выраженіями одобренія и сочувствія всего собранія, непрерывно заглушавшими голосъ оратора.

Вскорѣ за тѣмъ всталъ дорогой гость нашъ, по праву принадлежащій Москвѣ, нынѣ профессоръ С.-Петербургскаго университета, К. Д. Кавелинъ. Узнавъ по пріѣздѣ въ Москву о задуманномъ праздникѣ, онъ съ благороднымъ жаромъ предался всею душою мысли устроить его въ духѣ примиренія и соединенія всѣхъ литературныхъ партій. Вотъ произнесенная имъ при непрерывномъ громѣ рукоплесканій и крикахъ *bravo!* рѣчь, заключившая обѣдъ тѣмъ же тостомъ, который троекратно повторался въ его началѣ:

«Мм. Гг.

« Не прошло еще полутора года съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ насъ праздновали дѣла гражданской мудрости и милосердія, ознаменовавшія начало новаго царствованія. Мы разстались тогда съ радостію и надеждами въ сердцахъ, предчувствуя много добраго въ будущемъ. Теперь мы знаемъ о великодушномъ призывѣ Государа къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чаали многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озобочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердець, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и разумье всѣхъ.

« Мм. Гг. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріальныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе — приготовиться къ нему достойнымъ образомъ; ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи: но многіе и изъ насъ еще не ступаютъ на святую обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностію вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, на сколько мы могли и умѣли! 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озоботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта, — я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено прискаты среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ, но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отступаютъ передъ задачей, и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во второмъ — задача все-таки рѣшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріальнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узамы.

« Начало предстоящаго святаго дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ.

Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха. Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа.

«Поднимемте же, господа, бокалы во здравіе державнаго Миротворителя, который и въ дѣлахъ внѣшнихъ и въ устроеніи внутреннемъ приноситъ дары и благословеніе мира на Русскую землю! Да провозвѣститъ свѣту его царствованіе эпоху, въ которую должно свершиться всеобщее, разумное соглашеніе разрозненнаго! Приступая къ великому дѣлу, да не впадемъ въ уныніе, но будемъ направлять всѣ силы на разрѣшеніе трудностей, на устраненіе препятствій! Да смячатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой несокрушимой твердинѣ, да устроится жизнь наша на вѣчныя времена! Да будетъ все воедино, исполняясь благоговѣніемъ передъ несповѣдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цѣли.»

Рѣчь эта какъ нельзя лучше говоритъ сама за себя; она была тѣмъ дороже для насъ, что мы давно не слыхали въ своей средѣ голоса, ее произносившаго.

По окончаніи обѣда одинъ изъ значительнѣйшихъ представителей русскаго купечества, В. А. Кокоревъ, сказалъ нѣсколько словъ, которыя присоединяемъ къ этому описанію:

«Позвольте, Мм. Гг., сказать нѣсколько, почти уже послѣобѣденныхъ, словъ.

«Много говорено было новаго, радостнаго, освѣжительнаго. Говорить болѣе нечего, а надо теперь думать *думу крѣпкую*, углубляясь во всѣ обстоятельства до самой ихъ сердцевины.

«Пожелаемъ взаимно другъ другу одного, чтобы процессъ нашихъ мыслей не прерывался въ насъ и дома, внутри нашихъ жилищъ, и происходилъ бы въ духѣ *смиреномудрія* и *терпѣнія*.

«Тогда, *только тогда*, мы достигнемъ истиннаго, не призрачнаго успѣха, такого успѣха, что современемъ здѣсь же, въ этой залѣ, будемъ въ правѣ сказать громко: Государь вложилъ въ ростила общедумія первое и главное зерно нашего обновленія, судьбу крестьянъ, и Россія выработала изъ него многоплодную жатву.

«Предлагаю тостъ въ честь и славу тѣхъ людей, которые въ чувствахъ истинной любви къ Государю, будутъ содѣйствовать нашему

выходу, изъ кривыхъ и темныхъ закоулковъ, на открытый путь гражданственности.»

Праздникъ кончился, но одушевленіе, наполнявшее всѣхъ присутствовавшихъ, еще нѣкоторое время удерживало ихъ передъ портретомъ Государя Императора. Долго раздавались громогласныя *ура!* и внезапно перешли въ стройные звуки народнаго гимна: *Боже, царя храни!*

Такъ заключился этотъ праздникъ. Пожелаемъ, чтобы всѣми былъ онъ принятъ въ томъ же добромъ духѣ, въ коемъ былъ задуманъ.

М. Катковъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬѢ.

Редакція *Русскаго Вѣстника* получила отъ В. А. Кокорева рѣчь, которую предназначалъ онъ произнести на описанномъ пиршествѣ, но не исполнилъ этого по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и преимущественно потому, что она могла получить особенное практическое значеніе лишь среди купеческаго сословія. Рѣчь эта не просто рѣчь, а поступокъ, который пусть оцѣнитъ Россія. Мы считаемъ для себя важнымъ долгомъ представить ее для этой всеобщей оцѣнки.

«Свѣтъ и тьма — въ вѣчной борьбѣ.

«Одольваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человечество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ.

«Одольваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, иссыхаетъ человечество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умалется сила народная.

«Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта, но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало.

«Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II.

«Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ—крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская земля.

«Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому, 1858 году. Для пятнадцати милліоновъ людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого и мы всё вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся; пульсы наши бьются иначе: ровно, твердо, сильно.

«Мы можемъ сравнить теперь свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взбираться къ верху. Не мало на этомъ непротопанномъ пути мы встрѣтимъ колючихъ растеній. Но намъ ли бояться труда и препятствій въ то время, когда на горѣ стоитъ нашъ Царь и призываетъ насъ къ себѣ? Мы видимъ это сквозь открывшіяся промежутки частокола. И та гора, къ которой насъ подвело время—есть Гора Уповапія. Царь уповаеть на народъ, народъ уповаеть на Царя. Вотъ въ этомъ взаимномъ упованіи и состоитъ русская особенность и рѣзкая разница между Европой и Россіей. Пусть теперь углубится Европа во внутренній смыслъ нашихъ душевныхъ настроеній; вѣдь вездѣ отъ этихъ настроеній происходятъ всё прочія явленія въ жизни народовъ.

«Европа въ своихъ движеніяхъ приходила къ пропасти смутной неизвѣстности; мы пришли къ упованію; значитъ, мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно, и обратили въ свою пользу самую нашу запоздалость.

«Обратимся къ дѣлу, къ нѣкоторымъ подробностямъ нашей радости. Теперь такое время, въ которое требуются не фразы и возгласы, а дѣлоизложеніе, взглядъ, обсужденіе предметовъ. На первый разъ, быть-можетъ, это будетъ даже не интересно для слушателей! Но что дѣлать? Надо привыкать; нашъ дѣтскій возрастъ прошелъ, и потому игрушки въ сторону.

«Первое и главное зерно обновленія — судьба пятнадцати милліоновъ крестьянъ—вложено Царемъ въ общественную мысль. Да ниспослетъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ и ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ, и выражала бы очевидную удобопримѣняемость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ. Затѣмъ нужно общее участіе всѣхъ сословій, не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ. Перехожу къ тому, насколько это дѣло касается купцовъ.

«Когда новый порядокъ сообщитъ довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется и приметъ другіе размѣры, значитъ, и мы, купцы, будемъ имѣть новую огромную выгоду. За что же мы эту выгоду получимъ даромъ, безъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ новаго устройства крестьянъ? Вѣдь намъ будетъ стыдно смотрѣть и

на дворянъ, и на крестьянъ, на послѣднихъ тѣмъ болѣе будетъ стыдно, что многіе изъ насъ сами недавно вышли изъ крестьянъ, и я, говорящій эти слова, имѣю родныхъ въ крестьянскомъ сословіи. Не въ правѣ ли будутъ крестьяне сказать: «а вотъ тамъ, въ городахъ, есть купцы—богачи, да они забыли о насъ, ничѣмъ не помогли, никто не разстался ни съ малѣйшею частицей своихъ богатствъ, въ пользу созиданія общаго богатства земли Русской». А вѣдь быть крестьянъ намъ знакомѣе, чѣмъ кому либо; наши прикащики живутъ въ деревняхъ, стоятъ съ крестьянниномъ лицомъ къ лицу, и на рынкѣ, и на гумнѣ, и сообщаютъ намъ вѣрныя и свѣжія извѣстія, такъ—сказать изъ вчерашней жизни народа. А быть помѣщиковъ развѣ мы не знаемъ? Знаемъ вдоль и поперекъ. Каждый прикащикъ отъ хлѣбныхъ торговцевъ знаетъ даже тѣ числа, въ которые нужны помѣщику деньги на взносъ въ опекунскаго совѣтъ или на другія надобности, и въ это время онъ является къ нему, для покупки хлѣба. То же самое знаніе внутреннихъ подробностей помѣщичьяго и сельскаго быта мы имѣемъ и по прочимъ статьямъ, какъ—то: по торговлѣ саломъ, шерстью, льномъ, пенькой, по найму рабочихъ, по движенію обозовъ на торговыхъ трактахъ, и т. д. Есть такіе тракты, по коимъ перевозятся товаровъ на сотни милліоновъ, а они неизвѣстны ни въ одномъ печатномъ дорожничѣ; ихъ проложила примикомъ сама потребность, минуя всѣ дальніе пути, сочиненные однимъ ложнымъ умозрѣніемъ. Но почему же бы изъ всѣхъ этихъ знаній не высказать слово—*сущей правды*? Зачѣмъ мы молчимъ? Говорить не привыкли. Попробуемте.

«Крестьянамъ, обитающимъ на помѣщичьихъ земляхъ, назначено окупить деньгами или трудомъ стоимость ихъ жилища и огородовъ. Сверхъ того, за ту землю, которую они получаютъ отъ помѣщиковъ подъ поля, они должны обрабатывать землю владѣльца, то—есть ту, которую они и нынѣ обрабатывали. Очевидно, крестьянину прибавляется новый трудъ — отработать стоимость своей избы и огорода. Вотъ и готовъ случай купечеству принять участіе въ дѣлѣ устройства судьбы крестьянъ. Почему не открыть между всѣми русскими купцами подписку въ томъ, кто и за сколько крестьянскихъ жилищъ заявитъ желаніе заплатить деньги помѣщикамъ? Москва должна подать примѣръ, а ему послѣдуетъ и вся Россія. Москва и подала бы этотъ примѣръ, но ей мѣшаетъ отвычка отъ самостоятельности. Означеннымъ платежемъ денегъ справедливость требуетъ выкупить только тѣ крестьянскія жилища, кои находятся въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, ибо имъ, при настоящемъ переворотѣ, необходимы денежныя средства для насущныхъ потребностей жизни. Такимъ образомъ купечество, содѣйствуя справедливой развязкѣ настоящаго важнаго жизненнаго для Россіи вопроса, сдѣлаетъ пользу и мелкопомѣстному дворянству и крестьянамъ.

«Будемъ откровенны и искренны въ такіе великіе дни отечественныхъ событій, и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнѣйше отъ дворянъ и крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ; ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатство, ими же сообщенное! Если всѣ откупщики пожертвовали бы, примѣрно, 10 милліоновъ рубл. сер., то это нисколько не ослабило бы ихъ оборотовъ, это едва ли составило бы половину прибыли, полученной въ народѣ кредитныхъ билетовъ; но зато, какъ бы это подвинуло впередъ дѣло самобытной собственности крестьянъ!

«А развѣ биржи петербургская, рижская и одесская, получающія столько барыней отъ перепродажи потоваго труда крестьянъ, произведеній Русской земли, отстанутъ въ этомъ дѣлѣ?

«А развѣ золотопромышленность, выкопавшая себѣ богатство мозолистыми руками труженниковъ, останется хладнокровною зрительницей?

«А владельцы доходныхъ домовъ, и другихъ имѣній и заводовъ, имѣющіе доходы положительные и прочные, не скорѣе всѣхъ поспѣшатъ удѣлить какой-нибудь процентъ на дѣло отечественной славы и пользы?

«Да что много толковать! Никто не откажется отъ участія. Первая гильдія охотно приметъ лѣтъ на десять двойной платежъ, вторая и третья тоже пойдутъ вслѣдъ за нею на нѣкоторую прибавку, — да словомъ, всѣ повесутъ свою лепту на дѣло общаго добра.

«Вотъ при такомъ-то сочувствіи, при такой-то спайкѣ всѣхъ сословій, истинною любовью, выражаемою жертвами, устроится дѣло къ обоюдной пользѣ помѣщиковъ и крестьянъ, устроится оттого, что соберется много денегъ, кои необходимы для развязки этого вопроса, въ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Вологодской, Костромской, Владимирской, Новгородской, Тверской, Цекѣвской и сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской. Въ губерніяхъ этихъ половина дохода извлекается помѣщиками изъ ихъ личнаго права на крестьянина: треть народонаселенія выходитъ на заработки, платя оброкъ за то, чтобы помѣщикъ не потребовалъ домой, слѣдовательно здѣсь переложение всѣхъ доходовъ съ имѣній на арендную плату за землю не можетъ быть примѣнено вполне. Часть убытковъ, кои понесетъ владѣлецъ имѣнія, должна быть поцолнена деньгами, которыя и должны явиться отъ тѣхъ, кого этотъ вопросъ не задѣваетъ, а кому напротивъ доставляетъ выгоду.

«Другое дѣло губерніи хлѣбородныя и черноземныя. Тамъ помѣщики будутъ въ большой выгодѣ отъ новаго порядка. Вотъ живыя доказательства: не давно я купилъ въ Орловской губерніи 2200 десят.

земли у гр. Р. за 100 тысячъ р. с. и отдалъ эту землю въ аренду за 9 тыс. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ. Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ кн. О. 3500 десятинъ земли, по той же раздѣлкѣ, какъ я купилъ у гр. Р.; но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значить и нѣтъ возможности приобрести эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не понутру. Надобно вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны. Изъ этого очевидно, что въ хлѣбородныхъ губерніяхъ желающихъ арендовать землю будетъ больше, чѣмъ земля того требуетъ, и оттого арендная цѣны будутъ возрастать къ выгодѣ землевладѣльцевъ; напротивъ, въ губерніяхъ сѣверныхъ, многіе оставляютъ землю и обратятся исключительно къ однимъ ремесламъ и работамъ внѣ своихъ мѣстностей. Здѣсь доходы помѣщиковъ отъ земли не возмѣщаютъ доходовъ, нынѣ ими получаемыхъ. Здѣсь-то вотъ и нужно пожертвованіе. Мы всегда скупы на такіе расходы, гдѣ выгода отвлеченна; но въ дѣлахъ очевидной пользы никто и никогда не затрудняется. Сдѣлать выгоду отъ устройства крестьянъ очевидно для всѣхъ — есть дѣло литературы: тогда возбудится во всѣхъ желаніе участвовать въ пожертвованіяхъ. Если бы намъ кто-нибудь сказалъ: «Всѣмъ вамъ не нравится винный откупъ, его вліяніе задѣваетъ почти каждый домъ, онъ задерживаетъ развитіе скотоводства, мѣшаетъ образованію фермернаго хозяйства, требующаго барды, слѣдовательно и свободнаго образованія маленькихъ винокуренъ, а фермерное хозяйство намъ теперь необходимо нужно во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ: оно бы совершенно пополнило всѣ убытки помѣщиковъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права, и расширило бы земледѣліе. Ну что дадите за уничтоженіе откупа?» Разомъ бы отвѣтили всѣ удовлетворительно, потому что выгода ясна для всѣхъ: трактирщикъ бы сказалъ: я даю 500 р., фабрикантъ 200, торговецъ 5 р., мельникъ 10 р., крестьянинъ 2 р. въ годъ, да денегъ бы набралось безъ откупа вдвое болѣе чѣмъ отъ откупа, а вино бы сдѣлалось принадлежностью народа, какъ всякій товаръ: мука, масло и т. п. Сколько сотенъ тысячъ людей занялись бы его распродажею! (1)

«Точно такъ и въ дѣлѣ преобразованія быта крестьянъ. Когда поймутъ всѣ ясно общую пользу воззванія насъ къ новой жизни, тогда не будутъ жалѣть никакихъ жертвъ на то. Для уясненія дѣла нуженъ прямой разговоръ о новомъ направленіи сельскаго хозяйства и о всѣхъ недостаткахъ нынѣшняго устройства.

---

(1) Конечно, этого никто не приметъ за проектъ; это только доказательство возможности собирать въ казну питейный доходъ безъ откупной монополіи. В. К.

«Изъ всего этого слѣдуетъ одинъ естественный выводъ, котораго никакъ не можетъ обойти разумъ: устройство дѣла зависитъ отъ одной лишь гласности.

«Зачѣмъ держать въ секретѣ такія благодѣтельныя предположенія и желанія, извѣстность о которыхъ дѣйствовала бы успокоительно на многихъ, какъ на примѣръ: предположеніе нѣкоторыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ подарить своимъ крестьянамъ усадебную осажденность; другое, еще болѣе широкое предположеніе со стороны богатѣйшихъ, дать бѣднымъ и часть земли, чтобы было можно на ней пахать и коровку покормить, дабы черезъ это пособіе и бѣдные крестьяне обратились въ зажиточныхъ? Мы не будемъ называть теперь славныя имена этихъ истинныхъ благодѣтелей; но придетъ время, когда всѣ почтутъ за обязанность и долгъ воздать имъ дань признательности отъ лица всей земли Русской.

«А желаніе купцовъ покупать населенныя земли для отдачи ихъ въ аренду крестьянамъ, само собою разумѣется безъ всякаго права на вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ, принесло бы удивительную пользу. Сколько бы мелкопомѣстныхъ дворянъ сейчасъ же получили деньги за свои помѣстья?

«Купцы имѣютъ обычай жертвовать огромныя суммы на поминки. Какое славное назначеніе для этихъ суммъ!

«О нашемъ времени, наши дѣти и внуки скажутъ: Знаменательнъ былъ 1858 годъ. Царь, въ упованіи на дворянъ и народъ, произнесъ желаніе устроить положеніе крестьянъ. Крестьяне съ твердымъ упованіемъ ждали покояно развязки этого дѣла, дворяне разстались съ своимъ правомъ и промѣняли прежнее неблагозвучное выраженіе *душесвладѣльцы* на человеческое слово *землевладѣльцы*, сдѣлавъ это также съ твердымъ упованіемъ въ то, что отъ общаго развитія жизни, доходы ихъ отъ земли возмѣстятъ личныя, подушныя оброки съ крестьянъ, а купцы сами собою вызвались заплатить небогатымъ дворянамъ за жилища крестьянъ. Всѣ помогали дѣлу, по мѣрѣ своихъ силъ.

«При такомъ только общемъ дѣйствительномъ сочувствіи, ростъ нашъ будетъ совершаться правильно въ общемъ ростѣ человечества, и тогда всѣ кривыя, дряблыя побѣги опять срастутся съ своимъ корнемъ—съ народомъ. Отъ этого срастанія мы почерпнемъ изъ чистой природы народа ясность и простоту воззрѣній.

«Тостъ за драгоценное здоровье перваго примѣродателя въ дѣлѣ гражданского мужества, перваго воодушевителя на пути къ свѣту, за сердечнаго нашего Царя Александра Николаевича!»

О ЖАЛОВАНІИ ЧИНОВНИКОВЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Въ послѣднее время, въ Германіи, вопросъ о чиновникахъ вступилъ въ новую фазу. Къ его политическимъ элементамъ присоединились элементы экономическіе, которые должны имѣть огромное вліяніе на его разрѣшеніе. Многіе органы нѣмецкой публицистики живо занимаются теперь этою новою стороною дѣла. Одно изъ наиболѣе уважаемыхъ изданій, *Die deutsche Vierteljahrsschrift*, представило недавно на страницахъ своихъ обширную статью, посвященную этому предмету. Пользуемся въ предлагаемомъ очеркѣ данными, которыя представила намъ эта статья (1).

Исторія показываетъ намъ, что во всей Европѣ государственная служба, подобно государственному праву новаго времени, выработалась изъ чисто частныхъ юридическихъ отношеній. Ленный характеръ древне-германской политической жизни положилъ свой типъ и на государственную службу, откуда опредѣлилось и экономическое основаніе для ея отношеній. Служившимъ людямъ за понесенныя ими труды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подлѣ условій продолженія службы раздавались, какъ извѣстно, поземельныя владѣнія. Но къ концу среднихъ вѣковъ бенефициальная система вымираетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ландсгерры обращаются въ постоянныя административныя органы, которые не получаютъ уже лень, какъ было прежде, а одно только жалованье. Впрочемъ несмотря на это, въ Германіи, о которой преимущественно мы говоримъ въ этой статьѣ, служебныя отношенія долго еще сохранили частный характеръ, вслѣдствіе чего чиновники содержались непосредственно на счетъ государя, и содержаніе это по общему характеру тогдашняго хозяйства состояло въ естественныхъ произведеніяхъ, которыя выдавались прямо изъ государевыхъ погребовъ и магазиновъ. Естественно, что при такомъ характерѣ жалованья экономическое положеніе чиновниковъ было обезпечено. Кромѣ того, образовались еще цѣлыя системы служебныхъ доходовъ и подарковъ, которыя, въ соединеніи съ могущественнымъ значеніемъ тогдашнихъ властей, дѣлали государственную службу столь выгодною, что къ ней тѣснились цѣлыя массы людей наперевѣдъ другъ передъ другомъ. Но начало нынѣшняго столѣтія кладетъ предѣлъ этому золотому для чиновниковъ времени. Съ образованіемъ новаго понятія о государствѣ и его отношеніяхъ и съ появленіемъ новыхъ экономи-

(1) Мы надеемся вскорѣ еще возвратиться къ этому важному вопросу. Ред.

ческихъ идей, въ области государственной службы происходитъ коренная реформа, которая не могла не коснуться и экономическаго положенія чиновниковъ. Администрація, потерявши характеръ частнаго права государева, отняла тѣмъ самымъ у отправленія должности смыслъ кормленія лица, ее занимающаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и вся система должностныхъ доходовъ и подарковъ. Изъ нея, одновременно съ признаніемъ настоящаго значенія государственной службы, образуется опредѣленное жалованье, которое, вслѣдствіе новаго направленія народнаго хозяйства, получаетъ характеръ денежнаго. Это послѣднее обстоятельство наноситъ окончательный ударъ экономическому положенію чиновниковъ. 1848 годъ утверждаетъ за денежнымъ окладомъ почти исключительное значеніе.

Новый окладъ служащихъ возникъ изъ перевода цѣнности прежняго натурального содержанія на деньги. Но такъ какъ, при непрестанномъ развитіи народной жизни и благосостоянія, стоимость перваго не могла оставаться постоянно-неизмѣнною, то естественно, что и однажды установленный окладъ потерялъ характеръ истиннаго представителя той суммы цѣнностей, которая назначена была для удовлетворенія извѣстнаго круга необходимыхъ потребностей. Слѣдовательно, нисколько не измѣняясь въ количественномъ объемѣ, жалованье стало постепенно отставать отъ соответствія съ прежнею нормой и дѣлаться все болѣе и болѣе недостаточнымъ. Бѣдственные результаты, отсюда вытекающіе, у насъ передъ глазами въ бытѣ нѣмецкихъ чиновниковъ. Дѣйствительно, главною причиною экономической несостоятельности чиновниковъ въ настоящее время должно принять возвышеніе цѣны на многія изъ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Дороговизна обратилась въ нормальную цѣну. По извѣстнымъ экономическимъ причинамъ, а особенно подъ влияніемъ новаго характера торговыхъ сношеній и расширенія потребительной способности между массами населенія, это новое явленіе получаетъ характеръ постояннаго. Послѣ этого ясно, почему нынѣшній окладъ служащихъ утратилъ тотъ настоящій смыслъ свой, который былъ нѣкогда сообщенъ ему законодателями: при переводѣ своемъ на жизненные потребности онъ уже не обнимаетъ болѣе той суммы ихъ, которая имѣлась въ виду при первоначальномъ его назначеніи. Къ этому присоединяется еще прямое уменьшеніе количественнаго объема окладовъ чрезъ обложеніе ихъ налогами, которые, въ свою очередь, поражаютъ жалованье въ несоразмѣрной долѣ.

Естественно послѣ этого, что при взаимномъ дѣйствіи указанныхъ причинъ жалованье чиновниковъ упало далеко ниже той первоначальной мѣры, какою оно должно было имѣть. Результаты такого

ложнаго отношенія не замедлили представиться, и картина ужасающей нищеты цѣлаго чиновническаго сословія начала теперь развертываться передъ глазами общества. Несмотря на современныя очищенные понятія о государственной службѣ и лежащихъ на ней обязанностяхъ передъ обществомъ, несмотря на признанную честность народнаго характера, несмотря даже и на могущественный судъ общественнаго мнѣнія, измѣнившееся экономическое положеніе чиновничества начало вызывать въ Германіи свои пагубныя послѣдствія, злоупотребленія и преступленія противъ службы. Оказывается, что общественное мнѣніе, какъ реагентъ къ искорененію служебныхъ преступленій, не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое иногда придаютъ ему. Одно оно, безъ дѣйствительныхъ мѣръ къ улучшенію матеріальнаго быта чиновниковъ, никогда не въ состояніи что-либо сдѣлать, по той простой причинѣ, что не накормитъ голоднаго, слѣдовательно не удержитъ его отъ незаконныхъ поползновеній. Силамъ обыкновеннаго смертнаго положены предѣлы; терпѣнію его есть также известная мѣра. Высшія духовныя силы, которыми одаренъ человѣкъ, въ состояніи, правда, одержать побѣду надъ всякими требованіями и нуждами жизни, но для этого нужно быть или героемъ, или фанатикомъ. Притомъ, умереть за идею можно только на основаніи непоколебимаго убѣжденія въ ея истинности. Но гдѣ же эта идея для героя чиновника, еслибы такой и выискался изъ среды этого сословія? Скажутъ: понятіе о чести. Но оно сдѣлалось слишкомъ относительнымъ. Крайняя недостаточность содержанія, заставляя прибѣгнуть къ постороннимъ средствамъ, измѣнила и самый взглядъ на нихъ. Является нравственная терпимость относительно подарковъ или такъ-называемыхъ благодарностей, вручаемыхъ однакоже чиновнику единственно за то, что онъ обращается съ просителемъ именно такъ, какъ предписано закономъ; подарки въ глазахъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ выраженіе сочувствія къ соотвѣтственному съ закономъ отправленію должности. Въ этомъ смыслѣ благодарность, по понятію чиновника, принимаетъ значеніе дополнительнаго жалованья со стороны общества, которое, видя несоразмѣрность постояннаго овлада съ трудами службы, имѣетъ право увеличить его, а получать жалованье отъ частныхъ лицъ ни для кого не постыдно. Естественно, что при такомъ убѣжденіи теряетъ свою прежнюю силу понятіе о томъ, что всякій сторонній доходъ есть дѣло безчестное, взятка. Последнее названіе отнесено исключительно къ вымогательству и къ нарушенію законныхъ требованій изъ корыстныхъ побужденій. Но и въ этомъ случаѣ со стороны общества слышится чаще соболѣзнованіе о крайней нуждѣ чиновниковъ, заставляющей ихъ прибѣгать къ постыднымъ средствамъ, нежели укоръ и презрѣніе.

При настоящемъ положеніи вопроса, не покажется удивительнымъ

то обстоятельство, что даровитые люди покидаютъ въ Германіи государственную службу и переходятъ на поприще промышленности и въ сферу частныхъ занятій. Здѣсь трудъ человѣка получаетъ настоящую оцѣнку, и благосостояніе лица зависитъ по преимуществу отъ его собственныхъ силъ. Отсюда является новое направленіе при выборѣ карьеры для молодыхъ людей. Тѣ самыя семейства, которыя за тридцать лѣтъ видѣли въ государственной службѣ прямую и единственную дорогу для своихъ членовъ, въ настоящее время совершенно перемѣнили свой взглядъ. Это фактъ современной жизни. Послѣ этого естественно спросить: кѣмъ же замѣщаются государственныя должности? Отвѣтъ найти не трудно: людьми, большею частію весьма ограниченными, способности которыхъ не могутъ принести никакой пользы въ приложеніи къ другимъ сферамъ. Нечего и спрашивать, на сколько будутъ удовлетворяться высшіе интересы общества при такомъ жалкомъ составѣ администраціи!

Изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, ясно открывается, что вопросъ о содержаніи чиновниковъ получаетъ не одинъ обще-человѣческій, гуманный отгѣнокъ, но переходитъ непосредственно въ важную гражданскую задачу, разрѣшеніе которой тѣсно связано съ настоящимъ и будущимъ благосостояніемъ націи. Современное общество поняло всю важность этой предложенной ему задачи, и съ полною энергіей спѣшитъ отыскать тотъ правильный путь къ ея разрѣшенію, въ которомъ заключается единственное его спасеніе.

Мѣра, принятая на первый разъ правительствами для облегченія тяжести недуга, состояла въ увеличеніи жалованья чрезъ назначеніе особой вспомогательной суммы. Но эта мѣра наложила на общество такія тяжести, которыя общество едва въ состояніи выносить, и не принесла почти никакой пользы, оттого что прибавочная сумма, въ цѣломъ составѣ своемъ весьма значительная, раздробляясь между огромнымъ числомъ вспомоствуемыхъ, приходилась на každого микроскопическою долей. Отсюда стало-быть слѣдуетъ, что причина несостоятельности придуманной мѣры заключается въ слишкомъ-мелкомъ дробленіи, или, другими словами, въ сравнительно-огромномъ количествѣ людей, получающихъ жалованье. Такой выводъ сдѣлало теперь въ Германіи и во всей западной Европѣ общественное мнѣніе.

Такимъ образомъ экономическая нужда самаго сословія чиновническаго выступаетъ прямо противъ бюрократическаго начала, обличая его въ исторической несостоятельности. Почти всѣ теперь согласны въ томъ, что для видимаго всемъ бѣдственнаго факта не осталось никакого другаго выхода, кромѣ коренной реформы, и что онъ причиненъ господствовавшимъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ стремленіемъ чиновничества постоянно расширять границы своихъ

занятій и подчинять своей опеѣ такія сѣры и такія подробности жизни, которыя могли бы обходиться безъ нея.

Справедливость требуетъ однакоже отличить, говоря о чиновничествѣ, два составные его элемента: высшій, дающій направленіе бюрократическому началу, и низшій, заключающійся въ извѣстныхъ видимыхъ представителяхъ созданной первымъ системы. Это тѣмъ необходимѣе, что настоящее бѣдствіе постигло по большей части невинныхъ, разразилось во всей своей силѣ надъ одними страдательными органами бюрократіи.

Обращаясь къ объему нынѣшней бюрократіи, легко можемъ усмотрѣть, что въ настоящемъ своемъ видѣ она могла существовать только прежде, когда общество было еще слишкомъ юно и нуждалось поэтому въ опекуновѣ; какъ естественна и разумна роль опекуна при малолѣтнемъ, такъ съ другой стороны она неумѣстна при взросломъ. Пока общество не окрѣпло еще въ своихъ силахъ, бюрократія съ полною справедливостію можетъ виѣшиваться во всѣ сѣры народной дѣятельности и заботиться о сохраненіи всѣхъ ея интересовъ. Кругъ вѣдомства этого начала въ такое время непремѣнно долженъ имѣть широкій размѣръ, и усиленная дѣятельность бюрократіи заслуживаетъ полную благодарность. Но какъ скоро обществу, дошедшему при ея помощи до извѣстной степени развитія, исполнится срокъ совершеннолѣтія, и оно вступитъ въ чреду своей зрѣлости, то само собою разумѣется, что съ этого же момента бюрократическое начало можетъ безъ малѣйшей опасности сложить съ себя роль всесторонняго опекунства и дать просторъ самостоятельному развитію народныхъ силъ; въ противномъ случаѣ непосредственное виѣшательство его во всѣ интересы будетъ только мѣшать ихъ развитію и причинять совершенно излишнія издержки, которыя отягощаютъ общество и, какъ теперь оказывается, отзываются крайне чувствительно и для класса чиновниковъ.

Услуги, оказываемыя чиновничествомъ, всегда должны идти въ уровень съ народною жизнію. Это непреложная историческая истина. Слѣдовательно, по мѣрѣ возрастанія общества, бюрократія должна стѣснять кругъ своего непосредственнаго вѣдомства и постепенно выводить своихъ агентовъ изъ тѣхъ сферъ жизненной дѣятельности, которыя, по требованію современности, могутъ быть предоставлены собственнымъ силамъ народа. Такой путь, какъ естественный, представляется виѣстѣ съ тѣмъ и рациональнымъ. Нѣмецкая бюрократія, напротивъ того, выполнивши свое историческое назначеніе, думала удержать и послѣ того прежній характеръ и сохранить ненарушимымъ старый объемъ своей власти. Въ этомъ заключалась ошибка, отъ которой теперь чиновничество страдаетъ. Хорошенько вникнувъ въ сущность дѣла, бюрократія догадалась бы, что подобное стремле-

ніе прямо противорѣчитъ требованію историческаго закона, сила котораго неотразима. Въ своемъ ослѣпленіи она какъ будто забыла, что каждому явленію въ жизни народа его собственною исторіей положены извѣстные предѣлы, переступить которые можно не иначе, какъ только въ обновленной формѣ, созданной потребностями времени. На этомъ законѣ основанъ весь прогрессъ народной жизни и преемственное обновленіе ея началъ: отжившее уступаетъ мѣсто новому, обновленному, и такъ идетъ въ безконечность.

Нѣмецкая бюрократія осмѣлилась нарушить требованія этого историческаго закона и переступить заветный предѣлъ въ старой и обветшавшей уже одеждѣ. Что же изъ этого послѣдовало? Разумѣется одно бѣдствіе, котораго и слѣдовало ожидать. Экономическая несостоятельность, поразившая въ ужасающихъ размѣрахъ цѣлое сословіе чиновниковъ, указала собой ясно на историческую несостоятельность бюрократическаго начала. Въ этомъ смыслѣ страшная катастрофа получаетъ значеніе неумолимаго обличителя ложнаго историческаго направленія. Отсюда и общество съ радостію увидѣло возможность открыть въ этомъ фактѣ новую, свѣтлую сторону, и боязнь безпомощности, смутившая было современниковъ, начала уступать мѣсто отрадному чувству успокоенія, когда въ глубинѣ мрака загорѣлась заря новой гражданской эпохи. Мягкій свѣтъ ея рззомъ переимѣнилъ колоритъ картины, и съ души зрителей спало тяжелое оцѣпенѣніе.

Отдавши послѣднюю дань состраданія, невозвратно утраченному благосостоянію чиновническаго класса, общество утѣшаетъ себя въ настоящемъ случаѣ тою мыслію, что по крайней мѣрѣ отъ будущей реформы не пострадаютъ тѣ лица, у которыхъ отнять она [ихъ] прежнюю сферу дѣятельности. Забота объ устройствѣ новой судьбы заштатныхъ чиновниковъ составляетъ прямую обязанность правительства. Успокоенное этою мыслію, общество переноситъ свои взоры на ту свѣтлую сторону нашего вопроса, которая приковываетъ все его вниманіе.

Но гдѣ же открывается эта сторона, и въ чемъ она состоитъ? Въ прежнемъ бѣдственномъ фактѣ, когда онъ поставленъ только подъ другимъ угломъ зрѣнія. Общество поняло теперь, что очистительная жертва принесена не даромъ, а ведетъ за собой новую эпоху гражданскаго быта. Для всѣхъ сдѣлалось ясно, что экономическая несостоятельность сама собою сократитъ кругъ бюрократическаго владычества и вытѣснитъ это начало изъ сферъ, ему не принадлежащихъ. Широкой объемъ бюрократической власти долженъ пасть отъ своей собственной руки, отъ того экономическаго явленія, которое она сама приготовила, и тягостной силѣ котораго не въ состояніи теперь противостоять; кругъ непосредственнаго вѣ-

домства бюрократіи стѣснитса самъ собой. Число чиновниковъ уменьшится, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ доля вознагражденія для того количества чиновниковъ, необходимость котораго докажутъ время и опытъ.

П. Колосовскій.

ОБЪ ИГРѢ Г. АРТЕМОВСКАГО ВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ОПЕРѢ:
«МОСКАЛЬ ЧАРИВНЫКЪ».

Между повседневными событіями русской сцены бываютъ явленія, далеко выступающія изъ ряда явленій обыкновенныхъ, но о которыхъ, однакожь, въ печати почему-то умалчивается. Одна изъ причинъ такого молчанія заключается въ томъ, что каждое періодическое изданіе имѣетъ у себя, по предмету сценическаго искусства, извѣстный авторитетъ, который и объявляетъ публикѣ свое мнѣніе о томъ или другомъ актерѣ, о томъ или другомъ представленіи. Странно сказать, а вѣдь истина, что въ этихъ отзывахъ важную роль играютъ личныя отношенія пишущаго, или его кружка къ артисту, а не меньше того и мѣстныхъ, такъ сказать столичныхъ, предубѣжденія противъ извѣстнаго разряда піесъ.

Напримѣръ, вотъ 3-го ноября, въ петербургскомъ театрѣ-циркѣ давали малороссійскую оперу Котляревскаго: «Москаль Чаривныкъ», въ которой какъ это давно извѣстно публикѣ, г. Артемовскій играетъ роль чумака съ неподражаемымъ искусствомъ. Театръ былъ полонъ, и не «Волшебный Стрѣлокъ» (другая опера, которую давали въ тотъ же вечеръ) привлекъ зрителей; ибо, прослушавъ «Волшебнаго Стрѣлка» довольно равнодушно, публика приняла старую заигранную піесу Котляревскаго съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ, и нѣсколько разъ останавливала игру громкими, восторженными рукоплесканіями. Когда представленіе кончилось, начали вызывать г. Артемовскаго. По своей деликатности, онъ три раза являлся вмѣстѣ съ своими соучастниками въ игрѣ; но публика жалала выразить свой восторгъ собственнo ему, и послѣ этого вызвала *еще четыре раза* его одного. Всякій согласится, что такія явленія рѣдки, что такъ привѣтствуютъ только величайшихъ артистовъ; а посмотрите, что сказано послѣ объ игрѣ г. Артемовскаго въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ? Ничего!.. Никто не взялъ на себя труда объяснить причину явленія истинно *необыкновеннаго*. Это—родъ того неправосудія, въ которомъ на свидѣтелей наложено молчаніе, въ которомъ дано право суда нѣсколькимъ привилегированнымъ лицамъ, и противъ котораго негдѣ апеллировать. Вотъ почему пишущій эти строки избралъ своимъ орга-

номъ журналъ, издающійся въ другой столицѣ, — въ увѣренности, что тамъ некому присвоивать себѣ исключительное право мнѣнія о петербургской сценѣ.

Надобно сказать правду, что постановка «Москаля Чаривныка» въ театрѣ-циркѣ вовсе не соответствуетъ мѣстному характеру пьесы, что дѣйствіе происходитъ не въ малороссійской хатѣ, а въ какой-то польской или нѣмецкой корчмѣ, запущенной жильцами, и что Малороссію напоминаетъ въ ней одинъ г. Артемовскій. До появленія его на сценѣ, пьеса шла вяло и натянута. Великорусскій выговоръ казачки (г-жи Горшенковой), ея вовсе не-малороссійскій костюмъ и утрированное пѣнье съ надобѣвшими каждому, заученными школьнымъ образомъ, театральными грасами, производили на зрителей-Малороссіянъ впечатлѣніе неудачнаго передразниванья. Остальная часть публики, видѣвшая въ этой оперѣ не болѣе, какъ смѣшной фарсъ, рукоплескала г-жѣ Горшенковой довольно усердно. Но передніе ряды кресель молчали. Когда же вышелъ на сцену г. Артемовскій, въ роль чумака, возвратившагося съ дороги, его встрѣтили единодушныя рукоплесканія всего театра. Долго они не умолкали: игра его въ этой роли давно уже приобрѣла заслуженную популярность. Она дѣйствительно превосходна! Это не ужимки, подмѣченныя у мужика человѣкомъ сравнительно высшаго слоя общества и переданныя на сценѣ, съ цѣлью разсмѣшить зрителя, совсѣмъ нѣтъ! Это—полное олицетвореніе малороссійскаго простолюдина, простодушнаго, веселаго и совершенно довольнаго своимъ положеніемъ. Вы видите передъ собой вовсе не дурака, надъ которымъ смѣетесь. Этотъ человѣкъ простодушенъ по своему положенію въ жизни: въ своемъ немногосложномъ быту, въ своей ограниченной сферѣ дѣйствій, онъ многого не видалъ, о многомъ не слышалъ, онъ между своею братьей поселянами встрѣчалъ слишкомъ мало коварства и предательства, и дожилъ до сѣдыхъ волосъ, судя о людяхъ по себѣ. Онъ смѣшитъ васъ, и въ то же время нравится вамъ, какъ личность. Этому человѣку вы вѣрили бы свои деньги, свою безопасность, хотя вы помираете со смѣху надъ его наивностью, надъ его неповоротливыми и вмѣстѣ какими-то величавыми движеніями.

Таковъ Михайло Чупрунъ, казакъ по сословію, чумака по ремеслу, созданный г. Артемовскимъ. Для артиста эта роль очень опасна: онъ можетъ въ ней легко сѣхзхъ на малороссійскаго ѳлуха, то-есть, недоумка, котораго жена дурачить потому, что онъ глуповать отъ природы. Въ игрѣ г. Артемовскаго выходитъ напротивъ. Мужъ при всемъ своемъ простодушии, является натурою крѣпкою, цѣльною, даровитою; онъ стоитъ далеко выше окружающихъ его лицъ, и вся вина шаткости жены происходитъ отъ общества, которое, въ его отсутствіе, втирается къ ней въ хату: съ одной стороны безнравственные подъячіе, съ другой—падкіе на скромное солдаты. Михайло

Чупрунъ, представленный г. Артемовскимъ, есть типъ, наиболее распространенный въ малороссійскомъ простонародьи. Добродушіе, веселость и въ то же время насмѣшливость, прикрываемая маскою непониманья въ чемъ дѣло, — эти свойства оставляютъ Малороссіянина-простоміудина только подъ гнетомъ вѣшнихъ пагубныхъ вліаній и замѣняются апатіею и угрюмостью.

Рѣдко случалось видѣть намъ на русской сценѣ что-нибудь столь совершенное въ своемъ родѣ, какъ игра г. Артемовскаго въ «Москаль-Чаривный». Смѣло скажемъ, что сценическое искусство, въ его небольшой роли, достигло своей цѣли — замѣнить собою дѣйствительность и заставить зрителя позабыть, что онъ сидитъ въ театрѣ. Г. Артемовскій такъ натураленъ, такъ обаятельно истиненъ въ своей игрѣ, что не вѣришь глазамъ своимъ, дивясь, какъ можетъ человѣкъ его сферы до такой степени воплотиться въ малороссійскаго поселанина! Ни однимъ жестомъ, ни однимъ малѣйшимъ движеніемъ онъ себя не измѣняетъ. Его игра, отъ начала до конца, исполнена высокаго художественнаго интереса, потому что передъ вами является изъ далекихъ южныхъ степей живой представитель своего племени, со всѣми особенностями языка, манеры, обычая, способа пониманія вещей, и кромѣ всего этого съ глубиною чувства, скрытаго подъ наружною беззаботностью и простодушіемъ. Ибо и эта струна слышится въ игрѣ г. Артемовскаго. Изрѣдка, но съ большою выразительностью, даетъ онъ зрителямъ понять; что этотъ подгулявшій чумакъ способенъ и не къ смѣхотворству, что изъ глубокаго внутренняго источника вытекаетъ его, повидимому, спокойный и флегматическій характеръ, что этотъ балагуръ и насмѣшникъ способенъ перейти изъ одной крайности въ другую и заговорить съ вами такимъ языкомъ, отъ котораго содрогнется ваше сердце. Чумакъ г. Артемовскаго полный, сильно почувствованный характеръ, въ которомъ, сквозь забавную, наивную вѣшность, проглядываетъ несокрушимая энергія духа, состоящая въ поэтической, увѣковѣченной народною музою связи съ тою энергіей, какую выказали южные Руссы въ борьбѣ съ Поляками за свои гражданскія и человѣческія права. Эта черта выдавалась въ особенности ярко и своеобразно, когда г. Артемовскій, въ прежнихъ представленіяхъ, пѣлъ спяна народную пѣсню:

И шли Ляхи на три шляхи,
А Татары на чотыри,
Казаченьки поле вкрыли...

и, подъ конецъ, вдругъ одушевлялся, и уже не пьяный, а восторженный человѣкъ, сознающій, къ какому народу онъ принадлежитъ, доканчивалъ пѣсню:

Козакъ въ лузі обернувся —
Ляхъ, Татаринъ стрепенувся,
Въ дугу всякій изогнувся!

Не понимаемъ, зачѣмъ на этотъ разъ г. Артемовскій замѣнилъ это вѣчно дорогое украинской думѣ воспоминаніе пустою пѣсенкою недавняго сочиненія:

Гуде вѣтеръ вельми въ поли...

Странно слышать изъ устъ чумака пѣсню, сочиненную плохимъ малороссійскимъ стихотворцемъ Забилою, понимающимъ какъ-то уродливо свой народъ и его поэзію, а въ добавокъ, положенную на голосъ москвичемъ Глинкою!... Въ Малороссіи такое множество превосходныхъ народныхъ пѣсень, которыя и исторически шли бы больше къ пѣсѣ, и выражали бы натуру малороссійскаго козака, тогда какъ эта ничтожная и по языку, и по содержанію пѣсенка вставлена г. Артемовскимъ въ его игру, что называется, *ни къ селу, ни къ городу*. Въ Петербургѣ одно время неистовствовали у Излера такъ называемые малороссійскіе пѣвцы, подъ предводительствомъ какого-то г. Карпенка. Много нашлось людей, которые имъ рукоплескали: досушіе шелкоперы хвалили ихъ даже въ газетахъ; но истинные знатоки бѣжали отъ нихъ, зажавъ уши. Вѣроятно, и г. Артемовскій замѣтилъ, что въ то время, когда сзади раздавались рукоплесканія на его пѣсню о вѣтрѣ, въ переднихъ рядахъ ея не одобряли. Цѣна высоко сценической талантъ его и находя его игру въ «Москалѣ Чаривныкѣ» истинно художественною, мы просимъ его, отъ лица всѣхъ знатоковъ малороссійской національности, не вводитъ въ оперу Котляревскаго подобной дисгармоніи и оставить гудящій вѣтеръ г. Забины для тѣхъ, кто не знаетъ ничего лучшаго въ малороссійской народной и литературной поэзіи.

П. Кулишъ.

ВЗГЛЯДЪ НА МАЛОРОССІЙСКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ, ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА ВЪ СВѢТЪ КНИГИ: «НАРОДНІ ОПОВІДАННЯ МАРКА ВОВЧКА».

Каждая отрасль знанія, каждый родъ художественнаго творчества явились изъ потребностей жизни, матеріальныхъ или духовныхъ. Такъ и всѣ книги и книжонки, имѣющія своимъ предметомъ старинную и нынѣшнюю Малороссію въ какомъ бы то ни было отношеніи, показываютъ, что ихъ вызвали потребности жизни, что въ нихъ настояла и настоятъ надобность. Когда человѣкъ затѣваетъ какое-нибудь новое и небывалое дѣло, люди, занятые дѣлами уже установившимися, покачиваютъ головою: къ чему, дескать, эта затѣя, когда и безъ нея жили не хуже нашего наши отцы и дѣды? Такъ было и съ малороссійскою словесностью. Къ чему писать по-малороссійски?

развѣ по-русски нельзя выразить то же самое? Еще недавно одинъ писатель (1) ввелъ въ свою повѣсть лицо, которое разсмѣшило всѣхъ читателей, осмѣивая желаніе Малороссіянъ писать по-малороссійски. Дѣйствительно всѣхъ, ибо кто не смѣялся съ авторомъ надъ Малороссіянами, тотъ смѣялся надъ самимъ авторомъ, который видитъ въ самобытномъ проявленіи народности пустую прихоть нѣсколькихъ праздныхъ людей, и воображаетъ, что сострилъ очень забавно, сказавши, что Малороссіянинъ заплачетъ отъ всякой безсмыслицы на родномъ языкѣ. Между тѣмъ Малороссія, выписывающая во множествѣ экземпляровъ великорусскія книги, и дѣятельно участвующая въ наполненіи великорусскихъ журналовъ беллетристическими и учеными статьями, отвѣчаетъ не словами, а самими фактами, что не все можно выразить по-великорусски. И хохла вовсе не плачутъ надъ всякимъ вздоромъ на родномъ языкѣ; напротивъ, они прочли и бросили на вѣчное забвеніе многія малороссійскія книги, а стихи своихъ истинныхъ любимыхъ поэтовъ, еще не появившіеся въ печати, списываютъ другъ у друга нарасхватъ и дѣйствительно надъ ними плачутъ. А вы смѣтаетесь надъ этими слезами, писатель!

«...Слезы вѣчно были
Вѣрительною грамотой людей».

говоритъ Шиллеръ, и тотъ, кто исторгаетъ слезы художественнымъ созданіемъ на какомъ бы то ни было языкѣ, говоритъ не безсмыслицу. Попробуйте сдѣлать это вы своими повѣстями—и вы увидите, какъ далеки вы отъ того, чтобъ написать безсмыслицу, трогающую до слезъ!

Гоголь, не знавшій демократической Малороссіи и изображавшій ее, какъ баринъ, видящій одно смѣшное въ мужикѣ, нарисовалъ карикатуру поселенина, плачущаго отъ семинарскаго псалма (2), и угодилъ въ свое время многимъ; но самъ Гоголь писалъ вещи, лучше семинарскихъ псалмовъ, и одинъ только разъ удалось ему вызвать слезы на глаза читателя—въ разказѣ о старосвѣтскихъ помѣщикахъ. Всѣ патетическія мѣста въ «Тарасѣ Бульбѣ» и въ другихъ повѣстяхъ, въ которыхъ любая страница стѣбитъ вашего тома, не тронули до слезъ читателей. Великій даръ—разсмѣшить читателя, еще большій—заставить его призадуматься надъ смѣшнымъ, но самый высшій—умѣнье овладѣть сердцемъ ближняго и говорить прямо отъ сердца къ сердцу, какъ говоритъ любовь, великая двига-

(1) Г. Тургеневъ, въ повѣсти «Рудинъ».

(2) Въ повѣсти «Вій»: «Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый козакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ женѣ: «Жинко! то, что поють школяры, должно быть очень разумное», и проч.

тельница рода человѣческаго. Если точно Малороссіяне плачутъ отъ всего, что написано на родномъ языкѣ, то это значило бы, что ихъ словесность достигла высочайшаго развитія, что у нихъ явились великіе вѣщатели истинъ, поражающихъ поэтическимъ восторгомъ сонныя сердца. Но этого нѣтъ, и малороссійская словесность заключаетъ въ себѣ сравнительно столько же мертваго, никому ненужнаго хламу, какъ и та, въ которой вы прославляетесь.

Впрочемъ еще такъ ново существованіе того, что наконецъ начали называть *малороссійскою словесностью!* (До сихъ поръ отказывали нашимъ роднымъ литературнымъ произведеніямъ даже въ этомъ названіи.) За то для критики меньше труда — отдѣлать отъ зерна мякину и выместъ вовъ изъ словесности соръ, мѣшающій пользоваться тѣмъ, что произведено на пользу. Приступимъ же къ этой тягостной, но важной обязанности.

Я не буду подвергать критическому разбору всякую чепуху, написанную по-малороссійски: это значило бы молотить солому, въ которую заронилось нѣсколько зеренъ. Я заявлю только свое мнѣніе, какъ человѣкъ, преданный всею душой родной національности и дорожащій болѣе иного критика каждымъ цвѣткомъ, появляющимся на родномъ полѣ. Это тѣмъ необходимѣе, что въ настоящее время произносятся людьми, недалекими въ познаніи малороссійскаго народа, совершенно произвольныя сужденія о произведеніяхъ южно-русской поэзін. И грустно, и смѣшно видѣть, какъ иной резонеръ, забравшись въ опустѣлый отдѣлъ критики какого-нибудь журнала, ораторствуетъ оттуда о предметѣ, извѣстномъ ему едва по слухамъ. Боясь обнаружить невѣжество во всякой другой отрасли знанія, — въ сужденіяхъ о Малороссіи онъ ничего не боится. Это terra incognita, о которой можно покаместъ разглагольствовать что угодно, не возбуждая смѣха въ публикѣ. Еще недавно, не далѣе, какъ въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1857 года, какой-то господинъ, не рѣшившійся подписать своего имени (1), напечаталъ статью, въ которой упоминаетъ о пошлѣйшей малороссійской тарабарщинѣ на ряду съ произведеніями писателей талантливыхъ. Онъ слышалъ, что звонятъ, да не знаетъ, въ которой церкви, — а надо же рѣшать всякіе вопросы отъ имени заказной критики! Этотъ господинъ удостоилъ назвать меня знатокомъ малороссійской національности. Я, къ сожалѣнію, не могу платить ему тою же монетой; но ужъ коли я, по его мнѣнію, знатокъ, то приглашаю и его, какъ не понимающаго разницы между хорошимъ и дурнымъ, выслушать, что я признаю въ своей литературѣ зернами, а что мякиной.

Въ эпилогъ къ «Черной Радѣ», напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ», я высказалъ свое мнѣніе о лучшихъ произведеніяхъ на мало-

(1) Статья подписана буквами Е. Ч.

россійскомъ языкѣ; повторять его здѣсь было бы дѣломъ излишнимъ. Имена Квитки (Основьяненка) и Т. Г. Шевченка становлю я на первомъ планѣ и остаюсь при своемъ убѣжденіи, что они украсили бы любую литературу, по вѣрности живописи съ натуры и глубинѣ сердечнаго чувства, недостатокъ котораго особенно выказался въ современной русской литературѣ. Въ ней все есть: и умъ, и ученость, и остроуміе; не достаётъ только той горячей, бьющей изъ сердца струи, которая одна дѣлаетъ произведенія словесности драгоцѣннымъ достояніемъ народа. Я говорю это не обо всѣхъ, но о большинствѣ прославленныхъ журналами современныхъ русскихъ писателей. Старикъ Аскаковъ, заговоривъ съ публикой отъ сердца, заставилъ всю Россію броситься на свои животворныя рѣчи, какъ на источникъ, неожиданно явившійся въ сухой пустынѣ. Печальный фактъ для молодого поколѣнія писателей! Но возвращаюсь къ своему предмету. На второмъ планѣ я ставлю имена Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гребенку (въ его «Приказкахъ»). Чтò въ нихъ достойнаго вниманія? сказано въ эпилогѣ къ «Черной Радѣ». Здѣсь я замѣчу только, что, какъ начинатели новой литературы, они далеко художественнѣе грѣмѣвшихъ въ свое время начинателей другихъ литературъ; а главное — что они грѣлись у роднаго очага, вокругъ котораго сидятъ чумаки и пахари, ведя свои простыя, скажу по-малороссійски, *щирья бесѣды*; и какъ ни мало они написали, но все ими написанное говоритъ намъ о насъ, и говоритъ нашимъ, а не чужимъ складомъ рѣчи...

Послѣ нихъ вышелъ въ свѣтъ довольно длинный рядъ отдѣльных книгъ и сборниковъ на малороссійскомъ языкѣ; но всѣ они, съ немногими исключеніями, составляютъ больше предметъ библіографіи, нежели критики. Пускай библіографія, эта наука, любезная всякому изъ насъ, какъ старая няня, хранить преданіе о попыткахъ людей произвестъ нѣчто поэтическое. Когда мы уплывемъ далѣе по рѣкѣ времени, издали эти люди съ ихъ книгами явятся намъ въ главныхъ своихъ чертахъ, безъ скучныхъ, не дающихъ окинуть цѣлое мелочей, и тогда историкъ словесности охарактеризуетъ ими какую-нибудь невыразительную для насъ сторону нашей современности. Теперь же намъ нечего дѣлать съ сочиненіями Искѣ Материнки, Іереміи Галки, Амвросія Могилы (все это псевдонимы), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти пять-шесть стиховъ, близкихъ къ поэзи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины. Еще менѣе займутъ насъ произведенія Кирила Тополи, который въ первой своей піесѣ «Чары» обѣщалъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ за тѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность, тупыя басни г. Льва Боровиковскаго, унизительныя для Малороссіи вирши г. Морачевскаго подъ заглавіемъ: «До Чумака», стихи г. Зз-

били, напоминающіе языкъ, которымъ говорятъ въ Малороссіи Цыгане, и сочиненія г. Шишацкаго-Иллича, изъ которыхъ довольно привести четыре стиха:

Чи є де въ світі таки край,
 Якъ наше Руське государство,
 Щобъ такъ вінъ цвівъ, не наче рай,
 Щобъ на півъ світа мавъ вінъ панство? (1)

Собиратель пѣсень и преданій, г. Шишацкій-Илличъ не удовлетворился скромною славою труженика на новомъ, невоздѣланномъ еще у насъ поприщѣ этнографіи; онъ возжелалъ славы поэта, и вмѣсто пегаса осѣдлалъ осла. Пустился онъ въ догонку за Шевченкомъ, подражая ему до нестерпимости, и кончилъ тѣмъ, что передразнилъ его въ своихъ поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ самымъ обиднымъ образомъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ у г. Шишацкаго-Иллича не было вовсе таланта. Онъ есть у него, но пробивается сквозь безвкусіе и необработанность мысли и ея выраженія въ такой мѣрѣ, въ какой пробился бы талантъ живописца у человѣка, который всю жизнь возится съ метлой и лопатой.

Остается упомянуть еще, какъ о замѣчательныхъ по отсутствію какого-либо дарованія, сочиненіяхъ братьевъ Карпенковъ, между которыми трудно рѣшить, кто кого превосходитъ бездарностью и какимъ-то цинизмомъ пошлости.

Выше всѣхъ исчисленныхъ мною писателей, не говоря уже о гг. Шишацкомъ-Илличѣ, и братьяхъ Карпенкахъ, стоитъ появившійся недавно авторъ басень на малороссійскомъ языкѣ, г. Глѣбовъ. Къ сожалѣнію, онъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражается натянуто, не по народному; но нѣкоторыя изъ его басень обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достаетъ только обработки.

Но и г. Глѣбовъ долженъ отступить на задній планъ передъ однимъ произведеніемъ, которое появилось въ «Южномъ Русскомъ Сборникѣ» г. Метлинскаго и было замѣчено всѣми извѣстными мнѣ знатоками малороссійской словесности. Это поэма покойнаго Макаровскаго «Наталя». Авторъ написалъ эту пьесу въ глубокой старости, за два года до смерти. Другая поэма его, написанная еще позже, едва можетъ быть признана сестрою первой, которая по эпическому складу, по отдѣлкѣ стиховъ и красотѣ простовародныхъ типовъ, составляетъ истинную драгоценность.

Послѣ Квитки и Шевченка, это было самое замѣчательное произведеніе въ южнорусской словесности, тѣмъ болѣе, что появилось въ эпоху внезапнаго перерыва дѣятельности малочисленныхъ южнорусскихъ писателей. Вмѣстѣ съ «Наталею», въ томъ же «Юж-

(1) *Українська Квітка*, 1 кн., стр. 57.

номъ Русскомъ Сборникѣ» напечатано много стиховъ гг. Петренка и Александрова, но эти стихи не лучше тѣхъ, какими г. Максимовичъ передразнилъ древняго пѣвца Игорева. Десятилѣтіе отъ отъ 1847 до 1857 года было самое бесплодное въ малороссійской словесности.

Много было правдоподобнаго въ словахъ недалънозоркихъ людей, которые утверждали, что она вспыхнула и погасла съ Шевченкоу. Но не было еще примѣровъ въ исторіи словесности вообще, чтобы у какого-нибудь народа явился первоклассный поэтъ, какимъ надобно признать Шевченка, не имѣвъ ни предшественниковъ, ни преемниковъ своего творчества. Какъ развитіе, такъ и упадокъ словесности не совершаются безъ постепенности. Что малороссійская словесность развилась до обще-европейскаго значенія, этого отвергнуть невозможно, признавъ въ Шевченкѣ первокласснаго поэта. А что она еще не падаетъ, этому лучшимъ доказательствомъ служить то, что условія, подъ вліяніемъ которыхъ развился Шевченко, остаются все тѣ же. Яснѣе сказать: ничто не благопріятствовало появленію Шевченка, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли разумѣть благопріятствующія обстоятельства. Если же таково свойство малороссійской словесности, что она развивается, кзкъ реакція неблагопріятнымъ условіямъ, то ея дальнѣйшее развитіе еще на долго обезпечено.

Въ подтвержденіе этого печальнаго и вмѣстѣ отраднаго вывода самимъ фактомъ, укажу всѣмъ посвященнымъ въ тайны южнорусскаго слова (не столь маловажныя, какъ кажется съ перваго взгляда) на небольшую книжку разказовъ изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ: «Народні Оповідання Марка Вовчка». Счастливый случай привелъ меня быть издателемъ этихъ вполне самостоятельныхъ, истинно оригинальныхъ разказовъ, которымъ ничего подобнаго доселѣ не являлось ни въ малорусской, ни въ великорусской литературѣ. Авторъ, взявъ какое-нибудь *дѣйствительно случившееся* событіе, разказываетъ его не отъ своего лица, а отъ лица дѣйствующихъ лицъ, или свидѣтелей происшествія, и разказываетъ съ такимъ совершенствомъ, съ такою естественностью, что многія мѣста я самъ принялъ за стенографію со словъ малороссійскихъ поселянъ. Эти разказы очень часто напоминаютъ, по своему тону, записанныя мною и напечатанныя въ Запискахъ «Южной Руси» преданія; но то, что записано мною, составляетъ отрывки, иногда краснорѣчивые, иногда нескладные, и интересныя только въ документальномъ смыслѣ. У г. Марка Вовчка, напротивъ, каждый разказъ, отъ начала до конца, представляетъ гармоническое во всѣхъ частяхъ и въ самихъ мелочахъ художественное созданіе. Все у него живо, выразительно, просто, какъ въ дѣйствительности, и все связано между собой общою идеей, которой авторъ не высказываетъ, но которая сама собой вы-

ражается въ каждомъ фактѣ. Прелесть языка въ этихъ разказахъ дивная! Казалось, послѣ Шевченка, нечего было требовать больше отъ малороссійскаго языка; но г. Марко Вовчокъ разсыпалъ въ своихъ разказахъ такія богатства роднаго слова, что, я увѣренъ, самъ Шевченко придетъ въ изумленіе.

Исторія появленія Марка Вовчка въ нашей словесности очень оригинальна. Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ *Замисокъ о южной Руси*, нѣкто, назвавшій себя Маркомъ Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня на столѣ недѣлю и другую. Наконецъ я удосужился и принялся ее читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непрочное, полное свѣжести художественное произведеніе! Было прислано сперва только два небольшихъ разказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ посмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ. Его глубокой человѣчный взглядъ въ самую душу изображаемыхъ лицъ, чувство красоты во всемъ Божіемъ твореніи и гармоніи въ словѣ, которымъ выражается внутренняя жизнь человѣка, ставятъ его далеко выше списывателей съ натуры, слывающихъ нерѣдко въ журналахъ поэтами. Въ наше время ихъ появилось множество, и каждый изъ нихъ могъ бы подписать свое имя подъ повѣстью другаго, потому что всѣ смотрятъ на Божій міръ сквозь одни и тѣ же очки. Для нихъ неосуществимъ совѣтъ великаго польскаго поэта:

Martwe znasz prawdy, nieznanne dla ludu,
Widzisz świat w prozku, w każdej gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu:
Miej serce i patrzaj w serce (1).

Послѣдній стихъ выражаетъ вполне характеръ творчества г. Марка Вовчка. Онъ разказываетъ вещи обыкновенныя: о томъ, какъ сестра оставила семейство роднаго брата и служила въ наймахъ; о томъ, какъ казачка вышла замужъ за господскаго человѣка; о томъ, какъ чумакъ приволокнулся за поселанкою; о томъ, какъ крестьянская дѣвочка взята была въ число дворовой прислуги; о томъ, какъ отку-

(1) Ты знаешь мертвыя истины, неизвѣстныя народу, ты видишь міръ въ пылинкѣ, въ каждой искрѣ звѣздъ; но когда не знаешь истинъ живыхъ, — не увидишь чуда. Имѣй сердце, и смотри въ сердце!

писалъ на волю крѣпостной паробокъ, и т. п. Откуда же происходитъ глубокій интересъ его разказовъ? отчего этихъ разказовъ нельзя читать безъ слезъ? Тутъ нѣтъ ни страшныхъ бѣдствій, ни великихъ несчастій, ни трагическихъ катастрофъ. Люди живутъ, старѣются и умираютъ такъ просто, какъ обыкновенно бываетъ въ селахъ, и однакожъ у читателя сжимается сердце и выступаютъ слезы при многихъ, самыхъ обыкновенныхъ, повседневно видимыхъ сценахъ. Это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что эти разказы прошли сквозь сердце автора и диктованы ему сердцемъ. Такою живою, не отвлеченною, не мечтательною любовью къ народу не загорался у насъ еще ни одинъ писатель. Личность автора совершенно исчезаетъ въ разказахъ: вы видите передъ собой народъ, слышите народъ, знаете, какъ онъ живетъ, понимаете, какъ онъ чувствуетъ. Разказы г. Марка Вовчка по размѣрамъ невелики, но открываютъ передъ читателемъ какое-то необъятное пространство; какой-то міръ, который отчасти ему уже знакомъ, но въ который еще никогда не вводили его такъ запросто. Многіе бывали проводниками для читателя, желавшаго проникнуть въ хату поселянина; многіе показывали намъ его ясно, какъ въ дѣйствительности; но всегда мы чувствовали себя объ руку съ проводникомъ и смотрѣли на народъ болѣе или менѣе его глазами. Здѣсь выходитъ иначе: передъ вами открываютъ своеобразную жизнь со всѣми ея тайнами, и едва вы переступили черезъ порогъ малороссійской хаты, проводника нѣтъ, вы окружены народомъ, вы имѣете съ нимъ дѣло непосредственно, и вамъ такъ хорошо среди народа, такъ дружески поворачивается онъ къ вамъ лицомъ, что вы невольно заражаетесь къ нему глубокою симпатіею. Въ этомъ отношеніи повѣсти г. Марка Вовчка явленіе столь же важное, какъ и въ художественномъ. Это самая современная, самая нужная теперь книга. Мы народа не знаемъ: мы, не зная народа, не любимъ его, ибо любить можно только того, кого знаешь. Г. Марко Вовчокъ вводитъ насъ въ познаніе характера и жизни народа, и въ то же время онъ наполняетъ нашу душу теплотой чувства, дышащей въ каждомъ его словѣ. Привѣтствуемъ его съ восторгомъ на нашемъ слишкомъ мало еще возбланномъ литературномъ полѣ, и много, много возлагаемъ на него надеждъ.

П. Кулишъ.

ОТВѢТЪ П. А. КУЛИШУ.

Во второй октябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* помѣщено «Воспоминаніе Русскаго о польскомъ археологѣ Константиинѣ Свидзинскомъ, П. Кулиша», съ слѣдующимъ отзывомъ о Кіевскомъ университетѣ.

«Живя уединенно, весь преданный своему дѣлу, онъ (Свидвинскій) приглашалъ меня къ себѣ обѣдать tête-à-tête и былъ со мною терпѣливъ и разговорчивъ какъ нянька. Это тѣмъ разительнѣе, что тогдашніе профессора Кіевскаго университета, мои единовѣрцы, а нѣкоторые и единоплеменники, держали себя относительно ко мнѣ съ отталкивающею черствою гордостію и, съ высоты своей официальной учености, едва удостоивали меня двухъ или трехъ словъ. Будучи страстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсень и преданій, зная, могу сказать, наизусть лучшія южнорусскія лѣтописи, существовавшія тогда въ рукописяхъ, я былъ совершенно чужой человѣкъ такимъ людямъ, какъ покойный Невольинъ, Домбровскій, Костырѣ; и былъ свой съ иновѣрцами и иноплеменниками, которымъ безпрестанно противорѣчилъ изустно и печатно.»

Обвиненіе въ отталкивающей черствой гордости, и въ обращеніи съ авторомъ съ высоты официальной учености очевидно падаетъ не только на мертвыхъ, которые сами не могутъ оправдаться, но и на сословіе университета вообще.

Истина требуетъ представленія фактовъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Если память не обманываетъ меня, то г. Кулишъ поступилъ въ 1839 году студентомъ на первое отдѣленіе философскаго факультета, по истеченіи года перешелъ на юридическій факультетъ, и уволился мѣсяца черезъ два вовсе изъ университета. Слѣдовательно студентскія воспоминанія г. Кулиша обнимаютъ всего годъ и два мѣсяца. Въ послѣдствіи, до 1844 года, г. Кулишъ занималъ мѣсто учителя въ одномъ изъ кіевскихъ училищъ.

Домбровскій читалъ въ это время русскую исторію, а Костырѣ исторію новой русской литературы; оба были люди въ высшей степени доступные и обходительные, въ особенности послѣдній. Мнѣнія объ учености ихъ достоинствѣ могутъ быть различны, но ихъ отношенія къ студентамъ не бросають ни малѣйшей тѣни на ихъ жизнь. Правда, въ манерахъ Домбровскаго была нѣкоторая торжественность, но она исчезала у него дома, и ее нельзя назвать отталкивающею гордостію: напротивъ Домбровскій былъ въ высшей степени добръ и общителенъ. Отзывъ о Костырѣ для меня совершенно непонятенъ. Студенты проводили у него долгіе вечера въ литературныхъ толкахъ. Скорѣе всего упрекъ могъ быть заслуженъ Невольнымъ; но не должно забывать, что Невольинъ былъ въ это время ректоромъ и издавалъ свою Энциклопедію. Вообразите же себѣ, каково было бы положеніе человѣка, занятаго университетскими дѣлами, организаціею едва образовавшихся факультетовъ, философіею права и законодательствами положительными, еслибы къ нему пришелъ студентъ для того, чтобы говорить съ нимъ о пѣсняхъ и преданіяхъ? кто заслуживалъ бы большаго сожалѣнія: гость ли, встрѣчавшій отталкивающую гордость, или хозяинъ, которому пришлось

бы выслушивать народные пѣсни? (1) Признаюсь откровенно, мое сочувствіе принадлежитъ послѣднему; я воображаю себѣ, что долженъ терпѣть археологъ, которому любитель политической экономіи сталъ бы толковать о вексельномъ курсѣ и объ арбитражѣ!

Если авторъ думалъ найти въ названныхъ имъ лицахъ горячее участіе къ любимымъ своимъ занятиямъ, то онъ конечно ошибался. Собираніе пѣсень, преданій и малороссійскихъ дѣтописей составляетъ для преподавателей энциклопедія законовѣдѣнія, русской исторіи и новой русской словесности дѣло личнаго вкуса, но не обязанность профессора. Г. Кулишъ могъ встрѣтить полное сочувствіе въ М. А. Максимовичѣ, бывшемъ профессорѣ и издателѣ малорусскихъ пѣсень. Неужели М. А. Максимовичъ былъ ему чуждъ, неужели и къ этому замѣчательному дѣятелю на поприщѣ народной литературы относится также валовое обвиненіе университета? Мы обращаемся къ собственнымъ воспоминаніямъ автора...

Г. Кулишъ, воздавая должную справедливость истинно похвальному поступку г. Свидзинскаго, дѣлывшагося сокровищами своей бібліотеки съ Н. И. Костомаровымъ, ставитъ польскаго археолога какъ бы въ укоръ тогдашнимъ профессорамъ, говоря, что Свидзинскій «былъ терпѣливъ и разговорчивъ съ нимъ какъ, манька.» Впрочемъ это не мѣшаетъ ему замѣтить, что когда въ спорахъ дѣло шло о правахъ казаковъ, тогда вся кровь бросалась Свидзинскому въ лицо, онъ гордо поднималъ голову и пріѣтствовалъ автора воспоминаній и его единоплеменниковъ словами: «Chłopi iestésciel!» «вы холопы!»... (Г. Кулишъ невѣрно переводитъ: вы мужики.)

Такого взгляда на малороссійскій народъ не нашель бы г. Кулишъ ни у одного изъ бывшихъ въ то время профессоровъ. Утѣшительно думать, что вліяніе университета не осталось въ этомъ отношеніи безплоднымъ, что большинство польскаго молодого поколѣнія, какова бы ни была его любовь къ своей народности, смотритъ гораздо человѣчнѣе на другія національности и на единоплеменниковъ автора воспоминаній.

Но, не довольствуясь этимъ, г. Кулишъ ставитъ польскаго магната стараго времени въ образецъ малороссійскимъ панамъ:

«Страннымъ и непостижимымъ явленіемъ былъ бы для какого-нибудь малороссійскаго пана, умирающій Полякъ, католикъ и аристократъ, окруженный такими вещами, какъ мѣдныя доски съ украинскими сценами, гравированныя поэтомъ Ш***, какъ его дорожные альбомы, добытые изъ десятыхъ рукъ за большую плату, и тому подобныя предметы; тогда какъ наши такъ — называемые патриоты считаютъ все это бездѣлушками, не стоящими вниманія.»

Не спѣшите провозносить обвиненія! Малороссійскіе паны, такъ называемые патриоты, которые, вмѣсто собиранія пѣсень и преданій,

(1) Мы знаемъ, что этого не могло быть, но мы хотимъ объяснить причину холодности людей, занятыхъ своимъ дѣломъ, къ предметамъ для нихъ постороннимъ.

ставить задачей своей жизни развитие вокруг себя болѣе человѣческих общественных отношеній, и не смотреть на людей какъ на холоповъ, — оставить, безъ сомнѣнія, память болѣе славную, чѣмъ археологи, которые дорожили преданіями презираемаго ими народа (1).

Н. Бунге.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Между тѣмъ какъ въ общенародной политикѣ чувствуется совершенное затишье, и къ концу года ни одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ ее, не рѣшенъ окончательно, равно какъ и во внутренней жизни европейскихъ странъ не происходитъ ничего существенно важнаго, — наше отечество вступаетъ, какъ очевидно для всѣхъ, въ высшую фазу своего историческаго существованія. Ниже представимъ мы читателямъ тѣ важные акты, которые золотыми буквами внесутся въ исторію нашего отечества. Въ нихъ положено начало разрѣшенію задачъ, завѣщанныхъ нашимъ прошлымъ; въ нихъ заложены основы высокой будущности, которая дастъ поднѣйшее развитіе благороднѣйшимъ силамъ нашей земли, и съ тѣмъ вмѣстѣ еще болѣе утвердитъ ее на ея незыблемыхъ основаніяхъ. Еще не время теперь входить въ дальнѣйшія объясненія, и мы можемъ только молиться отъ глубины души за полный успѣхъ начатаго дѣла и благословлять его виновника.

Переходимъ къ нашему обозрѣнію, которое на этотъ разъ будетъ не слишкомъ обширно и не слишкомъ обильно фактами. Ни одинъ, сказали мы выше, изъ важнѣйшихъ вопросовъ международной политики не приведенъ къ рѣшительному окончанію. На первомъ планѣ стоялъ доселѣ вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ. Много толковано было объ этомъ вопросѣ; исторія его въ последнее время есть въ сущности исторія мнѣній, которыя возбуждалъ онъ въ европейской публицистикѣ. Явственно обозначились два лагеря; одни политическіе органы изъявляли полную увѣренность, что планъ соединенія княжествъ непременно осуществится, другіе не щадили всякаго рода выходовъ и насмѣшекъ, чтобы подорвать довѣріе къ этому плану.

(1) Помѣщая эту замѣтку нашего почтеннаго сотрудника, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что если статья вызвавшая эту замѣтку, могла подать поводъ къ недоразумѣнію, то въ сущности, г. Кулишъ, мы убѣждены, вполнѣ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ г. Бунге, и не можетъ мыслить иначе. Ред.

Le Nord въ Бельгiи, *Journal des Débats*, и вообще большая часть французскихъ газетъ, не исключая полуо-фициальныхъ, принадлежали къ первому лагерю; *Times*, *Morning-Post*, австрійскія газеты и та часть нѣмецкой журналистики, которая находится подъ вліяніемъ Австріи, составляли противную сторону. Европейское общественное мнѣніе колебалось между этими двумя сторонами; но сначала сила, казалось, была на сторонѣ защитниковъ соединенія. Въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ ли ясно поставленъ былъ этотъ вопросъ на парижскомъ конгрессѣ? Поднять онъ былъ уполномоченнымъ Франціи, графомъ Валевскимъ, и былъ поддержанъ, какъ уполномоченнымъ со стороны Россіи, такъ и уполномоченнымъ со стороны Англии. Уполномоченный отъ Австріи не противился этой мысли, и находилъ только неудобство въ немедленномъ рѣшеніи дѣла на конгрессѣ, прежде чѣмъ народонаселеніе самихъ княжествъ высказалось законнымъ порядкомъ по этому вопросу. Явно, что австрійскому уполномоченному нужно было только, чтобы дѣло отсрочилось подъ тѣмъ или подъ другимъ предлогомъ. Изъ всѣхъ членовъ конгресса только Аали-паша былъ прямо противъ этого проекта. Какъ извѣстно, положено было отъ лица всей Европы спросить народъ, населяющій оба Дунайскія княжества, хочетъ ли онъ самъ составить одно политическое цѣлое, и для этой цѣли созданы были диваны молдавскій и валахскій. Извѣстно, съ какими затрудненіями приходилось бороться, чтобы составъ этихъ дивановъ былъ основанъ на правильныхъ выборахъ. Коммиссары великихъ европейскихъ державъ протестовали противъ первыхъ выборовъ, которые явно были произведены самымъ незаконнымъ образомъ. Произведены были другіе выборы, и приняты мѣры для устраненія всякихъ пертурбацій со стороны турецкаго правительства. Диваны изъявили полнѣйшее желаніе соединенія. Послѣ всего этого казалось, что вопросъ этотъ рѣшенъ, и что будущему европейскому конгрессу предстоитъ только утвердить рѣшеніе. Но, странное дѣло! по мѣрѣ того, какъ дѣло принимало повидимому все болѣе и болѣе благопріятный оборотъ, та сторона, которая сначала крѣпко была увѣрена въ его благополучномъ исходѣ, замѣтно теряла эту увѣренность, замѣтно понижала тонъ, и теперь, какъ кажется, считаетъ дѣло совершенно проиграннымъ. Неужели Австрія и въ этомъ случаѣ явила новое доказательство побѣдоносной ловкости своей тактики? Маневры австрійской политики во все продолженіе этого времени были ясны и для простаго, невооруженнаго глаза. Надобно было видѣть также, какъ старалась она обратить въ свою исключительную пользу свободу плаванія по Дунаю, какъ непріятно ей было совмѣстничество всякой иноземной, французской или русской, компаніи пароходства по Дунаю. По 17 статьѣ парижскаго договора была наряжена, какъ извѣстно, коммиссія отъ государствъ, которыхъ владѣнія прилежатъ теченію

Дуная, для составленія устава о судоходствѣ по этой рѣкѣ. Уставъ этотъ оконченъ уже съ мѣсяць тому назадъ и оказался совсѣмъ не тѣмъ, чего требовалъ актъ парижскаго конгресса. Можно ли было впрочемъ и сомнѣваться въ этомъ, если въ этой комиссіи господствовала Австрія? Комиссія состояла изъ уполномоченныхъ Австріи, Баваріи, Виртемберга, Оттоманской Порты и комиссаровъ со стороны трехъ Дунайскихъ княжествъ Сербіи, Валахіи и Молдавіи. Президентомъ въ ней былъ, разумѣется, уполномоченный австрійскій. Еслибы Блистательная Порта не была дѣйствительно большимъ организмомъ, еслибы она была способна къ здоровой и крѣпкой политикѣ и умѣла согласить съ своими видами интересы трехъ подчиненныхъ ей княжествъ, то она могла бы ограничить вліяніе Австріи и даже приобрести первенство въ Дунайской комиссіи. Но какъ всегда, такъ и тутъ, она служитъ лишь орудіемъ чужой тактики. Въ комиссіи дѣлалось только то, что угодно было Австріи. Всякое предложеніе, клонившееся не въ исключительную пользу Австріи, было отвергаемо безъ церемоніи. Разказываютъ о бурной сценѣ, которая происходила въ засѣданіи комиссіи между президентомъ и сербскимъ комиссаромъ, который предлагалъ, чтобы право основывать компаніи для судоходства по Дунаю не было стѣсняемо никакими исключительными привилегіями и принадлежало всѣмъ въ равной степени. Предложеніе это явно клонилось противъ Австріи, которая заботится только о монополіи австрійскихъ компаній, и всячески старается препятствовать учрежденію компаній со стороны другихъ государствъ. Предложеніе это, конечно, не было принято, сербскій комиссаръ отказался послѣ этого участвовать въ засѣданіяхъ, не подписавъ акта и формально протестовавъ противъ рѣшенія комиссіи; примѣру его послѣдовали было комиссары молдавскій и валахскій, но послѣ, какъ кажется, должны были возвратиться къ лучшимъ чувствованіямъ. Позволительно по крайней мѣрѣ надѣяться, что хотя въ этомъ пунктѣ австрійская тактика не восторжествуетъ надъ общеевропейскою политикою, и что доводы, представляемые графомъ Буолемъ, будто бы это дѣло не подлежитъ общеевропейскому суду, а есть дѣло частное между государствами, прилежащими Дунаю, не будутъ приняты въ уваженіе.

Другой международный вопросъ, о герцогствахъ, соединенныхъ съ Даніей, гораздо менѣе важный, по крайней мѣрѣ опредѣлился точнѣе въ послѣднее время, если не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія. Главныя европейскія державы, какъ кажется, согласились во мнѣніи о неосновательности притязаній со стороны Даніи и представляютъ окончаніе вопроса соглашенію между германскимъ сеймомъ и Данією. Недавно, по случаю этого вопроса, произошелъ въ европейской публицистикѣ слѣдующій скандалъ: въ газетѣ *Constitutionnel*, корреспондентъ изъ Брауншвейга сообщилъ фальшивое

свѣдѣніе о нотѣ російскаго кабинета, относительно герцогствъ. Извѣстіе это не замедлило произвести непріятное впечатлѣніе какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Но въ газетѣ *le Nord* тотчасъ же было сообщено содержаніе этой ноты, совершенно противное тому, что было сказано о ней въ *Constitutionnel*. Тонъ этой ноты отличается тѣмъ же достоинствомъ и тактомъ, который составляетъ отличительный характеръ дипломатическихъ актовъ князя Горчакова; содержаніе же ея совершенно согласуется съ видами общеевропейской политики. Обнародованіе ея произвело въ Европѣ самое благопріятное впечатлѣніе, а директоръ газеты *Constitutionnel*, успѣвши признаться въ ошибочности сообщеннаго извѣстія.

Между тѣмъ въ Европѣ получено такъ-называемое посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ г. Буканана, открывшее засѣданіе конгресса, и служило въ продолженіе нѣкотораго времени предметомъ политическихъ толковъ, разумѣется, преимущественно въ Англіи. Тономъ посланія довольны всѣ. Президентъ говоритъ языкомъ твердымъ и спокойнымъ, безъ всякихъ увлеченій и полемическихъ выходовъ. Посланіе представляетъ полнѣйшую картину какъ внутреннихъ дѣлъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и отношеній ихъ къ другимъ государствамъ. Прежде всего президентъ касается нынѣшняго финансоваго кризиса, который начался въ Соединенныхъ Штатахъ и, какъ пожаръ, распространился слишкомъ далеко. Не ограничиваясь изложеніемъ факта, онъ старается разъяснить самую причину кризиса. Онъ видитъ ее въ дурной системѣ бумажныхъ денегъ и въ злоупотребленіяхъ банковаго кредита, откуда развилась въ народѣ страсть къ сумазброднымъ спекуляціямъ и биржевой игрѣ. Г. Букананъ сожалеетъ, что по принятому и утвердившемуся толкованію конституціи, центральному правительству принадлежить только право чеканить монету, а не контролировать денежное обращеніе. Деньги могутъ состоять не въ одной звонкой монетѣ, но также и въ бумажныхъ знакахъ. А выпускъ послѣднихъ не есть принадлежность правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; всякій частный банкъ имѣетъ на то право. Звонкая монета уходитъ, и на мѣсто ея появляются бумажныя деньги, выпускаемыя акціонерными банками, которыхъ считается въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ до 1,400. Каждый изъ этихъ банковъ, при выпускѣ своихъ бумажныхъ денегъ, имѣетъ въ виду лишь выгоды своихъ акціонеровъ и мало заботится о томъ, чтобы хранить въ своихъ подвалахъ запасъ золота и серебра, достаточный для обезпеченія выпущенныхъ билетовъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ отдаетъ справедливость хартіи Англійскаго Банка 1844 года, которою ограничивается выпускъ билетовъ, и выражаетъ желаніе, чтобы система денежнаго обращенія въ Штатахъ получила правильное устройство. Такъ онъ считаетъ нужнымъ опредѣлить цѣнность выпускаемыхъ банками

бумажныхъ знаковъ, не дозволить слишкомъ мелкихъ, и постановить сначала, чтобы банки выпускали бумажные знаки не иначе какъ въ 20 долларовъ каждый, а потомъ возвысить это условіе до 50 долларовъ; постановить, чтобы каждый банкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи по крайней мѣрѣ одинъ долларъ металлическаго обезпеченія на три доллара выпуска и вкладовъ, то-есть на три доллара выпускаемыхъ банкомъ бумажныхъ денегъ и депозитныхъ билетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положить, что если банкъ приостановитъ свои платежи, то немедленно долженъ приступить къ ликвидаціи. Сверхъ того президентъ совѣтуетъ конгрессу издать новый законъ о банкротствѣ, который имѣлъ бы силу для всѣхъ кредитныхъ установленій Штатовъ, и положить въ этомъ законѣ, что остановка платежей должна влечь за собою гражданскую смерть банка. Инстинктъ самосохраненія, думаетъ онъ, принудитъ тогда банки исполнять свои обязанности подъ опасеніемъ смерти. Соглашаясь, что обращеніе бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ банками, такъ глубоко вкоренилось въ обычай народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ, что отменить вдругъ цѣлую систему было бы не возможно безъ большаго ущерба для страны, президентъ надѣется, что болѣе правильнымъ и точнымъ опредѣленіемъ сферы дѣйствія банковъ вредъ, причиняемый этою системою обращенія, будетъ устраненъ; если же и это оказалось бы недостаточнымъ, то онъ не прочь думать, что въ послѣдствіи придется прекратить существованіе этой системы, то-есть отнять у банковъ право выпускать бумажныя деньги, и допустить лишь существованіе банковъ депозитныхъ и учетныхъ.

Соглашаясь въ справедливости многихъ замѣчаній президента, не можемъ однако не замѣтить, что теорія, лежащая въ основаніи его мнѣній, далеко дѣло не безспорное. Да и самыя причины кризиса требуютъ еще болѣе глубокихъ разысканій.

«Наши сношенія, говоритъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, со всѣми правительствами Европы такъ миролюбивы, какъ только можно пожелать, за исключеніемъ правительства испанскаго.» Дѣйствительно, говоря объ Испаніи, спокойный тонъ президентскаго посланія нѣсколько измѣняетъ себя и отзывается ошутительнымъ раздраженіемъ. Президентъ припоминаетъ давнишнюю исторію, случившуюся слишкомъ два года тому назадъ, когда испанскій фрегатъ позволилъ себя стрѣлять въ американскій почтовый пароходъ и остановить его для обыска. Къ испанскому двору назначается новый посланникъ, съ специальными инструкціями обо всѣхъ нерѣшенныхъ между двумя правительствами вопросахъ, и съ порученіемъ порѣшить ихъ миролюбиво, *если только это будетъ возможно*, прибавляетъ президентъ. О сношеніяхъ съ Россіей отзывается онъ слѣдующимъ образомъ: «Наши сношенія съ Россіей остаются, какъ и

всегда были, самыми дружелюбными. Какъ нынѣшній императоръ, такъ и его предшественники, всегда изъявляли, когда представлялся къ тому случай, свое доброе расположеніе къ нашей странѣ, и дружба ихъ всегда была высоко цѣнима правительствомъ и народомъ Соединенныхъ Штатовъ.» Но первое мѣсто въ этой части посланія занимаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, отношенія къ Великобританіи. Рѣчь идетъ, главнѣйшимъ образомъ, о Клейтонъ-Будльверскомъ договорѣ (19 апр. 1856 г.). Одна изъ статей этого договора подверглась разнымъ толкованіямъ съ обѣихъ сторонъ. Въ статьѣ этой постановлено, что ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ ни занимать, ни укрѣплять, ни заселять, ни подчинять своему управленію никакой части Центральной Америки. По толкованію Великобританіи, отсюда должны быть исключены всѣ владѣнія, принадлежавшія ей или находившіяся подъ ея покровительствомъ въ Центральной Америкѣ при заключеніи договора, то-есть весь берегъ отъ Ріо Гонда до порта Санъ Гуанъ де Никарагва, со всѣми островами Залива, за исключеніемъ лишь малой части его, находящейся между Сарстуномъ и Гондурасскимъ заливомъ. Слѣдовательно, Великобританія толкуетъ трактатъ въ томъ смыслѣ, что онъ только препятствуетъ ей распротранять владѣнія въ Центральной Америкѣ, а ни мало не отнимаетъ тѣхъ, которыя принадлежали ей до заключенія трактата. Возникли новые переговоры, которые окончились трактатомъ, подписаннымъ въ Лондонѣ, 17 октября 1856 года. Дѣло стало за ратификаціей, и по этому поводу, въ нынѣшнемъ году, продолжались между обоими кабинетами переговоры. Съверо-Американскій сенатъ при разсмотрѣніи трактата внесъ въ него нѣкоторыя измѣненія; англійскій кабинетъ изъявилъ свое согласіе на нихъ, кромѣ положеній относительно Руатана и другихъ острововъ Гондурасскаго залива. Въ первоначальной редакціи трактата, подписанной президентомъ, объ этихъ островахъ сказано слѣдующее: «въ силу договора 27 августа 1856 г., между Великобританіей и республикой Гондурасской, острова эти были признаны независимою территоріей, подъ покровительствомъ республики Гондурасской»; сверхъ того было прибавлено: «обѣ договаривающіяся стороны обязуются признать навсегда независимость и права помннутой свободной территоріи, какъ части республики Гондурасской.» Еслибы, утверждаетъ президентъ, Гондурасская республика ратификовала договоръ 27 августа, то она допустила бы въ своихъ владѣніяхъ существованіе независимаго государства, которое всегда было бы подчинено вліянію Великобританіи. А равно и Соединенные Штаты, утвердивъ эту статью, обязались бы признавать и соблюдать на все предбудущее время эти условія въ ущербъ Гондурасской республикѣ. Поэтому сенатъ отвергъ статью, признавъ господство республики надъ этими островами. Но Англія не согласилась на такое измѣненіе и предложила заключить съ

Соединенными Штатами новый трактатъ, совершенно сходный съ тѣмъ, который былъ отвергнутъюю, но съ условіемъ, чтобы Соединенные Штаты согласились прибавить къ простой и ясной деклараціи сената, которою признается господство Гондурасской республики надъ островами Залива, слѣдующую оговорку: «какъ скоро Гондурасская республика заключитъ и ратификуетъ съ Великобританіей трактатъ, которымъ Великобританія уступитъ, а Гондурасская республика приметъ эти острова въ свое владѣніе...» Это предложеніе было отвергнуто. Президентъ предлагаетъ совершенную отміну Клейтонъ-Бульверскаго трактата. «Если двѣ такія націи какъ Великобританія и Соединенные Штаты, которыя желаютъ и, какъ я надѣюсь, всегда будутъ желать сохраненія самыхъ дружественныхъ отношеній между собою, заключили, по-несчастію, договоръ, понимаемый каждою изъ нихъ въ противоположномъ смыслѣ, то самымъ благоразумнымъ дѣломъ будетъ отмінуть такой трактатъ и заключить новый.» Президентъ присовокупляетъ, что англійскимъ правительствомъ недавно сдѣланы были предложенія въ дружелюбномъ смыслѣ, и надѣется, что рѣшеніе этой задачи не замедлитъ послѣдовать.

Изъ прочихъ статей президентскаго посланія имѣютъ общій интересъ преимущественно свѣдѣнія о ходѣ Канзасскаго дѣла, а также о дѣлахъ съ Мормонами. Мы еще возвратимся къ посланію президента, а теперь перейдемъ къ дѣламъ, которыя ближе и живѣе интересуютъ общественное мнѣніе Европы.

Англійскій парламентъ отсрочилъ свои засѣданія, которыя вновь откроются 4-го февраля. Къ тому времени многое опредѣлится и многое рѣшится. Не говоря уже объ остъ-индскомъ возстаніи, которое теперь, какъ кажется, находится въ своей послѣдней фазѣ, надобно думать, что и китайскія дѣла, приостановленныя этимъ возстаніемъ, не только начнутся, но и чуть ли не будутъ кончены. Благоприятный ходъ дѣлъ въ Остъ-Индіи дозволяетъ Англійскій флотъ часть военныхъ силъ на Китай; замѣчательно между прочимъ, что туда отправляются два сипайскіе полка, которые не принимали участія въ мятежѣ. Между тѣмъ передъ Кантономъ стоитъ уже въ готовности флотилія французская, которая будетъ дѣйствовать (и уже теперь безъ сомнѣнія дѣйствовала) въ союзъ съ англійскою. Вѣроятно теперь, когда мы пишемъ эти строки, Кантонъ уже исчезъ съ лица земли. Жители, чуя бѣду, начали заблаговременно выселяться изъ города внутрь страны. Известно, что Россія и Соединенные Штаты принимаютъ участіе въ этихъ дѣлахъ, и если не оружіемъ, то всѣми мирными средствами стараются содѣйствовать къ благоприятному для всемірной торговли исходу этихъ дѣлъ. А между тѣмъ, эта странная, нескончаемая исторія, совершенно непонятная для насъ, людей другаго міра, это внутреннее возстаніе въ Китаѣ еще продол-

жается, и трудно предугадать чѣмъ можетъ оно окончиться, какъ выразился г. Букананъ въ своемъ посланіи. Гоненія на христіанъ, особенно въ Кохинхинѣ, все усиливаются. Нѣтъ сомнѣнія, что начинающіяся событія потрясутъ послѣдніе оплоты этой древней упорной стѣны, за которою держится начало народнаго разобщенія и отчужденія отъ всемірной исторіи.

Что касается до остъ-индскихъ дѣлъ, то Англія наконецъ отдохнула отъ напряженнаго и мучительнаго вниманія, съ какимъ всѣ ожидали развязки исторіи въ Лакно. Вскорѣ получены были телеграфическія извѣстія, что послѣ кровопролитныхъ битвъ возстановлено сообщеніе между Лакно и Алумбагомъ, такъ что генералы Гевлокъ и Отрамъ, со всѣмъ гарнизономъ, съ дѣтьми и женщинами, бывшими подъ ихъ защитою, были спасены. Въ послѣдствіи оказалось, что они вовсе не находились въ такомъ критическомъ положеніи, какъ было полагали, и что продовольствія было у нихъ еще весьма достаточно, такъ что они могли бы успѣшно держаться еще долѣе.

Возстаніе, какъ видѣли мы еще прежде, сосредоточилось теперь въ Аудѣ. Здѣсь самое воинственное народонаселеніе въ цѣлой Индіи; здѣсь каждый житель владѣетъ оружіемъ, и отсюда преимущественно вербовались сипаи. Вотъ почему возмутившіеся сипаи, какъ бы по данному сигналу, стекались сюда съ разныхъ сторонъ, и здѣсь сосредоточились; вотъ почему также исключительно въ Аудѣ возстаніе приняло характеръ повсемѣстный и народный. Кромѣ мятежныхъ сипаевъ, собравшихся въ Аудѣ, здѣсь были національныя войска, которыя принадлежали бывшему аудскому королю и подвластнымъ ему князьямъ. Эти національныя войска простираются до 120,000 человекъ, за исключеніемъ сипаевъ и толпищъ, которыми предводительствуетъ Нена-Сагибъ.

Возобновимъ теперь прерванную нить разказа. Мы остановились на томъ (см. *Русскій Вѣстникъ* № 23, Полит. Обзор. стр. 193), что сосредоточившіяся въ Канпурѣ англійскія войска, направились къ Алумбагу. Надобно сказать, что крѣпость Алумбагъ находится въ трехъ миляхъ отъ Лакно, со стороны Канпура; Гевлокъ и Отрамъ сидѣли въ цитадели, или въ такъ-называемой Резиденціи, которая находится на противоположной сторонѣ города, такъ что для соединенія съ ними нужно было пробиваться черезъ весь городъ, занятый мятежниками, занимавшими также и то трехмильное пространство, которое отдѣляетъ крѣпость Алумбагъ отъ Лакно. На этомъ тѣсномъ пространствѣ должны были сосредоточиться дѣйствія, которыя мы теперь разкажемъ на основаніи еще довольно скудныхъ сбивчивыхъ извѣстій.

Сначала, какъ намъ извѣстно, отправилась въ Алумбагъ колонна Гранта; она достигла его, не встрѣтивъ на пути большаго сопро-

тивленіи. Генералы Отрамъ и Гевлокъ спокойно ожидали помощи въ своихъ окопахъ, не опасаясь штурма со стороны непріятелей, но и не будучи въ состояніи предпринять противъ него наступательное движеніе. 12 числа двинулся къ Алумбагу самъ главнокомандующій. На пути нѣгъ оный съ непріятелемъ небольшую схватку, овладѣвъ крѣпостцею Джеллалабадъ, находившеюся нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, и взорвалъ ее. По прибытіи въ Алумбагъ, оный посѣщилъ открытъ сообщеніе съ генералами Гевлокомъ и Отрамомъ. Такъ какъ нужно было бы для этого пересѣчь весь городъ, наполненный непріятелемъ, то признано лучшимъ открытъ обходомъ сообщеніе съ гарнизономъ, засѣвшимъ въ Резидентствѣ, на противоположномъ концѣ города. Это казалось удобоисполнимымъ справа или съ восточной стороны города. Тамъ, между предмѣстіемъ и рѣкою Гамти (Gumti), находилось довольно открытое пространство, и оттуда до самаго Резидентства нѣтъ сплошныхъ улицъ, а находятся лишь мѣстами разбросанныя мечети и другія зданія, въ которыхъ хотя и могъ засѣсть непріятель, но которыя далеко не представляли такой опасности, какъ тѣсныя и сплошныя улицы внутри города. 15-го въ воскресенье, сэръ Коллинъ началъ это фланговое движеніе и вскорѣ достигъ одного дома съ паркомъ, примыкающимъ къ каналу, гдѣ сидѣлъ непріятель. Англичане овладѣли этою мѣстностью послѣ двухъ часового сраженія, равно какъ и смежнымъ съ нею коллегіумомъ Martinière, названнымъ такъ по имени своего основателя Француза (Claude Martin). Къ вечеру непріятель, не ожидавшій этого движенія, перешелъ черезъ каналъ, но вскорѣ былъ отброшенъ обратно за каналъ. Упомянутое открытое пространство лежало передъ фрунтомъ англійскихъ войскъ, отдѣленное каналомъ. Въ тотъ же день, черезъ каналъ переправился передовой отрядъ, а на слѣдующее утро перешла и вся армія, и направилась, по открытому пространству, прямо на Секандерабагъ; позиція эта взята была съ бою, который дорого обошелся непріятелю. Затѣмъ главнокомандующій произвелъ нападеніе на какое-то зданіе, названное въ извѣстіяхъ *Samich* (полагаютъ, что это казарменная постройка), и послѣ трехчасовой ужасной канонады овладѣлъ имъ. Сэръ Коллинъ Кампбель говоритъ, что это сраженіе принадлежитъ къ числу ужаснѣйшихъ, когда либо имъ видѣнныхъ, а оный бывалъ въ хорошихъ сраженіяхъ. Въ слѣдующій день, 17-го, было взято приступомъ еще одно крѣпкое мѣсто, и затѣмъ вскорѣ главнокомандующій открылъ сообщеніе съ мужественнымъ гарнизономъ, сидѣвшимъ въ стѣнахъ Резидентства съ 25-го сентября. Генералы Отрамъ и Гевлокъ изъ своихъ окоповъ посѣщили*къ нему навстрѣчу и радостно привѣтствовали его. Хотя непріятель не былъ еще окончательно побѣжденъ, но первоначальная цѣль экспедиціи была достигнута: гарнизонъ былъ спасенъ, и большыя женщины

и дѣти были отправлены подъ достаточнымъ прикрытіемъ въ Кампуръ (1).

Мнѣніе, высказанное нами въ предыдущемъ номерѣ, о нѣкоторомъ различіи въ силѣ конституціоннаго устройства между Бельгіей и Пиемонтою, находитъ себѣ новое подтвержденіе въ первыхъ засѣданіяхъ обонхъ парламентовъ, именно при повѣркѣ выборовъ. Въ Бельгіи дѣло обошлось легко; при всемъ возбужденіи политическихъ страстей, видимъ мы ясное и зрѣлое сознаніе конституціонныхъ правъ и обязанностей. Въ пиемонтскомъ парламентѣ возникли самыя горячія пренія по поводу этой повѣрки. Католическая или церковная партія принимала весьма дѣятельное участіе въ выборахъ. На это, безъ сомнѣнія, она имѣла полное право, какъ и всякая другая конституціонная партія. Не менѣе дѣятельно работала католическая партія и въ Бельгіи. Но въ пиемонтскомъ парламентѣ возникъ вопросъ, не слишкомъ ли сильно дѣйствовала въ свою пользу эта партія. Горячія рѣчи сказаны были и съ этой, и съ другой стороны. Очевидно стало-быть, что либо та, либо другая сторона зашла слишкомъ далеко и недостаточно проникнута духомъ учреждений. Этого мало: если пристальнѣе взглянуть въ дѣло, окажется можетъ-быть, что не только партія католиковъ, что было бы нисколько не удивительно, но и партія либераловъ въ Сардиніи, называющая себя именемъ свободы, еще не совсѣмъ стала въ то положеніе, какое требуется духомъ истинной свободы. Графъ Кавуръ, въ энергической рѣчи, указалъ какъ по всей Европѣ, въ настоящее время, поднимается и дѣйствуетъ католическая партія. Въ Сардиніи, говоритъ онъ, вездѣ обнаружилась ея агитація. Духовныя лица оставляли мѣста своего священнослуженія, чтобы принимать участіе въ избирательномъ движеніи, приводя въ коллегіи толпы своихъ партизановъ, выходили на арену журнализма, употребляли наконецъ духовныя средства, чтобы дѣйствовать на народъ въ пользу своей партіи и въ ущербъ противной, которую выставляли какъ зловредное исчадіе ада. Но если церковная партія будетъ употреблять духовное оружіе, то борьба будетъ неравная, по мнѣнію министра. «Если защитники свободы, продолжаетъ графъ Кавуръ, выставляются какъ враги церкви, то клерикалы даютъ правительству и большинству право дѣйствовать противъ него матеріальными средствами. Употребленіе духовнаго оружія можетъ, по-

---

(1) По только-что полученнымъ телеграфическимъ депешамъ, Англичане, выведя изъ цитадели Резиденства гарнизонъ, оставили самый городъ Лакно, начальство надъ алумбагскимъ гарнизономъ принялъ генералъ Отрамъ, сэръ Гарри Гевлокъ умеръ отъ болѣзни, гваліорскіе мятежники, грозившіе со стороны Кампура, нанесли пораженіе Англичанамъ, но вскорѣ были разбиты самимъ главнокомандующимъ, при чемъ палъ генералъ Вильсонъ.

влекъ за собою гражданскую войну. Итакъ, если большинство думаетъ, что при выборахъ происходили дѣла незаконныя, то необходимо произвести слѣдствіе.» На это вождь правой стороны, графъ Соларъ дельа Маргерита, отвѣчалъ, что клерикальная партія выслала въ парламентъ совѣтъ не такихъ людей, которые были бы враждебны свободному государственному устройству. Члены, ею избранные, составляютъ лишь консервативную часть парламента. Клерикалы были дѣятельны, но средства ими употребленныя, были честны и законны, и потому вовсе не походили на тѣ средства, къ которымъ прибѣгала правительственная партія, дѣйствовавшая посредствомъ давленія, интендантами, мерами, судьями, карабинерами. «Я отвергаю, заключаетъ онъ, слѣдствіе, какъ дѣло ненавистное и постыдное для избирателей, а главное—безполезное. Нравственное понужденіе, которымъ могло дѣйствовать духовенство, ускользаетъ отъ слѣдствія. Подадимъ примѣръ терпимости. Въ Бельгіи палата устроилась въ продолженіе двухъ дней; неужели намъ понадобится нѣсколько недѣль для этого?» Приведетъ для дополненія слова, сказанныя по этому поводу однимъ изъ главныхъ членовъ лѣвой стороны, желающимъ теперь поддерживать министерство, г-мъ Брофферію. «Выборъ партизановъ духовенства—дѣло хорошее; этимъ доказывается, что страна уже не остается равнодушною къ общему дѣлу; съ другой стороны, это будетъ сильно побуждать министерство идти путемъ прогресса. Надобно только, чтобы духовенство для выбора своихъ друзей не употребляло духовныхъ средствъ, не грозило Божимъ гнѣвомъ, не употребляло во зло Евангелія и не замышляло бы основанія теократіи.» Ораторъ поддерживалъ предложеніе министерства относительно слѣдствія. Предложеніе это было наконецъ принято значительнымъ большинствомъ.

Вопросъ, какъ очевидно, состоитъ не въ томъ, имѣетъ ли право духовенство принимать участіе въ политической жизни своего народа; никто не можетъ отнять у лицъ, къ нему принадлежащихъ, право, составляющее достояніе цѣлаго общества. Вопросъ состоитъ только въ томъ, до какой степени можетъ простирается его вмѣшательство въ выборы? Въ послѣднихъ нумерахъ *Journal des Débats* напечатаны по этому поводу двѣ руководящія статьи, на которыя мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Подъ ними стоитъ имя г. Прево-Парадоль, недавно появившееся въ этомъ журналѣ; и которое, по нашему мнѣнію, будетъ принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ именъ современной французской публицистики. «Духовенство, говорить г. Прево-Парадоль, не должно употреблять насилія или возбуждать бунты: это ясно; оно не должно прибѣгать къ клеветѣ и дивѣамаціи: это также очевидно; и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ оно должно быть сдерживаемо, какъ и всѣ прочіе граждане, дѣйствіемъ судовъ. Но этимъ не ограничиваются и присовокупляютъ

что оно не должно дѣйствовать своими духовными средствами. Скажемъ другими словами, чтобы заключить вопросъ въ его настоящіе предѣлы: оно не должно говорить избирателямъ, что они подвергнутся осужденію въ будущей жизни, если подадутъ голосъ не въ ту, а въ другую сторону. Апочему же бы оно не могло говорить этого? Потому, отвѣчаютъ, что борьба была бы не равная и могла бѣ обратиться въ борьбу матеріальную. Но о какомъ изъ доводовъ, обыкновенно употребляемыхъ во время выборовъ, нельзя сказать того же? Не говорятъ ли избирателямъ, что если они будутъ подавать голосъ въ пользу того или другаго кандидата, то они погубятъ свое отечество, будутъ причиною войны, безпорядка, революціи? Не говорилось ли въ былое время и во Франціи, что подавать голосъ въ пользу генерала Каваньяка значитъ подавать голосъ противъ началъ семейства и собственности? Почему же духовенство не можетъ грозить избирателю религіознымъ послѣдствіемъ его образа дѣйствій, какъ и всякимъ другимъ матеріальнымъ или нравственнымъ послѣдствіемъ? Этого мало: запретите вы или нѣтъ духовенству выражать прямо эту угрозу, вы никакъ не достигнете того, чтобъ она не содержалась по крайней мѣрѣ тайно въ его увѣщаніяхъ. Надобно, чтобъ оно или вовсе молчало во время выборовъ, или могло говорить своимъ языкомъ... Но, говорятъ, угрозы, употребляемыя клерикалами, безумны и несправедливы; они противны истинному ученію церкви; они искажаютъ религію мира и любви. Справедливо, но развѣ государству принадлежить рѣшать это?.. Наши философы часто имѣютъ слабость рукоплескать такимъ притазаніямъ государства; но за презрѣніе къ свободѣ другаго, люди платятся потерей собственной свободы. Философамъ піемонтскимъ будетъ не лучше, чѣмъ клерикаламъ, въ то время, когда государство будетъ имѣть свой кодексъ православія, свой *index*, и будетъ поражать направо и налево—однихъ за то, что отрицаютъ истины католической религіи, а другихъ за то, что иначе понимаютъ ихъ нежели правительство, почти такъ, какъ Генрихъ VIII бросалъ на одинъ костеръ и тѣхъ, которые не были для него достаточно протестантами, и тѣхъ, которые были уже слишкомъ протестантами. Къ счастью, въ этихъ щекотливыхъ предметахъ есть начало, котораго слѣдуетъ твердо держаться, и которое служитъ основаніемъ вѣстѣ и свободѣ гражданина, и общественному спокойствію. Ученія партій и сектъ не должны подвергаться ударамъ закона, когда они взываютъ къ убѣжденію и къ правильнымъ средствамъ видоизмѣнять существующее законодательство; напротивъ, они должны быть поражаемы, когда влекутъ къ насильственному нарушенію и ниспроверженію закона. Напримѣръ, если какой-нибудь невѣжда будетъ вопіять противъ свободной перевозки хлѣба, грозя, что отъ этого произойдетъ голодъ, слѣдуетъ ли преслѣдовать его за эту ложную теорію и сажать въ тюрьму для наставленія въ здравыхъ понятіяхъ политиче-

ской экономіи? Это было бы неглаго и несправедливо. Но если онъ оставитъ возъ, нагруженный хлѣбомъ, и будетъ убѣждать своихъ согражданъ дѣлать то же, то преслѣдованіе такого человѣка будетъ справедливымъ и спасительнымъ примѣромъ. Точно такими же глазами, по нашему мнѣнію, должно смотрѣть и на аргументъ, въ употребленіи котораго упрекаютъ духовенство. Ваше духовенство говоритъ, напримѣръ, что свобода вѣроисповѣданія есть ересь, и что тѣ, которые выберутъ депутатовъ, благопріятствующихъ этой ереси, подвергнутся осужденію на томъ свѣтѣ. Постарайтесь убѣдить избирателей въ противномъ; ваше право не простирается далѣе. Но какъ только вашему духовенству заблагоразсудится прибавить, что должно запретить храмъ другаго вѣроисповѣданія, или не давать податей еретическимъ начальствамъ, тогда вы будете имѣть право и власть поражать его.»

Въ защиту піемонтскихъ либераловъ можно сказать то, въ чемъ впрочемъ соглашается и самъ авторъ приведенныхъ строкъ, именно еще недостаточную зрѣлость народа, недостаточную крѣпость учреждений, недавно поставленныхъ на новую почву, большую силу духовенства и близость къ Риму, источнику его силы. Но главное, на что, по нашему, слѣдуетъ обратить вниманіе, есть самое свойство католической церкви. Католическая церковь — не просто церковь: она составляетъ своего рода политическій организмъ, и католическое духовенство изъ своей страны всегда тяготеетъ къ чуждому ей центру. Оно можетъ дѣйствовать въ этомъ исключительномъ интересѣ своей касты, организовать въ обширныхъ размѣрахъ свои средства; оно единовластно, и само пользуется привилегіей, какъ государственная церковь, не встрѣчающая себѣ духовнаго противодѣйствія; и потому правительство страны, еще слишкомъ молодой и не совсѣмъ установившейся, не можетъ равнодушно смотрѣть на эти операціи враждебной силы. Очень естественно, что либеральное правительство, при такомъ положеніи дѣлъ, само болѣе или менѣе увлекается и незамѣтно допускаетъ въ свой образъ мыслей и дѣйствій нѣкоторое отраженіе началъ, противныхъ тому духу, въ которомъ оно должно бы мыслить и дѣйствовать. Впрочемъ, наряжаемое слѣдствіе будетъ дѣломъ не лишнимъ, по крайней мѣрѣ безвреднымъ, а можетъ-быть и очень полезнымъ. Оно обнаружитъ, въ какой мѣрѣ справедливы были опасенія правительства, и если католическая партія пользовалась лишь законными средствами, оно оправдаетъ его передъ страной и передъ всемірнымъ судомъ, и этимъ, можетъ-быть, послужитъ къ утвержденію существующаго въ Сардиніи порядка, и къ очищенію ея свободы.

Всеобщій денежный кризисъ особенно сильно и губительно отразился на гамбургской биржѣ: болѣе ста домовъ прекратили платежи. Этого естественно должно было ожидать по тѣсной связи Гамбурга

съ важнѣйшими торговыми центрами Европы и Америки. Несмотря на относительную незначительность своей территоріи и народонаселенія (въ 1855 году 220,000 жителей съ предмѣстьемъ и деревнями), Гамбургъ по важности своихъ торговых оборотовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ цѣломъ мірѣ. Такъ, въ 1855 году, ввозъ былъ на сумму 528,558,190 банковыхъ марокъ, или 246,850,854 р. сер.; вывозъ на 507,221,600 б. м., или на 237,123,598 р. сер. Торговый флотъ его состоитъ изъ 500 кораблей и пароходовъ, и до 5000 кораблей другихъ странъ посѣщаютъ ежегодно портъ его. Главная торговля Гамбурга съ Германіей, Англійей, Соединенными Штатами, Швеціей, Норвегіей, Россіей. По своему превосходному положенію и вольному порту, Гамбургъ сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ не только колоніальныхъ произведеній Америки (Гамбургъ главный кофейный рынокъ Европы), но и всѣхъ прибалтійскихъ странъ. Швеція, Норвегія и Россія постоянно, въ огромныхъ количествахъ, посылали ему хлѣбъ, строевой лѣсъ, металлы и пр. Чрезвычайному расширенію гамбургской торговли много способствовалъ также, порожденный ею же, старинный обычай гамбургскихъ купцовъ, посылатъ своихъ сыновей для торговыхъ дѣлъ на нѣсколько лѣтъ за границу во всѣ края свѣта. Плодомъ этого обычая было основаніе гамбургскихъ торговыхъ домовъ въ Америкѣ, Остѣ-Индіи, Китаѣ и другихъ странахъ. Банкъ гамбургскій, оказавшій въ свое время много услугъ всемірной торговлѣ, несмотря на несовременное устройство свое, пользовался всеобщимъ высокимъ довѣріемъ и влеченіемъ. Въ собственномъ смыслѣ это кредитное учрежденіе есть не что иное какъ сохранная касса гамбургскихъ капиталистовъ. Основаніе ему положено въ 1619 году, при началѣ 30-лѣтней войны, съ цѣлью избавить вольный городъ отъ тѣхъ торговыхъ смуть, которыя повлекла за собой порча монеты нѣкоторыми государями Европы, искавшими въ этой порчѣ средствъ для военныхъ издержекъ. Для охраненія собственной монеты, Гамбургъ основалъ подъ именемъ банка общую кассу для склада серебра, потомъ подъ именемъ банковской марки создалъ новую монетную единицу, и каждому купцу, который вкладывалъ въ кассу чистаго серебра въ 1 кельнскую марку вѣсомъ (233 грамма) открывалъ кредитъ на $27\frac{3}{4}$ марокъ банка. Назначеніе этой кассы, сохраненное и до сихъ поръ, ограничивалось ревирементомъ или переносомъ суммъ со счетовъ одного купца на счетъ другого. Такимъ образомъ всѣ торговлия сдѣлки гамбургскихъ купцовъ могли быть совершаемы безъ посредства звонкой монеты. И таковы были выгоды всѣхъ находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гамбургомъ, что несмотря на неоднократное занятіе города войсками сосѣдей, отъ которыхъ не могла защитить себя эта маленькая республика, вклады банка оставались неприкосновенными до 1813 года.

Чрезвычайное развитіе кредита въ цѣломъ мірѣ, обусловленное

развитіемъ духа спекуляцій и въ свою очередь чрезвычайно способствовавшеему, придавъ напряженный ходъ всемірной торговлѣ, привело и гамбургскихъ купцовъ къ чрезмѣрному расширенію своихъ оборотовъ. Закупая товары въ цѣломъ мірѣ по цѣнамъ высокимъ, поднятымъ искусственно вслѣдствіе спекуляцій, давая впередъ большіе задатки, а иногда и почти всю цѣну произведеній, гамбургскіе купцы необходимо должны были, при пониженіи цѣнъ, понести огромные убытки. Этой участи не могли они избѣжать никакими путями. Всѣ мѣры, которыми если бы и удалось опять поднять цѣны къ общей потерѣ потребителей, сокративъ потребление, неминуемо повлекли бы за собою новое и конечное разореніе.

Въ магазинахъ Гамбурга, при самомъ взрывѣ кризиса, находилось товаровъ на сумму 200,000,000 марокъ, а убытокъ отъ пониженія ихъ цѣнности доходилъ до 100,000,000 марокъ (46,750,000 р. сер.).

Указавъ такимъ образомъ на важность и неизбѣжность кризиса, приступимъ къ изложенію самаго хода его. Это тѣмъ любопытнѣе, что хотя кризисы во всѣхъ торговыхъ мѣстахъ и различались между собою степенью силы и продолжительности, но сущность ихъ все-таки была одинакова всюду. Уже давно появлялись признаки, призывавшіе къ осторожности, учетный процентъ вызвышался вездѣ и упавъ только на очень короткое время, снова поднимался все выше и выше. Многіе задумывались о причинахъ этого повсемѣстнаго явленія, и много различныхъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, ходило въ торговомъ мірѣ. За одну изъ главныхъ причинъ этого общественное мнѣніе принимало чрезвычайный вывозъ серебра въ Азію. Называли страшныя суммы, никто не противорѣчилъ серьезно, и всѣ спокойно продолжали спекулировать; ходъ дѣлъ не измѣнялся. Причиною возвышенія цѣнъ на товары, на всѣ жизненныя потребности могло быть не что иное какъ пониженіе цѣнности денегъ, и однако не поятно было, откуда это всеобщее вздорожаніе при постоянно возрастающемъ производствѣ всѣхъ предметовъ потребления, откуда это пониженіе цѣнности денегъ при всюду ощущаемомъ недостаткѣ въ нихъ. Эти противорѣчащія, взаимно исключаютія, казалось бы, другъ друга, явленія должны были навести на мысль, что происходитъ что-то не ладное въ торговомъ мірѣ, что подготавлиются важныя, бѣдственныя событія. Но на все это не обращали должнаго вниманія, не думали объ осторожности; и злоупотребленія кредита, рисковыя операціи банковъ, выпускъ нѣкоторыми изъ нихъ слишкомъ большаго количества билетовъ, облигацій и чрезмѣрное развитіе спекуляцій, все болѣе и болѣе приближали неминуемую катастрофу. Первое извѣстіе изъ Нью-Йорка о показавшемся тамъ кризисѣ не возбудило общаго вниманія на гамбургской биржѣ, не вызвало никакихъ мѣръ. Кредитъ Гамбурга стоялъ еще непоколебимо. Но съ новыми извѣстіями о развитіи кризиса, на биржѣ Гамбурга стали

распространяться невѣроятные слухи: на дома, располагавшіе миллионами, глядѣли недоувѣрчиво, всѣ старались отдавать въ учетъ, реализовать векселя, и вскорѣ стали уже громко называть суммы, которыя предстояло выплатить гамбургскимъ торговымъ домамъ въ ноябрѣ, а за тѣмъ и въ декабрѣ. Всѣмъ сдѣлалось извѣстно, что векселя многихъ самыхъ значительныхъ домовъ трудно было отдать въ учетъ. Деньги выдавались все туже и туже, учитывавшіе становились все разборчивѣе. И несмотря на всѣ эти признаки, предвѣщающіе приближеніе кризиса, никто не думалъ принимать никакихъ мѣръ для предупрежденія его. Вдругъ полученныя по телеграфу извѣстія о банкротствахъ въ Англии и Шотландіи поразили биржу паническимъ страхомъ, еще болѣе усилившимся вслѣдствіе вѣсти о неизбежности банкротства важнаго торговаго дома, съ паденіемъ котораго необходимо соединялось разореніе половины Швеціи. Съ этой минуты телеграфъ со всѣхъ сторонъ приносилъ извѣстія о предстоящихъ или уже объявленныхъ банкротствахъ. Наличныя деньги исчезли изъ оборота, никто не хотѣлъ учитывать. Векселя самыхъ надежныхъ домовъ, въ состоятельности которыхъ никто не осмѣлился бы сомнѣваться еще за нѣсколько дней, рѣшительно не принимались къ учету. Кредитъ уменьшался съ часу на часъ, всякое довѣріе исчезло, и ужасъ овладевалъ всѣми при мысли, что въ слѣдующіе 3 мѣсяца гамбургская биржа должна уплатить по обязательствамъ отъ 300 до 400 миллионъ марокъ. Векселя на сотни тысячъ обратились въ простые клочки бумаги въ рукахъ ихъ обладателей. Тутъ только стали думать о средствахъ къ спасенію.

Первая мѣра, предложенная испуганному собранію биржи, состояла въ томъ, чтобъ составить *Общество для гарантіи учета*, со взносомъ десяти процентовъ, и собранныя такимъ образомъ суммы употребить на учитываніе надежныхъ векселей. Предлагавшій это настоятельно требовалъ немедленной подписки, для того, какъ онъ выразился, чтобы міръ увидѣлъ «что Гамбургъ все еще прежній Гамбургъ». Въ подписяхъ недостатка не было: съ невѣроятною быстротою собранъ былъ весьма значительный капиталъ, всеобщая готовность была такъ велика, что въ нѣсколько часовъ Общество расплавалось уже 11 миллионами марокъ.

Принятіе этой мѣры ободрило всѣхъ, на нее возложены были большія надежды, но слѣдующій же день показалъ всю ихъ неосновательность: поддержать кредита нельзя было, онъ уже не существовалъ, и миллионъ марокъ, предложенный главою фирмы «Саломонъ Гейне», Карломъ Гейне — въ первый разъ послѣ многолѣтняго отсутствія, появившагося на биржѣ въ эти тяжелые дни, — былъ вмѣстѣ съ капиталомъ *Общества гарантіи учета* поглощенъ съ невѣроятною быстротою, не оказавъ никакого вліянія на повышеніе кредита. Смятеніе на биржѣ было ужасное; мѣры, къ которымъ прибѣгали для ус-

покою умовъ, рѣчи, говоренныя въ залахъ биржи, и прибываемыя объявленія, далеко не производили желаемого дѣйствія. Въ этомъ положеніи, коммерческій совѣтъ (Commercium) первый подалъ мысль обратиться къ правительству, и съ тѣмъ вмѣстѣ надежду, что правительство въ состояніи помочь дѣлу. 27-го ноября, съ согласія собранія гражданъ, сенатъ рѣшилъ выпустить подъ залогъ товаровъ государственные билеты. Но предложенная помощь оказалась такъ же мало дѣйствительною, какъ и та, которую доставило *Общество для гарантіи учета*. Всеобщій страхъ усиливался; въ народѣ распространилось убѣжденіе, что не только купеческіе векселя, но и всякіе другіе бумажные представители цѣнностей потеряли всю свою стоимость, и всякій, у кого они были, спѣшилъ обратить ихъ въ деньги. Напоръ требовавшихъ выдачи своихъ денегъ, даже у конторъ сохранныхъ кассъ, былъ такъ великъ, что для защиты онѣ должны были прибѣгнуть къ военной стражѣ.

Подъ влияніемъ этихъ событій, сенатъ 5-го декабря созвалъ замѣчательное собраніе гражданъ по поводу поданной 3-го декабря депутатами коммерческаго сословія просьбы, въ которой, представивъ ужасное положеніе дѣлъ биржи, они настойчиво просили немедленно обсудить предлагаемую для возстановленія кредита мѣру. Мѣра эта состояла въ учрежденіи временнаго учетнаго государственнаго банка, съ правомъ выпуска на весьма значительную сумму банковыхъ билетовъ съ принужденнымъ курсомъ (cours forcé), для учета векселей не ниже однако 10 процентовъ. По сенатѣ, постоянно противившійся всѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, отвергъ это предложеніе. Тогда, взявъ назадъ свою просьбу, депутаты предложили правительству новыя мѣры, и сенатъ разрѣшилъ банку тотчасъ же пустить въ ходъ на 5 милліоновъ марокъ серебра и сдѣлать заемъ на 10 милліоновъ. Австрійскій національный банкъ, къ которому обратились съ этою просьбой, тѣмъ охотнѣе оказалъ пособіе, что сроки его собственныхъ платежей еще на наступили. Согласіе австрійскаго правительства, единственный фактъ этого рода въ финансовой исторіи Германіи, было отчасти вынуждено и тѣмъ, что уже и въ Вѣнѣ становился замѣтнымъ кризисъ отъ сильнаго распространенія его въ Гамбургѣ. Притомъ гамбургскіе торговые дома всегда много способствовали продажѣ австрійскихъ товаровъ на чужеземныхъ рынкахъ, — слѣдовательно поддержать эти дома было въ интересахъ австрійской промышленности.

Заемъ этотъ, сдѣланный съ цѣлью вспомошествованія нуждамъ всѣхъ, съ согласія собранія гражданъ, употребленъ былъ на поддержаніе значительнѣйшихъ и наиболѣе пострадавшихъ торговыхъ домовъ. Хотя и нельзя отрицать несправедливости этой мѣры, ибо всѣ пострадавшіе торговые дома имѣли равное право на вспомошествованіе, но она нѣсколько оправдывается пользою, которую могла принести государству, избавивъ его отъ новыхъ катастрофъ.

Благодаря этимъ мѣрамъ и учрежденію «Учетной кассы 1857 года», приостановлено дальнѣйшее развитіе кризиса, который ни на одномъ изъ торговыхъ пунктовъ Европы не былъ такъ силенъ и такъ губителенъ, и отъ послѣдствій котораго не скоро еще оправится гамбургская биржа. Мало по малу возстановляется кредитъ, а съ нимъ и довѣріе къ собственнымъ силамъ; такъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, гамбургскій сенатъ отклонилъ предложенныя займы дармштадтскимъ банкомъ два милліона марокъ, надѣясь на свои собственные средства.

Во Франціи и Парижѣ все обстоитъ благополучно; въ слѣдующей книжкѣ представимъ мы читателямъ письма нашихъ парижскихъ корреспондентовъ о положеніи нѣкоторыхъ дѣлъ въ этой странѣ. А пока спѣшимъ объявить, что странные слухи, которые въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, съ изумительнымъ упорствомъ поддерживаются въ Москвѣ, вопреки ежедневно приходящимъ газетамъ, о происходящихъ будто бы волненіяхъ въ Парижѣ, доказываютъ только то, какъ въ иныхъ общественныхъ средахъ, мало привыкшихъ къ гласности, могутъ процвѣтать и благоденствовать, вопреки всѣмъ доказательствамъ противнаго, самыя прихотливыя порожденія фантазіи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій рескриптъ виленскому военному, гродненскому и ковенскому генералъ-губернатору.

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

Одобривъ вполне намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соответствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1) Открыть теперь же, въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, по одному въ каждой приуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ одну общую комиссію въ городѣ Вильнѣ.

2) Каждому губернскому комитету состоять, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3) Общей комиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осажденность, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую комиссію. Комиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное

по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во вѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей комиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею комиссіею проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія ея намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началъ, я надѣюсь, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участию въ семъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники вѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написаю:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ Царскомъ Селѣ, 20-го ноября 1857 г.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ 5-ГО ДЕКАБРА 1857 Г., ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА ИМЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербургской губерніи приступить къ составленію проекта положенія, на основаніи коего подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ С.-Петербургской же губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осядлость, которую они, съ теченіемъ опредѣленнаго времени, приобрѣтають въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по С.-Петербургской губерніи, я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ С. Петербургской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ мною твердыхъ началахъ, я увѣренъ, что дворянство вполне оправдываетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участию въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оста-

валясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ впушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ОТНОШЕНІЕ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ КЪ Г. С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ, ОТЪ 5-ГО ДЕКАБРЯ 1857 ГОДА, ЗА № 41.

Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Государю Императору сообщенные мнѣ вашимъ превосходительствомъ, составленные дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ, проекты положеній для помѣщичьихъ крестьянъ, и предначертанія по тому же предмету собранія предводителей и депутатовъ дворянства всей С.-Петербургской губерніи.

Его Величество, узнавъ съ особеннымъ удовольствіемъ о благородномъ стремленіи сословія с.-петербургскихъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ, Высочайшимъ рескриптомъ, вамъ даннымъ, изволилъ всемилостивѣйше разрѣшить дворянству, посредствомъ особо учреждаемаго комитета, приступить къ составленію проекта надлежащаго по сему предмету положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій комитета, такъ и главные основанія самаго положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ, относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемаго по настоящему предмету въ С.-Петербургской губерніи комитета, Государь Императоръ высочайше соизволилъ повелѣть:

1) При выборѣ членовъ въ этотъ комитетъ, отъ каждаго уѣзда, предоставить дворянамъ, если пожелаютъ, выбрать и уѣзднаго предводителя дворянства.

2) Вмѣнить въ обязанность дворянамъ, при выборѣ сихъ членовъ, избирать для каждаго уѣзда одного кандидата, который могъ бы заступать въ комитетѣ мѣсто того члена уѣзда, который будетъ въ отсутствіи.

3) Членовъ и кандидатовъ, избираемыхъ дворянствомъ, утверждать вашему превосходительству.

4) Дозволить комитету приглашать, съ вашего разрѣшенія, въ свои засѣданія, для необходимыхъ совѣщаній, тѣхъ помѣщиковъ С.-Петербургской губерніи, кои могутъ доставить комитету полезныя для него свѣдѣнія и объясненія.

5) Предоставить дворянству, если оно признаетъ нужнымъ, про-

изводить изъ своихъ суммъ пособие членамъ, имъ избраннымъ, а также издержки на разныя по комитету надобности.

6) Комитету о ходѣ своихъ работъ постоянно доводить до свѣдѣнія вашего превосходительства; въ случаѣ указаній вашихъ, комитетъ можетъ, не стѣняясь прежними своими положеніями, пересматривать оныя вновь.

7) Комитету кончить порученную ему работу въ шести-мѣсячный срокъ со дня его открытія.

и 8) Комитету, въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ, ограничиваться тѣми предметами, кои предоставлены его разсмотрѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить вашему превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному комитету при его занятіяхъ.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, сообразивъ подробно всѣ предметы, до настоящаго дѣла относящіеся, я нахожу, что комитету, учреждаемому въ С -Петербургской губерніи для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, необходимо при этой работѣ имѣть въ виду и разсмотрѣть въ подробности, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, слѣдующія правила и предложенія:

I. Будущее, на основаніяхъ, въ высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ, когда правительство разрѣшить имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію комитета, не свыше двѣнадцати лѣтъ.

II. На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдность, приобретаемая ими, въ теченіе опредѣленнаго срока, въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполнения ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи сихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1) Подъ усадебною осѣдностью или крестьянскою усадбою слѣдуетъ разумѣть ихъ жилища и хозяйственныя строенія съ землею подъ оными и огородомъ.

2) Права состоянія крестьянъ по окончательномъ ихъ устройствѣ (кромя права выхода въ другія мѣстности, которое въ свое время будетъ определено особымъ распоряженіемъ правительства) и право собственности на усадьбу приобрѣтаются или цѣлымъ миромъ или крестьянскими семействами отдѣльно, не иначе, какъ уплатою, въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. При выкупѣ миромъ, усадебные участки остаются въ постоянномъ и исключительномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, къ тому миру принадлежащихъ. При отдѣльномъ же выкупѣ крестьянскими семействами, семейства сіи, съ выкупленною усадьбою, остаются въ составѣ міра, и подчиняются всѣмъ условіямъ мірскаго устройства и управленія.

3) Означенная уплата можетъ быть произведена или деньгами или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику за земли, отводимыя имъ на основаніи п. 4 сей статьи въ пользованіе, и за иныя, представляемыя помѣщикомъ въ пользу крестьянъ, по его усмотрѣнію, угодыя или мѣстныя выгоды.

4) Изъ остальной земли, за отдѣленіемъ усадебной, предоставляется надлежащее, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, количество земли въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ. За пользованіе сею землею крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы, или же платить помѣщику оброкъ деньгами или произведеніями.

5) Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ по соглашенію съ миромъ и съ утвержденіемъ тѣхъ особыхъ по уѣздамъ присутствій, кои будутъ учреждены на основаніи новаго положенія.

6) Размѣръ выкупа по 2 п. сей статьи опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

7) На этомъ же основаніи устанавливается и размѣръ оброка и повинностей натурою за отводимую, по 4 п. сей же статьи, въ пользованіе крестьянъ землю.

8) Выкупъ можетъ разлагаться платежомъ погодно на все время переходнаго состоянія.

9) Не нарушая существующаго мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству право на надѣлъ въ его пользованіе землею, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей.

10) вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить: права главы семьи крестьянской, права наслѣдства относительно усадебъ и тягловыхъ участковъ, и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.

11) Натуральныя повинности и работы стправляются по особымъ-урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены комитетомъ на основаніяхъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ.

и 12) Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, крестьянинъ обращается на работы натурою. Независимо отъ сего должны быть опредѣлены, съ надлежащею подробностію, мѣры, обеспечивающія исправное исполненіе крестьянами какъ денежныхъ, такъ и прочихъ повинностей помѣщику.

III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распределены на мірскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляются мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя, въ каждомъ уѣздѣ, присутствія.

V. По утвержденіи новаго положенія и по введеніи онаго въ дѣйствіе:

1) Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія имѣнія и обращеніе въ дворовые, должны быть прекращены, а съ другой стороны крестьянамъ, въ продолженіе переходнаго состоянія, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ согласія міра и безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

и 2) Предоставляется помѣщикамъ право, во все время переходнаго состоянія, нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекруты или отдавать въ распоряженіе правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

и VI. Въ проектѣ, который будетъ составленъ комитетомъ, должны быть опредѣлены и указаны:

1) Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщиковъ.

2) Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для сего было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запасекъ и мірскихъ капиталовъ.

3) Мѣры, необходимыя: для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ими грамотности, полезныхъ ремеселъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.

Сообщая о всемъ этомъ вашему превосходительству, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, всѣ изложенныя выше соображенія мои передать въ свое время учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи комитету. Если комитетъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы ваше превосходительство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ: *Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланской.*

Скрѣпилъ: *Товарищъ Министра А. Левшинъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета остзейскихъ дѣлъ и согласно ходатайству курляндскаго дворянскаго комитета и мѣстнаго начальства, въ 29-й день ноября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ немедленно ввести въ дѣйствіе въ Курляндской губерніи слѣдующее постановленіе:

«Арендные контракты, заключенные на пользованіе поземельными участками въ Курляндской губерніи, не теряютъ своей силы ранѣ истеченія срока договора и въ томъ случаѣ, когда имѣніе, въ составъ коего входятъ арендуемые участки, переходитъ посредствомъ продажи, по наследству, или другимъ образомъ, отъ одного владѣльца къ другому; потому лица, приобретающія въ Курляндіи недвижимыя поземельныя владѣнія (за исключеніемъ наследниковъ майоратовъ и конкурсныхъ кредиторовъ, относительно коихъ остаются въ дѣйствіи ст. 174 и 191 Курлянд. Крест. Полож. 1817 г.), вступаютъ, черезъ это самое приобретеніе, во всѣ права и обязанности, сопряженныя съ арендными контрактами, заключенными прежними землевладѣльцами съ членами крестьянскихъ обществъ, на пользованіе принадлежащими къ переходящимъ изъ рукъ въ руки имѣніямъ поземельными участками; всѣ таковыя контракты, которые при переходѣ имѣнія были еще въ силѣ, должны быть соблюдаемы новымъ землевладѣльцемъ точно такъ же, какъ бы они были заключены имъ самимъ.»

Овъ учрежденіи императорской и царской варшавской
медико-хирургической академіи.

Намѣстнику Нашему въ Царствѣ Польскомъ.

Для доставленія жителямъ нашего Царства Польскаго мѣстныхъ способствъ къ медицинскому образованію и устраненія чрезъ то недостатка врачей, мы признали за благо учредить въ Варшавѣ высшее

учебное медицинское заведеніе, съ присвоеніемъ оному наименованія Императорской и Царской Медико-хирургической академіи

Утвердивъ представленныя вами, во исполненіе воли нашей и разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ уставъ и штатъ означенной академіи, повелѣвамъ: обнародовать оныя установленнымъ въ законахъ порядкомъ и привести въ дѣйство на основаніи постановленныхъ для того въ государственномъ совѣтѣ и нами одобренныхъ временныхъ переводныхъ правилъ, предоставляя вамъ опредѣлить, по ближайшему вашему усмотрѣнію и по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, время открытія, равно порядокъ и способы постепеннаго развитія академіи.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Александръ.»

Въ Царскомъ Селѣ, 4-го іюля 1857 года.

Извлекаемъ изъ устава и штата академіи наиболѣ важныя и общеприятныя законоположенія:

Варшавская медико-хирургическая академія есть высшее учебное заведеніе, назначенное для образованія юношества какъ собственно по медицинской, такъ и по фармацевтической части. Она состоитъ подъ особннымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества и находится, подъ совокупнымъ наблюденіемъ намѣстника въ Царствѣ и министра народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи сего министерства и попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Непосредственный начальникъ академіи есть президентъ оной.

Управленіе академіею въ учебномъ отношеніи вѣрится конференціи, составляющей высшее академическое присутственное мѣсто; за вѣдываніе же хозяйственными дѣлами академіи и непосредственное наблюденіе за внутреннимъ благоустройствомъ оной поручается правленію.

Конференцію академіи составляютъ, подъ предсѣдательствомъ президента, академики и ординарные профессора, какъ дѣйствительные члены академіи.

Конференціи, какъ высшему въ академіи мѣсту, предоставляются, кромѣ обычныхъ занятій: повѣрка въ концѣ каждаго года отчетовъ правленія академіи о издержкахъ на потребности академіи; распоряженія объ употребленіи вспомогательнаго капитала академіи, предназначеннаго на чрезвычайныя сверхъ-штатныя надобности, какъ-то: на увеличеніе бібліотеки, кабинетовъ и другіе подобныя расходы; рассмотрѣніе годичнаго отчета о дѣйствіяхъ академіи и о состояніи оной; изслѣдованіе безпорядковъ и упущеній, еслибы таковыя случились по учебной части, указаніе мѣръ для прекращенія оныхъ и постановленіе заключеній объ удаленіи отъ должности состоящихъ въ вѣдомствѣ академіи по учебной части лицъ, признанныхъ виновными. Опредѣленія объ отрѣшеніи отъ должности лицъ преподающихъ и ихъ помощниковъ могутъ состояться не иначе, какъ по большинству, по крайней мѣрѣ, двухъ третей голосовъ, разумѣя при томъ двѣ трети голосовъ всѣхъ дѣйстви-

тельныхъ членовъ конференціи. Состоявшійся на семъ основаніи протоколъ конференціи представляется попечителю варшавскаго учебнаго округа.

Правленіе академіи составляютъ, подъ предсѣдательствомъ президента, одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, избираемый для сего конференціей на три года, и инспекторъ академіи.

Президентъ академіи назначается Императорскимъ Величествомъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе предварительнаго соглашенія его съ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ.

Президентъ предсѣдательствуетъ въ конференціи и правленіи Академіи и имѣетъ право представлять къ наградамъ лицъ, входящихъ въ составъ Академіи. Онъ получаетъ жалованья 2,500 р. с.

Должность ученаго секретаря поручается, съ прибавкою 300 р. къ жалованью, одному изъ академикомъ или профессоромъ, по выбору конференціи и съ утвержденія попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Обязанности ученаго секретаря суть: вести на русскомъ языкѣ протоколъ засѣданій конференціи и докладывать всѣ вступающія на разсмотрѣніе оной дѣла; изготавлять къ подписанію президента исходящія изъ конференціи бумаги исключительно по ученой части, которыя онъ скрѣпляетъ; наблюдать за изданіемъ книгъ, диссертаций и другихъ сочиненій, съ одобренія конференціи печатаемыхъ; составлять записки для современной исторіи академіи; въ исходѣ каждаго года представлять конференціи академіи вѣдомость — о состояніи академіи, о недостаткахъ или неудобствахъ, замѣченныхъ въ теченіе года по части учебной, и о принятыхъ или предполагаемыхъ мѣрахъ для отвращенія этихъ неудобствъ.

Для занятія кафедръ, учрежденныхъ въ Варшавской медико-хирургической академіи полагается 12 ординарныхъ профессоровъ и 9 адъюнктовъ; кафедры суть слѣдующія:

1. Физика, химія и минералогія;
2. ботаника и зоологія съ сравнительною анатоміею;
3. анатомія описательная, топографическая и практическое упражненіе въ разсѣченіяхъ;
4. фармація;
5. физиологія съ гистологіею и микроскопическою анатоміею;
6. общая патологія и гигиена;
7. общая терапія, врачебное веществословіе, ученіе о составленіи рецептовъ и токсикологія;
8. акушерство, ученіе о болѣзняхъ роженицъ и поворожденныхъ младенцевъ и акушерская клиника;
9. хирургія теоретическая съ офталмологіею;
10. хирургія оперативная съ десмургіею и клиника хирургическая, въ коей имѣются отдѣленія для одержимыхъ сиенлитическою и глазными болѣзнями;
11. частная терапія, терапевтическая клиника и анатомо-патологическія вскрытія;
12. судебная медицина, съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ, и медицинская полиція съ практическими упражненіями, ветеринарная полиція и эпизоотическія болѣзни. Кромѣ сего одинъ изъ девяти адъюнктовъ преподаетъ исторію медицины и изложеніе медицинскихъ учрежденій.

Ординарные профессора получаютъ жалованья 1,400 р. Безпорочно прослужившіе въ семъ званіи 10 лѣтъ, и отличившіея особыми заслугами, по преподаванію или же учеными трудами и открытіями, могутъ

быть, по удостоенію академіи, возводимы въ званіе академикомъ, съ прибавкою къ жалованью 140 р.. Число академикомъ не можетъ быть о;ажкожъ болѣе четырехъ. Они утверждаются въ семь званіи Высочайшею властію, по представленію министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе предварительнаго соглашенія его съ намѣстникомъ въ Царствѣ. Профессоры и адъюнкты избираются конференціею, и, по представленію попечителя варшавскаго учебнаго округа, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія по соглашенію его съ намѣстникомъ въ Царствѣ. Въ случаѣ открытія вакансіи профессора или адъюнкта, президентъ назначаетъ засѣданіе конференціи для предложенія кандидатовъ на открывшуюся вакансію и увѣдомляетъ о томъ членомъ конференціи за шесть передъ засѣданіемъ недѣль. Члены конференціи предлагаютъ кандидатовъ письменно, съ краткимъ означеніемъ ихъ ученыхъ заслугъ. Если по совѣщаніи конференція найдетъ, что изъ предложенныхъ кандидатовъ можетъ быть избранъ профессоръ или адъюнктъ безъ конкурса, то приступаетъ къ самому избранію. Избраніе производится открытыми голосами, съ письменнымъ изложеніемъ уваженій, по которымъ каждый изъ кандидатовъ удостоивается или не удостоивается избранія. Для признанія кандидата избраннымъ, необходимо, чтобы онъ получилъ не менѣе двухъ третей голосомъ. Если двое или болѣе кандидатовъ получаютъ равное число голосомъ, въ такомъ случаѣ о нихъ производится баллотированіе; а если и за симъ никто не получитъ опредѣленнаго выше большинства голосомъ, то выборъ одного изъ кандидатовъ предоставляется президенту академіи. Если вакантная должность не можетъ быть замѣщена порядкомъ, означеннымъ выше, то конференція академіи объявляетъ конкурсъ, приглашая желающихъ занять открывшуюся вакансію войти въ конференцію съ прошеніями и представить доказательства о своей ученой степени и о своихъ познаніяхъ, способностяхъ и ученыхъ трудахъ. Для исполненія сего, конференція опредѣляетъ срокъ, который не можетъ быть менѣе трехъ мѣсяцевъ. По истеченіи назначеннаго срока, конференція разсматриваетъ присланныя въ оную прошенія и доказательства, и опредѣляетъ, кто изъ приславшихъ оныя лицъ можетъ быть признанъ кандидатомъ. За симъ избранные конференціею кандидаты обязаны: 1) въ теченіе восьми дней представить разсужденіе на предложенную тему, и 2) въ присутствіи конференціи прочесть пробную лекцію, по предмету, назначенному конференціею. Эта лекція, по желанію кандидата, читается на одномъ изъ трехъ языкомъ: русскомъ, польскомъ или латинскомъ. На приготовленіе лекціи дается 24 часа. Какъ для лекціи, такъ и для разсужденія, кандидату предлагается нѣсколько темъ, относящихся къ предмету будущихъ его занятій, и изъ сихъ темъ онъ избираетъ одну по жребію. Адъюнкты получаютъ жалованья по 600 р.; тѣ изъ нихъ, которые отличаются особенными свѣдѣніями и искусствомъ преподаванія, могутъ, по удостоенію конференціи, быть возводимы въ званіе экстраординарныхъ профессоромъ; въ званіи семь они утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя варшавскаго учебнаго округа. Кромѣ адъюнктомъ при академіи состоятъ два прозектора, съ жалованьемъ по 600 р., и два лаборанта, съ жалованьемъ по 450 р.

Конференція академіи можетъ дозволить имѣющему ученую степень доктора читать частныя лекціи о какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, съ присвоеніемъ такому преподавателю званія доцента. Желающій пріобрѣсть сіе званіе обязанъ, кромѣ диссертациі, по коей получилъ ученую степень, представить новую (*pro venia legendi*) и оную защищать публично.

Инспекторъ назначается по избранію президента и по представленію попечителя варшавскаго учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ намѣстникомъ въ Царствѣ; онъ имѣетъ наблюденіе за поведеніемъ студентовъ и надзоръ за цѣлостію зданій академіи. Ему полагается жалованья 750 р. При немъ состоятъ два помощника, которые получаютъ жалованья по 400 р. и, по избранію президента, назначаются попечителемъ варшавскаго учебнаго округа.

Студенты академіи раздѣляются на а) студентовъ медицинскихъ наукъ, и б) студентовъ фармацевтическихъ наукъ.

Поступающій въ студенты медицинскихъ наукъ долженъ быть не моложе семнадцати лѣтъ отъ роду и пользоваться хорошимъ здоровьемъ.

Въ студенты медицинскихъ наукъ принимаются:

а) Тѣ, которые окончили полный курсъ наукъ въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ, въ гимназіяхъ и высшихъ реальныхъ училищахъ. Изъ реальной гимназіи могутъ быть принимаемы и тѣ ученики, которые кончили первогодичный курсъ 7-го класса.

б) Тѣ, которые представляютъ свидѣтельства училищнаго начальства въ томъ, что на испытаніи доказали удовлетворительныя, въ объемѣ гимназическаго курса, свѣдѣнія по слѣдующимъ предметамъ: закону Божію, языкамъ: русскому, польскому, ихъ словесности, латинскому и одному изъ новѣйшихъ двухъ языковъ: французскому или нѣмецкому, особенно же по сему послѣднему; по математикѣ, а именно: ариѳметикѣ и геометріи; по естественнымъ наукамъ, а именно: естественной исторіи, физикѣ, химіи; по исторіи и географіи.

Въ число фармацевтическихъ студентовъ принимаются только тѣ, которые имѣютъ званіе аптекарскихъ помощниковъ и занимались, въ семь званіи, практикою въ аптекахъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, одного года.

За слушаніе въ Варшавской академіи медицинскихъ наукъ взимается 25 р. с., а за слушаніе фармацевтическихъ наукъ 15 р. с. въ годъ, съ внесеніемъ ихъ по полугодіямъ, въ два срока, впередъ за каждое полугодіе.

Лица, не принадлежація къ числу обывателей Царства, принимаются въ академію токмо съ разрѣшенія намѣстника.

Обучавшіеся въ учебныхъ медицинскихъ заведеніяхъ Имперіи, при поступленіи въ Варшавскую академію, причисляются, на основаніи предъявленныхъ ими аттестатовъ, къ той части и къ тому курсу, кои соотвѣтствуютъ ихъ познаніямъ.

Жители Царства, начавшіе образованіе, съ разрѣшенія правительства, въ иностранныхъ медицинскихъ заведеніяхъ, могутъ быть принимаемы въ академію по выдержаніи испытанія, удостовѣряющаго о ихъ познаніяхъ.

Всѣ студенты академіи носятъ форменную одежду, полукастантъ темнозеленаго сукна съ воротникомъ изъ синяго сукна и пуговицами съ изображеніемъ герба Царства. Они свободны отъ рекрутской повинности.

Время ученія медицинскимъ наукамъ въ академіи полагается 5-лѣтнее, съ раздѣленіемъ на два курса: курсъ приготовительный, состоящій изъ приготовительныхъ наукъ, продолжающійся два года, и курсъ собственно-медицинскихъ наукъ, продолжающійся три года.

Ученіе фармацевтовъ продолжается два года.

Преподаваніе наукъ раздѣляется на полугодія. Учебныя полугодія считаются: первое съ 16-го (28-го) августа по 11-е (23-го) декабря, а второе съ 2-го (14-го) января по 3-е (15-е) іюня. Время отъ 3-го (15-го) іюня по 16-е (28-е) августа назначается для вакацій. Въ это время съ 3-го (15-го) іюня по 19-е іюня (1-го іюля) производятся испытанія: студентамъ приготовительнаго курса—для перевода въ курсъ собственно-медицинскихъ наукъ, а студентамъ сего послѣдняго курса—для полученія ученыхъ степеней. Во время же вакацій, до начала учебнаго полугодія, производится и приемъ желающихъ поступить въ студенты академіи.

Лекціи читаются на польскомъ языкѣ; но нѣкоторыя, по усмотрѣнію конференціи, на латинскомъ и русскомъ. При клиническихъ же посѣщеніяхъ профессеры и студенты должны объясняться не иначе какъ на латинскомъ языкѣ.

При учрежденіи Варшавской медико-хирургической академіи, профессеры, адъюнкты и вообще преподаватели оной будутъ назначены на первый разъ министромъ народнаго просвѣщенія, по предварительному соглашенію его съ намѣстникомъ въ Царствѣ.

Съ открытіемъ академіи, варшавская фармацевтическая школа, учрежденная при медицинскомъ совѣтѣ Царства, присоединяется къ академіи. Варшавской медико-хирургической академіи должны быть переданы кабинеты, лабораторіи и коллекціи, оставшіяся послѣ бывшаго медицинскаго факультета въ Варшавѣ и состоящія доселѣ въ завѣдываніи главнаго медицинскаго инспектора въ Царствѣ Польскомъ, равно коллекціи и лабораторіи, принадлежащія нынѣ варшавской фармацевтической школѣ. Зоологическимъ кабинетомъ, а равно ботаническимъ садомъ, состоящими въ завѣдываніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, медико-хирургическая академія будетъ пользоваться наравнѣ съ прочими учебными заведеніями. Библіотека бывшаго медицинскаго факультета, состоящая нынѣ при главной библіотекѣ, переходитъ въ собственность академіи. Зданіе бывшаго медицинскаго факультета въ Варшавѣ, состоящее доселѣ въ завѣдываніи главнаго медицинскаго инспектора, передается медико-хирургической академіи.

Уставомъ о ценсурѣ 1828 года дозволеніе на изданіе новыхъ журналовъ и всякихъ повременныхъ листковъ, по части словесности, наукъ и искусствъ, предоставлено было усмотрѣнію главнаго управленія ценсуры (Св. Зак., изд. 1842 г., т. XIV уст. о пред. прест. прилож. къ ст. 147-й, ст. 17), казеннымъ мѣстамъ предоставлено было издавать повременныя сочиненія сего рода по сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 18-я). Дозволеніе же на изданіе журналовъ и газетъ

политическаго содержанія, кѣмъ бы оныя ни были предпринимаемы, даваемо было министрами народнаго просвѣщенія съ Высочайшаго соизволенія, направляемаго чрезъ комитетъ министровъ (ст. 19-я). Въ 1832 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: не дозволять никакихъ новыхъ журналовъ безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія (ст. 17 и 18, по 1 ч. XV прод.). По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 9-й день ноября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить главному управленію цензуры, по прежнему, право разрѣшать новыя періодическія изданія по части словесности, наукъ и искусствъ, кромѣ тѣхъ, которыя, по важности своего содержанія, или по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ, требуютъ Высочайшаго разрѣшенія; на дозволеніе же періодическихъ изданій политическаго содержанія испрашивать Высочайшее соизволеніе чрезъ комитетъ министровъ.

— Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату 6-го декабря, изображено:

«Наименованная отдѣльный кавказскій корпусъ кавказскою арміею, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть главнокомандующему симъ корпусомъ и намѣстнику кавказскому, Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, князю Барятинскому главнокомандующимъ кавказскою арміею, со всѣми правами, властію и преимуществами, доселѣ ему предоставленными, и съ оставленіемъ намѣстниковъ кавказскимъ и въ званіи генералъ-адъютанта.»

— Г. намѣстникъ кавказскій, по Высочайше-предоставленной ему Государемъ Императоромъ особой власти, признавъ полезнымъ и необходимымъ во время малолѣтства владѣтеля Мингреліи, ввести тамъ особый порядокъ управленія, утвердилъ и привелъ въ дѣйствіе составленные имъ: 1) положеніе объ управленіи Мингреліею во время малолѣтства владѣтеля и 2) штатъ сего управленія. Его Императорское Величество, одобрявъ всѣ вообще мѣры, принятія г. намѣстникомъ кавказскимъ къ устройству управленія Мингреліею, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ рассмотреть и одобрить введенные намѣстникомъ положеніе и штатъ сего управленія.

— Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника кавказскаго и согласно положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правило, по коему срокъ службы за Кавказомъ, для производства въ чины за выслугу лѣтъ, сокращается однимъ годомъ противъ общаго положенія, отмѣнить какъ для чиновниковъ, прибывшихъ туда изъ Россіи, такъ и для уроженцевъ края, но для поощренія тѣхъ изъ чиновниковъ, служащихъ за Кавказомъ, какъ изъ переведенныхъ туда на службу, такъ и изъ туземцевъ, кои окажутъ особенныя отличія по службѣ, предоставить намѣстнику кавказскому ходатайствовать о производствѣ ихъ въ чины съ сокращеніемъ однимъ годомъ противъ общихъ сроковъ, опредѣленныхъ для производства за отличіе.

— Государь Императоръ, 12-го ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ случаѣ недостаточности военныхъ судовъ для принятія вольныхъ матросовъ новороссійскаго края на приготовительную пятилѣтнюю службу, дозволяется отдавать ихъ съ сею цѣлю на суда Русскаго об-

щества пароходства и торговли и на военныя транспортныя суда, находящіяся въ Черномъ морѣ. Общество пароходства и торговли производитъ матросамъ, поступившимъ на суда онаго, продовольствіе, обмундировку и жалованье, въ размѣрѣ, выдаваемомъ вольнымъ матросамъ во время приготовительной службы на военномъ флотѣ, а сіи лица, по окончаніи пятилѣтней службы, получаютъ патенты на томъ же основаніи, какъ за службу на судахъ военныхъ.

— Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть: редакцію 703 ст. т. III Св. Зак. измѣнить слѣдующимъ образомъ: «служащимъ обоаго пола лицамъ, при увольненіи въ отставку, назначать пенсіи, соразмѣрно жалованью, производившемуся въ день увольненія отъ службы, за исключеніемъ лишь послѣдней пятилѣтней прибавки.»

— Государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ положилъ: Дѣла страховыхъ отъ огня обществъ подлежатъ вѣдомству мѣстной гражданской палаты. На семъ основаніи, въ случаѣ спора объ убыткахъ между обществомъ и владѣльцами застрахованныхъ домовъ, жалобы на уклоненіе которой-либо стороны отъ выбора посредничества и отъ составленія формальной записи, требуемой для учрежденія третейскаго суда, приносятся гражданской палатѣ, которая, какъ въ ст. 3,241 Зак. Граж. (т. X) означено, истребовавъ по таковой жалобѣ отъ уклоняющейся стороны объясненіе, назначаетъ вмѣсто ея отъ себя посредниковъ.

— Государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ положилъ: право избранія въ должности, принадлежащее дворянамъ, владѣющимъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ домами, распространяется на дворянъ, владѣющихъ въ городѣ Кіевѣ домами, въ такомъ случаѣ, когда означенные дома оцѣнены, по установленному порядку, не менѣе какъ въ 15,000 рубл. сер.

— Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: существовавшее узаконеніе, чтобы въ селеніяхъ при колодцахъ, вмѣсто столбовъ съ бревнами, для поднятія воды имѣть колеса съ валомъ, не считать обязательнымъ, дозволивъ устраивать при сельскихъ колодцахъ, по прежнему, оцѣпы, или журава, но съ должнымъ при томъ соблюденіемъ нужныхъ мѣръ предосторожности и устраненіемъ всякаго препятствія свободному проходу и проѣзду.

— Въ видахъ улучшенія существующаго уже способа пересылки писемъ въ штемпельныхъ кувертахъ, то-есть безъ взноса, при самой подачѣ писемъ, слѣдующихъ за нихъ вѣсовыхъ денегъ, Высочайше разрѣшено ввести, для простой частной корреспонденціи, особыя почтовые марки.

Марки эти, въ видѣ облачковъ съ рисункомъ, по утвержденной формѣ, наклеиваются на письма, посылаемая въ обыкновенныхъ простыхъ кувертахъ, прямо на сложенное письмо.

Пріемъ въ почтовыхъ мѣстахъ писемъ съ марками, для отправленія во всѣ мѣста Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, начнется съ 1-го января 1858 года (1).

(1) Въ Сибири, на Кавказѣ и въ Закавказскіи вѣтъ съ 1-го марта 1858 года.

Марки должны быть наклеиваемы вверху письма, на той сторонѣ, гдѣ пишется адресъ.

На волю подателей предоставляется наклеивать на письма марки какого угодно достоинства, наблюдая только, чтобы общая стоимость марокъ не составляла менѣе того, сколько, по дѣйствительному вѣсу письма, за него причитается вѣсовыхъ. Напримѣръ: на письмо въ четыре лота могутъ быть наклеены четыре однолотныя марки, или двѣ двухлотныя, или одна трехлотная и одна однолотная.

Письма: а) *денежныя и страховыя*, б) *письма со вложеніемъ драгоценныхъ вещей*, в) *письма, слѣдующія при посылкахъ*, и г) *письма за границу* будутъ принимаемы на прежнемъ основаніи, со взысканіемъ установленныхъ платежей, безъ наложенія на нихъ марокъ.

Продажа почтовыхъ марокъ производится ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, въ обоихъ столичныхъ почтамтахъ, съ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера; въ губернскихъ и пограничныхъ почтовыхъ конторахъ съ восьми часовъ утра до трехъ пополудни, а въ уѣздныхъ конторахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ съ восьми часовъ утра до часу пополудни (1).

С М Ъ С Ъ

ЗЕМЛЕТРЕСЕНІЕ ВЪ НЕАПОЛѢ. Въ продолженіе послѣдняго мѣсяца въ Неаполѣ было сильнѣйшее землетресеніе. Сообщаемъ нашимъ читателямъ впечатлѣнія очевидца.

«7-го декабря ударъ землетресенія нѣсколько разрушилъ верхній конусъ Везувія, но все еще старая гора спокойно продолжала куриться по прежнему. Въ ночь съ 16-го на 17-е число, мой письменный столъ, за которымъ я сидѣлъ въ это время, началъ сильно колебаться, а звонки дома зазвучали будто подъ порывами сильной руки. Замѣтно было даже, что стѣны комнаты шатались во всѣ стороны и трещали, какъ снасти корабля на разъяренныхъ волнахъ моря. По этимъ признакамъ нельзя было не угадать явленія, и я выбѣжалъ изъ дому. Два удара уже были; послѣдовалъ третій, до

---

(1) По уваженію предоставленнаго публикѣ права наклеивать на письмо, вѣсомъ болѣе одного лота, нѣсколько марокъ въ одинъ лотъ, продажа двухлотныхъ и трехлотныхъ марокъ начнется нѣсколько позже, смотря по требованію публики.

того сильный, что я ожидалъ, что домъ провалится. Нѣсколько женщинъ сидѣли на полу, безсознательно прислонившись къ стѣнѣ и видѣть съ стѣною шатались туда и сюда. Между тѣмъ народъ высыпалъ изъ домовъ на улицы, и жители обращались другъ къ другу съ тревожными вопросами. Всѣ смотрѣли на Везувій, видъ котораго былъ не совсѣмъ утѣшительнъ. Гора, почитаемая спокойною, пока надъ нею раскинуто ровно облако пиній или кедровъ, мало извергала пламени, но смотрѣла мрачно и коварно. Вовсе не имѣя охоты возвратиться домой, я бродилъ по улицамъ, наполненнымъ трепещущими людьми, изъ которыхъ иные были полуодѣты, другіе въ однихъ сорочкахъ или завернувшись въ простыни, многіе разряженные, какъ вышли изъ гостей, или изъ театровъ. Всѣ площади или *larghi*, какъ называютъ ихъ въ Неаполѣ, были заставлены экипажами, наполненными дезертирами изъ домовъ. На каждаго ста шагахъ пылали огни, вокругъ которыхъ расположены были, на бивакахъ, таборы отъ пятидесяти до ста человѣкъ. Живописецъ нашелъ бы здѣсь неистощимые матеріалы для своей кисти, но увы, мысли присутствовавшихъ были въ эту минуту настроены вовсе не для эстетическихъ наблюдений. Я пошелъ съ *Riviera di Chiaia* внутрь города, и нашелъ тамъ то же тревожное смущеніе. Дворцовая площадь, *Largo di Castello* и другія пространныя площади превратились въ лагерныя поля. Сотни жителей стояли тамъ въ экипажахъ различныхъ формъ; другія сотни лежали на мостовой или тѣснились на папертахъ и крыльцахъ церквей. Позже, ночью носили по улицамъ образа святыхъ, а народъ, слѣдуя за процессіею, пѣлъ церковныя каноны. Какъ многіе дома совершенно опустѣли, воры стали пользоваться этимъ случаемъ и обирали покинутыя жилища. Чтобы устранивъ это воровство, по улицамъ ходили сильные патрули полицейской стражи, жандармовъ и войскъ; мѣстное начальство приняло всевозможныя мѣры къ сохраненію порядка. Большая часть жителей провела ночь подъ открытымъ небомъ. Утро принесло намъ снова теплую ясную погоду, которою мы пользуемся уже два или три мѣсяца. Днемъ жители города съ тревожнымъ любопытствомъ спѣшили осведомляться, что дѣлается съ ихъ родственниками въ провинціяхъ, и управленіе телеграфическихъ линий дотого было наполнено народомъ, что пришлось поставить часовыхъ. На Толедской улицѣ стояли толпы и смотрѣли на трещины нѣкоторыхъ большихъ зданій. Говорятъ, что большой колоколъ іезуитскаго монастыря звонилъ самъ собою во время колебанія земли.

• Ночь была свѣтлая и звѣздная. Первый ударъ, продолжавшійся около пяти секундъ, послѣдовалъ въ десять часовъ съ четвертью; второй, гораздо сильнѣйшій, черезъ пять минутъ послѣ этого, и продолжался двадцать четыре секунды, показавшійся цѣлымъ вѣкомъ жителямъ Неаполя. Колебаніе шло отъ сѣвера къ западу (въ другомъ описаніи ука-

зано противоположное направление) и поехало на ослепительный привалъ морскихъ волнъ. Въ каждомъ домѣ города чувствительно было колебаніе. Стѣны трещали, картины и люстры качались, а послѣднія принимали кругообразное движеніе. На колокольняхъ, гдѣ движеніе, по причинѣ ихъ возвышенности, было сильнѣе, звонили колокола, часы останавливались, часовые и прохожіе на улицахъ падали, камни валялись съ непрочнопостроенныхъ домовъ, а башня королевской обсерваторіи, на *Capo di Monte*, повреждена (въ *Times* пишутъ, что двое астрономическихъ часовъ обсерваторія остановились, прочіе же продолжали идти). По счастью не произошло въ Неаполѣ никакого важнаго бѣдственнаго случая, но трудно представить себѣ панической страхъ, овладѣвшій жителями (слѣдуетъ описаніе, какъ выше). Ладзарони и женщины кинулись въ церкви, тамъ упали на колѣни и благодарили святыхъ за спасеніе, со всею живостію мимки южно-итальянскихъ жителей. На *Largo di Castello* представлялись странныя зрѣлища. Сотни жителей толпились тамъ въ томъ видѣ, какъ вскочили съ постели, или въ самыхъ странныхъ одѣянiяхъ: женщины въ панталонахъ, мужчины въ юпкахъ. Супруга одного иностраннаго посланника, выбѣжавшая изъ своего *palazzo* вовсе безъ дипломатической скромности, рада была скрыться подъ плащомъ веттурино отъ дерзкихъ взоровъ ладзарони. Когда впрошелъ первый испугъ, начались приготовленія провести ночь *al fresco* (на свѣжемъ воздухѣ). Раскладывали пылающіе костры, нанимали кабриолеты и омнибусы за непомерныя цѣны. Хорошо тому было, кто имѣлъ собственный экипажъ. На *Riviera di Chiaia* стояли, какъ въ Крыму на Черной рѣчкѣ, два лагеря, на одномъ берегу русскій, на другомъ англійскій. Для дамъ вынесли матрацы и софы, между тѣмъ какъ мужчины вооружились противъ ночной зимней прохлады сигарями и трубками. Пріѣзжіе иностранцы и многіе изъ здѣшней *fashion* провели, изъ предосторожности, и другую ночь *sub divo*, но уже съ большимъ комфортомъ, подъ кровомъ палатокъ. Такъ отдѣлалась отъ бѣды свѣтлoneбная столица, однимъ страхомъ; за то какое тяжкое бѣдствіе постигло часть этой прекрасной страны!»

Вотъ дополнителныя свѣдѣнія о землетресеніи въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій: «Изъ Потенцы получены ужасающія извѣстія. Этотъ красивый городъ, главнѣйшій въ провинціи Базиликата, населенный десятью тысячами жителей, представляетъ теперь одну сплошную грудку развалинъ; ни одинъ домъ не уцѣлѣлъ. Домъ правителя, многія церкви, гимназія, семинарія, зданіе судебныхъ мѣстъ, кафедральный соборъ, разрушены до самаго основанія, такъ что придется перестроить ихъ вновь. Работники ближнихъ городовъ и солдаты сосѣднихъ гарнизоновъ неутомимо работаютъ въ Потенцѣ, отрывая изъ-подъ развалинъ тѣла, погребенныя подъ грузомъ. Число погибшихъ еще неизвѣстно; но по всему можно полагать, что оно до-

волею значительно. За городомъ раскинуты палатки и построены бараки, чтобы приютить лишенныхъ крова. Большие транспорты съестныхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости отправлены въ Потенцу. Общины Тето, Марсионуово, Лоренцано, Бриенца почти совершенно опустошены. Три четверти мѣстечка Вальйола завалены обломками зданий. Въ Виджано, Кальвелло, Авджи и Абриола бѣдствие это было еще ощутительнѣе. Въ Поллѣ погибло до трехъ сотъ человѣкъ, а въ Кастельнуово четыреста, не считая раненыхъ и ушибенныхъ.

Въ *le Nord* помѣщены письма изъ Неаполя отъ 21 и 22 декабря, въ которыхъ также сообщаютъ нѣкоторыя подробности землетрясенія по официальнымъ свидѣнiямъ. Въ Лангонегро было три удара въ продолженiи семи часовъ времени. Всѣ общественныя здания и частныя дома растрескались и угрожаютъ разрушенiемъ. Церковь ордена капуциновъ и здание телеграфической станци совершенно развалились. Жители вышли изъ домовъ на одну изъ площадей города. Въ Сарконе большая часть домовъ разрушена, при чемъ погибло человѣкъ тридцать жителей. Въ Лаурин, Кастелучио, Ротонда, Виджаниелло, Сант-Арканджелло, Кальвера, Сант-Мартино, бѣлая часть церквей и домовъ разрушены.

Сильный дождь, шедшій 21 числа въ цѣломъ королевствѣ, успокоилъ нѣсколько народъ, полагающій, что это ненастье предохранитъ его отъ новыхъ подземныхъ ударовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКIЯ ИЗВѢСТIЯ.

Г. Тереховъ, намѣреваясь приступить къ переводу на русскiй языкъ сочиненiя Фрезениуса «Anleitung zur qualitativen chemischen Analyse, 1856», пожелалъ, чтобы я далъ отзывъ о цѣлесообразности этого предпрiятiя, основываясь на опытности, которую я имѣлъ случай собрать въ продолженiе одиннадцати-лѣтняго преподаванiя химическаго анализа въ здѣшнемъ университетѣ.

Неумѣстно было бы повторить лишнiй разъ похвалы книгѣ, которая въ теченiе 15 лѣтъ имѣла 9 изданiй, переведена на нѣсколько европейскихъ языковъ и заслужила одобренiе со стороны ученыхъ, которыхъ мнѣнiе составляетъ авторитетъ въ наукѣ; но, исполняя желанiе г. Терехова, я позволю себѣ замѣтить, что переводъ новаго изданiя руководства Фрезениуса былъ бы, въ нашей литературѣ, явленiемъ въ высокой степени полезнымъ. Если это сочиненiе, написанное не только для тѣхъ, которые упражняются въ хи-

мическомъ анализѣ подѣ руководствомъ наставниковъ, но и для всякаго, кто находится въ необходимости приступать къ изученію химіи въ качествѣ самоучки, нѣтъ такой блестящей успѣхъ на Западѣ, то потребность въ подобномъ сочиненіи еще ощутительнѣе въ Россіи, относительно-бѣдной учебными лабораторіями.

Къ сдѣланному Фрезеніусомъ указанію явленій, непосредственно замѣчаемыхъ при употребленіи реактивовъ, г. Тереховъ предполагаетъ присовокупить теоретическое объясненіе этихъ явленій, такъ, какъ оно изложено Альвенсомъ, въ его брошюркѣ «Stöchiometrische Schemata zur «Anleitung zur qualitativen chemischen Analyse» von Dr. R. Fresenius.» Такой придатокъ, почти не увеличивающій объема книги Фрезеніуса, будетъ приятенъ для тѣхъ, которые, нуждаясь въ подобномъ объясненіи, не желаютъ развлекаться, во время экспериментальнаго изученія анализа, справками въ другихъ сочиненіяхъ.

Русскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій книги Фрезеніуса, несмотря на встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности, пользуется у насъ значительнымъ распространеніемъ. Естественное желаніе, чтобы современности перевода новаго изданія соответствовало вполне-удачное выполненіе.

Н. Лясковскій.

Спѣшимъ извѣстить читателей о выходѣ въ свѣтъ *Севастопольскаго альбома* г-на Берга и его же *Записокъ объ осадѣ Севастополя*. Даровитый авторъ составилъ себѣ почетную извѣстность своими разказами о севастоцольской жизни, во время непримѣрной осады, которой онъ былъ очевидцемъ. Теперь онъ собралъ и провѣрилъ всѣ свои замѣтки и составилъ книгу (*Записки объ осадѣ Севастополя*), которая также интересна въ литературномъ отношеніи, какъ важна въ историческомъ. Нельзя оторваться отъ этихъ увлекательныхъ разказовъ, гдѣ все дышетъ живою правдою. Можно безъ преувеличенія сказать, что *Записки* г-на Берга принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ сочиненій объ этой осадѣ, появившихся на всѣхъ языкахъ, и составляющихъ обширную литературу. Книга г-на Берга снабжена картами и планами, которыя облегчаютъ и поясняютъ ея чтеніе. Чтоже касается до *Севастопольскаго альбома*, онъ составляетъ особое изданіе, и изданіе, должно сказать, великолѣпное. Оно состоитъ изъ 37 литографическихъ рисунковъ, сдѣланныхъ по фотографическимъ снимкамъ, представляющихъ разнообразныя сцены и виды въ Севастополѣ и подѣ Севастополемъ. Рисунки исполнены прекрасно. Г. Бергъ, какъ видно, не щадилъ усилій издать свой альбомъ въ самомъ достойномъ видѣ и воспользовался для этого всеми средствами. Рисунки сопровождаются текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Обѣ книги какъ *Записки*, такъ и *Альбомъ* принадлежатъ гг. Щепкину и Солдатенкову.

ВЪ КОНТОРЪ
ТИПОГРАФІИ БАТБОВА и Б^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. 2 тома. М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БИОГРАФЪ—ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 70 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга I, изд. 2-е. Москва, 1857. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже книга II, изд. 2-е. М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Тоже кн. IV. М. 1854. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже кн. V. М. 1856 г. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Прим. Книга 3-я «Пропилеевъ» выйдетъ 2-мъ изданіемъ въ непродолжительномъ времени.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Кудрявцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛИИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ. Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Соч. С. Ешевскаго. М. 1855. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. с.

О КАПЕРАХЪ и ПРИЗОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ, въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Д. Каченовскаго. Москва. 1855. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вязьинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

TASCITI AGRICOLA. Вновь пересмотрѣнный текстъ съ примѣчаніями другихъ и своими изд. Др. Д. Крюковъ. М. 1837. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ANDEUTUNGEN über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebeier. Von Dr. D. Pellegrino. Leipzig. 1842. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ДЕРЕВО. Ученныя изслѣдованія надъ внутреннимъ строеніемъ
и жизнью высшихъ растений. Соч. Д. Германа Шахта, пер. съ нѣм.
Я. Каляновскаго и А. Богданова. М. 1857. Съ 6 табл. иллюминов.
рисунокъ и 48 полит. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА Оренбургской губерніи.
С. Аксакова. Съ политипажами и примѣчаніями проф. К. Рулье. Изд.
3-е. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОПЫТЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ Кивешемскаго земле-
дѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губер. С. Дмитриева,
члена Императ. Вольн. Эконом. Общ., въ 4 д. М. 1855. Ц. 2 р. 50
к., съ пер. 3 р.

ДНЕВНИКЪ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Рос-
сіи въ царствов. Петра Великаго, съ 1721—1725 г. Пер. съ нѣм.
И. Аммонъ, ч. 1-я 1721 г. М. 1857. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
25 коп.

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской гу-
берніи. Графа Н. С. Толстаго. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

О ВЫСШЕМЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ, въ Западной
Европѣ. Соч. А. Ершова. М. 1857. Ц. 25 к., съ пер. 60 к.

СБОРНИКЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, для межевыхъ учеб-
ныхъ заведеній, состав. А. Ломовскимъ. М. 1857. Ц. 1 р. 50 коп.,
съ перес. 2 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV
столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Г. Визинскаго. М. 1857. Ц.
2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ, съ 4 карт. и 5 полит.
Н. Разумова. М. 1857. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

Стихотворенія **ПОЛЕЖАЕВА**, съ портретомъ автора и статью В. Бѣлинскаго. Изд. Солдатенкова и Щепкина. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Стихотвореніе **КОЛЬЦОВА**, съ портретомъ автора и статью В. Бѣлинскаго. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классич. древности. Изд. П. Леонтьевымъ. Книга 2-я, изд. 2-е. М. 1857. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., то жъ т. 1, 3, 4 и 5. Ц. 3 р. 50 к., за перес. каждаго по 50 к.

ПИСЬМА О ХИМИИ Ю. Либиха. Полный переводъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ 33 писемъ Либиха, съ послѣдн. нѣмецкаго изданія. 535 стр. убористой печати. М. 1856. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОХОДЪ АѢИЯНЪ въ Сицилію и осада Сиракузъ (съ мая 415 до сентября 413 г. до Р. Х.). Соч. В. Ведрова; съ планомъ Сиракузъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРИЯ РУССКАГО ЛѢСНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. Николая Шелгунова. Одобрена спец. по лѣсн. части комитетомъ при мин. госуд. имущ. Спб. 1857. Ц. 2 р., съ пер., 2 р. 50 к.

Новѣйшія и замѣчательнѣйшія **МОНОГРАФІИ** по части врачебныхъ наукъ. Изд. д. медиц. С. Ловцовымъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

ОБЩЕПОЯТНОЕ РУКОВОДСТВО къ практическому сельскому хозяйству. Соч. П. Преображенскаго. Часть VI и послѣдняя. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. То жъ т. 1, ц. 2 р.; 2, 3, 4 и 5. Цѣна каждому 2 р. 50 к., за пер. каждаго 50 к.

ЖИЗНЬ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. Спб. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПѢСНЬ о ПОЛКУ ИГОРЕВЪ, перевод. на украинское нарѣчіе М. Максимовичемъ. Кіевъ, 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КАРТА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ, составл. чинами межеваго корпуса и издана Импер. Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ДѢТСКАЯ УЧЕБНАЯ КНИЖКА или **НОВАЯ АЗБУКА**, составленная изъ картинокъ. Съ 32 литограф., иллюминирован. карт., въ красивой папкѣ. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Адресъ: въ Москву, комиссіонеру
Ефоду Осиповичу Свѣшникову.

JOURNAUX POUR 1858

CHEZ

C. H. URBAIN

Libraire-commissionnaire de l'Université Impériale de Moscou,

au pont des Maréchaux, maison du Prince Galitzine.

	Prix pour	
	Moscou	l'intérieur
	R. C.	R. C.
Annales de chimie et de physique, 12 N ^o N ^o	12 »	13 50
Annales (Nouvelles) de la construction	7 »	10 »
Annales (Nouvelles) des voyages, 12 N ^o N ^o	13 »	14 50
Atlas des machines, appareils anciens et nouveaux employés dans les différents genres de l'industrie, par Petit Colin et Chaumon, pour 10 livraisons.	10 »	13 »
Belgique horticole, 12 N ^o N ^o	6 »	7 50
Bibliographie de la France, 52 N ^o N ^o	8 »	9 50
Brodeuse (la), 12 N ^o N ^o	9 »	10 50
Bulletin du bibliophile, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Cendrillon, 12 N ^o N ^o	3 »	4 50
Conseiller des dames, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Cosmos, recueil des progrès des sciences	9 »	11 »
Cours familial de littérature, par Lamartine 12 N ^o N ^o	10 »	12 »
Echo des feuilletons, 12 N ^o N ^o	3 50	5 »
Ecole de dessin, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Encyclopédie d'architecture, 12 N ^o N ^o	10 »	12 »
Flore des terres et des jardins, 12 N ^o N ^o	15 »	18 »
Foyer domestique, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Garde-meuble, fig. col.	16 »	18 »
Gazette et revue musicale.	10 »	12 »
Gazette médicale de Paris.	17 »	20 »
Génie industriel, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Iconographie (Nouvelle) des camélias, 12 N ^o N ^o	12 »	13 50
Illustration, journal universel, 52 N ^o N ^o	13 »	16 »
Illustration horticole, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Ingénieur (I')	7 »	9 »
Journal d'agriculture pratique, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Journal des chasseurs, 24 N ^o N ^o	15 »	18 »
Journal (Nouveau) des connaissances utiles, 12 N ^o N ^o	4 »	5 50
Journal des dames, 12 N ^o N ^o	6 »	7 50
Journal des dames et des demoiselles, 1-re édition	5 50	7 »
Le même, 2-e édition	4 »	5 50

	Prix pour	
	Moscou l'intérieur.	
	R. C.	R. C.
Journal des demoiselles, 12 №№	3 50	5 »
Journal des économistes, 12 №№	15 »	18 »
Journal des enfants, 12 №№	4 »	5 50
Journal des jeunes personnes, 12 №№.	5 »	6 50
Journal pour tous	5 »	7 »
Lumière (la), revue de la photographie, 5 №№	8 »	10 »
Magasin des demoiselles, 12 №№	5 »	6 50
Magasin pittoresque, 12 №№.	3 50	5 »
Modes parisiennes, 36 №№	12 »	14 »
Modes vraies, 12 №№.	3 »	4 50
Monde illustré	9 »	12 »
Moniteur de la mode, 36 №№	12 »	14 »
Moniteur des demoiselles, 12 №№	5 »	6 50
Musée des familles, 12 №№	3 50	5 »
Nouveau portefeuille de l'ingénieur des chemins de fer par Perdonnet, pour 6 livr.	42 »	48 »
Psyché (la), 12 №№	7 »	9 »
Portefeuille de John Cockerill, 12 №№.	12 »	15 »
Publication industrielle, par Armangaud, 10 №№	12 »	15 »
Revue générale de l'architecture, 12 №№	17 50	20 »
Revue britannique, édit. de Paris, 12 №№	20 »	23 »
Revue britannique, Bruxelles, 12 №№	12 »	15 »
Revue contemporaine, 24 №№	20 »	24 »
Revue des deux mondes, 24 №№	20 »	23 »
Revue étrangère avec modes	23 »	23 »
La même, sans modes	19 »	19 »
Revue horticole, 24 №№	4 »	5 50
Revue mensuelle, 12 №№	10 »	13 »
Revue de Paris	17 »	20 »
Revue de thérapeutique médico-chirurgicale	5 »	6 50
Revue universelle des mines, de métallurgie etc., 6 №№	12 »	14 »
Semaine des enfants	3 »	4 50
Technologiste (le), 12 №№	8 »	9 50
Tribune (la) judiciaire	5 »	7 »
ВѢСТНИКЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ	6 »	8 »

JOURNAUX POUR 1858

CHEZ

W O L D E M A R G A U T I E R

LIBRAIRE-IMPRIMEUR

COMMISSIONNAIRE DU PREMIER CORPS DES CADETS DE MOSCOU ET DE LA BIBLIOTHÈQUE

PUBLIQUE DE TIFLIS,

à MOSCOU

AU PONT DES MARÉCHAUX, MAISON TORLETZKY.

Revue Etrangère de la littérature, des sciences et des arts, avec 56 gravures colorées avec port 25 r. La même sans modes, avec port 19 r.

	Prix pour	
	Moscou.	l'intér.
	R. C.	R. C.
A. Agriculture.		
Agriculteur praticien. Revue d'agriculture	2 75	3 75
Annales d'agriculture française	7 50	8 50
Draineur (le). Indicateur des améliorations agricoles	6 —	7 —
Génie rural (le). Bibliothèque-Album de l'Ingénieur agricole	7 —	8 —
Journal d'agriculture pratique	7 50	8 50
Moniteur agricole. Journal des cultivateurs	6 —	8 —
B. Archéologie.		
Revue archéologique	10 —	11 —
C. Architecture.		
Encyclopédie d'architecture	10 —	12 —
Revue générale d'architecture et des travaux publics	18 —	20 —
D. Chasse.		
Journal des chasseurs	15 —	17 —
E. Chemins de fer.		
Journal des chemins de fer	6 —	8 —
F. Chimie.		
Annales de chimie et de physique	12 50	13 50
Journal de chimie médicale	6 50	7 50
G. Métier du coiffeur.		
Journal des coiffeurs	5 —	6 —
H. Dessin.		
L'école de dessin	8 —	9 —
I. Journal des économistes	15 —	17 —
K. Géologie.		
Bulletin de la société géologique de France	12 50	13 50
L. Géographie.		
Bulletin de la société de géographie	5 —	6 50
Journal illustré des voyages et des voyageurs	4 —	6 —
Annales (nouvelles) des voyages et des voyageurs	12 —	14 —
M. Haras.		
Journal des haras, des chasses, des chevaux	15 —	17 —
N. Horticulture.		
Annales de la société centrale d'horticulture de France	6 50	7 50
Belgique horticole (la)	6 —	7 —
Flore des serres et des jardins de l'Europe, sous la direction de van Houtte	15 —	17 —

	Prix pour	
	Moscou. R. C.	l'intér. R. C.
Iconographie (nouvelle) des camélias	10 —	12 —
Journal des fleurs	7 —	8 —
Journal d'horticulture pratique de la Belgique	3 —	4 —
Revue horticole	4 —	5 —
<i>O. Industrie en général.</i>		
Bulletin de la société d'encouragement	14 —	16 —
Génie industriel	8 —	9 —
Moniteur industriel	12 —	14 —
Portefeuille de John Cockerill ou description des machines. 12 N ^o in folio par an	10 —	13 —
Publication industrielle des machines etc. (Armengaud)	12 —	14 —
Technologiste (le)	8 —	9 —
<i>P. Science de l'ingénieur.</i>		
Ingenieur (l'). Revue scientifique et critique des travaux publics	8 —	9 —
Revue universelle des mines	12 50	14 —
Annales des ponts et chaussées	9 —	10 —
<i>Q. Jurisprudence.</i>		
Jurisprudence générale	14 —	16 —
Revue de législation et de jurisprudence	8 —	9 —
<i>R. Magnétisme.</i>		
Journal du magnétisme	5 —	6 —
<i>S. Mathématique.</i>		
Annales (nouvelles) de mathématique	5 —	6 50
Journal de mathématiques pures et appliquées	14 —	15 —
<i>T. Médecine.</i>		
Abeille médicale	2 50	3 50
Annales d'hygiène publique et de médecine légale	7 —	8 —
Archives générales de médecine	9 —	11 —
Bulletin de l'Académie de médecine	6 —	7 50
Bulletin de la société anatomique	3 —	4 —
Bulletin général de thérapeutique	8 —	10 —
Encyclographie médicale	23 50	26 50
Gazette des Hopitaux civils et militaires	14 —	16 —
Gazette médicale de Paris	15 —	18 —
Journal de médecine et chirurgie pratique	4 50	6 —
Médecin de la maison (le)	3 50	5 —
Revue médicale	8 —	9 —
Revue de thérapeutique médico-chirurgicale	5 —	6 —
Santé universelle (la)	3 —	4 —
Union médicale (l')	14 —	16 —
<i>U. Science militaire.</i>		
Journal des sciences militaires	20 —	22 —
<i>V. Musique.</i>		
Revue et gazette musicale	10 —	12 —
<i>X. Numismatique.</i>		
Revue numismatique	7 —	8 —
<i>Y. Peinture.</i>		
Journal-manuel de peintures appliqués aux décorations de monuments	10 —	11 —
<i>AA. Pharmacie.</i>		
Journal de pharmacie et de chimie	6 —	7 —
<i>BB. Philosophie et philologie.</i>		
Journal des savans	16 —	18 —
Journal asiatique	12 —	13 —
<i>CC. Sciences naturelles en général.</i>		
Annales des sciences naturelles	16 50	18 —
Bibliothèque universelle de Genève	20 —	22 —

	Prix pour	
	Moscou. l'intér.	
	R. C.	R. C.
DD. Métier du tailleur.		
Coupeur (le). Journal des tailleurs	3 50	4 50
Journal des tailleurs. Paraissant le 1-er et le 15 de chaque mois.	9 —	11 —
EE. Art vétérinaire.		
Recueil de médecine vétérinaire.	6 —	7 —
FF. Zoologie.		
Revue et magasin de zoologie.	9 —	11 —
Bulletin mensuels de la société impériale zoologique d'acclimatation. Paraissant tous les mois à partir de janvier par cahiers in-8.	6 —	7 —
<i>Le même.</i> Les années 1854 à 56 (tome I à III.) à.	6 —	

JOURNAUX DES FAMILLES, etc.

Artiste (l'). Revue de Paris. Beaux arts.	20 —	22 —
Bibliothèque de l'école des chartes	5 —	6 —
Bulletin du bibliophile belge publié par Heussner	5 —	6 50
Bulletin du bibliophile. Revue mensuelle publ. par I. Techener.	7 —	8 —
Bulletin du bouquiniste.	2 50	3 50
Cours familial de littérature par M. de Lamartine	10 —	12 —
Echo des feuilletons. Journal littéraire, illustré	3 50	4 50
Etoile (l'). Journal des familles	5 —	6 —
Figaro (le). Théâtre, semaine littéraire, contes, nouvelles	15 —	17 —
Illustration (l'). Journal universel	13 —	16 —
Journal amusant, ancien journal pour rire	8 —	9 —
Magasin pittoresque	3 50	4 50
Monde (le) illustré. Journal hebdomadaire	8 —	11 —
Musée (le) universel.	3 50	4 50
Musée des familles.	3 50	4 50
Omnibus (l'). (Ancien journal littéraire.)	4 —	6 —
Revue britannique. (Edit. de Paris.)	15 —	17 —
Revue britannique. (Edit. de Bruxelles.)	10 —	12 —
Revue critique des livres nouveaux.	3 50	4 50
Revue des deux mondes.	20 —	22 —
<i>La même; grand edit.</i>	25 —	27 —
Revue contemporaine et Athénæum français.	20 —	22 —
Revue mensuelle de la littérature et des arts	9 —	10 —
Revue de Paris, édit. de Paris.	20 —	24 —
Eylenspiegel. Journal des ébats artistiques et littéraires.	10 —	13 —
Voleur (le) illustré.	3 —	5 —

JOURNAUX DES DAMES.

Brodeuse (la). Journal spécial des travaux de femmes.	8 —	9 —
Cendrillon. Encyclopédie de tous les travaux de dames.	3 —	4 —
Corbeille (la). Journal de modes, donnant les modes nouvelles.	4 —	5 —
Conseiller des dames (le).	5 —	6 —
Courier (Petit) de dames.	12 50	14 50
Follet (le), courrier des salons.	11 —	14 —
Foyer domestique (le). Journal complet de la famille.	5 —	6 —
Guirlande (la) (en russe).	13 50	15 50
Journal des dames.	5 —	6 —
Journal des dames et des demoiselles. Edit. avec complément.	5 —	6 —
<i>Le même sans complément.</i>	4 —	5 —
Mode (la) nouvelle	12 —	15 —
Modes parisiennes.	12 —	14 —
Modes vraies	3 50	4 50

	Prix pour	
	Moscou.	l'intér.
	R. C.	R. C.
Moniteur des dames et des demoiselles	5 —	6 —
Moniteur de la mode	10 —	12 —
Patrons modèles parisiens. Journal des couturières en robes.	3 50	4 50
Patrons modèles de la lingerie parisienne	3 50	4 50
Sylphide (la). Revue parisienne.	15 —	17 —

JOURNAUX POUR LES JEUNES PERSONNES ET POUR LES ENFANTS.

Journal des demoiselles.	5 —	6 —
2-e édition de Paris, petit in-8, avec gravures	3 50	4 50
Journal des enfans et conseiller des enfans	3 50	4 50
Journal des jeunes personnes	5 —	6 —
Magasin des demoiselles	5 —	6 —
Semaine (la) des enfans	3 —	5 —
Magasin (le) de la jeunesse chrétienne	3 —	4 —

Творения Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавлениями духовнаго содержанія, издаваемые при Московской Духовной Академіи . . . . . — — 5 —

Les personnes de l'intérieur sont priées de m'envoyer, pour l'abonnement à l'un ou plusieurs des journaux ci-dessus, le montant du prix marqué en marge. Je leur donne l'assurance que je ferai tout ce qui est en mon pouvoir pour les satisfaire à tous les égards.

Mon cabinet de lecture est fourni de tout ce qui se publie d'intéressant et de nouveau en fait de romans, et ma librairie offre un choix *de tout ce qui paraît en fait de livres français permis*, ainsi qu'un assortiment de livres anglais, grecs, latins, italiens, allemands, espagnols et polyglottes.

Je me charge de toutes les commissions et expéditions de librairie pour l'intérieur, et de faire venir de l'étranger pendant toute la *durée de la navigation prochaine à 35 cop. le franc* tous les ouvrages permis que l'on ne pourrait pas se procurer ici.

Les personnes qui désirent recevoir les susdits journaux en janvier 1858 doivent s'abonner dans le courant de novembre 1857.

Adresse: Владиміру Ивановичу Готье, въ Москвѣ.

W. Gautier.

285

JOURNALE FÜR 1858,
BEI
DEUBNER & HOFF,
BUCHHÄNDLER IN MOSKWA,
Schmiedebrücke im Hause Wargin.

Ueber die medicinischen und naturwissenschaftlichen Zeitschriften wird ein besonderes Verzeichniss auf Verlangen übersandt.	Preis	
	für Moskwa,	mit Ueber- sendung.
Annalen der Physik und Chemie, 12 Hefte.	14 —	17 —
Archiv für Artillerie und Ingenieur-Offiziere, 6 H.	6 —	8 —
Archiv für wissenschaftl. Kunde Russlands, 4 Hefte	8 —	10 —
Ausland, 52 N ^o s	14 —	17 —
Bauzeitung, 12 Hefte	16 50	20 —
Bazar. Illustrierte Damenzeitung, 52 N ^o s	4 —	7 —
Blätter, rheinische für Erziehung u. Unterricht 6 H.	4 —	6 —
Blätter, für literarische Unterhaltung, 12 Hefte. .	18 —	21 —
Centralblatt, polytechnisches, 24 Hefte	14 —	17 —
Civil-Ingenieur, 8 Hefte	11 —	14 —
Damenkleider-Magazin, 12 N ^o s	1 60	4 —
Dorfbarbier, illustrirter, 52 N ^o s	2 —	5 —
Echo, Berliner Musikzeitung, 52 N ^o s	3 —	6 —
Eisenbahn-Zeitung, 52 N ^o s	6 —	8 —
Europa. Chronik der gebildeten Welt, 12 Hefte	6 —	9 —
Familienbuch, illustr., 12 H. mit 36 Stahlstichen	6 —	9 —
Frauenzeitung für weibliche Arbeiten, 24 N ^o s . .	3 —	6 —
Gallerie für Malerei und Sculptur, 12 Hefte mit 36 Stahlstichen	18 —	21 —
Gartenlaube. Familienblatt, 52 N ^o s	3 —	6 —
Gerson's Modezeitung, 24 N ^o s	6 —	9 —
Gewerbezeitung, 8 Hefte	8 —	10 —
Hausblätter. Von Hackländer. 24 Hefte	7 20	10 —
Jahrbücher, Heidelberger, der Literatur, 12 Hefte	10 —	13 —
Jahrbücher f. Philologie und Pädagogik, 12 Hefte	13 50	16 —
Jahrbücher f. Turnkunst, 4 Hefte	3 —	4 —
Jahresbericht der Chemie. Von Liebig, 2 Heft. .	6 —	8 —
Journal für Chemie, 24 Hefte	12 —	15 —
Journal, photographisches, 24 N ^o s	8 —	10 —
Journal, polytechnisches, 24 Hefte	14 —	17 —
Journal für Stickerei, 12 Hefte	4 50	7 —
Jugendalbum, 12 Hefte. Mit Bildern	3 60	6 —
Jugendfreund, 12 Hefte. Mit Bildern	3 —	5 —

Kosmos. Zeitschrift f. Naturwissensch., 12 N ^o N ^o	9 —	12 —
Militär-Literaturzeitung, 8 Hefte	6 —	8 —
Militärzeitung, 12 Hefte	7 —	10 —
Mittheilungen aus d. Gebiete d. Geographie, 12 H.	6 —	9 —
Modezeitung, 52 N ^o N ^o mit 52 Extrakupfern	12 —	15 —
Monatschrift, pädagogische, 12 Hefte	4 50	7 —
Morgenblatt, 52 N ^o N ^o	12 —	15 —
Musikzeitung, rheinische, 52 N ^o N ^o	3 —	5 —
— — Wiener, 52 N ^o N ^o	4 —	6 —
Musterzeitung f. weibl. Arbeiten, 24 N ^o N ^o	3 —	6 —
Novellenzeitung, 52 N ^o N ^o	8 —	11 —
Organ f. Eisenbahnwesen, 6 Hefte	5 25	8 —
Payne's Universum, 36 Hefte m. 108 Stahlstichen	18 —	23 —
Penelope. Musterzeitung f. weibl. Arbeiten, 12 N ^o N ^o	1 80	4 —
Philologus. Zeitschrift f. d. klassische Alterthum, 4 Hefte	7 50	9 —
Repertorium d. deutschen und ausländ. Literatur 24 Hefte	15 —	18 —
Revue. pädagogische, 12 Hefte	10 50	14 —
Schachzeitung, Berliner, 12 Hefte	4 50	7 —
Schulzeitung, 12 Hefte	8 —	11 —
Signale für die musikalische Welt, 52 N ^o N ^o	3 —	5 —
Töchter-Album, 12 Liefgn mit Bildern, 12 Hefte	3 —	5 —
Unterhaltungen am häuslichen Herde, 52 N ^o N ^o	4 —	7 —
Vierteljahrsschrift, deutsche, 4 Bde	11 —	13 —
Welt, die illustrierte, 12 Hefte	3 —	6 —
Westermann's illust. Monatshefte, 12 Hefte	6 —	9 —
Zeitschrift für Erdkunde, 6 Hefte	4 50	7 —
Zeitschrift für Gymnasialwesen, 12 Hefte	7 50	10 —
Zeitschrift für Kriegswissenschaft, 9 Hefte	7 50	10 —
Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte, 12 H.	8 —	11 —
Zeitschrift für Mathematik und Physik, 6 Hefte . .	6 75	9 —
Zeitschrift, Leipziger, für Musik, 52 N ^o N ^o	7 —	10 —
Zeitschrift für deutsche Mythologie, 3 Hefte . . .	4 —	5 —
Zeitung, berg- und hüttenmännische, 52 N ^o N ^o . .	7 50	10 —
Zeitung, botanische, 52 N ^o N ^o	8 50	11 —
Zeitung, illustrierte	12 —	15 —
— — — — —		
Pianoforte. Sammlung von Original Compositionen von F. Liszt, Dreyschock, Heller, Kullak, Mayer, Rubinstein, Schulhoff, &c., 12 Hefte	4 50	7 —

У КНИГОПРОДАВЦА
Ө. О. СВЪШНИКОВА,

Коммиссiонера Императорскаго Московскаго Университета,
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Мо-
сковскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

- 1) университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Универси-
тетской типографіи;
  - 2) на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,
- принимается подписка на имѣющіе издаваться, въ 1858 году,

РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ:

	Цѣна	
	съ перес.	сер.
	Р.	К.
Библіотека для Чтенія, изд. Дружиннымъ, 12 книгъ съ 12 парижск. карт.	16	50
Библіотека Медицинскихъ наукъ, изд. Д. Ханомъ, 12 кн.	14	—
Библіотека для дѣтъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, 50 кн.	10	—
Ваза, журналъ вышиванья, моды, хозяйства, 12 № №, съ прилож. начат. работъ	11	—
Военный Журналъ, 6 гн.	3	50
Военномедицинскій Журналъ, 4 кн.	5	50
Воскресное Чтеніе, изд. Кіевскою Духовною Академіею.	6	—
Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Обще- ства. 6 кн.	6	50
Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ, изд. московскимъ обще- ствомъ испытателей природы, 26 номеръ съ рисун. Ц. въ Мос въ 6 р.	8	—
Гирлянда, Журналъ новѣйшихъ образцовъ для шитья и вышиванія. 12 тетр.	13	50
Другъ Здравія, Пародно-Врачебная Газета, еженед.	7	25
Живописная Русская Библіотека, изд. К. Полевымъ, 52 № въ годъ	11	50
Журналъ для дѣтей, 12 кн.	6	50
Журналъ для воспитанія, изд. А. Чумиковымъ. 12 кн.	8	—
Журналъ для Акціонеровъ, еженед. газета	6	—
Журналъ Сельскаго Хозяйства и Овцеводства, 12 кн., въ Москвѣ 3 р.	4	50
Журналъ Садоводства, изд. Росс. Общ. Любит. Садов., 12 кн. съ иллюм. рисун., въ Москвѣ 10 р.	11	50
безъ рисун. 5 р.	6	50
Журналъ Минист. Государств. Имущ. 12 кн.	8	50

	Цѣна	
	съ перес. сер.	
	Р.	К.
Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія 12 кн.	13	50
Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній	6	—
Живописный Сборникъ, 12 тетр.	6	—
Звѣздочка, дѣтскій журналъ, 12 кн.	6	50
Кавказъ, Тифлисская Газета, два раза въ недѣлю	12	50
Коммерческая Газета, три раза въ недѣлю	7	50
Листокъ для всѣхъ, изд. Бурнашевымъ	4	—
Лучи, 12 кн. въ годъ	7	50
вмѣстѣ съ Звѣздочкою	12	50
Мода, Журналъ для свѣтскихъ людей. 24 № съ прилож.	10	—
Московский Врачебный Журналъ, изд. А. И. Полунинымъ, 6 кн., въ Москвѣ 5 р.	6	50
Московская Медицинская Газета, изд. О. И. Иноземцевымъ и С. А. Смирновымъ, еженед. въ Москвѣ 4 р. 50 к.	6	—
Московскія Вѣдомости три раза въ недѣлю	11	75
Молва, Литературная Газета, еженед. въ Москвѣ	3	—
Морской Сборникъ, еженѣсячно	6	50
Музыкальный свѣтъ, 12 тетр.	13	50
Нувеллистъ, 12 тетр.	11	50
Общезанимательный Вѣстникъ, 24 №№ въ годъ.	8	—
Отечественныя Записки, изд. А. Краевскимъ. 12 книгъ съ картинами.	17	—
безъ картинъ.	16	—
Православный Собесѣдникъ, изд. Казанскою духовною академіей 4 книги	5	50
Русская Бесѣда, 4 т. въ годъ, въ Москвѣ 7 р. 50 к.	8	50
Русскій Вѣстникъ, изд. М. Катковымъ. 24 книги, въ Москвѣ 15 р.	16	50
Русскій Инвалидъ, ежедневная газета	16	—
Сандрилона, 12 тетр. въ годъ, въ Москвѣ 3 р.	4	50
Современникъ, изд. Некрасовымъ и Панаевымъ, 12 кн.	16	50
Собраніе иностранныхъ романовъ, въ перев. на русс. языкъ, 12 книгъ.	9	—
С.-Петербургскія Вѣдомости, ежедневн. газ. съ прибавл.	18	—
безъ прибавл.	16	—
Сѣверная Пчела, ежедневная газета	16	—
Сѣверный Цвѣтокъ, 12 тетр. съ приложеніями.	10	—
Сынъ Отечества, еженедѣльно.	6	—
Творенія Св. Отецъ, изд. Москвск. духовн. акад. 4 кн.	5	—
Христіанское Чтеніе, изд. Спб. духовн. акад. 12 книгъ.	7	65
Художественный Листокъ, изд. В. Тиммомъ, не сложенный.	12	—
Часть досуга, журналъ для юношества.	9	—
Экономическій Указатель, изд. Вернадскимъ, еженедѣльно.	7	—

Господа иногородные, желающіе получать въ 1858 году выше-означенные журналы и газеты, благоволятъ высылать свои требованія заблаговременно въ Москву, на имя *коммиссіонера, книгопродавца Федора Осиповича Свѣшニコва*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ

АКЦІОНЕРОВЪ,

ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ недавняго времени духъ ассоціаціи повѣялъ на Россію. Съ каждыиъ годомъ являюся разнородныя промышленныя товарищества на паяхъ или компаніи на акціяхъ, оживляя ея промышленныя силы и содѣйствуя развитію народнаго богатства. Но чѣмъ болѣе акціонерныя товарищества увеличиваются въ числѣ, пріобрѣтаютъ значенія и проникаютъ во всѣ отрасли промышленной и торговой дѣятельности, тѣмъ настоятельнѣе представляется необходимость подвергать дѣйствія этихъ учреждений суду общественнаго мнѣнія. Существенное условіе правильнаго развитія промышленныхъ товариществъ заключается въ публичности ихъ дѣйствій, которая состоитъ въ сообщеніяхъ, отъ времени до времени, точныхъ данныхъ *«не объ одной дѣятельной, но и страдательной сторонѣ предпріятія, — не объ одной свѣтлой, но и темной сторонѣ его»*. Подобная гласность, охраняя интересы акціонеровъ, представляетъ нѣкоторымъ образомъ публичный контроль такого рода учреждений.

Журналъ для акціонеровъ, специально посвященный цѣли и дѣйствіямъ промышленныхъ товариществъ, составляетъ естественный органъ подобной гласности: — въ немъ сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, касающіяся до акціонерныхъ компаній, въ немъ совмѣщается публичность всѣхъ дѣйствій, отчетовъ и объявленій разныхъ обществъ и безпристрастная ихъ оцѣнка. Мѣра сочувствія, оказаннаго публикою этому журналу, еще совершенно новому въ нашей отечественной литературѣ, объясняется тѣмъ, что число подписчиковъ возрастаетъ съ каждыиъ днемъ, несмотря на истекающій годъ.

Подписка на 1858 годъ открыта съ 20 сентября нынѣшняго гола. Журналъ для акціонеровъ будетъ выходить еженедѣльно и издаваться въ будущемъ 1858 году по прежней программѣ, подъ тою же редакціею и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ. Форматъ журнала измѣнится на болѣе удобный для чтенія. Всѣ подписчики получаютъ двѣ карты желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ: а) *Европы (безъ Россіи)* и б) *Россіи*; тѣмъ, кои не участвовали въ подпискѣ на изданіе 1857

года, будутъ выданы всѣ уставы обществъ, вышедшіе въ нынѣшнемъ году особыми книжками, въ томъ только случаѣ, если они подпишутся до 1 января 1858 года.

Уставы отпечатаны особыми книжками слѣдующіе: 1) Русскаго общества пароходства и торговли, 2) Главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, 3) Перваго Рижскаго морскаго страховаго общества, 4) Страховаго отъ огня товарищества «Саламандра», 5) Товарищества донскаго пароходства, 6) С.-Петербургской компаніи подъ фирмою «Надежда», для морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія и для транспортированія кладей, 7) Общества заводской обработки животныхъ продуктовъ, 8) Товарищества Суксунскихъ горныхъ заводовъ, 9) Общества «Меркурій» срочнаго пароходства по Волгѣ, Окѣ, Камѣ и ихъ притокамъ, 10) Волховскаго легкаго буксирнаго и каботажнаго общества, подъ названіемъ «Пароходство по Волхову», 11) Петергофской желѣзной дороги, 12) Общества для приготовления продовольственныхъ и разныхъ животныхъ веществъ, а также и торговли ими, 13) Общества Сампсоніевской механической мануфактуры и 14) Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажныхъ издѣлій.

Остальные уставы русскихъ компаній выйдутъ особыми книжками въ теченіи 1857 и 1858 гг.

Каждый подписчикъ пользуется правомъ обращаться въ Контору Редакціи со всякаго рода вопросами по предмету дѣйствій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ компаній, на которые отвѣты сообщаются или въ самомъ журналѣ подъ буквами и нумерами, указанными въ письмахъ, или особыми письмами по почтѣ.

Подписчикамъ своимъ, желающимъ купить или продать акціи русскихъ и иностранныхъ компаній, Контора Редакціи сообщаетъ безвозмездно, на какое количество акцій есть покупщики или продавцы и по какой цѣнѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Конторѣ Редакціи, на Загородномъ проспектѣ, на углу Ивановской улицы, въ домѣ Адарида; въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта и въ книжномъ магазинѣ г. Дюфура; — въ Москвѣ: въ временной Конторѣ Редакціи, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Коваленкова; у книгопродавца Готье и въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

Редакція принимаетъ полную ответственность за исправное доставленіе только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ указанныхъ ею въ этомъ объявленіи мѣстахъ.

Годовая цѣна остается та же: безъ доставки 4 р. 50 к., съ доставкою на домъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ губерніи 6 р.

Издатель-редакторъ К. ТРУБНИКОВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЭКОНОМИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ.

«Экономическій Указатель» оканчиваетъ первый годъ своего существованія. Успѣхъ его въ это короткое время превзошелъ ожиданія Редакціи. Сочувствіе къ его направленію и къ его идеямъ въ публикѣ выразилось безпрестанно-увеличивающимся числомъ подписчиковъ и постоянною поддержкою со стороны сотрудниковъ, частью даже неизвѣстныхъ лично редакціи. Въ настоящее время журналъ имѣетъ болѣе *двухъ тысячъ подписчиковъ* и около *200 статей*, готовыхъ къ печати.

Такое относительно-благопріятное положеніе дѣлъ редакція не ставитъ себѣ въ заслугу. Она приписываетъ это той несомнѣнной жаждѣ знанія, которая высказывается во всѣхъ слояхъ общества въ великой Россіи, и той силѣ првлеченія, которою одарена каждая вѣрная мысль, каждое истинное знаніе, въ народѣ, полномъ свѣжихъ силъ и достойномъ высокой будущности.

Но, съ другой стороны, даже незаслуженный успѣхъ обязываетъ всякаго добросовѣстнаго исполнителя къ новымъ усиліямъ, къ большому старанію быть достойнымъ довѣрія общества и удовлетворить справедливымъ его требованіямъ. Этимъ только онъ можетъ доказать и свою способность служить обществу и пониманіе его интересовъ. Съ этою цѣлю редакція уже распространила свою программу, о чемъ въ свое время и извѣщала своихъ читателей; эта программа, расширенная противъ прошлогодней, состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1. статьи теоретическія, разсматривающія вопросы изъ области политической экономіи (народнаго хозяйства) и статистики (государствовѣдѣнія), а также ихъ исторіи;

2. статьи, имѣющія въ виду болѣе или менѣе обработанное изложеніе статистическихъ данныхъ, касающихся какъ Россіи, такъ и другихъ странъ;

3. библиографія, представляющая отчетъ объ экономическихъ и статистическихъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, и наконецъ

4. статьи и замѣтки, относящіяся къ вспомогательнымъ наукамъ политической экономіи и статистики, входящимъ въ кругъ такъ-называемыхъ кзмеральныхъ и техническихъ наукъ, также текущія свѣдѣнія по этимъ наукамъ и историческія о нихъ изысканія.

Такимъ образомъ въ кругъ изданія, кромѣ законовъ благоустройства и благочинія или полицейской науки, и финансоваго права или законовъ финансоваго управленія, входятъ: сельское хозяйство съ различными его отраслями (пчеловодствомъ, садоводствомъ и т. п.), домоводство и хозяйственное управленіе имѣній и промышленныхъ заведеній, технологія, техническая химія и механика, наука о торговлѣ и бухгалтерія, лѣсоводство, горное искусство, естественныя прикладныя науки (геологія, физика и т. п.); также правила охоты, рыбной ловли и т. п.

Расширеніе это основывается на слитіи съ «Экономическимъ Указателемъ» другой, разрѣшенной къ изданію хозяйственно-статистической газеты «Экономистъ», долженствовавшей состоять подъ иною редакціею, передавшею намъ полученное ею право. Хотя редакція «Экономическаго Указателя» и не намѣрена вести эти изданія отдѣльно, а соединяетъ ихъ навсегда, какъ одно предпріятіе; но намѣревается восполнить объемомъ и предполагавшимся содержаниемъ Экономиста «Экономическій Указатель». Расширеніе содержанія безъ увеличенія объема изданія было бы дѣломъ неполнымъ и неудовлетворительнымъ; а потому съ начала слѣдующаго года она предполагаетъ издавать при «Указателѣ», взаимѣнъ «Экономиста».

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ УКАЗАТЕЛЮ

въ видѣ книжекъ (отъ 3 до 6 въ годѣ), которыя бы заключали въ себѣ всѣ статьи, по своему значительному объему, или спеціальному характеру, не могущія войдти безъ ущерба своему достоинству въ предѣлы изданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь. О выходѣ каждаго тома приложеній будетъ постоянно извѣщаемо ранѣе въ столбцахъ самаго «Указателя».

Присоединяя такимъ образомъ къ «Экономическому Указателю» «Экономистъ», редакція однако не имѣетъ въ виду ни измѣнять его характера, ни стѣснять его содержанія и объема. Она только надѣется чрезъ то доставить желающимъ изъ своихъ читателей болѣе серіозное чтеніе по предметамъ, которымъ посвящено изданіе, и дать возможность «Указателю» удобнѣе слѣдить за постоянно возникающими вопросами въ обществѣ. Съ другой стороны, редакція чрезъ это надѣется сохранить достоинство большихъ статей, не разрывая ихъ на части.

Каждое приложеніе (Экономистъ) будетъ состоять изъ неопредѣленнаго числа листовъ, но такъ, что всѣ приложенія, вмѣстѣ взятыя, въ теченіе года составятъ отъ пятидесяти до семидесяти пяти печатныхъ листовъ, а все изданіе «Экономическаго Указателя» съ приложеніями будетъ состоять по крайней мѣрѣ изъ двухсотъ печатныхъ листовъ.

Желая, чтобы неизбѣжное при этомъ увеличеніе издержекъ изданія не обременило собою его подписчиковъ, редакція будетъ про-

должать доставку «Экономическаго Указателя» желающимъ и безъ приложеній, оставляя за него прежнюю цѣну; за приложенія же (которыя можно будетъ получать только при годовой подпискѣ) назначается цѣна безъ пересылки и доставки 2 руб. 50 коп. серебромъ, а съ пересылкой 3 рубля серебромъ, такъ что годовая цѣна «Указателя» съ приложеніями будетъ для городскихъ подписчиковъ безъ доставки 8 руб. сер., а иногороднымъ и съ доставкой 10 руб. серебр. Отдѣльно отъ «Указателя» приложенія продаваться не будутъ.

Такимъ распоряженіемъ редакція надѣется удовлетворить всѣмъ справедливымъ требованіямъ публики, и постарается такъ же выполнить и, если можно, превзойти свои обѣщанія, какъ это она дѣлала до сихъ поръ. Редакція и въ прошломъ году не завлекала подписчиковъ заранѣе ни обѣщаніемъ премій, ни картъ, ни книгъ по пониженнымъ цѣнамъ, но доставила все это по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Если были нѣкоторыя неточности въ матеріальномъ исполненіи ея видовъ, то виною въ этомъ не столько редакція, сколько обстоятельства (1). Въ будущемъ году и съ этой стороны она надѣется достойнымъ образомъ выполнить свои обязательства: новый шрифтъ и новая бумага замѣнятъ тѣ, которые она употребляетъ теперь.

Редакція почитаетъ излишнимъ говорить о своемъ направленіи: оно довольно уже извѣстно образованному обществу, потому что она не имѣла причины ни искажать, ни скрывать его.

«Развитіе вещественныхъ и духовныхъ силъ великаго отечества нашего—Россія посредствомъ вѣрно направляемаго, самостоятельнаго труда и спеціальнаго, но, въ то же время, просвѣщеннаго образованіемъ знанія»—вотъ слова, которыя могутъ служить выраженіемъ его стремленій. Какъ до сихъ поръ, *Экономическій Указатель* будетъ защитникомъ частной (отдѣльной) собственности, народнаго (соединеннаго) труда, практической (прикладной) науки; какъ и теперь, въ своемъ изложеніи постарается быть далекъ и отъ униженія лести, и отъ увлеченія брани, въ которую вдаются водимые однимъ смутнымъ чувствомъ своей правоты. Цѣль *Указателя*

(1) Изданная ею карта желѣзныхъ дорогъ русскихъ, по образцу подобныхъ, явившихся въ другихъ изданіяхъ, оказалась неудовлетворительною въ типографскомъ отношеніи, и редакція готовитъ замѣнить ея новую; но такъ какъ до настоящаго времени направленіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ немногихъ крайнихъ пунктовъ, еще неопредѣлено въ точности самою компаніею, дѣлающею пока только предварительныя изысканія съ этою цѣлю, то редакція считаетъ полезнымъ, въ интересъ самихъ подписчиковъ своихъ, удержаться съ изданіемъ карты до рѣшенія компаніи, чтобы не вводить въ заблужденіе своихъ читателей, и дабы они могли воспользоваться правильными свѣдѣніями, получивъ карту не мнимаго, а дѣйствительнаго направленія путей. На эту карту будутъ имѣть право какъ подписчики будущаго года, такъ и годовые нынѣшняго, еслибъ они даже и не подписались на слѣдующій годъ.

для него ясна, но, также ясенъ и длинный путь для ея достиженія. Онъ не увлекается надеждами мгновеннаго улучшенія, и считаетъ возможнымъ и прочнымъ развитіе только постепенное, и даже въ своемъ изложеніи и въ своихъ собственныхъ улучшеніяхъ надѣется идти къ цѣли медленно, но вѣрно.

Сотрудники его остаются большею частью тѣ же, какіе были и въ настоящемъ году; къ нимъ, какъ могли замѣтить читатели, прикнули еще новыя дѣтели, вызванныя пробудившимся сознаниемъ общества. Опираясь на ихъ содѣйствіе, редакция надѣется развитіемъ правильныхъ научныхъ понятій въ Россіи содѣйствовать экономическому образованію ея и возможно большому въ настоящее время, по ея природѣ и силамъ, благосостоянію и довольству.

Для большаго облегченія желающихъ пользоваться *Экономическимъ Указателемъ*, редакция, кромѣ существующей уже подписки, открываетъ съ начала слѣдующаго года также подписку на четыре мѣсяца, со взносомъ двухъ рублей серебромъ, безъ пересылки и доставки, а съ пересылкою и доставкой по трѣмъ рублямъ серебромъ.

Кромѣ того, желая доставить выгоду годовымъ подписчикамъ на *Экономическій Указатель*, редакция предоставляетъ, въ видѣ преміи: «Очеркъ исторіи политической экономіи, сочиненіе Ивана Вернадскаго», бесплатно тѣмъ въ гг. годовыхъ подписчиковъ, которые подпишутся на *Экономическій Указатель* за 1858 годъ съ приложениями до 1-го января 1858 года, и по примѣру настоящаго года, редакция *Экономическаго Указателя* предоставляетъ иногороднымъ подписчикамъ будущаго года, имѣющимъ въ скорости выйдти въ свѣтъ, — третій томъ перевода сочиненія покойнаго Тенгоборскаго: *О производительныхъ силахъ Россіи*, заключающій въ себѣ изложеніе состоянія нашей мануфактурной промышленности, съ измѣненіями и дополненіями отъ редактора, по цѣнѣ двухъ рублей серебромъ (вмѣсто трехъ, въ продажѣ отдѣльно).

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ изданія, на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ Давыдова, въ домѣ Завѣтнаго; а отъ иногородныхъ въ редакціи, въ Моховой, въ домѣ Быченской.

Въ Москвѣ у Ивана Васильевича Бавунова, на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго.

Подписная цѣна на 1858 годъ: съ приложениями безъ доставки 8 р., съ доставкою 10 р.; безъ приложений за годъ безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою 7 р. За полгода безъ доставки 3 р., съ доставкою 4 р. За треть года безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 руб. сер.

Редакторъ д-ръ И. Вернадскій.

